W 529/181

8Р
Б 74

ИСТОРІЯ

В. БОГОЛЮБОВЪ

Н. И. НОВИКОВЪ
И ЕГО ВРЕМЯ

МОСКВА. 1916 г.

Изданіе
М. и С. САБАШНИКОВЫХЪ.

Изданія М. и С. САБАШНИКОВЫХЪ.
Москва, Тверской бульваръ, 6.

ЭКОНОМИЧЕСКІЯ НАУКИ.

Велецкій, С. Земская статистика. Съ пред. проф. А. И. Чупрова. 3 тома. 7 р.

Дроздовъ, В. Около земли. Очерки по землеустройству. 40 к.

Кооперація на Всероссійской выставкѣ 1913 г. въ Кіевѣ. 4 р.

Прокоповичъ, С. Аграрный кризисъ и мѣропріятія правительства. 2 р.

Прокоповичъ, С. Кооперативное движеніе въ Россіи. 2 р. 60 к.

Струве, П. Крѣпостное хозяйство. 2 р.

Тотоміанцъ, В. Кооперація въ русской деревнѣ. 2 р. 60 к.

Чупровъ, А. А. Очерки по теоріи статистики. 2 р. 50 к.

Чупровъ, А. И. Крестьянскій вопросъ. 1 р. 20 к.

Чупровъ, А. И. Изъ прошлаго русскихъ желѣзныхъ дорогъ. 2 р.

Чупровъ, А. И. Курсъ политической экономіи. 1 р. 20 к.

Чупровъ, А. И. Исторія политической экономіи. 80 к.

Шмоллеръ, Г. Наука о народномъ хозяйствѣ. 50 к.

ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНІЯ и ПЕДАГОГИКИ.

Бине, А., и Симонъ, Т. Ненормальныя дѣти. 1 р.

Бреаль, М. Древніе языки въ среднемъ образованіи. 75 к.

Гильдебрандъ, Р. О преподаваніи роднаго языка въ школѣ и о національномъ воспитаніи и образованіи. 1 р.

Гиршъ, М. Народные университеты. 20 к.

Демени, Ж., Филиппъ, І., Расинъ, П. Курсъ теоріи и практики физическаго воспитанія. 1 р. 75 к.

Компере, Г. Умственное и нравственное развитіе ребенка. 2 р.

Паульсенъ, Ф. Образованіе. 15 к.

Ришаръ, Г. Экспериментальная педагогика. 1 р. 40 к.

Сперанскій, Н. Очеркъ исторіи средней школы въ Германіи. 1 р.

Сперанскій, Н. Борьба за школу. 1 р. 20 к.

Форель, А. Гигіена нервовъ и духа. 1 р. 50 к.

85
Б74 W 529/181
12 8 14
801-04
2207

В. БОГОЛЮБОВЪ

Н. И. НОВИКОВЪ
И ЕГО ВРЕМЯ

МОСКВА
Издательство М. и С. САБАШНИКОВЫХЪ
1916

Инв. 685
Кр 55
83926-46.
2007041907
Инв. 5905

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., с. д.
Москва—1916.

I.

Общественное настроеніе при вступленіи Екатерины II на престолъ.

Время Н. И. Новикова является той эпохой, откуда ведутъ свое начало и русская интеллигенція и тѣ идеалы свободнаго гражданскаго самоопредѣленія и общественной справедливости, которые, развиваясь и пополняясь, до сихъ поръ стоятъ передъ проснувшейся общественной совѣстью.

Это время падаетъ на царствованіе Екатерины II. Въ немъ были особыя благопріятныя условія для усиленной работы критической мысли. Прежде всего окончательно сложилась та питающая среда, въ которой развивалась эта мысль: образовалась привилегированная группа благороднаго россійскаго шляхетства. Ко времени Екатерины оно окончательно освободилось отъ обязательной и тяжкой службы государству, которая была на него положена Петромъ Великимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ удержало за собой исключительное право на крѣпостной крестьянскій трудъ. Свобода и матеріальная обезпеченность оставляли дворянству немало досуга для того, чтобы осмыслить свое положеніе и построить то цѣльное міросозерцаніе, которое бы оправдывало его привилегированность. И не только былъ досугъ для этого дѣла, была еще и нужда въ немъ: приходилось считаться съ инстинктивнымъ правосознаніемъ крестьянской массы, которая, вслѣдъ за изданіемъ жалованной грамоты дворянству 1762 г., начала усиленно волноваться и тѣмъ показывала, что считаетъ свою крѣпостную неволю послѣ освобожденія дворянства незаконной. То равновѣсіе въ обществѣ, которое опредѣлялось до сихъ поръ одинаковымъ прикрѣпленіемъ всѣхъ сословій къ государственной службѣ, было теперь нарушено, общественное неравенство слишкомъ бросалось въ глаза, и въ

однихъ вызывало стремленіе его обосновать, въ другихъ—его обличить и намѣтить новыя основанія общественнаго порядка. Рядомъ съ дворянской интеллигенціей въ томъ же направленіи начинаетъ работать и, немногочисленная пока, группа „средняго рода людей“—городского купечества и мѣщанства, которая чутко прислушивалась къ начавшейся критикѣ существующаго общественнаго порядка.

Съ другой стороны, царствованіе Екатерины II связано съ сильнымъ патріотическимъ и національнымъ возбужденіемъ русскаго общества, особенно вначалѣ. Петръ III за короткое время своего царствованія успѣлъ глубоко и больно задѣть русское общество. Пренебреженіемъ къ дворянской гвардіи, конфискаціей монастырскихъ вотчинъ и заборомъ на военную службу сыновей священниковъ и дьяконовъ онъ затронулъ жизненные интересы двухъ самыхъ вліятельныхъ группъ русскаго общества—дворянства и духовенства. Отстаивая свои „животы“, духовенство, по свидѣтельству иностранныхъ пословъ, дѣятельно агитировало противъ государя въ народѣ. Открытое презрѣніе государя ко всему русскому, его преклоненіе передъ нѣмцами, его легкомысленное отношеніе къ обрядамъ православной религіи давали немало матеріала для такой агитаціи. Страхъ передъ новой бироновщиной будилъ національное сознаніе, въ столицахъ открыто роптали даже на улицахъ. При такихъ условіяхъ Екатеринѣ съ помощью гвардіи было нетрудно захватить въ свои руки власть, но этотъ захватъ нужно было сильно оправдать.

На первыхъ порахъ, конечно, легче всего было эксплоатировать негодованіе оскорбленнаго національнаго чувства, и Екатерина въ своихъ манифестахъ постаралась нарисовать картину злоупотребленій бывшаго императора: „онъ возмечталъ о своей власти монаршей, якобы оная не отъ Бога уставлена была и не къ пользѣ и благополучію подданныхъ своихъ, но случайно къ нему въ руки впала для собственнаго его угожденія“; онъ „коснулся древлее православіе въ народѣ искоренять“; онъ „началъ помышлять о разореніи и самыхъ церквей“; онъ „законы въ государствѣ всѣ пренебрегъ, судебныя мѣста и дѣла презрѣлъ, доходы государственные расточать началъ не полезными, но вредными государству издержками“ и т. д. и т. д.

Не нужно было даже сгущать особенно краски, чтобы картина вышла эффектной, а къ ней само собой напрашивалось и

то объясненіе, какое мы встрѣчаемъ въ манифестѣ: „самовластіе, необузданное добрыми и человѣколюбивыми качествами, въ государѣ, владѣющемъ самодержавно, есть такое зло, которое многимъ пагубнымъ слѣдствіямъ непосредственною бываетъ причиною". Послѣ этихъ словъ нужно было обязательно дать гарантіи, что это зло въ новомъ царствованіи не повторится, и манифестъ дѣйствительно ихъ обѣщаетъ: „наторжественнѣйше обѣщаемъ Нашимъ Императорскимъ словомъ узаконить такія государственныя установленія, по которымъ бы правительство любезнаго нашего отечества въ своей силѣ и принадлежащихъ границахъ теченіе свое имѣло такъ, чтобы въ потомки каждое государственное мѣсто имѣло свои предѣлы и законы къ соблюденію добраго во всемъ порядка"[1]).

Послѣ правительству придется пожалѣть объ этихъ неосторожныхъ словахъ и обѣщаніяхъ, придется стѣснить распространеніе манифеста, даже въ XIX в. его не включили въ Полн. Собр. Законовъ, но пока, несомнѣнно, эта проповѣдь закономѣрнаго государства, падая на подготовленную національнымъ порывомъ почву, должна была будить гражданское чувство.

Еще сильнѣе такихъ отвлеченныхъ манифестовъ должны были дѣйствовать въ томъ же направленіи указы Екатерины, въ которыхъ она обличала неправосудіе и тяжелые поборы чиновниковъ съ бѣднаго люда. Составленные въ простыхъ, но сильныхъ выраженіяхъ, они подходили къ уровню обывательской массы, а за ними слѣдовали распоряженія, которыя и фактически освобождали обывателя отъ цѣлаго ряда стѣсненій и злоупотребленій: въ первые же годы вышли распоряженія противъ взяточничества, монополій, распоряженія о свободѣ торговли, объ удешевленіи соли, объ ограниченіи пытки, конфискацій, о запрещеніи военныхъ экзекуцій при производствѣ подушной переписи, объ уничтоженіи стѣсненій на городскихъ заставахъ. Всѣ эти распоряженія касались мелочей, но именно потому они были понятны даже нехитрому обывательскому сознанію. Въ глубинѣ его искони жила свѣтлая греза о народномъ счастіи съ народнымъ царемъ, и теперь этихъ мелочей было достаточно, чтобы народъ встрѣчалъ Екатерину во время

---

[1]) Бартеневъ, XVIII вѣкъ, кн. 4.

ея путешествія по Волгѣ въ 1766 г., какъ посланницу свыше, и подавалъ свѣчи, чтобы поставить передъ ней.

Гораздо труднѣе было Екатеринѣ поладить съ тѣмъ кругомъ придворныхъ и военныхъ, который принималъ либо непосредственное участіе въ переворотѣ 1762 г., либо такъ или иначе съ нимъ соприкасался. Среди участниковъ переворота немедленно завязалась сложная сѣть интригъ на почвѣ конкуренціи изъ-за власти; каждый изъ нихъ стремился подчеркнуть, что императрица обязана своимъ успѣхомъ его дѣятельности, каждый хотѣлъ быть награжденнымъ особымъ образомъ, каждый стремился урвать свою долю въ общемъ дѣлежѣ общественныхъ благъ. Съ другой стороны, необычайная легкость переворота и щедрыя награды участникамъ [1]) подмывали и тѣхъ, кто такъ или иначе считалъ себя обдѣленнымъ, затѣять новое дворцовое „дѣйство“. Съ первыхъ лѣтъ и черезъ все царствованіе Екатерины идетъ цѣлый рядъ такихъ „умышленій“, какъ ихъ называетъ современникъ. Кромѣ заговоровъ, при всѣхъ вообще случаяхъ, когда дворянство было чѣмъ-нибудь недовольно, сейчасъ же начинались толки, что пора бы на престолъ посадить законнаго государя—Павла. Онъ былъ вѣчнымъ напоминаніемъ для Екатерины о незаконномъ происхожденіи ея власти и вѣчной угрозой, что эта власть ускользнетъ изъ ея рукъ.

Она сама писала Понятовскому, что ей необходимо противъ воли „продѣлать еще много странныхъ вещей, и все это естественнѣйшимъ въ мірѣ образомъ. Если я соглашусь на это—меня будутъ боготворить, если нѣтъ—право я не знаю, что тогда произойдетъ“. Иностранные послы въ одинъ голосъ доносили, какую сложную, напряженную и въ то же время скрытую борьбу съ окружающими приходилось выдерживать Екатеринѣ. „Въ большихъ собраніяхъ при дворѣ,—писалъ французскій посланникъ,—любопытно наблюдать тяжелую заботу, съ какой императрица старается понравиться всѣмъ, свободу и надоѣдливость, съ какими всѣ толкуютъ ей о своихъ дѣлахъ и своихъ мнѣніяхъ“. „Боязнь потерять то, что имѣла смѣлость взять, ясно и постоянно видна въ поведеніи императрицы, и потому всякій сколько-нибудь значительный человѣкъ чувствуетъ свою силу передъ ней“. Однажды, измученная этой травлей, она

---

[1]) Въ награду было роздано 18.000 крестьянъ и болѣе 180.000 руб. деньгами, не считая цѣлаго ряда пожизненныхъ пенсій.

сказала послу: „Вы должны находить большое сходство между зайцемъ и мной—меня поднимаютъ и гонятъ изо всѣхъ силъ".

Выбрать изъ этой массы назойливо окружающихъ лицъ вліятельную группу, на которую бы можно было опереться въ дѣлахъ, было дѣломъ необычайно труднымъ. Новыя лица были сильны своимъ вліяніемъ въ гвардіи, но за ними не было административной опытности и знанія дѣлъ государства; опытные администраторы, вышедшіе изъ елизаветинскаго времени, были опасны своими стремленіями къ дворянско-олигархическому управленію, а между тѣмъ нужно было править такъ, чтобы не гасить народнаго порыва, но въ то же время сдѣлать его безопаснымъ для неограниченной власти. Политическіе будни были наиболѣе опасны для Екатерины, нужно было увлечь умы необъятными планами, захватить сердца яркими красочными переживаніями, нужно было создать иллюзію великихъ дѣлъ, великаго царствованія, чтобы и въ сѣрые будни все грезились пышные праздники, минувшіе или будущіе. В. О. Ключевскій справедливо подмѣтилъ такое праздничное настроеніе въ запискахъ современниковъ [1]).

„Въ запискахъ современниковъ Екатерины, ее пережившихъ, останавливаетъ на себѣ вниманіе одна черта. Они знаютъ и трезво описываютъ темныя стороны тогдашней правительственной дѣятельности и общественной жизни: небрежность и злоупотребленіе администраціи, неподготовленность и недобросовѣстность судей, праздность и грубость дворянства, его нелады съ крестьянами, пустоту общежитія, общее невѣжество. Но когда они отрывались отъ этихъ вседневныхъ печально-привычныхъ явленій своего быта и пытались, обыкновенно по поводу смерти Екатерины, бросить общій взглядъ на ея вѣкъ, отдать себѣ отчетъ въ его значеніи, ихъ мысль, какъ бы невольно, съ незамѣчаемой ею непослѣдовательностью, переносилась въ другой высшій порядокъ представленій, и тогда они начинали говорить о всесвѣтной славѣ Екатерины, о міровой роли Россіи, о національномъ достоинствѣ и народной гордости, объ общемъ подъемѣ русскаго духа, и при этомъ рѣчь ихъ приподнималась и впадала въ топъ торжественныхъ одъ екатерининскаго времени" [2]).

---

[1]) Ключевскій, Импер. Екатерина II. „Р. М.", 1896 г., XII.
[2]) Ключевскій, с. 136, 37.

II.

Просвѣтительная философія XVIII в. и императрица Екатерина II.

Вѣкъ Екатерины II—вѣкъ французской просвѣтительной философіи. Потокъ ея идей, начинаясь въ Парижѣ, разливался по всему міру. Въ основѣ этой философіи поставлено несложное убѣжденіе, что все должно быть устроено и все должно быть объяснено на основаніи разума. Она возникла, какъ орудіе борьбы со старымъ феодально-католическимъ міромъ Европы. Тысячу лѣтъ уже въ немъ существовало государство, церковь, законы, мораль, наука, и все это держалось на авторитетѣ, на преданіи, на той безсознательной вѣрѣ въ ихъ необходимость, которая изъ поколѣнія въ поколѣніе внѣдрялась человѣчеству. Теперь всему этому тысячелѣтнему міру вдругъ предъявлено было требованіе доказать разумность своего существованія, и все, что нельзя было объяснить разумомъ, объявлялось предразсудкомъ, подвергалось безпощадному осмѣянію. Критика разума ничего не хотѣла оставить въ покоѣ, все исторически-сложившееся, какъ искусственное, должно было быть замѣнено разумнымъ, естественнымъ.

Вмѣсто богооткровенной религіи—религія естественная, вмѣсто историческаго государства—естественное, договорное, вмѣсто положительнаго права—естественныя права человѣка и гражданина и т. д.

Въ самомъ понятіи этого „естественнаго“ каждому была предоставлена полная свобода думать, какъ онъ пожелаетъ, такъ какъ всякій опытъ и изслѣдованіе дѣйствительности считались ненужными: вѣдь дѣйствительность сложилась исторически, а все историческое было заранѣе объявлено неестественнымъ. Приступая къ какому-нибудь изслѣдованію, прежде всего слѣ-

довало отрѣшиться отъ фактовъ дѣйствительности: они не нужны, они затемняютъ лишь мысль. Руссо нужно было написать „Разсужденіе о происхожденіи неравенства“. Вмѣсто „скучныхъ“ историческихъ изслѣдованій, онъ отправляется на „лоно природы“: „Я проводилъ время въ лѣсу,—говоритъ онъ— и тамъ я искалъ, я находилъ образъ первыхъ временъ и гордо чертилъ ихъ исторію; я устранялъ мелкую людскую ложь; я дерзалъ обнажать природу человѣчества, слѣдовать за теченіемъ временъ и дѣяній, которыя ее изуродовали, и, сравнивая человѣка, изобрѣтеннаго людьми, съ естественнымъ человѣкомъ, раскрывалъ въ его мнимомъ совершенствованіи истинный источникъ его бѣдствій“.

Правда, Руссо самъ оговаривается, что „естественнаго“ человѣка и „естественнаго“ состоянія общества, можетъ быть, не существовало, но онъ выполнилъ свою задачу, „Разсужденіе“ написалъ и преподнесъ человѣчеству съ такими словами въ предисловіи: „Вотъ твоя исторія такъ, какъ я прочиталъ ее не въ книгахъ твоихъ ближнихъ, которыя лживы, а въ природѣ, которая никогда не лжетъ“.

Отсюда была полная возможность признать „естественнымъ“ все, что изобрѣтетъ отдѣльная отвлеченная мысль, и тотъ же, напримѣръ, Руссо нашелъ, что естественное состояніе—невѣжество: „Природа,—писалъ онъ,—предназначила насъ къ здоровью и невѣжеству, и я осмѣливаюсь утверждать, что размышленіе есть состояніе, противное природѣ, и что размышляющій человѣкъ есть развращенное животное“. Этотъ догматизмъ философской мысли XVIII в. и ея оторванность отъ дѣйствительности были, конечно, проклятьемъ стараго порядка, когда подъ гнетомъ католической церкви и феодальнаго государства общество было лишено свободы самоопредѣленія и возможности провѣрить извѣстную мысль ея практическимъ приложеніемъ. Мысль гнали вѣками подъ спудъ, и теперь, когда она вышла наружу и начала бить по устоямъ стараго порядка, что́ она могла противопоставить его тысячелѣтней давности, какъ не эту страстную вѣру въ торжествующую силу человѣческаго разума? Абсолютизму преданія она противопоставила такой же абсолютизмъ свободнаго разума, фанатизму вѣры въ богооткровенное—такой же фанатизмъ вѣры въ разумное.

Съ этой горячей вѣрой все перестроить съ помощью разума она смѣло шла отъ отрицанія къ отрицанію, отъ одного отвлеченнаго построенія къ другому.

Вольтеръ еще защищаетъ просвѣщенный абсолютизмъ, Монтескье — конституціонно-дворянскую монархію, а Руссо уже республиканецъ. Вольтеръ противъ богооткровенной религіи, но онъ деистъ и признаетъ необходимымъ понятіе божества— Гольбахъ („Система природы“) уже заявитъ, что въ мірѣ ничего нѣтъ духовнаго, есть лишь вещество да сила. Вольтеръ смѣется надъ традиціонной моралью, но онъ думаетъ, что должна быть обязательная для всѣхъ естественная мораль—Гельвецій заявитъ, что вся мораль—вздоръ, что въ мірѣ нѣтъ другой силы, кромѣ стремленія къ физическому удовольствію, и изъ нихъ „половая любовь къ женщинамъ представляетъ у цивилизованныхъ націй исключительную пружину стремленій“. Вольтеръ еще думаетъ, что въ мірѣ должны быть богачи и бѣдняки, а Морелле и Мабли проповѣдуютъ уже коммунистическое общество. Этотъ постепенный радикализмъ мысли становится особенно замѣтенъ съ 70-хъ гг. XVIII в., и по мѣрѣ приближенія къ революціи отрицаніе становится все глубже, идеалы—выше и шире. Какой-то экстазъ охватываетъ людей мыслящихъ, новый міръ, новая жизнь имъ видится впереди. „Нѣкое демоническое вѣяніе охватило за послѣдніе 15 лѣтъ три четверти Европы. Скоро будутъ у насъ новыя небеса и новая земля“, писалъ Вольтеръ въ 60-хъ гг.

Но тотъ же Вольтеръ думаетъ, что для успѣха идей пока нуженъ союзъ съ монархами, что безъ ихъ помощи идеи могутъ пострадать. „Господа философы,—писалъ онъ,—совсѣмъ не отличаются ловкостью и тактомъ: они нападаютъ сразу на Бога и на чорта, на поповъ и на сильныхъ міра сего. Кто же будетъ за нихъ?“ Для Вольтера идея—еще слишкомъ идея, оттого онъ такъ часто поступается ей въ своей личной жизни, оттого онъ все время твердитъ, что мученичества за нее не нужно. И не одинъ Вольтеръ таковъ, многіе философы впослѣдствіи признавались, что для нихъ идеи были лишь игрой ума. Аббатъ Морелле въ своихъ „Мемуарахъ“, пишетъ: „Въ самыхъ смѣлыхъ своихъ выходкахъ никогда не искалъ я ничего другого, кромѣ мирнаго упражненія ума“. Точно такъ же Рэйналь, авторъ знаменитаго „Путешествія“, писалъ, что для него идеи „имѣли только привлекательность утѣшающаго желанія. Тогда не было у меня никакого побужденія ни прилагать ихъ, ни предугадывать ихъ слѣдствія“. Пусть для всѣхъ нихъ идеи или холодный блескъ ума, или сладкая греза,

пусть такъ, но придетъ время, и эти идеи создадутъ борцовъ и мучениковъ.

Въ 1793 г., въ эпоху Конвента, который на практикѣ проводилъ идеи Руссо о всепоглощающей личность республикѣ, когда гильотина казалась уже слишкомъ медленнымъ орудіемъ для истребленія инако мыслящихъ, когда республиканскій комиссаръ Каррье во имя республики разстрѣливалъ картечью и топилъ въ рѣкѣ тысячи людей, когда адскія колонны громили Вандею, а Конвентъ декретировалъ разрушить до основанія городъ Ліонъ и надписать на мѣстѣ его: „Ліонъ возмутился, и Ліона не стало“,—въ эту жуткую эпоху насилія во имя идеи, которая сама боролась противъ насилія, Кондорсе, самъ приговоренный къ смертной казни Конвентомъ, укрывался отъ палачей, въ одинъ пріемъ написалъ свою знаменитую „Историческую картину успѣховъ человѣческаго духа“ и въ ней завѣщалъ потомству свѣтлую и гордую вѣру во всеобщее равенство и братство всего человѣчества и вѣру въ безконечное умственное и нравственное его усовершенствованіе и съ этой вѣрой добровольно умеръ, чтобы не итти подъ гильотину. Такъ не умирали христіанскіе мученики, ибо вѣчной жизни и царства небеснаго искали они въ смерти за вѣру,—такъ умирали „философы“, такъ умирали борцы за идею.

Вѣра Кондорсе, его идеалы были всеобщими для эпохи XVIII в. Идеями свободы, равенства, братства питался весь классъ буржуазіи, ихъ выдвинулъ противъ насилія и сословныхъ привилегій. Сами философы въ большинствѣ случаевъ были представителями третьяго сословія, и вся просвѣтительная философія XVIII в. въ основѣ своей была несомнѣнно классовой, но пока это не сознавалось, не чувствовалось. И сами философы зачастую не думали о практическомъ значеніи своихъ идей, да всѣмъ вообще даже самыя радикальныя изъ нихъ не казались страшными.

Аббатъ Морелле, теоретикъ коммунизма, писалъ: „Все казалось тогда такимъ невиннымъ въ этой философіи, которая оставалась замкнутою въ сферѣ чистыхъ умозрѣній“. И потому эта философія перешагнула границы создавшаго ее класса, захватила и королевскій дворъ и родовитую знать. „Мы,—говоритъ де Сегюръ,—мы, аристократическая молодежь Франціи, безъ сожалѣнія о прошедшемъ, безъ опасенія за будущее весело шли по цвѣтущему лугу, подъ которымъ скрывалась пропасть. Мы вкушали выгоды патриціата и прелести плебейской

философіи. Были битвы лишь на словахъ и на бумагѣ, и намъ не казалось, чтобы онѣ могли поколебать то высокое положеніе, которое мы занимали и которое намъ казалось несокрушимымъ, такъ какъ мы обладали имъ столько столѣтій. Мы смѣялись надъ тревогой стараго двора и духовенства. Мы аплодировали республиканскимъ сценамъ въ нашихъ театрахъ, философскимъ рѣчамъ нашихъ академій, смѣлымъ сочиненіямъ нашихъ литераторовъ“ [1]).

Въ XVIII в. епископы и аббаты сами подсмѣивались и надъ папой и надъ Библіей, говорили проповѣди, въ которыхъ развивали все тѣ же идеи просвѣтительной философіи; начальникъ королевскаго управленія по дѣламъ печати, Мальзербъ, посылалъ Дидро предупрежденіе, что произведетъ у него обыскъ по приказу короля, и пряталъ у себя матеріалы для „Энциклопедіи“; королевскій дворъ смѣялся самъ надъ собой, присутствуя на „Свадьбѣ Фигаро“. И не только границы класса перешагнула эта философія XVIII в. Не считаясь съ фактами, создавая лишь чистыя построенія мысли, она перешагнула границы государствъ, націй и культуръ, она хотѣла знать лишь человѣчество и человѣка вообще, она была универсальной и тѣмъ самымъ обладала удивительной способностью къ необъятно широкому распространенію.

Несложность ея метода, красота отвлеченныхъ и цѣльныхъ построеній, богатство идей и гибкость ихъ дѣлали ее доступной всѣмъ и каждому. Изъ ея источника каждый, въ зависимости отъ положенія и темперамента, могъ зачерпнуть въ мѣру жажды своей, на ея мотивы можно было сочинить пикантный каламбуръ для развлеченія моднаго салона, но также и могучую пѣсню, что звучала призывомъ на баррикадахъ.

Буржуазія будетъ декретировать въ 1791 г. свободу, равенство и братство, а потомъ въ 1848 г. потоками крови будетъ заливать тотъ пожаръ, который зажгли эти идеи.

Тысячелѣтія пройдутъ, и все будутъ стоять передъ человѣчествомъ все тѣ же идеалы свободы, равенства, братства.

Къ кому же обратится Екатерина, и что она зачерпнетъ изъ этого моря идей просвѣтительной философіи?

---

[1]) Цитир. Карѣевъ, З. Европа, III, 148.

Когда однажды въ XVIII в. два кавалериста заспорили относительно правильности оборота своей рѣчи, и когда у какого-то бургомистра Мидльбурга вдругъ явились вопросы, есть ли Богъ и безсмертіе души, они обратились за разрѣшеніемъ своихъ сомнѣній къ Вольтеру. Когда однажды на почтѣ было найдено письмо съ такимъ адресомъ: „Царю поэтовъ, философу народовъ, Меркурію Европы, оратору отечества, историку королей, панегиристу героевъ, верховному судьѣ въ дѣлахъ вкуса, покровителю искусствъ, благодѣтелю талантовъ, цѣнителю генія, бичу всѣхъ преслѣдователей, врагу фанатиковъ, защитнику угнетенныхъ, отцу сиротъ, примѣру для подражанія богатымъ людямъ, опорѣ для людей нуждающихся, безсмертному образцу всѣхъ высшихъ добродѣтелей“,—почтовые чиновники не задумываясь отправили его къ Вольтеру. По своему удивительному популяризаторскому таланту, по необычайной широтѣ и разнообразію своей литературной дѣятельности, по язвительности и мѣткости своей насмѣшки Вольтеръ стоялъ во главѣ всей философской мысли XVIII в., и часто вся она называется нарицательнымъ терминомъ „вольтерьянства“.

Къ кому же было обратиться и Екатеринѣ, какъ не къ этому королю философовъ, съ которымъ находились въ перепискѣ короли прусскій, шведскій, датскій, и передъ которымъ благоговѣлъ императоръ австрійскій.

Между королемъ философовъ и королями народовъ было внутреннее органическое сродство въ ихъ взглядѣ на массы: фельдфебельскій окрикъ Фридриха „не разсуждать“ и философское убѣжденіе Вольтера, что „народъ всегда безвкусенъ и грубъ, что „это быки, которымъ нужны ярмо, погонщикъ и кормъ“— такъ хорошо гармонировали между собою.

Вольтеръ и принципіально былъ сторонникомъ просвѣщеннаго абсолютизма и практически держался за союзъ съ властителями міра. Въ нихъ онъ думалъ найти опору въ своемъ походѣ противъ католической церкви и суевѣрій и дѣйствительно находилъ, потому что еще задолго до него, съ эпохи реформаціи, проявилось стремленіе сдѣлать церковь орудіемъ государственной власти, вмѣсто папизма поставить цезарепапизмъ.

Въ частности, и по возрасту Екатерина ближе стояла къ идеямъ Вольтера, чѣмъ къ другимъ: по ея словамъ, она начала читать философовъ въ 40 гг., а въ это время еще не оформилась дѣятельность ни Руссо, ни матеріалистовъ. Вольтеръ ее пріі-

училъ мыслить, какъ она сама писала, отъ него она научилась оперировать методомъ чисто-логическихъ построеній, „разумныхъ“ объясненій, изъ него же она почерпнула свое неопредѣленно-мечтательное преклоненіе передъ свободой, съ одной стороны, и совсѣмъ опредѣленное—передъ могуществомъ абсолютной власти, съ другой.

„Свобода—душа всего на свѣтѣ, безъ тебя все мертво“, писала Екатерина въ своемъ дневникѣ еще въ бытность великой княгиней. Но тутъ же рядомъ разсужденіе: „Что можетъ противиться безграничной власти абсолютнаго монарха“. Черезъ два года по восшествіи на престолъ Екатерина доводами отъ разума докажетъ, что въ Россіи можетъ быть только неограниченная власть. „Россійская имперія,—писала она въ 1764 г. при назначеніи князя Вяземскаго въ генералъ-прокуроры,—есть столь обширна, что кромѣ самодержавнаго государя всякая другая форма правленія вредна ей; ибо всѣ прочіе медлительнѣе въ исполненіяхъ и многое множество страстей разныхъ въ себѣ имѣютъ, которыя всѣ къ раздробленію власти и силы влекутъ, нежели одного государя, имѣющаго всѣ способы къ пресѣченію всякаго вреда и почитающаго общее добро своимъ собственнымъ; а другіе всѣ, по слову евангельскому, наемники суть“ [1]).

Ту же мысль она повторитъ и въ своемъ Наказѣ и много разъ будетъ развивать ее въ своихъ письмахъ.

Уже изъ этого видно, какъ философское вліяніе вступало въ союзъ съ вліяніемъ престижа самодержавной власти, какой Екатерина чувствовала при дворѣ Елизаветы. Но этотъ союзъ идей и обстановки шелъ и дальше: съ точки зрѣнія „естественнаго“ права Екатерину должно было возмущать положеніе крестьянъ въ Россіи. „Противно,—писала она тогда же,—христіанской религіи и справедливости дѣлать людей, которые всѣ родятся свободными, рабами“; но желаніе властвовать въ окружающей обстановкѣ заставляетъ ее оговариваться: „устроить... крутой переворотъ (т.-е. освобожденіе крестьянъ) было бы плохимъ способомъ заслужить любовь землевладѣльцевъ, которые полны упорства и предразсудковъ“.

Мало этого, оказывается, и самъ „философъ“ сочувствуетъ этимъ „предразсудкамъ“: „Хотя я и освободилась отъ предразсуд-

---

[1]) Сб. И. О., VII, 345.

ковъ,—прибавляетъ она,—и обладаю складомъ ума отъ природы философскимъ, но чувствую, однако, сильную склонность уважать древнія фамиліи". Признаніе, не характерное по своему существу: подъ нимъ могла бы подписаться и вся буржуазія, которая подъ знаменемъ философскихъ идей свергла сословные предразсудки, чтобы поставить вмѣсто нихъ твердыню предразсудковъ капитала, но оно характерно для Екатерины: это удивительное умѣніе приспособить идеи къ окружающимъ „предразсудкамъ" усвоено ей уже въ молодую, горячую пору, когда еще нѣтъ власти въ рукахъ, а есть только сладкія мечты о ней. Духъ времени положилъ на мечты о самовластіи лишь налетъ философскихъ основаній: „Стремлюсь къ общей цѣли,— пишетъ Екатерина въ мемуарахъ,—сдѣлать всѣхъ счастливыми"... „Власть безъ довѣренности народа ничего не значитъ для того, кто желаетъ быть любимымъ и славнымъ; этого легко достигнуть, стоитъ только основать свои дѣйствія на благѣ народа и на справедливости—на двухъ началахъ, всегда неразлучныхъ".

Итакъ, уже есть и вкусъ и воля къ абсолютной власти, есть размышленія о благѣ народа, необходимыя для ея оправданія, и неопредѣленныя обращенія къ свободѣ, естественному равенству. Не намѣчены еще „принципы", по которымъ будетъ строиться народное благо, но уже много увѣренности въ легкости ихъ опредѣленія съ помощью разума. Если еще прибавить, что сквозь строкъ юной княгини все время проскальзываетъ вѣра въ свой „философскій" разумъ, то, можно сказать, въ мемуарахъ уже создалъ лейтъ-мотивъ всей симфоніи, какая будетъ разыгрываться черезъ все царствованіе Екатерины.

Прежде, однако, чѣмъ пустить въ оборотъ идеи западныхъ философовъ, Екатерина поспѣшила использовать ихъ личное вліяніе на общественное мнѣніе. Какъ разъ незадолго до ея восшествія на престолъ, въ 1757 г., во Франціи было запрещено печатаніе знаменитой „Энциклопедіи", выходъ въ свѣтъ которой въ общественномъ мнѣніи Западной Европы былъ цѣлымъ событіемъ, которое надолго захватило вниманіе общества. Всего черезъ девять дней по восшествіи на престолъ Екатерина предлагаетъ Дидро переѣхать въ Россію и здѣсь продолжать печатаніе „Энциклопедіи". Вслѣдъ затѣмъ она приглашаетъ Даламбера воспитателемъ Павла, она зоветъ его въ Петербургъ со всѣми друзьями, обѣщаетъ ему здѣсь всѣ удобства и свобо-

ду, какой нѣтъ во Франціи, и настойчиво твердитъ: „Вы рождены или призваны содѣйствовать счастью и даже просвѣщенію цѣлаго народа“. Даламберъ отказался отъ высокой чести, но предложеніе, сдѣланное ему, было занесено въ протоколъ Парижской академіи, членомъ которой былъ Даламберъ, и газеты разславили оба „подвига“ Екатерины. Затѣмъ она заводитъ переписку съ Вольтеромъ, внушаетъ ему, что Россія находится наканунѣ перерожденія подъ ея руководствомъ, наконецъ покупаетъ библіотеку Дидро и дѣлаетъ его пожизненнымъ въ ней библіотекаремъ на ея жалованьи. Въ то же время укрѣпляются связи съ парижскими философскими салонами, и, такимъ образомъ, общественное мнѣніе всей Европы быстро завоевывается императрицей.

Ея обращеніе къ Вольтеру какъ разъ льстило его самолюбію, и онъ не щадилъ силъ, чтобы прославить „свою императрицу“. Сначала имъ пускаются въ ходъ сравненія Екатерины со всѣми историческими знаменитостями, отъ Солона и Ликурга до Петра I и Людовика XIV, при чемъ, естественно, Екатерина оказывается выше ихъ всѣхъ; потомъ тонъ все поднимается, Екатерина превращается въ ангела, становится выше всѣхъ святыхъ, уподобляется Богородицѣ, именуется „Пресвятой Владычицей Снѣговой“, въ честь которой смиренный философъ Вольтеръ, „старая тварь“, какъ онъ себя называетъ, слагаетъ гимнъ, „Te Catharinam laudamus, Te, dominam, confitemur“.

Для лицъ посвященныхъ, конечно, слишкомъ понятно было таинство такихъ восхваленій. „Все это покровительство искусствамъ и наукамъ есть не что иное, какъ роскошь и капризъ современной моды,—писала одна современная герцогиня.—Императрица всероссійская, покровительствуя литературѣ, имѣетъ въ виду другую цѣль: у ней достаточно здраваго смысла, чтобы понять, что ей нужна поддержка литераторовъ“. Да и самъ Вольтеръ за-глаза писалъ про Екатерину своему пріятелю, что „философіи не приходится особенно хвалиться такими ученицами, какъ прекрасная Като“, но цѣль была достигнута, впечатлѣніе среди непосвященныхъ получилось громадное.

И не только непосвященные: тѣ же философы, повидимому, временами въ дыму ѳиміама теряли голову и начинали смотрѣть на вещи глазами Екатерины: напр. вѣроломную политику въ Польшѣ, за которую Екатерина въ совѣстливыя минуты своей

жизни сама упрекала себя, они оправдывали и, вторя ей, величали польскихъ конфедератовъ „сволочью“ [1]).

Привлекая такимъ образомъ на свою сторону не только уста, но даже и сердца философовъ, Екатерина спѣшитъ отмежеваться отъ тѣхъ изъ нихъ, кто въ требованія свободы и равенства вкладывалъ болѣе рѣшительное содержаніе. Какъ разъ ко времени ея вступленія на престолъ во французской философіи рѣзко почувствовался сдвигъ къ радикализму, отъ вольтерьянства къ руссоизму, и Екатерина съ самаго начала принимаетъ мѣры противъ новыхъ теченій: въ томъ же 1763 г., къ которому относится начало ея близкихъ сношеній съ Вольтеромъ, она запрещаетъ „Эмиля“ Руссо, какъ книжку, которая идетъ „противъ закона и добраго нрава“.

Такимъ образомъ, историческая сцена, на которой собиралась дѣйствовать Екатерина, была обставлена нарядно и со вкусомъ: были нарисованы „пагубныя“ послѣдствія необузданнаго самовластія, были возбуждены надежды на грядущее „блаженство“, былъ организованъ хвалебный хоръ философовъ, и даже гвардія была облечена въ нарядный костюмъ избранныхъ. Манифесты вѣщали: „Богъ чрезъ избранныхъ своихъ вручилъ намъ скипетръ сей державы для спасенія имперіи отъ очевидной погибели“.

Къ 1765 г. Екатерина успѣла уже болѣе или менѣе вникнуть въ окружающее и познакомиться съ самыми насущными изъ задачъ по управленію, какія въ немъ стояли на очереди. Не нужно было быть особенно проницательной, чтобы уяснить себѣ самое большое зло, какое существовало въ жизни—это отсутствіе подходящаго законодательства. При Екатеринѣ Россія жила все еще Соборнымъ Уложеніемъ 1649 г. За сто съ лишнимъ лѣтъ оно обросло цѣлой кучей разновременныхъ и разнохарактерныхъ указовъ и выглядѣло теперь уродливой массой.

„Всѣ требовали и желали, чтобы законодательство было приведено въ лучшій порядокъ“, сообщаетъ сама Екатерина. Эти требованія какъ разъ совпадали съ ея убѣжденіями, что мудрый законодатель именно законами легче всего можетъ перестроить жизнь. Въ духѣ философскихъ идей у нея была вообще вѣра во всемогущество разумнаго закона и въ духѣ тѣхъ же идей—пренебреженіе ко всякому положительному праву. Дидро нѣсколько лѣтъ позднѣе выражалъ ту же мысль: „Почва

---

[1]) Бильбасовъ, „Дидро въ Петербургѣ“, с. 27 и 89.

Россіи свободна: не все ли во власти помазанницы, данной ей Богомъ для ихъ взаимной славы". Съ этой „философской" точки зрѣнія не нужно было совершать трудную работу предварительнаго разбора дѣйствующаго въ Россіи законодательства, нужно было найти лишь тѣ принципы, на которыхъ можно построить совершенное, разумное Уложеніе.

А относительно ихъ она давно была убѣждена, что „можно легко найти общія правила". Эти общія правила Екатерина сообщила въ Наказѣ. Въ одной изъ своихъ позднѣйшихъ записокъ она вскрываетъ процессъ его составленія: „Я начала читать, потомъ писать Наказъ Комиссіи Уложенія. Два года я и читала и писала, не говоря о томъ полтора года ни слова, но слѣдуя единственно уму и сердцу своему съ ревностнѣйшимъ желаніемъ пользы, чести и счастья имперіи".

Признанный ею учитель, Вольтеръ, самъ не писалъ спеціальныхъ политическихъ трактатовъ и потому не могъ ей дать нужныхъ аксіомъ. Императрица нашла ихъ въ изобиліи у другого ранняго современника Вольтера, Монтескье, главная книга котораго „О духѣ законовъ" вышла въ 1748 г. и въ теченіе первыхъ же полутора лѣтъ успѣла выдержать 22 изданія.

Въ обширной литературѣ просвѣтителей трудно указать другую книгу, въ которой бы такъ полно сочетались свѣтъ и тьма философской мысли XVIII в.—неумолимо строгій и тщательный логическій анализъ и слѣпой догматизмъ основной посылки. А priori почти авторъ рѣшилъ, что характеръ законодательства каждой страны опредѣляется формой ея правленія, и съ этой неустойчивой точки зрѣнія онъ блестяще разсмотрѣлъ три политическихъ формы: республиканскую, монархическую и деспотическую. Самъ онъ сторонникъ дворянско-конституціонной монархіи, но весь стиль его книги показываетъ, что это—не политическій борецъ, а кабинетный мыслитель, для котораго добро и зло—лишь матеріалъ для изслѣдованія.

Философскій умъ Екатерины увлекла эта блестящая книга. „Для пользы своей имперіи я обобрала президента Монтескье,— не называя его, писала императрица m-me Жоффренъ, надѣюсь, что если съ того свѣта онъ увидитъ мою работу, то проститъ этотъ литературный грабежъ для блага двадцати милліоновъ людей, какое изъ того должно послѣдовать. Онъ такъ любилъ человѣчество, что не будетъ формализировать, его книга—это мой молитвенникъ".

Дѣйствительно, почти половина статей Наказа (около 250) прямо списаны изъ „Духа законовъ“, но императрица невѣрно называетъ эту книгу молитвенникомъ: изъ святыхъ ея формулъ она взяла лишь тѣ, что цѣликомъ соотвѣтствовали ея грѣшной самодержавной власти и тщательно выкинула, что къ ней не подходило, особенно тѣ мѣста книги, гдѣ авторъ говоритъ о необходимости ограничить власть монарха политическими привилегіями дворянства.

Другимъ философомъ, котораго тоже обобрала императрица, но назвать котораго позабыла, былъ итальянецъ Беккарій, книга котораго „О преступленіи и наказаніи“ вышла въ 1764 г. Вся почти X глава Наказа, гдѣ собраны мысли по уголовному праву, болѣе 100 ст., взяты изъ этой книги. Авторъ ея по своему складу мысли и темперамента расходится съ Монтескье: въ блестящій логическій анализъ, построенный на основаніи идей ненавистнаго Екатеринѣ Руссо, онъ вноситъ всю свою страстность итальянца въ защиту правъ угнетеннаго большинства и указываетъ государямъ путь къ вѣчной славѣ—своими мудрыми законами встать на защиту правъ массы народа противъ привилегированнаго меньшинства. Въ философскомъ умѣ императрицы страстный протестъ Беккарія противъ привилегій дворянства и угнетенія народа превратился въ неопредѣленную грезу о „блаженствѣ всѣхъ и каждаго“, но ему она обязана самыми сердечными нотами своего Наказа.

Тамъ, гдѣ онъ касается преступленія, суда и наказанія, онъ проникнуть человѣколюбіемъ, мягкимъ отношеніемъ къ человѣческимъ проступкамъ. Наказъ внушаетъ, что законы не должны быть жестокими, такъ какъ жестокость лишь увеличиваетъ количество преступленій. Онъ возмущается примѣненіемъ пытки въ судѣ, такъ какъ „пытка есть надежнѣйшее средство осудить невиннаго“, онъ протестуетъ противъ смертной казни. По мнѣнію Наказа, правительство должно больше слѣдить не за тѣмъ, чтобы строже наказывать, а за тѣмъ, чтобы лучше воспитывать. „Хотите ли предупредить преступленія?—спрашиваетъ 45 ст. Наказа,—Сдѣлайте, чтобы просвѣщеніе распространилось между людьми. Наконецъ, самое надежное, но и самое труднѣйшее средство сдѣлать людей лучшими есть приведеніе въ совершенство воспитанія“ (ст. 248).

Самые законы должны быть выражены „простымъ языкомъ“, должны быть понятны для всякаго и для всѣхъ одинаковы.

Судъ долженъ быть обязательно гласный и долженъ производиться „черезъ равныхъ“ обвиняемому, т.-е. съ присяжными. Есть только еще одинъ пунктъ въ Наказѣ, гдѣ рѣчь его звучитъ такъ же опредѣленно—это защита вѣротерпимости: „гоненіе человѣческіе умы раздражаетъ, а дозволеніе вѣрить по своему закону умягчаетъ и самыя жестоковыйныя сердца“ (ст. 496).

Сравнительно съ этими мѣстами, тѣ, гдѣ идетъ рѣчь о свободѣ и о равенствѣ, звучатъ слишкомъ холодно, слишкомъ неопредѣленно и даже противорѣчиво.

Свобода опредѣляется лишь, какъ „право все то дѣлати, что законы дозволяютъ“, но, хотя Наказъ часто ссылается на естественное право, онъ нигдѣ не дѣлаетъ гарантій, что эти законы будутъ защищать права личности.

Вообще ни о какихъ личныхъ правахъ гражданина нѣтъ и рѣчи, есть только тѣ права, какія установлены въ законѣ. Защита вѣротерпимости въ этомъ отношеніи идетъ не изъ стремленія оградить естественное право на свободу совѣсти, а изъ полицейскихъ соображеній—„утушить“ религіозные споры, „противные тишинѣ государства и соединенію гражданъ“ (ст. 496).

Ея учитель, Монтескье, откуда она дословно выписала опредѣленіе свободы, какъ права дѣлать все, что дозволяютъ законы, сейчасъ же за этимъ требуетъ, чтобы не было „злоупотребленій власти“, а для этого онъ считалъ необходимымъ раздѣлить власти исполнительную и законодательную. „Если въ рукахъ одного и того же лица или учрежденія власть законодательная соединена съ исполнительной—свободы не существуетъ“. Екатерина, выписавъ первую, удобную для нея часть положеній изъ „молитвенника“, отбрасываетъ другую. Правда, и у нея говорится, что законы должны соотвѣтствовать „расположенію народа“, но опредѣлить это расположеніе императрица предоставляетъ исключительно себѣ, а не выборнымъ отъ народа, какъ Монтескье.

Въ этомъ отношеніи она даже депутатамъ, которыхъ собрала для составленія новаго уложенія, предоставила создавать лишь такія законодательныя нормы, которыя бы развивали положеніе ея Наказа. Поэтому было предписано читать Наказъ въ комиссіи въ началѣ каждаго мѣсяца „для лучшаго затверживанія въ памяти“, а если бы встрѣтились какіе-либо случаи, для которыхъ „правила“ еще не положены, то депу-

татамъ дозволялось лишь одно: „о томъ намъ докладывать и просить дополненія". Такимъ образомъ „свобода" и абсолютная власть въ Наказѣ примирялись, а что Россіи „для блаженства" нужна именно такая власть, объ этомъ говорилось въ первыхъ же статьяхъ Наказа: „Пространное государство предполагаетъ самодержавную власть въ той особѣ, которая онымъ правитъ" (ст. 10), и „Всякое другое правленіе не только было бы Россіи вредно, но и въ конецъ разорительно" (ст. 11).

Съ этой точки зрѣнія абсолютной власти опредѣлялось и равенство: „Равенство всѣхъ гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подвержены были тѣмъ же законамъ" (ст. 34). И у Вольтера и у Монтескье Екатерина могла почерпнуть только такое понятіе объ юридическомъ равенствѣ, но оба они проводили его до конца и требовали уничтоженія рабства, т.-е. крѣпостничества. Екатерина, заявляя въ Наказѣ настойчиво, что власть должна заботиться о всѣхъ одинаково, рядомъ съ гражданами ставитъ рабовъ, какъ группу вполнѣ естественную: „Обязаны мы состояніе и сихъ подвластныхъ облегчати, сколько здравое разсужденіе дозволяетъ" (ст. 252).

„Здравое разсужденіе" дозволяло немногое: „надлежитъ, чтобы законы гражданскіе злоупотребленіе рабства отвращали" (ст. 254), и „законы могутъ учредить нѣчто полезное для собственнаго рабовъ имущества" (ст. 261).

Правда, извѣстно, что изъ Екатерининскаго Наказа особая комиссія изъ дворянъ, которой она предоставила его на предварительное разсмотрѣніе, вычеркнула многія неудобныя мѣста, но, во-первыхъ, характерна уступчивость законодателя въ данномъ пунктѣ, а во-вторыхъ, вычеркнутыя мѣста также не отличаются особеннымъ стремленіемъ послѣдовательно провести идею юридическаго равенства: въ нихъ говорится о необходимости учрежденія сельскаго суда для крестьянъ, объ опредѣленіи размѣра крестьянскаго выкупа отъ помѣщиковъ, но рабство, какъ институтъ, не портитъ картины „блаженства всѣхъ и каждаго". Если не считаться съ этимъ неопредѣленнымъ и ни къ чему не обязывающимъ стремленіемъ къ блаженству, то въ Наказѣ останутся только обѣщанія улучшить судопроизводство, создать гуманные законы о наказаніяхъ и такъ или иначе ограничить злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ.

Но и тутъ для законодателя былъ большой просторъ приступить къ реформамъ лишь тогда, когда онъ это найдетъ нуж-

нымъ. Относительно необходимости ограничить злоупотребленія рабства, заботливо добавлено: „не должно вдругъ и черезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ“ (ст. 260), а для всѣхъ вообще предполагаемыхъ реформъ рекомендовалось: „Для введенія лучшихъ законовъ необходимо потребно умы людскіе къ тому пріуготовить“ (ст. 58). Словомъ, по современному принципу—сначала успокоеніе, потомъ реформы, или, по мѣткому слову Ключевскаго, хотѣли „сперва выучить человѣка плавать, а потомъ пускать его въ воду“.

Сравнивая эти „аксіомы, способныя разрушить стѣны“, какъ выразился про Наказъ Н. Панинъ, съ тѣми замѣтками, которыя Екатерина занесла еще великой княгиней на страницы своихъ „Мемуаровъ“, нельзя усмотрѣть ничего новаго по существу: то же характерное сочетаніе абсолютизма и свободы, равенства и крѣпостничества, тѣ же неопредѣленныя мечтанія „о благѣ народномъ“.

И если тамъ были только мечтанья о немъ, то здѣсь уже непобѣдимая увѣренность, что оно не сегодня-завтра будетъ достигнуто: „Боже сохрани, чтобы послѣ окончанія сего законодательства былъ какой народъ больше справедливъ и, слѣдовательно, больше процвѣтающъ на землѣ, намѣреніе законовъ нашихъ было бы неисполнено: несчастіе, до котораго я дожить не желаю“. Тотъ же мотивъ, только въ соотвѣтствіи съ большей важностью обстоятельствъ, звучитъ онъ полнѣе и крѣпче.

Современники Екатерины и современные намъ историки, сравнивъ принципы Наказа съ той дѣйствительностью, какъ она сложилась къ концу царствованія императрицы, обыкновенно поднимаютъ вопросъ объ ея искренности и объ измѣнѣ этимъ принципамъ, но всѣ эти вопросы рождаются лишь потому, что тѣ и другіе вкладываютъ въ понятіе принциповъ свое собственное или, во всякомъ случаѣ, несходное содержаніе, и потому хотятъ видѣть измѣну тамъ, гдѣ ея не было и быть не могло.

Все дѣло въ томъ, что философскіе принципы, выраженные вообще, слишкомъ легко наполняются любымъ содержаніемъ и ни къ чему не обязываютъ, и въ той формѣ, въ какой они усвоены и выражены Екатериной, они не допускаютъ измѣны. Вольтеръ острилъ, что не было бы жалобъ мужей на измѣну женъ, если бы всѣ онѣ были бы общими; можно бы повторить эту остроту и въ данномъ случаѣ: не было бы измѣны

убѣжденіямъ никогда, если бы всѣ они были въ такой же общей формѣ, какъ у Екатерины.

Изъ комиссіи она увидитъ, что люди не доросли еще до ея великихъ принциповъ, и потому не будетъ настаивать на ихъ примѣненіи, предоставитъ имъ довоспитаться до нихъ, а пока займется изготовленіемъ другихъ рецептовъ, не менѣе обязательныхъ, чѣмъ Наказъ, и такъ же будетъ вѣрить, что съ помощью ихъ она создастъ блаженство.

Къ 1785 г. Екатерина пережила уже Пугачевщину и осуществила свои „Губернскія Учрежденія“, которыя, какъ извѣстно, подвели историческій итогъ XVIII в.—раскрѣпощенію дворянства и закрѣпощенію крестьянъ. Казалось бы, что общаго между мечтами Наказа о всеобщемъ блаженствѣ и этимъ итогомъ, но Екатерина убѣждена, что это одно и то же. Въ этомъ году она, разбирая библіотеку Дидро, привезенную послѣ его смерти въ Петербургъ, нашла ту записку, которую Дидро написалъ еще въ 70-хъ гг., но не передалъ императрицѣ. Въ ней философъ указывалъ на противорѣчіе между идеями Наказа и дѣятельностью императрицы и категорически спрашивалъ, желаетъ ли она пойти по старому пути своихъ предшественниковъ или останется вѣрной новымъ началамъ, возвѣщеннымъ въ Наказѣ. По поводу этихъ замѣчаній Дидро Екатерина написала Гримму: „Эта статья сущая болтовня, въ которой не видно ни знанія дѣла, ни осторожности, ни предусмотрительности; если бы мой Наказъ былъ во вкусѣ Дидро, онъ повернулъ бы все вверхъ дномъ. А я утверждаю, что мой Наказъ былъ не только хорошъ, но прекрасенъ и хорошо соображенъ съ обстоятельствами, потому что вотъ 18 лѣтъ, какъ онъ существуетъ и не только не повредилъ ни въ одномъ пунктѣ, но еще и все добро, имъ произведенное и всѣми признанное, исходитъ изъ началъ, установленныхъ этихъ Наказомъ“ [1]).

Итакъ, философскій багажъ Екатерины былъ слишкомъ портативенъ, чтобы не обременить ее въ пути, во всякомъ случаѣ онъ никогда не заставитъ ее раскаиваться въ увлеченіяхъ молодости.

---

[1]) Сб. И. О., XXIII, 272-3.

III.

Развитіе и распространеніе западныхъ идей въ русскомъ обществѣ до половины XVIII в.

Общественная среда, въ которую должны были попасть идеи Наказа, была болѣе или менѣе подготовлена всѣмъ историческимъ процессомъ за первую половину XVIII в. Еще Петръ Великій стремился внѣдрить русскому обществу идею о государствѣ, какъ необходимой организаціи для охраненія общихъ всѣмъ интересовъ. Онъ внѣдрялъ ее и своими указами и политическими трактатами, всѣми этими переводами Гуго Гроція и Самуила Пуффендорфія. Русскіе истолкователи его реформы дѣйствовали въ этомъ же направленіи. Ѳеофанъ Прокоповичъ, напр., въ своей „Правдѣ воли монаршей“ знакомилъ публику съ разными формами правленій, разбиралъ вопросъ, что лучше, наслѣдственная или избирательная монархія, сообщалъ ученіе естественнаго права о договорномъ происхожденіи государства и внушалъ, что „единственная цѣль установленія какой бы то ни было формы правленія есть всенародная польза“. При Екатеринѣ I этотъ трактатъ былъ даже разосланъ правительствомъ въ количествѣ 20.000 экземпляровъ по разнымъ общественнымъ учрежденіямъ.

Но эта идея о государствѣ была слишкомъ отвлеченной для пониманія, если она и прививалась, то лишь въ кругу непосредственныхъ помощниковъ Петра, да и то не всѣхъ. Гораздо нагляднѣе должно было дѣйствовать на политическое сознаніе непосредственное знакомство съ учрежденіями Западной Европы, какое получалось у дворянства во время служебныхъ поѣздокъ за границу по приказу царя.

Тамъ дворянская молодежь встрѣчалась съ конституціонными учрежденіями, съ привилегіями дворянства, а тяжелое служеб-

ное положеніе дворянства при Петрѣ невольно вызывало въ молодежи интересъ къ этимъ явленіямъ. При всей своей неподготовленности къ серьезному наблюденію западной дѣйствительности, молодежь все же съ удивленіемъ почувствовала разницу политическаго строя Европы отъ Россіи. Толстой въ своемъ дневникѣ отмѣчаетъ, какъ свободно живутъ въ Венеціи, какъ тамъ не чувствуется надъ всѣми тяжелой государственной опеки. Другой петровскій птенецъ, Матвѣевъ, успѣлъ подмѣтить во Франціи, что король, хотя и самодержавный, не имѣетъ права налагать податей безъ парламента, что знать тамъ имѣетъ ненарушимыя привилегіи, и что всѣ отъ знатнаго до простого обязаны повиновеніемъ закону.

Послѣ Петра этотъ интересъ къ политическимъ учрежденіямъ Запада несомнѣнно долженъ былъ повыситься, такъ какъ дворянство, почувствовавъ силу за собой и отсутствіе строгой руки сверху, начало помышлять объ ограниченіи деспотической власти. Насколько популярны были въ глазахъ дворянства западные конституціонные порядки, показываетъ обстановка той попытки ограниченія самодержавія, какая была сдѣлана въ 30-мъ году при восшествіи на престолъ Анны. Подъ конституціонными проектами, представленными въ Верховный Тайный Совѣтъ, было собрано тогда болѣе 1000 подписей, а иностранный посолъ доносилъ изъ Москвы: „Здѣсь на улицахъ и въ домахъ только и слышны рѣчи объ англійской конституціи и о правахъ англійскаго парламента“.

Оказалось, однако, что за этими рѣчами у большинства совсѣмъ не было опредѣленныхъ политическихъ убѣжденій, что даже самая идея представительнаго управленія была совершенно чуждой. Политическое возбужденіе было сильное, но лишь потому, что большинство увидѣло для себя удобный моментъ облегчить свое служебное положеніе и расширить свои права надъ крѣпостными. Изъ всѣхъ дѣятелей 30-го г. только у кн. Голицына да у Татищева было опредѣленное политическое міросозерцаніе, но и они оба ставили вопросъ объ ограниченіи власти очень узко: Голицынъ хотѣлъ его лишь въ интересахъ В. Т. С., а Татищевъ—въ пользу чиновной знати, да и то лишь на время, пока на престолѣ не будетъ мужской персоны.

Такимъ образомъ правительственная пропаганда политическихъ идей не только не привила мысли о цѣломъ государствѣ, но даже въ

тѣсномъ кругу дворянской служилой массы не воспитала опредѣленныхъ политическихъ убѣжденій. Держался вкусъ къ западнымъ конституціоннымъ учрежденіямъ, но лишь до тѣхъ поръ, пока не были удовлетворены сословныя притязанія, а послѣ ихъ удовлетворенія интересъ къ политическимъ идеямъ среди шляхетской массы потухаетъ на долгое время.

Дальнѣйшее развитіе ея умственныхъ интересовъ совершается уже не по правительственному почину и совсѣмъ въ другой плоскости, хотя тоже выдвинутой Петромъ Великимъ.

Изъ всѣхъ сторонъ петровской дѣятельности шляхетству всего болѣе по душѣ пришлась та, которая стремилась обтесать внѣшность дворянства, чтобы подготовить его къ культурному общенію съ Западомъ, это именно заботы Петра объ „людскости“. Стремленіе дворянства къ людскости, къ свѣтскому образу жизни, къ умѣнію „благопристойно“ провести свободное время, котораго, при начавшемся раскрѣпощеніи, становилось все болѣе, настолько живо чувствуется послѣ Петра, что для его удовлетворенія перестраивается и типъ правительственной школы, и характеръ частнаго воспитанія, и, наконецъ, для него создается особая книга.

Раньше всего начала перестраиваться школа. Вмѣсто петровской, технически-спеціальной, при Аннѣ создается по настойчивому желанію дворянства Шляхетскій корпусъ. Цѣль его, правда, профессіональная — выпускать офицеровъ въ армію, но въ немъ меньше всего преподаются военныя науки: на первомъ планѣ тамъ стоятъ танцы, музыка и иностранные языки, т.-е. какъ разъ тѣ предметы, которые способствовали „людскости“. Съ такимъ же характеромъ свѣтскаго общеобразовательнаго заведенія при Елизаветѣ явился Московскій университетъ и гимназія при немъ. Въ указѣ объ его учрежденіи 12/I 1755 г. опредѣленно подчеркивается, что онъ создается въ виду недостатка учителей у помѣщиковъ, которые „по необходимости, не сыскавъ лучшихъ учителей, принимаютъ такихъ, которые лакеями, парикмахерами и другими подобными ремеслами всю жизнь свою препровождали“ [1]).

Для той же цѣли, обученія дворянъ людскости, въ Россію, въ виду настойчиваго спроса, двигается цѣлая армія иностранцевъ. Отъ нихъ не спрашиваютъ большихъ знаній, они должны

[1]) П. С. З., № 10346.

лишь выучить иностранному языку. Еще Петръ предписывалъ: „Молодымъ отрокамъ всегда между собой говорить на иностранныхъ языкахъ какъ для того, чтобы пріобрѣсти въ нихъ навыкъ, такъ и съ тѣмъ, чтобы можно ихъ отъ другихъ незнающихъ болвановъ распознать“. Для Петра, конечно, знаніе языковъ было необходимымъ съ государственной точки зрѣнія для культурно-техническаго общенія съ Западомъ; теперь знаніе языковъ въ большинствѣ случаевъ является просто признакомъ хорошаго тона. Состоятельные изъ дворянъ нанимали иностранцевъ въ качествѣ учителей на домъ, менѣе состоятельные довольствовались тѣми иностранными пансіонами, которыхъ особенно много расплодилось съ половины вѣка въ Москвѣ и Петербургѣ. Извѣстна та нехитрая программа, какую предлагали такіе пансіоны даже въ позднее время.

Въ 60-хъ гг. француженка объявляла: „Если кто пожелаетъ отдать своихъ дѣтей—дѣвицъ—на ея содержаніе для обученія французскому языку и географіи, то она не преминетъ удовольствовать, показывая притомъ благородные поступки, пристойные къ ихъ природѣ“. М-me Сиринъ обучала дворянъ обоего пола „французскому и нѣмецкому языкамъ, читать, писать, рисовать, также убирать на головѣ и другимъ приличнымъ къ воспитанію женскаго пола вещамъ“.

Подобныхъ объявленій можно было немало встрѣтить на страницахъ Петербургскихъ и Московскихъ Вѣдомостей, а изъ записокъ современниковъ видно, какой популярностью пользовались среди дворянства нѣкоторые изъ такихъ пансіоновъ.

Точно такъ же для новыхъ стремленій дворянства приспособляется послѣ Петра книга. Онъ чувствовалъ ея важное значеніе и немало положилъ энергіи, чтобы распространить книгу въ обществѣ и привить къ ней вкусъ, но петровское книгоиздательство было для этого слишкомъ казеннымъ и спеціальнымъ, изданныя имъ книги образовали на складахъ такую безнадежную заваль, что ихъ пришлось пустить просто на обертку. Одна только книга, изданная при Петрѣ, нашла большой спросъ публики и потребовала нѣсколькихъ изданій, это— „Юности честное зерцало“. Пошла она, несомнѣнно, потому, что удовлетворяла какъ нельзя болѣе стремленію къ людскости. Теперь, по мѣрѣ того, какъ развивался дворянскій досугъ, и правила „благопристойнаго“ обхожденія распространялись все шире, къ книгѣ предъявлено было новое требованіе: она не

только должна была давать правила, какъ себя вести, но она должна была сдѣлаться настолько занимательной, чтобы на нее не жаль было убить праздное время. Самымъ популярнымъ типомъ такой книги явился романъ и сталъ рядомъ съ картами и танцами, которые до сихъ поръ пользовались монополіей въ свѣтскомъ обращеніи. Сдвигъ въ сторону такого легкаго чтенія, сравнительно съ петровскимъ, особенно ярко чувствуется, если сопоставить два правительственныхъ распоряженія, между которыми лежитъ четверть вѣка.

Указъ Петра 1724 г. (П. С. З. № 4438) объявляетъ: „Для переводу книгъ зѣло нужны переводчики, а особливо для художественныхъ... Художества же слѣдующія: математическое, механическое, хирургическое, архитектуры - цивилисъ, анатомическое, ботаническое, милитарисъ и прочія тому подобныя“.

А вотъ указъ Елизаветы 1748 г.: „Стараться при Академіи переводить и печатать на русскомъ языкѣ книги гражданскія различнаго содержанія, въ которыхъ бы польза и забава соединены были съ пристойнымъ къ свѣтскому житію нравоученіемъ“. Правительство Елизаветы удовлетворяетъ лишь тѣ потребности, какія предъявляются ему дворянствомъ. Университетская молодежь и молодежь кадетскихъ корпусовъ получаетъ новое дѣло по переводу и созданію романовъ, а знаніе языковъ помогаетъ ей поставить его на должную высоту. Современникъ Болотовъ въ своихъ запискахъ опредѣленно подмѣчаетъ, что именно со средины царствованія Елизаветы „людскость“ сдѣлала необычайные успѣхи, и что сталъ входить въ общество „тонкій вкусъ во всемъ“. Его же записки показываютъ, какое отношеніе къ книгѣ сложилось у читающей публики: книга уже тянетъ къ себѣ, ею увлекаются, ее цѣнятъ, главнымъ образомъ, за то, что „самая житейская свѣтская жизнь во всѣхъ ея разныхъ видахъ и состояніяхъ и вообще весь свѣтъ сдѣлался гораздо знакомѣе передъ прежнимъ“. Книга преображаетъ читателя: „что касается до моего сердца, то отъ многаго чтенія преисполнилось оно столь нѣжными и особыми чувствованіями, что я примѣтно ощущалъ въ себѣ великую перемѣну и самого себя точно какъ переродившимся. Я начиналъ смотрѣть на всѣ происшествія въ свѣтѣ какими-то иными и благонравнѣйшими глазами, а все сіе и вперяло въ меня нѣкое отвращеніе отъ грубаго и гнуснаго общества и сообщества съ порочными людьми“.

На первыхъ порахъ читали все, что попадетъ подъ руки, такъ какъ, за отсутствіемъ въ провинціи книжныхъ лавокъ, не приходилось думать о выборѣ. Болотовъ про себя разсказываетъ, что его чтеніе шло въ такомъ порядкѣ: сначала „Похожденія Телемака“ Фенелона, затѣмъ нѣсколько учебниковъ по всеобщей исторіи и „Жизнь Александра Македонскаго“, Квинта-Курція, Сумароковская трагедія „Артистона“, а рядомъ съ ними—„Камень вѣры“ Стефана Яворскаго и Четьи-Минеи Дм. Ростовскаго. Модные тогдашніе романы—„Аргениду“ Барклая, „Жиль Блаза“ Лессажа и „Житіе Клевеланда“ аб. Прево—Болотову удалось достать лишь по пріѣздѣ на службу въ Петербургъ.

Самый популярный изъ этихъ романовъ „Похожденіе Телемака“ вышелъ въ СПБ. въ 1747 г., какъ это видно изъ современнаго объявленія въ „Вѣдомостяхъ“. За переводными романами пошли и русскіе по тому же типу.

Статистика русскаго романа показываетъ, что онъ съ 1759 г. начинаетъ появляться каждый годъ въ десяткахъ разныхъ названій, тогда какъ до этого въ годъ выходило 6—4 шт. [1]).

Что давалъ романъ XVIII в. русскому читателю?

Изслѣдователь русскихъ романовъ XVIII в., Сиповскій, проанализировавъ тексты ихъ, пришелъ къ выводу, что въ нашемъ русскомъ романѣ, не говоря уже про переводный, отразились всѣ тѣ идеи философскія и общественныя, которыми жилъ XVIII в. Прежде всего, конечно, была усвоена общая мысль вѣка, что всю жизнь можно переустроить на разумныхъ началахъ, а отсюда шла критика всего существующаго и особенно всего того, что было основано на преданіи и предразсудкахъ, а за этимъ сдѣлана была попытка изобразить жизнь такъ, какъ бы она должна была быть.

„Свободомысліе русскихъ людей выразилось, прежде всего, въ отрицательномъ отношеніи къ фанатизму, суевѣрію, пустосвятству. Раціонализмъ эпохи выразился въ отрицательномъ отношеніи ко всякимъ чудесамъ, ко всему таинственному, недоступному разуму, въ преклоненіи передъ деизмомъ—„естественной религіей“, „естественнымъ правомъ“; гуманность свободолюбиваго вѣка сказалась въ сочувственномъ отношеніи къ крестьянамъ, въ отвращеніи къ крѣпостному праву. Это сочувствіе къ простымъ людямъ связывалось съ преклоненіемъ передъ

---

[1]) Сиповскій, Очерки изъ исторіи русскаго романа, I, с. 42.

природой, которая не испорчена культурой, передъ деревней, которой не коснулось вліяніе города—отсюда вѣчное восхваленіе уединенія, гдѣ можно вдали отъ суеты міра предаваться чистой и возвышенной созерцательности".

„Политическіе интересы эпохи сказались, прежде всего, въ попыткѣ выяснить, что такое „хорошій царь". Такимъ обыкновенно представляется миролюбивый, гуманный царь,—„человѣкъ на тронѣ", патріархально относящійся къ подданнымъ; авторы XVIII в. всегда его усердно восхваляютъ, наоборотъ, не щадятъ они словъ для порицанія дурныхъ правителей,—эгоистовъ, ради сустной военной славы проливающихъ кровь подданныхъ,—тирановъ; единодушно всѣ нападаютъ на придворныхъ, которые стѣной окружаютъ слабаго царя, льстятъ ему, обманываютъ и притѣсняютъ народъ" [1]).

Романы съ такимъ содержаніемъ и настроеніемъ начинаютъ встрѣчаться съ пятидесятыхъ годовъ.

Самый ранній изъ нихъ и самый любимый „Похожденіе Телемака" Фенелона (СПБ. 1747 г.) уже выдвинулъ политическія идеи: „Кто хочетъ быть владыкою людей изъ одного самолюбія, имѣя въ виду только собственную власть, удовольствія, славу, тотъ—злодѣй и тиранъ, тотъ—бичъ рода смертныхъ"; „чѣмъ болѣе гдѣ неограниченна власть самодержца, тѣмъ меньше тамъ могущественны государи, такъ какъ „помощники" ихъ все расхищаютъ, испровергаютъ и одни обладаютъ всѣмъ государствомъ"—таковы, для примѣра, рѣчи этого ранняго романа. Разобравъ его и его мотивы, тотъ же изслѣдователь романовъ, Сиповскій, заключаетъ: „Отъ нихъ, конечно, далеко до страстныхъ рѣчей французскихъ философовъ и публицистовъ конца XVIII в., но при всей умозрительности этого міросозерцанія, (Фенелона), въ немъ уже намѣчены всѣ элементы политическихъ утопій Руссо и его продолжателей" [2]).

Въ числѣ прочихъ авторовъ романовъ съ 50-хъ же годовъ у насъ сталъ извѣстенъ и Вольтеръ, повѣсти котораго такъ по вкусу пришлись русскому читателю: „Микромегасъ", „Задигъ" были ранѣе другихъ напечатаны въ журналѣ „Ежемѣсячныя сочиненія": первая—въ 1756 г., вторая—въ 1759 г. Такимъ образомъ, еще при Елизаветѣ романъ внесъ въ русскую

---

[1]) Сиповскій, I, 145—46.
[2]) Сиповскій, I, 118.

читающую публику цѣлый рядъ темъ, какія разрабатывались въ „просвѣтительной“ философіи, внесъ и имена этихъ философовъ, а что всего важнѣе,—онъ своей занимательной формой пріохотилъ публику къ книгѣ, облегчилъ переходъ къ серьезному чтенію. Отдѣльныхъ лицъ это серьезное чтеніе захватываетъ уже давно, по отдѣльнымъ домамъ уже имѣются свои библіотеки съ ходовыми произведеніями французскихъ философовъ и романистовъ, и молодежь съ раннихъ лѣтъ начинаетъ съ ними знакомиться. Кн. Дашкова въ своихъ „Запискахъ“ разсказываетъ, что она съ увлеченіемъ читала Беля, Монтескье, Буало, Вольтера и уже 15 лѣтъ заболѣла отъ переутомленія усиленнымъ чтеніемъ.

„Съ самыхъ раннихъ лѣтъ,—разсказываетъ она,—политика для меня была самымъ занимательнымъ предметомъ; я разспрашивала каждаго иностранца о его отечествѣ, формѣ правленія и законовъ“. Въ концѣ 50-хъ годовъ кругъ читающей публики, несомнѣнно, значительно расширился: это уже не только кругъ „дѣльцовъ“ и ближнихъ сотрудниковъ, какъ было при Петрѣ,—въ него вошла вся та дворянская молодежь, которая либо кончила высшую школу, либо какимъ-нибудь другимъ путемъ успѣла получить начатки образованія, а черезъ нея новыя вліянія шли въ провинцію, такъ какъ, съ постепеннымъ облегченіемъ своего служебнаго положенія, дворянство больше времени проводитъ дома и завязываетъ болѣе тѣсныя связи съ областью. Литературное движеніе, созданное романомъ и первыми періодическими журналами, которые появляются теперь, чувствуется въ этомъ обществѣ, и когда Ломоносовъ въ своихъ одахъ воспѣвалъ царствованіе Елизаветы за ея покровительство наукамъ, онъ не такъ уже сильно грѣшилъ своими преувеличеніями: подъемъ, несомнѣнно, чувствовался и иной разъ прорывался даже въ незначительныхъ сообщеніяхъ тогдашнихъ Вѣдомостей. Такъ въ 1757 г. „Московскія вѣдомости“, по поводу пожертвованія 1000 р. на университетъ вдовой тайнаго совѣтника Наумова, помѣстили такое объявленіе: „Мы живемъ въ такія счастливыя времена, въ которыя не только мужескій полъ, но и дамы крайнюю склонность показываютъ къ наукамъ“.

Съ 1760 по 1762 г. включительно университетская молодежь въ Москвѣ издаетъ журналъ „Полезное увеселеніе“. Въ немъ уже нѣтъ случайныхъ статей, какія встрѣчались ранѣе при попыткѣ издавать серьезный журналъ, какъ, напримѣръ, въ

журналѣ Миллера, нѣтъ въ немъ и того легкомысленно-занимательнаго чтенія, что въ такомъ изобиліи наполняетъ журналъ Сумарокова „Трудолюбивую пчелу"—это первый серьезный русскій журналъ съ опредѣленнымъ направленіемъ. Въ немъ молодежь проводитъ и защищаетъ вполнѣ опредѣленное міросозерцаніе: жизнь создана людямъ на радость Творцомъ, и человѣку дана полная возможность наслаждаться ея благами: страсти, чтобы увлекаться богатствомъ ея впечатлѣній, и могучій разумъ, чтобы руководить страстями. Этотъ разумъ укажетъ человѣку, что его истинное счастье въ добродѣтели, а въ основѣ ея лежитъ любовь къ ближнему, стремленіе содѣйствовать его развитію. Такими разсужденіями переполненъ весь журналъ, длинной полосой они тянутся и въ стихахъ, и въ прозѣ, и каждый разъ подчеркивается, что таково должно быть „естественное" настроеніе человѣка. Эта идея естественнаго, очевидно, захватывала теперь молодежь, она проповѣдуетъ ее съ тѣмъ жаромъ, съ какимъ проповѣдуютъ новообращенные. Но, повторяя отвлеченныя идеи естественнаго права, развивая въ его духѣ идеалы свободы, равенства и братства, молодежь успѣла приспособить эти идеи къ своимъ русскимъ условіямъ: какъ только съ высоты отвлеченныхъ истинъ она спускалась къ крѣпостному праву, она сейчасъ же подгоняла отвлеченное къ реальному и вносила такія поправки въ „истины", которыя въ корнѣ уничтожали ихъ основной смыслъ. Лучше всего это проявилось въ книгѣ „Сокращеніе естественнаго права, выбранное изъ разныхъ авторовъ для пользы россійскаго общества", которую одинъ изъ видныхъ сотрудниковъ этого журнала, Владиміръ Золотницкій, выпустилъ въ 1764 г. въ СПБ.

Блестящимъ образомъ въ ней идея естественнаго права о природномъ равенствѣ всѣхъ примирена съ существованіемъ особыхъ привилегій дворянства на крѣпостной трудъ: крестьяне не могутъ быть свободны за недостаткомъ собственнаго разума, и такъ же, какъ дѣти, они не могутъ обойтись безъ отеческой опеки помѣщика. Это тотъ аргументъ, который будетъ страстно звучать еще долго послѣ, вплоть до крестьянской реформы 1861 г.

Все это свидѣтельствуетъ, что Екатерина, заявляя съ высоты престола новыя просвѣтительныя идеи, не могла остаться одинокой въ своемъ увлеченіи ими. Дворянская молодежь не даромъ прожила 35 съ лишкомъ лѣтъ отъ смерти Петра I до воцаренія Екатерины II: за это время она самостоятельно по-

дошла къ тѣмъ западнымъ идеямъ, которыя напрасно хотѣлъ внѣдрить дубиной царь-преобразователь. Въ смыслѣ идейномъ какъ будто совершился кругъ въ развитіи: въ 60-хъ гг. съ увлеченіемъ повторяется та несложная идея естественнаго права, которую неуклюже представляли русскому обществу тяжеловѣсные трактаты, переведенные и созданные самостоятельно при Петрѣ, но эта идея теперь усвоена, переварена, съ высоты ея дворянство выяснило себѣ всю темноту окружающей русской жизни: свои отношенія и къ верховной власти, и къ крѣпостной массѣ.

И Екатерина, и цивилизованная часть дворянства почерпнули свои „убѣжденія“ изъ одного и того же обширнаго источника— изъ западной философской мысли, и хотя каждый изъ нихъ въ ея отвлеченныя формы вложилъ свое опредѣленное и по существу несходное содержаніе, но когда власть выразилась въ Наказѣ привычными для уха формулами, дворянству показалось, что они съ императрицей говорятъ на одномъ языкѣ, что желанія снизу и призывъ сверху совпадаютъ. Въ этихъ условіяхъ и создавалось то патріотическое приподнятое настроеніе, которымъ характеризуется начало царствованія Екатерины. Волна его изъ центра катилась въ далекую провинцію и тамъ встрѣчалась съ другой, подобной же волной. Конечно, до далекой провинціи не могли дойти новыя идеи, заявленныя Екатериной и до нея усвоенныя образованнымъ дворянствомъ, но власть все время теперь взывала къ законности, къ довѣрію къ ней подданныхъ, и тѣмъ самымъ воспитывала гражданское чувство. Обличивши „необузданное самовластіе“ предшествующаго царствованія, власть дала торжественное обѣщаніе установить неизмѣняемыя государственныя учрежденія, а теперь, на почвѣ подогрѣтаго патріотизма, манифестомъ 14/XII 1766 г. приглашала депутатовъ заявить ихъ нужды и поработать надъ созданіемъ такого Уложенія, послѣ котораго воцарилось бы блаженство всѣхъ и каждаго. Генералъ-губернаторъ Малороссіи, Румянцевъ, въ своемъ циркулярѣ по поводу этого манифеста предлагалъ не много не мало „пройти со вниманіемъ теченіе минувшихъ временъ и рачительно разыскать всѣ причины, вредившія общему благоденствію и силѣ законовъ“.

Въ комиссію сошлись депутаты изъ разныхъ угловъ Россіи и отъ разныхъ группъ ея населенія, принесли они съ собой громадную массу самыхъ противорѣчивыхъ пожеланій и путались не мало въ этихъ противорѣчіяхъ, не имѣя возможности при-

мирить противоположность сословныхъ интересовъ, не чувствуя себя свободными для самостоятельной работы, но все-таки въ комиссіи опредѣленно проявились и извѣстная доля гражданскаго чувства, и иной разъ упорное желаніе поработать на пользу общества. И характерно, что именно среди депутатовъ отъ непривилегированныхъ группъ населенія—черносошныхъ крестьянъ, инородцевъ, мелкихъ служилыхъ людей, оказалось болѣе всего этого гражданскаго самосознанія, пробужденнаго патріотическимъ порывомъ: пахотный солдатъ Жеребцовъ болѣе всѣхъ ратовалъ за необходимость всеобщаго образованія, неважный дворянинъ Григорій Коробынъ внесъ проектъ крестьянской реформы, а депутатъ черносошныхъ крестьянъ Чупровъ рѣзче всего подчеркнулъ необходимость общегосударственной, а не узкосословной дѣятельности въ комиссіи.

Именно онъ, въ отвѣтъ на блестящія рѣчи дворянскаго депутата, кн. Щербатова, на излюбленную дворянами тему, что ихъ предки Римъ спасли, что корпусъ дворянскій одинъ только оказалъ неисчислимыя услуги Россіи и спасъ ее своей благородной кровью, на эти рѣчи, которыя, какъ сказано въ протоколѣ, говорились „съ крайнимъ движеніемъ духа“, заявилъ: „И всякаго званія люди во всемъ государствѣ не безъ порученныхъ дѣлъ остаются: за кѣмъ какая должность состоитъ, по возможности своей и всѣ отправляютъ. Токмо нынѣ дѣло не о томъ идетъ, и гг. депутаты не на то собраны, чтобы честь себѣ приписывать, но объ узаконеніи всѣхъ вообще и каждаго въ особенности“. Словомъ, по словамъ Ключевскаго, „поверхъ всей неурядицы противорѣчивыхъ понятій, взаимныхъ сословныхъ недоразумѣній, неслаженныхъ или враждебныхъ интересовъ, дѣлавшихъ невозможнымъ составленіе стройнаго, справедливаго и для всѣхъ безобиднаго уложенія, откуда-то шло теченіе, которое несло сѣмена будущаго лучшаго порядка: оно проявлялось въ требованіяхъ изданія закона „къ приведенію разнаго званія народа въ содружество“, всесословнаго участія въ мѣстномъ управленіи, учрежденія краткихъ словесныхъ судовъ, вѣротерпимости, учрежденія академій, университетовъ, гимназій, городскихъ и сельскихъ школъ и т. п. Это теченіе шло изъ общаго возбужденія умовъ, начавшагося вмѣстѣ съ царствованіемъ“ [1]).

Депутатамъ казалось, что наступаетъ новая эпоха въ жизни

---

[1]) Р. М., 1896 г. № 11, с. 170.

Россіи: „Пороки исчезаютъ, и корень ихъ пресѣкается; но съ кротостью исправляются нравы, просвѣщаются умы, и добродѣтели подъ священною сѣнью престола процвѣтаютъ; нужнѣйшія роду человѣческому искусства—земледѣліе и домоводство — монаршимъ взоромъ ободряются, торговля возрастаетъ и съ нею изобиліе рукодѣлій умножается", какъ говорили они въ сентябрѣ 1767 г., когда заранѣе подносили Екатеринѣ титулъ Премудрой, Великой и Матери Отечества [1]).

Наивной вѣрой во всемогущество и въ желаніе власти искоренять всѣ упущенія проникнуты были не одни только русскіе депутаты: Наказъ произвелъ большое впечатлѣніе даже за границей, хотя тамъ лучше видѣли цѣну Екатерининскихъ увлеченій философіей. Списанный изъ тѣхъ авторовъ, которые свободно обращались на Западѣ, онъ, однако, было запрещенъ тамъ, такъ какъ въ немъ, очевидно, увидѣли попытку отъ словъ перейти къ дѣлу. Теперь, когда собрана была комиссія, въ ней увидѣли уже практическое приложеніе давно извѣстныхъ идей. Энтузіасты, которые сами мечтали объ этомъ, еще болѣе воспламенились: „многіе изъ нихъ наивно увѣровали въ то, что въ Россіи насталъ золотой вѣкъ и открылся просторъ для всякихъ попытокъ перестроить и обновить жизнь. Молодой Бернарденъ-де-Сенъ-Пьеръ полетѣлъ къ намъ въ надеждѣ основать на берегахъ Аральскаго моря что-то въ родѣ свободныхъ американскихъ общинъ XIX в." [2]).

И такъ была сильна эта вѣра, что даже тогда, когда комиссія была уже распущена, Дидро, вообще наиболѣе осторожный и вдумчивый изъ философовъ, все еще продолжалъ думать, что, „почва Россіи свободна и все во власти помазанницы, данной ей Богомъ для ихъ взаимной славы".

Въ этомъ возбужденіи умовъ и надеждъ лежитъ корень дѣятельности всѣхъ трехъ крупныхъ группъ русской интеллигенціи XVIII в.: въ комиссіи началъ дѣйствовать талантливый защитникъ дворянскихъ исключительныхъ привилегій—кн. Щербатовъ, въ годъ ея созыва выѣхалъ въ Лейпцигъ Радищевъ съ товарищами, сгорая страстнымъ желаніемъ поработать съ помощью западной науки на пользу родной странѣ, и въ ней же началъ свою дѣятельность въ качествѣ скромнаго секретаря Н. И. Новиковъ.

---

[1]) П. С. З., № 12978.

[2]) Веселовскій, Западное вліяніе въ русской литературѣ, с. 68.

IV.

Оффиціальная сатира и сатира Новиковскаго журнала „Трутень".

Въ то время, когда кн. Щербатовъ явился въ комиссію талантливымъ и убѣжденнымъ защитникомъ дворянскихъ исключительныхъ привилегій, Н. И. Новиковъ занималъ въ ней скромное мѣсто секретаря въ частной комиссіи „о среднемъ родѣ людей" и иногда секретаря въ общемъ собраніи большой комиссіи. Ему было тогда всего 23 года, и онъ былъ всего лишь унтеръ-офицеромъ Измайловскаго полка. Родился Н. И. Новиковъ въ родовомъ имѣніи своего отца Тихвинскомъ-Авдотьинѣ, въ теперешнемъ Бронницкомъ у., Московской губ., 27 апрѣля 1744 г.

На допросѣ въ Шлиссельбургѣ въ 1792 г. о своихъ родителяхъ и о себѣ онъ показалъ слѣдующее:

„Родитель мой отставленъ статскимъ совѣтникомъ; вступилъ въ службу блаженныя памяти при императорѣ Петрѣ Великомъ во флотъ, какъ происходилъ чинами не знаю, но вѣдаю и помню, что онъ былъ корабельнымъ секретаремъ, послѣ капитаномъ, изъ котораго чина и отставленъ къ статскимъ дѣламъ, помнится, въ царствованіе императрицы Анны Ивановны, и опредѣленъ былъ воеводою въ Алатырѣ; долго ли же былъ не помню, откуда отставленъ отъ всѣхъ дѣлъ, и блаженныя памяти при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ награжденъ помянутымъ чиномъ, имѣнія за нимъ было родового и по приданству, помнится, слишкомъ 700 душъ. Сіе досталось по кончинѣ его (въ 1756 г.) покойной матери нашей Аннѣ Ивановнѣ съ нами, изъ котораго дано за двумя сестрами моими, кажется, около 120 или 150 душъ въ приданое; да продано покойной матерью нашею около 150 душъ, а по ней досталось намъ съ братомъ

около 400 душъ. Послѣ родителя нашего Ивана Васильевича достался еще въ Москвѣ деревянный домъ, который и проданъ родительницей нашей и купленъ ею былъ другой, который и достался также намъ. Службу мою началъ лейбъ-гвардіи въ Измайловскомъ полку солдатомъ 1762 г. съ января и продолжалъ въ томъ полку; будучи унтеръ-офицеромъ, взятъ былъ въ комиссію о сочиненіи проекта новаго уложенія, и опредѣленъ въ комиссію о среднемъ родѣ людей, гдѣ и находился содержателемъ дневной записки и во время диспутовъ прикомандированъ былъ въ общее собраніе къ держанію дневной же записки. Въ 1768 г. отъ комиссіи уволенъ и отставленъ поручикомъ“ [1]).

Въ противоположность Щербатову, Новиковъ получилъ очень небольшое образованіе. Въ 1815 г. онъ самъ свидѣтельствовалъ Карамзину: „Не забывайте, что съ вами говоритъ идіотъ, не знающій никакихъ языковъ, не читавшій никакихъ школьныхъ философовъ, и они никогда не лѣзли въ мою голову; это странность, однако истинно было такъ“ (Цит. Лонгинова, с. 9).

Подробныхъ данныхъ о томъ, какъ шло образованіе Новикова, не имѣется. Извѣстно, что онъ былъ въ гимназіи только что основаннаго тогда Московскаго у-та, но какъ и чему онъ учился здѣсь, свѣдѣній нѣтъ. Его имя три года значится въ спискѣ гимназистовъ по классу франц. языка, въ 1758 г. онъ помѣщенъ въ спискѣ учениковъ, достойныхъ награды, а въ 1760 г. въ „Московск. Вѣдом.“ онъ же находится въ спискѣ исключенныхъ „за лѣность и нехожденіе въ классы“.

На этомъ, вѣроятно, и оборвалось школьное образованіе Новикова, такъ какъ въ 1762 г. онъ уже поступилъ въ полкъ на службу. Но онъ, несомнѣнно, самоучкой много поработалъ надъ своимъ самообразованіемъ, во всей его дѣятельности чувствуется широкій кругозоръ и вдумчивое отношеніе къ дѣйствительности. Это, повидимому, бросалось въ глаза и современникамъ. Въ 1772 г. въ „Живописцѣ“, который издавался Новиковымъ, находится такое письмо читателя къ издателю: „Всего удивительнѣе, что вы, не зная ни по-французски ни по-нѣмецки, слѣдовательно, по одному природному разуму и остротѣ, не заимствуя отъ чужестранныхъ писателей, пишете такіе листочки, которые многимъ вкусъ знающимъ людямъ нравятся“.

---

[1]) Лонгиновъ, Новиковъ и московскіе мартинисты. Прилож., № 26, с. 073.

О томъ же положительно говоритъ другой современникъ, близкій къ Новикову, Карамзинъ: „Г. Новиковъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ сдѣлался извѣстенъ публикѣ своимъ отличнымъ авторскимъ дарованіемъ: безъ воспитанія, безъ ученія писалъ остроумно, пріятно и съ цѣлью нравственной“ [1]).

Ему было всего 25 лѣтъ, когда онъ выступилъ на общественное поприще своимъ сатирическимъ журналомъ „Трутень“, и уже въ предисловіи къ нему онъ поставилъ вопросъ, который онъ разрѣшалъ всей своей жизнью, и намѣтилъ общее направленіе, въ какомъ онъ его будетъ разрѣшать: „Всякая служба не склонна съ моей склонностью. Военная кажется мнѣ очень безпокойною и угнетающею человѣчество; она нужна и безъ нея никакъ не можно обойтись, она почтенна, но она не по моимъ склонностямъ. Приказная хлопотлива... надлежитъ знать всѣ пронырства, въ дѣлахъ употребляемыя. И хотя она и по сіе время еще гораздо наживна, но, однакожъ, она не по моимъ склонностямъ. Придворная всѣхъ покойнѣе, и была бы легче всѣхъ, ежели бы не надлежало знать напзусть притворства въ гораздо высшей степени, нежели сколько должно знать ее актеру... Къ чему жъ потребенъ я въ обществѣ? Безъ пользы въ свѣтѣ жить, тягчить лишь только землю“ [2]).

У молодого издателя есть уже сознательное пониманіе необходимости общественнаго служенія, но это служеніе онъ началъ осуществлять мало обычнымъ путемъ журналиста. Корень общественнаго настроенія Новикова, несомнѣнно, долженъ лежать въ глубокомъ возбужденіи общественнаго чувства, какимъ характеризуется начало екатерининскаго царствованія, и которое особенно рельефно проявилось въ екат. законодат. комиссіи, а путь журналиста указанъ былъ самой Екатериной.

Съ комиссіей Екатерина потерпѣла неудачу: у депутатовъ оказались свои представленія объ общемъ благѣ, отличныя отъ представленій государыни, и свои понятія о способахъ его достиженія. Изъ этого противорѣчія Екатерина заключила лишь, что всѣ ослѣплены предразсудками среды, сословія, культурнаго прошлаго, не способны подняться выше ихъ и пойти навстрѣчу ея высокому призыву. Ей казалось, что депутаты не доросли до пониманія ея благихъ цѣлей, и она рѣшила подго-

---

[1]) Лонгиновъ, Прил., 49, с. 0161.
[2]) „Трутень“, с. 8—10.

товить подданныхъ къ пониманію ихъ другими средствами: если они оказались неспособны создать идеальные законы по философскимъ принципамъ ея Наказа и тѣмъ лишили себя всеобщаго блаженства, то она рѣшила перевоспитать подданныхъ и тѣмъ подготовить почву для посѣва своихъ принциповъ. Подданные погрязли въ предразсудкахъ, и Екатерина рѣшила прежде всего обличить ихъ. Обличать русскую дѣйствительность императрица начала еще въ своемъ манифестѣ о восшествіи на престолъ, теперь она для этого обличенія стала дѣйствовать путемъ журналистики: въ 1769 г. сталъ выходить еженедѣльникъ „Всякая Всячина“, редакторомъ котораго считался секретарь императрицы по принятію прошеній, Козицкій, но въ дѣйствительности его вела сама императрица. Починъ ея въ дѣлѣ обличенія недостатковъ нашей дѣйствительности совпалъ съ тѣмъ могучимъ обличительнымъ настроеніемъ, какое свойственно вообще всякому моменту подъема общественнаго сознанія и какое въ особенности чувствовалось въ русскомъ обществѣ екатерининскихъ временъ, когда молодая мысль охотно обольщалась надеждами на силу обличенія. „Подъемъ духа сопровождался у людей екатерининскаго времени возбужденіемъ умовъ, которое помѣшало имъ принять самомнѣніе за національное самосознаніе. Почувствовавъ важное значеніе своего отечества, они спѣшили хорошенько осмотрѣть себя, чтобы видѣть, приготовлены ли они къ выступленію на большую сцену. Они умѣли замѣтить и имѣли добросовѣстность сознаться, что не могутъ еще появиться въ европейскомъ свѣтѣ такъ, какъ того требуетъ достоинство ихъ отечества, что величіе и могущество имперіи, о чемъ твердила Екатерина иностранцамъ, опираются собственно на силы народной массы, а они, образованные и руководящіе классы, обязанные выражать разумъ своего народа, еще не въ состояніи стать его достойными выразителями. Въ этомъ сознаніи источникъ той горячей энергіи, съ какой заговорила при Екатеринѣ журнальная и театральная сатира. Самообличеніе было прямымъ слѣдствіемъ разумно направленнаго патріотическаго чувства: изъ любви къ отечеству обличали себя, недостойныхъ сыновъ его“ [1]).

Въ томъ же году, когда сталъ выходить журналъ Екатерины,

---

[1]) Ключевскій, Императрица Екатерина II. „Русск. Мысль“, 1896 г., № 11, с. 166.

появилось еще семь сатирическихъ журналовъ, и въ числѣ ихъ былъ „Трутень“ Новикова.

Для наблюдательнаго человѣка, который сумѣлъ въ силу тѣхъ или иныхъ условій стать выше окружающей среды, жизнь всегда даетъ большой матеріалъ для сатиры, но его особенно было много въ XVIII в. Русская жизнь, несомнѣнно, перестраивалась тогда по западно-европейскому образцу, но перестраивалась по частямъ, безъ опредѣленнаго плана. При безпорядочности этого переустройства въ ней долго не могли сложиться прочныя культурныя традиціи, построенныя на новыхъ началахъ. Безпорядочность сказывалась всюду: и въ дѣйствіи государственнаго механизма, и въ частной жизни, но особенно печально отразилась она на нравахъ.

При отсутствіи просвѣщенія они и въ Московской Руси не блистали своей чистотой, но тамъ произволъ личныхъ аппетитовъ до нѣкоторой степени сдерживался религіей и общимъ „чиномъ“ жизни, авторитетъ котораго былъ освященъ вѣками. По дорогѣ къ Западу эти авторитеты порастерялись, а новшества иноземной культуры давали слишкомъ много соблазновъ для проявленія самыхъ темныхъ и низменныхъ качествъ человѣческой природы. Все общество было охвачено безудержной погоней за наслажденіемъ, особенно привилегированные слои общества, дворянство, гдѣ былъ немалый досугъ для „людскости“, благодаря освобожденію отъ обязательной службы государству, и гдѣ чувствовался извѣстный достатокъ, благодаря крѣпостному труду.

При такихъ условіяхъ матеріала для сатиры было достаточно, и уже отъ самого сатирика зависѣло, насколько глубоко онъ захватитъ русскую дѣйствительность въ свою сатиру.

„Всякая Всячина“ принципіально признаетъ, что сатира должна быть живымъ откликомъ на дѣйствительность. На одной изъ ея страницъ разсказывается, какъ каждый день „разсыпаются по всему городу“ сотрудники журнала для собиранія матеріала. „Нѣтъ гулянья, нѣтъ празднества или иныхъ народныхъ собраній, гдѣ бы не имѣли мы,—говорится здѣсь,—глазъ или ушей для имянія въ плѣнъ всего того, что можетъ подать намъ поводъ къ разсужденію и къ разнымъ описаніямъ обращеній вѣка нашего“ (с. 243).

Но поводы къ разсужденію „Всякая Всячина“ брала либо слишкомъ отвлеченные, нисколько нехарактерные для тогдащ-

ней русской жизни, либо частные и мелочные, касавшіеся лишь нетипическихъ явленій. Она обличаетъ скупость или мотовство, щегольство или неряшество, суевѣрія, невѣжество, сплетни и т. п. отвлеченные недостатки, но никогда не даетъ конкретнаго примѣра, какъ и почему они проявляются въ русской жизни. Съ другой стороны, затрагивая эти общіе недостатки, она обращаетъ свое вниманіе лишь на внѣшнія ихъ проявленія. Напримѣръ, такое обличеніе: „Многія молодыя дѣвушки чулковъ не вытягиваютъ, а когда сядутъ, тогда ногу на ногу кладутъ; черезъ что подымаютъ юбку такъ высоко, что я сіе примѣтить могъ, а иногда и болѣе сего“ („Вс. Вс.“, с. 156).

Рядомъ съ такими обличеніями сплошь и рядомъ попадаются письма, гдѣ авторъ обращается въ редакцію за совѣтомъ по своему личному дѣлу, напр., влюбленный хочетъ знать, порочна его любовь или нѣтъ, на что ему дается отвѣтъ: пусть съ дозволенія родительскаго сыграетъ свадьбу, „бракъ же честенъ, и ложе брачное не скверно и не порочно“ (ib., с. 232). Осмѣивая такимъ образомъ лишь отвлеченные недостатки и разрѣшая случайныя личныя затрудненія, „Всякая Всячина“ проходила мимо общественныхъ пороковъ, а если иной разъ и задѣвала ихъ, то какъ-то совсѣмъ незамѣтно. Касаясь, напр., и то только одинъ разъ, крѣпостного права, „Вс. Вс.“ даетъ лишь такую блѣдную картину.

„Лишь успѣлъ я переѣхать, то услышалъ вмѣсто поздравленія съ новосельемъ превеликій крикъ. Я освѣдомился, что тому причиною? Мнѣ сказали, что мой сосѣдъ милостиво наказываетъ своихъ людей на конюшнѣ своей плетьми. Я спросилъ, часто ли это бываетъ? Отвѣтствовали мнѣ, что кромѣ воскресныхъ дней и господскихъ праздниковъ почти всякій день“ („Всяк. Всяч.“ с. 89—90).

Русская дѣйствительность совсѣмъ не чувствуется въ сатирѣ „Вс. Вс.“, и для нея совсѣмъ не нужно было разсылать агентовъ, чтобы собирать матеріалъ. Впрочемъ, ихъ и не посылали на самомъ-то дѣлѣ: матеріалъ брался уже готовый, изъ англійскаго сатирическаго журнала „Спектаторъ“. Изслѣдователь по этому вопросу, г. Солнцевъ, въ статьѣ „Всякая Всячина“ и Спектаторъ“ („Ж. М. Н. П.“ 1892 г., № 1), пришелъ къ рѣшительному выводу, что нельзя указать почти ни одного явленія обыденной жизни, которое раньше не было бы отмѣчено „Спектаторомъ“. Оттуда бралось и содержаніе сатиры, и ея форма, и даже тонъ.

„Спектаторъ“ въ Англіи расходился въ количествѣ 3—4 тысячъ экземпляровъ, а отдѣльные томы—до 10 тысячъ экземпляровъ, и былъ образцомъ для многочисленныхъ подражаній на континентѣ, но русское подражаніе ему во „Всякой Всячинѣ“ оказывалось блѣднымъ и прѣснымъ: пропадалъ острый и мѣткій языкъ подлинника, а кромѣ того, при передѣлкѣ дѣлались выпуски въ ущербъ серьезности содержанія. При такихъ условіяхъ сатира „Всякой Всячины“ меньше всего могла быть бичомъ для пороковъ, это была скорѣе добродушная ворчня старой „бабушки“ (какъ она окрестила себя), вниманіе которой захватывали лишь несущественныя мелочи въ поведеніи ея внуковъ и внучекъ. А когда эта бабушка принималась учить, ея поученія выходили оторванными отъ художественнаго образа и были выражены такимъ безличнымъ и резонирующимъ тономъ, что, конечно, пропускались мимо ушей. Вотъ, напр., поученіе объ истинномъ достоинствѣ человѣка.

„Вы хотите быть почтенны? Но что производитъ почтеніе? Порода, достоинство, чины, власть, богатство? Нѣтъ, воистину. Презрительный человѣкъ и знатныя породы и имѣющій достоинства, чины, власть и богатства, все-таки будетъ не въ почтеніи, но презрителенъ для того, что презрѣніе въ его особѣ. Почтеніе же къ особѣ производить могутъ одни качества сердца и души; доброе сердце, наполненное человѣколюбіемъ, распространеннымъ къ высшимъ, равнымъ и низшимъ себя. Ни спѣсь, ни гордость, но снихожденіе къ роду человѣческому украшаетъ человѣка. Ибо всякій смертный долженъ знать прежде всего, что онъ есть человѣкъ, во всемъ равный роду человѣческому. Кто знаетъ сіе твердо и учреждаетъ по тому свои поступки, тому человѣку можно дозволить и другихъ знаніе, а не прежде. Ибо то знаніе есть первое изъ всѣхъ человѣческихъ нравоучительныхъ знаній“ („Всяк. Всяч.“, с. 150).

Очень мѣтко подвелъ итоги значенію „Всякой Всячины“ журналъ Чулкова „И то и сіо“, когда писалъ такое обращеніе къ „бабушкѣ“: „Ты исправила грубые наши нравы и доказала намъ, что надобно обѣдать тогда, когда ѣсть захочется. Твоя философія научила насъ и тому, что ежели кто не имѣетъ лошади, то тотъ непремѣнно пѣшкомъ ходити долженъ“.

Иначе подошелъ къ русской дѣйствительности „Трутень“ Новикова: онъ выбиралъ изъ нея случаи наиболѣе типичные, и не для отдѣльныхъ личностей, а для цѣлаго общества, ри-

совалъ ихъ со всѣми конкретными особенностями и связывалъ въ живой художественный образъ, и, конечно, живой образъ долженъ былъ производить болѣе глубокое впечатлѣніе на читателя, чѣмъ сухая мораль.

Такимъ способомъ „Трутень“ подводилъ читателя къ самымъ характернымъ язвамъ русской общественности и вскрылъ ихъ въ своей сатирѣ на всемъ протяженіи русской жизни сверху донизу.

Вторя Екатеринѣ, что государь долженъ жить единственно для блага народа, и превознося ея правленіе за „ея о поддапныхъ попеченіе и неусыпныя труды, за ея учрежденія о вкорененіи добрыхъ нравовъ, за введеніе наукъ и художествъ, за ея прозорливое избраніе властей правительствующихъ, за ея правосудіе, за ея щедроты, рѣками изобильно на всѣхъ изливаемыя“, „Трутень“ не переставалъ твердить, что государь долженъ окружать себя добрыми и умными совѣтниками, что знатный человѣкъ, „поелику отличенъ отъ прочихъ знатностью своего сана, потолику бы отличался и добродѣтелью; чтобы, восходя на степень знатности, не позабывалъ, что тѣ бѣдные, отъ конхъ онъ отличенъ, остались еще такими же бѣдными, и что они требуютъ его помощи“; нужно, чтобы онъ „не затворялъ своего слуха отъ просьбъ бѣдныхъ, и тѣмъ не скучалъ, что онъ можетъ дѣлать добро, чтобы старался о благосостояніи государства больше, нежели о самомъ себѣ“. Такихъ добродѣтельныхъ лицъ „Трутень“, однако, немного насчиталъ при дворѣ Екатерины: всего 8 человѣкъ, имена которыхъ онъ скрылъ подъ инпціалами О., П., П., С., В., Ш., Б., В. [1]). Объ остальныхъ онъ умалчивалъ, но это молчаніе поневолѣ выходило краснорѣчивымъ, когда онъ рядомъ съ этимъ говорилъ, что у многихъ знатныхъ вельможъ лесть свила себѣ такое прочное гнѣздо, что остается всѣмъ сдѣлаться льстецами, кто хочетъ сыскать свое счастье; что вельможи знатны не своими

[1]) Можно гадать, кто бъ они были, и изслѣдователи дѣйствительно гадали:

Шумигорскій подъ инпціалы добродѣтельныхъ вельможъ въ „Трутнѣ“ вставляетъ слѣдующія фамиліи: О. (гр. Орловъ), П. (Панинъ), П. (Нарышкинъ), С. (Салтыковъ), В. (Вяземскій), Ш. (Шуваловъ), Б. (Бибиковъ) и В. (Всеволожскій).

Вмѣсто Вяземскаго, Шувалова и Бибикова, Ефремовъ ставитъ Васильчикова, Шереметьева и Безбородко, но Шумигорскій указываетъ, что въ то время эти лица были еще въ малыхъ чинахъ и не выдвигались при дворѣ (с. 52).

добродѣтелями, а лишь своей породой, которую они спѣсиво ставятъ выше всего.

Портретъ дворянской спѣси въ „Трутнѣ“ вытравленъ рѣзкими чертами. Вотъ, напр., его превосходительство г. Недоумъ. „Сей вельможа имѣетъ горячку величаться своею породой. Онъ производитъ свое поколѣніе отъ начала вселенной, презираетъ всѣхъ тѣхъ, кои дворянства своего, по крайней мѣрѣ за 500 лѣтъ, доказать не могутъ; а которые сдѣлались дворянами лѣтъ за сто или меньше, съ тѣми и говорить онъ гнушается. Тотчасъ начинаетъ его трясти лихорадка, если кто передъ нимъ упомянетъ о крестьянахъ или мѣщанахъ... Онъ желаетъ, чтобы на всемъ земномъ шарѣ не было другихъ тварей, кромѣ благородныхъ, и чтобы простой народъ совсѣмъ былъ истребленъ, о чемъ неоднократно подавалъ онъ проекты, которые многихъ ради хорошихъ и отмѣнныхъ мыслей были похваляемы; а многими были опорочены для того, что изобрѣтатель, для произведенія въ дѣйство своей выдумки, требовалъ напередъ трехъ сотъ милліоновъ рублей. Вельможа нашъ ненавидитъ и презираетъ всѣ науки и художества, почитаетъ оныя безчестіемъ для всякой благородной головы. По его мнѣнію всякій шляхтичъ можетъ все знать, ничему не учась; философія, математика, физика и прочія науки суть бездѣлицы, не стоящія вниманія дворянскаго. Гербовники и патенты, едва-едва отъ пыли и моли спасшіеся, суть однѣ книги, кои онъ безпрестанно по складамъ разбираетъ. Александрійскіе листы, на которыхъ имена его предковъ расписаны въ кружкахъ, суть однѣ картины, коими весь домъ его украшенъ; короче сказать, деревья, черезъ которыя онъ происхожденіе своего рода означаетъ, хотя многія сухія имѣютъ отрасли, но нѣтъ на нихъ такова гнилова сучка, каковъ онъ самъ, и нѣтъ такой во всѣхъ его фамильныхъ гербахъ скотины, каковъ его превосходительство. Однако г. Недоумъ о себѣ думаетъ противное, и, по крайней мѣрѣ въ разумѣ, великимъ человѣкомъ, а въ породѣ божкомъ себя почитаетъ“.

Горячка, которой боленъ г. Недоумъ, захватила, по изображенію „Трутня“, и все общество. Людямъ знатнымъ, не своими добродѣтелями, а своимъ родомъ, давалось вездѣ предпочтеніе: изъ нихъ выходили наиболѣе желательные кандидаты на общественныя должности, къ нимъ же и судъ относился благосклоннѣе, что бы они ни надѣлали. Судья, оказывается, „всякія преступленія низкой только породѣ по предубѣжденію приписуетъ,

какъ будто бы между благорожденными не было ни воровъ, ни разбойниковъ, ни душегубцевъ". У такого судьи незнатный всегда виноватъ, и „Трутень" даетъ много конкретныхъ примѣровъ такого суда.

Правосудія нѣтъ въ судахъ, тамъ процвѣтаетъ взяточничество либо въ прямой своей формѣ „барашка въ бумажкѣ", либо подъ разными другими замысловатыми способами: судья, напр., бьется объ закладъ съ истцомъ, что окончитъ его дѣло къ извѣстному числу, или судья вершитъ дѣло послѣ двухъ часовъ, указывая, что онъ обязанъ сидѣть въ присутствіи только до двухъ часовъ, а если сидитъ больше, то лишь по дружбѣ, а за дружбу не грѣхъ взять и „подарки", или, наконецъ, судьи требуютъ угощенія отъ тяжущихся за энергичное веденіе дѣла, и послѣ такого угощенія, конечно, „правосудіе начинаетъ уже шататься". Совѣсть для судьи совсѣмъ не нужна, и всякій вновь назначенный „для облегченія въ пути продаетъ свою совѣсть". „Трутень" указываетъ, что судъ жестокъ, что тамъ употребляются побои „ко взысканію злодѣянія", въ судѣ царятъ плети, кошки и застѣнки, хотя „одинъ золотникъ здороваго судейскаго разсудка больше истины открываетъ", чѣмъ эти мѣры.

Но что сильнѣе всего держится въ судахъ, такъ это волокита приказная, хожденіе по разнымъ мытарствамъ и выслушиваніе безконечныхъ „завтра". „Нѣтъ средства,—восклицаетъ сатирикъ,—чтобы не писать сатиръ на подъячихъ: сія тварь весьма несносна честнымъ людямъ!". Примѣръ правящихъ сословій заражаетъ и другіе слои населенія, особенно купечество, и оно начинаетъ стремиться къ легкой наживѣ и грезитъ о дворянскомъ положеніи.

Сатира „Трутня" обращается съ такимъ рецептомъ къ одному изъ такихъ кущовъ.

„Ваша милость имѣлъ случай съ помощью подкупленныхъ тобою бояръ, судей и подъячихъ набогатиться отъ откуповъ и подрядовъ или, лучше сказать, отъ разоренія народнаго. Хотя наполнилъ ты мѣшки свои серебромъ и золотомъ, но видно не наполнилъ ты головы своей разумомъ: презирая науки и почитая за грѣхъ читать свѣтскія книги, ты стараешься выйти въ другой свѣтъ, въ коемъ ты не родился, а именно: ты добиваешься быть дворяниномъ и имѣть чины: сыновей женить на дворянкахъ, а дочерей выдавать за дворянъ. Желать на-

добно, чтобы сіе сбылось; ибо ничто не вылѣчитъ такъ скоро твоей алчности къ чинамъ и дворянству, какъ то раскаяніе, когда новые твои сродники все твое безъ совѣсти нажитое имѣніе промотаютъ".

Во всѣхъ этихъ обличеніяхъ настойчиво указывается на отсутствіе образованія, какъ на одну изъ главныхъ причинъ существованія въ обществѣ указанныхъ пороковъ. Отъ невѣжества люди кичатся своей породой, отъ невѣжества они свои личныя выгоды ставятъ выше всего и беззастѣнчиво угнетаютъ людей слабыхъ или подчиненныхъ, отъ невѣжества царитъ въ судахъ неправда и лихоимство.

Это невѣжество было разныхъ оттѣнковъ. Поклонники старины, прикрываясь снаружи благочестіемъ, сторонились образованія, якобы изъ убѣжденія, что грѣшно испытывать судьбы Божія, изучая въ книгахъ его мірозданіе. Дворянинъ зачастую считалъ для себя совсѣмъ ненужнымъ образованіе—„науки суть бездѣлицы, не стоящія вниманія дворянскаго". А рядомъ съ этимъ невѣжествомъ по убѣжденію, было еще другое, худшее; многіе „не учась ничему, но только мимоходомъ прочитавъ книги, о всѣхъ наукахъ разсуждаютъ и спорятъ, отчего и писателей показалось много, а особливо стихотворцевъ".

Многіе изъ такихъ „ученыхъ невѣждъ" для „просвѣщенія" ѣздили даже за границу, и „Трутень" клеймитъ ихъ своимъ знаменитымъ объявленіемъ: „Молодого россійскаго поросенка, который ѣздилъ по чужимъ землямъ для просвѣщенія своего разума, и который, объѣздивъ ихъ съ пользой, возвратился уже совершеною свиньей, желающіе смотрѣть могутъ его видѣть безденежно по многимъ улицамъ сего города".

Такой же типъ молодыхъ людей фабриковался и у насъ въ Россіи гувернерами-иностранцами и иностранными пансіонами. Плохая подготовка привозныхъ учителей и ихъ сомнительное прошлое засвидѣтельствовано было именнымъ указомъ объ открытіи Московскаго университета, и въ „Трутнѣ" вниманіе сатиры часто останавливается на нихъ.

Въ извѣстіи изъ Кронштадта сообщается:

„На сихъ дняхъ въ здѣшній портъ прибылъ изъ Бордо корабль: на немъ, кромѣ самыхъ модныхъ товаровъ, привезены 24 француза, сказывающіе о себѣ, что они всѣ бароны, шевалье, маркизы и графы... Многіе изъ нихъ въ превеликой жили ссорѣ съ парижской полиціей... и ради того пріѣхали они

сюда и намѣрены поступить въ должности учителей и гофмейстеровъ молодыхъ благородныхъ людей. Любезные сограждане, спѣшите нанимать сихъ чужестранцевъ для воспитанія вашихъ дѣтей!"

„Поручайте немедленно будущую подпору государства симъ побродягамъ и думайте, что вы исполнили долгъ родительскій, когда наняли въ учители французовъ, не узнавъ прежде ни знанія ихъ, ни поведенія".

Истиннаго просвѣщенія, которое одно, по мнѣнію „Трутня", облагораживаетъ человѣка, прививаетъ ему желаніе дѣятельнаго добра въ интересахъ всего общества, было мало въ русскомъ обществѣ и особенно—въ кругу привилегированныхъ лицъ.

„Больше бездѣльства и беззаконія между дворянами водится, нежели между простымъ народомъ, называемымъ по несправедливости подлостью", утверждается въ одной статьѣ журнала. „Трутень" даетъ и объясненіе этому факту: при невѣжествѣ у дворянъ были большія средства въ рукахъ, которыя и шли на удовлетвореніе разныхъ прихотей. Такъ, рядомъ съ типомъ невѣжды, въ „Трутнѣ" выдвигался типъ пустого мота и щеголя, и „Трутень" скорбѣлъ, что при общей бѣдности простого люда громадныя средства у насъ уплываютъ за границу непроизводительно, на пустыя затѣи щеголей и мотовъ.

Вотъ картинка, списанная, можно сказать, съ натуры.

„На сихъ дняхъ прибыли въ здѣшній портъ корабли (изъ Руана и изъ Марселя). На нихъ слѣдующіе нужные намъ привезены товары: шпаги французскія разныхъ сортовъ, табакерки черепаховыя, бумажныя, сургучныя; кружевы, блонды, бахромки, манжеты, ленты, чулки, пряжки, шляпы, запонки и всякія такъ называемыя галантерейныя вещи; перья голландскія въ пучкахъ чиненыя и нечиненыя; булавки разныхъ сортовъ и прочіе модные мелочные товары; а изъ Петербургскаго порта на тѣ корабли грузить будутъ разныя домашнія наши бездѣлицы, какъ-то пеньку, желѣзо, юфть, сало, свѣчи, полотны и проч. Многіе наши молодые дворяне смѣются глупости гг. французовъ, что они ѣздятъ такъ далеко и мѣняютъ модные свои товары на наши бездѣлицы".

Возможность неограниченнаго обмѣна продуктовъ крестьянскаго хозяйства на всякіе модные заграничные товары разжигала аппетиты на нихъ, въ обществѣ создался особый чинъ

жизни по модѣ. „Трутень“ очень подробно въ цѣломъ рядѣ художественно-мѣткихъ образовъ показываетъ всю нелѣпость этого чина жизни, всю развращенность и извращенность нравовъ дворянскаго и соприкасающагося съ нимъ общества. Тонъ задавался сверху, изъ среды наиболѣе крупныхъ владѣльцевъ, а за ними тянулись и средніе и мелкіе. Въ погонѣ за модой обычныхъ доходовъ не хватало, ихъ приходилось извлекать изъ деревни энергичными мѣрами, и „Трутень“ не разъ останавливается на тяжеломъ положеніи крестьянъ въ такихъ деревняхъ. Въ знаменитой перепискѣ барина съ крестьянами своей вотчины онъ рисуетъ тяжелое экономическое положеніе крестьянъ. Читая ее и сравнивая съ тѣми документами, какіе дошли до насъ изъ эпохи крѣпостного права въ XVIII в., недоумѣваешь, что это: художественный ли образъ, или дѣйствительно копія съ живого документа.

Копія съ отписки.

„Указъ твой господскій мы получили, и денегъ оброчныхъ съ крестьянъ на нынѣшнюю треть собрали: съ сельскихъ ста душъ сто двадцать три рубли двадцать алтынъ; съ деревенскихъ съ пятидесяти душъ шестьдесятъ одинъ рубль семнадцать алтынъ; а въ недоимкѣ на нынѣшнюю треть осталось на сельскихъ двадцать шесть рублевъ четыре гривны, на деревенскихъ тринадцать рублевъ сорокъ девять копеекъ; да послано къ тебѣ, государь, прежней трети недоборныхъ денегъ съ сельскихъ и деревенскихъ сорокъ три рубли двадцать копеекъ, а больше собрать не могли: крестьяне скудны, взять негдѣ, нынѣшнимъ годомъ хлѣбъ не родился, насилу могли сѣмена въ гумны собрать. Да Богъ посѣтилъ насъ скотскимъ паденіемъ, скотина почти вся повалилась; а которая и осталась—такъ и ту кормить нечѣмъ, сѣна были худыя, да и соломы мало, и крестьяне твои, государь, многіе пошли по міру. Неплательщиковъ по указу твоему господскому на сходѣ сѣкъ нещадно, только они оброку не заплатили, говорятъ, что негдѣ взять. Съ Ѳилаткою, государь, какъ повелишь? Денегъ не платитъ, говоритъ, что взять негдѣ: онъ самъ все лѣто прохворалъ, а сынъ большой померъ, остались маленькіе ребятишки; и онъ нынѣшнимъ лѣтомъ хлѣба не сѣялъ, некому было землю пахать, во всемъ дворѣ была одна сноха, а старуха его съ печи не сходитъ. Подушныя деньги за него заплатилъ міръ, видя ево

скудость; а за твою, государь, недоимку по указу твоему продано ево двѣ клѣти за три рубли, за пять алтынъ, корова за полтора рубли, а лошади у него всѣ пали, другая коровенка оставлена для ребятишекъ, кормить ихъ нечѣмъ: міромъ сказали, буде ты ево въ томъ не простишь, то они за ту корову деньги отдадутъ, а ребятишекъ поморить и его въ конецъ разорить не хотятъ. При семъ послана къ милости твоей Ѳилаткина челобитная, какъ съ нимъ самъ повелишь, то и дѣлай; а онъ уже не плательщикъ, покуда не подростутъ ребятишки; безъ скотины, да безъ дѣтей нашъ братъ твоему здоровью не слуга. Міромъ, государь, тебѣ бьютъ челомъ о завладѣнной у насъ Нахрапцовымъ землѣ, прикажи ходить за дѣломъ: онъ насъ здѣсь разоряетъ и землю отрѣзалъ по самыя наши гумна, некуда и курицы выпустить; а на дѣло по указу твоему господскому собрано тридцать рублевъ и къ тебѣ посланы безъ доимки; за неплательщиковъ положили тяглые, только прикажи, государь, добиваться по дѣлу. Нахрапцовъ на насъ въ городѣ подалъ явочную челобитную, будто мы у него гусями хлѣбъ потравили, и по тому его челобитью была за мной изъ города посылка. Меня въ отчинѣ тогда не было, посыльные забрали въ городъ шесть человѣкъ крестьянъ въ самую работную пору; и я, государь, въ городъ ѣздилъ, просилъ Секретаря и Воеводу, и крестьянъ вашихъ выпустили, только по тому дѣлу стало міру: денегъ шесть рублевъ, возъ хлѣба, да пять возовъ сѣна. Нахрапцовъ попался намъ на дорогѣ и грозился насъ опять засадить въ тюрьму; секретарь ему родня, и онъ насъ очень обижаетъ. Отпиши, государь, къ прокурору: онъ бояринъ добрый, ничего не беретъ, когда къ нему на поклонъ придешь, и онъ твою милость знаетъ, авось либо онъ за насъ вступится и Секретаря уйметъ, а Воевода никакихъ дѣлъ не дѣлаетъ, ѣздитъ съ собаками, а дѣла всѣ знаетъ секретарь. Вступись, государь, за насъ своихъ спротъ: коли ты за насъ не вступишься, такъ насъ совсѣмъ разорятъ, и Нахрапцовъ всѣхъ насъ пуститъ въ міръ. Да еще твоему здоровью всѣмъ міромъ бьютъ челомъ о сбавкѣ оброчныхъ денегъ, намъ уже стало не въ моготу; послѣ переписи у насъ въ селѣ и въ деревнѣ померло больше тридцати душъ, а мы оброкъ платимъ все тотъ же; покуда смогли, такъ мы таки твоей милости тянулись, а а нынче стало уже не въ мочь. Буде не помилуешь, государь, то мы всѣ въ конецъ разоримся; неплательщики все прибавля-

ются, и я по указу твоему сборъ дѣлалъ всякое воскресенье, и неплательщиковъ сѣку на сходѣ, только имъ взять негдѣ, какъ ты съ ними ни поволишь. Еще твоей милости доношу, ягоды и грибы нынѣшнимъ лѣтомъ не родились, бабы просятъ, чтобы изволилъ ты взять деньгами, почему укажешь за фунтъ; да еще просятъ, чтобы за пряжу и за холстину изволилъ ты взять деньгами. Лѣсу твоего господскова продано крестьянамъ на дрова на семь рублевъ съ полтиною; да на двѣ избы по пяти рублевъ за избу. И деньги, государь, всѣ съ Антошкою посланы. При семъ еще послано штрафныхъ денегъ съ Ипатки за то, что онъ въ челобитьѣ своемъ тебя, государь, оболгалъ и на племянника сказалъ, будто онъ ево не слушался и за тѣмъ съ нимъ разошелся, взято по указу твоему тридцать рублевъ. Съ Антошки за то, что онъ тебя въ челобитной назвалъ отцомъ, а не господиномъ, взято пять рублевъ. И онъ на сходѣ высѣченъ. Онъ сказалъ: я де это сказалъ съ глупости, а на предки онъ тебя, государь, отцомъ называть не будетъ. Дьячку при всемъ мірѣ приказъ твой объявленъ, чтобы онъ впредь такъ не писалъ. Остаемся раби твои староста Андрюшка со всѣмъ міромъ, земно кланяемся.

Копія съ помѣщичьяго указа.

Человѣку нашему Семену Григорьеву!

Ѣхать тебѣ въ ****наши деревни, и по пріѣздѣ исправить слѣдующее:

1. Проѣздъ отсюда до деревень нашихъ и оттуда обратно имѣть на счетъ старосты Андрея Лазарева.

2. Пріѣхавъ туда, старосту при собраніи всѣхъ крестьянъ высѣчь нещадно за то, что онъ за крестьянами имѣлъ худое смотрѣніе и запускалъ оброкъ въ недоимку, и послѣ изъ старостъ его смѣнить, а сверхъ того взыскать съ него штрафу сто рублей.

3. Сыскать въ самую истинную правду, какъ староста, и за какія взятки оболгалъ насъ лживымъ своимъ докладомъ? За то прежде всево ево высѣчь, а потомъ начинать слѣдствіемъ порученное тебѣ дѣло.

4. Старосты Андрюшки и крестьянина Панфила Данилова, по коемъ староста учинилъ ложной доносъ, обоихъ ихъ домы опечатать и опредѣлить караулъ; а ихъ самихъ отдать подъ караулъ въ другой домъ.

5. Естли жъ въ чемъ-либо будутъ они чинить запирательство,

то объяви имъ, что они будутъ отданы въ городъ для наказанія по указамъ.

6. И какъ нѣтъ сумнѣнія, что староста доносъ учинилъ ложной, то за оное перевесть ево къ намъ на житье въ село ***; буде же онъ за дальнимъ растояніемъ перевозиться и разорять себя не пожелаетъ, то взыскать съ него за оное еще пятьдесятъ рублей.

7. Сколько пожитковъ всякова званія осталося послѣ крестьянина Анисима Иванова и получено крестьяниномъ Панфиломъ Даниловымъ, то все съ него съ Данилова взыскать и взять въ господскій дворъ, учиня всему тому опись.

8. Крестьянъ въ раздѣлѣ земли по просьбѣ ихъ поравнять по твоему благоразсужденію, но притомъ однакожъ объявить имъ, что сбавки съ нихъ оброку не будетъ, и чтобы они, не дѣлая никакихъ отговорокъ, оный платили бездоимочно; неплательщиковъ же при собраніи всѣхъ крестьянъ сѣчь нещадно.

9. Объявить всѣмъ крестьянамъ, что къ будущему размежеванію земель потребно взять опись; и для того на оное собрать тебѣ со крестьянъ сколько потребно будетъ на взятье выписи.

10. Въ начавшійся рекрутскій наборъ съ нашихъ деревень рекрута не ставить, ибо здѣсь за нихъ поставленъ въ рекруты Гришка Ѳедоровъ за чиненныя имъ неоднократно пьянствы и воровствы вмѣсто наказанія, а со крестьянъ за поставку того рекрута собрать по два рубли съ души.

11. За ложное показаніе Панфила Данилова и утайку свойства другихъ взять съ него, вмѣняя въ штрафъ, сто рублевъ; и ево перевесть къ намъ въ село*** на житье; а когда онъ просить будетъ, чтобы полученныя имъ неправильно пожитки оставить у него и его оставить на прежнемъ жилищѣ, то за оное взыскать съ нево, опричь штрафныхъ, двѣсти рублевъ.

12. По просьбѣ крестьянъ у Ѳилатки корову оставить, а взыскать за нее деньги съ нихъ; а чтобы они и впредь такимъ лѣнивцамъ потачки не дѣлали, то купить Ѳилаткѣ лошадь на мірскія деньги; а Ѳилаткѣ объявить, чтобы онъ впредь пустыми своими челобитными не утруждалъ и платилъ бы оброкъ безъ всякихъ отговорокъ бездоимочно.

13. Старосту выбрать міромъ и подтвердить ему, чтобы онъ о сборѣ оброчныхъ денегъ имѣлъ неусыпное попеченіе и неплательщиковъ бы сѣкъ нещадно; буде же какія впредь явятся недоимки, то оное взыскано будетъ все со старосты.

14. За грибы, за ягоды и протч. взять съ крестьянъ деньгами.
15. Выбрать шесть человѣкъ изъ молодыхъ крестьянъ и привесть съ собой для обученія разнымъ мастерствамъ.
16. По исправленіи всего вышеписаннаго ѣхать тебѣ обратно; а старостѣ накрѣпко приказать неусыпное имѣть попеченіе о сборѣ оброчныхъ денегъ".

N. B.

Г. Безразсудъ объясняетъ, что „крестьяне—не суть человѣки". Онъ разсуждаетъ: „Я господинъ, они мои рабы, они для того и сотворены, чтобы претерпѣвая всякія нужды, день и ночь работать и исполнять мою волю исправнымъ платежомъ оброка: они памятуя мое и свое состояніе должны трепетать моего взора". По его мнѣнію и въ священномъ писаніи „точно о крестьянахъ сказано: въ потѣ лица своего снеси хлѣбъ твой". Поклонникъ крестьянскаго трепета въ отношеніи къ помѣщику, г. Злорадъ убѣжденъ, „что слугъ ему подчиненныхъ къ исполненію своихъ должностей ничѣмъ инымъ принудить невозможно, какъ строгостью или паче звѣрствомъ и жестокими побоями. Для сей причины подчиненныхъ ему слугъ и за самомалѣйшія слабости и оплошности наказываетъ звѣрски".

Захватывая такимъ образомъ русское общество въ свою сатиру, „Трутень" подошелъ къ его главнымъ недостаткамъ во всѣхъ слояхъ: вверху у трона—лишь восемь добродѣтельныхъ вельможъ, въ правительственныхъ учрежденіяхъ—взяточничество и казнокрадство, предпочтеніе дворянства, невѣжественнаго и развращеннаго, передъ „подлыми"—въ основѣ всего общества и, какъ результатъ, угнетенное положеніе среднихъ слоевъ и особенно низшихъ—крестьянъ.

По сравненію съ сатирой „Всякой Всячины" сатира „Трутня" рѣзко отличается своимъ общественнымъ содержаніемъ, и это всякому бросалось въ глаза съ самыхъ первыхъ шаговъ Новиковскаго журнала.

По выраженію его собрата—„Смѣси"—сатира журнала Екатерины была лишь „благороднымъ и моднымъ упраженіемъ, коимъ увеселяются и знатные люди", а не общественнымъ служеніемъ, и „Смѣсь" подчеркнула заслуги издателя „Трутня" именно съ этой стороны: „Г. издатель „Трутня"! прочитавъ вашего изданія листы, началъ я имѣть къ вамъ почтеніе; ваши сочиненія имѣютъ въ себѣ меньше увеселенія, но больше

пользы". Пусть за это будутъ на васъ клеветать и обвинять въ общей ненависти ко всему человѣческому роду, пишетъ дальше „Смѣсь": „не смотрите на клевещущихъ васъ, презирайте ихъ и продолжайте свой трудъ такъ, какъ вы начали: выводите порочныхъ, ибо пороки, вообще осмѣиваемые, не исправятъ порочныхъ настоящаго времени. Вы тѣмъ не раздражите истинныхъ сыновъ отечества: ибо они сплетаютъ вамъ за сіе похвалы".

„Трутень" дѣйствительно пользовался большимъ сочувствіемъ среди незнатныхъ круговъ общества. Читатели были довольны имъ потому, что онъ, по ихъ выраженію, „не обиралъ около себя вздоровъ, не писалъ сказочекъ, или что-нибудь посмѣшнѣе, такъ, какъ другіе писатели журналовъ дѣлаютъ".

Очевидно, Новиковъ и Екатерина по разному взглянули на русскую дѣйствительность и на свои отношенія къ ней, и скоро обнаружилось, что это различіе принципіальнаго свойства.

Когда какой-то г. А. прислалъ во „Всякую Всячину" статью, очевидно, съ болѣе серьезнымъ содержаніемъ, чѣмъ обычныя статьи этого журнала, „Всякая Всячина" отказалась ее принять и такъ мотивировала этотъ отказъ: „Любовь его къ ближнему болѣе простирается на исправленіе, нежели на снисхожденіе и человѣколюбіе; а кто только видитъ пороки, не имѣвъ любви, тотъ неспособенъ подавать наставленія другому... Итакъ, просимъ г. А. впредь подобными присылками не трудиться; *нашъ полетъ по землѣ, а не на воздухъ, еще же менѣе до небеси: сверхъ того мы не любимъ меланхолическихъ писемъ*".

Смыслъ послѣднихъ строкъ, очевидно, такой, что только неисправимые мечтатели способны съ высоты своего идеала вездѣ находить несовершенства, или же такъ дѣйствуютъ люди больные—меланхолики.

Издатель „Всякой Всячины" хотѣлъ отмежеваться отъ неисправимыхъ фантазеровъ-идеалистовъ и поставить себя выше больныхъ людей: люди съ здравымъ смысломъ (Екатерина неоднократно подчеркиваетъ въ своей перепискѣ за собой именно это достоинство) должны признать жизнь, какъ она есть и не строить воздушныхъ замковъ. Это понятнымъ образомъ было выражено въ одной изъ слѣдующихъ статей „Всякой Всячины", гдѣ она рекомендовала всякому: „1) Никогда не называть слабости порокомъ; 2) хранить во всѣхъ случаяхъ человѣколюбіе; 3) не думать, чтобы людей совершенныхъ найти можно было; 4) про-

сить Бога, чтобы намъ далъ духъ кротости и снисхожденія; 5) впредь о томъ никому не разсуждать, чего кто не смыслитъ и 6) никому не думать, что онъ весь свѣтъ можетъ исправить", ибо „всѣ разумные люди признавать должны, что одинъ Богъ только совершенъ; люди же смертные безъ слабостей никогда не были, не суть, и не будутъ".

Идея христіанскаго смиренія и милосердія здѣсь весьма любопытнымъ образомъ сочеталась съ какимъ-то своеобразнымъ ученіемъ о непротивленіи злу пороковъ и съ идеей просвѣщеннаго абсолютизма, что подданные не должны разсуждать объ общихъ дѣлахъ, или, по русской пословицѣ, „всякъ сверчокъ знай свой шестокъ".

Про издателя „Трутня" въ придворныхъ кругахъ уже давно говорили: „Не въ свои де этотъ авторъ садится сани. Онъ де зачинаетъ писать сатиры на придворныхъ господъ, знатныхъ бояръ, дамъ, судей именитыхъ и на всѣхъ. Такая де смѣлость ничто иное есть, какъ дерзновеніе".

Поэтому „Трутень" принялъ нравоученія „Всякой Всячины" на свой счетъ и постарался вскрыть тѣ противорѣчія, какія были въ ихъ содержаніи. Въ отвѣтъ на нихъ въ „Трутнѣ" появилось письмо Правдолюбова: „Я самъ того мнѣнія, —говорится въ немъ,—что слабости человѣческія сожалѣнія достойны; однакожъ не похвалъ, и никогда того не подумаю, чтобъ на сей разъ не покривила своей мыслію и душей Госпожа наша прабабка (такъ „Всяк. Всяч." называла себя въ отношеніи къ другимъ журналамъ), давъ знать... что похвальнѣе нисходить порокамъ, нежели исправлять оные. Многіе слабой совѣсти люди никогда не упоминаютъ имя порока, не прибавивъ къ нему человѣколюбія... Слѣдовательно, они порокамъ сшили изъ человѣколюбія кафтанъ; но такихъ людей человѣколюбіе приличнѣе назвать пороколюбіемъ. По моему мнѣнію, больше человѣколюбивъ тотъ, кто исправляетъ пороки, нежели тотъ, который онымъ снисходитъ, или (сказать по-русски) потакаетъ".

Такимъ образомъ одно изъ противорѣчій въ совѣтахъ „Всяк. Всяч." было мѣтко подмѣчено и рѣзко выражено, а подмѣтить второе противорѣчіе и указать, что совѣтъ „не разсуждать" не согласуется съ призывомъ самой императрицы къ общественному мнѣнію—для журналиста было невозможно, такъ какъ оффиціально считалось, что „Всяк. Всяч." издаетъ не Екатерина.

Вмѣсто оправданія въ противорѣчіяхъ „Всяк. Всяч." объявила

своего противника человѣкомъ жестокимъ, который не понимаетъ, что „исключая снисхожденіе, онъ истребляетъ милосердіе“, и что онъ хочетъ „за все да про все кнутомъ сѣчь“, и рѣзко заявила, что не хочетъ отвѣчать на „ругательства“ „Трутня“, что „уничтожаетъ его ругательства“. Это уже было похоже на начальственный окрикъ дерзкому журналисту, тѣмъ болѣе, что въ то же время въ придворной средѣ появились разсужденія: „Въ старыя времена послали бы де ево (автора „Трутня“) потрудиться для пользы государственной описывать нравы какова-ни-есть царства русскаго владѣнія: но нынче де дали волю писать и пересмѣхать знатныхъ, и за такія сатиры не наказываютъ“. Поэтому „Трутень“ язвительно напомнилъ высокому руководителю „Всяк. Всяч.“, что имѣетъ дѣло лишь съ собратомъ-журналистомъ, а не съ властью предержащей: „уничтожать, т.-е. въ ничто превратить—есть слово самовластію свойственное; а такимъ бездѣлицамъ, какъ ея листки, никакая власть неприлична: уничтожаетъ верхняя власть какое-нибудь право другимъ“.

Относительно же упрека въ ругани „Трутень“ писалъ: „Не знаю, почему она мое письмо называетъ ругательствомъ? Ругательство есть брань гнусными словами выраженная; но въ моемъ прежнемъ письмѣ, которое заскребло по сердцу сей пожилой дамы, нѣтъ ни кнутовъ, ни висѣлицъ, ни прочихъ слуху противныхъ рѣчей, которыя въ изданіи ея находятся“.

На этомъ полемика двухъ журналовъ остановилась: „Всякая Всячина“, отказавшись отвѣчать, передала свой споръ „на судъ публики“, а въ „Трутнѣ“ Правдолюбовъ обѣщалъ разъяснить дѣло въ „будущихъ письмахъ“, но ихъ такъ и не появилось.

Впечатлѣніе, что „бабушка“ запуталась осталось: „Бабушка въ добрый часъ намѣревается исправлять пороки, а въ блажной даетъ имъ послабленіе“, какъ выразилась „Смѣсь“.

Такимъ образомъ „Трутень“ одержалъ побѣду надъ Екатериной, какъ литературной противницей, но оставалась Екатерина, какъ представительница оскорбленной власти. Быть можетъ чтобы обезоружить ее, „Трутень“ помѣстилъ у себя письмо Чистосердова, въ которомъ передалъ уже цитированныя угрозы придворныхъ круговъ и подчеркнулъ, что сама власть не на ихъ сторонѣ, что она сама „дала волю писать и пересмѣхать знатныхъ“. Въ немъ же была сдѣлана уступка, что не все у насъ плохо, что уже наступаетъ исправленіе.

Чистосердовъ пишетъ: „Я доживаю шестой десятокъ лѣтъ, и во всю мою жизнь имѣлъ несчастье тягаться съ большими боярами, угнетавшими истину, правосудіе, честь, добродѣтель и человѣчество", но онъ думаетъ, что такихъ бояръ теперь немного уже осталось: „Жаль, что надобно солгать, ежели сказать, что ихъ совсѣмъ нѣтъ. Что же дѣлать! Въ семьѣ не безъ урода. Надобно и за то благодарить Бога, что ихъ немного". Уступка была сдѣлана уменьшеніемъ количества порочныхъ, но принципъ безпощаднаго отношенія къ нимъ былъ сохраненъ, и въ томъ же письмѣ Чистосердова помѣщены такія соображенія: „Я слыхалъ слѣдующіи разсужденіи: въ положительномъ степенѣ или въ маленькомъ человѣкѣ воровство есть преступленіе противу законовъ; въ увеличивающемъ т.-е. среднемъ степенѣ... воровство есть порокъ, а въ превосходительномъ степенѣ, или человѣкѣ, по вѣрнѣйшимъ математическимъ новымъ исчисленіямъ, воровство ничто иное, какъ слабость". Здѣсь уже опять была вылазка противъ снисхожденія „Всяк. Всяч." къ слабостямъ, и опять звучитъ основной мотивъ Новиковской сатиры—о несправедливыхъ привилегіяхъ знати.

И въ дальнѣйшемъ Трутень продолжалъ обличать злоупотребленія знатныхъ бояръ, неправосудіе и взяточничество, не стало въ немъ лишь статей о крестьянахъ, которыя, очевидно, больше всѣхъ задѣвали крѣпостническое общество. По необходимости „Трутень" сузилъ кругъ темъ для своей сатиры, но въ ней попрежнему была „меланхолія", по выраженію „Всяк. Всяч"., и совсѣмъ не было тѣхъ веселыхъ мотивовъ, которые она считала необходимыми для сатиры. Это происходило, конечно, отъ того, что не было этихъ мотивовъ и въ жизни, которую отражала сатира Новикова.

Стало быть, кромѣ разногласія между двумя журналами въ способѣ оцѣнки пороковъ, было и еще, гораздо болѣе крупное и основное разногласіе—это разногласіе въ оцѣнкѣ русской дѣйствительности, при которой одна сторона „смѣялась", а другая—„плакала".

Это разногласіе намѣтилось уже во время спора относительно пороковъ: „Трутень" взываетъ къ ихъ искорененію, къ борьбѣ съ ними, а „Всяк. Всяч." какъ будто хочетъ ихъ оправдать. Но особенно рельефно это разногласіе проявилось въ отношеніи „Всяк. Всяч." къ старинному злу русской жизни—къ неправосудію и взяточничеству, на которое и теперь настойчиво

указывали сатирическіе журналы и главнымъ образомъ Трутень. „Всяк. Всяч.“ неоднократно останавливается на причинахъ неправосудія у насъ и спрашиваетъ: „Гдѣ же теперь болячка, на которую жалуются, т.-е. что правосудія нѣтъ? Станемъ искать. 1) Въ законахъ ли? 2) Въ судьяхъ ли? 3) Въ насъ ли самихъ?“

Законы у насъ, оказывается, лучше, чѣмъ въ З. Европѣ, правда, они запутаны „но имѣемъ мы ту выгоду, что Ея Величествомъ созвана вся нація для составленія новаго проекта узаконеній“. Судьи у насъ, пожалуй, тоже лучше, чѣмъ въ Европѣ, такъ какъ тамъ судебныя мѣста покупаются, а у насъ судьи назначаются государыней, которая неусыпно печется о счастьи народномъ.

При такихъ условіяхъ развѣ подданные могутъ сомнѣваться въ правосудіи, и „Всяк. Всяч.“, забывая свой рангъ журналиста, опять даетъ всѣмъ предписаніе: „Долгъ нашъ, какъ христіанъ и какъ согражданъ, велитъ имѣть довѣренность и почтеніе къ установленнымъ для нашего блага правительствамъ и не поносить ихъ таковыми поступками и несправедливыми жалобами“. Всѣ эти жалобы происходятъ отъ того, что мы сами виноваты въ неправосудіи: если бы мы не обижали другъ друга, у насъ не было бы причины искать правды въ судахъ, а если бы мы не обращались въ суды, судьи не имѣли бы случая притѣснять жалобщиковъ, и, слѣдовательно, не было бы жалобъ на неправосудіе. Не судьи виноваты въ немъ, а сами жалобщики: они искушаютъ судей и заставляютъ ихъ кривить совѣстью. Эту цѣпь безподобныхъ логическихъ выводовъ „Всякая Всячина“ заключаетъ классической проповѣдью:

„Любезные сограждане! перестанемъ быть злыми, не будемъ имѣть причины жаловаться на неправосудіе“. Итакъ, все обстоитъ благополучно, но мы сами должны заняться личнымъ усовершенствованіемъ. Съ этой точки зрѣнія казеннаго оптимизма всѣ нападки на общественныя учрежденія являются лишь злостными. „Нѣкоторые дурные шмели нажужжали мнѣ уши своими разговорами о мнимомъ неправосудіи судебныхъ мѣстъ“, отзывается о сатирикахъ „Всяк. Вс.“ И не только злостными являются эти нападки, но и прямо опасными:

„Человѣкъ, который для показанія остроты не жалѣетъ матери, жены, сестеръ, братьевъ, друзей, каковъ бы умомъ ни былъ, достоинъ уничиженія честныхъ людей, ибо онъ нарушаетъ добронравіе и всѣ должности... Сверхъ того, такое не-

счастное сложеніе, наполненное злостью и злословіемъ, при свободности языка и съ острыми выраженіями, вредъ великій нанести можетъ молодымъ людямъ".

„Всякая Всячина", наконецъ, договорилась до своей основной точки зрѣнія, съ которой всѣхъ инако мыслящихъ признавала людьми „злостными" и „опасными". Что же имъ дѣлать, если и они хотятъ послужить обществу своимъ словомъ?

Ихъ долгъ прославлять свѣтлыя стороны жизни.

Въ отрывкѣ „Изъ письма къ г. сочинителю „Трутня" отъ Тихона Добросовѣтова", помѣщенномъ во „Всяк. Всяч.", такимъ людямъ рекомендуется: „Добросердечный сочинитель... изрѣдка касается къ порокамъ..., но располагая свои другимъ наставленія, поставляетъ примѣръ въ лицѣ человѣка, украшеннаго различными совершенствами... описываетъ твердаго блюстителя вѣры и закона, хвалитъ сына отечества, пылающаго любовью и вѣрностью къ государю и обществу, изображаетъ миролюбиваго гражданина... присовокупляетъ къ тому пользы, изъ того проистекающія... Вотъ славный способъ исправлять слабости человѣческія".

Понятно, какъ могли отвѣтить на это приглашеніе всѣ тѣ, кто не былъ расположенъ вступить въ ряды оффиціальныхъ хвалителей оффиціальнаго благоденствія. „Адская почта" (одинъ изъ сатир. журн.) на статью о правосудіи отвѣтствовала весьма сильнымъ возраженіемъ, гдѣ, между прочимъ, имѣются слова: „Нельзя не застонать и за то мѣсто не хватиться рукою, гдѣ крѣпко болитъ". „Смѣсь" сейчасъ же подчеркнула противорѣчіе въ совѣтахъ: „Если бы всѣ были совѣстны и наблюдали законы, то не надобно бы было и судовъ, и приказовъ, и подъячихъ... но когда сіе необходимо, то для чего же защищать подъячихъ?" „Трутень" послѣ перваго столкновенія со „Всяк. Всяч." не рѣшился отвѣтить на ея совѣты достойнымъ образомъ, онъ только замѣтилъ, что нѣкто, г. спорщикъ, заболѣлъ,—„онъ отъ природы весьма слабаго сложенія, но повреждаетъ свое здоровье еще больше безпрестаннымъ смѣхомъ и спорами". Для излѣченія болѣзненной смѣшливости ему рекомендовалось почаще „нюхать спиртъ, дѣлаемый изъ благоразумія и здраваго разсужденія; для утоленія же охоты къ спорамъ—давать ему по 30 горькихъ капель въ день. Капли сіи именуются истинное о вещахъ понятіе".

„Всякая Всячина" опять запуталась. Она провозгласила прин-

цинъ личнаго совершенствованія для совершенствованія общественныхъ учрежденій: „Я утверждаю,—писала она,—что человѣкъ свободенъ, т.-е. не принужденъ обстоятельствами дѣлать то, а не другое“, а рядомъ съ этимъ она защищаетъ приказныхъ, которыхъ соблазняютъ „обстоятельства“, т.-е. предложеніе взятокъ; она только что приглашала всѣхъ и во всемъ положиться на благоусмотрѣніе правительства, но это правительство беретъ себѣ исполнителей слишкомъ склонныхъ къ паденію; еще недавно съ торжествомъ она оповѣщала: „Мы не сомнѣваемся о скоромъ исправленіи нравовъ и ожидаемъ немедленнаго искорененія всѣхъ пороковъ, ибо уже начали твердить наизусть „Всякую Всячину“, а теперь оказывалось, что порока нѣтъ, ибо о немъ только „дурные шмели“ жужжатъ въ уши.

Защита приказныхъ людей была такъ соблазнительна и для нихъ и для всего общества, что „Всякая Всячина“ кончила ее совсѣмъ неожиданно. Къ концу 1769 г., вопреки недавно высказаннымъ своимъ взглядамъ на неправосудіе, она начинаетъ рѣзко обличать взяточничество:

„Жалованье вамъ опредѣлено не для того, чтобы вы сыты были и жили въ праздности, а для того вы оное получаете, чтобы вы трудилися и изъ святого правосудія не дѣлали аукціона; и имѣвъ достатокъ и бывъ сыты по вашему состоянію, не имѣли бы жадности къ деньгамъ; и чтобъ не былъ у васъ правъ тотъ, кто больше вамъ дастъ, а единственно тотъ, котораго требованіе справедливо. Если же вы, получая жалованье, еще сверхъ того берете взятки, то вы, кромѣ ослушанія законовъ, еще оказываете великую неблагодарность высшей власти, которая вамъ щедро опредѣлила, чѣмъ жить, и обращаете во вредъ то, что учреждено для общей пользы“ („Всяк. Всяч.“ с. 308—309).

Это увѣщаніе кончается грознымъ предостереженіемъ: „Воистину вы достойны тройного наказанія; и неминуемо изъ двухъ послѣдуетъ одно: или вы будете истреблены, или исправитесь, пока еще на то есть время“ (с. 309). Это уже опять была не замѣтка журналиста, а грозный окрикъ начальства.

Начальство замѣтно для всѣхъ путалось въ своихъ собственныхъ противорѣчіяхъ, и эта путаница еще больше раздражала его въ связи съ рѣзкимъ тономъ собратьевъ по журнальной дѣятельности. Академикъ Пекарскій въ „Матеріалахъ для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II“

приводитъ отрывокъ изъ письма Екатерины отъ 1769 г.: „Г-жа бумагомарательница „Всякая Всячина"! По милости вашей нынѣшній годъ отмѣнно изобилуетъ недѣльными изданіями. Лучше бы мы любили изобиліе плодовъ земли, нежели жатву словъ, которую вы причинили. Ѣли бы вы кашу, да оставили людей въ покоѣ".

Екатерина сама вызвала ту журналистику, которая такъ рѣзко разошлась съ ней и по настроенію и, еще болѣе, по содержанію. Она сдѣлала попытку внушить собратьямъ по перу, своимъ внучатамъ, какъ она ихъ называла, въ чемъ должно заключаться истинное содержаніе журналовъ, но внучата считали себя „поразумнѣе бабушки" и дерзили. Можно думать, что самому дерзкому изъ внучатъ—„Трутню"—было сдѣлано негласное внушеніе: „Трутень" 1770 г. замѣтно слабѣе его первой половины, въ немъ не только нѣтъ статей по крестьянскому вопросу, но и по другимъ темамъ его содержаніе блѣднѣе. Отъ лица читателей онъ протестовалъ противъ такой вынужденной тусклости. Въ апрѣлѣ 1770 г. въ немъ появилось такое письмо въ редакцію: „Что тебѣ сдѣлалось? ты совсѣмъ сталъ не тотъ; развѣ тебѣ наскучило, что мы тебя хвалили, и захотѣлося послушать, какъ станемъ бранить?.. Пожалуй, скажи, для какой причины перемѣнилъ ты прошлогодній свой планъ, чтобы издавать сатирическія сочиненія? Ежели для того, какъ ты самъ жаловался, что тебя бранили, такъ знай, что ты превеликую ошибку сдѣлалъ. Послушай нынѣ: тебя не бранятъ, но говорятъ, что нынѣшній „Трутень" прошлогоднему не годится и въ слуги, и что ты нынѣ такъ же бредишь, какъ и другіе... Мнѣ сказывалъ твой книгопродавецъ, что нынѣшняго года листовъ не покупаютъ и въ десятую долю противъ прежняго".

„Трутень" дотянулъ до конца апрѣля. 27 апрѣля вышелъ его послѣдній XVII л. съ извѣщеніемъ, что изданіе прекращается противъ его воли: „Противъ желанія моего, читатели, я съ вами разлучаюсь; обстоятельства мои и ваша обыкновенная жадность къ новостямъ, а послѣ того отвращеніе, тому причиною". Въ чемъ заключались эти „обстоятельства", или, какъ стали выражаться немного позднѣе и теперь продолжаютъ, „независящія обстоятельства"—объ этомъ можно догадываться послѣ того, какъ произошло столкновеніе между журналистомъ изъ общества и журналистомъ съ престола. Въ личныхъ бумагахъ императрицы упомянутый уже академикъ Пекарскій на-

шелъ отрывокъ такого собственноручнаго письма Екатерины „Господинъ издатель! Имѣлъ терпѣніе до сего дня, но скучно мнѣ становится отъ вашихъ листовъ. Я старъ и много на свѣтѣ видывалъ. Я, чаю, вы безъ бороды еще: по молодости и вздумали, чаю, что весь свѣтъ перемѣнится, кой часъ еженедѣльно вы начнете писать, и для того выдумали тонкости, кои, однако, отъ насъ, стариковъ, право не скрылися—мы небось съ перваго листа узнали, куда цѣлите. Поздравленіе съ Новымъ годомъ было сдѣлано, дабы чѣмъ ни есть начать; предисловіе ваше одна рѣзвость; привѣтствіе публикѣ была критика легкомысленныхъ, кои таскаются съ новизнами".

По мнѣнію Пекарскаго, это письмо было писано ко „Всяк. Всяч.", гдѣ въ № 1 есть дѣйствительно поздравленіе съ Повымъ годомъ, но весь тонъ письма, въ которомъ чувствуется раздраженіе, и характеристика автора, сдѣланная въ немъ, заставляютъ признать болѣе достовѣрнымъ предположеніе г. Незеленова, который думаетъ, что письмо было адресовано „Трутню". Соображенія г. Незеленова таковы:" 1) императрица говоритъ: „имѣлъ терпѣніе до сего дня", а поздравленіе съ Повымъ годомъ напечатано въ первомъ № перваго года „Всяк. Всяч."— рѣчь о терпѣніи была бы преждевременна; 2) тонъ письма— враждебный: императрица не могла такъ писать въ свой журналъ" [1]).

На основаніи этого письма можно думать, что „Трутень" прекратился по волѣ императрицы. Другая причина прекращенія— охлажденіе публики — понятна: читатели цѣнили „Трутень" именно за то, что онъ не печаталъ вздора, и теперь должны были въ немъ разочароваться.

---

[1]) Незеленовъ, Новиковъ, с. 169.

V.

„Живописецъ“ Новикова.

Новиковъ вернулся къ журнальной дѣятельности въ апрѣлѣ 1772 г., когда сталъ выходить его второй сатирическій журналъ „Живописецъ“. Къ этому времени его отношенія къ Екатеринѣ перемѣнились такъ, что онъ могъ надѣяться на извѣстное соприкосновеніе въ своихъ воззрѣніяхъ съ воззрѣніями императрицы. Въ началѣ этого года Екатерина напечатала и поставила на сценѣ свою извѣстную комедію „О, время!“ Содержаніе ея сатирическое, она осмѣиваетъ невѣжество, ханжество, суевѣріе и сплетни. Служанка Мавра такъ характеризуетъ главную героиню комедіи—г-жу Ханжахину: „Она наполнена пустосвятствомъ, весьма зла, добродѣтелей ищетъ въ долгихъ молитвахъ и наружныхъ обыкновеніяхъ и обрядахъ, наблюдаетъ строго дни праздничные, къ обѣднѣ всякій день ѣздитъ, свѣчу передъ праздникомъ всегда ставитъ, мяса по постамъ не ѣстъ... и ненавидитъ всѣхъ тѣхъ, кои ея правиламъ не слѣдуютъ“.

День этой госпожи идетъ такъ: „Она встаетъ поутру въ шесть часовъ и, слѣдуя похвальному обычаю, сходитъ съ постели на босу ногу; сошедъ, оправляетъ передъ образами лампадку; потомъ прочитаетъ утреннія молитвы и акаѳистъ, потомъ чешетъ свою кошку, обираетъ съ нея блохъ и поетъ стихъ: блаженъ, кто и скоты милуетъ. А при семъ пѣніи и насъ также миловать изволитъ, иную пощечиной, иную тростью, а иную бранью и проклятіемъ. Потомъ начинается заутреня, во время которой то бранитъ дворецкаго, то шепчетъ молитвы, то посылаетъ провинившихся наканунѣ людей на конюшню пороть батожьемъ, то подаетъ попу кадило; то съ внучкой, для

чего она молода, бранится; то по четкамъ кладетъ поклоны, то считаетъ жениховъ, за кого бы внучку безъ приданаго съ рукъ сжить". Резонеръ этой пьесы, Непустовъ, во всемъ развращеніи нравовъ, которое наблюдаетъ кругомъ себя, обвиняетъ увлеченіе иноземными новшествами и вздыхаетъ по старинѣ: „Что касается до нынѣшней роскоши, я и самъ ея не люблю... и старинную искренность почитаю. Похвальна, весьма похвальна старинная вѣрность дружбы и твердое наблюденіе даннаго слова".

Сатира этой пьесы, такимъ образомъ, значительно отличается отъ сатиры „Всякой Всячины": здѣсь осмѣивается пустая и развращенная жизнь невѣжественнаго барства, его жестокое отношеніе къ крѣпостнымъ, и симпатіи автора на сторонѣ простыхъ людей, напр., служанки Мавры, которая, какъ простая, неиспорченная и искренняя женщина, противополагается своей госпожѣ. А рядомъ съ этимъ здѣсь рѣзко выраженное порицаніе всему модному складу дворянской жизни. Эти двѣ стороны комедіи до нѣкоторой степени сближали сатиру Екатерины въ ней съ сатирой „Трутня" и, слѣдовательно, давали Новикову возможность снова выступить на журнальное поприще. Онъ и открываетъ первый листъ своего „Живописца" посвященіемъ его автору комедіи „О, время!" „Вы первый,—говорится въ немъ,—съ такимъ удовольствіемъ и остротою заставили слушать ѣдкость сатиры съ пріятностью и удовольствіемъ; вы первый съ такою благородною смѣлостью напали на пороки, въ Россіи господствовавшіе". Новиковъ приглашаетъ автора комедіи продолжать свое полезное дѣло: „Взгляните безпристрастнымъ окомъ на пороки наши, закоренѣлые худые обычаи, злоупотребленія, и на всѣ развратные наши поступки; вы найдете толпы людей, достойныхъ вашего осмѣянія; и вы увидите, какое еще пространное поле къ прославленію вашему осталось".

И тутъ же указываются задачи такой сатиры:

„Истребите изъ сердца своего всякое пристрастіе; не взирайте на лица: *порочный человѣкъ во всякомъ званіи равнаго достоинъ презрѣнія*. Низкостепенный порочный человѣкъ, видя, осмѣиваема себя купно съ превосходительнымъ, не будетъ имѣть причины роптать, что пороки въ бѣдности только одной перомъ вашимъ угнетаются. А превосходительство, удрученное пороками, въ первый разъ въ жизни своей восчувствуетъ равенство съ низкостепенными".

Высокому автору рекомендуется тотъ основный принципъ сатиры, котораго всегда держался „Трутень“: „порочный человѣкъ во всякомъ званіи равнаго достоинъ презрѣнія“, но самого себя теперь сатирикъ ставитъ подъ покровительство „неизвѣстнаго“ автора комедіи, его считаетъ первымъ, создавшимъ въ ней настоящую сатиру, и скромно хочетъ лишь подражать ему. Но, наученный горькимъ опытомъ въ прошломъ, онъ рекомендуетъ и себѣ самому важное правило:

„Требую отъ тебя,—говоритъ онъ,—чтобы ты въ сей дорогѣ (автора) никогда не разлучался съ тою прекрасною женщиною, съ которою иногда тебя видалъ: ты отгадать можешь, что она называется Осторожность“.

Въ положеніи Новикова эта осторожность должна была заключаться въ томъ, что онъ во всѣхъ опасныхъ случаяхъ старался подчеркнуть, что онъ обличаетъ то, что сама власть признала ненормальнымъ, ей онъ всегда приписывалъ инициативу, а себя скромно ставилъ на положеніе смиреннаго исполнителя благихъ предначертаній этой власти. Во имя ея онъ слагалъ безконечные панегирики въ прозѣ и въ стихахъ въ такомъ, напр., видѣ:

„О мать величія! краса земныхъ царей!
Коль долженъ свѣтъ твоей премудрости дивиться!
Кто можетъ въ древности съ тобой въ дѣлахъ сравниться!

И такъ дальше, все въ томъ же восклицательномъ стилѣ.

Онъ постоянно указываетъ, что въ царствованіе Екатерины все сдѣлано ею для того, чтобы подданные были блаженны: „Всепресвѣтлѣйшая Императрица, наша Всемилостивѣйшая матерь и Государыня все употребила, что только можно сдѣлать государю, для просвѣщенія своихъ подданныхъ, для очищенія разумовъ и сердецъ ихъ и для искорененія изъ оныхъ всякихъ гнусныхъ пороковъ и предубѣжденій; осталось намъ самимъ, вѣрнымъ подданнымъ ея, споспѣшествовать ея намѣренію и исполнять ея волю для собственнаго же нашего блаженства“.

Эти панегирики иной разъ заполняли весь очередной № журнала, такъ, напр., 3 л. 1772 г., сплошь состоитъ изъ слова по поводу выздоровленія цесаревича Павла, а въ немъ—хвала Екатеринѣ; это слово продолжается и въ 4 л. такъ, что осталось лишь 8 строкъ на стих. „Къ Волгѣ“.

Выдвинувъ въ правящія сферы такіе громоотводы, „смиренный“ и „осторожный“ сатирикъ усердно принялся обличать „развратные обычаи“ русскаго общества, опять, главнымъ образомъ, высшихъ его классовъ. Въ этихъ обличеніяхъ онъ на первый планъ выдвигаетъ обличеніе не порядковъ, какъ въ „Трутнѣ“, а нравовъ.

Петиметры и кокетки являются наиболѣе частыми фигурами его сатиры. Основное содержаніе ихъ жизни—волокитство.

Щеголь „смѣлъ до безстыдства и живъ до дерзости“ съ женщинами, бросаетъ на нихъ „гнилые взгляды“, даетъ волю языку и рукамъ и нѣсколько дней „держитъ какую-нибудь изъ нихъ своимъ болванчикомъ до того времени, какъ встрѣтится другая“. Такого же „болванчика“ должна имѣть и каждая женщина, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ, даже „не послѣдняго класса“, въ этомъ находятъ источникъ своихъ доходовъ. Бракъ, въ которомъ мужъ и жена вѣрны другъ другу и не имѣютъ каждый своихъ „болванчиковъ“, считается предосудительнымъ и смѣшнымъ.

„Ха, ха, ха! Ахъ, монкьоръ, ты уморилъ меня! онъ живетъ три года съ женой, и по сю пору ее любитъ!

— Перестань, душенька, это никакъ не можетъ быть: три года имѣть въ головѣ своей вздоръ“, возмущается одна изъ такихъ щеголихъ. „Ахъ, какъ онъ славенъ; съ чужой женой и помахаться не смѣетъ—еще за грѣхъ ставитъ!“ вотъ презрительный отзывъ объ одномъ изъ мужчинъ „не по модѣ“.

У всѣхъ „модныхъ“ людей „Живописецъ“ замѣчаетъ органическое отвращеніе ко всякому ученью. „Какъ глупы тѣ люди, которые въ наукахъ самыя прекрасныя лѣта погубляютъ,—говоритъ щеголиха.—Ужесть какъ смѣшны ученые мужчины, а наши сестры ученыя—о! онѣ то совершенныя дуры. Безпримѣрно, какъ онѣ смѣшны! Ученая женщина!—фуй, какъ это неловко!“

Одну только науку признаютъ эти люди: „Моя наука состоитъ въ томъ, чтобы умѣть одѣваться со вкусомъ, чесать волосы по модѣ... воздыхать къ статѣ, хохотать громко, сидѣть разбросану, имѣть пріятный видъ, плѣняющую походку, быть совсѣмъ развязану... Вотъ моя наука! Она безъ сомнѣнія важнѣе всѣхъ наукъ, и я знаю ее въ совершенствѣ!“

У щеголей и щеголихъ свой особый языкъ. Вотъ, напр., образчики такого языка:

„Мущина, притащи себя ко мнѣ, я до тебя охотница. Ахъ, какъ ты славенъ! Ужесть, ужесть: я отъ тебя падаю! Ахъ!.. ха, ха, ха“ (с. 61, л. 10).

„Безпримѣрное маханье! Онъ посадилъ себѣ въ голову вздоръ, а у нея вѣчный въ головѣ безпорядокъ“ (с. 65).

Воспитываются такіе типы подъ двумя вліяніями: съ одной стороны, родная обстановка крѣпостной деревни и крѣпостной дворни, съ безграничной властью надъ ними помѣщиковъ и помѣщицъ, съ другой—привозная французская любовная книжка. „Матушка моя,—разсказываетъ одинъ изъ воспитанниковъ,—пришедши изъ конюшни, въ которой по обыкновенію ежедневно дѣлала расправу крестьянамъ и крестьянкамъ, читаетъ, бывало, французскую любовную книжку и мнѣ всѣ прелести любви и нѣжность любезнаго пола по-русски ясно пересказываетъ; отъ сего по тринадцатому году возраста моего родилась во мнѣ та сильная страсть, о которой не только знать, но и говорить моихъ лѣтъ ребятамъ за стыдъ и неприличное дѣло почитаютъ. А какъ я отъ рожденія моего не зналъ, что есть стыдъ, и мнѣ про то никто не толковалъ, а меньше еще того разумѣлъ о неприличности, то устремя всѣ мысли свои къ любви, коея прелести мнѣ матушка въ самыхъ ясныхъ словахъ изобразила, влюбился въ комнатную дома нашего дѣвку, обладающую всѣми тѣми прелестями, которыя только могутъ плѣнить нѣжное сердце несчастнаго любовника, и сдѣлался въ короткое время невольникомъ рабы своея“.

Доканчивается такое воспитаніе въ кругу пріятелей, людей болѣе бывалыхъ и „просвѣщенныхъ“ столичной модой, или же непосредственно въ столицѣ, гдѣ модныя науки процвѣтаютъ во всю. „Живописецъ“ скорбитъ, что добрые нравы нашихъ предковъ пришли въ упадокъ въ модномъ обществѣ; прославляя Екатерину за истребленіе чумы въ Москвѣ, онъ предлагаетъ истребить и другую чуму—„слѣпое пристрастіе нѣкоторыхъ знатныхъ россійскихъ бояръ и молодыхъ господчиковъ ко всѣмъ иностранцамъ“. Сначала у насъ было французское вліяніе, и „отъ обхожденія съ ними остались у насъ легковѣрность, непостоянство, вертопрашество, вольность въ обхожденіи границы, благоразуміемъ учрежденныя, и многіе другіе пороки“. Французовъ смѣнили англичане: „Все англійское кажется намъ теперь хорошо, и все насъ восхищаетъ. Французскую наглость называли мы благородною вольностью, а

нынѣ англійскую грубость именуемъ благородною великостью духа".

Не иностранцы, конечно, виноваты въ этихъ порокахъ, мы могли бы отъ нихъ научиться многому хорошему, но „по несчастью нашему, почасту перенимаемъ только пороки ихъ". Чтобы какъ-нибудь пріохотить русскихъ иностранцевъ къ русскому и въ частности къ русской книгѣ, „Живописецъ" предлагаетъ остроумный проектъ—печатать русскія книги французскими литерами.

Вся эта сатира „Живописца" на нравы, если и не совпадала по своему рѣзкому тону съ сатирой Екатерины въ ея комедіяхъ, то во всякомъ случаѣ приближалась къ ней по содержанію. Чтобы быть въ полномъ согласіи съ властью, нужно было рядомъ съ пороками нарисовать еще образцы добродѣтели. Екатерина добродѣтельныхъ людей представляла именно русскими, преданными завѣтамъ старины; эта преданность предохраняла ихъ отъ иностранной заразы, и „Живописецъ" неоднократно вздыхаетъ о „древнихъ добродѣтеляхъ", но богатыхъ его красокъ, которыми онъ изображалъ пороки, какъ-то не хватаетъ на изображеніе добродѣтели.

Гдѣ искать ея? Конечно, въ деревнѣ, куда иноземная зараза не доходила или невсегда доходила. „Живописецъ" и изобразилъ нравы такой деревни въ знаменитыхъ письмахъ къ Ѳалалею отъ его отца, матери и дяди.

Отецъ Ѳалалея, Трифонъ Панкратьевичъ, живетъ по завѣтамъ своихъ отцовъ и дѣдовъ и негодуетъ, что теперь отъ нѣмцевъ житья нѣтъ. „Вѣра-то тогда была покрѣпче, во всемъ, другъ мой, надѣялись на Бога,—внушаетъ онъ сыну,—а нынче она пошатнулась, по постамъ ѣдятъ мясо и хотятъ все сами сдѣлать, а все это проклятая некресть дѣлаетъ: отъ нѣмцевъ житья нѣтъ. Какъ повозимся съ ними еще, такъ и намъ съ ними быть во адѣ". Онъ сыну своему заповѣдуетъ не губить себя, не водить съ ними знакомства, внушаетъ ему ходить въ церковь, молиться Богу и хранить святцы, которыми его благословили при отъѣздѣ, но въ то же время предостерегаетъ его и отъ священниковъ: „Съ попами знайся, да берегись: ихъ молитва до Бога доходна, да убыточна". Про себя онъ пишетъ, что „житье-то наше дворянское нынѣче стало очень худенько". „Сказываютъ, что дворянамъ дана вольность, да чортъ ли это слыхалъ, прости Господи, какая вольность? Дали вольность, а ничего не можно своей

волей сдѣлать; нельзя у сосѣда и земли отнять: въ старину-то было намъ больше вольности, бывало, отхватишь у сосѣда земли цѣлое поле; такъ ходи же онъ и проси, такъ еще десять полей потеряетъ; а вина, бывало, кури сколько хочешь... То-то была воля-то!" Жалуется онъ, что нынче и деньги въ ростъ выше 6% отдавать нельзя, что нельзя стало брать взятокъ, а все это не по старому: въ кормчей книгѣ,—говоритъ онъ,—это не запрещается. Что же остается дворянину, чѣмъ ему жить?

„Меня отрѣшили отъ дѣлъ за взятки,—жалуется Трифонъ Панкр.,—процентовъ большихъ не бери, такъ отчего же и разбогатѣть: вить не всякому Богъ дастъ кладъ, а съ мужиковъ ты хоть кожу сдери, такъ не много прибыли. Я, кажется, таки и такъ не плошаю, да што ты изволишь сдѣлать: пять дней ходятъ они на мою работу, да много ли въ пять дней сдѣлаютъ; сѣку ихъ нещадно, а всіо прибыли нѣтъ; годъ отъ году все больше мужики нищаютъ: Господь на насъ прогнѣвался; право, Θалалѣюшка, и ума не приложу, что съ ними дѣлать". Еще больше старается надъ крестьянами мать Θалалѣя, и за это Трифонъ Панкратьевичъ ее особенно цѣнитъ: „То-то проказница! Я за то ее и люблю, што ужъ коли примется сѣчь, такъ отдѣлаетъ, перемѣнъ двѣнадцать (розогъ) подадутъ: попроситъ, небось, воды со льдомъ".

Она даже заболѣла, надорвавшись за этой расправой. Обо всемъ этомъ отецъ разсказываетъ Θалалѣю съ чувствомъ исполненнаго долга, какъ бы ставитъ себя и мать въ примѣръ за ихъ „попеченіе" о крестьянахъ: „И въ святомъ писаніи сказано, поучаетъ онъ сына—другъ другу тяготы носите и тако исполните законъ Христовъ; они на насъ работаютъ, а мы ихъ сѣчемъ, ежели станутъ лѣниться".

Такимъ образомъ, при попыткѣ найти образцы добродѣтелей въ деревнѣ, у „Живописца" вышла совсѣмъ неподходящая картина, настолько неподходящая, что ее пришлось сейчасъ же затѣнить изображеніемъ жизни крестьянъ у хорошаго помѣщика. Это „Живописецъ" дѣлаетъ съ большимъ мастерствомъ, мѣшая обличеніе съ восхваленіями, когда заставляетъ отца Θалалѣя негодовать на сосѣдняго помѣщика Григорія Григ. Орлова: „Знаешь ли почему онъ съ нихъ (крестьянъ) беретъ: стыдно и сказать—по полтора рубли съ души, а угодьевъ-то сколько и мужики какіе богатые; живутъ себѣ да и гатки не маютъ, богатѣя инова дворянина: ну, а ты разсуди самъ, что

отъ этова прибылп, што мужики богаты; кабы перетаскалъ въ свой карманъ, такъ бы это полутче было: едакой умъ! то-то, Фалалѣюшка, не къ рукамъ едакое добро досталось. Кабы эта деревня была моя, такъ я бы по тридцати рублей съ нихъ бралъ, да и тутъ бы ихъ въ міръ еще не пустилъ; только што мужиковъ балуютъ. Эхъ! перевелись-ста старые наши большіе бояра: то-то были люди, не только что со своихъ, да и съ чужихъ кожи драли. То-то пожили да поцарствовали, какъ сыръ въ маслѣ катались: и царское, и дворянское, и купецкое, все было ихъ, у всѣхъ, кромѣ Бога, отнимали".

Съ подобными ссылками на примѣръ хорошихъ помѣщиковъ „Живописецъ" въ первыхъ листахъ своихъ часто подходилъ къ крѣпостному праву. Иной разъ сатирикъ даже забывалъ свой обычный языкъ сатиры, мѣшающей серьезное съ забавнымъ, и дѣлалъ смѣлыя нападенія противъ существующихъ крѣпостныхъ порядковъ. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчателенъ „Отрывокъ изъ Путешествія въ ** II. ** Т. **. Въ немъ встрѣчаются такія, напр., картины крестьянскаго быта: „Бѣдность и рабство повсюду встрѣчалися со мной во образѣ крестьянъ. Непаханныя поля, худой урожай хлѣба, возвѣщали мнѣ, какое помѣщики тѣхъ мѣстъ о земледѣліи прилагали раченіе. Маленькія покрытыя соломой хижины изъ тонкаго заборника, дворы, огороженные плетнями, небольшіе адонья хлѣба, весьма малое число лошадей и рогатаго скота подтверждали, сколь велики недостатки тѣхъ бѣдныхъ тварей, которыя богатство и величество цѣлаго государства составлять должны. Не пропускалъ я ни одного селенія, чтобы не разспрашивать о причинахъ бѣдности крестьянской. И слушая ихъ отвѣты, къ великому огорченію всегда находилъ, что помѣщики ихъ сами тому были виною. О человѣчество! тебя не знаютъ въ сихъ поселеніяхъ. О господство! ты тиранствуешь надъ подобными себѣ человѣками. О блаженная добродѣтель, любовь къ ближнему, ты употребляешься во зло: глупые помѣщики сихъ бѣдныхъ рабовъ изъявляютъ тебя болѣе къ лошадямъ и собакамъ, а не къ человѣкамъ".

Это было самое сильное выступленіе въ общей печати противъ крѣпостного права за всю вторую половину XVIII в., вплоть до знаменитаго „Путешествія" Радищева, появившагося въ 1790 г. Понятно, что въ немъ издатель выпустилъ многія мѣста. „Я не включилъ въ сей листокъ разговоровъ путешественника съ крестьянином, — пишетъ издатель въ одномъ мѣстѣ, —

по нѣкоторымъ причинамъ: благоразумный читатель и самъ ихъ отгадать можетъ". Помѣстивъ далѣе за приведеннымъ отрывкомъ описаніе деревни „Разореной", издатель поспѣшилъ оправдаться даже въ особой статьѣ. „Сіе сатирическое сочиненіе,— говоритъ онъ въ ней,—подъ названіемъ Путешествіе въ*** получилъ я отъ г. И. Т. съ прошеніемъ, чтобы оно помѣщено было въ моихъ листахъ. Есть ли бы это было въ то время, когда умы наши и сердца заражены были французскою націей, то не осмѣлился бы я читателя моего попотчевать съ этого блюда, потому что оно приготовлено очень солоно и для нѣжныхъ вкусовъ благородныхъ невѣждъ горьковато. Но нынѣ премудрость, сѣдящая на престолѣ, истинну покровительствуетъ во всѣхъ дѣяніяхъ. Итакъ, я надѣюсь, что сіе сочиненьице заслужитъ вниманіе людей, истинну любящихъ".

Безъ преувеличенія можно сказать, что среди крѣпостниковъ за такое „блюдо" поднялась буря негодованія противъ издателя. Онъ самъ говоритъ объ этомъ нѣсколько разъ въ своемъ журналѣ и, наконецъ, спустя долгое время послѣ печатанія „Отрывка", опять долженъ былъ помѣстить спеціальную защитительную статью.

„Отрывокъ" былъ напечатанъ въ V листѣ „Живописца", а въ 13 листѣ, слѣдовательно, чуть не черезъ два мѣсяца послѣ него („Живописецъ" выходилъ по листу въ недѣлю), помѣщенъ такой разговоръ на прогулкѣ издателя со знатнымъ человѣкомъ: „Многіе наши братья дворяне пятымъ вашимъ листомъ недовольны, однакожъ вѣдайте и то, что многіе за оный же листъ и похваляютъ васъ... Тутъ описанъ помѣщикъ, не имѣющій ни здраваго разсужденія, ни любви къ человѣчеству, ни сожалѣнія къ подобнымъ себѣ; и, слѣдовательно, описанъ дворянинъ, власть свою и преимущество дворянское во зло употребляющій. Кто не согласится, что есть дворяне, подобные описанному вами? Кто посмѣетъ утверждать, что сіе злоупотребленіе не достойно осмѣянія? И кто скажетъ, что худое раченіе помѣщиковъ о крестьянахъ не наноситъ вреда всему государству? Пусть вникнутъ въ сіе здравымъ разсужденіемъ: тогда увидятъ, отчего остановляются и приходятъ въ недоимку государственные наборы? Отчего происходитъ, что крестьяне бываютъ бѣдны? Отчего у худыхъ помѣщиковъ и у крестьянъ ихъ частые бываютъ неурожаи хлѣба... Итакъ, вѣрьте, что такія ваши сатиры не только что не огорчаютъ дворянъ, украшен-

пыхъ добродѣтелью и знающихъ человѣчество, но паче еще и превозносятъ ихъ".

Можно сильно сомнѣваться, что такія „разъясненія" приносили какую-либо пользу издателю въ томъ смыслѣ, что заставили бы людей, затронутыхъ его сатирой, скрыть свое негодованіе и почувствовать, что и сама власть противъ нихъ: факты говорили имъ обратное. Скорѣе наоборотъ—эти разъясненія подчеркивали основное содержаніе сатиры, помогали единичныхъ Трифоновъ Панкратьевичей возводить въ общій типъ, а тѣмъ, что издатель постоянно говоритъ о ненависти къ нему крѣпостниковъ, заставляли думать, что онъ дѣйствительно задѣлъ ихъ за живое. Но во всякомъ случаѣ очевидно, что „Живописецъ" далеко вышелъ изъ тѣхъ границъ, какія ставила сама власть сатирѣ въ своихъ комедіяхъ. Власть вѣрила въ „древнія добродѣтели" предковъ и въ то, что въ жизни возможны отеческія отношенія между бариномъ и крѣпостнымъ, а „Живописецъ" показалъ, что эти „древнія добродѣтели"—миражъ, за которымъ скрывается невѣжество, грубость и ханжество, и что въ прошломъ ихъ было еще больше, а вмѣсто отеческихъ попеченій о крестьянахъ, онъ показалъ попеченіе о нихъ Трифона Панкратьевича и, какъ результатъ такихъ попеченій, деревню „Разоренную".

Несмотря на всѣ разъясненія, которыми „осторожный" сатирикъ пересыпалъ такіе факты, они должны были оставаться въ сознаніи и дѣлать дѣйствительность болѣе чѣмъ „меланхоличной".

Можно думать, что именно поэтому и „Живописецъ" кончился такъ же, какъ „Трутень". Въ 1773 г. онъ совсѣмъ не похожъ на то, чѣмъ былъ въ 1772 г.: въ немъ не только уже нѣтъ темъ изъ крѣпостного права, но даже живой сатиры на нравы; вмѣсто нихъ появляются статьи на пороки вообще, серьезныя разсужденія о страстяхъ человѣка и отвлеченная проповѣдь очищенія отъ нихъ. Къ началу іюля 1773 г. „Живописецъ" совсѣмъ прекратился.

Г. Незеленовъ въ этомъ прекращеніи не хочетъ видѣть насильственнаго воздѣйствія власти. Основываясь на свидѣтельствѣ Карамзина, что въ „Живописцѣ" „напечатаны нѣкоторыя произведенія собственнаго пера" Екатерины, онъ хочетъ видѣть такими произведеніями тѣ, въ которыхъ „Живописецъ" предостерегается отъ негодованія на него знатныхъ людей, и отсюда дѣ-

лаетъ выводъ, что статьи „Живописца“ о крестьянахъ нравились императрицѣ. А разъ онѣ ей нравились, она не могла за нихъ остановить журналъ. Поэтому онъ ищетъ другой причины прекращенія журнала и находитъ ее въ томъ, что Новиковъ къ 1773 г. разочаровался „въ нравственной высотѣ и силѣ старыхъ русскихъ началъ“, во имя которыхъ онъ раньше „казнилъ смѣхомъ современные пороки“. А разъ не стало идеала, во имя котораго можно было обличать, должны были прекратиться и обличенія.

Несомнѣнно, что вѣра въ старое русское начало и въ старинныя добродѣтели исчезла у Новикова, но когда она исчезла? Г. Незеленовъ думаетъ, что этотъ переломъ произошелъ въ 1773 г., и въ доказательство этого приводитъ тотъ фактъ, что въ предисловіи къ I т. своей „Вивліоѳики“, вышедшему въ началѣ 1773 г., Новиковъ назвалъ свои сочиненія „маловажными“. Въ этомъ предисловіи говорится: „Благосклонное принятіе отъ общества нѣкоторыхъ *маловажныхъ* моихъ сочиненій ободрило меня и было поощреніемъ къ *важнѣйшимъ* трудамъ“, а цѣлью этихъ „важнѣйшихъ“ трудовъ ставится „начертаніе нравовъ и обычаевъ“ нашихъ предковъ, чтобы мы познали „великость духа ихъ, украшеннаго простотою“. Такимъ образомъ, опираясь на это предисловіе, отнюдь нельзя сдѣлать вывода о крушеніи въ Новиковѣ вѣры въ старинныя добродѣтели, наоборотъ, эта вѣра здѣсь подчеркивается, и во имя ея предпринимаются „важнѣйшія“ сочиненія. Слѣдовательно, если только эта вѣра двигала Новикова на обличеніе русской жизни, то нельзя говорить, что она теперь (въ 1773 г.) потерялась, и не стало идеала, во имя котораго можно было обличать несовершенства дѣйствительности [1]). Новиковъ обличалъ ее во имя идеаловъ просвѣщеннаго человѣка и справедливаго общественнаго устройства, а эти идеалы у него остались всегда, и съ высоты ихъ можно было всегда клеймить тѣ язвы общественности, которыя клеймила сатира Новикова.

Нельзя также согласиться и съ тѣмъ утвержденіемъ Незеленова, что къ 1773 г. Новиковъ „отрекается“ отъ сатиры. Факты противорѣчатъ этому: въ 1773 г. онъ выпустилъ второе изданіе своего „Живописца“, въ 1774 г. онъ издавалъ сатири-

---

[1]) Ниже будетъ разобрано, можно ли идеалы Новикова считать вообще національностическими.

ческій журналъ „Кошелекъ“, въ 1775 г. вышло третье изданіе „Живописца“, переработанное такъ, что изъ него выпущены всѣ статьи, кромѣ сатирическихъ.

Итакъ, нельзя допустить, что причиной прекращенія „Живописца“ была потеря Новиковымъ вѣры въ старинныя добродѣтели и его разочарованіе въ сатирѣ.

Что же касается соображеній г. Незеленова, что Екатеринѣ „нравились статьи „Живописца“ о крестьянахъ“, то эти соображенія обоснованы лишь на предположеніяхъ, и онъ самъ ставитъ рядомъ съ ними оговорку—„если они вѣрны“. На основаніи того, что извѣстно въ исторической литературѣ объ отношеніяхъ Екатерины къ крестьянскому вопросу, видно, что какъ разъ къ 70-мъ годамъ императрица, съ одной стороны, старается внушить всѣмъ, что лучшей судьбы, чѣмъ русскаго крестьянина у хорошаго помѣщика, не существуетъ, а съ другой, она старается замолчать вообще крестьянскій вопросъ. Въ томъ же году, когда прекратился „Живописецъ“, въ 1773, для этого было и еще одно лишнее обстоятельство: пугачевщина стала грознымъ общественнымъ событіемъ. Она надолго напугала и власть и дворянскіе круги и у многихъ безъ возврата смела „либеральныя“ настроенія по крестьянскому вопросу. На основаніи этихъ соображеній нельзя допустить, чтобы власть, признавшая опасной сатиру „Трутня“ въ 1770 г., считала безвредной сатиру „Живописца“ въ 1773 г., и въ особенности нельзя согласиться съ г. Незеленовымъ, что „статьи „Живописца“ о крестьянахъ нравились имп. Екатеринѣ“.

VI.

„Кошелекъ“ Новикова.

Черезъ годъ послѣ прекращенія „Живописца“, съ іюля 1774 г. сталъ выходить третій и послѣдній сатирическій журналъ Новикова—„Кошелекъ“. Какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи, его побудило вернуться на поприще журналиста то соображеніе, что онъ, „будучи рожденъ и воспитанъ въ нѣдрахъ отечества, обязанъ оному служить посильными трудами“. Но условія этихъ трудовъ были еще неблагопріятнѣе, чѣмъ при изданіи первыхъ двухъ журналовъ: приходилось стать еще въ болѣе близкую зависимость отъ власти. Издатель подносилъ листы „Кошелька“ черезъ секретаря Г. В. Козицкаго императрицѣ, и имѣются извѣстія (Сб. студ. С.-Петерб. У-та, вып. I), правда, еще недоказанныя, что этотъ журналъ велся даже подъ ея наблюденіемъ. Приходилось, слѣдовательно, стать въ положеніе оффиціоза, хотя и подневольнаго.

Съ первой же страницы издатель заявляетъ о своемъ „почтеніи къ древнимъ великимъ добродѣтелямъ, украшавшимъ нашихъ праотцевъ, и кои нѣкоторыхъ изъ нашихъ соотечественниковъ еще и нынѣ осіяваютъ“, и вмѣстѣ съ тѣмъ негодуетъ по поводу тѣхъ, „кои добровольно изъ разумнаго человѣка передѣлываются въ несмысленныхъ обезьянъ и представляютъ себя на посмѣшище всея Европы“. Виновниками такихъ превращеній издатель считаетъ учителей-французовъ. Подъ ихъ вліяніемъ „мы уже давно бросили истинные драгоцѣнные жемчуги, предками нашими любимые, яко недостойные и во Франціи неупотребляемые, а принялись жадно покупать ложные“. Такимъ образомъ, журналъ намѣчаетъ себѣ двѣ темы: восхваленіе „древнихъ добродѣтелей“ и осмѣяніе „несмысленнаго обезьянства“ въ отношеніи къ французамъ.

Вторая тема разрабатывается въ журналѣ съ привычнымъ для издателя мастерствомъ. Прежде всего онъ знакомитъ читателя съ типомъ моднаго учителя-француза. Этотъ французъ былъ у себя на родинѣ парикмахеромъ. Прослышавъ о необычайномъ гостепріимствѣ русскихъ къ французамъ, онъ рѣшилъ поѣхать въ Россію, въ эту „Французскую Индію“.

Съ первыхъ же шаговъ здѣсь онъ убѣдился, „что значитъ французъ въ Россіи“. Случайному знакомому, нѣмцу, который хочетъ помочь ему въ Россіи заняться его прежнимъ ремесломъ, онъ развязно отвѣчаетъ: „Ты, любезный мой пріятель, будучи нѣмецъ, разсуждаешь истинно по-нѣмецки, что будто безъ трудовъ не можно найти честнаго пропитанія; но я французъ, слѣдовательно, за одни разговоры могу брать столько денегъ, что ты, со всѣми своими трудами, ни въ четвертую долю получить не можешь. Счастье—родиться на берегахъ Сены и имѣть волшебное наименованіе француза, для отворенія дверей во всякомъ мѣстѣ, куда бы я ни захотѣлъ итти. Слово французъ такъ важно, что въ немъ всѣ замыкаются достоинства“. Онъ примѣтилъ, что „французу открыта внутренность души и сердца русскаго человѣка“. У русскихъ есть порокъ: „они слишкомъ полагаются на честность и не могутъ истины различить отъ хитрости“, а тѣ, которые понимаютъ, что иноземцы ихъ обманываютъ, притворяются, что этого не замѣчаютъ. „Обхожденіе русскаго человѣка съ французомъ,— говоритъ онъ,—можно уподобить человѣку, порабощенному порокомъ, который иногда чувствуетъ, что дѣлаетъ порочное, однакожъ дѣлать онаго не перестаетъ“.

Разобравшись въ этомъ, онъ сейчасъ же рѣшилъ, что онъ „рожденъ не для волосоподвивательной науки“, самовольно превратилъ себя въ Шевалье-де-Мансонжа и на выгодныхъ условіяхъ поступилъ въ богатый домъ воспитателемъ. На удивленный вопросъ собесѣдника-нѣмца, чему же онъ будетъ учить дѣтей, когда самъ, кромѣ французскаго языка, ничего не знаетъ, и на его замѣчаніе—„вы воспитаніемъ своимъ удобнѣе можете развратить, а не исправить юнаго своего воспитанника“, французъ откровенно отвѣчаетъ: „Глупо дѣлаютъ родители, что поручаютъ воспитаніе дѣтей своихъ мнѣ; а я, напротивъ того, дѣлаю очень умно, желая получать деньги даромъ“.

Далѣе онъ развиваетъ свои планы къ обогащенію: кромѣ должности воспитателя, онъ хочетъ безпошлинно добывать себѣ

модные французскіе товары и выгодно продавать ихъ среди молодыхъ господчиковъ-полуфранцузиковъ. „Какая мнѣ нужда въ томъ,—говоритъ онъ,—что посредствомъ обогащенія моего молодые люди разоряться будутъ? Вѣдь они не соотечественники мои, да если бы возможность человѣческая была, такъ я бы и единоземца своего перехитрилъ: моя философія гласитъ—обманывай дурака, въ томъ ни грѣха, ни стыда нѣтъ".

Понятно, что такой философъ безъ труда нашелъ тотъ „философскій" камень, котораго искали въ XVIII в.,—камень, съ помощью котораго всякіе металлы можно превращать въ золото: „камень сей въ Россіи нашелъ французъ и въ своихъ рукахъ его имѣетъ; помощью онаго преобращаю я пороки свои въ добродѣтели, а русскія добродѣтели въ пороки; всякое свое слово, всякую хитрость и всякую выдумку превращаю я въ золото".

И своихъ воспитанниковъ онъ обѣщаетъ воспитать „съ любовью къ французамъ и съ отвращеніемъ отъ своихъ соотечественниковъ", до остального ему нѣтъ дѣла.

Таковъ воспитатель. Въ письмѣ одного щеголя „Кошелекъ" показываетъ, каковы выходили воспитанники. „Безъ французовъ,—говоритъ щеголь,—развѣ могли мы назваться людьми? Умѣли ли мы прежде порядочно одѣться и знали ли всѣ правила нѣжнаго, учтиваго и пріятнаго обхожденія, тонкими вкусами утвержденныя? Безъ нихъ не знали бы мы, что такое танцованье, какъ войти, поклониться, напрыскаться духами, взять шляпу и одною ею разныя изъявлять страсти и показывать состояніе души и сердца нашего. Если бы не переняли мы отъ французовъ пріятнаго и вольнаго обхожденія съ женщинами, то могли ли бы мы безъ сего пріятную вести жизнь? Нынѣ женщинъ взаперти и подъ покрывалами ихъ лицъ не держатъ: всѣ онѣ наружи".

Послѣднимъ обстоятельствомъ щеголь необычайно доволенъ и даетъ примѣры, какъ онъ обращается съ дѣвушками, какъ съ женщинами среднихъ лѣтъ и какъ съ престарѣлой женщиной. „Опричь жены,—восхищается онъ,—могу десять имѣть любовницъ и всѣхъ ихъ обманывать, а это-то и есть душа нашей жизни!" Съ такимъ же успѣхомъ, какъ болтать съ женщинами, щеголь мастеръ говорить о чемъ угодно: „Помощью обхожденія моего съ французами, я, ничему не учась, сдѣлался ученымъ человѣкомъ, и могу разговаривать и критиковать дѣла военныя, гражданскія и политическія; осмѣивать государственныя учре-

жденія и, показывая себя все знающимъ, ничему не удивляться". Для окончательнаго просвѣщенія не достаетъ лишь того, чтобы Петербургъ сдѣлался Парижемъ, и чтобы всѣ наши крестьяне разумѣли по-французски, но объ этомъ щеголь обѣщалъ составить проектъ, если у него останется свободное время отъ чесанія волосъ.

Такъ выполнялъ „Кошелекъ" одну изъ своихъ задачъ: обличеніе нелѣпаго увлеченія русскихъ всѣмъ французскимъ; задача для издателя была нетрудная и способы ея рѣшенія привычны. Но нужно было на ряду съ этимъ представить „древнія великія добродѣтели". О нихъ упоминалось вскользь въ „Трутнѣ", очень часто—въ „Живописцѣ", и вотъ теперь для изображенія ихъ возникъ спеціальный журналъ. На одной изъ первыхъ страницъ его „россіянинъ" старается увѣрить француза, что россіяне всѣ къ добродѣянію склонны, что это они дѣлаютъ „не по принужденію, но по склонности сердца", а предки наши, поучаетъ онъ „во сто разъ были добродѣтельнѣе насъ", но этотъ россіянинъ, выпутавши великодушно Шевалье-де-Мансонжа изъ карточнаго долга, исчезаетъ и на другихъ страницахъ такъ и не появляется. Разговоръ съ французомъ-проходимцемъ ведетъ уже нѣмецъ, и онъ же защищаетъ русскихъ отъ нападокъ на нихъ француза.

Этотъ нѣмецъ чрезвычайно добродѣтеленъ: онъ пріѣхалъ въ Петербургъ не только для того, чтобы „сыскать приличную должность", но, главнымъ образомъ, „чтобы увидѣть сію имперію подъ владѣніемъ премудрыя Екатерины, во всей Европѣ славящуюся". Онъ поучаетъ, что „честному человѣку никакое состояніе безчестія не приноситъ", что „стыдно дѣлать (лишь) безчестныя дѣла". „Я самъ,—говоритъ онъ самозванцу Шевалье-де-Мансонжу,—сынъ деревенскаго попа, обучался въ университетѣ—и, наконецъ, удостоенъ профессорства, и я никогда не вздумаю назваться барономъ". Такой добродѣтельный былъ этотъ нѣмецъ, и, конечно, онъ на совѣсть защищалъ русскихъ отъ порицаній прощелыги—француза. На его развязныя рѣчи о преимуществахъ француза передъ русскимъ—варваромъ по существу, добродѣтельный нѣмецъ указывалъ ему: „Не превозносись, мой другъ, своими преимуществами: они блистаніемъ своимъ подобны гнилушкѣ, въ темнотѣ только ночной блистающей; а на Россійскій оризонтъ (горизонтъ) давно уже взошло Солнце, съ Престола своего всю Россію освѣщающее, и благотво-

реніями своими роду россійскому отъ сна всѣхъ возбудившее: пользуйся же моимъ совѣтомъ, не превозносись такъ много ночною блистательностью наружныхъ твоихъ дарованій и будь увѣренъ, что разумные Россіяне, окромѣ вертопраховъ, уважаютъ уже не тебя француза, но языкъ французскій. Русскіе люди въ разсужденіи наукъ и художествъ (чѣмъ вы болѣе всего превозноситься и должны) столько жъ имѣютъ остроты, разума и прониканія, сколько и французы, но гораздо болѣе имѣютъ твердости, терпѣнія и прилежанія; разность же между русскимъ и французомъ въ разсужденіи наукъ вся въ томъ состоитъ, что одинъ послѣ другого гораздо позже принялся за науки. Франція за распространеніе наукъ и художествъ одолжена вѣку Людовика XIV, въ Россіи судьбой предоставлена была сія слава Екатеринѣ Великой, дѣлами своими весь свѣтъ удивляющей".

Въ дальнѣйшемъ нѣмецъ выражаетъ убѣжденіе, что въ Россіи науки и художества, благодаря трудамъ императрицы, „придутъ въ совершенство гораздо въ кратчайшее время, нежели въ какое доведены они были бы во Франціи". И если бы удалось этимъ просвѣщеннымъ россіянамъ возвратить себѣ и прежніе нравы, погубленные французской модой, то ихъ можно бы было поставить образцомъ человѣку.

За этой защитой русскихъ передъ французами,—защитой, которая поставила ихъ природныя качества выше природныхъ свойствъ ихъ учителей-французовъ, должно было, естественно, слѣдовать восхваленіе и изображеніе „прежнихъ нравовъ", и третій листъ „Кошелька", въ которомъ помѣщена эта защита, дѣйствительно кончается обѣщаніемъ издателя: „Продолженіе сихъ разговоровъ будетъ въ слѣдующемъ листѣ".

Но этого продолженія такъ и не послѣдовало: нѣмецкій адвокатъ древнихъ россійскихъ добродѣтелей исчезъ со страницъ „Кошелька" такъ же неожиданно, какъ раньше его исчезъ „россіянинъ", восхвалявшій природную доброту русскаго человѣка въ настоящемъ.

Вмѣсто восхваленія старинныхъ добродѣтелей въ четвертомъ листѣ появилось возраженіе противъ нихъ. Возраженіе появилось съ такими оговорками издателя, съ какими раньше онъ помѣщалъ въ „Живописцѣ" статьи о крестьянахъ. Прежде всего онъ пишетъ, что эти возраженія несправедливы, и обѣщается ихъ опровергнуть, потомъ онъ извиняется передъ читателями

за нихъ, а кромѣ всего этого заставляетъ произносить эти возраженія того франта, который въ вышеприведенныхъ цитатахъ гордится своимъ французскимъ просвѣщеніемъ. Этотъ франтъ, выставленный пустымъ и нелѣпымъ, какъ всѣ франты въ сатирахъ Новикова, мѣстами оказывается удивительно разумнымъ и знающимъ. Франтъ дѣлаетъ прежде всего очень глубокое общее замѣчаніе: „Время отъ времени нравы перемѣняются, а съ ними и нравоучительныя правила подвержены такой же перемѣнѣ“. А далѣе онъ предлагаетъ издателю-защитнику древнихъ россійскихъ добродѣтелей—переселиться въ прошлое: „Вамъ было должно родиться давно-давно; то-есть, когда древнія россійскія добродѣтели были въ употребленіи, а именно: когда русскіе цари въ первый день свадьбы своей волосы клеили медомъ, а на другой день парились въ банѣ вмѣстѣ съ царицами и тамъ же обѣдали; когда всѣ науки заключалися въ однихъ святцахъ; когда разные меды и вино пивали ковшами; когда женилися, не видавъ невѣсты своей въ глаза; когда всѣ добродѣтели замыкалися въ густотѣ бороды; когда за различныя знаменованія сожигали въ срубахъ, или изъ особливаго благочестія живыхъ закапывали въ землю; словомъ сказать, когда было великое изобиліе всѣхъ тѣхъ добродѣтелей, кои отъ просвѣщенныхъ людей именуются нынѣ варварствомъ“.

За этимъ мѣткимъ ударомъ противъ чрезмѣрной идеализаціи старины издателю задается чрезвычайно коварный вопросъ: на основаніи чего онъ началъ прославлять древнія русскія добродѣтели? „Прославляя древнія русскія добродѣтели, вы, кажется мнѣ, не потрудились поискать о томъ извѣстія въ иностранныхъ о Россіи писателяхъ, но довольствовались утвердиться на словесныхъ объявленіяхъ старожиловъ, которые говорятъ: въ старину-то было хорошо жить; въ старину-то были люди богаты; въ старину-то хлѣбъ родился; въ старину-то были люди умны и проч.“. Щеголь и защитникъ французовъ приглашаетъ съ собой издателя пробѣжать въ исторіи извѣстія о русскихъ нравахъ въ прошломъ. Вотъ, говоритъ онъ, передъ вами скиѳы: „Исторія не оставила намъ извѣстія ни о нравахъ ихъ, ниже о добродѣтеляхъ, но повѣствуетъ только, что оный народъ жаденъ былъ ко кровопролитію, алченъ ко грабительству и т. п.“. Гдѣ же добродѣтели? А вотъ и эпоха княжескихъ владѣній, когда распространялась вѣра христіанская: „Дикость и грубость

во нравахъ хотя нѣсколько и поуменьшилась, но въ дополненіе сей убавки родилось и возвысилось суевѣріе до высочайшаго степени". Времена княжескихъ усобицъ, братоубійствъ, вѣроломства и коварства смѣнились татарщиной, и чѣмъ ее можно помянуть, какъ не невѣжествомъ и ненавистью къ просвѣщеннымъ европейцамъ. „Гдѣ же древнія россійскія добродѣтели?" Вотъ царь Иванъ Васильевичъ „свергъ съ себя иго татарское, распространилъ и увеличилъ свое владѣніе, но нравы въ Россіи остались тѣ же, и невѣжество въ такой же, какъ и прежде было, силѣ: ибо бичомъ, ярмомъ и мечомъ нравы никогда не исправляются". Потомъ Россія начала просвѣщаться, и это просвѣщеніе выразилось въ томъ, что „россіяне иностранныхъ стали почитать за человѣковъ". „Какая рѣдкая добродѣтель! Не оную ли вы предлагаете намъ въ подражаніе?" Стоитъ ли приводить всѣ событія до Петра? „Довольно сего, что въ сіи времена въ Россіи не было ни одного училища, никакихъ книгъ, кромѣ церковныхъ, и никто изъ русскихъ не зналъ никакого иностраннаго языка". Гдѣ же добродѣтели? Такъ и не сыскать ихъ въ исторіи. Что онѣ: затерялись или создало ихъ раздраженное національное чувство подъ давленіемъ иноземной культуры? Издатель не отвѣтилъ на этотъ вопросъ. Онъ обѣщалъ помѣстить опроверженіе приведенныхъ возраженій противъ старины и обѣщалъ защитить ее, и не только защитить,—онъ хотѣлъ показать „сіяніе" ея истинныхъ добродѣтелей, хотѣлъ драгоцѣнными старинными жемчугами изукрасить Россію вмѣсто мишурныхъ стеклянныхъ бусъ, какими увѣшали ее иноземцы, похитившіе жемчуга.

Но онъ не выполнилъ своихъ обѣщаній, не опровергъ возраженій противъ идеализаціи старины.

Шестой, седьмой и восьмой листъ содержатъ „Народное игрище"—комедію въ одномъ дѣйствіи, которая нисколько не относится къ темамъ, поставленнымъ въ предисловіи къ „Кошельку". Въ концѣ восьмого листа отецъ самозванца Шевальеде-Мансонжа проситъ сына прислать ему денегъ, а въ примѣчаніи къ этой просьбѣ издатель сообщаетъ, что Шевалье хорошо устроился въ Россіи: не только имѣетъ выгодное мѣсто гувернера, но еще передѣлываетъ простой табакъ въ розовый и награждаетъ имъ за большія деньги довѣрчивыхъ россіянъ. Весь девятый листъ „Кошелька" занятъ одой на побѣды русскихъ войскъ въ Турецкой войнѣ. На этомъ листѣ и кончился

„Кошелекъ“, просуществовавъ съ іюля по сентябрь 1774 г. и оставивъ въ цѣломъ впечатлѣніе чего-то неоконченнаго и противорѣчиваго.

Эти неоконченность и противорѣчивость находятся, очевидно, въ связи между собой. Журналъ поставилъ себѣ спеціальную задачу—осмѣять модную иноземную культуру во имя природныхъ русскихъ добродѣтелей, которыя особенно сіяли въ прошломъ, но при изученіи русскаго прошлаго онъ не нашелъ этихъ добродѣтелей. Вмѣсто нихъ со страницъ исторіи на него глянули: дикость нравовъ, невѣжество, суевѣрія, обрядность, нетерпимость ко всему иноземному и инако мыслящему. Правда, передъ тѣмъ, какъ въ 4-мъ листѣ появились возраженія противъ идеализаціи старины, издатель устами добродѣтельнаго нѣмца заранѣе оговаривается, что у всякаго народа въ прошломъ имѣются пороки, но даже, если эту оговорку перенести въ надлежащее мѣсто, т.-е. поставить ее послѣ экскурсіи въ историческое прошлое, которая показала, что добродѣтелей тамъ нѣтъ, то все равно сила возраженій противъ старины останется прежней: добродѣтелей не было, были пороки, но пороки, какъ у всѣхъ народовъ.

Но гдѣ же тотъ жемчугъ, владѣя которымъ можно отказаться отъ привозныхъ бусъ? Остаются лишь нѣкоторыя природныя качества въ настоящемъ, которыя отличаютъ русскаго отъ иноземца: это—природная склонность русскихъ къ добру, ихъ острый и любознательный умъ и большая способность къ труду. Правда, эти качества выступаютъ въ „Кошелькѣ“ какъ-то не ярко, и для защиты ихъ понадобился даже нѣмецкій адвокатъ, но они все-таки признаются. Однако и съ признаніемъ ихъ останется цѣлый рядъ противорѣчій. Прежде всего, какъ эти качества относятся къ нашему прошлому: что ихъ больше было тамъ или меньше?

Въ журналѣ неоднократно мелькаетъ мысль, что раньше ихъ было больше, но возраженія противъ старины не подтвердили этого положенія. Далѣе: если признать эти качества природными, то почему они такъ скоро стерлись подъ иноземнымъ вліяніемъ, почему доброта превратилась въ наивную довѣрчивость, острый умъ и любознательность въ слѣпое подражаніе, а большая способность къ труду—въ художественное умѣнье праздно проводить всю жизнь. Можно бы думать, что при хорошихъ природныхъ качествахъ намъ не хватало просвѣщенія.

На такую причину какъ будто бы и указываетъ издатель, когда устами добродѣтельнаго нѣмца начинаетъ хвалить Екатерину за ея заботы о развитіи въ Россіи наукъ и художествъ. Но тутъ новое противорѣчіе: наши нравы начали портиться со введеніемъ въ Россію наукъ: „Кажется мнѣ,—говоритъ добродѣтельный нѣмецъ,—что мудрые древніе россійскіе государи якобы предчувствовали, что введеніемъ въ Россію наукъ и художествъ нацдрагоцѣнное россійское сокровище—нравы—погубятся безвозвратно“. Всѣ эти противорѣчія настойчиво стучатся въ сознаніе при чтеніи „Кошелька“, но на нихъ нѣтъ въ немъ отвѣта.

Издателю хотѣлось стать на защиту русскихъ добродѣтелей противъ иноземныхъ пороковъ, но онъ запутался въ исканіяхъ этихъ добродѣтелей; ему хотѣлось доказать необходимость развитія у насъ просвѣщенія, но передъ нимъ всталъ вопросъ о вліяніи просвѣщенія на нравы. При этихъ противорѣчіяхъ не было органической возможности вести журналъ далѣе по прежней его программѣ, и онъ долженъ былъ прекратиться.

Имѣется, впрочемъ, еще другое объясненіе прекращенія журнала: Лонгиновъ указываетъ, что, по нѣкоторымъ смутнымъ извѣстіямъ, какъ будто „Кошелькомъ“ остались недовольны члены французскаго посольства, заподозрѣвъ въ рѣзкихъ отзывахъ о французахъ интригу Англіи, но, какъ указываетъ, Лонгиновъ, „неизвѣстно, до какой степени это справедливо“ [1]).

---

[1]) Лонгиновъ, с. 32—33.

VII.

Историческое значеніе Новиковской сатиры.

Съ прекращеніемъ „Кошелька“ закончился періодъ сатирической журналистики въ дѣятельности Новикова. Всѣ три его журнала даютъ богатый матеріалъ для характеристики одного изъ важныхъ моментовъ въ исторіи русской интеллигенціи XVIII в. Мысль ея, возбужденная и согрѣтая патріотическимъ порывомъ, которымъ началось царствованіе Екатерины, попыталась дать критическую оцѣнку всему тому, что ее окружало.

Отраженіемъ этого настроенія была сатира въ литературѣ, а также, рядомъ съ ней, сатира въ запискахъ современниковъ. Параллельно съ критикой существующаго, у русской интеллигенціи XVIII в. вырабатывалось ея міросозерцаніе. Процессъ этой работы выражался въ томъ, что, съ одной стороны, провѣрялись готовыя положенія, часто принятыя на вѣру, а съ другой стороны, создавались новыя. Вмѣстѣ съ ростомъ самостоятельныхъ убѣжденій, интеллигенція разбивалась на отдѣльныя группы, которыя по разному опредѣляли свои очередныя задачи въ общественной жизни. Журналы Новикова и отразили въ себѣ весь этотъ процессъ роста общественнаго міросозерцанія.

Подводя итоги ихъ содержанію, нужно прежде всего отмѣтить необыкновенно серьезное отношеніе къ задачамъ журнальной дѣятельности. Писатель въ XVIII в. вообще занималъ положеніе среднее между спортсменомъ и шутомъ: если это былъ человѣкъ чиновный и обезпеченный—для него литература была „благороднымъ и модньшъ упражненіемъ, коимъ увеселяются и знатные люди“; если же онъ не былъ среди сильныхъ—ему приходилось быть забавникомъ. Извѣстно, какъ относились въ высшем

обществѣ въ Третьяковскому, къ Ломоносову, къ Державину. Меценатъ елизаветинскихъ временъ, Шуваловъ, находилъ удовольствіе въ томъ, что стравливалъ у себя Ломоносова съ Сумароковымъ; Державинъ былъ доволенъ, что его поэзію цѣнили, „какъ лѣтомъ сладкій лимонадъ“, и видѣлъ въ своемъ талантѣ средство располагать къ себѣ знатныхъ людей. Еще пренебрежительнѣе, конечно, относились къ мелкимъ литераторамъ, журналистамъ, и сами они какъ-то считали такое отношеніе нормальнымъ. Рубанъ (изд. журн. „Ни то ни се“, 1769 г.) вдвигалъ свой журналъ въ среду другихъ такимъ заявленіемъ: „Между множествомъословъ и мы вислоухими быть не покраснѣемъ“, а Чулковъ (издатель „И то и се“, 1769 г.) обобщалъ этотъ взглядъ: „Когда есть ваканціи публичныхъ дураковъ, то занимаютъ у насъ такія мѣста мелкотравчатые писаки, и намъ гораздо мило смотрѣть, какъ они дурачутся и ругаютъ сами себя“. До Новикова, кажется, только одинъ Ломоносовъ выразилъ протестъ противъ такого взгляда, когда говорилъ Шувалову, что онъ не хочетъ быть дуракомъ ни у кого, не только у сильныхъ людей, но даже у самого Господа Бога, но этотъ протестъ извѣстенъ лишь изъ частнаго письма Ломоносова и не былъ извѣстенъ обществу.

Для Новикова журнальная дѣятельность—это посильная служба обществу по призванію, нравственная обязанность, которая заставила его сойти съ проторенной дороги службы въ гвардіи на тернистый путь журналиста. „Будучи рожденъ и воспитанъ въ нѣдрахъ отечества, обязанъ оному за сіе служить посильными своими трудами“, какъ онъ заявляетъ въ „Кошелькѣ“. Это заявленіе онъ оправдываетъ всей своей дѣятельностью. Въ отличіе отъ другихъ журналовъ, онъ не забавляетъ своихъ читателей „сказочками“, а вноситъ въ свою сатиру общественное содержаніе, обличая конкретные и наиболѣе характерные недостатки современнаго общества. Серьезный тонъ его сатиры выдержанъ на всемъ протяженіи „Трутня“, „Живописца“ и „Кошелька“.

Убѣжденный въ томъ, что „осмѣяніе порока умаляетъ силу его“, онъ и своихъ читателей заставлялъ уважать свой трудъ, видѣть въ немъ не праздное зубоскальство, а дѣйствительно серьезное дѣло. Въ его журналѣ нѣтъ такихъ заявленій, которыя бы роняли достоинство изданія, какъ это встрѣчается зачастую у его собратій по перу.

Въ 43 №, напр., журнала Чулкова „И то и сіо“ двѣ страницы оставлены совершенно пустыми, и этому дано такое объясненіе: „Сіе пустое мѣсто на сей бумагѣ оставлено для того, что сочинитель не могъ ничего придумать, чѣмъ бы наполнить сію недѣлю“. Или, напр., въ журналѣ Рубана „Ни то ни се“ за іюль мѣсяцъ вышло сразу 4 № впередъ съ такимъ развязнымъ признаніемъ: „Сочинители, желая доставить себѣ возможность попользоваться пріятностями исходящей весны и начинающагося лѣта, заблагоразсудили симъ способомъ избавить себя на цѣлый мѣсяцъ отъ еженедѣльнаго изданія сихъ листочковъ“.

Въ самомъ выборѣ темъ Новиковскихъ журналовъ и въ ихъ разработкѣ чувствуется особое направленіе. Это не случайные сборники, въ которыхъ безъ всякаго порядка смѣшное мѣшалось съ серьезнымъ, крупное съ мелкимъ и важное съ неважнымъ, какъ то опять-таки было съ другими журналами, гдѣ насмѣшки надъ неряшествомъ отдѣльныхъ лицъ мѣшались съ обличеніемъ неправосудія (напр., „Всякая Всячина“), и гдѣ темы изъ русской жизни вдругъ ни съ того ни съ сего смѣнялись нападками на іезуитовъ, на римскаго папу и т. п. (напр., „Адская почта“—Эмина).

Несмотря на большое разнообразіе темъ „Трутня“ и „Живописца“, всѣ онѣ связаны единствомъ внутренняго содержанія. Обличая пороки современнаго имъ общества, сатира ихъ всюду проводитъ ту главную мысль, что всѣ люди равны. Въ разныхъ положеніяхъ сословныхъ, классовыхъ, служебныхъ она хочетъ увидать единое, что обще для всѣхъ людей, это ихъ человѣческое достоинство. „Я хочу,—говоритъ „Трутень“ про знатнаго человѣка,—чтобы онъ былъ только человѣкъ“.

Идеалъ человѣка рисуется въ „Трутнѣ“ такими чертами: „Воткто“ разумный и добродѣтельный господинъ. Онъ дѣлаетъ всѣмъ добро, кому только можетъ. Онъ думаетъ, что разумъ данъ ему для оказанія услугъ государству, знатный чинъ для защищенія утѣсненныхъ, богатство для вспоможенія бѣдныхъ, и что онъ для того родился человѣкомъ, чтобы всѣмъ подобнымъ себѣ быть полезнымъ“.

Въ этой характеристикѣ сведено все, что „Трутень“ и „Живописецъ“ развиваютъ многократно по частямъ: человѣкъ долженъ быть просвѣщеннымъ, добродѣтельнымъ, полезнымъ гражданиномъ. Только разница въ личныхъ достоинствахъ человѣка и можетъ отдѣлять одного отъ другого. Во имя личныхъ достоинствъ

человѣка „Трутень“ протестуетъ противъ несправедливаго понятія въ обществѣ о человѣкѣ „подломъ“. По его мнѣнію, „подлый человѣкъ есть тотъ, который подлыя дѣла дѣлаетъ, хотя бы онъ былъ баронъ, князь или графъ; а не тотъ, который, рожденъ будучи отъ низкостепенныхъ людей, добродѣтелью, можетъ быть, многихъ титлоносныхъ людей превосходитъ“.

Новиковская сатира неоднократно обличаетъ стремленіе многихъ изъ разныхъ сословій выбраться въ разрядъ „титлоносныхъ“ и считаетъ несправедливымъ, что отличія даются не по добродѣтелямъ человѣка. Всякій долженъ быть и можетъ быть полезенъ обществу, будетъ ли онъ чиновникъ, купецъ или крестьянинъ. Къ крестьянскому труду у Новикова особенно благоговѣйное отношеніе: его трудъ составляетъ основу общества, и поэтому крестьянинъ долженъ уважаться всѣми остальными сословіями.

И со стороны общественной пользы, и со стороны простого человѣческаго чувства крѣпостное право особенно возмущало чуткую совѣсть сатирика, и потому его журналы особенно рѣзко обличаютъ злоупотребленія этимъ правомъ. Правда, по условіямъ времени приходилось снабжать такія обличенія оговорками: говорить о благополучіи крестьянъ у хорошихъ помѣщиковъ, указывать, что только „изверги“ превращаютъ „нужное подчиненіе въ несносное иго рабства“, но статьи о крестьянахъ были самыми сильными въ его журналахъ.

Трудовая крестьянская жизнь, близкая къ природѣ, изображается въ журналахъ Новикова съ особенной теплотой и противополагается пустой и нелѣпой жизни моднаго общества. Тамъ, въ обстановкѣ повседневнаго труда нѣтъ тѣхъ условій, которыя бы развращали нравы, они остаются простыми и чистыми. Много разъ разсказывается въ „Трутнѣ“, что воспитаніе, полученное дворянской молодежью въ деревнѣ, въ семьѣ, которая постоянными трудами подаетъ примѣръ окружающимъ, безконечно выше моднаго французскаго воспитанія, вся суть котораго заключается въ томъ, чтобы безъ скуки проводить праздное время. Вообще, говоря о добродѣтели, журналы ищутъ примѣровъ не въ привилегированномъ обществѣ, а въ „среднемъ родѣ людей“, трудовая обстановка которыхъ спасаетъ ихъ отъ развращающаго вліянія праздности и воспитываетъ дѣйствительно полезными членами общества. Въ предисловіи къ третьему изданію своего журнала „Жи-

вописецъ“ (1775 г.) Новиковъ прямо говоритъ, что успѣхъ его журнала зависитъ только отъ того, что онъ „попалъ на вкусъ мѣщанъ нашихъ“; и только эти простосердечные люди, говоритъ онъ, „читаютъ и поддерживаютъ серьезныя книги“, и тутъ же язвительно противополагаетъ ихъ модному обществу: „Люди же, разумы свои знаніемъ французскаго языка просвѣтившіе, полагая книги въ число головныхъ украшеній, довольствуются всѣми головными уборами, привезенными изъ Франціи, какъ-то пудрою, помадою, книгами и проч.“.

Такъ вырисовывается одна изъ главныхъ мыслей Новиковской сатиры: всѣ люди должны быть равны,—нѣтъ людей „подлыхъ“,—должны быть полезными членами общества; единственная возможная разница—это разница „добродѣтелей“ и просвѣщенія; истинныя добродѣтели и истинное просвѣщеніе возможны только въ трудовой обстановкѣ, и потому симпатіи издателя на сторонѣ людей „средняго рода“.

Эта основная мысль и выводы изъ нея, логически неизбѣжные, остаются неизмѣнными на всемъ протяженіи Новиковской журналистики. Идея равенства людей и идеалъ полезнаго гражданина были для Новикова простымъ требованіемъ христіанскаго человѣколюбія; онъ считаетъ ихъ, очевидно, настолько простыми и естественными, что въ защиту ихъ не выдвигаетъ обычной въ XVIII в. догмы естественнаго права. Этимъ направленіе Новиковской журналистики стоитъ особнякомъ и по отношенію къ предшественникамъ, и по отношенію къ современникамъ. Въ журналѣ московской университетской молодежи съ Херасковымъ во главѣ („Полезное увеселеніе“) проповѣдь христіанской добродѣтели и любви къ ближнему связывается съ ученіемъ естественнаго права о томъ, что люди отъ природы равны и свободны. Если рядомъ съ Новиковымъ поставить его современника Радищева, то у того идея равенства является политическимъ требованіемъ исключительно изъ принципа естественнаго права, что свободные люди образовали по договору свободное общество.

Другая мысль, положенная въ основу Новиковской журналистики, это—признаніе превосходства нравовъ и обычаевъ русскаго прошлаго передъ настоящимъ, когда русскіе стали подражать иностранцамъ. Это подражаніе сгубило наши „древнія добродѣтели“, и Новиковскіе журналы твердятъ о необходимости возврата къ нимъ. Эта идея національстическая, она выражала

собой то сознаніе своей національной особности и отчасти превосходства, какое еще съ Московской Руси жило въ русскомъ обществѣ. Тамъ это сознаніе порождалось религіознымъ противопоставленіемъ „православной“ Руси поганому Западу, поганой латыни. Тамъ же сложилась и первая націоналистическая теорія, которая объясняла фактическое сознаніе своей религіозной особности. Это теорія о Москвѣ—третьемъ Римѣ. Это сознаніе своей религіозной противоположности стало особенно острымъ въ XVII в., когда начались усиленныя заимствованія западно-европейской техники, и высшаго своего напряженія оно достигло въ расколѣ, когда горячая къ религіи часть общества отказалась отъ оффиціальной церкви, подчинившейся, по ея мнѣнію, авторитету греческихъ учителей, православіе которыхъ погибло отъ „махмутовой ереси“, т.-е. съ тѣхъ поръ, какъ турки завоевали Константинополь. Съ тѣхъ поръ значительная часть народной массы рѣзко отвернулась отъ всякаго сближенія съ Западомъ и самого царя преобразователя признала антихристомъ. Но и другая часть общества, которая воспринимала иноземную культуру и даже сама проводила ее, сохраняла значительную долю враждебнаго отношенія къ иноземцамъ: бросалось въ глаза превосходство иноземной техники, было сознаніе необходимости освоиться съ ней, но необходимость стать на положеніе ученика передъ иноземцемъ въ личныхъ отношеніяхъ оскорбляла народную гордость, даже у самого Петра все время чувствуется желаніе не ставить иноземцевъ на первыя мѣста, а использовать ихъ лишь для обученія русскихъ всей иноземной техникѣ.

Въ такомъ протестѣ противъ иноземцевъ „идейнаго еще очень мало, какъ справедливо замѣчаетъ П. Н. Милюковъ: это просто продуктъ непосредственнаго раздраженія эксплуатируемаго противъ своего конкурента, съ которымъ, за слабостью мысли и знанія, приходится бороться силой и хитростью“.

Это націонализмъ, но еще безъ націоналистической теоріи. Московская націоналистическая теорія не могла удовлетворять эту часть общества, потому что въ основѣ ея лежалъ лишь одинъ религіозный элементъ, т.-е. какъ разъ такой, который менѣе всего имѣлъ значенія въ верхнихъ слояхъ общества, либо равнодушныхъ къ религіи, либо заимствовавшихъ себѣ съ Запада же деистическіе принципы. Новая теорія должна была основаться уже не на религіозныхъ, а на философскихъ поло-

женіяхъ, и она дѣйствительно создалась, но уже въ XIX в., когда философское ученіе Гегеля объ „абсолютномъ духѣ“ дало подходящій фундаментъ для всѣхъ національныхъ теорій, какъ на Западѣ, такъ и у насъ въ Россіи. На основѣ этого ученія славянофилы построили свою національную теорію, въ которой были выдвинуты тѣ три кита—самодержавіе, православіе и народность,—на которыхъ еще до сихъ поръ опирается оффиціальный націонализмъ. Но поиски такой теоріи замѣчались уже и въ XVIII в., и еще задолго до Новиковской журналистики наша литература усвоила себѣ изъ западной литературы тему восхваленія простоты старинныхъ нравовъ передъ развращенностью современныхъ.

Это особенно замѣчается у Кантемира и Сумарокова, а Ломоносовъ выступилъ съ рѣзкой критикой противъ рѣчи академика Миллера, который предложилъ теорію о норманскомъ происхожденіи Руси, и самъ, въ противовѣсъ ей, пытался доказать ея славянское происхожденіе.

Новиковъ и былъ захваченъ какъ разъ полосой такихъ поисковъ національной теоріи, и въ своихъ журналахъ самъ отдалъ значительную дань націонализму.

Національныя настроенія Новиковскихъ журналовъ очень удобно можно сопоставить съ двумя современными проявленіями такого настроенія, одно изъ которыхъ принадлежало самой Екатеринѣ, а другое Фонвизину, который еще въ 1764 г. въ своемъ „Бригадирѣ“ противопоставилъ два воспитанія и два типа дворянъ: представителей старыхъ русскихъ началъ и добродѣтелей и представителей дурного, но моднаго французскаго вліянія. Именно въ 1770 г. безъ имени автора вышла книга Екатерины „Антидотъ“ (противоядіе), написанная въ опроверженіе „Записокъ о Россіи“ члена парижской академіи наукъ аббата Шаппа, который въ 1761 г. былъ отправленъ академіей въ Сибирь для наблюденія прохожденія Венеры передъ солнцемъ и въ 1768 г. издалъ свою книгу „Путешествіе въ Сибирь“. Нѣсколько позже Новиковскихъ сатирическихъ журналовъ, въ 1777—78 гг. были написаны Фонвизинымъ его письма изъ Франціи къ гр. П. И. Панину, въ которыхъ авторъ даетъ отчетъ въ своихъ заграничныхъ впечатлѣніяхъ.

Фонвизинъ рѣшительно ничѣмъ не доволенъ въ Западной Европѣ и разноситъ ее съ плеча. Начинаетъ онъ прежде всего съ ученыхъ, которыми гордилась Европа.

„Я нашелъ сей городъ,—пишетъ онъ про Лейпцигъ,—наполненнымъ учеными людьми. Иные изъ нихъ почитаютъ главнымъ своимъ человѣческимъ достоинствомъ то, что умѣютъ говорить по-латыни, чему, однакожъ, во времена Цицерона умѣли и пятилѣтнія ребята; другіе, возносясь мысленно на небеса, не смыслютъ ничего, что дѣлается на землѣ; иные весьма твердо знаютъ артифиціальную логику, имѣя крайній недостатокъ въ натуральной; словомъ, Лейпцигъ доказываетъ неоспоримо, что ученость не родитъ разума". Такова основная точка зрѣнія Фонвизина на науку: она не родитъ разума.

Не мудрствуя лукаво, онъ отвергаетъ ее всю огуломъ, потому что она развращаетъ нравы. „Вся система нынѣшнихъ философовъ,—говоритъ онъ,—состоитъ въ томъ, чтобы люди были добродѣтельны независимо отъ религіи; но они, которые ничему не вѣрятъ, доказываютъ ли собой возможность своей системы? Кто изъ мудрыхъ вѣка сего, побѣдивъ всѣ предразсудки, остался честнымъ человѣкомъ? Кто изъ нихъ, отрицая бытіе Божіе, не сдѣлалъ интереса единымъ божествомъ своимъ и не готовъ жертвовать ему всею своею моралью?"

Критическій методъ Фонвизина необычайно простъ: наука хороша, если ученые хороши, и наука плоха, если они плохи. Онъ не щадитъ язвительности для того, чтобы охарактеризовать личность ученыхъ. Въ письмѣ изъ Парижа онъ дастъ имъ такую оцѣнку: „Видѣлъ я всѣхъ здѣшнихъ лучшихъ авторовъ. Всѣ они, выключая весьма малое число, не только не заслуживаютъ почтенія, но достойны презрѣнія. Высокомѣріе, зависть и коварство составляютъ ихъ главный характеръ".

Этотъ приговоръ онъ распространяетъ и на всѣхъ выдающихся изъ философовъ. Повидимому, онъ раньше выдѣлялъ ихъ въ то малое число, которое онъ не хотѣлъ задѣвать своимъ общимъ отзывомъ. Но вотъ онъ познакомился съ ними и сразу по своему методу опредѣлилъ, что они не лучше другихъ.

„Изъ всѣхъ ученыхъ,—говоритъ онъ, напр., о Даламберѣ,—удивилъ меня Даламберъ. Я воображалъ лицо важное, почтенное, а нашелъ премерзкую фигуру и преподленькую физіономію".

Здѣсь методъ его сужденія еще расширился, чѣмъ раньше: раньше онъ хотѣлъ ученыхъ судить по ихъ личной нравственности, теперь онъ довольствуется и одной физіономіей. Поэтому, безъ сомнѣнія, онъ расширяетъ и свое сужденіе о философахъ: „Даламберы, Дидероты,—пишетъ онъ,—въ своемъ

родѣ такіе же шарлатаны, какихъ видѣлъ я всякій день на бульварѣ; всѣ они народъ обманываютъ за деньги, и разница между шарлатаномъ и философомъ только та, что послѣдній къ сребролюбію присоединяетъ безпримѣрное тщеславіе".

Покончивъ съ философіей и съ философами, Фонвизинъ также рѣшительно не призналъ и всего политическаго и соціальнаго строя Западной Европы. Прежде всего здѣсь онъ опровергаетъ общее представленіе, что во Франціи больше свободы, чѣмъ въ другихъ странахъ. Указывая на lettres de cachet, онъ говоритъ, что король, хотя и ограниченъ законами, но имѣетъ право ихъ попирать. Отсюда онъ дѣлаетъ выводъ, что въ Россіи больше вольности: „Разсматривая состояніе французской націи, научился я различать вольность по праву отъ дѣйствительной вольности. Нашъ народъ не имѣетъ первой, но послѣднею во многомъ наслаждается. Напротивъ того, французы, имѣя право вольности, живутъ въ сущемъ рабствѣ".

Громитъ Фонвизинъ и тѣ учрежденія, которыя должны ограничивать власть короля. Въ парламентахъ сидятъ все люди, купившіе свои должности за деньги, собранія провинціальныхъ штатовъ устраиваются лишь для того, чтобы знать въ союзѣ съ попами имѣла возможность жестоко грабить народъ. Каждый министръ, по мнѣнію Фонвизина, во Франціи—деспотъ. Интенданты—это лишь воры, имѣющіе полномочіе грабить провинцію безотчетно. При такихъ условіяхъ положеніе народа во Франціи ужасно. Разсказывая о своихъ впечатлѣніяхъ въ Лангедокѣ и Провансѣ, которые считались богатѣйшими во Франціи, онъ пишетъ: „Сравнивая нашихъ крестьянъ въ лучшихъ мѣстахъ съ тамошними, нахожу, безпристрастно судя, состояніе нашихъ несравненно счастливѣйшимъ... Главною поставляю ту (причину), что подать въ казну платится неограниченная, и, слѣдственно, собственность имѣнья есть только въ одномъ воображеніи. Въ семъ плодоноснѣйшемъ краю на каждой почтѣ карета моя была всегда окружена нищими, которые весьма часто, вмѣсто денегъ, именно спрашивали, нѣтъ ли съ нами куска хлѣба. Сіе доказываетъ неоспоримо, что и посреди изобилія можно умереть съ голоду".

Послѣ Франціи такъ же отрицательно оцѣнилъ Фонвизинъ и Германію, и Италію. Въ Италіи онъ нашелъ только одно: „весьма много свинства", а про Германію писалъ: „Здѣсь во всемъ генерально хуже нашего; люди, лошади, земля, изобиліе

въ нужныхъ съѣстныхъ припасахъ, — словомъ, у насъ все лучше, и мы больше люди, чѣмъ нѣмцы". Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ ѣздить за границу, чего тамъ искать?

Фонвизинъ не нашелъ для этого достаточныхъ причинъ, а про Парижъ отозвался такъ: „По точномъ разсмотрѣніи вижу я только двѣ вещи, кои привлекаютъ сюда чужестранцевъ въ такомъ множествѣ: спектакли и—съ позволенія сказать—дѣвки. Если двѣ сіи приманки отнять сегодня, то завтра двѣ трети чужестранцевъ разъѣдутся изъ Парижа".

Впрочемъ, Фонвизинъ совѣтуетъ отправлять во Францію тѣхъ людей, которые приходятъ къ выводу, что въ Россіи все плохо. Для излѣченія такого заблужденія и нужно послать во Францію.

Екатеринѣ по самому ея отношенію къ Западу нельзя было покончить съ нимъ такъ рѣшительно, какъ это сдѣлалъ Фонвизинъ, нельзя было такъ безусловно все русское поставить выше французскаго, и она проводитъ извѣстную систему параллелизма между русскимъ прошлымъ и западно-европейскимъ и только по отношенію къ своему царствованію допускаетъ положеніе, что теперь въ Россіи лучше, чѣмъ въ З. Европѣ. Эти два положенія она защищаетъ на каждой почти страницѣ своей книги, не задумываясь опровергаетъ аббата Шаппа и ссылками на исторію и ссылками на дѣйствительность. Нельзя сказать, чтобы она обнаруживала глубокія историческія познанія, ея умъ ловилъ въ историческомъ прошломъ только свѣтлые моменты, все темное исчезало безслѣдно, и потому получалась какая-то упрощенная схема русской исторіи, при которой, напр., Ярославъ Мудрый оказывался роднымъ отцомъ князя Александра Невскаго, но она всегда была чуждой „педантизма", стояла только за главное. Также и ея ссылки на дѣйствительность отличаются такой общностью, что ихъ одинаково можно и признать и не признать. Но и то и другое, и ссылки на прошлое, и ссылки на настоящее, звучатъ побѣдной категоричностью.

Съ тѣхъ поръ, какъ основалось Русское государство, съ 861 г. до 1596 г. „въ теченіе этихъ слишкомъ семисотъ лѣтъ Россія управлялась, имѣла приблизительно тѣ же нравы, шла тѣмъ же путемъ и находилась почти на одномъ уровнѣ, какъ и всѣ государства Европы". Правленіемъ своихъ князей и царей Россія была всегда довольна, „росла въ могуществѣ и

силѣ, во все это время подданные не жаловались на форму правленія".

Были, правда, за это время „нѣкоторые примѣры строгости" со стороны царей,— соглашается Екатерина,—напр., правленіе Ивана Грознаго. „Но,—возражаетъ она на это,—имѣется ли такое государство, „въ которомъ не производились бы, по крайней мѣрѣ въ то время, ужасныя истязанія?" „У насъ они были жестоки, это правда. Но еслибы намъ не было противно останавливаться далѣе на такомъ предметѣ, мы доказали бы, что какъ розги и кнутъ перешли къ намъ отъ римлянъ, такъ и всѣ подобные ужасы къ несчастью заимствованы нами у другихъ народовъ".

За все время до смуты въ русской жизни царила строгая законность, „земскіе судьи съ незапамятныхъ временъ назначались ежегодно, и никто не подвергался приговору безъ предварительнаго суда". Нравы народа въ это время были чисты и просты. „Въ семьяхъ царствовало согласіе. Разводы были почти неизвѣстны. Дѣти имѣли большое уваженіе къ своимъ отцамъ и матерямъ. Но что лучше всего изображаетъ нравы того времени, это оговорка, которую вставляли во всѣ договоры; вотъ эта заключительная оговорка отъ слова до слова: если же мнѣ случится отказаться отъ моего слова, или не сдержать его, то да будетъ мнѣ стыдно. Итакъ,—заключаетъ Екатерина,—стыдъ былъ тогда напсильнѣйшей сдержкой, которую налагали на себя какъ non plus ultra. Полагаю, что *нѣтъ страны, которая могла бы представить въ пользу своихъ нравовъ свидѣтельство, столь же краснорѣчивое, какъ эта формула*".

Это благоденствіе и чистота нравовъ пострадали за эпоху смуты, но явился Петръ и просвѣтилъ свой народъ, и съ тѣхъ поръ опять въ жизни воцарился порядокъ во всемъ. Правда, и послѣ Петра было нехорошее время, это время Анны и Бироновщины, но, возражаетъ Екатерина, „какъ бы ни было строго это царствованіе, мы увѣрены, что правленіе хваленаго кардинала Ришелье вынесетъ съ нимъ сравненіе". Затѣмъ послѣдовало кроткое и благоденственное правленіе Елизаветы; благополучіе, которое было въ ея царствованіе, нарушилъ Петръ III своей неспособностью и плохимъ подборомъ сотрудниковъ, но взошла на престолъ Екатерина и своимъ мудрымъ законодательствомъ снова доставила процвѣтаніе странѣ.

О своемъ царствованіи Екатерина вездѣ говоритъ въ повышенномъ тонѣ и не сомнѣвается, что ея правленіе самое лучшее въ Европѣ. Отмѣнены всѣ тѣ стѣсненія, что бывали до нея. Нѣтъ тайной канцеляріи, въ то время, какъ Бастилія существуетъ. Всѣ должностныя лица поставлены въ строгіе предѣлы закона, и такъ какъ они не покупаютъ своихъ должностей, а назначаются высочайшей властью, то они не могутъ быть такими тиранами, какъ чиновники французскаго короля. Законность царствуетъ въ Россіи. „Мало есть государствъ, въ которыхъ бы законъ уважался бы такъ, какъ у насъ“. Жизнь и имущество подданныхъ строго охраняются законами, ихъ личная свобода шире, чѣмъ въ Западной Европѣ. Да и можетъ ли быть иначе тамъ, „гдѣ Государь, тщательно собирая со всѣхъ сторонъ начала, наиболѣе способствующія тому, чтобы сдѣлать человѣка счастливымъ, самъ дѣлаетъ имъ сводъ, и говоритъ своимъ подданнымъ: „Вотъ начала, которыя, по моему мнѣнію, могутъ васъ осчастливить! Если бы мнѣ были извѣстны лучшія, я бы ихъ вамъ предложилъ: начертите мнѣ проектъ законовъ по вашему усмотрѣнію“. Екатерина гордится своимъ Наказомъ, начала котораго, по ея словамъ, возбуждаютъ удивленіе Европы. Онъ „съ самаго начала до конца направляетъ человѣка къ чести, славѣ и мужеству... Этотъ Наказъ становится у насъ закономъ“. Наконецъ, указывая на комиссію 1767 г., она спрашиваетъ: „Какой современный народъ можетъ похвастаться тѣмъ, что былъ призванъ въ цѣломъ своемъ составѣ къ составленію своихъ законовъ?“ Много разъ она подсмѣивается надъ аббатомъ Шаппомъ, что въ его странѣ, прославленной своей свободой и просвѣщеніемъ, запрещенъ Наказъ, это „Евангеліе законности“, какъ она его называетъ.

Указывая на преимущества нашихъ порядковъ, построенныхъ, по ея мнѣнію, на основаніи этого Наказа, она ни много ни мало приглашаетъ всѣ народы послѣдовать ему: „Пусть же эти послѣдніе (народы) въ свою очередь послѣдуютъ нашему примѣру, если они разумны, и преобразуютъ свой уголовный судъ на основаніи главы X Наказа Императрицы Екатерины для составленія уложенія, который былъ запрещенъ въ Парижѣ и Константинополѣ“.

Подъ управленіемъ такой императрицы народъ благоденствуетъ. „Русскій крестьянинъ,—говоритъ Екатерина,—во сто разъ счастливѣе и достаточнѣе, чѣмъ ваши французскіе кре-

стьяне". Крѣпостное право совершенно не мѣшаетъ ихъ благосостоянію, что доказывается тѣмъ, что въ Россіи много богатыхъ крестьянъ-крѣпостныхъ, и тѣмъ, что крестьяне свободные не живутъ лучше помѣщичьихъ. Что касается утвержденія Шапна, что „господа продаютъ своихъ рабовъ, какъ въ другихъ странахъ продаютъ скотъ", то Екатерина рѣшительно протестуетъ противъ такого „вздора": „Ничего подобнаго нѣтъ. Земледѣльцевъ продаютъ вмѣстѣ съ землей; случается также, что люди небогатые, когда хотятъ отдѣлаться отъ лакея, которымъ они недовольны, уступаютъ его за деньги другому господину". Возраженіе, несмотря на всю его категоричность, выходитъ слабымъ, и сама императрица вынуждена признать, что здѣсь происходили злоупотребленія. „Знаю,—говоритъ она,—что происходили злоупотребленія, но знаю также, что эти злоупотребленія были остановлены правительствомъ, и что есть законы, воспрещающіе безчеловѣчныя продажи".

Точно такъ же Россія можетъ гордиться и своимъ просвѣщеніемъ, потому что нигдѣ, какъ здѣсь, правительство не заботится о немъ больше всего, и не только въ центрѣ распространилось оно, но и на окраинахъ. Разсказывая о своемъ путешествіи по Волгѣ, Екатерина пишетъ: „Мы думали, что въ провинціи едва знаютъ азбуку, и вмѣсто того мы находили книги". „Наше правительство занято лишь тѣмъ, что поощряетъ и награждаетъ умъ, таланты и всѣ чувства, честныя и полезныя обществу. Могутъ ли русскіе не мыслить, какъ скоро у нихъ передъ глазами книга, продиктованная всѣми чувствами, дѣлающими честь человѣчеству, и подписанная собственною рукою ихъ императрицы?" Здѣсь опять разумѣется Наказъ.

На замѣчаніе аббата, что въ Россіи геній подавляется правительствомъ, и что потому нельзя указать крупныхъ ученыхъ, кромѣ Ломоносова, Екатерина отвѣчаетъ, что такое сужденіе вызвано лишь малымъ знакомствомъ съ Россіей, а на самомъ дѣлѣ „нѣтъ, быть можетъ, страны, которая могла бы похвалиться большимъ количествомъ писаній, чѣмъ наша". Вообще, замѣчаетъ Екатерина, въ Россіи слишкомъ любятъ скромность, и потому иностранцамъ кажется, что она бѣдна талантами и героями. „Если бы у насъ были столь же тщеславны, какъ въ извѣстныхъ странахъ, если бы у насъ такъ же хвастались всѣмъ, то, быть можетъ, не было бы страны, которая представила бы болѣе примѣровъ патріотическаго усердія и

великихъ дѣяній, чѣмъ наша. Это не пустыя слова; можно бы привести сотню примѣровъ всѣхъ доблестей, гражданскихъ военныхъ и нравственныхъ". Екатерина ихъ, правда, не приводитъ, но предупреждаетъ аббата, что ему же будетъ плохо, если ихъ привести. „Не вызывайте меня, аббатъ,—говоритъ она,—мы способны составить изъ нихъ сборникъ, чтобы доказать всему міру, какъ странно, что писаки, подобные вамъ, осмѣливаются обманывать публику на нашъ счетъ изъ злобы, глупости или невѣжества".

Весь этотъ рядъ восхваленій преимуществъ Россіи построенъ на принципѣ, что у насъ лучше потому, что правительство лучше. Это, такъ сказать, принципъ государственнаго національнализма. Сравнительно съ нимъ меньше дѣлается ссылокъ на природныя достоинства русскихъ, меньше подчеркивается принципъ этнографическаго національнализма, но и онъ имѣется въ достаточномъ количествѣ въ книгѣ Екатерины.

Съ гордостью отмѣчаются природныя богатства Россіи. „Съѣстные припасы очень дешевы, рыба превосходна, мяса есть въ изобиліи, дичи не оберешься; охота и рыбная ловля не запрещены, не затруднены ограниченіями или владѣльческими правами, соль дешева". Въ Россіи много лѣсовъ, такъ что у послѣдняго крестьянина пылаетъ такой очагъ, о которомъ помечтать не смѣетъ французъ. Среди общаго благословенія природнаго имѣются страны, которыя можно назвать золотымъ дномъ, такова, напр., Сибирь. „Горы хрусталя, яшмовыя скалы, пригорки разноцвѣтныхъ мраморовъ, въ перемежку съ грядами золота, серебра, мѣди и желѣза".

И народъ въ Россіи—на рѣдкость. Прежде всего его страшно много, коренная часть Россіи, по выраженію Екатерины, какъ яйцо полна народомъ. Народъ отличается удивительнымъ трудолюбіемъ, выносливостью, обладаетъ природной смѣтливостью и большими талантами на всякое дѣло; онъ всегда веселъ, нигдѣ такъ много нѣтъ пѣсенъ и плясокъ, какъ въ русскомъ народѣ, необычайная искренность отличаетъ его отъ всякаго другого народа, онъ по природѣ обладаетъ большой вѣротерпимостью, сильно привязанъ къ своимъ государямъ, почему въ Россіи не бывало революцій.

Вотъ, такимъ образомъ, два основанія екатерининскаго національнализма: преимущества государственныя и преимущества народныя. Принципіально между ней и Фонвизинымъ нѣтъ разногласія,

разница лишь въ степени восхваленія русскаго и въ широтѣ отрицанія всего иноземнаго, такъ, напр., Екатерина не отрицаетъ западнаго просвѣщенія, какъ Фонвизинъ.

Націоналистическія замѣтки Фонвизина, очевидно, не имѣютъ за собой какого либо другого основанія, кромѣ безотчетнаго враждебнаго отношенія къ Западу, такъ какъ нельзя же признать серьезнымъ и убѣдительнымъ его методъ оцѣнки западнаго: по физіономіи его представителей. Націоналистическія построенія Екатерины по внѣшности хотятъ быть обоснованными и ссылками на исторію и ссылками на дѣйствительность, но эти ссылки произвольны и бездоказательны. До смерти Ивана Грознаго Россія по существу была такой же, какъ и З. Европа. Утвержденіе рѣшительное, но оно принимается за аксіому и не доказывается ничѣмъ. И такихъ ссылокъ безконечное множество. Когда же въ прошломъ или настоящемъ встрѣчаются факты, которые, какъ она сама чувствуетъ, противорѣчатъ принятой ею схемѣ, она ихъ не опровергаетъ по существу, а оговаривается, что въ аналогичныхъ случаяхъ на Западѣ было еще хуже. Плохъ Бирономъ, но еще хуже Ришельс, было тяжело при Ив. Грозномъ, но въ это время въ Западной Европѣ было еще тяжелѣе, злоупотребляютъ продажей крестьянъ безъ земли, но вѣдь изданы законы, чтобы не злоупотребляли и т. д. все въ этомъ же духѣ. Очевидно, что изъ націоналистическихъ разсужденій Екатерины и Фонвизина нельзя было построить какой-либо теоріи націонализма, это не кирпичи для его будущаго зданія, а лишь пожеланія строителей относительно стиля зданія.

Націоналистическая волна захватила и Новиковскіе журналы: „Трутень“ и „Живописецъ“ вздыхаютъ о добродѣтеляхъ предковъ, а „Кошелекъ“ даже спеціально долженъ былъ ихъ восхвалять, но между націоналистическими настроеніями этихъ журналовъ и такими же настроеніями императрицы, не говоря уже о Фонвизинѣ, громадная разница. „Трутень“ указываетъ, что наши старинныя добродѣтели, дѣдовскіе обычаи и нравы испортились подъ вліяніемъ заимствованій изъ Франціи. Это вліяніе проводятъ тѣ молодые „господчики“, которые побывали заграницей, и иностранцы-гувернеры. Но какія это вліянія? Что берутъ молодые господа изъ-за границы, и что привозятъ модные учителя?

„Я примѣтилъ,—говоритъ „Трутень“,—что всѣ наши молодые дворяне, путешествующіе въ чужія земли, привозятъ только извѣстія, какъ тамъ одѣваются, пространное дѣлаютъ описаніе всѣмъ увеселеніямъ и позорищамъ того народа“. Для нихъ Парижъ важенъ не какъ центръ просвѣщенія, а какъ центръ „волосоподвивательной науки“.

И если эти дворяне превращаются заграницей въ „совершенныхъ свиней“, смотрѣть которыхъ „Трутень“ приглашаетъ на улицахъ столицы, то это лишь потому, что они поѣхали туда „молодыми поросятами“. „Трутень“ нигдѣ не говоритъ, что, кромѣ модныхъ костюмовъ, прическъ и развлеченій, ничего и вывезти нельзя изъ Франціи. Онъ хотѣлъ бы, чтобы путешественники „сдѣлали свои примѣчанія на нравы того народа, или на узаконенія, на полезныя учрежденія и протч., дѣлающее путешествіе толико нужнымъ“. Онъ не противъ путешествій заграницу и признаетъ ихъ нужными, но нельзя не согласиться съ его разсужденіемъ: „Лучше совсѣмъ не ѣздить, нежели ѣздить безъ пользы, а еще паче и ко вреду своего отечества“.

Точно также и учителя-иностранцы: всѣ эти шевалье, маркизы, графы и французскія мадамы, многіе изъ которыхъ „въ превеликой жили ссорѣ съ парижской полиціей“, развѣ это настоящіе учителя? Это „побродяги“, какъ ихъ называетъ „Трутень“. Но рядомъ съ ними онъ знаетъ и настоящихъ учителей: это Телемаки, Роллени, которые стоятъ въ библіотекѣ добродѣтельнаго и просвѣщеннаго помѣщика рядомъ съ Ѳеофаномъ, Кантемиромъ и лѣтописями. Стало быть, протестуя противъ развращающаго вліянія французской моды, „Трутень“ не протестуетъ противъ всего иностраннаго, а въ особенности противъ западнаго просвѣщенія. Эта точка зрѣнія на Западъ особенно обстоятельно выражена въ „Живописцѣ“. Тамъ прямо указывается, что вызываетъ негодованіе сатирика—это модная болѣзнь, какъ онъ ее называетъ, именуемая „слѣпое пристрастіе ко всѣмъ иностранцамъ“. Она выражается въ томъ, что мы не беремъ у иностранцевъ хорошаго, а „перенимаемъ только пороки ихъ“. Отъ французовъ мы взяли лишь „наглость“, а отъ англичанъ „грубость“. Указывая на это, „Живописецъ“ оговаривается: „Я говорю это не въ поношеніе обоихъ сихъ народовъ: ибо всякъ вѣдаетъ, что французы и англичане весьма много имѣютъ добраго; но говорю единственно въ доказательство

пристрастнаго нашего къ иностраннымъ порокамъ прилѣпленія". Не иностранцы виноваты, что мы не перенимаемъ у нихъ „наукъ, художествъ и промысловъ". Поэтому, противополагая развращеннымъ городскимъ, а особенно столичнымъ нравамъ ихъ простоту и чистоту въ деревнѣ, и „Трутень", и „Живописецъ" противополагаютъ нравы и обычаи предковъ не вообще всему иностранному, а только моднымъ обычаямъ и нравамъ на иностранный ладъ.

Въ деревнѣ нравы сохранились не потому, чтобы она была русская только, а потому, что здоровая атмосфера труда препятствуетъ разложенію нравовъ. Въ той же самой деревнѣ, даже недоступной иностранному вліянію по дальности отъ центра его, возможна разительная дикость нравовъ, грубая, животная жизнь, если будетъ нарушенъ принципъ трудовой жизни, и праздность захватитъ своимъ тлетворнымъ вліяніемъ помѣщичью семью. И въ „Трутнѣ", и въ „Живописцѣ" много примѣровъ такихъ помѣщиковъ и помѣщицъ, которыхъ развратили не иностранцы, отъ которыхъ они чуждались, какъ отъ нечисти, а русское невѣжество и русская атмосфера крѣпостного права съ его властью человѣка надъ человѣкомъ.

„Живописецъ", сравнительно съ „Трутнемъ", чаще упоминаетъ о добродѣтеляхъ предковъ, но онъ же больше рисуетъ картинокъ исконнаго русскаго невѣжества и помѣщичьяго самодурства, связаннаго съ нимъ. При такихъ условіяхъ протестъ Новиковскихъ журналовъ противъ иноземнаго вліянія тѣсно соприкасался съ его протестомъ противъ несправедливыхъ привилегій празднаго и невѣжественнаго барства. Отсюда онъ и добродѣтелей русскихъ искалъ не въ его средѣ, а въ средѣ людей „средняго рода", но въ этой средѣ русскія добродѣтели прекрасно умѣли совмѣщаться съ разумнымъ вліяніемъ иноземнаго просвѣщенія, таковъ примѣръ того кандидата на судебныя должности изъ людей „подлыхъ", котораго „природный его разумъ, соединенный съ долговременнымъ и въ Россіи и *въ чужихъ краяхъ* ученіемъ, учинили мужемъ совершеннымъ". Стало быть, весь націонализмъ двухъ первыхъ Новиковскихъ журналовъ выразился лишь въ нападкахъ на то модное житіе, которое усвоили себѣ привилегированные слои общества, зараженные нелѣпымъ пристрастіемъ къ иностранному, да въ неясныхъ представленіяхъ о томъ, что въ старину, когда не было соблазнительнаго примѣра вольностей

западной жизни, нравы были чище, а древнія русскія добродѣтели процвѣтали.

Пока онъ не далъ примѣра этихъ „древнихъ“ добродѣтелей, но стремленіе разыскать ихъ было. Оно поддерживалось, во-первыхъ, собственнымъ стремленіемъ обосновать свои неопредѣленныя представленія объ этихъ добродѣтеляхъ, а во-вторыхъ, сама власть, преграждая журналистикѣ возможность обличенія общественныхъ пороковъ и особенно крѣпостного права, толкала къ тому, чтобы представить примѣры древнихъ добродѣтелей. Въ „Антидотѣ“ не разъ говорится, что у насъ есть много героевъ, достойныхъ памятниковъ, и такъ много примѣровъ проявленія различныхъ добродѣтелей, что изъ нихъ можно составить цѣлый сборникъ, который сразитъ иностранцевъ въ ихъ недовѣріи къ русскимъ талантамъ и просвѣщенію.

Честный журналистъ не могъ, однако, удовольствоваться такимъ голословнымъ заявленіемъ, а предпринялъ попытку документально и научно реставрировать эти добродѣтели, которыя русская скромность спрятала, какъ та любящая мать въ сказкѣ, которая мазала сажей и одѣвала въ лохмотья свою красавицу-дочь, чтобы сохранить ее отъ всякаго искушенія.

Въ 1773 г. Новиковъ началъ издавать свою „Древнюю россійскую Вивліоѳику“—собраніе различныхъ старинныхъ памятниковъ. Изданіе велось подъ покровительствомъ Екатерины, открывшей Новикову возможность пользоваться архивами, и при ея значительной денежной поддержкѣ. Его задачей было, какъ сообщается въ предисловіи, „начертаніе нравовъ и обычаевъ“ нашихъ предковъ, чтобы познать „великость духа ихъ, украшеннаго простотой“. Это изданіе было какъ бы выполненіемъ обѣщанія императрицы, выраженнаго въ „Антидотѣ“, что скоро появятся въ печати историческіе документы, свидѣтельствующіе о талантахъ и усердіи русскихъ писателей. Для Новикова оно дало возможность документально познакомиться со старины и выяснить себѣ, что же это за древнія добродѣтели, о которыхъ онъ самъ немало говорилъ. Результаты своего знакомства съ ними онъ и хотѣлъ, очевидно, показать въ „Кошелькѣ“, который въ 1774 г. издавался одновременно съ „Вивліоѳикой“.

Этотъ журналъ, какъ указано выше, былъ спеціально посвященъ разработкѣ вопроса о древнихъ добродѣтеляхъ, т.-е. по преимуществу долженъ былъ быть національнымъ по

идеѣ. Фактически этого совсѣмъ не вышло. Журналъ, правда, рѣзко осмѣиваетъ иностранное вліяніе, но только опять то, которое сказывалось въ модномъ обществѣ, но въ немъ же и еще разъ подчеркнуто уваженіе къ иноземной наукѣ. Вмѣсто же пропаганды древнихъ добродѣтелей, въ немъ находится лишь сильное противъ нихъ возраженіе, такое сильное, что издатель счелъ необходимымъ оговорить его и просить читателя не сразу вѣрить въ его правильность.

Это могло произойти, очевидно, только потому, что знакомство съ памятниками разрушило въ Новиковѣ очарованіе таинственными древними добродѣтелями. Стало быть, результатъ научнаго знакомства съ ними было совсѣмъ не тотъ, какого хотѣла Екатерина и на какой разсчитывалъ самъ издатель „Вивліоѳики“ и „Кошелька“.

На глазахъ читателей произошелъ любопытный переломъ въ убѣжденіяхъ самого издателя: принятое на вѣру положеніе, во имя котораго должна была итти проповѣдь, оказалось несостоятельнымъ, и издатель самъ мужественно заявилъ объ этомъ, помѣстивъ возраженіе противъ него. Съ этой точки зрѣнія замѣчаніе его воображаемаго противника: „Прославляя древнія русскія добродѣтели, вы, кажется мнѣ, не потрудились поискать о томъ извѣстія въ иностранныхъ о Россіи писателяхъ, но довольствовались... утвердиться на словесныхъ объявленіяхъ старожиловъ“—пріобрѣтаетъ біографическое значеніе.

Дѣйствительно, Новиковъ поддался идеализаціи старины потому, что такая идеализація была тогда ходячей и въ жизни и въ литературѣ. Разочарованіе въ старинѣ было неизбѣжнымъ, такъ какъ, восхваляя старинныя добродѣтели, Новиковъ вкладывалъ въ старину свои идеалы, ей несвойственные. Ему хотѣлось отыскать въ ней свободу и просвѣщенность мысли русскаго человѣка, его истинно-христіанское пониманіе личной жизни и своихъ отношеній къ ближнимъ, хотѣлось найти справедливое отношеніе къ людямъ по ихъ добродѣтелямъ—словомъ, онъ хотѣлъ свои общечеловѣческіе идеалы сдѣлать исконно-русскими. Не мудрено, что онъ не нашелъ ихъ въ старинѣ. Вмѣсто націоналистическаго принципа о природномъ превосходствѣ одного народа надъ другимъ, онъ нашелъ въ своихъ изысканіяхъ широкій эволюціонный принципъ: „Время отъ времени нравы перемѣняются, а съ ними и нравоучительныя правила подвержены такой же перемѣнѣ“.

Такимъ образомъ, Новиковъ не выполнилъ той задачи, какую на него возлагала Екатерина. Изъ знакомства со старинными памятниками они сдѣлали два совершенно противоположныхъ вывода: тамъ, гдѣ Екатерина находила высокую культурность, Новиковъ нашелъ невѣжество; въ чемъ она видѣла идеальную чистоту нравовъ, то ему показалось грубостью; вмѣсто законности въ жизни, онъ нашелъ господство произвола, вмѣсто благочестія—суевѣріе и нетерпимость. Часто даже по поводу однихъ и тѣхъ же памятниковъ толкованія императрицы и Новикова были различны. Напримѣръ, аббатъ Шаппъ, воспользовавшись стариннымъ описаніемъ свадьбы русскихъ царей, привелъ это описаніе въ своемъ „Путешествіи". Екатеринѣ показалось, что это онъ сдѣлалъ съ цѣлью осмѣять русскихъ царей, и она ему возражала, что если взять свадебные обряды западныхъ государей, то тамъ еще больше церемоній, чѣмъ у насъ, и сейчасъ же подчеркнула, что не видитъ въ нашихъ церемоніяхъ ничего необычнаго и страннаго.

Новиковъ въ „Кошелькѣ" привелъ эти церемоніи, какъ свидѣтельство грубости придворныхъ обычаевъ. Толкованіе, какъ видно, различное, и это различіе указываетъ на рѣзкую противоположность ихъ методовъ: если Новиковъ встрѣчаетъ какое-либо темное явленіе въ дѣйствительности, онъ его такъ и называетъ темнымъ, Екатерина въ такихъ случаяхъ сейчасъ же постарается найти какую-либо аналогію на Западѣ и оправдать русскіе недостатки ссылкой на то, что въ аналогичныхъ случаяхъ на Западѣ хуже бывало. Въ угоду своимъ національнымъ тенденціямъ императрица затушевывала невыгодныя для нея явленія дѣйствительности, Новиковская журналистика такой тенденціозности никогда не проявляла. Исторія національныхъ настроеній этой журналистики является лучшимъ доказательствомъ честности и искренности въ убѣжденіяхъ передовой русской интеллигенціи. Откалываясь отъ оффиціальныхъ теченій, создававшихся самой властью, она хотѣла быть самостоятельной и въ опредѣленіи круга своихъ задачъ и въ способахъ ихъ выполненія.

Новиковская журналистика вполнѣ сознательно выдвигала эту идею самостоятельности. Въ „Живописцѣ" издатель высказываетъ свои взгляды, на какихъ началахъ слѣдовало бы организовать въ Россіи особое общество для распространенія просвѣщенія, и тутъ на первый планъ выдвинута такая мысль:

„науки любятъ свободу, и тамъ болѣе распространяются, гдѣ свободнѣе мыслятъ“. Отсюда и въ „Трутнѣ“, и въ „Живописцѣ“, и въ „Кошелькѣ“ идетъ призывъ къ общественной самодѣятельности. Въ предисловіи къ „Трутню“ издатель обращается къ обществу съ просьбой присылать ему матеріалы для журнала. Въ „Живописцѣ“ онъ указываетъ, что о распространеніи книгъ къ просвѣщенію Россіи „не государю, но частнымъ людямъ помышлять должно“. Съ такимъ же призывомъ къ иниціативѣ „частныхъ“ лицъ обращается „Кошелекъ“ для того, чтобы содѣйствовать очищенію русской рѣчи отъ ненужно-портящихъ ее иностранныхъ словъ и выраженій. Издатель язвительно смѣется, какъ у насъ все привыкли возлагать на правительство и ждать всего отъ бюрократическаго творчества, для котораго необходимо: „нѣсколько лѣтъ думать, нѣсколько лѣтъ разсуждать, нѣсколько лѣтъ дѣлать начертаніе, нѣсколько лѣтъ разсматривать оный; много лѣтъ пріуготовлять вещество, много лѣтъ собирать оное, много лѣтъ приводить оное въ порядокъ, много лѣтъ дѣлать изъ приведеннаго въ порядокъ выписку, много лѣтъ изъ выписки сочинять, а потомъ, еще болѣе всего, много лѣтъ разсматривать и одобрять оный трудъ къ печатанію“. Пойдетъ безпадежная волокита всего дѣла, а въ то же время, разумѣется, „надлежитъ трудящимся давать много жалованья, покойныя квартиры, хорошіе столы и прочіе, дабы все сіе услаждало чувства и приводило отечественный духъ въ сильное движеніе“.

Изъ отношенія читателей къ журналамъ можно заключать, что этотъ призывъ къ общественной иниціативѣ не пропадалъ совсѣмъ даромъ. Она, правда, пока не проявилась еще ни въ какомъ опредѣленномъ починѣ, но самостоятельность мысли пробуждалась. Читателямъ пришлися по вкусу и „Трутень“ и „Живописецъ“, они неоднократно сообщаютъ, что „листочки ваши съ великимъ удовольствіемъ я читаю“. Серьезность тона Новиковской сатиры замѣчалась и читателями. Одинъ изъ нихъ, передавая въ своемъ сообщеніи, что въ обществѣ слышались негодованія по поводу обличенія барства и совѣты писать только веселое и забавное, призываетъ издателя не обращать вниманія на такіе совѣты. „Не слушайте,—говоритъ онъ,—сего господчика, не обирайте около себя вздоровъ и не печатайте, намъ они и такъ уже наскучили. И публика не такой худой имѣетъ вкусъ, чтобы худое больше хорошова хвалить“. Чита-

тели сейчасъ же подмѣтили основную мысль Новиковской сатиры, что она „взираетъ не на состояніе людей, но на заслуги: ему тѣ любезны, кои другихъ добродѣтельнѣе“.

По поводу сильныхъ выпадовъ „Живописца“ противъ крѣпостного права одинъ изъ читателей прислалъ издателю такое трогательное письмо: „Читая твой листокъ, я плакалъ отъ радости, что нашелся человѣкъ, который противъ господствующаго ложнаго мнѣнія осмѣлился говорить въ печатныхъ листахъ... Куда бы ты попалъ, бѣдняжка, если бы эту пѣсню запѣлъ въ то время, когда я былъ помоложе. О время! ты прошло и не возвращайся къ намъ никогда. Но сказать ли тебѣ, другъ мой, ты многихъ вооружилъ противъ себя, тебя злословятъ... Не сердись за то, что люди испорченныхъ нравовъ тебя поносятъ: другъ мой! тебѣ это такую же честь дѣлаетъ, какъ и то, что честные люди благодарятъ тебя. Однакожъ пиши поосторожнѣе; любя тебя, я сожалѣть буду, есть ли прервется твой журналъ. Дай Богъ тебѣ счастья и лучшій успѣхъ въ твоемъ трудѣ. Сего искренно желаетъ осмидесятилѣтній старикъ“.

Очевидно, общественное настроеніе сатиры было встрѣчено сочувственно въ томъ обществѣ, на какое разсчитывалъ издатель, и потому, когда началась полемика „Трутня“ со „Всякой Всячиной“ о задачахъ и пріемахъ сатиры, эти читатели стали на сторону „Трутня“. „Я увѣренъ,—писалъ одинъ изъ нихъ,—что вы ненавистникъ пороковъ и порочныхъ и что вы не слѣдуете мнѣнію утверждающихъ, что порочнаго лицо критиковать не надлежитъ, но вообще порокъ, да и то издалека и слегка. Я не вѣдаю, какой они отъ такихъ дальнихъ околичностей ожидаютъ пользы“. Авторъ этого письма предлагаетъ въ концѣ итти еще далѣе, чѣмъ шелъ „Трутень“: обличать опредѣленныхъ лицъ, не называя ихъ по имени. Но и другая часть общества, которая была задѣта Новиковской сатирой, не могла остаться равнодушной къ ней. Она негодовала, какъ это дозволяютъ какому-то тамъ журналисту издѣваться надъ ними, и возмущалась его непочтеніемъ къ чину.

Эти факты сочувствія и негодованія показываютъ, что общественная мысль выходила изъ своего безразличнаго состоянія, училась критически относиться къ окружающему и, быть можетъ, впервые чувствовать, что возможна новая сила—сила общественнаго мнѣнія.

Два факта, отмѣченные „Живописцемъ“, можно привести въ подтвержденіе этого вывода. Какой-то читатель изъ Ярославля обращается къ издателю съ письмомъ, гдѣ предлагается обратить вниманіе на полезность организаціи „Общества печатанія книгъ“, и генералъ-майоръ Щербининъ, губернаторъ Слободской губерніи, тоже въ письмѣ издателю предлагаетъ ему участвовать въ учрежденіи типографіи при харьковскихъ училищахъ. Такія обращенія къ издателю „Живописца“, къ человѣку совсѣмъ неоффиціальному, показываютъ, что онъ своей дѣятельностью начиналъ объединять иниціативу отдѣльныхъ лицъ и организовывать мнѣніе общества.

Нѣтъ данныхъ, чтобы опредѣлить количество подписчиковъ на Новиковскіе журналы, но несомнѣнно, что они вышли изъ предѣловъ того тѣснаго круга учащейся молодежи, въ которомъ обращались журналы елизаветинскаго времени. Самъ издатель свидѣтельствуетъ, что онъ попалъ во вкусъ мѣщанъ нашихъ и тѣмъ обезпечилъ успѣхъ своихъ журналовъ. Изъ нихъ самымъ популярнымъ былъ „Живописецъ“. Еще не была закончена его вторая часть, а первая уже вышла вторымъ изданіемъ въ 1773 г. Въ 1775 г. вышло третье изданіе „Живописца“ въ значительно измѣненномъ видѣ: изъ него были выключены всѣ статьи, вызванныя современными событіями, всѣ стихи и всѣ переводы; остались статьи только сатирическаго характера и къ нимъ были добавлены такія же статьи изъ „Трутня“. Затѣмъ въ 1781 г., уже въ собственной типографіи Новикова, было отпечатано 4-е изданіе, въ 1793 г. вышло 5-е изданіе. Пять изданій за промежутокъ времени менѣе 30 лѣтъ свидѣтельствуютъ о большомъ успѣхѣ журнала.

Независимое общественное мнѣніе, которое только что начинало слагаться въ передовыхъ кругахъ читателей Новиковскихъ журналовъ, уже по самому своему существу должно было оказаться въ оппозиціи къ настроеніямъ власти. Выше было указано, что идея просвѣщеннаго абсолютизма, усвоенная властью, не допускала общественной самодѣятельности. Власть брала исключительно на себя заботу объ общемъ благѣ, только свои понятія объ немъ считала непогрѣшимыми и допускала дѣятельность общества только по тѣмъ принципамъ и въ тѣхъ границахъ, которые опредѣлялись свыше. Свои понятія объ общемъ благѣ власть полнѣе всего выразила въ Наказѣ и тамъ же указала свои принципы и намѣтила тѣ границы, въ

которыхъ могли дѣйствовать подданные. Понятія и принципы были выражены общими формулами французской просвѣтительной философіи и потому допускали каждаго вкладывать въ эти формулы свои собственныя реальныя величины.

Поэтому, когда власть провозглашала необходимость свободы и законности въ жизни, когда она призывала всѣхъ быть гражданами и сообща совершать дѣло общественнаго переустройства, многіе наивно увѣровали, что имъ этими призывами открывается полный просторъ къ искорененію всѣхъ тѣхъ „неправдъ“, какія они по-своему замѣчали въ окружающей жизни. Первые шаги Екатерины въ медовый мѣсяцъ ея власти, когда, по свидѣтельству иностранныхъ пословъ, она была въ упоеніи ею, не разрушали этой наивности подданныхъ: суровыя обличенія злоупотребленій предшествующаго правленія въ манифестахъ, рѣзкія мѣры противъ взяточничества и казнокрадства, уничтоженіе цѣлаго рода ограниченій прошлаго правленія и, наконецъ, созваніе знаменитой коммиссіи, со всѣмъ тѣмъ шумомъ, какимъ она сопровождалась—все это поддерживало иллюзію, что въ Россіи наступаетъ золотой вѣкъ. По инерціи она продолжалась и въ то время, когда уже въ настроеніяхъ власти наступилъ переломъ, въ результатѣ котораго широкіе принципы все болѣе суживались, и неопредѣленныя обѣщанія наполнялись опредѣленнымъ охранительнымъ содержаніемъ.

Этотъ переломъ происходилъ подъ вліяніемъ двухъ обстоятельствъ. Съ одной стороны, Екатерина чувствовала, что ея положеніе на престолѣ укрѣпляется. Дворянская оппозиція оказалась не такъ опасной, какъ она себѣ представляла, а народъ, уже давно привыкшій равнодушно относиться къ дворцовымъ дѣйствамъ, и не помышлялъ, конечно, протестовать противъ новаго переворота, возведшаго Екатерину на престолъ, наоборотъ, достаточно было тѣхъ немногихъ льготъ, какими сопровождалось новое воцареніе, чтобы привлечь симпатіи массы. Путешествіе императрицы по Волгѣ въ 1767 году съ „отмѣннымъ“, какъ она писала, пріемомъ должно было показать Екатеринѣ всю неосновательность ея страховъ со стороны народа.

Изъ него она вынесла впечатлѣніе, что среди народа „кутухтой быть не долго“, и еще другое—что положеніе народа не такое ужасное, какъ она себѣ рисовала. Темныя стороны

дѣйствительности и скрывались отъ нея, и не замѣчались ей самой. Все это располагало къ оптимистическимъ настроеніямъ, при которыхъ можно было спокойно наслаждаться властью и не особенно спѣшить съ реформами,—словомъ, можно было зажить по-домашнему безъ напряженности параднаго положенія.

Такое настроеніе власти замѣтно проявилось уже въ 1768 г. Въ этомъ году одинъ иностранный посолъ доносилъ своему правительству: „Императрица Екатерина становится смѣлѣе, по мѣрѣ того, какъ она себя чувствуетъ все болѣе и болѣе въ безопасности и власть ея упрочивается".

Еще увѣреннѣе должна была почувствовать себя Екатерина послѣ блестящихъ побѣдъ на сушѣ и на морѣ въ первую Турецкую войну: онѣ укрѣпляли престижъ ея власти и дома и заграницей. Итакъ, съ одной стороны, крѣпнетъ увѣренность въ своей власти и появляется настроеніе, что „все обстоитъ благополучно".

Съ другой—Екатерина должна была почувствовать, что въ ея принципы, которые она заявила съ высоты престола, вкладываютъ не то содержаніе, какое она сама имъ давала. Во имя ихъ дворянство предлагало Екатеринѣ свои конституціонные проекты, во имя ихъ малороссійскіе депутаты хотѣли въ своемъ наказѣ заявить пожеланіе мѣстной автономіи, для чего просили возстановить гетманство, точно такъ же во имя ихъ лифляндскіе депутаты хотѣли сохранить свои привилегіи, во имя ихъ всѣ вообще депутаты обнаруживали стремленіе по-своему перестроить управленіе государствомъ, во имя ихъ поднимался и необычайно щекотливый вопросъ: будутъ ли издаваться личные указы послѣ выхода въ свѣтъ новаго уложенія, а если будутъ, то какой же будетъ толкъ въ законахъ.

Словомъ, сейчасъ же обнаружилось, что замашки абсолютной власти стоятъ въ противорѣчіи съ ея оффиціально обнародованными принципами. Отсюда цѣлый рядъ мѣръ, которыя должны были ввести неумѣренныхъ подданныхъ въ необходимыя для власти границы. Въ 1767 г. Наказъ былъ запрещенъ для публики: было приказано держать его подъ замкомъ въ канцеляріяхъ „единственно для свѣдѣнія однихъ тѣхъ мѣстъ, и чтобы оный никому, ни изъ нижнихъ канцелярскихъ служителей, ни изъ постороннихъ не только для списыванія, но ниже для прочтенія даванъ не былъ". Въ то же время черезъ маршала комиссіи, Бибикова, дѣлается депутатамъ настойчивое внушеніе, что ко-

миссія должна знать лишь свое дѣло и „не можетъ входить ни въ какое разбирательство, касающееся до правленія“.

Лифляндскимъ депутатамъ, мечтавшимъ о сохраненіи своихъ привилегій, было указано все неприличіе этого пожеланія: „Чтобъ лифляндскіе законы лучше были, нежели наши будутъ, тому статься нельзя,—писала Екатерина,—ибо наши правила само человѣколюбіе писало, а они правилъ показать не могутъ, и сверхъ того иныя ихъ узаконенія наполнены невѣжествами и варварствами“. Еще круче обошлась власть съ тѣми изъ малороссійскихъ дворянъ, которые мечтали о возстановленіи гетманства: они были преданы суду, военные—военному, гражданскіе—гражданскому; военный судъ изъ 36 подсудимыхъ 33 приговорилъ къ смертной казни, а судъ гражданскій 18 человѣкъ опредѣлилъ въ вѣчную ссылку. Наказаніе суда, правда, было замѣнено сенатомъ шестью недѣлями тюремнаго заключенія съ лишеніемъ всѣхъ чиновъ и должностей, но самый фактъ преданія суду за свободное выраженіе своихъ пожеланій остается въ силѣ. Наконецъ характерно и то, что непокорную комиссію распустили, благо начавшаяся Турецкая война и необходимость большинству изъ депутатовъ-дворянъ явиться на дѣйствительную службу давала для того удобный предлогъ.

Изъ столкновенія съ депутатами Екатерина вынесла впечатлѣніе, что они въ ея высокіе принципы вкладываютъ свои эгоистическія желанія и тѣмъ мѣшаютъ ея дѣятельности для „общаго блага“. Екатерина не разочаровалась въ своихъ принципахъ, какъ она ихъ понимала, она разочаровалась въ людяхъ, въ пригодности ихъ для пониманія ея принциповъ. Отсюда у ней еще болѣе укрѣпилась мысль, что только она одна можетъ заботиться объ общемъ благѣ, что всѣ остальные люди партійные, какъ она ихъ называла. „Чего особенно слѣдуетъ бояться,—говорила она, -это увлечься духомъ партіи“. Отсюда у нея развивается нетерпимость ко всякому инако мыслящему, ко всѣмъ противорѣчіямъ, какія она встрѣчала на своемъ пути. Съ этой точки зрѣнія всякія проявленія общественной инициативы, которыя шли не по тому пути, какой имъ предначертала власть, или, хотя шли и по ея пути, но дальше, чѣмъ полагалось,—заранѣе осуждались, заранѣе создавалась пропасть, какая раздѣляла общественное настроеніе отъ настроенія власти, и эта пропасть становилась все шире и глубже, по мѣрѣ того,

какъ сама власть все болѣе застывала въ сознаніи своей непогрѣшимости, а общественное настроеніе все болѣе и болѣе развивалось.

Въ частности, не было моста и между идеями власти и идеями Новиковской журналистики. Екатерина опять-таки сама вызвала ее на свѣтъ, рѣшивъ съ помощью сатиры подготовить подданныхъ къ пониманію ея высокихъ задачъ и организовавъ для этого „Всякую Всячину“. Несомнѣнно, журнальная дѣятельность Новикова началась при убѣжденіи во всемогуществѣ и желаніи власти искоренить всѣ нестроенія.

Создавая свою сатиру съ рѣзко выраженнымъ общественнымъ настроеніемъ, касаясь въ ней коренной неправды русской жизни—крѣпостного права, онъ вѣрилъ, что идетъ лишь по слѣдамъ власти. У него не было и тѣни какого-нибудь политическаго радикализма, который ставилъ бы его въ оппозицію къ власти. Въ 1772 г. въ „Живописцѣ“, развивая свои мысли на задачи печати, издатель писалъ: „Общее спокойствіе государства и безопасность каждаго гражданина въ особливости требуетъ, чтобы не дозволено было издавать книги, опроверженіемъ Божія закона наполненныя, самодержавію и отечеству противныя, такожъ сочиненія язвительныя и соблазнительныя, могущія повредить сердце и душу молодыхъ людей или привести невинность на злодѣяніе. Таковыхъ сочиненій творцы недостойны носить сіе имя, а должны почитаться вредительными гадинами въ обществѣ“.

Взглядъ достаточно характерный, чтобы не заподозрить въ Новиковѣ какого-либо „вольнодумца“. И, однакожъ, на своемъ пути журналиста онъ разошелся съ властью.

Разногласія сказывались и въ общей оцѣнкѣ русской дѣйствительности и въ опредѣленіи роли въ ней журналиста.

Вступая на престолъ, Екатерина въ своихъ манифестахъ рисовала ужасную картину состоянія Россіи, которая должна была оправдать ея власть необходимостью спасти Россію отъ „очевидной погибели“, какъ она выражалась. Теперь власть все чаще и чаще начинала доказывать, что у насъ все благополучно и въ частности, касаясь положенія крестьянъ, которымъ особенно занималась Новиковская журналистика, власть рисовала его себѣ свѣтлыми красками. Въ это, приблизительно, время Екатерина писала Вольтеру, что „въ Россіи пѣтъ мужика, который не ѣлъ бы курицы, когда ему угодно, а съ нѣ-

котораго времени (читай: съ воцаренія Екатерины) они предпочитаютъ индѣекъ курамъ".

Съ этой точки зрѣнія императрица оправдывала и самое крѣпостное право. Когда Дидро, гостившій въ Петербургѣ въ 1773—74 гг., спрашивалъ: „Рабство земледѣльцевъ не вліяетъ ли на культуру земли? Отсутствіе собственности у крестьянъ не ведетъ ли къ дурнымъ послѣдствіямъ?" Екатерина отвѣчала: „Я не знаю, есть ли страна, гдѣ земледѣлецъ болѣе любилъ бы землю и свой домашній очагъ, чѣмъ въ Россіи. Наши свободныя провинціи вовсе не имѣютъ болѣе хлѣба, чѣмъ провинціи несвободныя". Здѣсь Екатерина только яснѣе развиваетъ всѣ свои мысли, какія она выразила въ „Антидотѣ", современномъ Новиковскимъ журналамъ.

Мало этого, противорѣча своей тенденціи абсолютной власти, Екатерина защищала самое невмѣшательство закона въ отношенія помѣщиковъ и крестьянъ. На вопросъ: „Каковы условія между господиномъ и рабомъ относительно воздѣлыванія земли", она отвѣтила: „Не существуетъ никакихъ условій между землевладѣльцами и подчиненными имъ людьми, но всякій помѣщикъ, имѣющій здравый смыслъ, не требуя слишкомъ многаго, бережетъ корову, чтобы доить ее по своему желанію, не изнуряя ее. Когда что-либо не предусмотрѣно закономъ, тотчасъ же его замѣняетъ законъ естественный, и часто отъ этого дѣла идутъ вовсе не хуже, потому что они, по крайней мѣрѣ, устраиваются совершенно естественно, сообразно существу дѣлъ".

И Новиковская журналистика допускала, что помѣщикъ, „имѣющій здравый смыслъ", долженъ видѣть въ крѣпостныхъ такихъ же людей, какъ онъ самъ, и долженъ относиться къ нимъ по-человѣчески, но въ томъ то и бѣда была, что такого здраваго смысла налицо не оказывалось, что въ жизни помѣщики смотрѣли на крестьянъ и относились къ нимъ, какъ къ рабочей скотинѣ, и противъ этого журналистика громко заявляла свой протестъ. Опять-таки этотъ протестъ не былъ радикальнымъ: Новиковская журналистика нападала не на самый институтъ крѣпостного права, а на злоупотребленія имъ, но указанія на злоупотребленіе, во-первыхъ, разрушали иллюзію, что все благополучно, во-вторыхъ, какъ будто бы пытались вмѣшаться въ непосредственное дѣло самой власти. Она иной разъ милостиво готова была согласиться, что злоупотребленія встрѣчаются, но противъ нихъ изданы уже законы, а если ихъ

окажется мало, еще можно издать, но не дѣло журналиста исправлять злоупотребленія.

Его задача—лишь рисовать примѣры добродѣтелей и тѣмъ вызывать подражаніе недобродѣтельныхъ, если же онъ хочетъ что-либо обличить, онъ долженъ сдѣлать это легко и осторожно, не вызывая раздраженія въ порочномъ.

Всѣ, кто поступаетъ иначе, либо больны меланхоліей, либо неисправимые фантазеры, которые думаютъ, что на землѣ возможно совершенство, но и тѣ и другіе опасны для общества, особенно для подрастающей молодежи, въ которой они губятъ жизнерадостность. Какъ Екатерина выразилась впослѣдствіи, изъ журналовъ должно быть строго исключено все то, что „не въ улыбательномъ родѣ“.

На эту „улыбательную“ точку зрѣнія она пыталась поставить и Новиковскую журналистику, сначала призывами къ человѣколюбію и совѣтами изображать добродѣтели, а потомъ и мѣрами пресѣченія. Ни тѣ, ни другія мѣры не удались: хотя одно время Новиковъ и пытался разыскать добродѣтели, если не въ настоящемъ, то хоть въ прошломъ, но въ цѣломъ всѣ его журналы являлись протестомъ противъ современной дѣйствительности и противъ отношенія къ ней власти.

Съ журналистикой повторилось все то, что было у власти съ комиссіей: ее терпѣли, пока она не выходила изъ „границъ“, и ее перестали терпѣть, когда она пыталась перешагнуть эти границы. Для нарождающагося общественнаго мнѣнія такое выясненіе своихъ отношеній къ власти имѣло не менѣе важное значеніе, чѣмъ выясненіе своихъ идеаловъ по существу. Здѣсь былъ тотъ перекрестокъ, за которымъ общественное движеніе пошло своей самостоятельной дорогой къ справедливому общественному строю.

Правда, и на этой дорогѣ русской интеллигенціи не разъ приходилось встрѣчаться съ миражемъ „благожелательной“ власти, но отъ нихъ было легче отдѣлаться, разъ хоть однажды путникъ научился различать миражъ отъ дѣйствительности.

Останавливаясь на разногласіяхъ между властью и Новиковской журналистикой, исторіки литературы обыкновенно объясняютъ его „разочарованіемъ“ Екатерины въ тѣхъ принципахъ, съ какими она начинала свое царствованіе. Они призна-

ютъ, что вначалѣ и Екатерина, и та часть общества, которая группировалась вокругъ Новиковскихъ журналовъ, имѣли одни и тѣ же убѣжденія, а потомъ разошлись, такъ какъ власть свои убѣжденія измѣнила.

Такое объясненіе въ основѣ своей строится на противопоставленіи принциповъ Наказа принципамъ екатерининскихъ законовъ, которые, какъ извѣстно, носили рѣзко выраженный сословный характеръ. Въ этомъ противопоставленіи обыкновенно указывается, что Наказъ говорилъ о свободѣ, о смягченіи крѣпостнаго права, объ общемъ благѣ, а вмѣсто всего этого большая часть царствованія Екатерины послѣ комиссіи 1767 г. характеризуется давленіемъ на свободное мнѣніе, усиленнымъ развитіемъ крѣпостного права и непропорціональнымъ ростомъ дворянскихъ привилегій.

Выше было указано, что такое противоположеніе возможно только въ томъ случаѣ, если принципамъ Наказа придать то толкованіе, какое обыкновенно съ ними связывается, а не то, какое имъ придавала сама власть.

Въ глазахъ же власти не было противорѣчія между Наказомъ и, напр., губернскими учрежденіями. Съ этой точки зрѣнія у власти не было „разочарованія“ въ своихъ принципахъ и не было измѣны имъ, а разногласіе между ней и общественнымъ мнѣніемъ произошло лишь оттого, что эти двѣ стороны каждая по своему толковали эти принципы. Сначала разница въ толкованіяхъ не замѣчалась, пока они были только „толкованіями“, но лишь только общество дѣлало попытки фактически осуществить принципы власти, такъ, какъ оно ихъ понимало, оно сейчасъ же встрѣчалось съ ограниченіемъ ихъ и съ запрещеніемъ своей дѣятельности. Такъ было съ комиссіей, такъ было и съ журналистикой. Такое поведеніе власти обществу могло казаться измѣной принципамъ „общаго блага“, самой же власти оно казалось лишь вполнѣ послѣдовательной мѣрой, ограждающей общую пользу отъ партійныхъ интересовъ. Останется, конечно, противорѣчіе въ томъ, что законодательная дѣятельность власти, заявляя объ общемъ благѣ, ничего не сдѣлала въ пользу крестьянъ и на самомъ дѣлѣ создавала дворянское благо, но, во-первыхъ, принципы власти по крестьянскому вопросу были выражены съ необычайно растяжимой оговоркой, что не „должно вдругъ и черезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ“ (ст. 260 Наказа), и что, наоборотъ, „для вве-

денія лучшихъ законовъ необходимо потребно умы людскіе къ нему пріуготовить“ (ст. 58 Наказа).

Съ точки зрѣнія этого принципа постепенности, по которому „сначала успокоеніе, а потомъ реформы“, Екатерина не признавала своевременной крестьянскую реформу.

А во-вторыхъ, какъ было указано, она все болѣе склонялась къ оптимистическому взгляду на положеніе крестьянъ и думала, что „естественный“ законъ въ отношеніяхъ между помѣщикомъ и крестьяниномъ лучше закона государственнаго. И здѣсь, стало быть, „общее благо“ требовало отложить крестьянскую реформу, и то, что съ нашей точки зрѣнія является противорѣчіемъ ея гуманнымъ принципамъ, не было таковымъ съ точки зрѣнія власти.

Слѣдовательно, винить Екатерину въ противорѣчіи и измѣнѣ своимъ принципамъ не приходится, съ своей точки зрѣнія она всегда была послѣдовательной, нужно только объяснить, почему между ней и общественнымъ мнѣніемъ оказалась пропасть, которая росла все болѣе и болѣе. Выше была сдѣлана попытка такого объясненія не разочарованіемъ Екатерины въ своихъ принципахъ, а тѣмъ внутреннимъ противорѣчіемъ, какое всегда оставалась между общественной иниціативой и абсолютной властью.

Но и тѣ, которые допускали „разочарованіе“, должны были объяснить, далѣе, отчего же оно происходило. Такія объясненія дѣйствительно въ литературѣ вопроса представлены, и въ нихъ одни изслѣдователи защищаютъ точку зрѣнія власти, другіе—общества.

Точка зрѣнія власти особенно обстоятельно оправдывается Шумигорскимъ („Очерки изъ русской исторіи—Императрица-публицистъ“). Онъ усиленно защищаетъ Екатерину отъ упрековъ въ замашкахъ просвѣщеннаго абсолютизма; наоборотъ, по его мнѣнію, она не хотѣла дѣйствовать на подданныхъ своей властью, она давала имъ полную свободу высказаться и такимъ образомъ хотѣла знать истину. Для этой цѣли она сначала созвала комиссію, но по случаю войны ее пришлось отсрочить.

Послѣ комиссіи для той же цѣли—узнать мнѣніе общества—Екатерина организовала журналистику. „Отсрочивъ по обстоятельствамъ засѣданіе комиссіи, Екатерина, можетъ быть, думала отчасти восполнить образовавшуюся около нея пустоту путемъ журналистики, которая должна была говорить русскимъ

о русскихъ и знакомить государыню съ состояніемъ умовъ того времени". „Цѣли просвѣтительныя,—говоритъ далѣе Шумигорскій,—соединялись такимъ образомъ съ цѣлями политическими — путемъ обмѣна мнѣній, путемъ соглашенія опредѣлить истинныя потребности народа и отыскать разумные, цѣлесообразные способы къ ихъ удовлетворенію".

Но журналистика, по его мнѣнію, не оправдала благихъ ожиданій власти: вмѣсто того, чтобы быть безпристрастнымъ голосомъ общества, она стала представлять лишь „личныя или кружковыя" мнѣнія. Такъ, напр., рѣзкую полемику „Трутня" со „Всякой Всячиной" Шумигорскій объясняетъ происками разныхъ высокопоставленныхъ лицъ (кн. Дашковой, гр. Мих. Воронцова, И. И. Шувалова), которые изъ вражды къ Екатеринѣ старались какъ можно сильнѣе очернить ея правленіе.

Въ угоду этому знатному кружку „Трутень" ругалъ всѣхъ остальныхъ придворныхъ, считая ихъ, кромѣ 7 лицъ, никуда негодными. Поэтому Екатеринѣ въ интересахъ справедливости пришлось остановить расходившуюся журналистику. Шумигорскій рѣшительно винитъ во всемъ происки придворныхъ. „Для насъ особенно важенъ, говоритъ онъ, тотъ фактъ, что не Екатерина лично была гонительницей журналистики, ею же созданной". Екатерина отъ всей души хотѣла блага обществу, и не ея вина, что „почва, на которой она хотѣла посѣять добрыя сѣмена, оказалось неудобной для посѣва".

Кромѣ происковъ разныхъ партій изъ придворныхъ, въ этомъ виновата также, по мнѣнію Шумигорскаго, и просвѣтительная философія XVIII в.: „эта философія была противъ гуманныхъ мѣръ, которыя желала провести императрица въ началѣ своего царствованія. Стремленіе императрицы освободить крестьянъ встрѣтило противодѣйствіе со стороны тѣхъ же философовъ, сошедшихся въ этомъ случаѣ съ ярыми крѣпостниками Екатерининской эпохи".

Такимъ образомъ, искреннія и широкія преобразовательные планы императрицы, встрѣтившись съ противодѣйствіемъ русской дворянской среды и съ противодѣйствіемъ философовъ, должны были остаться неосуществленными, но великая заслуга Екатерины, по мнѣнію автора, въ томъ, что она „намѣтила въ главныхъ чертахъ ту программу, осуществлять которую пришлось ея великому правнуку, императору Александру II".

Этотъ взглядъ грѣшитъ прежде всего своимъ основнымъ положеніемъ, что самодержавная власть во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ можетъ цѣликомъ совпадать съ свободно-выраженными желаніями страны. Чтобы могла осуществиться такая форма правленія, необходимы два условія: отказъ власти отъ своей собственной инициативы и организація такого учрежденія, гдѣ бы воля народа могла свободно проявляться, но въ этомъ случаѣ власть уже не будетъ неограниченной.

Между тѣмъ Шумигорскій настойчиво указываетъ, что Екатерина, слѣдуя своему идеалу самодержавной власти, не хотѣла дѣйствовать на подданныхъ своей властью и всячески стремилась во всемъ подчинить ее свободно выраженнымъ желаніямъ народа. Разъ у власти были такіе конституціонные порывы, что же мѣшало осуществить ихъ?

Шумигорскій думаетъ, что этому мѣшало „высшее дворянство и чиновничество“: они не давали Екатеринѣ возможности узнать мнѣніе народа. Факты цѣликомъ противорѣчатъ этому положенію: депутаты привезли съ собой громадное количество наказовъ, въ которыхъ можно почерпнуть много свѣдѣній о положеніи всѣхъ классовъ и сословій тогдашняго общества, въ томъ числѣ и свободныхъ крестьянъ; въ комиссіи пренія по крестьянскому вопросу развернули передъ ней положеніе крѣпостныхъ крестьянъ, она сама во время путешествія по Волгѣ получила болѣе 500 прошеній отъ крѣпостныхъ съ жалобами на помѣщиковъ, наконецъ, донесенія съ мѣстъ о крестьянскихъ волненіяхъ и о тѣхъ подложныхъ манифестахъ, которые обращались среди народной массы—развѣ всего этого не достаточно для знакомства съ „мнѣніемъ“ народа?

Точно такъ же, развѣ та журналистика, про которую Шумигорскій говоритъ, что она была создана для того, чтобы познакомить Екатерину съ желаніями подданныхъ, ничего не давала для этого знакомства? Шумигорскій утверждаетъ, что эта журналистика „при массѣ закрѣпощеннаго и невѣжественнаго народа не могла быть выраженіемъ дѣятельности народной, а была лишь органомъ небольшого числа лицъ, правда образованныхъ, стремившихся къ благу Россіи, но представлявшихъ все-таки личныя или кружковыя мнѣнія“. Но вѣдь эти „мнѣнія“ знакомили же Екатерину съ положеніемъ народа, почему же она не могла имъ довѣрять? Развѣ было когда-нибудь такъ, чтобы весь народъ самъ заявилъ свое мнѣніе, и развѣ дѣло „великаго

правнука“ Екатерины—Александра II—освобожденіе крестьянъ не было выяснено все той же журналистикой?

Если и можно допустить, что Екатерина остановила „Трутень“ только потому, что онъ „обижалъ“ ея придворныхъ въ угоду нѣкоторымъ изъ нихъ, то какъ объяснить, почему прекратился „Живописецъ“, въ которомъ не было такой обиды, и какъ объяснить почему впослѣдствіи такъ жестоко былъ наказанъ и Новиковъ, и Радищевъ, и всѣ тѣ, кто пытался сказать правду о положеніи народа?

И, наконецъ, если встать на точку зрѣнія Шумигорскаго, что Екатерина не довѣряла журналистикѣ, опасаясь ея пристрастнаго мнѣнія, какъ объяснить, что мнѣніе дворянъ, ее окружавшихъ, она не считала „пристрастнымъ“ и дѣйствовала въ угоду ему? Почему безсословные принципы Новиковской журналистики были признаны „партійными“ и отвергнуты, а рѣзко-сословныя пожеланія дворянства были приняты во вниманіе въ законодательствѣ?

Что же касается обвиненія „философовъ“, что они мѣшали Екатеринѣ освободить крестьянъ и въ этомъ сошлись съ русскими крѣпостниками, то это какое-то недоразумѣніе, тѣмъ болѣе странное, что принципы равенства передъ закономъ, которые якобы они помѣшали осуществить, взяты Екатериной у этихъ же „философовъ“. Выходитъ, что философы пошли сами противъ своихъ принциповъ.

Черезъ 12 лѣтъ послѣ книги Шумигорскаго (она была изд. въ 1887 г.) Пыпинъ выпустилъ свою четырехтомную „Исторію русской литературы“. Онъ воспользовался уже всѣми тѣми выводами, какіе были сдѣланы въ исторіи литературы о соотношеніи идей Наказа Екатерины съ ея дальнѣйшей дѣятельностью [1]), а потому у него нѣтъ тѣхъ противорѣчій фактамъ, какія постоянно встрѣчаются у Шумигорскаго.

Пыпинъ указываетъ, что Наказъ Екатерины вызвалъ „то общественное чувство“, которое одушевляло ея лучшихъ современниковъ и, между прочимъ, отразилось въ журнальныхъ листахъ Новикова.

---

[1]) Какъ разъ незадолго передъ тѣмъ, въ 1896 г., въ связи съ 100-л. со дня смерти Екатерины появился цѣлый рядъ работъ, посвященныхъ Екатеринѣ (Ключевскаго, Кизеветтера, П. Морозова, Бильбасова, Стороженко и Лаппо-Данилевскаго).

По послѣ комиссіи Екатерина „охладѣла“, какъ онъ выражается, къ своимъ предполагаемымъ реформамъ, потому что почувствовала себя прочной на престолѣ и увидѣла, „что не было надобности торопиться съ преобразованіями, которыми она хотѣла ослѣпить Европу, своихъ подданныхъ и которыми, безъ сомнѣнія, искренно ослѣплялась сама“. Въ то же время Екатерина „впадала въ столь частую иллюзію правителей, что государственныя дѣла идутъ какъ слѣдуетъ, что все обстоитъ благополучно“, и стала раздражаться противъ тѣхъ, кто думалъ иначе. Такое раздраженіе въ частности вызвала на себя Новиковская журналистика. Издательница „Всяк. Всяч“. не предполагала, что ея затѣя отзовется въ тогдашней литературѣ такими страстными разсужденіями объ общественныхъ вопросахъ. Она едва ли ожидала такихъ рѣзкихъ противорѣчій и на первое время выносила ихъ, потому что, во-первыхъ, сама вызвала эту литературу, во-вторыхъ, сама еще недавно писала свободолюбивые планы и въ то самое время вела сношеніе съ философами.

„Въ концѣ-концовъ домашняя обстановка взяла верхъ, противорѣчія задѣвали самую сущность ея политической мудрости, и стало образовываться то настроеніе, которое тѣмъ или другимъ путемъ приводило къ прекращенію непріятныхъ изданій“.

Къ этому Пыпинъ добавляетъ въ дальнѣйшемъ, что мало-помалу „грубые“ факты дѣйствительности показали Екатеринѣ невозможность осуществить ея прежніе „идеалистическіе“ порывы и заставили ее отъ нихъ отказаться.

Такимъ образомъ, и у него выходитъ противорѣчіе въ разсужденіяхъ: то Екатерина сама охладѣла къ идеямъ Наказа, то какъ будто столкновенія съ дѣйствительностью заставили ее признать невыполнимость этихъ идей. Измѣна своимъ принципамъ и признаніе ихъ несостоятельными—не одно и то же.

И Шумигорскій и Пыпинъ оцѣниваютъ поведеніе Екатерины по отношенію къ журналистикѣ съ точки зрѣнія соотвѣтствія его идеямъ Наказа. Эти идеи они принимаютъ во всей ихъ полнотѣ, безъ оговорокъ о томъ, какъ сама власть на нихъ смотрѣла, и объясняютъ, такимъ образомъ, столкновеніе власти съ журналистикой: Шумигорскій—необходимостью смирить ярко выраженное кружковое настроеніе въ интересахъ цѣлаго общества, Пыпинъ—охлажденіемъ власти къ своимъ принципамъ и признаніемъ ихъ несостоятельности.

Совершенно особую позицію занимаетъ въ литературѣ вопроса спеціально посвященная Новиковской журнальной дѣятельности книга проф. Незеленова „Н. И. Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1785 гг“. (СПБ., 1875 г.).

Простую „ясную и логически-строгую мысль“, -мысль Новикова, не испорченную матеріалистическими вѣяніями просвѣтительной философіи, онъ противополагаетъ „матеріалистической мысли вольтерьянства“, какая была свойственна Екатеринѣ, и все столкновеніе между „Трутнемъ“ Новикова и „Всякой Всячиной“ Екатерины объясняетъ развращающимъ вліяніемъ вольтерьянства на мысль Екатерины: вмѣсто здоровой логики Новикова она воспользовалась „оружіемъ вольтерьянства—софизмомъ“, и отсюда начала защищать снисходительное отношеніе къ порокамъ.

Другую причину разногласія журналистики и власти онъ указываетъ въ томъ, что Екатерина не сочувствовала статьямъ „Трутня“ о крестьянахъ и потому остановила его. Но далѣе Незеленовъ допускаетъ, что Екатерина сама поддалась вліянію Новикова и перемѣнила свой взглядъ на статьи о крѣпостномъ правѣ: въ „Живописцѣ“ онѣ ей нравились.

Такимъ образомъ Незеленовъ допускаетъ, что столкновеніе власти и журналистики было только вначалѣ, а потомъ власть стала покровительствовать этой журналистикѣ, и если она прекратилась, то лишь потому, что самъ Новиковъ разочаровался въ своихъ идеалахъ, во имя которыхъ онъ обличалъ дѣйствительность. Выше было указано, почему нельзя согласиться съ такимъ разсужденіемъ Незеленова. Но и самое противоположеніе „здоровой“ мысли Новикова развращенному вольтерьянству Екатерины тоже вызываетъ недоумѣніе.

Почему именно вольтерьянство должно проповѣдывать снисходительное отношеніе къ порокамъ, когда оно тоже выдвигало принципы равенства всѣхъ передъ закономъ, свободы человѣческой личности, и когда оно во имя ихъ тоже протествовало противъ крѣпостного права? Если снисходительное отношеніе Екатерины къ недостаткамъ крѣпостного права объяснять вольтерьянствомъ, то почему это же вольтерьянство требовало уничтоженія крѣпостного права?

Между идеями вольтерьянства и идеями Новиковской журналистики разница дѣйствительно имѣется, но разница въ отправныхъ точкахъ: вольтерьянство свободу личности и равенство всѣхъ передъ закономъ выводило изъ ученія естественнаго

права о природномъ равенствѣ всѣхъ людей, Новиковская журналистика—изъ христіанскаго ученія.

Самое обстоятельное и научное объясненіе отношенія власти къ общественному мнѣнію, выразившемуся въ Новиковскихъ журналахъ, принадлежитъ П. Н. Милюкову, и высказано имъ въ III части его „Очерковъ по исторіи русской культуры“ [1]).

На основаніи обширнаго матеріала первоисточниковъ авторъ далъ талантливую картину роста русской интеллигенціи за весь XVIII в. и отношенія къ ней власти.

Остальная литература вопроса теперь уже устарѣла и интересна, главнымъ образомъ, своими выпсками изъ такихъ журналовъ, какіе не всегда можно разыскать по ихъ рѣдкости. Сюда относится книга Аоанасьева „Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 гг“. М., 1859 г., Булича—„Сумароковъ и современная ему критика“, СПБ., 1854. Обѣ книги считаютъ, что литература XVIII в., въ томъ числѣ и журналистика, выражали идеи правительства и шли съ нимъ нога въ ногу. Добролюбовъ въ ст. „Русская сатира екатерининскаго времени“ [2]) и Мордовцевъ въ ст. „Обличительная литература первыхъ русскихъ журналовъ и стѣсненіе гласности“ [3]) указываютъ, что Новиковская сатира разошлась съ настроеніемъ власти и потому была остановлена.

Общественное значеніе Новиковской сатиры оцѣнивается въ литературѣ по разному. Одни придаютъ ей громадное значеніе въ истребленіи того зла, какое замѣчалось въ русскомъ обществѣ XVIII в., и въ распространеніи идей просвѣщенія и гуманности. Такой взглядъ сильнѣе всего выраженъ у Аоанасьева.

„По указанію Екатерины Великой періодическія изданія выступили со своимъ обличительнымъ словомъ, и въ этомъ общемъ увлеченіи сатирическимъ направленіемъ нельзя не признать высокой нравственной стороны современной эпохи.

„Старинныя суевѣрія, предразсудки и ложь отживали свой вѣкъ, въ ихъ дикомъ воплѣ противъ сатиры и правительственныхъ мѣръ слышится уже близкое торжество всеобновляющей правды“ (с. 111).

Другіе, наоборотъ, рѣшительно отрицали за сатирой какое-

---

[1]) Ч. III, вып. 2. СПБ., 1903 г.

[2]) „Современникъ“, 1859 г., № 10 и Соч., т. I.

[3]) „Русское Слово“ 1860 г., №№ 2 и 3.

либо серьезное значеніе. Рѣзче всего это отрицаніе было сдѣлано въ живой и яркой статьѣ Добролюбова. Указавъ на то, что даже передовая наша сатира рядомъ съ обличеніемъ рисовала картины благополучія, онъ подводитъ ей такой итогъ: „Никогда почти не добирались сатирики до главнаго, существеннаго зла, не разражались грознымъ обличеніемъ того, отчего происходятъ и развиваются общіе народные недостатки и бѣдствія. Характеръ обличенія былъ частный, мелкій, поверхностный. И вышло то, что сатира наша, хотя, повидимому, и говорила о дѣлѣ, но въ сущности постоянно оставалась пустымъ звукомъ".

Чтобы показать, что сатира дѣйствительно осталась „пустымъ звукомъ", Добролюбовъ дѣлаетъ такое сопоставленіе сатиры съ жизнью: „Она кричала о свободѣ слова и мысли, по поводу уничтоженія тайной канцеляріи въ 1762 г. и затѣмъ открытія вольныхъ типографій въ 1782 г. Къ концу царствованія Екатерины тайная канцелярія возстановлена подъ именемъ тайной экспедиціи; въ 1796 г. вольныя типографіи уничтожены. Сатира обличала дурныхъ помѣщиковъ и старалась защищать человѣческія права крестьянъ. Съ 1762 г. идетъ рядъ указовъ о повиновеніи крестьянъ помѣщикамъ. Въ 1783 г. утверждается крѣпостное право въ Малороссіи. До воцаренія имп. Александра сотни тысячъ крестьянъ раздаются во владѣніе частныхъ лицъ" [1]).

„Пусть историки литературы,—говоритъ онъ въ заключеніе,—восхищаются бойкостью, остроуміемъ и благородствомъ сатирическихъ журналовъ и вообще сатиры екатерининскаго времени; но пусть же не оставляютъ они безъ вниманія и жизненныхъ явленій, указанныхъ нами" [2]).

Кромѣ такихъ крайнихъ взглядовъ, высказывались и средніе между ними, которые указывали, что, правда, сатира не могла исправить всѣ недостатки, на которые она указывала, но кое-что исправляла. Въ подтвержденіе приводятъ тотъ фактъ, что сатира, напр., „Трутня" на вельможъ вызвала большой переполохъ между ними, указываютъ и отдѣльные случаи, когда то или иное обличеніе останавливало зло, напр., издатель Новиковскихъ журналовъ, Ефремовъ, дѣлаетъ указаніе, что замѣтка

---

[1]) Соч. I, с. 194.
[2]) Соч. I, с. 195.

„Трутня“ о воеводѣ, который, отправляясь на мѣсто службы, продавалъ за ненадобностью свою совѣсть, достигла своей цѣли: воевода не былъ отправленъ.

Но всѣ эти и крайнія и среднія положенія кореннымъ образомъ грѣшатъ самымъ методомъ оцѣнки литературы.

Они оцѣниваютъ ее не съ той, единственно возможной и правильной точки зрѣнія, насколько точно, полно и ярко она отражаетъ жизнь, а по ея практическимъ результатамъ, устранила она или нѣтъ тѣ недостатки, на которые указываетъ. Если смотрѣть такъ, то нужно цѣликомъ отвергнуть даже геніальныя произведенія такихъ сатириковъ, какъ Гоголь и Щедринъ. Развѣ они исправили Николаевскую Русь, надъ которой такъ язвительно смѣялись?

Отвергнувъ такую точку зрѣнія, несомнѣнно слѣдуетъ признать, что лучшая часть нашихъ сатирическихъ журналовъ, именно журналы Новикова, ярко и вѣрно отразили недостатки современной имъ жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и идеалы передовой части русскаго общества. Въ этомъ ихъ неоспоримая заслуга.

Нельзя сказать, чтобы эти журналы давали полное изображеніе жизни, но этотъ недостатокъ слѣдуетъ уже отнести насчетъ „независящихъ условій“.

Новиковской журналистикѣ можно поставить единственный серьезный упрекъ въ томъ, что въ своихъ объясненіяхъ приводимыхъ изображеній она все время твердитъ, что обличаетъ только злоупотребленія и тѣмъ самымъ какъ бы соглашается, что общій порядокъ жизни безъ этихъ злоупотребленій не нуждается въ измѣненіяхъ. Нападая, напр., на злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ, она не указываетъ, что и само по себѣ крѣпостное право дурно, а иной разъ даже начинаетъ говорить о счастіи крестьянъ у хорошаго помѣщика. Но этотъ серьезный недостатокъ въ значительной степени былъ не добровольнымъ: по обстоятельствамъ времени сатира и не могла иначе говорить о крѣпостномъ правѣ. Что ея оговорки не мѣшали понимать въ обществѣ настоящій смыслъ сатиры, объ этомъ свидѣтельствуетъ раздраженіе противъ нея крѣпостниковъ и насильственное прекращеніе журналовъ. Лучшимъ же доказательствомъ жизненности Новиковской сатиры будетъ слѣдующее мѣсто изъ статьи Добролюбова, который рѣзче всѣхъ отрицалъ ея жизненность. Собираясь въ своей статьѣ привести выписку изъ „Трутня“ объ отношеніяхъ крестьянъ и помѣ-

щиковъ, онъ оговаривается: „Въ настоящее время (статья писана въ 1859 г.), когда крестьянскій вопросъ разсматривается уже правительствомъ во всей его обширности, можно, кажется, совершенно спокойно и безбоязненно повторить то, что говорилось почти за столѣтіе назадъ лучшими людьми временъ Екатерины. Притомъ же характеръ этихъ обличеній таковъ, что они имѣютъ теперь только историческое значеніе, и если кто рѣшится увидѣть въ нихъ какое-нибудь отношеніе къ современности, тотъ докажетъ только, что онъ цѣлымъ столѣтіемъ опоздалъ родиться".

Такая длинная и подробная оговорка почти черезъ сто лѣтъ послѣ „Трутня," оговорка, приводимая черезъ два года послѣ знаменитаго рескрипта Пазимову и за два года до положенія 19/II 1861 г. развѣ не является лучшимъ доказательствомъ жизненности Новиковской сатиры? Даже черезъ 100 лѣтъ ее все еще приходилось цитировать съ оговорками!

Самъ издатель, однако, очень скромно оцѣнивалъ значеніе своей сатиры и не приписывалъ ей большого вліянія. Въ „Живописцѣ" словами взяточника, отставленнаго отъ службы, онъ горько подсмѣивается надъ невольнымъ безсиліемъ своего слова: „Что ты изъ пустого въ порожнее переливаешь? Мнѣ кажется, братъ, что ты похожъ на постельную собачку моей жены, которая брешетъ на всѣхъ и никого не кусаетъ; а это, по нашему называется—брехать на вѣтеръ. По-нашему, коли брехнуть, такъ ужъ и укусить, да и такъ укусить, чтобы больно, да и больно было. Да на это есть другія собаки, а постельнымъ хоть и дана воля брехать на всѣхъ,—только никто ихъ не боится. Такъ-то и ты: пишешь все пустое".

Для характеристики передового общественнаго мнѣнія, которое начинало складываться около Новиковской журналистики, въ значительной степени безразличенъ вопросъ, кто былъ авторомъ большинства статей въ этихъ журналахъ, но для характеристики самого издателя ихъ, Новикова, онъ, конечно, имѣетъ громадное значеніе. Къ сожалѣнію, совершенно не имѣется данныхъ для того, чтобы категорически опредѣлить, былъ ли Новиковъ только издателемъ или же и авторомъ статей, помѣщенныхъ въ его журналахъ.

По своему духу эти журналы удивительно подходятъ къ тому духовному облику Новикова, какимъ онъ рисуется въ его дальнѣйшей дѣятельности. Такъ необычайно характерно, что

идея равенства, которая проводится въ этихъ журналахъ, выводится изъ евангельскаго ученія, а не изъ философскихъ основаній доктрины естественнаго права. Это совпадаетъ и съ тѣмъ, что Новиковъ не прошелъ школьной выучки, которая бы внушила ему модныя философскія положенія.

Въ этихъ журналахъ намѣчается и дальнѣйшая дѣятельность Новикова, какъ мы ее знаемъ: въ „Живописцѣ“ обсуждается проектъ организаціи общества, которое бы распространяло книги среди провинціи, тутъ же указывается на важное значеніе общественной организаціи типографскаго дѣла. Въ „Кошелькѣ“ ставится и тревожно разрабатывается тотъ вопросъ, которому будутъ посвящены дальнѣйшіе журналы Новикова: вопросъ объ отношеніи между просвѣщеніемъ ума и нравственностью. Въ „Кошелькѣ“, при всемъ его сочувствіи къ развитію просвѣщенія, имѣется какъ будто и сомнѣніе, всегда ли оно дастъ положительные результаты, не портитъ ли оно иной разъ нравы. „Кошелекъ“ хвалитъ „мудрость“ древнихъ русскихъ царей за то, что они предпочитали не допускать *всѣхъ* знаній въ Россію, а сохранить нравы. Здѣсь уже сказывается та мысль, которая позже будетъ разрабатываться въ Новиковскихъ изданіяхъ: мысль о просвѣщеніи ложномъ и просвѣщеніи истинномъ. Все указанное характерно для дальнѣйшей дѣятельности Новикова, но, конечно, оно не разрѣшаетъ вопроса объ его авторствѣ. Незеленовъ приводитъ цѣлый рядъ косвенныхъ соображеній, на основаніи которыхъ онъ опредѣленно рѣшаетъ, что большинство статей Новиковскихъ журналовъ написаны самимъ издателемъ. Соображенія эти довольно вѣроятны.

Прежде всего онъ указываетъ, что всѣ поиски изслѣдователей объ авторахъ статей въ журналахъ Новикова дали ничтожные результаты: болѣе или менѣе вѣроятно удалось доказать авторство Аблесимова, Попова, Рубана, имп. Екатерины, Поповскаго, Фонвизина, Сумарокова, но всѣ статьи, которыя приписываются имъ, совершенно не существенны для Новиковскихъ журналовъ. Съ другой стороны, Новиковъ часто открываетъ имена авторовъ въ своихъ изданіяхъ, иной разъ даже противъ ихъ желанія.

Такъ, въ „СПБ. Учен. Вѣдомостяхъ“ онъ раскрываетъ авторство Майкова. Въ своемъ „Опытѣ словаря о россійскихъ писателяхъ“ Новиковъ очень подробно и обстоятельно отмѣчаетъ, кто и что изъ русскихъ писателей написалъ, тутъ

перечислены и издатели и авторы многихъ тогдашнихъ журналовъ и, однако, ничего не упомянуто, кто былъ сотрудникомъ „Трутня“. Врядъ ли бы Новиковъ могъ пропустить сотрудниковъ такого выдающагося журнала, если бы самъ не былъ его авторомъ.

Изъ этого же словаря видно, что въ XVIII в. обыкновенно издатель журнала былъ и авторомъ его статей. Такъ, говоря про Эмина, Новиковъ пишетъ, что онъ *сочинилъ* ежемѣсячнаго сочиненія на 1769 г. подъ именемъ Адской почты 6 мѣсяцевъ. Точно такъ же и въ другихъ случаяхъ отмѣчается, что такой-то *сочинилъ* журналъ. Отмѣченный словаремъ рядъ фактовъ, что то или другое лицо *сочинило* журналъ, и пропуски въ немъ всякихъ свѣдѣній касательно „Трутня“ увеличиваютъ вѣроятность вывода, что Новиковъ былъ авторомъ своихъ журналовъ.

Эти косвенныя соображенія подкрѣпляются и прямыми свидѣтельствами. Карамзинъ, близкій къ Новикову человѣкъ, прямо говоритъ: „Г. Новиковъ въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ сдѣлался извѣстенъ публикѣ своимъ отличнымъ авторскимъ дарованіемъ: безъ воспитанія, безъ ученія, писалъ остроумно, пріятно и съ цѣлію нравственною“. Самъ Новиковъ въ предисловіи къ своей „Вивліоѳикѣ“ пишетъ: „Благосклонное принятіе отъ общества нѣкоторыхъ маловажныхъ *моихъ сочиненій* ободрило меня и было поощреніемъ къ важнѣйшимъ трудамъ“.

И далѣе, въ этомъ же предисловіи, онъ выражаетъ надежду, что „Вивліоѳика“, заключающая въ себѣ важные памятники, встрѣтитъ сочувствіе публики, разъ „приняты были благосклонно *собственныя мои творенія*“. Эти выраженія: „мои сочиненія“, „собственныя мои творенія“, которыя употребляетъ самъ Новиковъ въ отношеніи къ своимъ журналамъ, въ связи съ свидѣтельствомъ компетентнаго современника Карамзина и въ связи съ указанными косвенными данными, дѣлаютъ очень вѣроятнымъ предположеніе, что Новиковъ былъ авторомъ большинства статей въ своихъ журналахъ, но, конечно, и самая большая вѣроятность—все же не очевидность.

VIII.

Научно-издательская дѣятельность Новикова.

Думы о распространеніи книгъ для просвѣщенія родной земли, какія встрѣчаются въ „Живописцѣ“, Новиковъ началъ осуществлять одновременно съ изданіемъ своихъ сатирическихъ журналовъ. Въ 1772 г. появился его „Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ“. Цѣль этого изданія—свято сохранить потомству память о всѣхъ родныхъ писателяхъ. „Не тщеславіе получить названіе сочинителя, но желаніе оказать услугу моему отечеству къ сочиненію сея книги меня побудило,— говоритъ Новиковъ въ предисловіи. Польза, отъ таковыхъ книгъ происходящая, всякому просвѣщенному читателю извѣстна; не можетъ также быть невѣдомо и то, что всѣ европейскіе народы прилагали стараніе о сохраненіи памяти своихъ писателей, а безъ того погибли бы имена всѣхъ, въ писаніяхъ прославившихся мужей. Одна Россія по сіе время не имѣла такой книги, и, можетъ быть, сіе самое было погибелью многихъ нашихъ писателей, о которыхъ никакого нынѣ не имѣемъ мы свѣдѣнія“. Сообразно съ такой задачей, Новиковъ старался отмѣтить на пространствѣ отъ X вѣка до своего времени всѣхъ тѣхъ лицъ, о которыхъ было извѣстно, что они что-нибудь писали.

Онъ далъ свѣдѣнія о 317 писателяхъ, но изъ нихъ большинство (около $^6/_7$) принадлежитъ XVIII в.

Чтобы показать, что „погруженная прежде въ невѣжество, Россія о преимуществахъ въ наукахъ спорить съ народами, цѣлые вѣки ученіемъ прославлявшимися“, и что „науки и художества въ ней распространяются, а писатели наши прославляются“, какъ онъ говоритъ въ предисловіи къ „Словарю“, Новиковъ на ряду съ извѣстными авторами, произведенія которыхъ

печатались, отмѣчаетъ и тѣхъ, кто еще ничего не напечаталъ. Въ числѣ такихъ указывается, напримѣръ: „Рудаковъ, Иванъ, старшій наборщикъ въ академической типографіи. Сей сочинялъ разныя и весьма изрядныя стихотворенія, а по большей части сатирическія". Стихи этого автора приводятся тутъ же въ „Словарѣ" и, такимъ образомъ, впервые появляются въ печати. Про какого-то Вѣницѣева „Словарь" просто сообщаетъ: „Вѣницѣевъ, Семенъ, коллежскій регистраторъ, много писалъ похвальныхъ одъ и другихъ стихотворныхъ сочиненій, но печатныхъ нѣтъ".

Какихъ-либо серьезныхъ критическихъ пріемовъ „Словарь" не обнаруживаетъ. Авторовъ онъ больше всего цѣнитъ за ихъ любовь къ просвѣщенію и за ихъ трудолюбіе. Съ этой точки зрѣнія „Словарь" даетъ очень похвальный отзывъ и о преславутомъ Тредьяковскомъ, умалчивая объ его безмѣрно плохихъ стихахъ, сдѣлавшихъ его имя нарицательнымъ для всякаго плохого пінта. „Сей мужъ, говорится въ „Словарѣ", былъ великаго разума, многаго ученія, обширнаго знанія и безпримѣрнаго трудолюбія". Отсюда же необычайно теплые отзывы о тѣхъ авторахъ, которые вышли изъ среды незнатныхъ людей. Такъ, напр., о писателѣ Ст. Крашенинниковѣ „Словарь" говоритъ: „Онъ былъ изъ числа тѣхъ, кои не знатностью породы, не благодѣяніями счастья возвышаются, но сами собою, своими качествами, своими трудами и заслугами прославляютъ свою породу и вѣчнаго воспоминанія дѣлаютъ себя достойными".

„Словарь" заботливо собираетъ свѣдѣнія о такихъ лицахъ: отмѣчаетъ и стихи наборщика, и похвальное усердіе къ писательству какого-нибудь безвѣстнаго дьякона или пономаря, и любовь къ просвѣщенію „сидѣльца въ мучной лавкѣ".

О писателяхъ, слава которыхъ уже установилась, „Словарь" даетъ перечисленіе ихъ трудовъ и цѣнитъ ихъ, главнымъ образомъ, за слогъ. Эти отзывы о слогѣ очень неопредѣленны.

О слогѣ Ломоносова „Словарь" отзывается: „Слогъ его былъ великолѣпенъ, чистъ, твердъ, громокъ и пріятенъ". О слогѣ Козицкаго, секретаря Екатерины и оффиціальнаго редактора ея „Всяк. Всяч.": „Слогъ его чистъ, важенъ, плодовитъ и пріятенъ".

Кромѣ отзывовъ о слогѣ, „Словарь" даетъ и нравственную характеристику знаменитыхъ авторовъ, стараясь не задѣть ихъ нехорошихъ качествъ. Такъ, напр., о Ломоносовѣ, который

часто бывалъ „шуменъ“ и энергично словами и руками расправлялся въ Академіи съ своими противниками-нѣмцами, въ „Словарѣ“ данъ такой отзывъ: „Нравъ имѣлъ онъ веселый, говорилъ коротко и остроумно и любилъ въ разговорахъ употреблять острыя шутки; къ отечеству и друзьямъ своимъ былъ вѣренъ, покровительствовалъ упражняющихся въ словесныхъ наукахъ и ободрялъ ихъ; въ обхожденіи былъ по большей части ласковъ, къ искателямъ его милости щедръ, но при всемъ томъ былъ горячъ и вспыльчивъ“.

И литературныя и нравственныя характеристики „Словаря“ необычайно снисходительны, почти всѣ написаны въ хвалебномъ тонѣ. Это зависѣло и отъ точки зрѣнія, съ которой ведется критика, и отъ обстоятельствъ тогдашняго времени. Критика усердія и слога по самому своему существу должна была быть необычайно мягкой, а къ тому же самолюбіе писателей, которые часто видѣли въ себѣ то россійскаго Вольтера, то Мольера, было необычайно щекотливо. За литературной критикой не было еще общепризнаннаго общественнаго значенія, и часто тотъ или иной отзывъ зависѣлъ отъ личныхъ вкусовъ или симпатій критика. Новиковъ въ этомъ отношеніи былъ менѣе связанъ по отношенію къ старинным авторамъ, и потому о нихъ отзывы его строже. Онъ, напр., очень мѣтко опредѣлилъ недостатки трудовъ Авраамія Палицына: „Писалъ лѣтопись о царствованіи царя Іоанна Васильевича, проименованіемъ Грознаго, кратко и невесьма порядочно, но избраніе царя Мих. Ѳеодор. описалъ со всѣми обстоятельствами. Слогъ его въ сей книгѣ больше витіеватый, нежели сходный съ историческою правдой“.

Но ему приходилось быть необычайно осторожнымъ къ современнымъ авторамъ, и все таки многіе изъ нихъ были сильно раздражены недостаточными похвалами „Словаря“. Обидѣлся, напр., переводчикъ Энеиды и одописецъ Василій Петровъ за то, что Новиковъ не согласился признать его вторымъ Ломоносовымъ, и сейчасъ же настрочилъ язвительное посланіе на автора „Словаря“, что онъ только тѣхъ хвалитъ, кто съ нимъ пріятель:

„Кто съ нимъ ватажился, былъ другъ ему и братъ,
Во святцахъ тотъ его не меньше, какъ Сократъ“.

Другой недовольный, кромѣ такого упрека въ пристрастіи, счелъ нужнымъ высмѣять даже наружность Новикова.

Необходимость считаться съ такимъ самолюбіемъ авторовъ дѣлала критику очень снисходительной, но и самъ авторъ „Сло-

варя" стоялъ въ ней не на высотѣ: патріотическое настроеніе, что Россія въ просвѣщеніи можетъ „спорить" съ З. Европой, заставляло болѣе подчеркивать количественный ростъ литературы, чѣмъ качественный.

Общественное значеніе писателей и историческое развитіе литературы совсѣмъ не выясняются въ „Словарѣ": про Кантемира, напр., онъ отзывается, что „стихи его были средняго россійскаго стихотворства", а Сумарокова ставитъ не только выше его, но чуть ли не выше и Ломоносова.

Но „Словарь" и нельзя упрекать за отсутствіе такой критики: она сложилась уже въ XIX в.

Со стороны фактической въ „Словарѣ" обнаруживается необычайно внимательное отношеніе Новикова къ нашимъ авторамъ. Онъ хотѣлъ бы дать о каждомъ изъ нихъ новыя свѣдѣнія. Какъ онъ самъ говоритъ въ заглавіи „Словаря", онъ составлялъ его „изъ разныхъ печатныхъ и рукописныхъ книгъ, сообщенныхъ извѣстій и словесныхъ преданій".

Историки литературы указываютъ на тогдашнія трудности при такой работѣ: не было каталоговъ книгъ, не было спеціальныхъ книжныхъ лавокъ, книги продавались либо у переплетчиковъ, либо въ типографіяхъ. И Новиковъ проявилъ много любовнаго отношенія къ авторамъ, собирая о нихъ изъ разныхъ мѣстъ скудныя свѣдѣнія.

Лучшая статья о „Словарѣ" (принадлежитъ Сухомлинову—II т. его „Изслѣдованій и статей по русской литературѣ и просвѣщенію") указываетъ такіе главные его источники: исторія Щербатова, періодическія изданія Академіи Наукъ, устныя указанія Сумарокова, Г. Ф. Миллера, который разрабатывалъ архивы, и его помощника Бантышъ-Каменскаго, устные разсказы разныхъ авторовъ о самихъ себѣ, и, наконецъ, онъ воспользовался небольшимъ обзоромъ 42 русскихъ авторовъ, помѣщеннымъ въ одномъ лейпцигскомъ журналѣ въ 1768 году подъ заглавіемъ „Извѣстія о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ". Какъ это доказано Сухомлиновымъ, „Извѣстіе" принадлежитъ извѣстному актеру Дмитревскому, который былъ около того времени за границей и, встрѣтивъ тамъ интересъ къ русскимъ писателямъ, набросалъ свои указанія. Несмотря на неизбѣжные недочеты „Словаря" вслѣдствіе неполноты матеріала и несмотря на то, что въ немъ нѣтъ хронологическихъ данныхъ, онъ даетъ большой матеріалъ для исторіи литературнаго раз-

витія въ Россіи: по нему можно судить насколько широко и глубоко оно распространялось, какіе были литературные вкусы въ XVIII в., къ какому классу принадлежали писатели и въ чемъ они предпочитали подвизаться, изъ него можно извлечь и такія, напр., данныя, что оффиціальные служители литературы, профессора Московскаго университета, Барсовъ и Третьяковъ, сочинили всего—первый „на предпріятое и съ благополучнымъ успѣхомъ оконченное прививаніе оспы Е. И. Величествомъ весьма изрядное слово"; второй—„Слово на выздоровленіе Ея Величества отъ прививной оспы".

Историки литературы отмѣчаютъ и тотъ фактъ, что „Словарь" Новикова легъ въ основу аналогичныхъ позднѣйшихъ трудовъ; такъ, напр., „Словарь свѣтскихъ писателей" митрополита Евгенія иной разъ буквально пользовался имъ.

Къ „Опыту историческаго словаря" по замыслу и по духу примыкаетъ другое изданіе Новикова, хотя оно отдалено отъ „Словаря" пятилѣтнимъ промежуткомъ. Это журналъ „Санктпетербургскія Ученыя Вѣдомости", который сталъ выходить съ марта 1777 г. Журналъ отведенъ тоже литературной и ученой критикѣ, но въ отличіе отъ „Словаря" здѣсь идетъ оцѣнка, главнымъ образомъ, не писателей, а отдѣльныхъ книгъ и журналовъ, слѣдовательно, по содержанію этотъ журналъ по преимуществу библіографическій. Въ отзывѣ о книгѣ дается вкратцѣ ея содержаніе, указываются ея изданія и ея отношеніе къ предшествующей литературѣ, такъ что иной разъ рецензія превращается въ цѣлый обзоръ литературы по данному вопросу.

Такъ, напр., по поводу книги Шриттера „Извѣстія византійскихъ историковъ, объясняющія Россійскую исторію" данъ обзоръ всѣхъ трудовъ по русской исторіи за XVIII в.—Байера, Татищева, Миллера, Фишера, Ломоносова и Щербатова.

На ряду съ этимъ основнымъ содержаніемъ помѣщаются „надписи къ личнымъ изображеніямъ Россійскихъ Ученыхъ Мужей и Писателей, а также въ художествахъ отличныхъ мужей", и самъ издатель въ предисловіи обѣщаетъ давать матеріалъ, который могъ бы служить „споможеніемъ къ приведенію въ лучшее совершенство „Опыта Историческаго словаря", такъ что преемственная связь новаго изданія со старымъ здѣсь подчеркивается.

Въ такихъ ученыхъ обзорахъ среди похвалъ встрѣчаются и дѣльныя указанія, напр. про Байера указано, что онъ не зналъ

„славянороссійскаго“ языка, и это ему мѣшало въ его исторіи, Татищеву поставлено на видъ, что онъ, наоборотъ, не зналъ иностранныхъ языковъ, древнихъ и новыхъ, а также не достаточно критически относился къ лѣтописямъ, отчего въ его трудѣ явились „недостатки“. Во всемъ остальномъ отзывы „Вѣдомостей“ аналогичны съ отзывами „Словаря“: тотъ же хвалебный тонъ и та же оцѣнка книги съ точки зрѣнія слога, такъ оцѣниваются даже историческіе памятники; напр., о „Соборномъ дѣяніи 1681 г. по поводу уничтоженія мѣстничества“ „Вѣдомости“ пишутъ: „Что касается до слога Соборнаго Дѣянія, то оный есть изрядный и чистый изъ старинныхъ писаній“.

Сильнѣе только подчеркнуты въ „Вѣдомостяхъ“ общія воззрѣнія Новикова на состояніе просвѣщенія въ его время, а также больше дано матеріала для сужденія объ условіяхъ литературной критики XVIII в. Оцѣнка положенія россійскаго просвѣщенія блестящая:

„Царствуетъ въ Россіи премудрая Екатерина; царствуютъ науки и художества въ счастливомъ отечествѣ нашемъ. Ученые мужи изо всѣхъ странъ текутъ ко средоточію ученаго міра, и въ Россіи обрѣтаютъ отечество наукъ. Къ чему Августы въ Римѣ, къ чему Людовики во Франціи приближалися вѣками, къ тому премудрая самодержица наша достигла полутормя десятилѣтіями“.

Появляется и цѣлый рядъ русскихъ силъ: „появляются Россійскіе Орфеи, Архимеды, Птолемеи, Плиніи, Ливіи, Апеллесы и Праксители. Хранилища Россійскихъ Древностей отверзаются десницею Премудрыя Екатерины, и Исторія Россійская исходитъ предъ лице всего свѣта. Отправляются Ученые мужи во всѣ концы пространныя Имперіи Россійскія: описуются области, открываются богатыя сокровища“. Въ этихъ похвалахъ, принимая во вниманіе даже, что вообще въ XVIII в. принято было выражаться напыщенно, слышится патріотическая радость издателя, что и въ Россіи просвѣщеніе развивается. Такъ нѣжный отецъ радуется, когда замѣчаетъ въ любимомъ дѣтищѣ первые проблески собственной мысли, и не даромъ одинъ изъ начинающихъ авторовъ пишетъ, что онъ былъ поощренъ къ сочинительству отношеніемъ „Вѣдомостей“ къ молодымъ людямъ. „Имѣвъ счастье насмотрѣться,—пишетъ онъ,—съ какимъ снисхожденіемъ принимаютъ онѣ („Вѣдомости“)

молодыхъ людей, въ которыхъ возбуждается любовь къ свободнымъ наукамъ, ласкаю себя надеждою найти то же самое".

Но, увы! россійскіе Орфеи и Ливіи не всегда дружно жили даже съ простой грамотой. Такъ, напр., въ рецензіи на комедію Попова „Вѣдомости" пишутъ: „Отдавая справедливость трудамъ г. Попова, мы должны сказать, что всѣ его сочиненія и переводы украшены строгимъ наблюденіемъ правилъ и тонкостей грамматическихъ, и сіе тщаніе заслуживаетъ великую похвалу. Мы не можемъ не пожелать, чтобы господа молодые наши писатели и переводчики, подражая сему примѣру, побольше старались о наблюденіи свойствъ языка и правилъ россійскія грамотности". И часто приходится „Вѣдомостямъ" высказывать сожалѣніе, что „слогъ былъ бы изряденъ, если бы получше наблюдаемо было правописаніе".

Точно такъ же восторженной оцѣнкѣ состоянія просвѣщенія въ Россіи противорѣчитъ и бѣдность матеріала для рецензій. За отсутствіемъ новыхъ сочиненій Новикову часто приходится разбирать свою собственную „Вивліоѳику", и, надо думать, это же было причиной того, что изданіе „Вѣдомостей" оборвалось на 22 №.

Относительно условій литературной критики въ XVIII в. „Вѣдомости" даютъ такой матеріалъ, который вполнѣ подтверждаетъ догадку, что критика „Словаря" была очень снисходительной поневолѣ. „Вѣдомости" начинаются обращеніемъ къ публикѣ за разрѣшеніемъ на критику: „Критическое разсмотрѣніе издаваемыхъ книгъ и прочаго есть одно изъ главнѣйшихъ намѣреній при изданіи сего рода листовъ, и попстинѣ можетъ почитаться душею сего тѣла, то и испрашиваемъ мы у просвѣщенныя нашея Публики, да позволится намъ вольность благородныя критики. Не желаніе осуждать дѣянія другихъ насъ къ сему побуждаетъ, но польза общественная; посему и не уповаемъ мы сею поступкою нашею огорчить благоразумныхъ писателей, издателей и переводчиковъ, тѣмъ паче, что во критикѣ нашей будетъ наблюдаема крайняя умѣренность, и что она съ великою строгостью будетъ хранима во всѣхъ предѣлахъ благопристойности и благонравія".

Тутъ же дается обѣщаніе, что „ничто сатирическое, относящееся на лица, не будетъ имѣть мѣста въ „Вѣдомостяхъ" нашихъ". Такое прошеніе за разрѣшеніемъ критики и такія обращенія къ благоразумію авторовъ, вмѣстѣ съ тѣми обѣща-

ніями, какія имъ даются, свидѣтельствуютъ, что критика была необычнымъ явленіемъ даже въ литературномъ обществѣ, и тѣмъ характернѣе, что Новиковъ вторично пытается привить ее въ русскомъ обществѣ. „Вѣдомости“ показываютъ еще, что сбылось одно изъ завѣтныхъ мечтаній Новикова: изъ предисловія видно, что „Вѣдомости“ издаются при содѣйствіи „общества, состоящаго изъ нѣсколькихъ человѣкъ“.

Впрочемъ, это не первое появленіе извѣстія объ обществѣ: еще въ 1773 г. Новиковъ обратился съ просьбой къ Козицкому представить императрицѣ книгу „Золотыхъ часовъ“, ч. I *„отъ имени нашего общества“*.

Съ 1773 г. стала выходить „Древняя Россійская Вивліоѳика, или собраніе разныхъ древнихъ сочиненій, яко-то: Россійскія посольства въ другія государства, рѣдкія грамоты, описанія свадебныхъ обрядовъ и другихъ историческихъ и географическихъ достопамятностей, и многія сочиненія древнихъ Россійскихъ стихотворцевъ, издаваемая помѣсячно Николаемъ Новиковымъ“. Въ XVIII в. было сдѣлано много попытокъ представить общій ходъ русской исторіи, но каждая изъ нихъ встрѣчалась съ громаднымъ препятствіемъ въ отсутствіи собраннаго матеріала. Какъ указываетъ Тихонравовъ, еще Татищевъ пришелъ къ выводу, что нужна предварительная работа по организаціи историческаго матеріала. Въ своей исторіи онъ предлагалъ, чтобы святѣйшій синодъ велѣлъ „во всѣхъ монастыряхъ всякія древнія письменныя книги, тетради, грамоты и прочія обстоятельно описать и подъ именемъ Русской Библіотеки напечатать“. Новиковъ и самъ живо чувствовалъ необходимость познакомиться со старпной и для всего общества считалъ это полезнымъ.

Въ предисловіи къ „Вивліоѳикѣ“ онъ написалъ: „Не всѣ у насъ еще, слава Богу! заражены Франціей; но есть много и такихъ, которые съ великимъ любопытствомъ читать будутъ описанія нѣкоторыхъ обрядовъ, въ сожитіи предковъ нашихъ употреблявшихся; съ неменьшимъ удовольствіемъ увидятъ нѣкоторое начертаніе нравовъ ихъ и обычаевъ, и съ восхищеніемъ познаютъ великость духа ихъ, украшеннаго простотою. Полезно знать нравы, обычаи и обряды древнихъ чужеземскихъ народовъ, но гораздо полезнѣе имѣть свѣдѣніе о своихъ прародителяхъ; похвально любить и отдавать справедливость достоинствамъ иностранныхъ; но стыдно презирать сво-

ихъ соотечественниковъ, а еще паче и гнушаться оными". Изданіе, такимъ образомъ, должно было преслѣдовать двоякую цѣль: вмѣстѣ съ собираніемъ историческихъ документовъ дать нравственно-полезное чтеніе обществу. „Вивліоѳика" дѣйствительно печатала матеріалъ, интересный не только для спеціалистовъ, но и для широкой публики. Преимущественно она даетъ документы о различныхъ обрядахъ царскаго обихода, обряды изъ жизни патріарховъ, описываетъ жизнь знатныхъ бояръ, напр., боярина Ртищева, знакомитъ съ русскими посольствами къ иностранцамъ и съ тѣми впечатлѣніями, какія складывались у русскихъ людей при первой встрѣчѣ ихъ съ иноземной культурой.

Имѣются въ „Вивліоѳикѣ" документы, которые знакомятъ съ бытомъ провинціальнаго общества; такъ, напр., напечатаны наказы воеводамъ, имѣется и „Сказка о Стенькѣ Разинѣ". Правительство, какъ было указано, поддерживало и пропагандировало изданіе. Императрица передавала для напечатанія рѣдкія рукописи и книги, въ октябрѣ 1773 г. предписала Миллеру сообщать копіи съ документовъ изъ архива, который онъ разбиралъ, подписалась на 10 экземпляровъ изданія и поддерживала его денежной помощью: въ ноябрѣ 1773 г. Новиковъ получилъ отъ нея 1000 р. и въ январѣ 1774 г.—200 голландскихъ червонцевъ. Поэтому и первые подписчики были въ большинствѣ придворные, въ числѣ ихъ и Потемкинъ, и гр. Орловъ, и К. Гр. Разумовскій. За придворными идутъ архіереи, архимандриты и игумены монастырей, затѣмъ—купечество и нѣсколько писателей: Херасковъ, Дмитревскій, Радищевъ, Майковъ, Щербатовъ, Рубанъ. Всего въ первый годъ было 198 подписчиковъ, которые получали 246 экземпляровъ изданія. Есть даже одинъ подписчикъ изъ крестьянъ — Алексѣй Баневъ, крестьян. Холмогорскаго уѣзда. Новиковъ было обрадовался такому пріему изданія и въ ноябрьской книжкѣ за 1773 г. писалъ: „Издавая въ нынѣшнемъ 1773 г. ежемѣсячное мое изданіе, усмотрѣлъ я, что оное ото всѣхъ любителей Россійскихъ древностей и особъ, знающихъ цѣну и важность таковыхъ изданій, пріобрѣло благоволѣніе. Симъ ободренъ будучи, предпріялъ я, по желанію и требованію многихъ любителей россійскихъ древностей, въ ихъ удовольствіе и къ пользѣ россійскія исторіи, продолжить сіе изданіе черезъ весь будущій 1774 г.".

Въ 1773 г. книжки выходили ежемѣсячно по 5 листовъ, въ 1774 г. Новиковъ сталъ печатать ихъ по 10 листовъ, и каждая часть состояла уже теперь не изъ шести, а только изъ трехъ мѣсяцевъ. Но съ 1774 г. число подписчиковъ стало убывать: въ этомъ году ихъ было только 133 на 167 экземпляровъ, и издатель въ октябрѣ 1774 г. самъ писалъ, что провелъ изданіе только благодаря поддержкѣ императрицы.

„Вивліоѳика“ выходила и въ 1775 г., но имѣла всего 57 подписчиковъ на 77 экземпляровъ, такъ что Новиковъ въ мартѣ этого года писалъ Козицкому: „Я не знаю, какъ могу окончить „Вивліоѳику“ на нынѣшній годъ, ибо не только что не прибавляются подписчики, но и другихъ книгъ почти совсѣмъ не покупаютъ“. „Что дѣлать,—прибавляетъ онъ,—когда усердіе мое въ оказаніи услугъ моему отечеству согражданами моими такъ худо пріемлется!“ За три года всего вышло, такимъ образомъ, 10 частей. Впослѣдствіи, въ 1788—91 гг., Новиковъ выпустилъ въ 20 частяхъ второе изданіе „Вивліоѳики“, „вновь исправленное, умноженное и въ порядокъ хронологическій по возможности приведенное“. Для своего времени и тотъ успѣхъ, который имѣла „Вивліоѳика“, былъ не такой ужъ плохой, какъ жаловался издатель.

Разсматривая „Вивліоѳику“ съ точки зрѣнія тѣхъ пріемовъ, которые проявилъ Новиковъ при изданіи памятниковъ, можно видѣть, какъ постепенно мѣнялись и совершенствовались эти пріемы.

Началъ онъ съ того, что зачастую излагалъ документы своими словами, а иной разъ просто сообщалъ краткую опись документа въ такомъ, напр., видѣ: „Духовная грамота В. Кн. Ив. Дан. Калиты, писанная при отъѣздѣ въ Орду, о раздѣлѣ движимаго и недвижимаго его имѣнія тремъ сынамъ, князьямъ Семену, Ивану и Андрею и княгинѣ своей Еленѣ съ меньшими дѣтьми; году не показано, а по лѣтописцамъ слѣдуетъ быть между 6836 (1328) и 6849 (1341) годами“. Такія описи лишены были всякаго интереса для читателей, на которыхъ разсчитывалъ Новиковъ, а нѣкоторые изъ номеровъ „Вивліоѳики“ сплошь были ими заполнены, напр., октябрьская книжка за 1773 г. цѣликомъ занята реестромъ духовныхъ грамотъ, іюльская книжка за этотъ же годъ изъ 80 стр. текста — 40 содержитъ такихъ описей, безъ всякаго единства и порядка. Но уже въ 1774 г. „Вивліоѳика“ перестала давать такія ненужныя

для читателей описи, занялась печатаніемъ подлинныхъ документовъ и, что очень характерно, многіе документы, представленные раньше только въ описи, помѣстила цѣликомъ въ подлинникахъ.

Такъ, напр., „Духовныя грамоты Московскихъ Удѣльныхъ князей“ и „Договорныя грамоты князей съ новгородцами“, описанныя въ „Вивліоѳикѣ“ 1773 г., были вновь изданы въ подлинномъ видѣ въ теченіе 1774 и 75 гг. Это показываетъ, какъ самъ издатель въ теченіе своей работы мало-по-малу начиналъ понимать, какой она должна быть.

Одновременно съ первымъ годомъ „Вивліоѳики“ Новиковъ издалъ „Древнюю Россійскую Идрографію, содержащую описаніе Московскаго государства рѣкъ, протоковъ, озеръ, кладезей и какіе по нихъ городы и урочища и на какомъ оныя разстояніи“. Въ этомъ изданіи онъ уже употребляетъ научный пріемъ свѣрки памятника по нѣсколькимъ спискамъ. За основаніе онъ взялъ старѣйшій изъ шести, какіе имѣлъ въ рукахъ, а въ немъ исправилъ тѣ погрѣшности, какія были ясны изъ послѣдующихъ списковъ.

Въ „СПБ. Учен. Вѣдомостяхъ“ ученые пріемы изданія подлинниковъ уже связаны въ одно цѣлое: „Желали бы мы,—говорится въ одной изъ статей, чтобы при изданіи подобныхъ симъ Записокъ наблюдаемо было слѣдующее: Чтобы прилагаемы были ко всякой части алфавитныя росписи находящимся въ оной части матеріямъ, которыя при книгахъ сего рода весьма нужны для пріисканія желаемыхъ вещей; чтобы сколько возможно дѣлаемы были примѣчанія на темныя и невразумительныя мѣста и слова; чтобы въ лѣтосчисленіи всегда прибавляемъ былъ годъ отъ Р. Х.; чтобы древнее правописаніе не было измѣняемо на новое, а наипаче, чтобы ничего прибавляемо, убавляемо или поправляемо не было, но напечатано было бы точно такъ, какъ обрѣтается въ подлинникѣ; и наконецъ, чтобы обозначаемо было точно, откуда полученъ списокъ, гдѣ находится подлинникъ, и какимъ почеркомъ писанъ, старинным или новымъ“. Если сравнить эти правила съ тѣмъ, какъ самъ Новиковъ поступалъ въ началѣ изданія „Вивліоѳики“, и какъ онъ самъ раньше подновлялъ языкъ памятниковъ (по свидѣт. Тихонравова), то наглядно проступаетъ развитіе въ умѣньи обращаться со стариной.

Мало этого, какъ было уже отчасти указано выше, изъ изученія старины Новиковъ почерпнулъ широкій эволюціонный

принципъ—„время отъ времени нравы перемѣняются, а съ ними и нравоучительныя правила подвержены такой же перемѣнѣ“. Моральный кодексъ соотвѣтствуетъ тому культурному уровню, на которомъ стоитъ въ данное время народъ—вотъ тотъ руководящій выводъ, который помогъ Новикову отрѣшиться отъ благочестиваго поклоненія старинѣ и помогъ ему связать старое и новое въ одинъ непрерывный процессъ развитія. Въ 1777 г. въ „Учен. Вѣдом.“ при рецензіи книги „Описаніе всѣхъ въ Россійскомъ государствѣ обитающихъ народовъ“ дано такое характерное приложеніе этого принципа: „Донынѣ усматриваемъ еще въ сихъ различныхъ народахъ превеликіе остатки нравовъ первобытныхъ вѣковъ; а чѣмъ болѣе мы и сосѣдствующіе намъ народы удаляемся отъ образа жизни праотцевъ нашихъ, тѣмъ достойнѣе и праведнѣе заслуживаютъ сіи остатки вниманіе наше“.

Съ этой же точки зрѣнія Новиковъ увидалъ, что и „между небогатымъ дворянствомъ и купечествомъ, а наипаче между крестьянами“ и понынѣ видны еще превеликіе остатки старинныхъ обрядовъ. Такой взглядъ на старину излечилъ Новикова отъ той заразы національнизма, какая тогда носилась въ воздухѣ, и онъ сумѣлъ взглянуть и на свое и на чужое только со стороны ихъ культурнаго развитія.

Но стариной и теперь Новиковъ хотѣлъ пользоваться, какъ лекарствомъ противъ нелѣпаго увлеченія иностраннымъ: во всѣхъ его ученыхъ изданіяхъ проводится мысль, что русскому нечего стыдиться своей родной обстановки, что въ ней такъ же имѣются достоинства, какъ и у другихъ народовъ. Не довольствуясь однимъ только изданіемъ памятниковъ, онъ мечталъ создать такой журналъ, посвященный старинѣ, который выяснялъ бы читателю живую связь старины съ современностью. Такъ, въ 1775 г. онъ объявилъ подписку на новое періодическое изданіе „Сокровище россійскихъ древностей“.

Цѣли этого изданія выясняются въ одномъ современномъ письмѣ, именно къ 1776 г. относится найденное въ бумагахъ М. Н. Муравьева его письмо къ Карманову, въ которомъ имѣются слѣдующія строки о Новиковѣ: „Извѣстный вамъ издатель россійской древней вивліоѳики пригласилъ меня къ изданію одного ежемѣсячнаго сочиненія, которое будетъ по большей части изъ переводовъ, касающихся вообще до нравоученія и исторіи... Заглавіе онаго есть „Сокровище россійскихъ древностей“.

Но изданіе, неизвѣстно почему, не состоялось. Вмѣсто него въ 1776 г. появилась книга „Повѣствователь древностей россійскихъ, или собраніе разныхъ достопамятныхъ записокъ, служащихъ къ пользѣ исторіи и географіи россійскихъ“ [1]), и здѣсь опять, какъ видно изъ предисловія, преслѣдовалась нравоучительная цѣль: показать современной дворянской молодежи, праздной и потому развращенной, трудовую обстановку ихъ предковъ. Документы, подобранные здѣсь, характеризуютъ все разныя стороны службы служилаго человѣка въ XVII в. Есть даже особая статья: „Чинъ бываемый, како подобаетъ, егда кто хощетъ Государю царю служити всею правдою, у его государевыхъ дѣлъ“.

Этотъ чинъ содержитъ обряды принятія на службу и тексты присяги при этомъ. Вся обстановка должна была внушить поступающему на службу сознаніе своей отвѣтственности передъ Государемъ и Государевымъ дѣломъ. „Сборникъ“ кончается четырьмя письмами изъ переписки царя Петра съ патріархомъ Адріаномъ, которыя какъ бы хотѣли указать молодому человѣку образецъ для подражанія въ служеніи государству.

Въ томъ же 1776 г. Новиковъ напечаталъ еще два историческихъ памятника: 1) „Исторія о невинномъ заточеніи ближняго боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева“. Это рядъ челобитій боярина царю и патріарху и другія его письма, и 2) „Скиѳская исторія, изъ разныхъ иностранныхъ историковъ, паче же изъ россійскихъ исторій и повѣстей, отъ Андрея Лызлова прилежными трудами сложенная и написанная лѣта 1692 г.“. Въ предисловіи къ первой книгѣ Новиковъ старается показать читателю примѣръ гуманнаго и просвѣщеннаго боярина, который умѣлъ дружить съ иностранцами и пользоваться ихъ просвѣщеніемъ, сохраняя въ то же время горячую привязанность къ своей родинѣ. Второе изданіе должно было показать, что въ нашей старинѣ были просвѣщенные и любившіе просвѣщеніе люди.

Оглядываясь на всю учено-издательскую дѣятельность Новикова, которая уже, очевидно, ведется имъ самимъ, и на тѣ взгляды издателя, какіе обнаруживаются въ примѣчаніяхъ, въ

---

[1]) Изданіе необычайно рѣдко, почему даже явилось предположеніе, что оно было уничтожено. Пользуемся здѣсь выписками изъ него, приведенными въ книгѣ Незеленова и 2-мъ изд. Вивліоѳики, гдѣ статьи „Повѣствователя“ были перепечатаны.

предисловіяхъ и т. п., можно только лишній разъ убѣдиться, что основныя убѣжденія издателя здѣсь тѣ же, какія онъ высказалъ въ сатирическихъ журналахъ: тотъ же принципъ, что достоинство человѣка создается не чинами и родомъ, а добродѣтелями и просвѣщеніемъ (въ „Словарѣ“), та же проповѣдь просвѣщенія, то же противопоставленіе здоровой трудовой жизни развращающей праздности моднаго общества, тотъ же призывъ быть дѣятельными и просвѣщенными гражданами для пользы родной страны, и такъ же, какъ и сатирическіе журналы, ученыя изданія Новикова свидѣтельствуютъ все о томъ же глубоко-сознательномъ взглядѣ издателя на свое дѣло, какъ и общественное служеніе. Разница только та, что теперь своимъ примѣромъ и неутомимой дѣятельностью Новиковъ успѣлъ организовать около себя „общество изъ нѣсколькихъ лицъ“, о которомъ онъ еще только мечталъ въ эпоху „Живописца“.

IX.

Масонство на Западѣ.

Идейное содержаніе, какое заключалось въ Новиковской журналистикѣ и научныхъ изданіяхъ, представляло собою всѣ необходимые элементы для построенія идеала добродѣтельнаго и просвѣщеннаго человѣка и гражданина въ просвѣщенномъ и справедливо устроенномъ обществѣ. Этотъ идеалъ былъ настолько высокъ, что освѣщалъ собою всѣ стороны жизни и былъ цѣлью, къ какой могли стремиться всѣ прогрессивные слои общества. По къ этому идеалу можно было итти разными путями. XVIII в. намѣтилъ здѣсь два главныхъ пути. На одномъ изъ нихъ указывалось на необходимость развитія человѣческаго разума и на созданіе съ его помощью разумнаго законодательства, которое могло бы перестроить всѣ стороны жизни. На другомъ находили, что одного развитія разума мало, что люди умственно-просвѣщенные не всегда бываютъ нравственно развитыми, и разумное законодательство не всегда способно создать необходимый уровень нравственности.

Необходимо моральное перерожденіе отдѣльныхъ личностей, а когда единицы переродятся, само собой перестроится и все общество. Первый путь указывала просвѣтительная философія XVIII в., различныя теченія которой въ обществѣ объединялись однимъ именемъ—„вольтерьянства“; второй—мистическія направленія, большинство которыхъ покрывалось словомъ „масонство“. Оба теченія въ основѣ своей были протестомъ развивающейся мысли противъ тѣхъ путъ, какія накладывались на нее феодальнымъ государствомъ и католической церковью, и потому вначалѣ не раздѣлялись, а шли параллельно и даже сливались временами въ одно русло.

Если взять „Книгу Конституцій“ Андерсона, которая въ 1723 г. была признана англійскимъ, самымъ раннимъ по времени, масонствомъ за сводъ основныхъ масонскихъ законовъ, то ея основное содержаніе подойдетъ къ англійскому деизму: то же признаніе чистой идеи Божества и естественнаго нравственнаго закона, заложеннаго Богомъ въ человѣческое сознаніе, тѣ же требованія полной свободы совѣсти и то же признаніе естественнаго равенства людей.

Эти деистическо-моральныя идеи сближали „вольтерьянство“ и „масонство“ даже тогда, когда оба направленія далеко разошлись между собой, и когда сторонники ихъ были уже въ ожесточенной враждѣ. Такъ, напримѣръ, въ послѣдней четверти XVIII в. страстная вѣра въ грядущее торжество человѣческаго разума и въ человѣческое братство, на немъ основанное, какой проникнута вся книга Кондорсе, совпала съ такой же вѣрой Лессинга, исповѣданной въ его „Масонскихъ разговорахъ“. Можно сказать, что въ началѣ между вольтерьянствомъ и масонствомъ разница была не въ идейномъ содержаніи, а лишь въ настроеніи: люди съ логическимъ складомъ ума захватывались вольтерьянствомъ, натуры сентиментальныя тяготѣли къ масонству.

Но, какъ было уже указано выше, во второй половинѣ вѣка въ просвѣтительной философіи совершился сдвигъ къ радикализму, отъ Вольтера къ Руссо, а потомъ къ энциклопедистамъ. Начиная съ 70-хъ гг. радикализмъ философскій связывается съ политическимъ, философы покидаютъ сферу міровыхъ вопросовъ и спускаются со своимъ изслѣдованіемъ въ области практической жизни. Численный составъ „философовъ“ возрастаетъ, они чувствуютъ себя уже могучей силой, которая опирается на сочувствіе къ ихъ идеямъ широкихъ слоевъ буржуазной публики, для философовъ теперь не нуженъ уже союзъ съ монархами, за который и въ теоріи и на практикѣ держался Вольтеръ, наоборотъ, монархамъ объявлена война, которая мало-по-малу становится такой же безпощадной, какъ раньше была война съ католической церковью. Этотъ сдвигъ „вольтерьянства“ бросался въ глаза и современникамъ: въ 1773 г. доктора Парижскаго у-та задали на премію тему, которая надѣлала много шуму: „Такъ называемая современная философія одинаково враждебна божеству и королямъ“. „Самъ Вольтеръ долженъ былъ къ концу жизни сдѣлать надъ собой усиліе,

чтобы остаться „вольтерьянцемъ“. Вольтерьянство это былъ теперь боевой кличъ“ [1]).

Выше была указана та смѣна идей, какая произошла въ просвѣтительной философіи: развитіе матеріализма въ области философскихъ построеній и появленіе коммунистическихъ теорій въ области соціальныхъ программъ.

Эта смѣна дѣлала невозможнымъ какое-либо соприкосновеніе съ мистицизмомъ и съ его программой переустройства общества съ помощью моральнаго перерожденія личности, и съ тѣхъ поръ мистики были сопричислены къ тѣмъ исконнымъ врагамъ-іезуитамъ, съ которыми философія вела наиболѣе длительную и ожесточенную борьбу. Всякій мистицизмъ былъ признанъ гасителемъ разума. А мистики, въ свою очередь, всѣхъ философовъ зачислили въ разрядъ слугъ антихриста. Развитіе мистицизма идетъ параллельно съ ростомъ радикализма раціоналистической философіи и даже отчасти подъ вліяніемъ его: философская мысль своими смѣлыми отрицаніями пугала людей вѣрующихъ и, разрушая старыя цѣнности, не давала имъ положительныхъ, новыхъ. Поэтому послѣдовательный раціонализмъ казался многимъ слишкомъ сухимъ и суровымъ. Уже философія Руссо была протестомъ противъ чрезмѣрнаго развитія разума и пренебреженія живымъ непосредственнымъ чувствомъ. Дальнѣйшей реакціей раціонализму былъ мистицизмъ.

Корень его въ XVIII в. Шаховъ находитъ въ реакціи раціонализму: „Къ нему клонились сентиментальныя натуры, которыя не могли удовлетвориться логическими выводами просвѣщенія, которыя искали пищи для чувства и фантазіи и не находили ея въ системахъ просвѣтительнаго раціонализма. Между тѣмъ нѣкогда господствовавшія оффиціальныя вѣрованія были разрушены: къ нимъ подорвано было довѣріе. Такимъ образомъ, „чувствительныя души“ предоставлены были сами себѣ: философія ихъ не удовлетворяла, оффиціальная религія была оттѣснена, приходилось создавать новую вѣру. Выраженіемъ этой потребности и служатъ мистическія теоріи“ [2]).

Въ противовѣсъ раціонализму мистики думали, что настоящія знанія можно получить не путемъ развитія разума и упорнаго изслѣдованія природы, а путемъ внутренняго просвѣтленія, ко-

---

[1]) Милюковъ, с. 338.

[2]) Шаховъ, „Вольтеръ и его время“ с. 330.

торое дается свыше и открываетъ человѣку всѣ тайны міра. Они указывали, что вся природа человѣческая послѣ грѣхопаденія въ раю была испорчена грѣхомъ, испорченъ и разумъ человѣка: онъ можетъ служить лишь тѣлеснымъ потребностямъ его, но не можетъ утолить божественнаго духа, который осужденъ томиться въ человѣческомъ тѣлѣ, какъ въ темницѣ. Грѣхопаденіемъ испорчена и вся природа вселенной, и потому изучать ее—это значитъ изучать лишь искаженное, что не можетъ дать понятія объ истинномъ. Нужно избрать другой путь для достиженія истины: нужно очистить себя отъ грѣховныхъ склонностей и тѣмъ создать въ себѣ внутренній храмъ, въ которомъ могло бы вселиться Божество: внутреннее сліяніе съ нимъ озаритъ душу человѣческую немеркнущимъ свѣтомъ, который дастъ ей познаніе истины.

Въ книгѣ Сенъ-Мартена „О заблужденіяхъ и истинѣ (1775 г.),—книгѣ, которую прилежно изучали и благоговѣйно комментировали мистики, и самое имя автора которой дало новое названіе масонамъ—„мартинистовъ", положительное опытное знаніе объявляется совершенно ненужнымъ. „Слѣдить за матеріей,—говоритъ онъ,—значитъ толочь воду. Я позналъ лживыя науки міра сего и позналъ, почему міръ не можетъ ничего постичь: на эти науки направлены только низшія способности человѣка. Для наукъ человѣческихъ нуженъ одинъ разумъ, онѣ не требуютъ души; между тѣмъ для наукъ божественныхъ разума не нужно, ибо душа ихъ всѣ порождаетъ" [1]).

Такой приговоръ разуму дѣлаетъ вполнѣ понятнымъ отзывъ Вольтера объ этой книгѣ: „Не думаю, чтобы когда-либо было напечатано что-либо болѣе абсурдное, болѣе темное, сумасшедшее и глупое, чѣмъ эта книга" [2]).

Масонство давало мистическому настроенію опредѣленную организацію. Раньше всего она создалась въ Англіи, гдѣ религіозная и общественная мысль развилась ранѣе и къ XVIII в. уже завоевала себѣ извѣстную независимость. Здѣсь въ 20-хъ гг. XVIII в. группа лицъ, проникнутыхъ идеей общечеловѣческаго братства, воспользовалась для своего объединенія старинной формой организаціи цеха каменщиковъ. Какъ всякій цехъ, каменщики имѣли право на самоуправленіе и пользовались отъ

---

[1]) Шаховъ, с. 327.
[2]) Ib., с. 327.

государства привилегіей собственнаго суда для своихъ членовъ, откуда ихъ названіе „свободныхъ каменщиковъ“ (Free Masons), усвоенное мистическими организаціями. Каждая цеховая корпорація имѣла собственное помѣщеніе, гдѣ хранились статуты цеха, архивъ, отчасти инструменты, и гдѣ происходило засѣданіе совѣта цеха. Такое помѣщеніе обыкновенно называлось словомъ lodge—ложа. Англійскіе мистики и образовали изъ себя такую вотъ ложу свободныхъ каменщиковъ. Усвоивъ себѣ цеховую организацію, они приняли и всѣ термины ея, удержали инструменты каменщиковъ—молотокъ, лопатку, циркуль, наугольникъ и отвѣсъ, и сохранили профессіональную одежду—передникъ или запонъ и рукавицы; но всей этой цеховой внѣшности они давали символическое объясненіе. Мистики говорили, что ихъ работа—построить „внутренній храмъ“—объединить всѣхъ людей въ нравственно-чистое человѣчество, для чего каждый долженъ былъ „обтесать“ свой дикій природный камень и сдѣлать его пригоднымъ для общей постройки, т.-е. очистить себя отъ всего грѣховнаго и своимъ моральнымъ перерожденіемъ подготовить всеобщее перерожденіе человѣчества; молотокъ, какъ инструментъ каменщика, служилъ символомъ повиновенія и символомъ твердой воли, которая была необходима для планомѣрной борьбы со своими грѣховными склонностями, лопатка должна была ограждать сердце отъ пороковъ, а циркуль, наугольникъ и отвѣсъ должны были символизировать, что каждый долженъ руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ строгимъ соблюденіемъ справедливости; наконецъ, бѣлый передникъ символизировалъ постоянство работающаго, а бѣлыя перчатки—чистоту нравовъ его, безъ которой нельзя было приступать къ священной работѣ.

Самая „работа“ первоначальнаго англійскаго масонства была очень простой: въ упомянутой „Книгѣ Конституцій“ Андерсона она опредѣлялась, какъ религіозно-нравственное воспитаніе членовъ организаціи. „Каменщикъ обязанъ своимъ призваніемъ,—говорится здѣсь,—повиноваться нравственному закону; если онъ вѣрно понимаетъ это искусство, онъ не будетъ ни тупымъ отрицателемъ Бога, ни наглымъ развратникомъ... Каменщики обязываются только къ той религіи, въ которой люди согласны (т.-е. христіанской), и затѣмъ имъ предоставляется имѣть свои особенныя мнѣнія; т.-е. они обязываются быть людьми добрыми и вѣрными, людьми чести и честности, какими бы названіями они не отличались. Черезъ это масонство становится вершиной

всякаго человѣческаго соединенія и средствомъ утвердить вѣрную дружбу между людьми, которые иначе должны бы были оставаться въ вѣчномъ разъединеніи". Каменщики должны были относиться другъ къ другу по-братски, взаимно помогать и наставлять другъ друга. Равенство и любовь должны были царить въ ихъ союзѣ.

Въ него допускался всякій свободный и честный человѣкъ. Политическія стремленія заранѣе изгонялись изъ организаціи: „Каменщикъ, говорится въ Конституціяхъ, есть мирный подданный тѣхъ гражданскихъ властей, при которыхъ онъ живетъ и работаетъ, и никогда не долженъ вмѣшиваться въ заговоры, противные миру и благосостоянію народа, ни нарушать обязанностей къ властямъ... Поэтому, если бы братъ возмутился противъ государства, то его не слѣдуетъ въ этомъ поддерживать, но сострадать о немъ, какъ о несчастномъ человѣкѣ".

Такимъ исключеніемъ политической борьбы масонство хотѣло стать выше всякаго партійнаго духа, неизбѣжнаго при ней, но оно не было организаціей, которая бы проповѣдывала чисто личное совершенство: масонство не отказывалось отъ активной работы по распространенію просвѣщенія въ духѣ своего ученія. У Лонгинова приводится характерное въ этомъ отношеніи опредѣленіе задачъ масонства, сдѣланное опытнымъ братомъ, хотя и позднѣе „Конституцій" Андерсона: „Масонство видитъ во всѣхъ людяхъ братьевъ, которымъ оно открываетъ свой храмъ, чтобы освободить ихъ отъ предразсудковъ ихъ родины и религіозныхъ заблужденій ихъ предковъ, побуждая людей ко взаимной любви и помощи. Оно никого не ненавидитъ и не преслѣдуетъ, и цѣль его можетъ опредѣлиться такъ: изгладить между людей предразсудки кастъ, условныхъ различій происхожденія, мнѣній и національностей; уничтожить фанатизмъ и суевѣріе; искоренить международныя вражды и бѣдствія войны; посредствомъ свободнаго и мирнаго прогресса достигнуть закрѣпленія вѣчнаго и всеобщаго права, на основаніи котораго каждый человѣкъ призванъ къ свободному и полному развитію всѣхъ своихъ способностей; споспѣшествовать всѣми силами общему благу и сдѣлать такимъ образомъ изъ всего человѣческаго рода одно семейство братьевъ, связанныхъ узами любви, познаній и труда" [1]).

---

[1]) Слова одного изъ масоновъ, цитир. (безъ указ. автора) у Лонгинова, с. 60.

Если вспомнить, что масонство организовалось въ Англіи послѣ столѣтія двухъ революцій, въ которыя прошла упорная борьба королей съ народомъ и разныхъ религіозныхъ и политическихъ партій внутри народа, то будетъ понятно, что братскій союзъ, который хотѣлъ стать выше сословныхъ, политическихъ и религіозныхъ разногласій, удовлетворялъ общепризнанной потребности. Еще больше въ немъ нуждалась континентальная Европа, гдѣ гнетъ феодальныхъ и церковныхъ стѣсненій чувствовался гораздо ощутительнѣе, чѣмъ въ Англіи, и гдѣ уже давно, со временъ реформаціи, держались мистическія ожиданія царства Божія, которое должно быть принести всеобщее братство и равенство. Масонство нашло здѣсь, такимъ образомъ, подготовленную почву и быстро распространилось по Франціи, Бельгіи, Голландіи, Испаніи—(въ 20-хъ гг.), Германіи, Италіи, Швейцаріи, Португаліи, Польшѣ и даже въ Турціи—(въ 30-хъ гг.). Къ этому же времени оно проникло и въ Россію.

Но съ переходомъ въ феодальную Европу и съ широкимъ распространеніемъ среди разныхъ круговъ феодальнаго общества, первоначальное англійское масонство начинаетъ все болѣе и болѣе измѣняться: осложняется его ученіе, и его организующей силой начинаютъ пользоваться для самыхъ разнообразныхъ цѣлей. Это происходило потому, что идейное содержаніе англійскаго масонства было выражено въ необычайно широкихъ формулахъ, и съ нимъ случилось то же, что съ формулами просвѣтительной философіи: въ зависимости отъ надобностей ихъ наполняли различнымъ содержаніемъ.

„Орденъ (какъ стали звать позднѣе масонскій союзъ) представлялъ только немногіе положительные пункты содержанія; мы видѣли, что это было содержаніе деистическо-нравственное. Но онъ не имѣлъ строго опредѣленнаго кодекса вѣрованій, которыя могли бы составить точную догматическую религію, нужную для массы, и понятно, что при каждомъ переходѣ въ новую обстановку, орденъ долженъ былъ опредѣляться характеромъ самихъ людей. Масонство представляло внѣшнія формальности, проповѣдовало нравственную „работу“ надъ „камнемъ“, взаимную братскую помощь,—но ближайшее опредѣленіе религіозныхъ тенденцій, которыя, однако, могли существенно дѣйствовать на самый основной его характеръ, особенно при сильно развитомъ религіозномъ интересѣ XVIII в., было предоставлено индивидуальному выбору. Поэтому къ ордену могли принадле-

жать и люди довольно свободныхъ религіозныхъ воззрѣній, раціоналисты, отдѣлившіеся отъ оффиціальной церковности или равнодушные къ ней, и піэтисты со всѣми свойствами религіозной мечтательности и фантастики; здѣсь были и люди просвѣщенные, и здѣсь же могли найти себѣ пріютъ всевозможное мистическое шарлатанство, наглый обманъ и крайній обскурантизмъ. Наконецъ въ орденѣ, вѣроятно также довольно рано, могло появиться и не мало людей совершенно пустыхъ и ничтожныхъ, которые искали въ немъ одного развлеченія, потому что масонскія собранія дѣлались и простой застольной бесѣдой; или людей избалованныхъ аристократической лѣнью и желавшихъ, цѣною нѣсколькихъ формальностей, достигнуть высшаго знанія, на которое имъ не хотѣлось потратить времени, нужнаго для серьезной науки“ [1]).

Раньше всего первоначальное англійское масонство видоизмѣнилось во Франціи. Стюарты и ихъ приверженцы, обосновавшись послѣ изгнанія изъ Англіи во Франціи, задумали приспособить масонство для возвращенія себѣ престола. При благосклонномъ содѣйствіи себѣ іезуитовъ они преобразовали масонскій союзъ каменщиковъ въ рыцарскій орденъ для болѣе удобнаго привлеченія въ среду своихъ сторонниковъ вліятельной аристократіи, въ которой рыцарскія преданія удержались еще изъ среднихъ вѣковъ.

Для этой же цѣли они усилили торжественность обрядовъ ордена и вмѣсто первоначальныхъ трехъ степеней англійскаго масонства,—ученикъ, товарищъ и мастеръ—создали новыя, съ пышными титулами. Тогда же обнаружилось стремленіе отодвинуть основаніе масонства въ глубину прошлаго, чтобы придать ему больше таинственнаго значенія. Направленіе, или какъ стали выражаться, „система“, основанная происками Стюартовъ [2]), пустила прочные корни въ аристократической средѣ и въ 40-хъ гг. была окончательно разработана барономъ Гундомъ, который обѣщалъ Стюартамъ поддержку масонскихъ ложъ Германіи. Гундъ посредствомъ сфабрикованныхъ имъ подложныхъ грамотъ доказывалъ, что истинная масонская организація является преемницей средневѣковаго ордена Тампліеровъ.

---

[1]) Пыпинъ, Русское масонство въ XVIII в., „Вѣстн. Евр.“, 1867 г., II, с. 78.

[2]) Она называлась Клермонтской по имени Клермонтскаго іезуитскаго коллегіума, гдѣ впервые нашли себѣ пристанище изгнанные Стюарты.

По показанію одного сочлена этого новаго ордена, „Гундъ показалъ полномочіе, будто бы полученное имъ отъ истинныхъ хранителей и преемниковъ тайны тамплiерства и назначавшее его провинціальнымъ гросмейстеромъ всей Германіи и сѣвера. Онъ самъ составилъ себѣ орденскій совѣтъ изъ членовъ, которыхъ содѣйствіе считалъ особенно нужнымъ и полезнымъ для достиженія своей цѣли. Этимъ способомъ и нѣкоторыми другими средствами дѣло пріобрѣло большой успѣхъ. Въ самомъ тайномъ кружкѣ этого союза былъ введенъ весь церемоніалъ и все устройство рыцарскаго ордена...; при раздачѣ степеней онъ соображался съ происхожденіемъ, связями, богатствомъ. Эта система отдѣлилась отъ всѣхъ вѣтвей масонства, и правители ея требовали отъ подчиненныхъ имъ ложъ, чтобы онѣ не допускали въ свой составъ никакихъ другихъ братьевъ изъ другихъ ложъ... Видя, что множество богатыхъ и знатныхъ людей ревностно предавались этой отрасли масонства, очень многіе стремились попасть въ ихъ общество. Но доступъ былъ нелегокъ и открытъ далеко не каждому: особеннымъ затрудненіемъ были огромныя издержки и правило, по которому принимались въ члены почти только богатые люди, чтобы ихъ приношеніями покрывались расходы и составлялись капиталы“ [1]).

Изъ этихъ капиталовъ главари тамплiерства проектировали даже выплачивать ежегодно рыцарямъ высшихъ степеней отъ 300 до 1000 талеровъ, но это предпріятіе не удалось (Лонгиновъ, с. 69).

Въ тамплiерствѣ было уже шесть степеней, въ которыя постепенно возводились посвящаемые, но мало-по-малу являлись охотники отодвинуть начало масонства еще дальше тамплiеровъ средневѣковья: его связывали постепенно съ таинствами римлянъ, грековъ, ассиро-вавилонянъ, египтянъ и, наконецъ, дошли до того, что стали считать основателемъ масонства самого праотца Адама. Вмѣстѣ съ тѣмъ и число степеней, принятыхъ разными системами, все возрастало: дошло до того, что въ 1814 г. въ парижской ложѣ Мизраима насчитывали ихъ девяносто.

Такъ какъ въ тамплiерствѣ братья изъ другихъ ложъ не допускались на засѣданіе, что было обычно въ остальныхъ случаяхъ, такъ какъ эта система строго настаивала на происхожденіи своемъ отъ средневѣковыхъ тамплiеровъ, и такъ какъ братья по ней были обязаны безпрекословнымъ повиновеніемъ мастерамъ,—она

---

[1]) Цитир. у Пыпина, „В. Европы“, 1867 г., т. II, с. 79.

получила названіе „строгаго наблюденія“ (stricta observantia). Главнымъ мѣстомъ распространенія этой системы была Германія.

Несмотря на большой успѣхъ системы „строгаго наблюденія“, въ ней, собственно, не было какого-либо отличнаго отъ другихъ масонскихъ системъ ученія, кромѣ пункта о преемственности отъ средневѣковыхъ тампліеровъ, хотя въ ней и манили посвященныхъ открыть имъ въ высшихъ степеняхъ „тайну“ настоящихъ тампліеровъ. Тампліерство, такимъ образомъ, было организаціей, къ какой могли приспособиться разныя ученія. Во Франціи въ ложахъ этой системы укрѣпилось ученіе Сенъ-Мартена, книга котораго о „Заблужденіяхъ и истинѣ“ пользовалась большимъ почитаніемъ у мистиковъ.

Сенъ-Мартенъ въ существенныхъ чертахъ сохранилъ систему строгаго наблюденія, поскольку она давала формы организаціи, но ввелъ въ ней свое ученіе, и такимъ образомъ получилась „система“ мартинизма.

Въ Швеціи система „строгаго наблюденія“ проникласъ еще ранѣе распространившимся тамъ „ученіемъ“ Сведенборга. Самъ авторъ выводилъ его отъ древнихъ египтянъ; въ сущности это была вѣра въ таинственное вліяніе различныхъ духовъ на человѣка, въ магическіе пріемы, съ помощью которыхъ съ ними можно сообщаться, и въ магнетизмъ, которымъ можно пользоваться для передачи своего вліянія. Самъ авторъ считалъ себя въ состояніи постигать еще и особый „небесный“ смыслъ Св. Писанія, утаенный отъ смертныхъ.

Тамъ же, въ Швеціи, нашла себѣ пристанище и система „слабаго наблюденія“, основателемъ которой былъ берлинскій медикъ Циннендорфъ. „Система“ эта состояла въ томъ, что ея основатель не призналъ происхожденія масонства отъ тампліеровъ, но по своей организаціи она напоминала все тѣ же степени тампліерства.

Всѣ различныя системы, въ какія осложнилось на континентѣ первоначальное простое англійское масонство, уже не довольствовались „работой“ нравственнаго самоусовершенствованія, все болѣе и болѣе развивалось представленіе о какой-то тайнѣ, которую знали въ далекомъ прошломъ благочестивые люди и которую стремились теперь разыскать. Въ этихъ розыскахъ мистики сближались со средневѣковыми алхимиками, которые тоже искали магическихъ знаній, дающихъ ключъ къ пониманію всѣхъ силъ природы и средство для управленія ими. Нѣмецкіе мистики конца XVII и начала XVIII в., еще до по-

явленія масонства, мечтали проникнуть путемъ внутренняго просвѣщенія, даруемаго свыше, въ тайны природы и пытались практически заняться алхиміей. Неугасшая вѣра въ ея чудодѣйственныя знанія вновь разжигалась масонскими поисками тайнъ природы. Не слѣдуетъ забывать, что въ XVIII в. научное естествознаніе еще только зарождалось, физика и химія не пустили еще въ широкій оборотъ своихъ систематизированныхъ свѣдѣній, которыя бы застраховывали отъ увлеченій алхиміей и магіей. Наоборотъ, „сама наука въ то время какъ разъ нападала на путь, который, казалось, велъ туда же, куда стремилась проникнуть и натурфилософія. Ученой новинкой, поразившей воображеніе тогдашней публики, были первыя открытія химіи. Вещества, повидимому, простыя, какъ воздухъ и вода, оказались сложными. Являлась надежда открыть еще болѣе первичные элементы, въ которыхъ и ожидали найти начало всѣхъ началъ и ключъ къ превращенію однихъ веществъ въ другія“ [1]).

Самыя „тайны“ природы поэтому представлялись не научными законами, знаніе которыхъ даетъ возможность пользоваться ея силами, а какимъ-то вѣщимъ словомъ, секретъ котораго откроетъ сразу полное господство надъ природой. Отсюда можно было питаться вѣрой, что Богъ, который хранитъ эту „тайну“, можетъ сообщить ее по своему усмотрѣнію вѣрующему.

Изъ масонскихъ „системъ“, гдѣ ученіе магіи и алхиміи было оффиціально принято, особенную извѣстность получилъ орденъ розенъ-крейцеровъ (злато-розоваго креста), образовавшійся въ 70 гг. XVIII в. въ Германіи. Усвоивъ себѣ общую организацію тамплiерства, онъ высшія свои степени отвелъ спеціальнымъ занятіямъ, теоретическимъ и практическимъ, магіи и алхиміи.

Лонгиновъ въ своей книгѣ приводитъ описаніе имѣвшихся у него таблицъ розенкрейцеровъ, которыя развѣшивались по стѣнамъ ложи. Вотъ программа въ нихъ розенкрейцерскихъ знаній, расположенныхъ по девяти степенямъ ордена.

а) „Первая часть института, правила порядка, церемоніалъ, катехизисъ и химическіе знаки. б) Коллегіальныя книги и теоретическая часть института. в) Приготовленіе хаосскаго минеральнаго электрума, но безъ открытія истиннаго его опредѣленія. г) Познаніе минеральныхъ силъ природы и соединеніе знанія съ дѣломъ набѣло, если не начерно. д) Познаніе со-

---

[1]) Мидюковъ, Очерки, III, с. 357.

вершенное земно-философскаго солнца и произведеніе чудесныхъ исцѣленій. е) Изготовленіе нѣкоторыхъ изъ четырехъ первыхъ минеральныхъ партикуляр-камней и тингированіе набѣло и начерно. ж) Знаніе о великомъ дѣлѣ натуры, кабалѣ и магіи натуральной. з) Познаніе вмѣстѣ съ тремя главными науками о царствахъ природы великаго универсала, совершеніе дѣла и имѣніе у себя камня мудрыхъ. и) Окрытіе въ натурѣ всего, кромѣ божественныхъ силъ и тайнъ, обладаніе надъ всѣмъ и сравненіе въ знаніяхъ съ Моисеемъ, Ааропомъ, Гермесомъ, Соломономъ и Гирамъ-Апифомъ“ [1]).

Какъ видно изъ переписки московскихъ послѣдователей розенкрейцерства, подъ этими таинственными терминами скрывалась „наука“ о средствахъ дѣлать золото посредствомъ особаго философскаго камня, составлять универсальное лекарство, которое помогаетъ отъ всѣхъ болѣзней и можетъ продолжить жизнь человѣческую на многіе годы, а рядомъ съ этимъ вообще стояло умѣніе пользоваться таинственными силами природы. Самое управленіе ордена отличалось отъ другихъ тѣмъ, что начальники его были неизвѣстны рядовымъ братьямъ; въ указанныхъ таблицахъ упоминается всего 7 великихъ маговъ, которые управляютъ дѣлами ордена и въ совершенствѣ знаютъ всю его „тайну“. Мѣстомъ ихъ жительства указаны: Кипръ, Палестина, Мексика, Италія, Персія, Германія, Индія и Англія. Старшій изъ семи маговъ, такъ наз. magus magorum, обладалъ высшей мудростью: одинъ нѣмецъ изъ московскаго кружка розенкрейцеровъ записываетъ въ своемъ дневникѣ, что этотъ старшій магъ могъ видѣть самого Христа, какъ обычно видятъ человѣка.

Введеніе въ масонство алхиміи и магіи, а также допущеніе таинственности начальствующихъ лицъ, позволило цѣлому ряду крупныхъ и мелкихъ шарлатановъ эксплоатировать довѣрчивую и жадную до чуда публику. Одни промышляли вызываніемъ духовъ магическими фокусами, другіе торговали косметическими средствами и лекарствами отъ разныхъ тайныхъ и явныхъ болѣзней, наконецъ, третьи сманивали таинственными рецептами для приготовленія золота изъ неблагородныхъ металловъ.

Нѣкоторые изъ подобныхъ „чудотворцевъ“ получили громкую извѣстность по всей Европѣ: таковъ пасторъ Роза, извѣстный мистическими чудесами, Шрёпферъ, знавшій секреты пригото-

---

[1]) Лонгиновъ, с. 84.

влять цѣлительные составы, исправлять брильянты и вызывать духовъ, таковъ и еще болѣе ихъ знаменитый „графъ“ Каліостро, владѣвшій всѣми „знаніями“ предыдущихъ и, что казалось всѣмъ особенно важнымъ, умѣвшій приготовлять золото.

Отъ ихъ тайнъ никто не разбогатѣлъ, но сами они жили недурно. Нѣкоторые изъ мистиковъ сами указывали на сомнительность ихъ чудесъ. Такъ, напр., въ упомянутомъ дневникѣ нѣмецкаго розенкрейцера изъ московскаго кружка про Шрепфера записано, что онъ сперва угощалъ пуншемъ тѣхъ лицъ, которыя хотѣли присутствовать на его сеансахъ и даже что-то подмѣшивалъ въ него для большаго успѣха чудесъ, что онъ постоянно носилъ съ собой пистолетъ, чтобы застрѣлить возможныхъ обличителей, и что послѣ его смерти въ одной аптекѣ на немъ остался большой долгъ за фосфоръ. Но такія указанія не мѣшали вѣрить въ чудеса даже самому критику ихъ: во многихъ мѣстахъ своего дневника онъ засвидѣтельствовалъ эту вѣру [1]).

Настоящіе ревностные масоны, которымъ претило такое знахарство и фокусничество, не разъ пытались реформировать масонство и очистить его отъ подобныхъ искаженій. Для этого устраивались масонскіе конгрессы, на нихъ издавались извѣстныя постановленія, руководители обращались съ циркулярами по ложамъ, но толку отъ такихъ конгрессовъ было мало: мистическія ученія нельзя было по самому ихъ существу заключить въ какой-либо символъ, ибо въ основѣ ихъ всегда лежало признаніе непосредственнаго откровенія отъ Бога, и каждый, слѣдовательно, могъ на этомъ основаніи оправдывать свое пониманіе, а кромѣ того, покуда сами масоны допускали возможность магіи и алхиміи, всегда были возможны проявленія болѣе или менѣе ловкаго шарлатанства въ этой области. Правда, серьезные масоны разграничивали божественную магію отъ такъ называемой „какомагіи“, т.-е. ложной магіи: первая, говорили они, отличается отъ второй тѣмъ, что знающіе ее не употребляютъ ее въ своихъ собственныхъ корыстныхъ видахъ, но, очевидно, это разграниченіе было слишкомъ неопредѣленнымъ. Было только одно дѣйствительное средство для борьбы съ туманомъ мистицизма—это распространеніе просвѣщенія, и можно указать не мало лицъ, трудившихся въ этой области. Таковъ

---

[1]) Пекарскій, Дополненія къ исторіи масонства въ Россіи, с. 90—91.

былъ, напр., знаменитый тогда берлинскій издатель и книгопродавецъ Николаи, журналисты Гедике и Бистеръ, извѣстный писатель Боде, которые своими изданіями, комментаріями къ масонскимъ сочиненіямъ и разоблаченіями различныхъ тайнъ розенкрейцерства немало помогали разсѣять туманъ. Но это дѣло было нелегкое: чтобы разоблачить, напр., подложность масонскихъ грамотъ, нужны были тщательныя историческія архивныя разысканія, а потомъ, когда такія разоблаченія начались, масонскія организаціи еще болѣе окружили себя тайной, и приходилось такъ или иначе добиваться возможности попасть въ эти организаціи для наблюденій.

Для большаго успѣха въ борьбѣ съ розенкрейцерами организовался даже особый орденъ иллюминатовъ, первоначально въ Мюнхенѣ. Основатель его, Вейсгауптъ, придалъ своей организаціи обычныя масонскія формы, но велъ въ ней пропаганду идей тогдашней просвѣтительной философіи, т.-е., главнымъ образомъ, идей природнаго равенства и гражданской свободы.

Цѣлый рядъ выдающихся лицъ входилъ одно время въ составъ этого ордена, въ числѣ ихъ мы видимъ Песталлоцци, Гердера, Гёте [1]).

Противъ иллюминатовъ естественнымъ образомъ выступили тѣ изъ масоновъ, которые принципіально не раздѣляли ихъ идей, а кромѣ того—правительства и церковь. При помощи іезуитовъ противники иллюминатовъ ославили ихъ, какъ опасную секту, которая стремится къ полному политическому и соціальному перевороту: хочетъ уничтожить государство, религію, собственность. Были пущены въ оборотъ слухи о безнравственныхъ цѣляхъ иллюминатскаго ордена, о томъ, что здѣсь организуется развратъ, предпринимаются разгромы богатыхъ людей, изготовляются разныя средства для преступныхъ цѣлей. Всѣми этими слухами, которымъ весьма ловко придавался характеръ достовѣрности и даже документальности, противникамъ иллюминатовъ удалось внушить къ нимъ какой-то особый суевѣрный ужасъ и отвращеніе, которые, конечно, еще болѣе усилились послѣ французской революціи. У нашихъ московскихъ масоновъ страхъ, какъ бы не попасть въ руки иллюминатовъ, сказывается на каждомъ шагу.

Здѣсь были указаны только тѣ изъ главныхъ масонскихъ „системъ“, которыя необходимы для пониманія исторіи русскаго

---

[1]) Пыпинъ, „В. Е.“, 1867 г., IV, с. 40.

масонства; на самомъ дѣлѣ, конечно, различныхъ системъ было гораздо больше. Множество толковъ и „тайна“, которой закрывались другъ отъ друга враждебныя организаціи, порождали у серьезныхъ масоновъ неувѣренность въ истинности своей системы и развивали настойчивое стремленіе найти „истинное“ масонство. Разбираясь въ подробностяхъ и въ надстройкахъ разныхъ системъ, такіе масоны приходили къ выводу, что должна всегда оставаться въ масонствѣ одна центральная идея: человѣкъ можетъ путемъ личнаго перевоспитанія достигать перевоспитанія всего общества.

X.

Вольтерьянство въ русскомъ обществѣ.

Оба направленія общественной мысли, какія дѣйствовали на Западѣ—вольтерьянство и масонство—отразились и у насъ на Руси. И такъ же, какъ на Западѣ, вначалѣ оба эти теченія не раздѣлялись: въ началѣ 60 гг. московская молодежь, съ Херасковымъ во главѣ, идеи просвѣтительной философіи и идеи масонства одинаково отражаетъ въ своемъ журналѣ „Полезное увеселеніе“, въ семидесятыхъ годахъ въ числѣ посѣтителей петербургской масонской ложи Уранія былъ Радищевъ, впослѣдствіи принципіальный врагъ всякаго мистицизма. Еще меньше могла подмѣтить разницу двухъ направленій рядовая масса русскихъ читателей: она безъ различія употребляла названіе „вольтерьянца“ и „фармазона“ по отношенію къ передовой интеллигенціи. И такъ же, какъ на Западѣ, оба эти теченія распространялись у насъ не одинаково широко; по крайней мѣрѣ, до 80 гг., когда въ Москвѣ началась успѣшная издательская дѣятельность Новикова, вольтерьянство безусловно преобладало, и можно бы сравнить вольтерьянство съ широкой рѣкой, по отношенію къ которой масонство было мелкимъ притокомъ. Писательская дѣятельность Вольтера, Монтескье, Руссо и энциклопедистовъ, конечно, даже въ сравненіе не можетъ итти по своей производительности съ единичными произведеніями немногихъ мистиковъ, а у насъ въ Россіи „вольтерьянство“ вначалѣ покровительствовалось еще и властью: Екатерина сама пропагандировала философскія идеи въ своихъ сочиненіяхъ, переводила вмѣстѣ съ придворными Мармонтелева „Велизарія“, который былъ запрещенъ парижской Сорбонной, какъ произведеніе, подрывающее религію, основала спеціальное общество перевод-

чиковъ, въ числѣ которыхъ выступилъ и Радищевъ. Такое отношеніе власти къ просвѣтительной философіи поощряло и частныхъ лицъ распространять ея идеи.

Статистика книгоиздательства въ XVIII в. показываетъ, что въ первое же десятилѣтіе царствованія Екатерины вышло почти въ пять разъ больше книгъ, чѣмъ за десятилѣтіе до нея (съ 1751 по 1760 [1]).

Цѣлыхъ 40% изъ этихъ новыхъ изданій, какъ указываетъ Милюковъ, представляли матеріалъ для свѣтскаго чтенія: романы, повѣсти, стихотворныя и драматическія сочиненія, которыя, какъ указано выше, служили главнымъ средствомъ популяризаціи новыхъ идей.

Изъ переводовъ большая доля падала на Вольтера, изъ 140 русскихъ переводовъ его, какіе насчитываются за XVIII и XIX в., большая доля приходится на XVIII в. Кромѣ печатныхъ переводовъ, большое число ихъ распространялось въ рукописяхъ. По словамъ митрополита Евгенія, „письменный Вольтеръ былъ тогда столько же извѣстенъ, какъ и печатный". Винскій, офицеръ временъ Екатерины, въ своихъ запискахъ свидѣтельствуетъ, какъ онъ въ библіотекѣ уфимскаго губернатора нашелъ всѣ главныя произведенія тогдашнихъ философовъ, и самъ перевелъ изъ нихъ много и пустилъ въ тетрадкахъ среди дворянскаго общества. Кромѣ переводовъ, большое количество философовъ было извѣстно въ подлинникахъ, такъ какъ французскій языкъ былъ тогда разговорнымъ въ высшемъ дворянскомъ обществѣ, а кромѣ него, многіе знали и другіе языки. Имѣть большую библіотеку изъ извѣстныхъ авторовъ считалось тогда признакомъ хорошаго тона, и такихъ библіотекъ встрѣчалось дѣйствительно немало. Оффиціальныя цензурныя свѣдѣнія, какія собирались при Павлѣ, показали, что „сочиненія Вольтера ввозились тогда въ великомъ множествѣ и находились во всѣхъ книжныхъ лавкахъ".

Кромѣ печатныхъ и рукописныхъ сочиненій, философскія идеи пропагандировались еще и въ тогдашнихъ школахъ: со временъ Екатерины французская философія начала усиленно преподаваться въ кадетскихъ корпусахъ; въ университетѣ, кромѣ общаго ея преподаванія, ей отводились спеціальные курсы, такъ, напр., въ 80 гг. проф. Московскаго у-та Яковъ Шнейдеръ

---

[1]) Милюковъ, с. 336.

имѣлъ курсъ: „Разсужденіе на Монтескіеву книгу Духъ Законовъ“. Эта же философія прививалась учителями и гувернерами изъ образованныхъ иностранцевъ, какіе стали теперь появляться въ частныхъ домахъ зажиточнаго дворянства на смѣну прежнимъ, съ ней же встрѣчались во время поѣздокъ за границу. При множествѣ путей, которые давали знакомство съ французской философіей, она широко распространялась въ русскомъ обществѣ. Среди столичнаго дворянства встрѣчались общепризнанные знатоки этой философіи, изумлявшіе своими познаніями даже самихъ французовъ. По свидѣтельству современника, французы-эмигранты, какіе во множествѣ прибывали въ Россію во время революціи, удивлялись, что люди высшаго общества лучше знаютъ сочиненія Руссо и рѣчи Мирабо, чѣмъ ихъ знаютъ во Франціи. Но и въ провинціи знакомство съ новой философіей было немалое, объ этомъ свидѣтельствуютъ чуть не всѣ записки современниковъ XVIII в. Идеи новой философіи, даже радикальныя, находили почитателей и среди русскаго духовенства: архіепископъ Платонъ читалъ въ своей келіи Вольтера, Гельвеція, Руссо; кіевскій митрополитъ, Евгеній Болховитиновъ семинаристомъ зачитывался ими; записки Добрынина, начавшаго свою карьеру архіерейскимъ служкой и вращавшагося, главнымъ образомъ, среди духовенства, а потомъ среди мелкаго провинціальнаго чиновничества, свидѣтельствуютъ о томъ же.

Что же брали у насъ на Руси изъ просвѣтительной философіи? Выше было указано, что въ ней заключался громаднѣйшій запасъ политическихъ и соціальныхъ идей разныхъ оттѣнковъ радикальности, было указано и то, что изъ нея каждый могъ зачерпнуть по мѣрѣ жажды своей. Прежде всего, конечно, эта жажда опредѣлялась классовымъ и сословнымъ положеніемъ отдѣльныхъ лицъ, а затѣмъ ихъ образованіемъ, которое должно было расчистить почву для философскихъ вліяній. На Западѣ просвѣтительная философія соотвѣтствовала оппозиціонному настроенію просвѣщенной буржуазіи, выражала ея интересы и питалась ея возбужденіемъ. У насъ она, главнымъ образомъ, распространялась среди дворянской массы, и для нея не всѣ идеи этой философіи оказывались пригодны. Дворянство выбирало изъ нихъ то, что соотвѣтствовало его конституціоннымъ настроеніямъ. Выше было указано, какъ раннее поколѣніе русской дворянской молодежи сумѣло приспособить новыя фи-

лософскія идеи для освѣщенія своего положенія, какъ по отношенію къ самодержавію, такъ и по отношенію къ крѣпостному праву. И теперь, когда просвѣтительная философія, поддерживаемая властью, сдѣлала у насъ крупные успѣхи, ея вліяніе сказывалось все въ томъ же направленіи дворянскаго либерализма. Первые шаги власти, Наказъ императрицы и Комиссія 1767 г., несомнѣнно, подогрѣли его до высокой температуры.

Примѣръ самаго стройнаго и разработаннаго міросозерцанія дворянства въ 70—80 гг. даютъ сочиненія кн. Щербатова, который по справедливости называется дворянскимъ публицистомъ XVIII в.

Кн. М. М. Щербатовъ родился въ 1733 г. и былъ, слѣдовательно, старшимъ современникомъ Новикова и Радищева. За три мѣсяца до переворота 1762 г. онъ уже вышелъ въ отставку со службы съ чиномъ капитана. Онъ получилъ хорошее домашнее образованіе, основательно познакомился съ тогдашней западно-европейской просвѣтительной литературой и сумѣлъ съ помощью ея философско-политическихъ идей осмыслить свое сословное положеніе, какъ потомка стариннаго дворянскаго рода, ведущаго свое происхожденіе отъ Рюрика. Начиная отъ своихъ отношеній къ Богу и кончая отношеніемъ къ крѣпостному крестьянину, Щербатовъ вездѣ выглядитъ человѣкомъ съ твердымъ убѣжденіемъ. Въ духѣ времени онъ исповѣдуетъ разумную религію деизма, въ духѣ времени онъ проникнутъ идеями естественнаго права по вопросу объ обществѣ и государствѣ. Но по всѣмъ вопросамъ въ идеи западныхъ авторитетовъ, въ родѣ Монтескье, онъ вноситъ свои оригинальныя поправки въ духѣ русской дѣйствительности XVIII в.

Къ ней онъ относился вдумчиво и сознательно и писалъ свои статьи по поводу самыхъ разнообразныхъ вопросовъ современности. Тутъ цѣлые трактаты объ управленіи, о нравственности, о церкви, о различныхъ сословіяхъ и ихъ отношеніи между собою, цѣлая соціальная утопія, цѣлый рядъ проектовъ и докладныхъ записокъ по крестьянскому вопросу, по поводу правительственныхъ мѣропріятій, по поводу голода, эпидемій, не говоря уже объ его многотомной исторіи. Тонъ его писаній никогда не бываетъ спокойнымъ, по всякому вопросу онъ говоритъ и споритъ страстно, не сообразуясь съ мнѣніемъ сильныхъ, рѣзко критикуя даже правительственныя мѣропріятія. Въ 1789 г., приблизительно за годъ до своей смерти, оглядываясь на свою про-

шлую публицистическую дѣятельность, Щербатовъ свидѣтельствуетъ, что онъ считалъ лучше имѣть въ своихъ рѣчахъ „нѣкоторое нетерпѣніе и чувствительность, происходящія отъ любви къ отечеству“, „нежели забыть отечество, не быть чувствительну къ тягостямъ ближняго, лгать изъ лести и подло раболѣпствовать“ [1]).

Гражданское настроеніе несомнѣнно чувствуется у Щербатова. Онъ скорбитъ, что „россійскій гражданинъ долженъ влачить тягость жизни своей, не имѣя ни твердыхъ законовъ, ни знающихъ правителей, ни правительствъ, довольною силою снабженныхъ; онъ долженъ ежедневно страшиться царя и вельможъ; жизнь, честь, имѣніе его не болѣе въ безопасности, какъ слабая лодка безъ руля среди сурово волнующагося моря. Нѣсть ни правила, коему бы могъ послѣдовать, ни пристанища, гдѣ бы зрилъ свое спасеніе“ [2]).

Такой порядокъ онъ находитъ въ корнѣ противорѣчащимъ дѣйствительнымъ задачамъ государства. Оно должно охранять естественныя права каждаго подданнаго, содѣйствовать осуществленію „общаго блага“, только для этой цѣли „люди уступили часть своей свободы и своихъ выгодъ, дабы другими частями безопасно пользоваться“ [3]).

Щербатову хотѣлось, чтобы правительство въ Россіи дѣйствовало на основаніи точныхъ законовъ, чтобы эти законы уважались властью, не были бы игрушкой въ рукахъ случайныхъ фаворитовъ государя, чтобы они соотвѣтствовали интересамъ народа; ему хотѣлось, чтобы при составленіи законовъ „каждый гражданинъ, по силѣ и могуществу своему, могъ полезный совѣтъ дать: ибо всѣ подъ закономъ должны жить, всѣ и участіе въ немъ должны имѣть“.

Но отсюда Щербатовъ не дѣлаетъ вполнѣ послѣдовательнаго вывода, что всѣ должны быть равны передъ закономъ и всѣ въ государствѣ должны пользоваться одинаковыми привилегіями, наоборотъ, онъ хотѣлъ бы для блага государства и общества выдѣлить изъ общей массы одно только дворянство и ему поручить заботу объ общемъ благѣ.

Въ своей утопіи „Путешествіе въ землю Офирскую“, которая

---

[1]) Соч. II, 247.
[2]) Соч. II, 251.
[3]) Соч. I, 421.

заключаетъ въ себѣ политическіе и соціальные идеалы автора, Щербатовъ рядомъ съ государемъ помѣщаетъ особое „вышнее правительство“, составленное изъ выбранныхъ отъ дворянства, которое имѣло власть законодательную, судебную и высшую административную; изъ того же сословія избиралось большинство членовъ государственнаго совѣта, и только въ томъ департаментѣ его, который вѣдалъ „домостроительство“, государственные доходы и торговлю, на ряду съ дворянскими депутатами присутствовало еще 15 депутатовъ отъ купечества. Правда, и здѣсь сказано, что относительно проектовъ новыхъ законовъ, которые заранѣе должны обнародоваться, всякій можетъ высказать свое мнѣніе, но эти „народныя мнѣнія“ могутъ и не приниматься во вниманіе вышнимъ правительствомъ. Такимъ образомъ, въ конституціи Щербатова дворянство выдвинуто выше всѣхъ остальныхъ сословій, ему почти исключительно принадлежатъ законодательныя права.

Необходимость такого выдѣленія дворянства Щербатовъ доказываетъ тоже ссылками на естественныя условія развитія человѣческой природы и человѣческаго общества. Дворянство— это сословіе, которое „отъ чести происходитъ и честью содержится“. Начало его Щербатовъ отодвигаетъ къ Адаму. Отъ Адама люди всѣ произошли „равно благородны“, но „сама природа, предупреждая наши суемудріи и располагая порядокъ общежитія человѣческаго, разными дарованіями разныхъ людей снабдила, яко мудро распредѣляя единыхъ быть правителями и начальниками, другихъ добрыми исполнителями, а, наконецъ, третьихъ слѣпыми дѣйствующими лицами“ [1]). Такимъ образомъ, Щербатовъ не соглашается здѣсь съ ученіемъ естественнаго права, что всѣ люди равны, онъ называетъ это ученіе „химерой новыхъ философовъ“, но, ссылаясь, въ духѣ времени, на природныя условія развитія, утверждаетъ, что сама природа предопредѣлила однимъ властвовать, другимъ—подчиняться. Избранники природы добились своей власти „не силой, но учиненными ими услугами, и привлекли къ себѣ почтеніе“ [2]). Разъ возникнувъ, это неравенство продолжало развиваться. „Дѣти и внучата сихъ благодѣтелей рода человѣческаго, поступкамъ предковъ своихъ подражая, то-жъ почтеніе къ себѣ привлекая,

---

[1]) Соч. I, 222.
[2]) Соч. I, 224.

удостоились сыны боговъ быть наименованы; и сіе есть начало благородства“ [1]).

Когда появилось государство, естественнымъ образомъ одни только благородные оказались пригодными управлять имъ, и теперь дворянинъ съ дѣтства пріучается къ управленію государствомъ, съ младенчества начинаетъ прислушиваться къ государственнымъ нуждамъ, съ молокомъ матери всасываетъ себѣ „честолюбіе“. Оно необходимо для правителя, и оно дворянину „толь сродно, какъ горячность огню и мокрота водѣ“ [2]).

Только среди благородныхъ и можно искать людей, годныхъ для управленія. Правда, эти люди могли бы явиться и среди другихъ группъ населенія, такъ какъ „не лишенъ отъ природы ни единый человѣкъ способовъ пріобрѣсти всѣ сіи нужныя (для управленія) знанія, и можетъ статься,—говоритъ Щербатовъ,—что даже между пахарей мы многихъ бы Александровъ и Цезарей нашли“, но здѣсь найти ихъ труднѣе, на это государству нужно бы потратить много времени „съ опасностью многія тысячи разъ ошибиться“, гораздо выгоднѣе обратиться къ благороднымъ, по самой природѣ своей уже предопредѣленнымъ властвовать [3]).

Только благородные, по мнѣнію Щербатова, имѣютъ безкорыстную любовь къ отечеству, необходимую, чтобы управлять имъ, человѣкъ же „низкорожденный“ не способенъ на это, такъ какъ „не зритъ онъ и не знаетъ знатныхъ своихъ предковъ, не побужденъ онъ славою ихъ, не поощренъ онъ именемъ своимъ“ [4]).

Въ частности, россійское дворянство Щербатовъ считаетъ самымъ добродѣтельнымъ, какое только имѣется во вселенной. Говоря объ его знатности, Щербатовъ совершенно игнорируетъ верстанье въ дворянство холоповъ, встрѣчавшееся въ Московской Руси XV—XVI вв.: не только такихъ верстанныхъ, но даже проникшихъ въ дворянство изъ низовъ по „табели о рангахъ“ Петра В. Щербатовъ не хочетъ считать благородными. Благородные—это лишь наслѣдственные властители. Такіе благородные на своихъ плечахъ вынесли все государственное

---

[1]) Соч. ib.
[2]) Соч. I, 230, 234 et cet.
[3]) Соч. I, 237—8.
[4]) Соч. I, 228.

строительство Руси. Объ историческихъ заслугахъ россійскаго дворянства Щербатовъ склоненъ говорить при каждомъ удобномъ случаѣ, и рѣчь его тогда звучитъ особенно вдохновенно.

Историческими заслугами Щербатовъ обосновываетъ и имущественныя права дворянъ. Онъ доказываетъ, что большая часть дворянскихъ земель „еще изъ древнихъ временъ дана государями въ оклады, а потомъ въ вотчины дворянамъ за ихъ вѣрную службу отечеству“, и эти земли дворяне „безпрестанно во всѣхъ случаяхъ ихъ пролитой кровью заслужили“ [1]). А такъ какъ, сверхъ того, дворянство самой природой было предопредѣлено къ власти, то Щербатовъ изъ основного своего понятія о дворянствѣ весьма послѣдовательно выводитъ что званіе дворянина, между прочимъ, „даетъ имъ право имѣть деревни и рабовъ, дабы, научаясь съ младенчества управлять своими деревнями, тѣмъ бы способнѣе были къ управленію частей имперіи“ [2]).

Самая природа этой имперіи, обширной и разнообразной въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ, „климатъ сей пространной имперіи“, по выраженію Щербатова, необходимо предполагаетъ помѣщичью власть, которая „всѣ разныя страны, сочиняющія Россійскую имперію, въ порядкѣ содержитъ“ [3]).

Помѣщикъ судитъ своихъ крестьянъ и награждаетъ ихъ „скоростью рѣшеній“; онъ „содержитъ въ безпрестанномъ трудолюбіи крестьянъ“ [4]) отвѣтствуетъ передъ государствомъ „о добромъ состояніи ихъ“ и за исправный сборъ повинностей, такъ что отъ этого бывали даже случаи, что помѣщикъ отвѣчалъ за нихъ своимъ имѣніемъ и разорялся. „Таковое учрежденіе,—прибавляетъ Щербатовъ,—толь есть полезно, что довольно извѣстный всему свѣту мудрыми своими правилами для законодательства г. Монтескье, въ трудѣ своемъ „О разумѣ законовъ“, точно россійское учрежденіе и сборъ доходовъ и связь между помѣщиками и ихъ подданными похваляетъ“ [5]).

Такимъ образомъ, польза частная для дворянъ и польза государственная отъ владѣнія крѣпостными у Щербатова удивительно гармонично связаны между собой. Оставалось лишь доказать,

---

[1]) Сб. И. О., XXXII, с. 489.
[2]) Соч., I, 114.
[3]) Сб. И. О., т. XXXVI, с. 310.
[4]) Соч., I, 97.
[5]) Сб. И. О., XXXII, с. 488.

что и для крестьянъ дворянская власть благодѣтельна, и Щербатовъ дѣйствительно это дѣлаетъ. Онъ указываетъ, что сама природа предопредѣлила имъ быть слѣпыми дѣйствующими лицами подъ управленіемъ благородныхъ, что эти благородные, „получа земли и деревни въ награжденіе за пролитую свою кровь и за разныя услуги, большую часть земель для пропитанія своимъ крестьянамъ уступили; снабдили ихъ лѣсами, снабдили ихъ лугами, надзираютъ, подобно какъ надъ дѣтьми своими, чтобы никто никакой обиды имъ не учинилъ, и чтобы между собой другъ друга не разоряли; ссужаютъ ихъ во время нужды и хлѣбомъ, и скотиной, и лошадьми“ [1]).

За всѣ эти благодѣянія помѣщики берутъ съ крестьянъ крайне немного, „оставляя по меньшей мѣрѣ двѣ трети времени на ихъ собственныя работы“. При такихъ условіяхъ можно ли сомнѣваться, что крестьяне были счастливы подъ властью отцовъ-помѣщиковъ? Щербатовъ въ одномъ изъ засѣданій комиссіи и констатировалъ это счастье: „Я съ засвидѣтельствованіемъ всѣхъ здѣсь находящихся господъ депутатовъ могу сказать, что оные (крестьяне) часъ отъ часу богатѣя, и благоденственнѣе становятся“ [2]).

Такому выводу о благоденствіи крестьянъ, по мнѣнію Щербатова, совсѣмъ не противорѣчатъ факты помѣщичьяго произвола и насилія надъ крестьянами и факты крестьянскихъ безпорядковъ.

Онъ совсѣмъ не закрывалъ на нихъ глаза, онъ соглашался, что среди дворянъ встрѣчаются лица, злоупотребляющія своей властью надъ крестьянами, благородно негодовалъ, что ихъ продаютъ въ розницу, безъ земли. „Устыдимся,—говорилъ онъ,—и о помышленіи одномъ, чтобы дойти до такой суровости, чтобъ равноестественныхъ намъ сравнять со скотами и поодиночкѣ продавать“, но всѣ эти факты, по его мнѣнію, не говорятъ противъ крѣпостного права, какъ института. Зло не въ институтѣ крѣпостного права, а въ отдѣльныхъ лицахъ, которыя имъ пользуются во зло. Само же по себѣ крѣпостное право благоденственно для крестьянъ и необходимо для государства. Поэтому, когда въ комиссіи были сдѣланы предложенія улучшить положеніе крестьянъ и для этого прежде всего

---

[1]) Соч., I, 129.
[2]) Сб. И. О., XXXVI, 310.

опредѣлить закономъ повинности ихъ въ пользу помѣщика, Щербатовъ самымъ рѣшительнымъ образомъ возсталъ противъ какой бы то ни было попытки эмансипаціи крестьянъ.

Стоитъ дать имъ хоть какія-нибудь права, и уже связь ихъ съ помѣщиками начнетъ расшатываться. „Единое имя свободы,— писалъ онъ,—въ сихъ непросвѣщенныхъ людяхъ не произведетъ ли умствованіе неподданства, до самой крайности доведеннаго?“ Ему казалось, что крестьяне тогда, забросивъ свои земли, будутъ добиваться своихъ правъ въ судахъ, будутъ „и въ самой справедливости, противъ нихъ учиненной, несправедливость находить, къ бунтамъ преклоняться и на жизнь помѣщиковъ возстанутъ“ [1]).

Стоитъ сдѣлать лишь одинъ шагъ на этомъ пути законодательнаго опредѣленія взаимныхъ отношеній помѣщика съ крестьяниномъ, и естественнымъ образомъ придется дойти до полной вольности крестьянъ, но „вольность,—указывалъ Щербатовъ,—не каждаго народа нравамъ согласоваться можетъ“. „Таковая вольность безполезна нашему государству. Ибо отъ нея хлѣбопашцы, расточивши свои имѣнія, не будучи связаны помѣщичьей властью, разбредутся, и тогда тѣ земли останутся совсѣмъ пустыми, а вмѣсто размноженія хлѣбопашества послѣдуетъ совершенное онаго истребленіе“.

Итакъ, въ интересахъ самихъ крестьянъ и въ интересахъ цѣлости государства не только не слѣдуетъ разрывать ту цѣпь, которая связываетъ крестьянъ съ помѣщиками, но „если бы возможно было, безъ утѣсненія надлежало бы стѣснить сей союзъ, ихъ взаимно связующій, а не клопиться его прервать“ [2]).

Таково было, въ основныхъ чертахъ, общественное міросозерцаніе кн. Щербатова. Построенное изъ такихъ несходныхъ элементовъ, какъ просвѣтительная философія З. Европы и русская дѣйствительность XVIII в., оно является, конечно, очень опредѣленнымъ и яркимъ, но въ немъ нѣтъ внутренней органической стройности. Либералъ въ области политической и крѣпостникъ—въ соціальной, кн. Щербатовъ сталъ въ очень неудобное положеніе по отношенію къ русской дѣйствительности: мѣтко и язвительно критиковалъ ея политическіе порядки и восторгался прелестями крѣпостного права, мечталъ о торжествѣ за-

---

[1]) Сб. И. О., XXXII, 486.
[2]) Соч. I, 196.

конности въ русской жизни вообще и защищалъ „беззаконность“ власти помѣщика надъ крестьяниномъ. Свѣтъ западной философской мысли освѣтилъ ему тьму русской жизни лишь сверху, въ его отношеніяхъ къ правительству, но рѣзко выраженное сословное чувство помѣшало ему донести этотъ свѣтъ до низовъ, до его отношеній къ народу.

Освѣтить эти отношенія больше всѣхъ въ XVIII в. удалось Радищеву. Онъ былъ младшимъ современникомъ Щербатова, и когда тотъ уже выступалъ въ Екатерининской комиссіи убѣжденнымъ защитникомъ дворянскихъ исключительныхъ привилегій, Радищевъ только что выѣхалъ за границу для образованія.

Здѣсь, въ Лейпцигѣ, образовался изъ товарищей Радищева кружокъ молодежи, который съ жаромъ принялся за изученіе французскихъ философовъ. Раньше всѣхъ ихъ увлекла книга Гельвеція о разумѣ. „По ней мы мыслить научалися“, свидѣтельствуетъ Радищевъ, но онъ не остановился на идеяхъ этого философа-матеріалиста, отъ нихъ онъ перешелъ къ противоположной идеалистической философіи Лейбница, а потомъ больше всѣхъ увлекся Руссо и Мабли. Этотъ выборъ учителей уже рѣзко отдѣляетъ Радищева отъ Щербатова, который остановился на Монтескье и демократическія идеи новѣйшихъ философовъ считалъ химерой. Вмѣстѣ съ тѣмъ вліяніе Руссо благотворно выражалось въ томъ, что идеи свободы и равенства, почерпнутыя Радищевымъ, не были только разсудочными выводами, а согрѣвались большимъ и горячимъ чувствомъ состраданія всѣмъ угнетеннымъ, которое порождало порывъ отдать свои силы на посильное служеніе народному благу. Въ „Житіи Ѳ. В. Ушакова“, первомъ произведеніи Радищева, которымъ онъ почтилъ память своего товарища и друга, онъ въ своемъ обращеніи къ другому товарищу восклицаетъ: „Воспомни наше нетерпѣніе видѣть себя паки на мѣстѣ рожденія нашего, воспомни о восторгѣ нашемъ, когда мы узрѣли межу, Россію отъ Курляндіи отдѣляющую. Если кто, безстрастный, ничего иного въ восторгѣ не видитъ, какъ неумѣренность или иногда дурачество, для того не хочу я марать бумаги; но если кто, понимая, что есть изступленіе, скажетъ, что не было въ насъ такого, и что не могли бы тогда жертвовать и жизнью на пользу отечеству, тотъ, скажу, не знаетъ сердца человѣческаго“. Этотъ „пламень, объемлющій сердце юности“, какъ его называетъ Радищевъ, онъ сохранилъ въ теченіе всей своей жизни.

Въ 1771 г. Радищевъ возвратился изъ-за границы и черезъ два года высказалъ свои убѣжденія въ примѣчаніяхъ къ книгѣ Мабли „Размышленіе о греческой исторіи или о причинахъ благоденствія и несчастія грековъ“, переводъ которой Радищевъ сдѣлалъ по порученію того общества переводчиковъ, которое было учреждено Екатериной. Здѣсь, объясняя слово déspotisme, Радищевъ писалъ: „Самодержавство есть напротивнѣйшее человѣческому естеству состояніе. Мы не токмо не можемъ дать надъ собой неограниченной власти, но ниже законъ, извѣтъ общія воли, не имѣетъ другого права наказывать преступниковъ, опричь права собственныя сохранности. Если мы живемъ подъ властію законовъ, то сіе не для того, что мы оное дѣлать долженствуемъ неотмѣнно, но для того, что мы находимъ въ ономъ выгоды. Если мы удѣляемъ закону часть нашихъ правъ и нашея природныя власти, то дабы оная употребляема была въ нашу пользу; о семъ мы дѣлаемъ съ обществомъ безмолвный договоръ. Если онъ нарушенъ, то и мы освобождаемся отъ нашея обязанности. Неправосудіе государя дастъ народу, его судіи, тоже, и болѣе, надъ нимъ право, какое ему даетъ законъ надъ преступниками. Государь есть первый гражданинъ народнаго общества“.

Это положеніе естественнаго права о народномъ верховенствѣ и отвѣтственности государя передъ народомъ Радищевъ полнѣе всего развилъ и сдѣлалъ изъ него всѣ возможные выводы въ своемъ знаменитомъ „Путешествіи изъ Петербурга въ Москву“ (1790 г.). „Человѣкъ родится въ міръ равенъ во всемъ другому,—говоритъ Радищевъ,—всѣ одинаковые имѣемъ члены, всѣ имѣемъ разумъ и волю“. Если бы человѣкъ не жилъ въ обществѣ, онъ бы ни отъ кого не зависѣлъ, но для собственной своей выгоды человѣкъ вступаетъ въ общество и ограничиваетъ свою волю закономъ. Этотъ законъ долженъ дать ему защиту его личности и его собственности. Если законъ этого не даетъ, гражданинъ долженъ самъ охранять свою неприкосновенность, „ибо гражданинъ, становясь гражданиномъ, не перестаетъ быть человѣкомъ“.

Громадное значеніе книги Радищева было въ томъ, что онъ не только излагалъ такія отвлеченныя положенія, но всегда приводилъ ихъ для освѣщенія конкретной подробности изъ русской жизни. Такъ и здѣсь: Радищевъ этими соображеніями, что каждый имѣетъ право защищать свою неприкосновенность, если ее законъ не защищаетъ, оправдываетъ убійство крестья-

нами помѣщика, который потворствовалъ своимъ сыновьямъ безчестить крестьянскихъ дѣвушекъ. Это право самозащиты Радищевъ оставляетъ и за всей націей, если правительство, не считаясь съ природными правами гражданъ, станетъ злоупотреблять своей властью. Въ одѣ Радищева „Вольность“, которая приводится въ „Путешествіи“, рисуется, какъ народъ долго сносилъ тиранство царя, который, опираясь на ученіе услужливаго духовенства, что царская власть имѣетъ божественное происхожденіе, во всемъ народѣ видѣлъ лишь подлую тварь. Но вотъ народное терпѣніе переполнилось, грознымъ мстителемъ поднялся народъ, свергнулъ царя и, какъ гражданинъ, привлекъ его къ своему отвѣту.

„Ты, забывъ мнѣ клятву давну,
Забывъ, что я избралъ тебя
Себѣ въ утѣху быть вѣнчанну,
Возмнилъ, что ты Господь, не я.
Мечомъ мои расторгъ уставы,
Безсильными повергъ всѣ правы,
Стыдиться истины велѣлъ,
Расчистилъ мерзостямъ дорогу,
Взывать сталъ не ко мнѣ, но къ Богу,
А мной гнушаться восхотѣлъ“.

Вотъ обвиненіе, предъявленное державнымъ народомъ своему царю. Царь не выполнилъ своихъ обязанностей передъ народомъ, и зато народъ разрушилъ „престолъ чугунный“ и снова сталъ управляться вѣчемъ.

Таковы конкретные примѣры, которые приводитъ Радищевъ въ подтвержденіе отвлеченныхъ положеній.

Итакъ, государство организуется только для народнаго блага. Народное благо Радищевъ рѣзко отдѣляетъ отъ блага государственнаго. Онъ приводитъ примѣры цвѣтущаго государства древняго Египта, монархію Александра Македонскаго и современное ему государство европейцевъ въ Америкѣ. Своей величиной и силой военной, роскошью столичныхъ построекъ эти государства изумляютъ наблюдателя, но все ихъ могущество держалось на порабощеніи низшихъ классовъ населенія, и Радищевъ спрашиваетъ: „Можетъ ли государство, гдѣ двѣ трети гражданъ лишены гражданскаго званія и частію въ законѣ мертвы, назваться блаженнымъ?“ „Нѣтъ,—отвѣчаетъ онъ—не ослѣпимся внѣшнимъ спокойствіемъ государства и его устрой-

ствомъ, и для сихъ только причинъ да не почтемъ оное блаженнымъ. Смотри всегда на сердца согражданъ. Если въ нихъ найдешь спокойствіе и миръ, тогда сказать можешь воистину: се блаженны".

Съ тѣмъ же вопросомъ о народномъ блаженствѣ Радищевъ обращается и къ Россіи: „Можно ли назвать блаженнымъ гражданское положеніе крестьянина въ Россіи?"

Въ рядѣ яркихъ картинъ Радищевъ рисуетъ экономическое и соціальное положеніе крестьянъ: ихъ разоренность и обнищалость, злоупотребленія помѣщика надъ имуществомъ и личностью крестьянина, когда баринъ держитъ своихъ рабовъ на „мѣсячинѣ", отобравъ у нихъ всю землю, обращаетъ ихъ въ рабочую скотину, которую кормитъ даже изъ общихъ корытъ хлѣбомъ и квасомъ, когда по своему произволу женитъ и выдаетъ замужъ, заводитъ у себя въ имѣніи гаремъ изъ крѣпостныхъ женщинъ, когда наказываетъ крѣпостныхъ за малѣйшую провинность или сдаетъ въ рекруты и въ ссылку, когда, наконецъ, продаетъ ихъ оптомъ и врозницу, часто даже тѣхъ изъ нихъ, которые его выходили и много разъ избавляли отъ опасностей.

Вся „отягченность жребія" крестьянскаго встаетъ въ этихъ картинахъ. „Тутъ видна,—говоритъ въ одномъ мѣстѣ Радищевъ,—алчность дворянства, грабежъ, мучительство паше и беззащитное нищеты состояніе. Звѣри алчные, піявицы ненасытныя, что мы крестьянину оставляемъ? То, чего отнять не можемъ—воздухъ. Да, одинъ воздухъ. Отъемлемъ нерѣдко у него не токмо даръ земли—хлѣбъ и воду, но и самый свѣтъ. Законъ запрещаетъ отъяти у него жизнь. Но развѣ мгновенно. Сколько способовъ отъяти ее постепенно!"

„Съ одной стороны почти всесиліе, съ другой немощь беззащитная. Ибо помѣщикъ въ отношеніи крестьянина есть законодатель, судья, исполнитель своего рѣшенія и, по желанію своему, истецъ, противъ котораго отвѣтчикъ ничего сказать не смѣетъ. Се жребій заклѣпаннаго во узы, се жребій заключеннаго въ смрадной темницѣ, се жребій вола въ ярмѣ".

Крѣпостное право противорѣчитъ закону христіанскому, служители божества должны были бы обличать его въ храмахъ и звать заблудившихся опомниться. „Опомнитесь, заблудшіе, смягчитеся, жестокосердые; разрушите оковы братіи вашей, отверзите темницу неволи, и дайте подобнымъ вамъ вкусити сладости общежитія, къ нему же Всещедрымъ уготованы, якоже

и вы. Они благодѣтельными лучами солнца равно съ вами наслаждаются, одинаковые съ вами у нихъ члены и чувства, и право въ употребленіи оныхъ должно быть одинаково“,—такую проповѣдь влагаетъ Радищевъ въ уста служителей Бога, которые, къ сожалѣнію, сами молчали. Противорѣчитъ крѣпостное право и естественному закону. Въ обществѣ не можетъ быть власти человѣка надъ человѣкомъ, „властитель первый въ обществѣ есть законъ: ибо онъ одинъ для всѣхъ“, передъ этимъ единымъ закономъ всѣ должны быть равны, даже государь. И если того нѣтъ, если въ жизни внѣдряется такое безправіе, какъ „крѣпостное право“, то оно своимъ вліяніемъ разлагаетъ общество. Прежде всего производительность народнаго труда падаетъ: „нива у нихъ (крестьянъ) чуждая, плодъ оныя имъ не принадлежитъ. И для того обрабатываютъ ее лѣниво и не радѣютъ о томъ, не запустѣетъ ли среди дѣланія“. А если и явится энергичный помѣщикъ, который приведетъ свое хозяйство въ цвѣтущій видъ, то какая отъ этого польза обществу? „Какая польза государству, что нѣсколько тысячъ четвертей въ годъ болѣе родится хлѣба, если тѣ, кои его производятъ, считаются наравнѣ съ воломъ, опредѣленнымъ тяжкую вздирати борозду? Или блаженство гражданъ въ томъ почитаемъ, чтобы полны были хлѣба наши житницы, а желудки пусты? чтобы одинъ благословлялъ правительство, а не тысячи?“

Такое неравенство состояній составляетъ громадную опасность для общества. „Съ одной стороны,—говоритъ Радищевъ,—родится надменность, а съ другой робость. Тутъ никакой не можно быть связи, развѣ насиліе“. Вредъ такого насилія хуже, чѣмъ вредъ войны: война „опустошаетъ случайно, мгновенно“, неволя „губитъ долговременно и всегда; одна, когда пройдетъ налетъ ея, скончаеваетъ свое свирѣпство; другая тамъ только начнется, гдѣ сія кончится, и перемениться не можетъ, развѣ опаснымъ всегда потрясеніемъ всея внутренности“.

На эту опасность потрясенія всего общества, въ основѣ котораго лежитъ рабство, Радищевъ неоднократно обращаетъ вниманіе и взываетъ къ своимъ современникамъ: „Не вѣдаете ли, любезные наши сограждане, коликая намъ предстоитъ гибель, въ коликой мы вращаемся опасности“...

Крестьянинъ не можетъ навсегда остаться мертвъ въ законѣ—„онъ живъ, онъ живъ будетъ, если того восхощетъ!“

„Потокъ, загражденный въ стремленіи своемъ, тѣмъ силь-

нѣе становится, чѣмъ тверже находитъ противустояніе. Прорвавъ оплотъ единожды, ничто уже въ разлитіи его противиться ему не возможетъ. Таковы суть братья наши, въ узахъ нами содержимые. Ждутъ случая и часа. Колоколъ ударяетъ. И се пагуба звѣрства разливается быстротечно. Мы узримъ окрестъ насъ мечъ и отраву. Смерть и пожиганіе намъ будетъ посулъ за нашу суровость и безчеловѣчіе". Главное вниманіе автора въ „Путешествіи" обращено на тяжелое положеніе крестьянъ, но попутно онъ останавливается и на другихъ неправдахъ русской жизни. Какъ слѣдствіе крѣпостного права, является „надменность" высшихъ сословій, ихъ оторванность отъ народа, ихъ роскошная и временами развратная жизнь. Въ связи съ этимъ стоитъ и другое зло русской жизни: неудовлетворительность всѣхъ слугъ государства. То обращеніе, какое они усвоили по отношенію къ крестьянамъ, администраторы переносятъ и на всѣхъ гражданъ вообще. Должность для нихъ—не обязанность передъ обществомъ, а выгодная доходная статья. Отсюда расхищеніе государственныхъ средствъ, неправосудіе.

Словомъ, вся русская жизнь, сверху до низу, представлялась автору „Путешествія" неудовлетворительной, общее благо, для котораго одного устраивается государство, не достигалось. Это происходило, по мнѣнію Радищева, потому, что истина не находила себѣ пути въ чертоги царскіе. Въ его „Путешествіи" есть разсказъ о томъ, что ему приснилось: снилось ему, что онъ царь; окруженный своими придворными, онъ сидѣлъ на роскошномъ тронѣ и раздавалъ приказанія: отправилъ войско для завоеванія новыхъ странъ, корабли—для открытія новыхъ земель, повелѣвалъ издать справедливые законы, охранять правду въ судахъ, приказывалъ помогать бѣднымъ и несчастнымъ. Министры и царедворцы на лету ловили его слова, и всѣ хоромъ твердили, что слово царя—законъ, онъ скажетъ —и все исполнится такъ, какъ онъ хочетъ. Хвалебный хоръ славилъ царя за мудрые и справедливые законы, за процвѣтаніе его государства, за благоденствіе подданныхъ, и царю казалось, что все это дѣйствительно такъ. Но вотъ Истина подъ видомъ бѣдной странницы пробралась украдкой во дворецъ и открыла царю глаза. Взглянулъ онъ и ужаснулся: вездѣ кругомъ была неправда и ложь, благоденствовали лишь льстивые царедворцы, а народъ разорялся подъ ихъ произволомъ. Заканчивая разсказъ объ этомъ снѣ, Радищевъ писалъ: „Вла-

ститель міра, если читая сонъ мой, ты улыбнешься съ насмѣшкой или нахмуришь чело, вѣдай, что видѣнная мною страница отлетѣла отъ тебя далеко и чертоговъ твонхъ гнушается". Желаніе открывать истину для всѣхъ, кто ее не видѣлъ, и тѣмъ способствовать достиженію общаго блага—было цѣлью всего „Путешествія" Радищева.

Въ предисловіи къ нему онъ говоритъ: „Я взглянулъ окрестъ меня—душа моя страданіями человѣчества уязвлена стала. Обратилъ взоры мои во внутренность мою—и узрѣлъ, что бѣдствія человѣка происходятъ отъ человѣка, и часто оттого только, что онъ взираетъ не прямо на окружающіе его предметы. Ужели, вѣщалъ я самъ себѣ, природа толико скупа была къ своимъ чадамъ, что отъ блудящаго невинно сокрыла истину навѣки? Ужели сія грозная мачеха произвела насъ для того, чтобы чувствовали мы бѣдствія, а блаженства николи? Разумъ мой вострепеталъ отъ сея мысли, и сердце мое далеко ее отъ себя оттолкнуло. Я человѣку нашелъ утѣшителя въ немъ самомъ. „Отыми завѣсу съ очей природнаго чувствованія—и блаженъ буду". Сей гласъ природы раздавался громко въ сложеніи моемъ. Воспрянулъ я отъ унынія моего, въ которое повергли меня чувствительность и состраданіе; я ощутилъ въ себѣ довольно силъ, чтобы противиться заблужденію; и—веселіе неизреченное!—я почувствовалъ, что возможно всякому соучастникомъ быть въ благоденствіи себѣ подобныхъ. Се мысль, побудившая меня начертать, что читать будешь".

Въ этомъ предисловіи сказалась вся та страстная вѣра во всемогущую и просвѣтляющую силу разума, какой была проникнута вся философія XVIII в. Какъ и она, Радищевъ вѣрилъ, что разумъ человѣческій можетъ создать счастье всему обществу. Человѣческая природа сама по себѣ, по его мнѣнію, благодѣтельна, когда она остается нескованной, но она развращается въ ненормальныхъ условіяхъ. Поэтому стоитъ лишь уничтожить послѣднія, и природа возьметъ верхъ, свободный разумъ построитъ себѣ новую, свѣтлую жизнь.

И Радищевъ звалъ своихъ современниковъ къ переустройству жизни. Прежде всего онъ указывалъ на необходимость освобожденія крестьянъ. Крестьяне должны получить вмѣстѣ съ личной свободой и землю: „Кто же къ нивѣ ближайшее имѣетъ право, буде не дѣлатель ея?" говоритъ онъ.

Всѣ граждане должны быть безусловно уравнены въ пра-

вахъ, всякія привилегіи, какія даются благородствомъ происхожденія, должны быть уничтожены, пусть граждане получаютъ почетъ лишь за свои добродѣтели. Законъ не долженъ стѣснять частную жизнь гражданъ, всѣ должны пользоваться полной свободой совѣсти и полной свободой мысли и слова. Съ освобожденіемъ личности гражданина въ обществѣ установится естественное равновѣсіе и организуются условія, необходимыя для достиженія общаго блага.

„Великъ, великъ ты, духъ свободы!
Зиждителенъ, какъ самъ есть Богъ!“

восклицаетъ Радищевъ въ одѣ „Вольность“.

Книга Радищева показываетъ тотъ maximum, какой могли извлечь изъ идей просвѣтительной философіи передовые люди XVIII в. Это было самое смѣлое и послѣдовательное приложеніе этихъ идей къ русской жизни. Съ помощью ихъ онъ освѣтилъ ее всю и намѣтилъ идеалы развитія. Въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія, указывая на то, что изъ крестьянъ послѣ освобожденія могли бы выйти „великіе мужи“, Радищевъ писалъ: „Не мечта сіе, но взоръ проницаетъ густую завѣсу времени, отъ очей нашихъ будущее скрывающую; я зрю сквозь цѣлое столѣтіе“. Эти слова можно бы взять эпиграфомъ ко всему сочиненію Радищева: онъ дѣйствительно видѣлъ впередъ сквозь цѣлое столѣтіе.

Щербатовъ и Радищевъ представляютъ собой два типа серьезныхъ вольтерьянцевъ XVIII в., которымъ просвѣтительныя идеи дали возможность построить цѣльное міросозерцаніе. Одно изъ этихъ міросозерцаній было связано съ прошлымъ, давало философское обоснованіе дворянскаго царства, правда, никогда не существовавшаго въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ оно было желательно Щербатову. Другое міросозерцаніе обращалось къ будущему, ему ставило идеалы, часть которыхъ не осуществилась и до сихъ поръ.

Каждое изъ этихъ міросозерцаній удовлетворяло интересамъ извѣстной группы лицъ: значительной массы передового дворянства, проникнутаго цѣликомъ сословными интересами, и только что зародившейся группы безсословной интеллигенціи. За этимъ слоемъ людей новаго міросозерцанія шелъ другой, которыхъ идеи просвѣтительной философіи, носившіяся въ воздухѣ, заражали, но которые не могли изъ нихъ построить цѣль-

наго міросозерцанія, такъ какъ новыя идеи вступали въ противорѣчіе съ ихъ старымъ міросозерцаніемъ. Послѣднее строилось на религіозныхъ началахъ, на благочестивомъ уваженіи къ вѣрѣ отцовъ, и новыя идеи прежде всего задѣвали эту вѣру. И Щербатовъ и Радищевъ отъ традиціонной вѣры уже освободились, оба они деисты, хотя и не вполнѣ одинаковые: деизмъ Щербатова больше подходитъ къ разсудочной религіи Вольтера, деизмъ Радищева—напоминаетъ горячую вѣру Руссо.

Но не всѣ, конечно, могли принять эту новую вѣру, и для такихъ лицъ предстояла немалая борьба между старымъ и новымъ. Типичный примѣръ такой борьбы даетъ И. В. Лопухинъ. „Никогда не былъ еще я постояннымъ вольнодумцемъ,—говоритъ онъ въ своихъ запискахъ,—однако, кажется, больше старался утвердить себя въ вольнодумствѣ, нежели въ его безуміи, и охотно читывалъ Вольтеровы насмѣшки надъ религіей, Руссовы опроверженія и прочія подобныя сочиненія". Не ограничиваясь чтеніемъ, Лопухинъ хотѣлъ заняться и пропагандой новыхъ идей. Для этого онъ перевелъ ни много ни мало „Systeme de la Nature" Гольбаха, книгу, которая содержала наиболѣе крайнія матеріалистическія положенія. Но неожиданно имъ овладѣло раскаяніе въ своемъ намѣреніи, и послѣ мучительной борьбы Лопухинъ сжегъ свой переводъ и, какъ бы въ искупленіе своего грѣха, написалъ „Разсужденіе о злоупотребленіи разума нѣкоторыми писателями".

Обращеніе въ новую вѣру не состоялось, но послѣ пережитой борьбы оказалось, что не было уже дороги и къ старой, и на нѣкоторое время человѣкъ очутился на распутьи. Эти колебанія тревожной совѣсти, это раздумье необычайно характерны: „когда мы читаемъ о подобныхъ пароксизмахъ совѣстливой мысли, можетъ быть, мы впервые застаемъ образованнаго русскаго человѣка въ минуту тяжкаго раздумья, какое ему не разъ пришлось и не разъ еще придется переживать впослѣдствіи" [1]).

Раздумье свидѣтельствуетъ о сознательномъ отношеніи къ своимъ внутреннимъ переживаніямъ, и въ данномъ случаѣ просвѣтительная философія сыграла громадную роль: заставила почувствовать неудовлетворительность стараго. Кромѣ Лопухина, въ такомъ же положеніи оказались Елагинъ, Новиковъ и,

---

[1]) Ключевскій, Очерки и рѣчи, с. 272.

вѣроятно, многіе другіе, которыхъ потомъ придется встрѣтить въ рядахъ масоновъ. За этимъ вторымъ слоемъ людей, глубоко мыслящихъ, но не принявшихъ новаго ученія, шелъ третій и самый многочисленный: это были люди, у которыхъ въ прошломъ не было никакого продуманнаго убѣжденія, и которые теперь поймали новыя идеи на лету, не раздумываясь надъ ними. Лучшіе изъ нихъ щеголяли ими, какъ модными, въ молодые годы и потомъ сбрасывали безъ раздумій и колебаній, когда находили, что „въ нѣкоторыхъ чинахъ и лѣтахъ уже непристойно симъ заниматься“, по выраженію московскаго главнокомандующаго Брюса. Таковъ, напр., извѣстный писатель Фонвизинъ, который въ молодости до того былъ заряженъ модными идеями, что въ кружкѣ пріятелей доходилъ до кощунства надъ старой вѣрой, а въ старости, разбитый параличомъ, каялся въ церкви въ этомъ грѣхѣ и свою болѣзнь объяснялъ Божескимъ наказаніемъ за него. Таковъ, напр., помѣщикъ Пассекъ, о которомъ свидѣтельствуетъ Добрынинъ въ своихъ запискахъ.

Онъ идеями французской философіи воспользовался для сочиненія... акаѳиста Богородицѣ: именно въ немъ онъ вмѣсто „Творца вселенной“ вездѣ ставилъ „Создатель міровъ“, потому что „въ неизмѣримомъ пространствѣ воздуха безчисленное множество міровъ“ [1]).

Гораздо хуже были тѣ, кто не унаслѣдовалъ изъ прошлаго даже привычной вѣры. Имъ „новыя идеи нравились, какъ скандалы, подобно рисункамъ соблазнительнаго романа. Философскій смѣхъ освобождалъ нашего вольтерьянца отъ законовъ божескихъ и человѣческихъ, эманципировалъ его духъ и плоть, дѣлалъ его недоступнымъ ни для какихъ страховъ, кромѣ полицейскихъ, нечувствительнымъ ни къ какимъ угрызеніямъ, кромѣ физическихъ“ [2]).

Поведеніе такихъ людей больше всѣхъ бросалось въ глаза и вызывало отвращеніе къ самой философіи у тѣхъ лицъ, которыя привыкли оцѣнивать истины по моральнымъ качествамъ ихъ носителей.

Позиція русскихъ вольтерьянцевъ послѣдняго сорта по отношенію къ русской дѣйствительности была необычайно ясна:

---

[1]) „Р. С.“, 1871 г., IV, с. 149.
[2]) Ключевскій, Очерки, с. 256.

новыя идеи не вызывали сознанія ихъ противорѣчія съ русской дѣйствительностью, мирно уживались въ ней и давали извѣстную пріятность обычной жизни, какъ бы острую приправу къ прѣснымъ впечатлѣніямъ. Можно было позубоскалить надъ духовенствомъ, огорошить смѣлымъ отрицаніемъ наивнаго провинціала, при случаѣ можно было даже перекинуться острымъ словомъ по поводу русскихъ порядковъ. Во всемъ остальномъ подъ покровомъ вольтерьянства жизнь текла по прежнему руслу: вольтерьянцы служили и выслуживались безъ помѣхи, можно было, напр., занимать постъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода и доказывать, что Бога вовсе нѣтъ; кто не служилъ, съ комфортомъ устраивался у себя въ имѣньи, и вольтерьянство помѣщалось, такимъ образомъ, рядомъ съ крѣпостничествомъ.

Въ XVIII в. былъ, напр., богатый помѣщикъ Струйскій. По выходѣ въ отставку онъ поселился въ своей деревнѣ, завелъ у себя большую библіотеку изъ всѣхъ модныхъ книгъ, устроилъ типографію спеціально для печатанія своихъ стиховъ, раздавалъ ихъ и лично декламировалъ своимъ сосѣдямъ. Новые вкусы хозяина отразились и въ его отношеніяхъ къ крестьянамъ: свой судъ надъ ними онъ организовалъ по западно-европейскимъ обычаямъ. Провинившагося мужика ставили передъ бариномъ, и баринъ произносилъ передъ нимъ обвинительную рѣчь по всѣмъ правиламъ судебнаго краснорѣчія, а послѣ пыталъ виновнаго у себя въ подпольи, гдѣ былъ богатый выборъ орудій пытки. Въ такомъ же духѣ устраивались и менѣе образованные изъ вольтерьянцевъ и совсѣмъ необразованные, которые усвоили модные принципы со словъ, никогда не заглядывая въ книгу. „Доисторическія привычки и одичалыя понятія, которыя прежде прятались отъ глаза закона или которыхъ стыдились передъ добрыми людьми, какъ стыдятся неубраннаго домашняго сора передъ гостями, теперь самодовольно выставлялись на показъ, какъ указаніе или требованіе природы“ [1]).

Гораздо затруднительнѣе было положеніе тѣхъ русскихъ вольтерьянцевъ, которые сумѣли съ помощью новыхъ идей обосновать свое сословное положеніе и намѣтить себѣ идеалы настоящаго дворянскаго царства. На первыхъ порахъ, въ медовый мѣсяцъ власти, когда она открыто покровительствовала

[1]) Ключевскій, Очерки, с. 256.

просвѣтительной философіи, еще можно было обольщаться надеждами, что власть сама ограничитъ себя въ интересахъ верхняго сословія. Тогда было ожиданіе, что новыя идеи войдутъ въ жизнь, перестроятъ ее. Но Екатерина очень скоро поняла, что ея пониманіе истинъ философіи расходится съ дворянскими толкованіями на нихъ и приняла соотвѣтствующія мѣры, чтобы стѣснить распространеніе новыхъ идей, пока ея подданные не дорастутъ до угоднаго ей и, по ея мнѣнію, настоящаго пониманія ихъ. Выше было указано, что уже къ началу семидесятыхъ годовъ выяснилось недоразумѣніе между властью и обществомъ въ пониманіи желательныхъ преобразованій русской дѣйствительности. Съ годами это недоразумѣніе все обострялось, пока французская революція не заставила власть рѣзко прикрикнуть на всѣхъ инако мыслящихъ. Что же оставалось дѣлать дворянскимъ конституціоналистамъ, когда открыто обнаружилось нежеланіе власти поступиться хоть чѣмъ-нибудь изъ своего самодержавія? Сначала можно было напоминать ей почтительно о Наказѣ и представлять свои конституціонные проекты, какъ это дѣлалъ Панинъ, но это можно было дѣлать только въ самомъ началѣ. Скоро у высшаго дворянства явилось настоящее пониманіе вещей. „Ничто ей (Екатеринѣ) не можетъ быть досаднѣе, какъ то, когда, докладывая ей по какимъ дѣламъ, въ сопротивленіе воли ея законы поставляютъ, и тотчасъ отвѣтъ отъ нея вылетаетъ: развѣ я не могу, не взирая на законы, сего учинить?“—вотъ наблюденіе, сдѣланное Щербатовымъ, которое подтверждается и многими другими. Разъ власть сердилась даже на тѣ ограниченія ея, какія вытекали изъ ея же законовъ, то, конечно, напрасно было мечтать о возможности новыхъ ограниченій, не ею созданныхъ. Конечно, можно было затѣять новое дворцовое „дѣйство“, но для этого не было фактической силы въ рукахъ конституціоналистовъ: рядовая шляхетская масса была довольна расширеніемъ ея соціальныхъ привилегій и, въ ожиданіи еще большихъ, не захотѣла бы компрометировать себя въ глазахъ власти. Мало-по-малу нельзя стало даже распространять своихъ либеральныхъ убѣжденій: кромѣ стѣсненій, какія ставила на этомъ пути власть, это было опаснымъ потому, что либеральныя идеи, попадая въ другую среду, порождали то, что дворянство называло „умствованіемъ равенства“. Уже въ комиссіи 1767 г. дворянскіе депутаты указывали на боязнь высказывать свои

убѣжденія въ присутствіи людей „непросвѣщенныхъ“, какими они считали депутатовъ городскихъ и крестьянскихъ. Съ годами эта боязнь все усиливалась, по мѣрѣ роста радикализма въ новой философіи. Только люди, далекіе отъ придворныхъ сферъ, могли обольщаться соображеніями, что власть не знаетъ истины и потому не хочетъ предпринять соотвѣтствующихъ реформъ, и только горячія головы и пылкія сердца, болѣвшія объ общемъ благѣ, могли рѣшиться на рѣзкую критику дѣйствительности и на страстный призывъ къ свѣтлому будущему. Таковъ былъ Радищевъ, но его судьба была слишкомъ печальной, чтобы вызвать подражаніе его попыткѣ: за свое „Путешествіе“ онъ былъ приговоренъ къ смертной казни, которая по именному указу была замѣнена ссылкой на 10 лѣтъ въ Сибирь съ лишеніемъ правъ.

Такъ русскому серьезному вольтерьянцу были заказаны всѣ пути, на которыхъ онъ могъ бы примѣнить западныя идеи къ русской дѣйствительности. Отсюда рождалось сознаніе оторванности отъ окружающаго и горькое чувство неудовлетворенности, которое иной разъ приводило къ трагическому концу. Въ 1793 г. въ своемъ ярославскомъ имѣніи застрѣлился помѣщикъ Опочининъ, большой поклонникъ французской философіи. Передъ смертью онъ указалъ въ своемъ завѣщаніи причину самоубійства: „Самое отвращеніе къ нашей русской жизни есть то самое побужденіе, принудившее меня рѣшить своевольно свою судьбу“. Онъ ушелъ изъ жизни безъ сожалѣнія, однѣ только книги растрогали его: „Книги мои, любимыя мои книги, не знаю кому завѣщать ихъ; я увѣренъ, что въ здѣшней странѣ онѣ никому ненадобны; прошу покорно моихъ наслѣдниковъ предать ихъ огню. Онѣ были первое мое сокровище, онѣ только и питали меня въ моей жизни, онѣ были главнымъ пунктомъ моихъ удовольствій напослѣдокъ, если бы не было ихъ, то моя жизнь текла бы въ безпрерывныхъ огорченіяхъ, и я давно оставилъ бы сей свѣтъ съ презрѣніемъ“.

Такимъ образомъ, для пробудившагося при Екатеринѣ общественнаго чувства и для активнаго настроенія къ переустройству русской жизни, въ какое выливалось это чувство, вольтерьянство не давало нормальнаго выхода. Въ прошломъ не было выработано формъ для проявленія общественной самодѣятельности, а въ настоящемъ такая выработка затруднялась властью. Вотъ тутъ-то и явилось на пути масонство.

Своей программой переустройства общества путемъ перевоспитанія отдѣльной личности оно давало удобный выходъ накопившемуся общественному чувству, его идеалы общечеловѣческаго братства совпадали съ тѣми идеалами, какіе до масонства были построены передовой русской интеллигенціей, и, наконецъ, масонство приносило съ собой громадную организующую силу для соединенія раздробленныхъ порывовъ къ лучшему будущему въ большой и широкій потокъ.

XI.

Внѣшняя исторія русскаго масонства.

На Руси масонство появилось задолго до того, какъ среди русской интеллигенціи зародилась серьезная потребность въ немъ. Въ иностранныхъ сочиненіяхъ указывается, что уже въ 1731 г. капитанъ Джонъ Филипсъ былъ провинціальнымъ великимъ мастеромъ въ Россіи. Въ 1741 г. на такой постъ гроссмейстеръ англійскихъ ложъ назначилъ англичанина Якова Кейта, генерала, находившагося тогда на русской службѣ.

Масонское преданіе выдвигало этого Кейта, какъ одного изъ первыхъ основателей у насъ масонства; о немъ упоминаютъ масонскія пѣсни, пѣвшіяся въ ложахъ при Елизаветѣ:

..... „Свѣтомъ озаренный
Кейтъ къ россіянамъ прибѣгъ;
И усердіемъ воспаленный
Огонь священный здѣсь возжегъ.
Храмъ премудрости поставилъ
И насъ въ братствѣ утвердилъ“.

„Изъ этихъ извѣстій о началѣ ложъ въ Россіи едва ли нельзя заключить,—говоритъ Пыпинъ,—что первоначальное масонство введено было прямо англичанами, которые внесли его въ чужую страну для собственнаго употребленія, точно такъ же, какъ они обыкновенно приносятъ съ собой свои національные нравы и обычаи, и что масонство держалось исключительно или преимущественно между иностранцами, среди которыхъ русскіе были только случайными или второстепенными членами ложъ. Но кромѣ англичанъ, вводителями масонства были, конечно, и нѣмцы, что было бы весьма понятно при сильномъ развитіи нѣмецкаго элемента въ Петровскомъ государствѣ“ [1]).

---

[1]) Пыпинъ, Русское масонство до Новикова, „В. Е.“ 1868 г., т. III, с. 550.

При Елизаветѣ масонство уже настолько распространилось и не только среди иностранцевъ, но и среди русскихъ, что обращало на себя вниманіе и правительства и общества.

Къ 1747 г. возвратился изъ-за границы гр. Николай Головинъ, бывшій волонтеромъ въ арміи Фридриха Великаго. Графа подозрѣвали, что онъ имѣетъ секретное порученіе отъ короля къ прусскому посланнику въ Петербургѣ, и потому Шувалову было велѣно допросить его, а такъ какъ самъ Фридрихъ былъ масономъ и покровительствовалъ масонству, то Головину задали вопросъ, какъ онъ вступилъ въ „фрамасонскій орденъ“, кто изъ русскихъ, кромѣ него, принадлежитъ къ ордену и въ чемъ состоятъ его уставы. Головинъ показалъ: „Я, признаюсь, жилъ въ этомъ орденѣ и знаю, что графы Захаръ да Иванъ Чернышевы въ этомъ же орденѣ находятся, а болѣе тайностей иныхъ не знаю, какъ въ печатной книгѣ о фрамасонахъ показано“.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1756 г., по приказанію императрицы Михаилъ Олсуфьевъ представилъ донесеніе о „масонской сектѣ“. Онъ доносилъ о масонскихъ обрядахъ, объ участникахъ общества и, между прочимъ, указалъ такое ихъ объясненіе цѣли ученія масонства: „Оное ничто иное, какъ ключъ дружелюбія и братства, которое безсмертно во вѣки пребыть имѣетъ“.

Повидимому, правительство убѣдилось, что опасныхъ связей съ иностранными государствами у масоновъ не имѣется, такъ какъ не видно, чтобы участники ордена, перечисленные Олсуфьевымъ, понесли какія-либо кары, но, несомнѣнно, полицейскій надзоръ за ними сохранился.

Еще болѣе опасными казались масоны русскому духовенству. Проповѣдники не разъ публично обличали въ церквахъ „скотоподобныхъ, безбожныхъ атеистовъ, отступниковъ, раскольниковъ, армянъ“ и возставали противъ „нрава и ума эпикурейскаго и фреймасонскаго“. Встрѣчаются изъ временъ Елизаветы и рукописныя выступленія противъ масоновъ и противъ ихъ сочиненій. Въ одномъ изъ нихъ имѣются жалобы, что „секта оныхъ масоновъ умножается, и философы Вольтеръ и Руссо величаются“ [1]).

Изъ среды же духовенства шли, вѣроятно, и тѣ стихотворныя обличенія, отрывки изъ которыхъ приводитъ Енисейскій.

---

[1]) Пыпинъ, „В. Е.“, 1868, III, с. 556.

Одно изъ нихъ—„Изъясненіе нѣсколько извѣстнаго проклятаго сборища франкъ-масонскихъ дѣлъ“, кромѣ общаго обвиненія масоновъ:

„Проявились недавно на Руссіи франкъ-масоны
И творятъ почти явно демонски законы,
Будятся коварно плесть различны манеры,
Чтобъ къ антихристу привесть отъ Христовы вѣры“.

приписываетъ имъ ужасные обряды при принятіи.

Другое—„Псалма на обличеніе франкъ-масоновъ“—осмѣиваетъ „тайности“ масонства. Подобныя обличенія, а также подозрительное отношеніе правительства къ масонамъ, помогали тому, что въ обществѣ о масонахъ распространялись самые ужасные слухи. Державинъ въ своихъ „Запискахъ“ свидѣтельствуетъ, что его тетка, Блудова, считала „появившихся тогда въ Москвѣ масоновъ отступниками отъ вѣры, богохульниками, преданными антихристу, о которыхъ разглашали невѣроятныя басни, что они заочно за нѣсколько тысячъ верстъ непріятелей своихъ умерщвляютъ и т. п. бредни, а Шувалова (куратора Московск. у-та) признавала за нихъ главнаго начальника“. На этомъ основаніи она запретила Державину знакомство съ И. И. Шуваловымъ.

Такое отношеніе общества къ масонамъ и полицейскій надзоръ за ними правительства породили у позднѣйшихъ масоновъ представленіе, что въ елизаветинское время масонская организація была подобна гонимой церкви первыхъ вѣковъ христіанства, такъ, по крайней мѣрѣ, называетъ ее въ своихъ запискахъ видный масонъ александровскаго времени, Бёберъ. Онъ указываетъ даже фактъ, что въ тѣ времена члены ордена „собирались только изрѣдка и совершенно втихомолку, и не въ обыкновенномъ помѣщеніи, а иногда даже на чердакахъ отдаленнаго большого дома“. Но этому противорѣчатъ другія указанія. Такъ, въ одной масонской рѣчи отъ 1758 г. говорится о „благосклонности“ императрицы Елизаветы къ масонству: подъ ея скипетромъ масоны наслаждаются, по словамъ оратора, „счастливѣйшимъ спокойствіемъ“.

И изъ записокъ Елагина, виднаго придворнаго екатерининскаго времени, который какъ разъ вступилъ въ масонское общество при Елизаветѣ, такъ же не видно, чтобы русскіе масоны чувствовали тогда себя въ угнетенномъ положеніи. Наоборотъ, въ ложахъ собиралась вся избранная публика и

необычайно весело проводила здѣсь время. Среди масоновъ елизаветинскаго времени въ упомянутомъ донесеніи Олсуфьева указываются: Ром. Илар. Воронцовъ (отецъ кн. Дашковой), кн. Мих. Дашковъ, князья Голицыны, Трубецкіе, Мещерскій, Щербатовъ, рядомъ съ князьями показаны Ив. Бутурлинъ, П. Апраксинъ и другіе видные въ служебномъ мірѣ люди, здѣсь же присутствуютъ офицера и преподаватели кадетскаго корпуса, вмѣстѣ съ ихъ любимымъ авторомъ Сумароковымъ, тутъ же виденъ будущій историкъ Болтинъ. Словомъ, то была избранная публика аристократовъ и любителей просвѣщенія. Одинъ изъ масонскихъ авторовъ очень вѣрно отмѣтилъ, что побуждало этихъ лицъ ко вступленію въ орденъ: „Если вы, говоритъ онъ,—примете въ соображеніе форму нашего правленія, свойства нашихъ знатныхъ людей, которые отчасти состоятъ изъ иностранцевъ, отчасти посредствомъ путешествія знакомы съ Европой лучше, чѣмъ съ своей родиной, если вы примете въ соображеніе богатство этихъ знатныхъ людей, недостатокъ у нихъ самостоятельнаго образованія, ихъ наклонность, за отсутствіемъ основательныхъ свѣдѣній, подчиняться авторитету, производящему на нихъ впечатлѣніе, то вы до нѣкоторой степени сами можете представить себѣ исторію масонства въ Россіи. Вы догадаетесь также, что у насъ не было ничего собственнаго, что чужое пришло къ намъ только случайно и черезъ вліятельныхъ людей, которые умѣли окружить себя нимбомъ, но что оно было здѣсь приведено въ дѣйствіе съ блескомъ и великолѣпіемъ и съ рѣдкими самопожертвованіями“ [1]).

На первыхъ порахъ, дѣйствительно, масонство было у насъ простой модой, какой считали необходимымъ подражать люди высшаго круга. И русскій современникъ зарождающагося у насъ масонства, впослѣдствіи самъ стоявшій во главѣ его, Елагинъ, въ „Повѣсти о самомъ себѣ“ нарисовалъ слѣдующую картину внутренняго содержанія первоначальнаго русскаго масонства.

„Я съ самыхъ юныхъ лѣтъ моихъ,—говоритъ онъ, вступилъ въ такъ называемое масонское или свободныхъ каменщиковъ общество,—любопытство и тщеславіе, да узнаю таинство, на-

---

[1]) Записка Фишера отъ 1806 г., цит. Пыпинъ, Русск. мас. до Новикова. „В. Е.“ 1868 г. т. III, с. 583.

ходящееся, какъ сказывали, между ими, тщеславіе, да буду хоть на минуту въ равенствѣ съ такими людьми, кои въ обществѣ знамениты, и чинами и достоинствами и знаками отъ меня удалены суть, ибо нескромность братьевъ предварительно всѣ сіе мнѣ благовѣстила. Вошедъ такимъ образомъ въ братство, посѣщалъ я съ удовольствіемъ ложи: понеже работы въ нихъ почиталъ совершенною игрушкою, для препровожденія празднаго времени вымышленною. При томъ и мнимое равенство, честолюбію и гордости человѣка ласкающее, болѣ и болѣ въ собраніе меня привлекало: да хотя на самое короткое время буду равнымъ власти, иногда и судьбою нашею управляющей. Содѣйствовала къ тому и лестная надежда, не могу ли черезъ братство достать въ вельможахъ покровителей и друзей, могущихъ споспѣшествовать счастію моему. Но сіе мечтаніе скоро исчезло, открывъ и тщету упованія, и ту истину, что вышедшій изъ собранія вельможа..... что я говорю вышедшій?.... въ самомъ собраніи есть токмо братъ въ воображеніи, а въ существѣ вельможа. Съ такимъ предубѣжденіемъ препроводилъ я многіе годы въ исканіи въ ложахъ и свѣта обѣтованнаго, и равенства мнимаго: но ни того, ни другого, ниже какія пользы не нашелъ, колико не старался".

„Не пріобрѣлъ я изъ тогдашнихъ работъ нашихъ ни тѣни какого-либо ученія, ниже преподаній нравственныхъ, а видѣлъ токмо единые предметы неудобь постижимые, обряды странные, дѣйствія почти безразсудныя; и слышалъ символы неразсудительные, катехизисы, уму несоотвѣтствующіе; повѣсти, общему о мірѣ повѣствованію прекословныя; объясненія темныя и здравому разсудку противныя, которыя или нехотѣвшими или незнающими мастерами безъ всякаго вкуса и сладкорѣчія преподавались. Въ такомъ безплодномъ упражненіи открылась мнѣ токмо та истина, что ни я, ни начальники ложъ иного таинства не знаютъ, какъ развѣ со степеннымъ видомъ въ открытой ложѣ шутить, и при торжественной вечери за трапезою несогласнымъ воплемъ непонятныя ревѣть пѣсни и на счетъ ближняго хорошимъ упиваться виномъ, да начатое Минервѣ служеніе окончится праздествомъ Бакху".

Съ воцареніемъ Екатерины масонство въ Россіи должно было расшириться, такъ какъ на первыхъ порахъ власть держалась политики терпимости къ общественнымъ исканіямъ. Есть даже извѣстіе въ иностранныхъ сочиненіяхъ о

масонствѣ, что Екатерина объявила себя покровительницей масонства.

Число извѣстій о масонахъ теперь увеличивается: къ 1763 г. относится сохранившаяся въ бумагахъ Елагина переписка петербургской ложи „Счастливаго согласія“ съ берлинской ложей „Трехъ Глобусовъ“; въ 1764 г., во время слѣдствія надъ Мировичемъ, у его товарища Ушакова были найдены масонскія бумаги, въ которыхъ сохранился отрывокъ изъ ученическаго катехизиса масоновъ.

Съ распространеніемъ въ Россіи масонства, оно начинаетъ переживать ту же эволюцію, что замѣчалась и на Западѣ: мало-по-малу первоначальное масонство начинаетъ обрастать высшими степенями.

Раньше всего, по сохранившимся извѣстіямъ, встрѣтились съ тамплiерствомъ или системой „строгаго наблюденія“. Уже въ 1765 г. упоминается, что по тамплiерской системѣ былъ основанъ въ Петербургѣ т. н. „капитулъ“, гдѣ главнымъ мастеромъ былъ купецъ Людеръ. Около этого же времени графъ Алексѣй Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ вступилъ въ Гамбургѣ въ тамплiерство и получилъ право посвящать въ него другихъ. За недостаткомъ данныхъ нельзя судить, насколько широко распространилась у насъ система строгаго наблюденія, но въ 80-хъ г.г. московскіе масоны указывали въ своей оффиціальной перепискѣ, что тамплiерство, съ его пышными церемоніями и рыцарскими степенями, должно было прійтись по вкусу нашимъ масонамъ изъ дворянства. „Пышныя церемоніи рыцарства, кресты, кольца, епанчи и родословныя поколѣнія должны были произвесть великое впечатлѣніе надъ націей военной, въ которой одно токмо знатное дворянство работами нашими занималось... Между нами таковая воинская пышность не можетъ быть непріятною, ибо всѣ члены наши предводительствовали батальонами и цѣлыми арміями.“ [1]).

Косвеннымъ образомъ немалое увлеченіе у насъ тамплiерствомъ подтверждается и тѣмъ, что цѣмецкій д-ръ Штаркъ, изобрѣтатель особой церковной, т. н. „клерикальной“, отрасли тамплiерства, въ которой, по его словамъ, скрывалась настоящая масонская тайна, ссылался въ 60-хъ г.г. именно на Петербургъ, какъ на мѣсто, гдѣ находится „тайный клерикаль-

[1]) Ешевскій, Сочин. т. III, с. 484.

ный начальникъ". Имѣется сбивчивое извѣстіе, что д-ру Штарку удалось даже устроить въ Петербургѣ ложу по своей системѣ.

Рядомъ съ тампліерствомъ, которое принесло намъ высшія степени уже въ готовомъ видѣ, шло на Руси самостоятельное ихъ созданіе: въ тѣхъ же 60-хъ г.г. большую извѣстность получила система съ высшими степенями артиллерійскаго генерала русской службы Мелиссино, младшаго брата куратора Московскаго у-та.

Въ самомъ началѣ 70-хъ г.г. появилась въ русскихъ ложахъ и система Циннендорфа или „слабое наблюденіе". Эту систему вывезъ къ намъ изъ Берлина баронъ Рейхель, почему она и получила у насъ названіе „Рейхелевской системы".

По этой системѣ работали первоначально шесть ложъ въ Петербургѣ (Аполлона, Гарпократа, военная, Горуса, Латоны, Немезиды) и одна въ Ревелѣ (Изиды). Съ появленіемъ разныхъ системъ въ русскомъ обществѣ, такъ же, какъ на Западѣ, проявилось стремленіе найти „истинное" масонство. Объ этихъ стремленіяхъ краснорѣчивое свидѣтельство даютъ все тѣ же записки Елагина.

Разочаровавшись сначала въ масонскихъ работахъ, онъ послѣ небольшого перерыва снова вернулся къ нимъ. „Сталъ искать, говоритъ онъ, знакомства съ людьми, состарившимися въ масонствѣ и не пропускалъ почти ни единаго изъ чужестранныхъ братовъ, къ намъ пріѣзжавшихъ, съ которыми бы не разглагольствовалъ о такомъ странномъ таинствѣ, коимъ столь великое число разнаго состоянія людей занимается и къ которому видѣлъ прибѣгающихъ вельможъ и простолюдиновъ, ученыхъ и невѣждъ, богопочитающихъ и аѳеистовъ, умныхъ и простыхъ, степенныхъ и вѣтренныхъ, добродѣтельныхъ и порочныхъ".

Очевидно, несмотря на всю поверхностность масонскихъ „работъ" въ первоначальныхъ ложахъ, которую такъ язвительно высмѣялъ Елагинъ раньше, масонство всетаки останавливало на себѣ вниманіе своей организующей и объединяющей силой. Какой-то заѣзжій англичанинъ указалъ ищущему Елагину, что настоящее масонство хранится въ Англіи, и что оно составляетъ „науку", которая открывается далеко не всякому.

Этотъ англичанинъ укрѣпилъ Елагина въ серьезномъ отношеніи къ масонству, но онъ же поставилъ передъ нимъ и мудреную задачу: гдѣ же найти „истинную науку"? Позже самъ Елагинъ указывалъ своимъ послѣдователямъ, что настоя-

щая англійская ложа запрещала своимъ членамъ сообщать что-либо письменно о масонскихъ таинствахъ, но теперь онъ съ жаромъ отдался ихъ изысканію именно въ письменномъ и печатномъ матеріалѣ.

„Началъ я, говоритъ онъ,—съ отмѣннымъ тщаніемъ и съ превеликою потерею денегъ собирать все, что по разнымъ мѣстамъ Европы касательно до масонства учреждено и преподаваемо“.

Собранный имъ матерьялъ, однако, не далъ прямого откровенія „истины“, наоборотъ, возбудилъ еще больше сомнѣній, чѣмъ ихъ было раньше. „Хотя за безумно истраченныя мои деньги собралъ я, свидѣтельствуетъ Елагинъ, громады писаній, громады начертаній или плановъ, громады т. н. высшихъ степеней и обрядовъ, но изъ всѣхъ совокупно и частно сихъ громадъ не могъ я ни вѣроятнаго, ни удовлетворительнаго ничего почерпнуть, а единственно увидѣлъ токмо въ нихъ разныя человѣческія умствованія, иныя острыя и разумныя, другія—нелѣпыя и весьма глупыя. Увидѣлъ изъ нихъ разныя ума человѣческаго заблужденія и вмѣсто свѣта—мракъ, витійственнымъ бредомъ предлагаемый. И паче всего увидѣлъ корысть и сребролюбіе, покровенное великолѣпіемъ ложъ и принятій многочинныхъ и многостоющихъ“.

Въ результатѣ Елагинъ пришелъ къ убѣжденію, что всякія высшія степени это лишь обманъ, что для настоящей масонской работы вполнѣ достаточно тѣхъ трехъ, которыя были приняты въ англійскомъ масонствѣ. Признаніе англійскаго масонства самымъ истиннымъ и настоящимъ выразилось въ томъ, что около 1770 г. въ Петербургѣ была введена правильная организація по англійской системѣ. Первоначально это было достигнуто сношеніемъ русскихъ масоновъ съ берлинской ложей Royal York, которая работала по англійскимъ масонскимъ конституціямъ, а потомъ было рѣшено завязать непосредственныя связи съ англійской „Великой ложей“. Въ 1772 г. она признала Елагина великимъ провинціальнымъ мастеромъ въ Россіи и прислала ему соотвѣтствующій дипломъ, который и до сихъ поръ сохраняется въ бумагахъ Елагина.

Администрація главной русской провинціальной ложи состояла изъ слѣдующихъ лицъ: „великимъ провинціальнымъ мастеромъ“ былъ Елагинъ, „намѣстнымъ“ мастеромъ—гр. Ром. Илар. Воронцовъ, должности „надзирателей“ занимали: генералъ А. Л.

Щербачевъ и кн. П. В. Несвицкій, казначеемъ былъ генералъ С. В. Перфильевъ, „меченосцемъ“ — знаменитый тогда врачъ Ѳ. Фрезе, а секретаремъ—Влад. Игнатьевичъ Лукинъ, довольно извѣстный въ XVIII в. писатель. Такой составъ администраціи опять подтверждаетъ, что масонство сначала захватывало высшіе круги общества. Отъ имени главной русской ложи были открыты въ 70-хъ гг. и другія ложи въ Петербургѣ, Москвѣ, въ Ясахъ, въ Молдавіи, въ Архангельскѣ, Ярославлѣ, Могилевѣ, а впослѣдствіи во Владимірѣ.

Съ установленіемъ правильной организаціи елагинскихъ ложъ по англійской системѣ на Руси оказались всѣ три, наиболѣе значительныя, масонскія направленія: англійское масонство, тампліерство и система слабаго наблюденія, или рейхелевская.

Такъ же, какъ въ З. Европѣ, у насъ эти три направленія враждовали между собой. Масоны елагинской и рейхелевской системы съ презрѣніемъ относились къ тампліерству, считая его высшія степени ненужной побрякушкой, но въ то же время сами расходились между собой. Изъ протоколовъ ложъ елагинской системы видно, что въ нихъ запрещалось принимать братьевъ изъ рейхелевскихъ ложъ, такъ какъ эти ложи считались „шизматическими“. Но вражда между елагинской и рейхелевской системой продолжалась недолго: разныя обстоятельства привели къ тому, что въ 1776 г. большинство елагинскихъ ложъ соединилось съ рейхелевскими и признало главенство надъ собой берлинской ложи Минервы, отъ которой самъ Рейхель взялъ свою „систему“.

Прежде всего англійская система не могла удовлетворить той острой потребности открыть настоящую тайну, которая захватывала братьевъ-масоновъ. Основная мысль первоначальнаго англійскаго масонства — переустройство общества путемъ воспитанія отдѣльной личности, — теперь уже не казалась достаточной людямъ, вѣрившимъ, что имѣется въ мірѣ готовая истина, которую стоитъ только открыть, и сразу весь міръ преобразится. Самъ „великій мастеръ“ Елагинъ, постоянно твердившій, что настоящее масонство—единственно англійское, не удержался на его простой и основной мысли: и онъ былъ захваченъ порывомъ открыть „таинственную премудрость“. Правда, онъ зналъ, и самъ не разъ повторялъ, что настоящая масонская наука не пишется ни въ тетрадяхъ, ни въ пергаментахъ, но онъ все-таки думалъ найти ее, раскрывая таинственный смыслъ писа-

ній Библіи, отцовъ церкви и всѣхъ великихъ писателей. Елагинъ твердо усвоилъ себѣ, что масонство есть „та самая премудрость, которая отъ начала міра у патріарховъ и отъ нихъ преданная въ тайнѣ священной хранилась въ храмѣхъ халдѣйскихъ, египетскихъ, персидскихъ, финикійскихъ, іудейскихъ, греческихъ и римскихъ и во всѣхъ мистеріяхъ или посвященіяхъ еллинскихъ; въ училищахъ Соломоновыхъ, Елейскомъ, Синайскомъ, Іоанновомъ, въ пустынѣ и въ Іерусалимѣ новою благодатью въ откровеніи Спасителя преподавалась; и что она же въ ложахъ или училищахъ Оалѣевомъ (Ѳалеса), Пиоагоровомъ и у любомудрцевъ индѣйскихъ, китайскихъ, арабскихъ, друидскихъ и у прочихъ, науками славящихся народовъ, пребывала".

Сообразно съ этимъ, своимъ послѣдователямъ Елагинъ рекомендовалъ читать Ветхій и Новый завѣтъ, отцовъ церковныхъ: Оригена, Евсевія, Іустина, Кирилла Александрійскаго, Григорія Назіанзина, Василія Великаго, Іоанна Златоуста, Іоанна Дамаскина, преп. Макарія, церковную исторію Флери, далѣе Пиоагора, Анаксагора, Сократа, Эпиктета, Платона, Ермія Трисмегиста, Орфея, Гомера и Зороастра съ помощью Геродота, Діодора Сицилійскаго, Плутарха, Цицерона, Плинія, а затѣмъ и сочиненія новѣйшихъ мистиковъ: „О заблужденіяхъ и истинѣ" Сенъ-Мартена, Натуральную таблицу Велинга, Роберта Флуктиба, Еліаса Артиста. Здѣсь въ одну кучу свалена чуть ли не вся мудрость всего міра, отъ Ветхаго завѣта до новѣйшихъ мистическихъ работъ, и можно было бы преклониться передъ ученостью „великаго мастера", но онъ тутъ же съ сожалѣніемъ отмѣчаетъ, что не могъ читать подлинниковъ указанныхъ сочиненій, такъ какъ не зналъ языковъ. Всю эту мудрость онъ воспринялъ въ толкованіи одного масона, Станислава Эли, про котораго Елагинъ съ убѣжденіемъ говоритъ, что его послалъ ему „всевышній архитектъ",—самъ Богъ. Этотъ учитель, по отзыву ученика, въ совершенствѣ зналъ масонскую врачебную науку, былъ „въ знаніи языка еврейскаго и кабалы превосходный, въ теозофіи, въ физикѣ и химіи глубокій". Съ его помощью „великій мастеръ" „постигъ нѣсколько царственную науку".

„Преодолѣлъ я,—говоритъ онъ,—распростертую передъ нами тьму гіероглифовъ, символовъ, иносказаній и обрядовъ, въ ложахъ нашихъ зримыхъ и употребляемыхъ, проразумѣлъ пре-

данія египетскія, писанія творцевъ (новѣйшихъ мистическихъ сочиненій)". По изслѣдованію ученыхъ, просвѣщенный руководитель Елагина былъ однимъ изъ самыхъ темныхъ розенкрейцерскихъ писателей, и разъ самъ „великій мастеръ" увлекся его наставленіями и погрузился въ туманное море мистическаго бреда, въ которомъ ему весь міръ сталъ казаться символомъ чего-то таинственнаго, то вполнѣ понятно, что и послѣдователи Елагина не могли удовольствоваться несложной моральной идеей основного англійскаго масонства. По его собственнымъ словамъ, они просили его открыть, „чего они отъ толь продолжительнаго упражненія ихъ, кромѣ неудобь вразумительнымъ гіероглифовъ, непонятныхъ символовъ и прекословныхъ иносказаній ожидать долженствуютъ". Нетерпѣніе братьевъ постичь настоящую тайну особенно усилилось, когда въ 1775 г. появилась книга Сенъ-Мартена „О заблужденіяхъ и истинѣ". Блестяще написанная, она заставляла предполагать въ ней глубокій и сокровенный смыслъ, а своей непонятностью еще болѣе раздражала ожиданіе „настоящей" истины. Многіе изъ братьевъ усомнились въ „истинности" англійскаго масонства и все болѣе стали тянуть къ рейхелевской системѣ. Она казалась имъ болѣе содержательной, ея высшія степени манили своей таинственностью.

Можно думать, что самъ Рейхель своимъ поведеніемъ не мало способствовалъ популярности своей системы. Даже серьезные изъ масоновъ сохранили о немъ представленіе, какъ о человѣкѣ убѣжденномъ, знающемъ истину настоящаго масонства; въ его ложахъ находили больше внутренняго смысла и больше средствъ для нравственнаго самоусовершенствованія, чѣмъ въ елагинскихъ. Новиковъ въ своихъ показаніяхъ на слѣдствіи необычайно трогательно описываетъ, какъ онъ, измученный сомнѣніями въ поискахъ истиннаго масонства, обратился именно къ Рейхелю—дать ему „признакъ такой, по которому можно безошибочно узнать истинное масонство отъ ложнаго". Онъ такъ трогательно просилъ объ этомъ Рейхеля и такъ искренне вѣрилъ въ его правдивость, что Рейхель прослезился и обѣщалъ открыть все, что знаетъ. Вступивъ въ ложу Рейхеля, Новиковъ съ удовлетвореніемъ отмѣтилъ, что „тутъ было все обращено на нравственность и самопознаніе, говоренныя же рѣчи и изъясненія произвели великое уваженіе и привязанность".

Очевидно, работы въ елагинскихъ ложахъ не удовлетворяли

серьезныхъ масоновъ. „Мнѣ не нравилось сіе масонство,—свидѣтельствуетъ тотъ же Новиковъ:—ибо хотя и дѣлались изъясненія по градусамъ на нравственность и самопознаніе, но они были весьма недостаточны и натянуты.“

Изъ того, что извѣстно о внутренней жизни ложи „Уранiи“, работавшей по Елагинской системѣ, дѣйствительно слѣдуетъ, что братья въ ней мало занимались своей настоящей работой—самосовершенствованіемъ. Въ этой ложѣ „Уранiи“ было устроено „нѣчто въ родѣ нынѣшнихъ клубовъ. Заведены были: карточныя игры, билліардъ, ужины. Трое членовъ по избранію дѣлались надзирателями за этимъ заведеніемъ, посѣтителей стали вводить по запискѣ ихъ членами въ особую книгу; послѣ полуночи начинали платить штрафы и проч.“ [1]).

Къ этимъ двумъ основаніямъ — напряженному исканію высшей масонской тайны, какой не давало англійское масонство, и недовольству внутренней работой ложъ елагинской системы—присоединялось и еще одно основаніе для соединенія ложъ елагинскихъ и рейхелевскихъ: это были какіе-то внутренніе нелады у Рейхеля съ нѣкоторыми изъ послѣдователей, которые заставили его самого хлопотать о подчиненіи своихъ ложъ Елагину, но съ условіемъ, что Елагинъ введетъ вездѣ у себя распорядки рейхелевскихъ ложъ. При взаимной тягѣ другъ къ другу и состоялось въ 1776 г. соединеніе елагинскихъ ложъ съ рейхелевскими.

Послѣ соединенія елагинскихъ ложъ съ рейхелевскими масонская работа, по свидѣтельству современниковъ, значительно оживилась, но вмѣстѣ съ тѣмъ должны были усилиться и поиски масонской тайны.

Самъ Рейхель ссылался на то, что у него нѣтъ полномочій давать больше, чѣмъ онъ далъ, и совѣтовалъ искать такихъ связей по масонству, которыя бы удовлетворили чаянія русскихъ братій. Но гдѣ искать? Англійское масонство въ чистомъ видѣ уже никого изъ нихъ не удовлетворяло, а обратиться во Францію или Германію казалось необычайно рискованнымъ: въ этихъ странахъ было распространено тампліерство или система строгаго наблюденія, а къ ней русскіе масоны относились очень неодобрительно, и Рейхель настойчиво поддерживалъ такое отношеніе. Между тѣмъ доходили до русскихъ слухи о необычайномъ расцвѣтѣ масонства въ Швеціи, о томъ, что тамъ

---

[1]) Лонгиновъ, с. 98.

поддерживаетъ его самъ король и во главѣ его поставилъ своего брата, герцога Зюдерманландскаго.

Къ тому же было извѣстно, что въ Швеціи была распространена система „слабаго наблюденія“ или циннендорфская, которой придерживался и самъ Рейхель. Все это направило симпатіи русскихъ масоновъ къ шведскимъ, а скоро представился и удобный случай завязать съ ними непосредственныя отношенія: въ сентябрѣ 1776 г. въ Стокгольмъ отправился посломъ кн. Александръ Борисовичъ Куракинъ, извѣстный масонъ и любимецъ кн. Павла Петровича. Петербургскіе масоны и снабдили его рекомендательнымъ письмомъ къ главной стокгольмской ложѣ и полномочіями получить тамъ высшія масонскія степени и привезти ихъ въ Россію.

Швеція въ это время добивалась занять по масонству руководящую роль въ Европѣ, и для нея, конечно, было необычайно лестно и выгодно поставить русское масонство въ зависимость отъ Великой Шведской ложи. Поэтому къ русскому послу шведскіе масоны и шведское правительство отнеслись чрезвычайно предупредительно: посвятили кн. Куракина и его друга кн. Гагарина въ высшія степени ордена, снабдили его различными актами и дипломами для организаціи масонскихъ работъ въ Петербургѣ по шведскому образцу, а кн. Куракинъ по полномочію подписалъ актъ подчиненія всѣхъ соединенныхъ петербургскихъ ложъ шведскому масонскому капитулу. Лѣтомъ 1777 г. шведскій король Густавъ III былъ въ Петербургѣ, и это обстоятельство было использовано для болѣе тѣснаго сближенія русскаго и шведскаго масонства. Въ результатѣ, 25 мая 1779 г. въ Петербургѣ была образована Новая Великая національная ложа подъ управленіемъ кн. Гагарина, которая сейчасъ же предложила остальнымъ русскимъ ложамъ присоединиться къ ней.

Масонская система, вывезенная изъ Швеціи, была системой „строгаго наблюденія“. Это было неожиданно для тѣхъ русскихъ масоновъ, которые вмѣстѣ съ Рейхелемъ вѣрили, что найдутъ здѣсь „истинное масонство“, и не знали, что въ Швеціи, какъ разъ незадолго до соединенія русскихъ ложъ со шведскими, ранѣе бывшая тамъ система циннендорфская замѣнилась тампліерской. Когда характеръ шведскаго масонства выяснился, часть русскихъ ложъ отказалась отъ соединенія со шведскими: онѣ остались попрежнему въ зависимости отъ

Елагина, который также не призналъ шведскаго масонства, но большинство, повидимому, было удовлетворено тѣми высокими „градусами“, что давались въ шведской системѣ, и необычайно легко отказалось отъ системы Рейхеля.

Такимъ образомъ, въ петербургскомъ масонствѣ стали дѣйствовать параллельно двѣ системы: Елагинская — Рейхеля—и система „строгаго наблюденія“ въ томъ видѣ, какъ она была устроена въ Швеціи. Работа ложъ подъ управленіемъ Гагарина продолжалась, однако, недолго: въ 1780 г. шведскій король оффиціально назначилъ своего брата Карла, герцога Зюдерманландскаго, первымъ начальникомъ ордена въ Швеціи и въ Россіи; такое подчиненное положеніе русскаго масонства вызвало протестъ русскихъ ложъ и возбудило подозрѣнія у русскаго правительства, тѣмъ болѣе, что князья Куракинъ и Гагаринъ были любимцами великаго князя Павла Петровича, котораго, какъ извѣстно, Екатерина вообще подозрѣвала въ стремленіи свергнуть ся власть. При такихъ условіяхъ князья Куракинъ и Гагаринъ были удалены изъ Петербурга, а работа ложъ, союзныхъ съ Швеціей, должна была прекратиться.

Ложи же елагинской системы, очевидно, не вызывали особыхъ подозрѣній правительства и не только продолжали свою работу, но даже открывали новыя ложи.

Дальнѣйшая исторія русскаго масонства связана уже съ дѣятельностью московскихъ масоновъ.

Въ Москвѣ русскія масонскія организаціи появились во второй половинѣ 70-хъ гг.: около 1774 г. упоминается въ документахъ ложа Кліо, работавшая по Елагинской системѣ, въ 1775 г.—ложа Латоны, съ 1776 г.—Озириса, въ этомъ же году основалъ ложу кн. Н. Н. Трубецкой, въ 1779 г. П. А. Татищевъ получилъ отъ герцога Фердинанда Брауншвейгскаго дипломъ на званіе мастера и открылъ въ Москвѣ ложу „Трехъ Знаменъ“, но до начала 80-хъ гг. не видно, чтобы московскіе масоны проявляли какую-либо дѣятельность. Скорѣе всего это были запоздавшіе отголоски тѣхъ модныхъ спросовъ на масонство, которые въ Петербургѣ были пережиты еще въ 50-хъ и 60-хъ гг.

Въ московскихъ ложахъ особенно привились разные виды системы „строгаго наблюденія“, вплоть до самыхъ настоящихъ—французскихъ.

Новиковъ въ своихъ показаніяхъ свидѣтельствуетъ: „Была у Татищева ложа, у которыхъ были четыре градуса шведскихъ

стриктъ-обсервантскихъ, полученные черезъ нѣкотораго англійскаго купца Тусеня изъ Берлина, да одна или двѣ ложи настоящихъ французскихъ; у нихъ было французское масонство, которое мы всѣ, такъ называвшіеся тогда рейхелевскіе масоны, совершенно презирали и почитали за глупую игру и дурачество“ [1]).

Серьезнѣе другихъ относился къ масонству, повидимому, только кружокъ кн. Трубецкого: онъ участвовалъ въ исканіяхъ петербургскими масонами „истинной“ системы; ложа кн. Трубецкого подчинялась Елагину и на первыхъ порахъ отказалась признать соединеніе съ шведскимъ масонствомъ; лишь въ 1778 г. кн. Трубецкой на какихъ-то особыхъ условіяхъ призналъ это соединеніе. Къ кружку Трубецкого между прочими принадлежалъ и Херасковъ, назначенный въ 1778 г. куратором Московскаго университета.

Во время пребыванія въ Петербургѣ Трубецкой и Херасковъ близко сошлись съ Новиковымъ и приглашали его перенести свою дѣятельность въ Москву, для чего Херасковъ предложилъ Новикову снять въ аренду университетскую типографію. Новиковъ соблазнился этимъ предложеніемъ и въ 1779 г. дѣйствительно переселился въ Москву.

Въ тѣ времена Москва была городомъ по преимуществу дворянскимъ. „Почти всякій достаточный помѣщикъ Московской, Калужской, Тульской, Рязанской, Владимірской, Ярославской, Тверской и даже болѣе отдаленныхъ губерній имѣлъ въ Москвѣ домъ, гдѣ жилъ большую часть года, при тогдашнихъ неудобствахъ деревенской жизни, или пріѣзжалъ ежегодно въ Москву на зиму. Изъ этого слагался основной элементъ тогдашняго многочисленнаго московскаго общества, къ которому примыкали лица, служившія въ высшихъ правительственныхъ мѣстахъ. Оно пополнялось всѣми отставными, покидавшими службу, преимущественно военными“ [2]).

Тонъ этому обществу задавало родовитое барство, сильное своими вотчинами и родственнымъ вліяніемъ при дворѣ. По своему настроенію московское дворянство было гораздо патріархальнѣе петербургскаго и вдали отъ двора чувствовало себя свободнѣе.

---

[1]) Лонгиновъ, стр. 078.
[2]) Лонгиновъ, стр. 114.

„Здѣсь такое направленіе, какъ масонство, могло развиваться гораздо свободнѣе, не стѣсняемое модной „философіей“ придворнаго круга. Для патріархальной Москвы эта философія и по существу своему была черезчуръ ужъ крайней: здѣсь настроеніе интеллигентныхъ круговъ скорѣе походило на нѣмецкое стародумство, чѣмъ на французское свободомысліе. Затѣмъ отсутствіе двора имѣло еще и другія послѣдствія. Въ Москвѣ не было ни высшаго чиновничества, обязаннаго сообразоваться со взглядами власти, ни той житейской сутолоки, которая неизбѣжно связана съ повседневнымъ ходомъ громаднаго государственнаго механизма. Петербургъ суетился, поглощенный злобой дня и мелочами жизни. Москва утопала въ роскоши и праздности. Петербургъ дѣйствовалъ, Москва критиковала. Въ Москвѣ доживали свои дни всѣ падшія звѣзды и угасшія свѣтила сѣверной столицы. Здѣсь они по-барски прожигали шальныя состоянія, нажитыя въ болѣе счастливые дни; сюда уносили горечь и раздраженіе, копившіяся годами невольной или добровольной ссылки и находившія себѣ единственный исходъ въ томъ, что на языкѣ Екатерины называлось „враньемъ“.

„Въ этой атмосферѣ сановнаго брюзжанья, — мало, конечно, походившаго на политическую оппозицію, — жилось спокойнѣе и независимѣе и представителямъ интеллигентнаго русскаго общественнаго мнѣнія. За спиной главнокомандующаго, графа Захара Чернышева, не забывшаго еще, что и самъ онъ когда-то, въ дни Елизаветы, былъ однимъ изъ первыхъ русскихъ масоновъ, родовитые и богатые представители молодого масонства чувствовали себя въ сравнительной безопасности, — внѣ непосредственнаго дѣйствія петербургской власти. У нихъ было довольно вліянія и денежныхъ средствъ; талантъ и энергію вложили въ движеніе приглашенные ими идейные руководители“ [1]).

Словомъ, здѣсь было больше средствъ и возможности для проявленія общественной инициативы и независимаго мнѣнія. Интересы къ просвѣщенію, захватившіе дворянскіе круги общества, поддерживались здѣсь университетомъ. Само университетское начальство, въ особенности такія лица, какъ кураторъ Херасковъ, немало положило стараній, чтобы сблизить университетскую науку съ обществомъ. Это общество усиленно приглашалось въ университетъ на всякія публичныя засѣданія и

[1]) Милюковъ, Очерки, III, 353.

лекціи, для него при университетѣ дѣйствовало „Вольное россійское собраніе“—ученo-литературное общество (съ 1771 г.), типографія, книжная лавка и газета „Московскія Вѣдомости“.

Было и общество, были и культурно-просвѣтительныя учрежденія, не доставало организаторскаго таланта и идейнаго руководства.

Новиковъ внесъ въ это общество свой талантъ организатора и идеи нравственно-просвѣтительной дѣятельности, цѣликомъ построенной на общественной инициативѣ. Вокругъ него очень скоро образовался кружокъ друзей, у которыхъ были большія связи въ московскомъ обществѣ, но собственно масонская работа на первыхъ порахъ была у Новикова въ сторонѣ. „По пріѣздѣ моемъ въ Москву (1779 г.),—свидѣтельствуетъ онъ,—упражненъ я былъ и совершенно занятъ типографскими дѣлами, а масонствомъ совсѣмъ не занимался“.

Только на другой годъ своего пребыванія въ Москвѣ, въ концѣ 1780 г., Новиковъ устроилъ изъ своихъ друзей масонскую ложу по завѣтамъ своего учителя Рейхеля. „Мы,—говоритъ онъ,—вспомня всегдашній совѣтъ барона Рейхеля, что ежели хотѣть упражняться въ истинномъ масонствѣ, то надо имѣть ложу весьма скрытую, состоящую весьма изъ малаго числа членовъ скромныхъ и постоянныхъ и упражняться въ тишинѣ, не гонясь за множествомъ членовъ, мы составили сію ложу“ [1]). Эта ложа называлась „Гармонія“. Въ ней было всего 8 членовъ: кн. Трубецкой, Херасковъ, кн. Черкасскій, кн. Енгалычевъ, П. П. Тургеневъ, А. М. Кутузовъ, которыхъ Новиковъ привлекъ изъ Петербурга, самъ Новиковъ и проф. Шварцъ.

Въ этой ложѣ сошлись люди различныхъ масонскихъ системъ: Трубецкой былъ масономъ шведской системы, Шварцъ — германскаго „строгаго наблюденія“, Новиковъ и остальные его друзья—послѣдователи Рейхеля. Ихъ сближала общая идея нравственнаго самоусовершенствованія, которая лежала въ основѣ всѣхъ масонскихъ системъ, и стремленіе къ нравственно-просвѣтительной дѣятельности на пользу общества. Относительно же тѣхъ разногласій, какія замѣчались въ разныхъ масонскихъ системахъ, они условились ихъ не касаться, а искать сообща „настоящаго“ масонства, тѣхъ „вышнихъ градусовъ“, въ существованіе которыхъ они всѣ вѣрили. Въ этомъ

[1]) Лонгиновъ, стр. 079.

исканій среди московскихъ масоновъ выдающаяся роль принадлежитъ проф. Шварцу.

Въ 1776 г. въ качествѣ гувернера Шварцъ былъ вывезенъ въ Россію знатнымъ барономъ, кн. Ив. Серг. Гагаринымъ. Жилъ онъ въ Могилевѣ при дѣтяхъ одного богатаго помѣщика и отсюда навѣщалъ Москву. Въ Москвѣ онъ былъ принятъ въ ложу кн. Трубецкого и такъ увлекся масонской идеей перевоспитанія общества, что самъ основалъ ложу въ Могилевѣ. Изъ Могилева по назначенію братій ложи онъ ѣздилъ въ Курляндію, чтобы завязать сношенія съ здѣшними масонами. Здѣсь онъ былъ введенъ въ высшія степени системы „строгаго наблюденія“, по которой и преобразовалъ свою могилевскую ложу.

Въ 1779 г., одновременно съ Новиковымъ, Шварцъ переселился въ Москву и сразу выдвинулся своимъ образованіемъ, педагогическими талантами и какимъ-то удивительнымъ энтузіазмомъ въ дѣлѣ распространенія просвѣщенія.

Въ августѣ 1779 г. онъ получилъ мѣсто профессора въ Московскомъ университетѣ, сначала нѣмецкаго языка, а потомъ философіи, и съ первыхъ же дней своей новой дѣятельности проявилъ кипучую энергію: читалъ лекціи и завязывалъ близкія личныя отношенія со студентами, сочинялъ учебники, подавалъ проекты преобразованія университетскаго преподаванія.

По его иниціативѣ въ ноябрѣ того же 1779 г. была открыта при университетѣ „Педагогическая семинарія“ для подготовки изъ русскихъ юношей преподавателей. На это дѣло Шварцъ пожертвовалъ всѣ свои сбереженія — 5.000 р. (на наши деньги около 25.000 р.). Въ слѣдующемъ году по порученію университета онъ занялся преобразованіемъ гимназіи, бывшей при университетѣ; въ мартѣ 1781 г. по его иниціативѣ было открыто „Собраніе университетскихъ питомцевъ“—общество учащейся молодежи для самообразованія и нравственнаго усовершенствованія, и опять-таки на это дѣло Шварцъ жертвуетъ деньги, книги и разныя вещи. Въ то же время Шварцъ носится съ обширнымъ планомъ „Общества для распространенія въ Россіи истиннаго просвѣщенія“ и пропагандируетъ среди богатой и вліятельной московской знати его главныя основанія: 1) дѣлать общеизвѣстными правила хорошаго воспитанія, 2) издавать полезныя книги, поддерживая тѣмъ и типографическое предпріятіе Новикова, и 3) выписывать изъ-за границы

способныхъ учителей или, еще лучше, воспитывать русскихъ преподавателей [1]).

Если еще прибавить, что Шварцъ самой своей личностью производилъ какое-то особое обаяніе, то будетъ вполнѣ понятно, что онъ получилъ громадное вліяніе въ кружкѣ московскихъ интеллигентовъ. „Однажды, — свидѣтельствуетъ Новиковъ, — пришелъ ко мнѣ нѣмчикъ, съ которымъ я, поговоря, сдѣлался всю жизнь до самой его смерти неразлучнымъ".

То же впечатлѣніе, какое испыталъ отъ личности Шварца Новиковъ, переживали, очевидно, и другіе. Среди московскихъ масоновъ Шварцъ долженъ былъ занять первое мѣсто еще и потому, что у него было цѣльное философское міросозерцаніе, чего не было у другихъ, и большія познанія относительно разныхъ системъ масонства.

На первыхъ порахъ по масонству къ Шварцу питали нѣкоторое недовѣріе въ Москвѣ: онъ придерживался системы „строгаго наблюденія", которая казалась особенно подозрительной серьезнымъ русскимъ масонамъ. Поэтому въ ложѣ „Гармонія" Шварцу было поставлено условіе ничего не говорить о своей масонской системѣ, но Шварцъ, очевидно, и самъ не хотѣлъ успокаиваться на системѣ „строгаго наблюденія", онъ тоже искалъ „истиннаго" масонства, а эти исканія сблизили его съ московскими масонами. Подъ вліяніемъ настойчивыхъ предложеній Шварца—отправить его въ Германію для поисковъ тамъ настоящихъ масоновъ—члены ложи „Гармонія" постепенно склонились къ этой мысли.

Шварцъ былъ направленъ въ Курляндію, въ которой у него уже раньше завязались знакомства, съ особымъ наставленіемъ отъ московскихъ масоновъ: „чтобы онъ искалъ и старался получить акты истиннаго масонства, котораго начала получили отъ барона Рейхеля, но стриктъ-обсервантскихъ, французскихъ и вообще имѣющихъ какіе-нибудь политическіе виды не принималъ бы; но ежели тутъ не найдется того, то старался бы узнать, гдѣ найти оное можно", какъ показывалъ Новиковъ. Кромѣ того, Шварцу было поручено добиваться, чтобы русское масонство формально было освобождено отъ подчиненія Швеціи и получило бы самостоятельное положеніе въ ряду другихъ европейскихъ странъ.

---

[1]) Лонгиновъ, стр. 128.

Въ Курляндіи Шварцъ изложилъ гросмейстеру курляндскихъ масоновъ пожеланія москвичей и просилъ его содѣйствовать осуществленію ихъ. Такъ какъ курляндскіе масоны признавали систему „строгаго наблюденія“ и такъ какъ главныя связи здѣсь были съ Германіей, гдѣ процвѣтала та же система, то Шварцу обѣщали дать рекомендаціи къ берлинскимъ масонамъ только въ томъ случаѣ, если онъ предварительно по полномочію всѣхъ московскихъ масоновъ признаетъ зависимость ихъ отъ Швеціи, гдѣ, какъ было указано, тоже дѣйствовала система „строгаго наблюденія“.

Это условіе шло въ разрѣзъ съ тѣми наказами, какими снабдили Шварца въ Москвѣ, но его увѣрили, что признаніе зависимости отъ Швеціи будетъ лишь временнымъ. Въ это время какъ разъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ собрался конвентъ изъ представителей масонскихъ ложъ. Шварцу и было указано, что ходатайствовать о формальномъ уничтоженіи масонской зависимости Россіи отъ Швеціи слѣдуетъ на этомъ масонскомъ „соборѣ“. Поэтому Шварцъ за себя и за московскихъ братій призналъ зависимость отъ Швеціи и получилъ рекомендательное письмо къ германскимъ масонамъ. Конвентъ дѣйствительно освободилъ русское масонство отъ подчиненія шведскому. Тогда же Шварцъ завязалъ непосредственныя сношенія съ гросмейстеромъ всѣхъ нѣмецкихъ ложъ системы „строгаго наблюденія“, герцогомъ Фердинандомъ Брауншвейгскимъ. Шварцъ подалъ ему особое представленіе, въ которомъ просилъ принять московское масонство подъ свое покровительство и войти съ нимъ въ постоянныя сношенія, чтобы въ Москвѣ было извѣстно, что дѣлается въ масонскомъ мірѣ, а кромѣ того, ходатайствовать на будущемъ конвентѣ, чтобы Россія была признана самостоятельной масонской провинціей. Представленіе было принято благосклонно: герцогъ обѣщался сообщать московскимъ масонамъ обо всемъ, что случится въ орденѣ, обѣщалъ на будущемъ конвентѣ поддерживать интересы Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ передалъ Шварцу приглашеніе прислать отъ Россіи двухъ депутатовъ на конвентъ.

Генеральный конвентъ представителей масонскихъ ложъ системы „строгаго наблюденія“ Германіи, Италіи, Франціи и Голландіи былъ назначенъ въ Вильгельмсбадѣ на лѣто 1782 г. для того, чтобы столковаться о болѣе или менѣе одинаковомъ устройствѣ ордена и устранить тотъ разладъ, который замѣчался въ дѣятельности масонскихъ организацій.

Однимъ изъ центральныхъ вопросовъ, выдвинутыхъ на немъ, былъ вопросъ о связи масонства съ орденомъ тамплiеровъ: „должны ли мы орденъ принимать за нѣчто условное или можемъ мы производить оный отъ какого-нибудь древнѣйшаго общества или ордена и какой есть сей орденъ?“, какъ гласитъ этотъ вопросъ въ предварительномъ циркулярѣ отъ герцога Брауншвейгскаго.

Конвентъ призналъ, что нельзя доказать непосредственную связь масонства съ орденомъ тамплiеровъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшилъ сохранять о послѣднемъ извѣстныя историческія воспоминанія, для чего была учреждена одна изъ высшихъ ступеней—„благотворительный рыцарей“.

Всякіе толки о томъ, что имѣются какіе-то тайные начальники ордена, отъ которыхъ якобы и должны зависѣть всѣ масонскія организаціи, тѣмъ самымъ на конвентѣ были отвергнуты. Конвентъ призналъ, что три степени—ученика, товарища и мастера—являются основными въ масонствѣ, и къ нимъ добавилъ лишь двѣ высшихъ—шотландскихъ мастеровъ и благотворительныхъ рыцарей.

Цѣль масонства была опредѣлена конвентомъ, какъ „благотвореніе въ обширнѣйшемъ смыслѣ слова“.

Очевидно, конвентъ сдѣлалъ попытку очистить масонство отъ постороннихъ примѣсей и вернуть его къ первоначальному виду — союзу людей, которые на основѣ христіанства хотятъ работать надъ собственнымъ самоусовершенствованіемъ и заниматься благотворительностью. Россія на этомъ конвентѣ была признана совершенно самостоятельной VIII провинціей масонскаго ордена, а гросмейстеромъ всѣхъ соединенныхъ ложъ вновь былъ утвержденъ герцогъ Фердинандъ Брауншвейгскій. Выдѣленіе Россіи въ особую провинцію конвентъ мотивировалъ тѣмъ, что она „есть государство пространное, управляемое сильною государыней, которой непріятно было бы видѣть подданныхъ въ зависимости отъ чужестранной области, и имѣетъ уже многія орденскія учрежденія, желающія приступить къ правленію“.

По рѣшенію конвента масонское „правленіе“ въ Россіи было организовано слѣдующимъ образомъ.

Шварцъ былъ назначенъ „верховнымъ предстоятелемъ“ „теоретической степени соломонскихъ наукъ“; на его обязанности было верховное наблюденіе за работами русскихъ масоновъ и

сношеніе съ западными. Рядомъ со Шварцемъ, въ качествѣ его ближайшаго помощника, былъ опредѣленъ „главнымъ предстоятелемъ“ Н. И. Новиковъ. Въ Москвѣ были организованы по выборамъ „капитулъ“ и „директорія“. Составъ ихъ по оффиціальнымъ спискамъ былъ такой:

I. Въ капитулѣ VIII провинціи.

1) Вакантное мѣсто провинціальнаго великаго мастера [1]).

2) Пріоръ VIII провинціи—Петръ, рыцарь a signo triumphante Петръ Алексѣевичъ Татищевъ.

3) Деканъ провинціи—Георгій, рыцарь a fortitudine—кн. Юрій Никитичъ Трубецкой.

4) Генеральный визитаторъ провинціи, кн. Николай, рыцарь ab aquila boreale, кн. Ник. Ник. Трубецкой.

5) Казначей провинціи—Николай, рыцарь ab ancora—Николай Ивановичъ Новиковъ.

6) Канцлеръ провинціи Георгій, рыцарь ab aquila crescente—Иванъ Егоровичъ Шварцъ.

7) Генеральный прокураторъ, кн. Алексѣй рыцарь ab equitate, кн. Алексѣй Александр. Черкасскій.

Члены провинціальнаго капителя.

1) Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ.

2) Петръ Петровичъ Татищевъ.

3) Всеволодъ Алексѣевичъ Всеволожскій и др.

II. „Директорія VIII провинціи“.

Въ ней присутствуютъ провинціальные чиновники всегда, когда имъ угодно, и сверхъ того, по введенному порядку, назначены для исправленія текущихъ дѣлъ въ директоріи президентъ и члены.

Президентъ—Никол. Ив. Новиковъ, а члены:

1) рыцарь Василій a pila, Василій Васильевичъ Чулковъ,

2) рыцарь Иванъ ab aurora boreale, Ив. Петровичъ Тургеневъ,

3) Iacobus a concordia, г. профессоръ Шнейдеръ,

4) рыцарь Ѳеодоръ ab oliva tenera, Ѳедоръ Петр. Ключаревъ,

5) Рыцарь Григорій a cuba, Григорій Прохоровичъ Крупенниковъ.

---

[1]) На эту должность по западно-европ. масонскому обычаю русскіе масоны хотѣли бы избрать какую-нибудь особу изъ числа лицъ царствующаго дома и прочили на это мѣсто вел. кн. Павла Петровича.

Изъ этихъ списковъ видно, что отъ прежняго тамплiерства въ „системѣ строгаго наблюденiя“ все еще остались рыцарскiя воспоминанiя.

До Вильгельмсбадскаго конгресса всѣ эти рыцарскiя степени встрѣчали враждебное отношенiе въ средѣ московскихъ масоновъ. Въ 1781 г., когда Шварцъ только что возвратился изъ поѣздки за границу, московскiе братья очень неодобрительно отнеслись къ его новымъ связямъ.

„Всѣ мы, показываетъ Новиковъ, крайне были недовольны и сказали ему, что это совершенно противъ нашего желанiя, что мы сихъ связей и союзовъ не искали и не хотимъ; что градусовъ сихъ, такъ называемыхъ рыцарскихъ, мы не примемъ, и что мы и отъ шведскаго у кн. Гагарина масонства затѣмъ отстали, что ихъ употребленiя не хотѣли, короче сказать, всѣ совершенно были симъ его поступкомъ недовольны“. Теперь, послѣ конгресса, который рѣшилъ, что у масонства нѣтъ непосредственной связи съ тамплiерствомъ, эти рыцарскiя степени уже не пугали такъ, какъ раньше, а то, что Россiя была признана теперь по масонству самостоятельной провинцiей, давало возможность московскимъ масонамъ со временемъ передѣлать русскiя масонскiя организацiи по собственнымъ планамъ.

Въ московскомъ масонствѣ теперь особенно подчеркивается его терпимое отношенiе ко всякимъ системамъ и желанiе во всѣхъ ихъ разыскать извѣстныя крупицы истины. Кн. Н. Трубецкой въ своемъ письмѣ одному петербургскому масону такъ опредѣлялъ отношенiе московскаго масонства къ западно-европейскому:

„Всѣхъ системъ работу мы теперь у себя имѣемъ, и еще, что не достаетъ, то получаемъ почти на всякой почтѣ, такъ что, соединясь съ капителями всѣхъ системъ внѣшняго ордена, мы сдѣлались такъ, какъ средоточiемъ, въ которое все то, что капители всѣхъ партiй имѣютъ, стекается; и наша архива богатѣе становится, нежели во всей Европѣ, ибо тамъ капители разныхъ системъ другъ отъ друга таятся и другъ другу ничего не даютъ, а мы, бывъ съ ними со всѣми въ связи, и не объявляясь ничьей партiи, но признавая всѣхъ ихъ за истинныхъ братьевъ, токмо стремящихся разными путями къ той же и единственной цѣли ордена, все то отъ всѣхъ ихъ получили и получаемъ, что они только имѣютъ“ [1]).

---

[1]) Ешевскiй, Соч. по р. ист., 202.

Даже какой-то оттѣнокъ гордости звучитъ въ этомъ письмѣ Трубецкого, когда онъ сравниваетъ русское масонство съ масонствомъ другихъ странъ: „Мы провинція, мы независимы ни отъ кого, и мы все то у себя имѣемъ, что только внѣшній орденъ когда-либо у себя имѣлъ или имѣетъ; и за то отвѣчать можно, что Швеція того у себя не имѣетъ, что имѣетъ Россія“ [1]).

На основаніи новыхъ связей въ Москвѣ „работали“ слѣдующія ложи: въ 1783 г. въ Москвѣ были три ложи-матери, т.-е. такія, подъ началомъ которыхъ находились другія ложи—ложа „Коронованнаго Знамени“ подъ управленіемъ Татищева, ложа „Латоны“ подъ управл. Новикова и „Озириса“—кн. П. Н. Трубецкого. Изъ младшихъ ложъ подъ управленіемъ ложи Новикова было четыре, у кн. Трубецкого и у Татищева по три. Всего 13 ложъ. Съ 1782 г. московское масонское начальство начинаетъ дѣятельно хлопотать о подчиненіи правленію VIII провинціи всѣхъ петербургскихъ масоновъ. Петербургскіе масоны стояли въ сторонѣ отъ всего того движенія, какое совершалось въ московскомъ масонствѣ. Петербургскія ложи граф. Строганова, гр. Шувалова и Петра Ивановича Меллиссино, въ которыхъ собиралась, главнымъ образомъ, придворная публика, вообще довольно равнодушно относились къ масонскимъ исканіямъ; Елагинъ, подъ начальствомъ котораго была другая часть ложъ, сталъ въ оппозицію къ московскимъ масонамъ и удерживалъ своихъ сторонниковъ отъ сношенія съ заграничными масонами, съ которыми сблизились московскіе.

Московскіе масоны могли опереться въ Петербургѣ только на тѣхъ лицъ, съ которыми и раньше у нихъ были близкія отношенія. Изъ такихъ выдѣляется одинъ изъ ревностныхъ петербургскихъ масоновъ Алексѣй Андреевичъ Ржевскій. Онъ пожелалъ присоединиться къ московской организаціи, и директорія VIII провинціи въ 1783 г. поручила ему образовать въ Петербургѣ особую префектуру подъ его управленіемъ. Тогда же присоединился къ московскому управленію и кн. Гагаринъ, но только съ одной своей ложей „Сфинксъ“, которая была признана четвертой ложей-матерью: остальныя же ложи, бывшія у Гагарина подъ начальствомъ, повидимому, не пожелали присоединиться къ московскимъ братьямъ.

---

[1]) Ib. стр. 202.

Кромѣ Петербурга, московскіе масоны завели сношенія и съ провинціальными городами и образовали тамъ нѣсколько ложъ, изъ нихъ извѣстны: ложа въ Орлѣ подъ предсѣдательствомъ орловскаго вице-губернатора З. Я. Карнѣева, въ Вологдѣ (мастеромъ стула былъ здѣсь засѣдатель верхн. земскаго суда Остолоповъ), въ Симбирскѣ—подъ управл. вице-губернатора Голубцова, въ Могилевѣ подъ управл. Веревкина.

Дальнѣйшихъ успѣховъ по организаціи ложъ въ провинціяхъ московское масонство не дѣлаетъ, потому что въ немъ самомъ развивается новое теченіе, которое и уноситъ съ собой наиболѣе значительныя силы. Въ то же самое время, когда Шварцъ добивался заграницей признанія самостоятельности русскаго масонства, онъ вошелъ въ Берлинѣ въ тѣсныя сношенія съ розенкрейцерами. Въ Берлинской ложѣ „Трехъ глобусовъ“ въ это время дѣйствовали двое знаменитыхъ въ исторіи масонства розенкрейцеровъ — Вельнеръ и Теденъ. Черезъ нихъ Шварцъ былъ посвященъ въ розенкрейцерство и вывезъ его въ Москву.

На вопросы Новикова, въ чемъ заключается „вѣрное понятіе объ орденѣ и какой его предметъ“, Шварцъ отвѣчалъ, что „предметъ его—познаніе Бога, натуры и себя кратчайшимъ и вѣрнѣйшимъ путемъ“. Этотъ кратчайшій и вѣрнѣйшій путь, свойственный всякому мистическому теченію, заключается все въ томъ же непосредственномъ откровеніи, какое дается отъ Бога нравственно совершенному человѣку. И. П. Тургеневъ на допросѣ показалъ, что „ученіе сіе (розенкрейцерское) состоитъ въ снисканіи великаго таинства или magisterium, кое только тотъ получитъ, кто удостоится черезъ исправленіе нравственнаго характера душевнаго сдѣлаться столько совершеннымъ, сколько человѣку возможно быть“ [1]).

Основныя положенія розенкрейцерства—нравственное самоусовершенствованіе и возможность черезъ него приближаться къ истинному и совершенному знанію—пришлись по вкусу московскимъ масонамъ, въ розенкрейцерствѣ они увидѣли то „истинное“ масонство, котораго давно добивались.

Въ 1782 г. въ Москвѣ учредился подъ начальствомъ Шварца „Орденъ Злато-розоваго креста“. Въ него были приняты только наиболѣе ревностныя и надежныя лица: Новиковъ, князья Трубецкіе, Кутузовъ, Гамалѣя, Лопухинъ, Тургеневъ, Чулковъ, Хе-

---

[1]) Лонгиновъ, стр. 0144.

расковъ, кн. Энгалычевъ, кн. Черкасскій, Чеботаревъ, Багрянскій, А. И. Новиковъ, купецъ Туссенъ, врачъ Франкель и Поздѣевъ.

Четвертая масонская степень, принятая въ Москвѣ послѣ Вильгельмсбадскаго конгресса, — „теоретическій градусъ соломонскихъ наукъ"—давала возможность выдѣлять избранныхъ въ особый кружокъ, который и посвятилъ себя розенкрейцерскимъ работамъ. Здѣсь мало-по-малу стираются тѣ рыцарскія наслѣдія, какія остались въ масонствѣ послѣ конгресса: уничтожаются рыцарскія имена, уничтожается пятая степень благотворительныхъ рыцарей. Самыя сношенія съ герцогомъ Брауншвейгскимъ постепенно сходятъ на нѣтъ и замѣняются дѣятельными связями черезъ Шварца съ Вельнеромъ и Теденомъ.

Въ 1783 г. московскіе масоны были формально приняты въ составъ главнаго розенкрейцерскаго братства; въ этомъ же году берлинская ложа „Трехъ глобусовъ", отъ которой они зависѣли, объявила себя свободной отъ всякаго подчиненія какой-бы то ни было масонской организаціи, и тѣмъ самымъ московское масонство было въ связи только съ этой ложей.

Съ тѣхъ поръ почти вся масонская работа сосредоточилась въ тѣсномъ кружкѣ московскихъ розенкрейцеровъ, съ остальными ложами поддерживались лишь формальныя сношенія. Розенкрейцерская организація была неизвѣстна для остальныхъ масоновъ. Въ началѣ 1784 г. умеръ Шварцъ, и послѣ его смерти управленіе масонскими организаціями перестроилось такъ: для теоретической степени, по предписанію изъ Берлина, была организована особая директорія изъ Татищева, Новикова и И. Трубецкого, а розенкрейцерскими дѣлами назначенъ былъ управлять баронъ Шредеръ, незадолго до того введенный, по рекомендаціи изъ Берлина же, въ кружокъ московскихъ розенкрейцеровъ.

Въ 1786 г. начались правительственныя гоненія на московскихъ масоновъ, ложи ихъ были „разорены" и перестали собираться, но тайная розенкрейцерская организація продолжала дѣйствовать и послѣ этого разоренія.

Въ слѣдующемъ году изъ Берлина было предложено выслать кого-либо изъ русскихъ членовъ розенкрейцерства для детальнаго ознакомленія съ работами ордена. Московскіе масоны выбрали для этого Алексѣя Михайловича Кутузова, который и уѣхалъ съ бар. Шредеромъ за границу. Тамъ онъ долженъ былъ, между прочимъ, заняться практическими работами по орденской

химіи. Еще черезъ годъ за границу были посланы студенты Багрянскій, Колокольниковъ и Невзоровъ. „Они отправлены были въ слѣдующемъ намѣреніи,—показывалъ на слѣдствіи Лопухинъ,—что когда они выучатся химіи, медицинѣ, натуральной исторіи и протчему, чтобы по впаденіи ихъ въ розенкрейцеры тѣмъ удобнѣе могли упражняться по методѣ и системѣ онаго ордена и быть у насъ лаборантами, каковые при округахъ бываютъ, и коихъ работы служатъ для наблюденія прочимъ членамъ, коихъ большая часть въ томъ не упражняется“ [1]).

Такимъ образомъ московское розенкрейцерство отъ теоретическихъ работъ начинало уже мало-по-малу переходить и къ практическому изученію „орденской химіи“, т.-е. алхиміи. По всему видно, что эти „практическія занятія“ не пользовались въ кружкѣ большимъ сочувствіемъ, но не потому, чтобы члены его принципіально отвергали всякую алхимію, магію и кабалистику, а потому что еще считали себя для нея недостаточно подготовленными. На слѣдствіи Новиковъ показалъ: „Въ магіи и кабалѣ и не могли изъ насъ никто упражняться, находясь въ нижнихъ только еще градусахъ, и мнѣ о сихъ наукахъ кромѣ названія ихъ неизвѣстно. А въ химіи должны были мы уже упражняться, но не начинали и по неохотѣ и потому, что первыхъ основаній показать намъ было еще некому“ [2]).

Неизвѣстно, какъ бы пошли въ будущемъ „практическія“ работы московскихъ розенкрейцеровъ, такъ какъ въ 1792 г. надъ ними разразилась катастрофа, послѣ которой всякія масонскія работы въ Москвѣ остановились надолго.

Такимъ образомъ, русское масонство во внѣшнемъ своемъ развитіи пережило тѣ же главные моменты, что и западно-европейское масонство: отъ англійскаго масонства черезъ тампліерство оно подошло къ розенкрейцерству. Но нужно указать и глубокую разницу: исканія русскихъ масоновъ, несмотря на всѣ ихъ заблужденія, въ какія они впадали отъ недостатка знанія, были всегда глубоко серьезными и безкорыстными. Изъ разныхъ „системъ“, съ которыми они встрѣчались на своемъ пути, они старались почерпнуть лишь то, что было въ согласіи съ христіанской моралью и что практически расширяло кругъ ихъ христіанской дѣятельности.

[1]) Лонгиновъ, стр. 0136.
[2]) Лонгиновъ, стр. 0112.

Масонскіе дѣятели александровской эпохи необычайно высоко ставили эти особенности московскаго масонства. Въ „Матеріалахъ“ по масонству Пыпинъ приводитъ изъ архивной рукописи постановленіе, принятое масонами въ сентябрѣ 1827 г. по случаю запрещенія ложъ. Въ немъ сдѣлана такая оцѣнка масонскаго движенія за XVIII в.

„При разсматриваніи настоящаго положенія нашего относительно къ братству, естественно вознестись мыслію къ источнику, изъ коего оно въ Россіи начало свое получило. Открывается по дошедшимъ преданіямъ, что масонство въ отечествѣ нашемъ не имѣло ни надлежащаго устройства, ни какихъ-либо знаній, до самой той благополучной эпохи, когда немногіе, но внутреннимъ голодомъ возбужденные и ревностно ищущіе братья рѣшились просить покойнаго И. Е. Шварца, и онъ рѣшился принять предложеніе ихъ, отправиться за границу для исканія Свѣта. Видно, что исканіе сіе было съ обѣихъ сторонъ чистосердечно, безкорыстно и Богу угодно, ибо увѣнчалось успѣхомъ, который превзошелъ всякое ожиданіе. И. Е. Шварцъ возвратился въ Россію со свѣтильникомъ, озарилъ имъ жаждущихъ свѣта братьевъ, озарилъ столь живо, что отраженіе лучей разлилось даже на всю Россію и столь прочно, что еще и нынѣ, спустя 40 лѣтъ послѣ сего счастливаго событія, находятся еще такіе братья, кои желаютъ у свѣта сего согрѣваться, имъ питаться и возрастать. Съ возвращеніемъ И. Е. Шварца устроился въ братствѣ порядокъ, учредилось начальство, принесено новое и въ Россіи до того времени неслыханное ученіе. Въ порядкѣ семъ образовались новыя ложи, прежде существовавшія пристали къ нему. Но не долго сіе продолжалось. Жизнь И. Е. Шварца была еще кратковременна. Однако несмотря на сіи, при самомъ началѣ постигшія братство, несчастія, несмотря на преслѣдованія правительства, обращаемыя на наружныя собранія, несмотря на послѣдовавшее отъ сего разсѣяніе многихъ братьевъ, внутренняя сила осталась непобѣжденной“ [1]).

Въ чемъ же была эта внутренняя сила?

---

[1]) „Вѣстн. Евр.“ 1872 г. № 7.

XII.

Идейное содержаніе русскаго масонства.

„Внутренняя сила“ масонства, тѣ идейныя основанія, на которыхъ оно держалось, пришли къ намъ съ Запада вмѣстѣ съ самой формой масонскихъ организацій. Основаніе свои масонскія идеи имѣли въ трудахъ великихъ западно-европейскихъ мистиковъ, которые сами не принадлежали еще къ масонству. Таковы въ особенности: книга Ѳомы Кемпейскаго „О подражаніи Христу“ (1494 г.), Іоанна Арндта „Объ истинномъ христіанствѣ“ (1605 г.), творенія Іакова Бёма (1575—1624 г.), Іоанна Масона „О познаніи себя самого“ (1745 г.). Въ рукописномъ видѣ труды этихъ и имъ подобныхъ авторовъ начинаютъ встрѣчаться у насъ еще съ царствованія Анны Ивановны, а московскіе масоны въ 80-хъ гг. издали переводы ихъ въ печати.

На основѣ этихъ мистиковъ уже создавались собственно масонскія работы и тоже переходили къ намъ. Было бы необычайно интересно прослѣдить, при какихъ условіяхъ создавались и какъ развивались идеи указанныхъ мистиковъ, какія наслоенія откладывались на нихъ масонствомъ, въ какомъ видѣ всѣ эти писанія являлись къ намъ и какъ отражались у нашихъ масонскихъ авторовъ, но подобная работа заняла бы слишкомъ много мѣста. Отчасти она намѣчена въ интересной статьѣ г. Тукалевскаго „Исканія русскихъ масоновъ“ въ Ж. М. Н. П. за 1911 г., № 5.

Наши русскіе масоны усердно читали и воспринимали сочиненія иностранныхъ мистиковъ-немасоновъ и масоновъ и не только воспринимали, но по образцу ихъ и сами создавали работы. Вотъ эти-то самостоятельные труды русскихъ масоновъ мы и возьмемъ для опредѣленія тѣхъ основаній, на которыхъ они работали.

Изъ нихъ наибольшее значеніе имѣютъ: 1) Отрывки изъ сочиненій Елагина, опубликов. Пекарскимъ въ „Дополн. къ исторіи масонства въ Россіи“ (1869 г.); 2) масонскіе труды Лопухина: „Разсужд. о злоупотребленіи разума нѣкоторыми писателями“ (1780 г.), „Духовный рыцарь, или ищущій премудрости“ (1791 г.), гдѣ напечатанъ и „Нравоучит. катехизисъ истинныхъ франкмасоновъ“, „О внутренней церкви“ (1798); всѣ труды перепзданы вмѣстѣ Саводникомъ—„Масонскіе труды И. В. Лопухина“ (М. 1913 г.); 3) Магазинъ свободно-каменщическій (1784 г.), гдѣ помѣщались разныя разсужденія, рѣчи и стихотворенія русскихъ масоновъ, 4) Письма Гамалѣи (М. 1832 г.), 5) переписка московскихъ масоновъ, собранная Пекарскимъ, Пыпинымъ, Ешевскимъ, Барсковымъ.

Въ противоположность просвѣтительной философіи XVIII в., въ основѣ масонства лежитъ признаніе, что разумъ человѣческій не въ состояніи создать человѣческаго счастья. Правда, было время, когда разумъ человѣка былъ могущественъ: „Первый человѣкъ непосредственно получилъ отъ самого Творца высочайшую мудрость въ познаніи Бога, Натуры и всего сотвореннаго“ [1]).

„Богъ сотворилъ человѣка безсмертно блаженствовать въ неописанномъ раю сладости. Дабы паче его возвеличить, одарилъ его свободною волею. Духъ Божій царствовалъ въ духѣ Адамовѣ, проникалъ свѣтомъ своимъ всѣ свойства души его, всѣ его чувства и одѣвалъ его сіяніемъ опаго, яко ризою“ [2]).

Но „злоупотребленіе воли, преслушаніе Адамово, изгнало его изъ рая, загасило въ умѣ его свѣтильникъ небесной премудрости и низринуло его и въ немъ весь человѣческій родъ въ царство болѣзней, труда и смерти—на землю покрытую терніемъ и волчцами“ [3]).

И вотъ сталъ жить человѣкъ, проклятый на проклятой землѣ. Вмѣсто того, чтобы сейчасъ же обратиться къ Богу съ покаяніемъ и цѣликомъ подчинить себя вышней волѣ, человѣкъ своимъ помраченнымъ разумомъ началъ создавать свое царство и сталъ рабомъ своихъ заблужденій, страстей, пороковъ. Увлеченный суетой міра и похотью плоти, онъ все дальше и дальше

---

[1]) Лопухинъ, Соч., с. 52.
[2]) Лопухинъ, О внутр. церкви, с. 5.
[3]) Ib., с. 6.

уходитъ отъ центра, къ которому долженъ бы былъ стремиться по своему радіусу, т.-е. отъ Бога, все дальше стремится къ периферіи и блуждаетъ среди безконечности радіусовъ [1]).

Такъ сѣется зло въ мірѣ, и растетъ церковь Антихриста. „Главные члены мерзкаго собора ея суть ложные чудодѣи, лжеправедники, писатели откровеній духа тьмы, облеченныхъ въ блескъ ложнаго свѣта; наипаче же тѣ между ими, которые дары благодати черезъ самолюбіе обратили на собственность, силы вѣры употребили во зло, свѣтъ, явльшійся имъ, хотѣли учинить пищею духовнаго своего сладострастія, и плоти и крови“ [2]).

Въ послѣднее время апостолами антихриста стали „оные модные философы, которые тщатся доказывать, что душа смертна, что самолюбіе должно быть основаніемъ всѣхъ дѣйствій человѣческихъ“. И чѣмъ больше человѣкъ, слѣдуя этимъ философамъ, будетъ воспитывать въ себѣ самолюбіе, увѣренность въ силѣ своего разума, „самость“, т.-е. приверженность къ самому себѣ, тѣмъ крѣпче въ его сердцѣ будетъ воздвигаться престолъ дьявола.

Нужно вернуться къ Богу, отказаться отъ гордаго самомнѣнія и съ глубокимъ смиреніемъ ввѣрить себя дѣйствію Божьяго промысла. Несмотря на грѣхопаденіе человѣка, въ его душѣ осталась „искра того свѣтильника, который освѣщалъ его до паденія“. Богъ вложилъ въ человѣка извѣстное чувство Божьей правды и далъ ему совѣсть: „Вседержащая и вездѣ дѣйствующая Его рука непрестанно толцетъ во внутреннѣйшемъ человѣковъ. Гласъ совѣсти есть эхо или отзывъ сего толканія, раздающійся въ душѣ громче или слабѣе, по мѣрѣ густоты и пространства ея сферы, которую въ паденіи сооружаютъ и расширяютъ страсти ея, помыслы и дѣянія плоти и крови“ [3]).

Если чутко прислушиваться къ голосу совѣсти, то всегда можно понять волю Божію. Кромѣ человѣческой совѣсти, Богъ открылъ свою волю въ Св. Писаніи и въ законахъ, по которымъ живетъ вся Натура, но не всякій можетъ ее постичь здѣсь. Недостаточно читать и понимать видимый смыслъ Св. Писанія, не достаточно даже располагать по нему свою жизнь:

---

[1]) Магаз. своб. кам., т. I, ч. II.
[2]) Лопухинъ, О внутр. ц., с. 15.
[3]) Лопухинъ, О внутр. ц., с. 25.

„Человѣкъ, имѣющій отъ природы духъ сильный, высоко и тонко самолюбивый, гордостью духовною и сладострастіемъ движимый, можетъ пересказывать слова Христовы, творить внѣшность дѣло его, для того именно, что оныя суть высочайшія въ добродѣтели: но добродѣтели сей ищетъ онъ въ пищу и прославленіе своей собственности“ [1]).

„Таковые герои ложнаго христіанства мнятъ дѣятельностью своею распространять царство Божіе, но, основывая оную на самости, суть они похитители славы Божіей и распространители царства собственности, носящей на себѣ образъ Антихристовъ“ [2]).

Только нравственно совершенному человѣку дается Духъ премудрости, который открываетъ въ Св. Писаніи сокровенный смыслъ. Въ письмѣ Новикова къ Карамзину имѣется рядъ примѣровъ, какъ нужно относиться къ тексту Св. Писанія: „Что есть Богъ въ единицѣ? что есть Богъ въ троицѣ? что есть натура? одна ли есть натура или болѣе? — таковымъ ли видимый или чувственный міръ вышелъ изъ рукъ Божіихъ, какимъ мы его видимъ, или былъ иначовъ? — что есть небо и одно ли оно или болѣе?—впечатлѣна ли троичность Божія во всей его твари или нѣтъ, и какъ мы сіе разумѣть должны?— какъ сотворенъ человѣкъ, изъ чего, изъ какихъ частей, и почему сказано о немъ, что онъ сотворенъ по образу Божію и по подобію? Казалось бы и одного выраженія довольно было, но положено два. Также, почему Моисей сказалъ, что Богъ сотворилъ Адама въ мужа и жену, а извѣстно по его же словамъ, что Адамъ уже существовалъ, когда Евы еще не было, и что Ева сотворена была изъ ребра Адамова тогда, когда Адаму уже нужно было спать? о какихъ верхнихъ водахъ и нижнихъ сказываетъ Моисей, что Богъ отдѣлилъ верхнія воды отъ нижнихъ? какъ это мы должны разумѣть? Одинъ ли существуетъ видимый или чувственный міръ, или есть другіе міры? солнце и всѣ планеты и звѣзды принадлежатъ къ видимому міру; гдѣ же обитаютъ Ангелы? гдѣ Божественный престолъ [3]).

Прямой смыслъ Св. Писанія, очевидно, признавался недостаточнымъ, за всякимъ его словомъ скрывается таинственный символъ, вразумительный лишь мудрому. Если еще принять въ

---

[1]) Лопухинъ, О внутр. ц., с. 29.
[2]) Ib., с. 29—30.
[3]) Пыпинъ. Русское масонство въ XVIII в., „В. Е.“, 1867 г., т. III, с. 51—55.

соображеніе, что дьяволъ старается запутать человѣка при его попыткѣ разобрать тайну Писанія, то вполнѣ понятно будетъ предостереженіе Елагина его братьямъ по масонству: „Я, не обинуяся, предувѣдомляю васъ, что пути, ко храму истины ведущіе, суть темны, тѣсны и подобны тропинкамъ, въ болотистыхъ и дремучихъ лѣсахъ извивающимся и на заблужденіе путешественника въ разныя страны и обороты уклоняющимся“ [1]).

Точно такъ же напрасно изучать природу, если духовное возрожденіе человѣка еще не совершилось и не озарило его разумъ особымъ свѣтомъ благодати: послѣ человѣческаго грѣхопаденія природа тоже исказилась, „облеклась грубою одеждою стихій“, и созерцать подъ ними настоящую „нетлѣнную“ природу могутъ лишь нравственно совершенныя лица. Такія лица поймутъ сокровенный смыслъ всѣхъ вещей: „Истинный мастеръ сіяніе Свѣта и потерянпаго слова тотъ, кому во всемъ твореніи открыто Слово, имъ же все быша; и кто умѣетъ, расторгнувъ паденіемъ сотканный покровъ тлѣнности, извлечь первое нетлѣнное существо, первую видимую оболочку Духа Натуры, изліяніе онаго слова, солнца свѣта неприступнаго, вещество, изъ коего земля и небо созиждутся новыя“ [2]).

Такое стремленіе съ помощью особой благодати проникнуть въ сокровенныя „тайны“ природы ставило масонскую науку въ извѣстную противоположность „свѣтской“, мистическую—положительной. Не то чтобы масонство совсѣмъ отрицало необходимость свѣтской науки,—оно ее признавало, но считало недостаточной.

Есть три рода познанія, говорилъ на своихъ лекціяхъ проф. Шварцъ: любопытное, пріятное и полезное.

1) „Познаніе любопытное разумѣется здѣсь не такое, которое было бы безполезно и удовлетворяло бы только такъ называемое въ общемъ смыслѣ любопытство. Нѣтъ. Здѣсь любопытнымъ познаніемъ названо такое, которое питаетъ нашъ умъ, но не есть необходимо для пользы вѣчной, будущей жизни или спокойствія духа. Любопытное познаніе заставляетъ насъ познавать, напр., отчего громъ? что такое воздухъ? какимъ образомъ земля производитъ растенія и проч. сему подобное. Сіе

---

[1]) Пекарскій, Допол., с. 106.
[2]) Лопухинъ, с. 60.

познаніе удовлетворяетъ нашъ разумъ, увеличиваетъ силу духа; оно приноситъ пользу въ жизни, но не есть необходимо для будущаго блаженства жизни вѣчной.

2) „Познаніе пріятное есть живопись, стихотворство, музыка, и тому подобное. Оно удовлетворяетъ нашъ слухъ, наше зрѣніе—воображеніемъ питаетъ нашъ разумъ.

3) „Познаніе полезное есть необходимое для человѣка. Оно поучаетъ насъ истинной любви, молитвѣ и стремленію духа къ вышнимъ понятіямъ. Я не отвергаю совершенно наукъ, преподаваемыхъ человѣками, хотя онѣ и не служатъ къ сооруженію блаженства нашего; онѣ суть также дары, происходящіе отъ Бога, и человѣкъ, преданный Богу и стремящійся для ближняго къ наукамъ симъ, учиняется способнѣйшимъ орудіемъ, черезъ которое Богъ помощію сихъ наукъ падшихъ человѣковъ къ себѣ привлекаетъ. Но я отвергаю совершеннѣйшую только на нихъ надежду и забвеніе черезъ то, что человѣкъ умствованіемъ и надеждой на свои силы отвращается отъ Бога и подвергаетъ себя проклятію, ибо самое паденіе не иначе что есть, какъ отвращеніе себя отъ дѣйствія Бога и учиненіе самого себя средоточіемъ своихъ дѣйствій чрезъ воззрѣніе на свои собственныя силы и надежду на оныя“ [1]).

Точно такъ же и Лопухинъ признаетъ положительную науку—математику, физику, химію и проч. и указываетъ, что бывали случаи, когда люди невѣрующіе черезъ изученіе этихъ наукъ обращались къ вѣрѣ во Христа, ибо и имъ бросалась въ глаза удивительная гармонія и цѣлесообразность существующаго міра, но онъ убѣжденъ, что гораздо болѣе „полезно то искусство, которымъ просвѣщенные соединяютъ, раздѣляютъ, разрушаютъ существа, развиваютъ ихъ составъ и возвращаютъ въ источныя ихъ стихіи, и при семъ дѣйствіи собственными своими очами созерцаютъ таинства Іисуса Христа, послѣдствія страданія Его, и въ сокращеніи и въ химическихъ явленіяхъ видятъ все происшествіе и слѣдствіе Его воплощенія“ [2]).

Болѣе рѣзкое указаніе на противоположность масонской и свѣтской науки встрѣчается въ „Комментаріи о разныхъ орденскихъ истинахъ“, который былъ полученъ московскими розенкрейцерами изъ Берлина. Здѣсь идетъ рѣчь не только уже о

---

[1]) Біограф. словарь проф. и пр. Моск. ун., т. II.

[2]) Лопухинъ, О внутр. ц., с. 52.

возможности сокровеннаго познанія природы, что лишь допускаютъ Шварцъ и Лопухинъ, а прямо утверждается, что настоящая наука извѣстна орденскимъ „мастерамъ“. „Наши мудрые мастера,—говорится здѣсь,—суть одни законные натуры испытатели; они одни могутъ съ безпрекословною истиною утверждать, что они знаютъ натуру въ цѣломъ ея округѣ (пространствѣ), понеже наука ихъ вникаетъ во внутреннѣйшія ея и подаетъ имъ безопаснѣйшую руководства нить въ тысячекратномъ лабиринтѣ ея безчисленно различныхъ дѣйствій безопасно выискивать, все развивать, искусно и твердо загражденные замки ея размыкать и въ центрѣ натуры всѣ въ пространномъ ея царствѣ находящіяся явленія изъяснять и доказывать“.

„Напротивъ, профанскіе физики, такъ называемые натуры испытатели и натуры учители, кругомъ скачутъ всегда на поверхности всѣхъ трехъ натуръ царствъ, осязаютъ своими руками и всѣми пятью чувствами произведенія и явленія ея и воображаютъ себѣ, что могутъ оныя изъяснить. И для того копятъ гипотезы на гипотезы, чтобъ сокровенныя силы, пружины натуры открыть, и сравниваются съ человѣкомъ, который съ завязанными глазами тянетъ отъ периферіи циркуля линіи къ средоточію и тысячу кратъ погрѣшаетъ, не могучи попасть въ средоточіе. Прочь съ сими! наши братья, яко чада ордена и дому мудрыхъ мастеровъ принадлежащіе, одни пользуются преимущественно правомъ законно обучаться въ ихъ тайныхъ училищахъ“ [1]).

Но и здѣсь, не смотря даже на энергичный возгласъ по адресу „профанскихъ“ физиковъ: „Прочь съ сими!“, братьямъ рекомендуется начинать съ обыкновенной химіи и признается, что „послѣдняя строитъ между тѣмъ для насъ низшія степени той великой лѣствицы, по которой мы должны итти, чтобы выше взыти“ [2]).

Прямое отрицаніе положительной науки начиналось только тогда, когда ея выводы разрушали тѣ апріорныя положенія, какія мистицизмъ строилъ себѣ путемъ толкованія Св. Писанія. Такъ, напр., мистицизмъ не хотѣлъ признавать вновь открытой въ XVIII в. планеты Урана, потому что это разстраивало обычное представленіе о семи планетахъ и о мистическомъ значеніи

---

[1]) Пекарскій, Дополн., с. 68—69.
[2]) Пекарскій, Дополн., с. 69.

числа семь; на такихъ же основаніяхъ отвергался выводъ астрономіи о неподвижности солнца по отношенію къ землѣ, ученіе химіи объ элементахъ и атомахъ.

Въ томъ же письмѣ Новикова къ Карамзину, отрывокъ изъ котораго приведенъ выше, имѣются такія разсужденія о нѣкоторыхъ выводахъ науки: „Съ позволенія нашихъ почтенныхъ астрономовъ, они позволятъ бредить, находя болѣе семи планетъ, находя и видя неподвижныя звѣзды, и жалуя ихъ въ солнцы. Ни больше, ни меньше семи планетъ быть не можетъ, понеже Богъ ихъ сотворилъ только семь и наполнилъ ихъ силами, каждой приличными. Неподвижныхъ звѣздъ быть не можетъ, ибо неоспоримая истина: что не имѣетъ движенія, то мертво, понеже жизнь есть движеніе. Они пожаловали и самое солнце въ наплѣнивѣйшую планету бездѣйственную, ибо что не имѣетъ движенія, то не имѣетъ и дѣйствія. Какъ же мы должны разумѣть слова Давидовы, который говоритъ, что Богъ въ солнцѣ положилъ селеніе свое; и далѣе, что солнце, яко женихъ, выходитъ изъ чертога своего и, яко исполинъ, предпріемлетъ путь отъ края небесе до края небесе, и нѣтъ мѣста, которое бы укрылось отъ теплоты его, и проч.

„Нынѣшніе физики, не довольствуясь четырьмя стихіями, которыя Богъ сотворилъ четыре только, а не болѣе, совсѣмъ ихъ разжаловали изъ стихій, за то только, что, по ихъ высокой наукѣ, что можетъ дѣлиться, то не есть стихія. Какая слѣпота, и какое нищенское понятіе о стихіяхъ. Однако они наградили насъ почти сотнею стихій. Химики все прежнее отбросили и надѣлили насъ какими-то газами, т.-е. пустыми словами, не имѣющими ни значенія, ни силы. И кто можетъ всѣ ихъ бредни исчислить? Не письмами, но фоліантами развѣ можно описать опыя“ [1]).

Мистицизмъ хотѣлъ согласовать всю науку со Св. Писаніемъ; научнымъ теоріямъ и гипотезамъ, которыя постоянно провѣряются опытомъ и, слѣдовательно, мѣняются, онъ хотѣлъ противопоставить незыблемую твердыню богооткровеннаго слова. „Что есть философія и откуда она?— спрашивалъ Новиковъ Карамзина.—Изобрѣтена ли человѣкомъ или дана отъ Бога человѣку? Ежели она изобрѣтеніе человѣческое, то она человѣческа, а мнѣнія человѣческія суть весьма перемѣнчивы. На моемъ вѣкѣ во всѣхъ наукахъ нѣсколько системъ перемѣнилось; да я увѣ-

[1]) Пыпинъ, Русское масонство, „В. Е“., 1867 г., т. III.

ренъ, что и нынѣ существующія системы недолго устоятъ и перемѣнятся въ другія новыя; намъ любезнѣе все новое, новое, новое“ [1]).

Итакъ, наука должна быть въ полномъ соотвѣтствіи съ истинами Св. Писанія, но масонство не признавало, какъ средневѣковая схоластика, что наука должна быть лишь служанкой богословія. Для знанія отведена самостоятельная область—познаніе сокровенныхъ тайнъ природы. У Лопухина по этому поводу есть характерное мѣсто, гдѣ онъ указываетъ, что Премудрость Божественная проявляется многоразличными путями: однимъ дана благодать пониманія сокровеннаго смысла Писанія, другимъ—сокровеннаго смысла природы. „Многимъ, и святымъ и угодникамъ Божіимъ, не опредѣлено было созерцать сіяніе онаго свѣта въ натурѣ. Многіи избраннѣйшія, самыя очищенныя души, на высочайшія степени возрожденія достигшія, имѣли познаніе о сокровеннѣйшемъ дѣйствіи Іисуса въ душахъ, о тайнахъ будущія жизни и описывали оныя; имѣли даже Апостольское дарованіе воображать Христа въ души другихъ, но не имѣли яснаго познанія о внутреннемъ составѣ творенія, о источномъ существѣ натуры и о дѣйствіяхъ духа ея въ тваряхъ“ [2]).

Такое признаніе за наукой самостоятельнаго мѣста спасало масонство отъ полнаго отрицанія науки, какое неминуемо должно было бы проявиться, если бы признать средневѣковый принципъ, что вся полнота знанія уже заключена въ Писаніи.

Не нужно заглушать пытливости разума, но нужно эту пытливость направить на настоящую дорогу: „Свойства разумѣнія должно употреблять на познаніе душеполезнаго. Силу желанія, стремящуюся къ земному и къ суетности міра сего, отвлекая отъ оныхъ, обращать на небесное, богоугодное. Свойство памяти употреблять на сохраненіе въ ней заповѣдей Божіихъ и образа жизни Іисусовой, для послѣдованія имъ во всѣхъ случаяхъ жизни своей“ [3]).

Въ человѣкѣ, созданномъ Богомъ по его образу и подобію и потомъ впавшемъ въ грѣхъ, есть два естества: „внутренній человѣкъ“, подчиненный законамъ Бога, и „плотяной человѣкъ“, управляемый закономъ грѣха. „Внутренній человѣкъ“ съ его

---

[1]) Пыпинъ. Русское масонство. „В. Е.“ 1867 г., т. III.
[2]) Лопухинъ, О внутр. церкви, с. 51.
[3]) Лопухинъ, О внутр. ц., с. 38.

порывами къ истинѣ и правдѣ задавленъ „внѣшнимъ“ человѣкомъ и всей той суетой міра, которая создана имъ.

Нужно освободить внутренняго человѣка, воскресить въ немъ Божественный образъ.

„Тщательно старайся соблюдать свободу души твоей, чтобы не сдѣлать ее, черезъ безпорядочныя желанія временнаго, рабою и невольницею земныхъ вещей; ибо душа твоя благороднѣе всего міра, то какъ же тебѣ покорить и предать ее низкимъ, ничтожнымъ, временнымъ вещамъ и прилѣпить сердце твое къ ничтожеству?“ [1]).

Такъ говорилъ чтимый масонами мистикъ Арндтъ, и наши русскіе масоны на разные лады повторяли эту высокую заповѣдь свободы человѣческаго духа. Въ обрядахъ ложъ Елагинской системы масонъ опредѣлялся: „Онъ есть свободный человѣкъ, знающій побѣждать свои склонности... умѣющій покорять волю свою законамъ разума“.

Путь къ освобожденію духа въ человѣкѣ необычайно труденъ. „Во смиреніи душевномъ признаваюсь, говорилъ Елагинъ, что трудно и едва возможно удрученному бренною плотію человѣку и живущему въ развращенномъ мірѣ семъ гражданину расторгнуть узы, его связующія, и дать свободу духу, его оживляющему. Неумѣренное праотца нашего вожделѣніе, испустивъ страшное изъ твердыхъ заклепъ зло и давъ ему волю неистовствовать въ тѣлесномъ веществѣ, сокрыло въ насъ врожденныя ко благу стремленія и способности, и самое благо столь отъ насъ удалилось, что мы почти безсильны стали къ оборонѣ противъ парящихъ на насъ злокозненныхъ стрѣлъ, лютаго демонскаго прельщенія“ [2]).

Поэтому прежде всего нужно отказаться отъ придумыванія какихъ-либо собственныхъ путей спасенія, отрѣшиться и въ этомъ вопросѣ отъ „самости“ и съ глубокимъ смиреніемъ ввѣрить себя волѣ Божьей.

„Будемъ истинными орудіями Спасителя, оставимъ ему дѣйствовать, когда покоримъ злую нашу волю пресвятой и благой его волѣ. Не станемъ сами заботиться о спасеніи нашемъ, оставимъ ему совершить оное; не станемъ сами избирать себѣ креста, но понесемъ охотно и радостно, съ покорностью

---

[1]) Арндтъ, Объ истинномъ христіанствѣ, I, с. 494.

[2]) Пекарскій, Дополн. с., 109.

и терпѣніемъ тотъ крестъ, который ему возложитъ на насъ благоугодно“ [1]).

Если бы мы сами стали налагать на себя крестъ, то это былъ бы не крестъ Спасителя, а проявленіе все той же „самости“. На этомъ основаніи масонство отрицаетъ обычный аскетическій путь спасенія, „лжетрудниками духовными“ называетъ тѣхъ, кто бѣжалъ отъ міра за монастырскую стѣну или въ пустыню и занимался умерщвленіемъ своей плоти, они „по ложному понятію о путяхъ спасенія суевѣріемъ во зло употребляютъ уставы религіи: предаются воспаленію воображенія, безполезному и безвременному умерщвленію плоти, незаконнымъ мученіямъ; пригвождаютъ себя ко внѣшности и впадаютъ въ идолопоклонство, мня приносить службу истинному Богу“ [2]).

Тотъ, кто уходитъ изъ міра, признаетъ его сильнѣе себя, и кто умерщвляетъ свою плоть, раболѣпствуетъ передъ ней. Истинный христіанинъ долженъ совершать подвигъ свой „посредѣ сего міра, не прикасаясь сердцемъ къ суетамъ его и въ томъ состояніи, въ какое каждый былъ призванъ“ [3]).

Отреченіе отъ міра достигается не бѣгствомъ отъ него и побѣда надъ плотью—не умерщвленіемъ ея, а самоотверженіемъ, побѣдой духа надъ всѣмъ, что его привязываетъ къ суетамъ міра и что подчиняетъ его похотямъ плоти. Нужно, говоритъ Лопухинъ, „умереть на крестѣ самоотверженія и истлѣть въ огнѣ очищенія“.

Но опять-таки это не гордое смиреніе аскета, который „презрѣлъ“ міръ. Обузданіе собственной воли, смиреніе черезъ долговременный навыкъ въ терпѣніи, раздаяніе имѣнья и отказъ отъ всяческихъ радостей міра—это еще не всегда путь ко Христу и часто это лишь питаетъ духовную гордость: самоотверженіе можетъ быть и во имя „самости“—тогда оно создаетъ все то же царство Антихриста. Должно быть настоящее самоотверженіе во имя Христа, когда и умъ, и сердце, и воля подчиняются ему, и внутри человѣка создается царство Божіе. Главнымъ же отличіемъ истиннаго самоотверженія во имя Христа есть любовь, любовь къ Богу и ближнимъ. „Любовь есть сущность животворящаго тѣла Іисусова. Любовь есть явленіе духа его, въ ней

---

[1]) Изъ бумагъ Новикова, напт. Незелеповымъ—П. И. Новиковъ, с. 99.
[2]) Лопухинъ, О внутр. ц., с. 13.
[3]) Лопухинъ, О внутр. ц., с. 62.

единой пребывать и дѣйствовать могущаго. Симъ токмо духомъ дѣйствуемое есть благо, истинно и огню искушенія не подвержено. Любовь одна есть неразрывный узелъ, со Іисусомъ соединяющій“ [1]).

„Любовь есть первое явленіе, начало и конецъ царства Іисусова въ душѣ, а смиреніе престоломъ ему быть долженствуетъ“ [2]).

Въ этой любви масонство указывало человѣку путь живой и дѣятельной христіанской жизни, въ ней, а не въ обрядахъ и догматахъ, видѣло истинное христіанство. Съ этой стороны оффиціальная христіанская церковь не удовлетворяла масоновъ: она застыла въ своемъ догматизмѣ, вмѣсто живой и дѣятельной вѣры уклонилась въ обрядность, а служители этой церкви по жизни своей далеко отошли отъ идеаловъ Христа; изъ церкви внутренней она сдѣлалась церковью внѣшней. Масоны не отрицали ее окончательно, они видѣли въ ней извѣстную переходную ступень къ настоящей „внутренней“ церкви.

„Отправленіе внѣшнія религіи, говоритъ Лопухинъ, есть средство ко внутреннему истинному христіанству. И несмотря на то, что отторглась она отъ своего источника, и правленіе свѣта, учредившаго ее, сокрылось отъ нея: всегда, однако, нужна оная религія, яко средство; и нынѣ много ею пользоваться могутъ благонамѣренные, утверждаясь на откровеніи евангельскомъ“ [3]).

Кромѣ того, что исполненіе „внѣшней“ религіи благочестиво настраиваетъ вѣрующаго и заставляетъ его настойчивѣе искать „внутренней“ церкви, положительныя религіи заключаютъ въ себѣ и еще много цѣннаго: это именно тѣ символы и обряды, которые, передаваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе изъ временъ глубокой древности, сохранили въ себѣ извѣстное зерно божественной мудрости. „Многіе изъ обрядовъ и символовъ древней Іудейской и нынѣшней Христіанской религіи внѣшней образуютъ Божественныя таинства, будучи заимствованы отъ образа сокровенныхъ дѣйствій Божіихъ въ человѣческой душѣ, въ духовномъ тѣлѣ церкви Христовой и въ самой натурѣ, и могутъ на оныя указывать имѣющимъ очи видѣть. Многіе уставы и формы религіи, наипаче Греческой, которая болѣе сохранила почтенное установленіе свое, принося пользу наблюдающимъ

[1]) Лопухинъ, О внутр. ц., с. 21.
[2]) Ib., с. 46.
[3]) Лопухинъ, О внутр. ц., с. 14.

ихъ, могутъ и должны приготовлять къ правильнѣйшему и дѣйствительнѣйшему устроенію духовныхъ упражненій внутренняго богослуженія“ [1]). Въ частности въ обрядахъ нашей православной церкви русскіе масоны видѣли большое сходство съ эмблемами свободныхъ каменщиковъ и думали найти еще болѣе цѣннаго въ архивахъ монастырей нашихъ и въ старинныхъ книгохранилищахъ, но существующее православіе ихъ не удовлетворяло.

Итакъ, ни одна изъ христіанскихъ церквей не составляла, по мнѣнію масоновъ, настоящей внутренней церкви, но въ каждой изъ нихъ могли воспитываться „ищущіе“ ея. Соединить ихъ въ одно цѣлое и тѣмъ облегчить ихъ исканія и ставило себѣ цѣлью масонство. Въ „Магазинѣ Свободно-каменщическомъ“ мы находимъ такое опредѣленіе задачъ ордена: „Основатели масонства главною цѣлью поставили себѣ то, чтобъ возвратить человѣковъ къ первой ихъ натуральной добротѣ и заставить законы натуры прозябнуть паки въ сердцахъ ихъ въ величайшемъ совершенствѣ. Сія была также цѣль религіи; ея же стараются достигнуть и гражданскіе законы всѣхъ возможныхъ образовъ правленія. Можетъ быть, свободному только каменщичеству извѣстны были истинные къ достиженію сего способы“ [2]).

Конечно, масонство не хотѣло гордливо заявить, что внутренняя церковь и заключается въ немъ, т. к. не всѣ братья могли создавать въ себѣ внутреннее царство Божіе, но оно хотѣло по преимуществу воспитывать членовъ „внутренней“ церкви. Масонство приглашало въ свои ряды всѣхъ „ищущихъ“, безъ различія націй, сословій, классовъ, религіозныхъ и политическихъ мнѣній. „Всѣ члены общества сего, говорится въ „Магаз. Своб. Кам.,“—суть Братія, и ни языки, ни одежды, ни мнѣнія, ни достоинства, ни состояніе, ни богатства ни малѣйшаго не дѣлаютъ между ними различія. Равенство есть первый ихъ законъ. По сей системѣ весь свѣтъ почитается якобы республикою; каждая нація есть фамилія и каждый членъ—сынъ оной. А какъ всѣ особенные (отдѣльные) члены общества сего суть Братія, Братія, предположившіе себѣ дѣйствовать разумно и добродѣтельно,—то должны они любить другъ друга и помогать одинъ другому; поступать съ другими людьми также честно и пристойно, и быть добрыми вѣрными гражданами государства“.

---

[1]) Лопухинъ, О внутр. ц., с. 13—14.

[2]) Магаз. Своб. Каменщ., т. I, ч. I, с. 28—29.

Каждый каменщикъ, при взаимной поддержкѣ братьевъ, долженъ былъ совершать надъ собой сложную и трудную работу духовнаго освобожденія и возрожденія. Эта работа распадалась на нѣсколько отдѣловъ. „Мы работаемъ, говорили каменщики, въ трехъ преддвоpіяхъ и притворѣ. Надпись перваго преддвоpія есть: познай самого себя. Надпись второго: убѣгай зла. Надпись третьяго: стремись къ добру. Въ тѣнистомъ переходѣ притвора: ищи въ самомъ себѣ истину“ [1]).

Соотвѣтственно съ этими отдѣлами мы и будемъ разсматривать тѣ средства, какія примѣнялись въ масонскихъ организаціяхъ для воспитанія „внутренняго“ человѣка.

I. Познаніе самого себя заключается въ томъ, чтобы опредѣлить мѣсто человѣка въ природѣ, выяснить его отношенія къ Богу, обществу, государству, выяснить духовную организацію человѣка, то, что теперь назвали бы психологіей его. Такая задача осуществлялась путемъ подбора соотвѣтствующихъ книгъ для чтенія и путемъ поученій, какія братья произносили въ ложахъ.

Масонство широко пользовалось результатами, добытыми въ наукѣ, поскольку она не противорѣчила Св. Писанію, и рисовало цѣлую систему устройства вселенной. Въ ученіи о происхожденіи и устройствѣ міра оно, конечно, разсказывало все ту же традиціонную исторію о твореніи міра въ 6 дней, о томъ, что этотъ міръ распадается на двѣ части — міръ духовный и міръ вещественный, и о томъ, что человѣкъ занимаетъ въ міровой системѣ промежуточное мѣсто: онъ высшее существо міра вещественнаго и животнаго и низшее — міра духовнаго. По своему тѣлу онъ состоитъ изъ тѣхъ же четырехъ стихій, изъ которыхъ слагаются всѣ предметы, по своей душѣ чувствующей—онъ высшее изъ животныхъ и по своему духу онъ подобенъ ангеламъ. Если эта часть масонской, такъ сказать, естественной исторіи и не шла дальше традиціонныхъ библейскихъ разсказовъ, то зато было собрано обширное количество фактовъ, которые должны были ознакомить съ разными странами, съ ихъ населеніемъ, съ животнымъ царствомъ этихъ странъ, съ различными формами государственнаго устройства, съ нравами и обычаями. Конечно, особое вниманіе всегда было обращено на то, чтобы разъяснить цѣлесообразность міра, ту божественную мудрость, какая въ немъ заключена. „Для самого совершающаго

---

[1]) Цит. у Ешевскаго—Соч. по русск. ист., с. 183.

уже путь возрожденія во Христѣ полезному оное живое познаніе натуры, яко служащее укрѣпленіемъ, открывая обширнѣйшее понятіе о величествѣ и благости Возрождающаго", говоритъ Лопухинъ. „Кто знаетъ законы натуры, долженъ необходимо знать и человѣка, а кто знаетъ человѣка, не можетъ не знать Бога, потому что натура есть образъ человѣка, а человѣкъ есть образъ Бога" [1]).

Точно также была разработана своеобразная система соціологіи и государственнаго права. Здѣсь прежде всего выдвигается основное положеніе, что по самой природѣ человѣкъ созданъ для жизни въ обществѣ, и для этой цѣли Творецъ надѣлилъ его рѣчью.

„Человѣкъ, скитающійся по лѣсамъ безъ просвѣщенія и убѣгающій общества, былъ бы менѣе способенъ къ исполненію намѣренія Провидѣнія и къ достиженію всего блага, ему предоставленнаго. Существо его расширяется посреди подобныхъ ему, разумъ его укрѣпляется сочетаніемъ различныхъ мнѣній, и, слѣдовательно, онъ приближается къ цѣли, ему предпоставленной". Такъ говорилъ въ своемъ поученіи одинъ изъ братій въ ложѣ „Свѣтоноснаго треугольника" [2]).

Въ его рѣчи далѣе разсказывается, какъ образовалось человѣческое общество. Здѣсь съ увлеченіемъ повторяется все то же модное ученіе „естественнаго права", которое такъ характерно для всей литературы XVIII в. не только масонской, но и вольтерьянской. Сначала люди были одиноки, затѣмъ является семейная организація, она переходитъ въ родовую. Но люди удаляются отъ естественнаго порядка, никто не хочетъ быть подчиненнымъ, отсюда вражда разныхъ обществъ; чтобы положить ей конецъ, создаются положительные законы. „Порядокъ и точное соблюденіе законовъ государства составляютъ спокойствіе и безопасность каждаго члена особенно. Порядокъ и спокойствіе продолжается столь токмо долго, сколь долго каждый гражданинъ исполняетъ повелѣнное ему законами. Перестанетъ повиновеніе, перестанетъ и порядокъ, перестанетъ и безопасность каждаго; и слѣдовательно, собственная наша польза требуетъ отъ насъ достодолжнаго почтенія и преданности къ отe-

---

[1]) „Размышленія о наукѣ масонской". Рукоп. И. П. Библ. цит. Семека— Русскіе розенкрейцеры. „Ж. М. И. П." 1902 г., № 2, с. 378.

[2]) Магаз. Своб. Каменщ., т. I, ч. II с. 21.

честву"—такой практическій выводъ дѣлался въ рѣчахъ масонскихъ ораторовъ изъ теоріи естественнаго права.

Изъ того же „естественнаго закона" масонство выводило ученіе, что естественная форма правленія—монархическая: какъ весь міръ управляется Богомъ, такъ и общество должно управляться единымъ государемъ. По понятію нашихъ масоновъ, власть государя божественнаго происхожденія, и если государь погрѣшаетъ, то судить его должны не люди, а Богъ. По отношенію къ государю масонство считало необходимымъ абсолютное повиновеніе въ области всѣхъ политическихъ вопросовъ.

„Какая должность истиннаго франк-масона въ разсужденіи своего государя?"—задается вопросомъ въ „Нравоучительномъ катехизисѣ истинныхъ франк-масоновъ" Лопухинъ.

„Онъ долженъ царя чтить и во всякомъ страхѣ повиноваться ему, не токмо доброму кроткому, но и строптивому".

„Какія его обязанности въ разсужденіи властей управляющихъ?—„Онъ долженъ быть покоренъ высшимъ властямъ, не токмо изъ страха наказанія, но и по долгу совѣсти".

Правда, рядомъ съ этимъ, въ масонскихъ рѣчахъ указывается и другое необходимое основаніе твердаго государственнаго порядка: опредѣленные законы, передъ которыми всѣ должны быть равны и которымъ самъ государь долженъ слѣдовать, но законы идутъ отъ государя, и подданные не должны требовать никакихъ конституціонныхъ гарантій. „Буйнымъ стремленіемъ къ мнимому равенству и своеволію" называетъ Лопухинъ политическія теоріи современныхъ ему философовъ.

Вмѣсто этой „мнимой" свободы масонство выдвигало другую—свободу нравственную, свободу духа.

Возможный случай, что государство потребуетъ отъ подданнаго исполненія какого-либо приказанія, которое противорѣчитъ его политическимъ убѣжденіямъ, масонство разрѣшало своеобразнымъ ученіемъ о непротивленіи злу.„ Ежели и случается ему (подданному) потерпѣть что, ежели и оказываются ему иногда несправедливости, то знаетъ онъ, что не отечество виною тому, но онъ самъ, ибо онъ увѣренъ, что *всякое внѣшнее зло не есть причина несчастія нашего, но слѣдствіе зла, внутри его самого обитающаго*" [1].

Другими словами, власть является орудіемъ въ рукахъ выс-

[1]) Магаз. Свобод. Кам., т. I, ч. II, с. 29.

шей справедливости для наказанія за наши несовершенства. Подданный не только долженъ выполнять ея приказанія, онъ не долженъ даже осуждать ихъ, если почему-либо они кажутся ему несправедливыми. „Ежели они (государи) ошибаются, сами они отвѣчать будутъ передъ Судьей Царей, но твое собственное разсужденіе, почасту несправедливое, не можетъ уволить тебя отъ повиновенія“ [1]).

Только въ томъ случаѣ, если власть государства вторгалась въ область нравственныхъ и религіозныхъ убѣжденій и противорѣчила имъ, была возможна оппозиція ей, но и то оппозиція пассивная: не отказываясь отъ своихъ убѣжденій, нужно было безропотно подчиниться всѣмъ карамъ.

Вообще въ масонскихъ ложахъ тщательно старались устранить „политику“. Туда допускались люди разныхъ политическихъ убѣжденій. „Не наше званіе,– говорится въ одной переводной масонской книгѣ,—пещись объ особливыхъ мнѣніяхъ каждаго, и мы бы были уже не члены, но деспоты, разрушающіе всеобщую тишину, ежели бы отъ всѣхъ требовали согласія съ нашими мыслями“ (Апологія, 1784 г.). Въ общихъ законахъ масонскихъ ложъ было запрещено говорить „о касающихся до религіи, законныхъ и государственныхъ дѣлахъ и распряхъ подъ штрафомъ пяти рублей для бѣдныхъ“ [2]).

Одинъ только вопросъ изъ политическихъ часто затрагивался въ масонскихъ рѣчахъ: о необходимости любви къ отечеству. Во имя этой любви масоны, вообще отрицавшіе войну, какъ зло, приглашали: „Люби твое отечество и пролей съ радостью за оное кровь твою, коль скоро потребуетъ сего нужда“ [3]).

Въ своихъ соціальныхъ убѣжденіяхъ масоны принимали равенство всѣхъ людей. „Между братьями обитаетъ совершенное равенство, — говорится въ одной масонской рѣчи, все различіе состоитъ въ душевныхъ свойствахъ ихъ; тотъ токмо почитается между нами величайшимъ, кто наиболѣе покоряется мудрымъ законамъ нашимъ и законнымъ своимъ начальникамъ; богатство и сокровища, безразсудно располагаемыя и расточаемыя, противны той цѣли, для которой Всевышній ихъ даруетъ намъ, суть мерзки и гнусны въ глазахъ нашихъ“ [4]).

---

[1]) (Ibid).
[2]) Пекарскій, Дополн. с. 67.
[3]) Магаз. Своб. Каменщ. т. I., ч., II с., 16.
[4]) Магаз. Своб, Каменщ., ч. II, с. 40.

Но опять-таки эта идея равенства была совершенно лишена своего политическаго значенія: масонство не хотѣло вмѣшиваться въ распредѣленіе богатства и правъ между гражданами государства, принимало существующій порядокъ сословныхъ и классовыхъ отношеній и только хотѣло смягчить его христіанскимъ человѣколюбіемъ. По масонскому воззрѣнію, общественное положеніе человѣка предуказано самимъ Богомъ, каждому опредѣленъ извѣстный „радіусъ“, и только двигаясь по нему, т.-е. исполняя предопредѣленныя свыше общественныя обязанности, можно приближаться къ центру, т.-е. къ Богу. На этомъ основаніи въ масонствѣ XVIII в. не слышится протеста противъ крѣпостного права.

„Какъ истинный франкмасонъ долженъ употреблять свое имѣніе?“ спрашивается въ катехизисѣ Лопухина.

„Считая себя токмо орудіемъ Божіимъ, долженъ онъ знать, что всякая полушка можетъ служить или къ строенію дѣла Его и къ прославленію святого имени Его на землѣ, или къ умноженію того, что оному препятствуетъ; и по сему долженъ поступать со ввѣреннымъ ему имѣніемъ“.

Такимъ образомъ, имущественное неравенство сохраняется, но имущій человѣкъ долженъ пользоваться своимъ имѣніемъ въ интересахъ ближняго. Точно также на вопросъ: „Какъ истинный франкмасонъ долженъ поступать съ подвластными ему?“ дается отвѣтъ: „Паиболѣе долженъ онъ пещись о ихъ вѣчномъ блаженствѣ, воспитывая ихъ въ страхѣ и ученіи Господнемъ; обязанъ наблюдать между ими правду и уравненіе, оказывать имъ снисхожденіе и обходиться съ ними безъ жестокости, памятуя, что всѣ имѣютъ общаго Владыку на небѣ, у котораго нѣтъ лицепріятія“ [1]).

Объ этой заповѣди человѣколюбія прежде всего упоминалось передъ началомъ „работъ“. Въ пѣсни при открытіи ученической ложи пѣлось:

„Отъ насъ злодѣи удаляйтесь,
Которы ближняго тѣснятъ;
Во храмѣ нашемъ не являйтесь,
Которы правды не хранятъ:
Тѣснитъ кто бѣдныхъ завсегда,
Тому затворенъ путь сюда.

---

[1]) Лопухинъ. Соч. с. 44.

Во двери крѣпко заключенны
Премудрые вступаютъ къ намъ
Единой честью провожденны,
Невинность ихъ ведетъ въ нашъ храмъ.
Когда изъ храма вонъ грядутъ,
Съ собою скромность понесутъ.
Оставьте гордость и богатство,
Оставьте пышность и чины:
Они устроятъ вамъ препятство,
Имъ двери въ храмъ затворены.
Здѣсь то едино веселитъ,
Что добродѣтель намъ сулитъ [1]).

Съ особенной подробностью разработанъ въ масонствѣ тотъ отдѣлъ въ „познаніи себя самого“, который касается психологіи отдѣльнаго человѣка. Мистикъ, привыкшій чутко прислушиваться къ смѣнѣ душевныхъ настроеній, анализировать ихъ мотивы и ихъ вліяніе на практическое поведеніе, накапливалъ здѣсь богатый матеріалъ и искуснымъ подборомъ его умѣлъ рисовать необычайно точную и детальную картину душевныхъ переживаній. Научная сторона этой психологіи въ духѣ времени придерживалась, конечно, схоластическихъ понятій о душѣ, она не задавалась даже цѣлью выработать извѣстные законы въ ходѣ душевныхъ процессовъ. Этому мѣшало прежде всего понятіе объ абсолютной свободѣ человѣческой воли, при которой нельзя было и говорить о какой-либо закономѣрности въ ходѣ душевныхъ процессовъ. Но эта психологія сильна своими практическими методами самонаблюденія, самоанализа и самообузданія. Въ вѣкъ раціонализма съ его героической вѣрой въ силу идеи, разумной, логически разработанной мысли, масонская психологія въ основу своихъ выводовъ клала признаніе, что человѣческій поступокъ не всегда и не во всемъ опредѣляется тѣми сознательными мотивами, которые мы привыкли называть „рѣшеніями“, а всей той массой безсознательныхъ склонностей и привычекъ, которыя мы такъ склонны игнорировать при обсужденіи своего поступка, но которыя на самомъ дѣлѣ, какъ могучій рычагъ, направляютъ почти весь ходъ нашего обдумыванія мотивовъ и часто дѣйствуютъ въ разрѣзъ съ нашимъ сознательнымъ намѣреніемъ. Мистицизму была хорошо знакома тайна вліянія на насъ безсознательнаго, и онъ указалъ цѣлый рядъ практическихъ совѣтовъ, какъ нужно и какъ можно *вос-*

[1]) Пекарскій, Дополненія, с. 66.

питывать въ себѣ привычки и навыки. Шагъ за шагомъ онъ разбираетъ, какой сознательной мыслью мы руководствовались при совершеніи того или другого поступка и тутъ же сопоставляетъ съ этой мыслью тѣ дѣйствительныя причины, которыя поступокъ опредѣлили. Здѣсь много удѣлено мѣста нашимъ „тайнымъ“ желаніямъ, вліянію на насъ темперамента, общества, вкуса, тѣхъ предшествующихъ переживаній, которыя опредѣляютъ нашъ процессъ воспріятія новаго, нашъ процессъ связыванія одного переживанія съ другими, то, что современные психологи излагаютъ въ ученіи о перцепціи и ассоціаціи. И отсюда здѣсь рядъ совѣтовъ, какъ можно „управлять“ нашими склонностями, какъ можно парализовать въ себѣ дѣйствіе пріобрѣтенныхъ нами привычекъ и какъ вмѣсто нихъ воспитывать новыя, какъ бороться съ своими недостатками и какъ на пользу для высшихъ цѣлей употреблять свои таланты. Если еще прибавить, что постоянно дѣлается разборъ, насколько цѣнны для возвышенія человѣческаго духа тѣ или другія изъ нашихъ мыслей, чувствъ и поступковъ, то будетъ понятно, что такая „психологія“ пріучала къ вдумчивому и серьезному отношенію къ своей душевной жизни и помогала направить вниманіе на то, что дѣйствительно цѣнно въ безконечной массѣ душевныхъ переживаній.

II. Познаніе самого себя для масона было какъ бы теоретической подготовкой къ исполненію остальныхъ трехъ задачъ его работы: убѣгать зла, дѣлать добро и въ себѣ находить истину. За этой теоретической подготовкой шла уже практическая дѣятельность.

Что значитъ убѣгать зла? Въ чемъ корень зла? „Зло“ не въ томъ внѣшнемъ, что насъ окружаетъ: не въ недостаткахъ политическаго и соціальнаго строя, не въ несчастіяхъ нашей личной жизни,—вообще не въ мірѣ и его суетахъ, зло въ насъ самихъ, въ нашемъ „я“. Оно гордо хочетъ поставить себя въ центрѣ міра, хочетъ само опредѣлять цѣли и средства и на все наложить себѣ свой отпечатокъ „самости“. Отсюда главная задача въ борьбѣ со зломъ превращается въ борьбу со своимъ я. „Ни о чемъ столько не прилежи, какъ чтобы быть въ духѣ, въ душѣ и тѣлѣ совершенно безъ я“, приводитъ Лопухинъ въ своемъ сочиненіи выраженіе, поразившее его своей мудростью [1]).

[1]) Лопухинъ, О внутр. ц., с. 24.

Для этого нужно прежде всего приняться за обузданіе собственной мысли, ея стихійному потоку въ привычномъ кругу ассоціацій поставить плотину и направить ее потомъ по другому руслу. „Мысль свою занимать надлежитъ предметами, побуждающими къ благоговѣнію и страху Господню, какъ-то: размышленіемъ о всемогуществѣ, вездѣсущіи и всевѣдѣніи Его; о Его правосудіи и благости и страданіяхъ Его въ человѣчествѣ нашего ради спасенія; о нашемъ недостоинствѣ, паденіи, смиреніи и проч. и проч.“ [1]).

Въ такомъ же направленіи нужно воспитывать свою память и воображеніе и особенно внимательно слѣдить за своими словами, обращенными къ другимъ. Нужно „располагать свои мысли и слова такъ, чтобъ мы безтрепетно и спокойно могли представить себѣ, что Всемогущему и Всевидящему всѣ мысли наши открыты, и чтобъ никогда не жалѣли о томъ, что не можемъ возвратить произнесеннаго нами слова“ [2]).

Также нужно приняться за обузданіе нашихъ желаній и нашихъ страстей. „Должно воздерживать страстныя стремленія похоти плоти, похоти очесъ и гордости житейской; наипаче нужно противоборствовать въ сердцѣ своемъ движеніямъ, противнымъ чистой любви“ [3]).

Особенно же слѣдуетъ „насиловать“ свою развращенную волю и не только въ важныхъ случаяхъ, но даже и въ мелочахъ, ибо путемъ такого воспитанія ея подготовляется ея общая дисциплинированность. Въ насплованіи воли нужно обратить особенное вниманіе на тѣ случаи, когда она обращена къ другимъ людямъ: человѣкъ „долженъ и можетъ себя насиловать ко внутреннему боренію въ себѣ со враждою на ближняго; принуждать себя молиться за него, оказывать ему услуги, благословлять его и проч.“ [4]).

Средствами для такой борьбы со своимъ „я“ являются: постоянное наблюденіе за самимъ собой, необходимо хоть непадолго каждый день сосредоточиться на себѣ, дать себѣ отчетъ въ пережитомъ; также необходима молитва и постъ, покаяніе передъ своими братьями по ордену; для воспитанія же

---

[1]) Лопухинъ, О внутр. ц., с. 38—39.
[2]) Магаз. Своб. к., ч. II, с. 104.
[3]) Лопухинъ, О внутр. ц., с. 48.
[4]) Лопухинъ, О внутр. ц., с. 43.

въ себѣ навыка отказываться отъ собственной воли необходимо послушаніе своимъ „мастерамъ“, т.-е. старшимъ товарищамъ, которые руководятъ работами ложи.

Въ такой неустанной работѣ надъ искорененіемъ въ себѣ всякой „самости“ и заключается та „духовная пустыня“ и тотъ „внутренній крестъ“, которые необходимы для возрожденія человѣка. „Крестъ внутренній спасительнымъ мученіемъ очищаетъ всю тину грѣховъ и изгоняетъ мерзкое ихъ соборище, порожденное работою грѣху наслѣдственному; сокрушаетъ густую ограду нечистаго плотянаго сердца, для освобожденія пути къ рожденію сердца духовнаго, новаго, чистаго; развиваетъ до послѣднія нити ветхую одежду душевную, покрывающую гнѣздо грѣха, и Я, сей корень грѣха, обнажается и ужасается самого себя“ [1]).

„Сердце духовное, новое, чистое“ въ особенности созидается дѣлами любви, т.-е. широкой и безкорыстной помощью ближнимъ. Въ началѣ пути къ внутреннему царства Божію, когда еще человѣческая личность не достигла такой высоты очищенія, чтобы творить эти дѣла, такъ сказать, инстинктивно, и здѣсь нужно совершать надъ собой принужденія, воспитывать себя къ этимъ дѣламъ, но постепенно, „по мѣрѣ совлеченія ветхаго естества“, вся жизнь человѣка сдѣлается естественнымъ дѣломъ любви. На этомъ пути возможно безконечное приближеніе ко Христу. Лопухинъ, описывая внутреннюю церковь въ видѣ храма, говоритъ, что „Святая Святыхъ заселяется совершенно созрѣвшими въ возрожденіи, съ которыхъ послѣдній степень крестнаго огня таинственно совлекъ уже самое гнѣздо грѣха. Сіи суть сосуды совсѣмъ очищенные и преисполненные Духа и жизни Іисусовой. Ощущенія вся во всѣхъ ихъ дѣйствующія благодати есть единое чувство ихъ бытія; и они суть то по ея дѣйствію, что Іисусъ по естеству своему“ [2]).

Все очищеніе человѣка и внѣдреніе въ него духа Христовой любви совершается при дѣятельномъ участіи Божьей помощи. Лишь только человѣкъ искренне возненавидитъ грѣхъ и начнетъ стремиться къ добру, онъ уже дѣлаетъ душу свою доступной воздѣйствію Божественной благодати, и она облегчаетъ ему несеніе креста, даетъ утѣшеніе, когда человѣкъ падаетъ,

---

[1]) Лопухинъ, О внутр. ц., с. 55.
[2]) Лопухинъ, О внутр. ц., с. 10—11.

ободряетъ его, когда онъ хоть отчасти достигъ побѣды надъ собой. И здѣсь, по увѣренію мистиковъ, возможны бываютъ отдѣльныя мгновенія, когда человѣкъ непосредственно будетъ ощущать въ себѣ дѣйствіе благодати. „Во время сіе милосердіе Божіе, уготовляя душу къ началу въ ней дѣла возрожденія, провозвѣщаетъ ей блаженство приближенія своего сладкими ощущеніями, восторгами, тайно знаменательными явленіями во снѣ, внутренними гласами, видѣніями, просвѣщеніемъ разумѣнія“ [1]).

Правда, мистики совѣтуютъ очень осторожно разбираться въ этихъ моментахъ экстаза, такъ какъ они иной разъ являются орудіемъ искушенія въ рукахъ дьявола, но если уже человѣкъ одержалъ побѣду надъ своей „самостью“, то онъ сумѣетъ не уклониться въ гордыню отъ этихъ видѣній и, побужденный ими, будетъ еще настойчивѣе стремиться къ очищенію своего духа отъ зла. Эти моменты „просвѣщенія“, это трепетное сознаніе въ себѣ Божественной благодати и даютъ истинному члену внутренней церкви откровеніе мудрости. Именно въ этомъ смыслѣ масоны указывали: „Ищи въ самомъ себѣ истину“. Вотъ одинъ изъ многихъ отрывковъ масонскихъ рѣчей, гдѣ истинному каменщику указывается, въ чемъ та мудрость, какую онъ долженъ искать.

„Будь истинный христіанинъ, употребляй всѣ силы твои на исполненіе святыхъ заповѣдей Его, трудися день и ночь въ познаніи самого себя, дабы наконецъ могъ ты познать перваго Виновника бытія твоего. Имѣй здравую душу въ здравомъ тѣлѣ, сохраняй совѣсть непорочную. Провождай жизнь свою въ чистотѣ, цѣломудріи, трезвости и воздержаніи. Будь трудолюбивъ, не давай воли чувственнымъ вожделѣніямъ твоимъ, сражайся съ ними и побѣждай ихъ безпрестаннымъ упражненіемъ въ добродѣтели; и тогда пріобрѣтешь ты мудрость, которую мы всѣ ищемъ“ [2]).

Такимъ образомъ, масонство, послѣдовательно раскрывая человѣку его отношенія ко вселенной, къ обществу и государству, выясняя ему внутренне-цѣнное, что имѣется въ его свободномъ духѣ, звало его на путь нравственнаго самоусовершенствованія и въ своихъ организаціяхъ предлагало ему братскую помощь—руководство въ его работѣ надъ самимъ собой

---

[1]) Лопухинъ, О внутр. ц., с. 27.
[2]) Магаз. Своб. Каменщ., т. I, ч. II, с. 48.

и въ исканіяхъ истинной мудрости. Въ этомъ и заключалась „работа надъ дикимъ камнемъ“, который потомъ долженъ былъ пойти на созданіе совершеннаго зданія человѣческаго общества.

Въ масонской пѣснѣ говорилось:

„Ахъ, великое есть дѣло
Самого себя познать,
Для души отвергнуть тѣло,
Іисусу подражать,
Отесать свой камень дикій
И умѣть сей трудъ великій
Во смиреньи совершать“ [1]).

Вся эта „работа“ въ масонствѣ облекалась въ цѣлую систему символовъ. „Все таинство масоновъ,—говорится въ „Магазинѣ Свободн. Каменщиковъ“,—состоитъ въ символическомъ наставленіи, что мораль только есть истинная наука, а истинная добродѣтель только общественная“ [2]).

Прежде всего для вступленія членомъ въ какую-либо масонскую ложу „нищій“ подвергался очень сложной церемоніи пріема. Кандидата съ завязанными глазами вводили въ особую комнату вблизи ложи. Когда съ него снимали повязку, онъ видѣлъ передъ собой, на черномъ столѣ, слабый свѣтъ, выходившій изъ-подъ человѣческаго черепа. Иной разъ въ комнатѣ были и другіе предметы: Библія, обнаженный мечъ, погашенный свѣтильникъ, небольшая доска съ надписью: „Познай себя: обрящеши блаженство внутри тебя сущее“. Въ этой обстановкѣ его оставляли сосредоточиться въ себѣ, при чемъ къ нему два раза приходилъ братъ, поручитель за него, съ наставленіями и вопросами объ его готовности подвергнуться дальнѣйшимъ испытаніямъ.

Въ одной масонской рукописи обряды этого „пріуготовленія“ объясняются слѣдующимъ образомъ: „Вы посажены были въ мрачную храмину, освѣщенную слабымъ свѣтомъ, блистающимъ сквозь печальные остатки тлѣннаго человѣческаго существа; помощью сего малаго сіянія вы не болѣе увидѣли, какъ токмо находящуюся вокругъ васъ мрачность и въ мрачности сей разверстое Слово Божіе; можетъ статься, вы вспомните тутъ слова Священнаго Писанія: свѣтъ во тьмѣ свѣтится, и тьма его

[1]) Цит. Соколовская, Русское масонство, с. 100.
[2]) Ч. I, с. 44.

не объятъ. Человѣкъ наружный тлѣненъ и мраченъ, но внутри его есть нѣкая искра нетлѣнная, придержащаяся тому великому всецѣлому существу, который есть источникъ жизни и нетлѣніе, которымъ содержится вселенная. Вступая къ намъ въ намѣреніи просвѣтиться, при первомъ шагѣ вы получили нѣкое, но изразительное поученіе, что желающій свѣта долженъ прежде узрѣть тьму, окружающую его, и отличивъ ее отъ истиннаго свѣта, обратить къ нему свое вниманіе. Повязка, наложенная тогда на ваши глаза, заградила то чувство, которое едва ли не болѣе прочихъ развлекаетъ наше вниманіе, дабы вы, устраняясь отъ наружныхъ вещей, сильно дѣйствующихъ на наши чувства, всего себя обратили внутрь себя, къ источнику вашей жизни и блаженства—къ сердцу“ [1]).

Когда кандидатъ послѣ этого предварительнаго испытанія заявлялъ твердое желаніе быть посвященнымъ въ тайну, у него отбирали всѣ металлическія вещи (оружіе, деньги, украшенія), обнажали правое колѣно, а на лѣвую ногу одѣвали туфлю и такъ съ завязанными опять глазами заставляли сидѣть еще нѣкоторое время. Затѣмъ братъ-поручитель или „водитель“ приходилъ въ третій разъ и велъ кандидата къ дверямъ ложи. Послѣ нѣкоторыхъ вопросовъ его вводили въ самое помѣщеніе ложи, и мастеръ ея испытывалъ „истинное ли побужденіе и усердіе влечетъ васъ вступить въ общество свободныхъ каменщиковъ? Не подлое ли любопытство васъ прельстило къ сему? Не убѣдилъ ли, не подговорилъ ли васъ кто на сіе предпріятіе?“

По полученіи нужныхъ отвѣтовъ его три раза спрашивали, желаетъ ли онъ подчиниться законамъ ордена, и послѣ этого начиналось „путешествіе“ ищущаго, символизировавшее искаліе пути добродѣтели и тѣ терніи, какіе были на этомъ пути. При этомъ путешествіи въ нѣкоторыхъ ложахъ употреблялись особые пріемы, цѣлью которыхъ было испугать путешествующаго и еще разъ убѣдиться въ его твердости, такъ, напр., окружающіе спрашивали: „готово ли желѣзо?“, „горячо ли оно?“, слышался громъ оружія, на пути встрѣчались какъ бы провалы и т. п., иной разъ необычайно театральные эффекты. Послѣ путешествія испытуемаго новичка подводятъ къ жертвеннику и на Евангеліи заставляютъ принести присягу въ вѣрности. Потомъ „открывается требующему свѣтъ“, т.-е. внезапно

---

[1]) Рукопись Имп. публ. б-ки, цитир. Соколовской, с. 95.

снимается съ глазъ повязка, и онъ видитъ себя окруженнымъ братьями, которые всѣ направили противъ него свои шпаги. Въ нѣкоторыхъ ложахъ употреблялось еще болѣе сильное зрѣлище: испытуемый видѣлъ передъ собой гробъ, въ которомъ подъ окровавленной одеждой лежалъ одинъ изъ братій. Мастеръ ложи разъяснялъ, что мечи братьевъ будутъ защищать, пока братъ пребудетъ вѣрнымъ, карать въ случаѣ измѣны и дальше говорилъ: „Когда ты, государь мой, такъ далеко уже дошелъ, что не во власти, ниже въ волѣ твоей премѣниться или съ честью и безъ опасности оставить насъ, то долженъ я сказать тебѣ, что есть еще нѣчто, которое образу мыслей твоихъ, а паче сердцу твоему превеличайшее почтеніе пріобрѣсти удобно.

Подвигнутый собственной волей и мужественнымъ намѣреніемъ, запечатлѣй клятву свою смѣшеніемъ крови твоея съ кровью братьевъ нашихъ. Тогда окончаемъ, совершимъ немедленно принятіе твое въ свободные каменщики и, яко брата нашего, облобызаемъ тебя“.

Обрядъ смѣшенія крови происходилъ такъ: новичокъ клалъ руку на Евангеліе и приставлялъ къ своей обнаженной груди циркуль, а братъ „ужасный“ подставлялъ чашу съ кровью братій. Мастеръ ударялъ молоткомъ по циркулю и произносилъ формулу принятія испытуемаго въ ученики.

Вся эта церемонія со смѣшеніемъ крови совершалась не въ буквальномъ, а символическомъ смыслѣ. Въ „Духовномъ рыцарѣ“ Лопухина въ обрядахъ принятія эта церемонія совсѣмъ опущена, такъ же, какъ и путешествіе съ различными страхами; вмѣсто нихъ усиленъ элементъ поученія, но въ дневникѣ одного розенкрейцера-нѣмца, который принялъ посвященіе въ Берлинѣ, опредѣленно записано, что онъ свою присягу писалъ кровью, и при принятіи въ орденъ ему „пускали кровь изъ жилы“.

По совершеніи обряда принятія новому брату объяснялись символы, какіе были въ устройствѣ ложи. Объяснялись фигуры ученическаго ковра или чертежа. „На немъ должны быть изображены: блистающая звѣзда изъ двухъ другъ на друга наложенныхъ треугольниковъ, окруженныхъ пламенемъ; узелъ, украшенный бахромою для украшенія святая святыхъ; мозаическій полъ „ко прикрытію твердаго основанія храма“. Эти украшенія Соломонова храма служатъ напоминаніемъ въ сердцѣ каждаго брата духовнаго храма. На коврѣ представлены также солнце, луна и звѣзды для напоминанія, что масоны должны

день и ночь бдѣть надъ собой и печись о пользѣ братій, и, наконецъ, символы масоновъ: лопатка, молотокъ и циркуль и два столба. Одинъ изъ нихъ изображаетъ столбъ, у котораго ученики въ храмѣ Соломоновомъ получали плату, съ буквой I на немъ, что значитъ Iakin, т.-е. „Богъ съ тобой“ — слово для масоновъ учениковъ“ [1]).

„Также объяснялись ученику „клейноды“ масоновъ“. Этихъ клейнодовъ—три подвижныхъ и три неподвижныхъ.

„Подвижные — наугольникъ, линейка и отвѣсъ; собственно это инструменты рабочаго каменщика, а для масона это клейноды неоцѣненнаго достоинства по своему нравственному значенію, потому, что наугольникъ учитъ нравственности, линейка— равенству, а отвѣсъ—прямотѣ и чистосердечію во всю жизнь. Подвижными они называются потому, что колеблются, когда они висятъ на груди мастера и двоихъ надзирателей, и они двигаются каждый разъ въ день св. Іоанна (патрона масоновъ), а если нужно и чаще. Неподвижные клейноды — чертежная доска для мастера, дикій камень для ученика, чтобы обдѣлывать его и вырѣзать на немъ знаки и нарѣзки, и совершенный камень (обтесанный кубическій) для опытнаго работника, чтобы пробовать на немъ свои клейноды и приводить ихъ въ порядокъ. Они называются неподвижными потому, что всегда должны находиться передъ глазами масона, какъ знакъ того, что они означаютъ въ нравственномъ смыслѣ“ [2]).

Новопринятый ученикъ получалъ отъ мастера бѣлый запонъ (передникъ), бѣлыя рукавицы, однѣ для себя, а другія для любимой женщины, необточенную лопатку для работъ, „когда потщится сердце человѣческое отъ нашествія пороковъ оградить яко стѣною, помазанною ею, и погрѣшности ближняго снисходительно прикрывать ею“ [3]).

Послѣ всѣхъ объясненій идетъ ученическая „лекція“, или чтеніе катехизиса, гдѣ въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ выясняются задачи масона и его обязанности.

Съ подобными же церемоніями ученикъ посвящался черезъ нѣкоторое время въ степень товарища, а потомъ и мастера, только эти церемоніи соотвѣтственно совершались въ еще бо-

[1]) Пекарскій, Дополненія, с. 41.
[2]) Пыпинъ, Русское масонство „В. Е.“, 1868 г., № 7, с. 197.
[3]) Пекарскій, Дополн., с. 41.

лѣе торжественной обстановкѣ. Въ ритуалахъ ложи Аполлона въ переводѣ Елагина описано, напр., такъ убранство ложи при принятіи товарища въ степень мастера: „Вся ложа одѣяна чернымъ сукномъ; помостъ или полъ покрытъ чернымъ покрываломъ, на которомъ разсѣянно нашиты золотыя слезы.

„На сіе покрывало вмѣсто ковра поставляется въ существѣ черный гробъ, на которомъ вѣтвь акаціи и дѣйствительно мертвая голова съ принадлежащими костьми и серебряная медаль или бляха кладется. Въ головахъ гроба къ западу—циркуль, а въ ногахъ прямоугольникъ находится. Вмѣсто трехъ подсвѣчниковъ постановляются три сидящіе на черныхъ подножіяхъ, наподобіе кубическаго камня сдѣланныхъ, скелета, изъ конхъ каждый держитъ тройной подсвѣчникъ съ тремя зажженными свѣщами“.

„Жертвенникъ также одѣянъ чернымъ съ золотыми слезами; и вокругъ изъ серебрянаго флера фестонъ, и впереди вышита мертвая голова съ принадлежащими и на крестъ положенными костьми. На жертвенникѣ стоятъ вмѣсто обыкновенныхъ трехъ одсвѣчниковъ три серебряныя мертвыя головы на ихъ крестообразно сложенныхъ костяхъ. Всѣ чиновники и всѣ братья одѣяны въ черныхъ епанчахъ съ распущенными шляпами. Въ сѣверѣ и югѣ повѣшены черныя картины, представляющія мертвыя головы, лежащія на крестообразно сложенныхъ костяхъ и подъ ними написано: memento mori, или помни смерть“ [1]).

Послѣ символическаго „путешествія“ по ложѣ и послѣ новыхъ обѣщаній соблюдать тайну, товарищъ посвящался въ мастера, при чемъ онъ на время повергался въ гробъ и надъ нимъ читалось „Житіе почтеннаго и любезнаго отца нашего Адонирама“, легендарнаго мастера—строителя храма Соломона.

Пекарскій по бумагамъ ложи Аполлона излагаетъ это „житіе“ такъ: „Адонирамъ, строившій въ Іерусалимѣ храмъ по порученію Соломона, при выдачѣ заработанной платы ученикамъ, товарищамъ и мастерамъ установилъ для различія ихъ другъ отъ друга особые знаки, слова и ослзанія. Трое товарищей, желая получить плату, назначенную для мастеровъ, хотѣли узнать слово мастерское, и для того однажды напали на Адонирама во храмѣ, когда онъ осматривалъ тамъ работы. Адонирамъ не сказалъ слова и былъ убитъ, а тѣло его зарыли убійцы у подножья одной горы.

[1]) Пекарскій, Дополн., с. 46—47.

Соломонъ отправилъ девять мастеровъ для отысканія пропавшаго строителя. Трое изъ нихъ, при поискахъ своихъ увидѣвъ на одномъ мѣстѣ сверхъестественное сіяніе, стали тамъ рыть землю и нашли наконецъ убитаго. Для обозначенія этого мѣста водружена была на немъ вѣтвь акаціи, а сами мастера пошли извѣстить Соломона. При погребеніи Адонирама было условлено, чтобы вмѣсто прежняго мастерского слова принять новое, то самое, которое будетъ первое произнесено при погребеніи Адонирама. Когда стали поднимать его тѣло, то одинъ изъ мастеровъ сказалъ: плоть отъ костей отдѣляется — makbenak, и это выраженіе принято было у масоновъ какъ мастерское слово“ [1]).

Эта легенда приводилась посвящаемому мастеру, чтобы напомнить ему о древности масонства. Наши масоны относили его первое возникновеніе ко времени Авраама и думали, что съ тѣхъ поръ его тайна хранилась отдѣльными благочестивыми людьми, и потому на высшихъ ступеняхъ было стремленіе ввести масоновъ въ исторію ихъ ордена.

Нѣкоторые изъ масонскихъ обрядовъ близко напоминали церковные; такъ, напр., на слѣдствіи московскимъ масонамъ ставили въ вину, что въ ихъ ложахъ было міропомазаніе и крещеніе, и они признавали, что дѣйствительно эти обряды бывали, но что на нихъ не смотрѣли, какъ на церковныя таинства, а употребляли лишь въ символическомъ смыслѣ — міропомазаніе, какъ символъ освященія, а обрядъ омовенія — какъ символъ очищенія отъ пороковъ. Соколовская въ своей книгѣ передаетъ и особый ритуалъ тайной вечери, но не видно, совершался ли онъ уже въ ложахъ XVIII в. или былъ введенъ позднѣе. И въ этомъ обрядѣ характерно, что въ немъ не видѣли таинства пресуществленія, а простое воспоминаніе о Христѣ. Въ наше время всѣ эти обряды, особенно же тѣ изъ нихъ, въ которыхъ обнаруживалось стремленіе поразить какимъ-нибудь театральнымъ эффектомъ, кажутся почти несовмѣстимыми съ тѣми высокими нравственными задачами, какія ставилъ себѣ орденъ, во всякомъ случаѣ ненужными.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они кажутся прямо курьезными, какъ, напр., обряды „столовыхъ ложъ“. Такъ назывались дружескія собранія масоновъ, не имѣвшія цѣлью какой-либо „работы“, т.-е. поученія. На нихъ за столомъ предлагались тосты, но и

---

[1]) Пекарскій, Дополн., с. 49—50.

эти тосты были облечены въ особыя символическія слова. Мастеръ вмѣсто простого предложенія выпить за здоровье того или другого — приказывалъ „зарядить пушки обыкновеннымъ образомъ и выстрѣлить“ въ честь того или другого. Въ ритуалѣ одной изъ ложъ перечисляются тосты въ извѣстномъ порядкѣ, и такихъ „выстрѣловъ“ насчитывается девять. Отсюда, конечно, не мудрено, что, по выраженію одного современника, отъ такихъ частыхъ выстрѣловъ „разумъ помрачался посреди самаго свѣта“. Во всѣхъ подобныхъ обрядахъ чувствуется уже увлеченіе внѣшностью, формой, но, во-первыхъ, не всѣхъ это увлеченіе захватывало, наоборотъ, замѣтно иной разъ стремленіе, даже въ освященныя авторитетомъ западнаго масонства формы, внести упрощеніе, усилить за счетъ обрядовъ элементъ поученія. Такое стремленіе замѣтно, напр., въ „Духовномъ рыцарѣ“ Лопухина. Здѣсь въ перечнѣ обрядовъ нѣтъ уже ни путешествія съ препятствіями, ни запугиваній при посвященіи, ни присягъ, а всѣ церемоніи принятія въ ложу и самыя работы ложи построены такъ, чтобы ввести ученика въ самую суть нравственнаго ученія масоновъ. И на слѣдствіи Лопухинъ говорилъ: „Ужасныя клятвы, издавна учрежденныя, какъ извѣстно, въ масонствѣ, у насъ уже давно отвержены и, сколько мнѣ извѣстно, не произносятся“ [1]).

Не видно также, чтобы на соблюденіи извѣстныхъ внѣшнихъ формъ всегда строго настаивали, напр., было возможно принятіе въ масонство Новикова безъ всякихъ обрядовъ прямо въ степень мастера. Во-вторыхъ, нужно принять во вниманіе и ту среду, въ которой приходилось дѣйствовать масонству: это высшіе классы общества и часть среднихъ, соприкасающихся съ ними; они успѣли въ значительной степени оторваться отъ традиціонной вѣры отцовъ, но унаслѣдовали отъ нея привычки исполнять религіозные обряды. Оффиціальная церковь ихъ уже не удовлетворяла, а создать себѣ новую еще не умѣли. Простой проповѣди моральнаго перерожденія для нихъ было недостаточно, нужно было подготовить къ ней, воспитать соотвѣтствующіе запросы къ собственной личности, и для многихъ просто нужно было создать соотвѣтствующую обстановку, бьющую на чувства, которая бы побуждала къ вдумчивому отношенію къ проявленіямъ въ себѣ душевной дѣятельности. Масонство

[1]) Лонгиновъ, с. 0129.

своими символами и обрядами и выполняло эту задачу: пробуждало интересъ къ вопросамъ нравственно-религіозной жизни, вводило въ кругъ этихъ вопросовъ и воспитывало навыкъ къ самодисциплинѣ.

По словамъ Лопухина, сказаннымъ имъ не на допросѣ и не въ Запискахъ, гдѣ онъ старался оправдать масонство, а одному изъ своихъ ближайшихъ учениковъ [1]) „обряды были необходимы, чтобы не отдѣлить отъ себя слабыхъ людей, имени христіанства стыдящихся... Для того-то собранія раздѣлялись на разныя степени, такъ что въ первыхъ степеняхъ все важнѣйшее христіанское ученіе закрыли разными символами и іероглифами нравственности, пока, наконецъ, въ послѣднихъ степеняхъ мало-по-малу и совершенно откроютъ главную цѣль, состоящую ни въ другомъ чемъ, какъ въ истинномъ и внутреннемъ христіанствѣ, въ которомъ царствуетъ единъ Христовъ Духъ". Слѣдовательно, обряды являлись не цѣлью, но средствомъ къ постепенному обращенію братьевъ въ христіанство [2]).

Въ мемуарахъ извѣстнаго декабриста Батенькова, написанныхъ въ 1863 г., лѣтъ 50 спустя послѣ того, какъ онъ былъ принятъ въ ложу, и, слѣдовательно, за это время успѣлъ уже спокойно и трезво отнестись къ своей юности, такъ описываются тѣ переживанія, которыя онъ испыталъ при вступленіи въ масонство: „Сказывалъ онъ (разсказъ ведется отъ третьяго лица), что при первомъ вступленіи въ ложу его поразила глубокая тишина и серьезное настроеніе собранія. Онъ почувствовалъ, несмотря на простоту обстановки, пребываніе нѣкоего особаго древняго свѣта, предъ нимъ предстало таинство. Обозрѣвъ символическія вещи, замѣтилъ, что онѣ прошли черезъ вѣки, и люди ихъ не касались.

„Принявъ званіе ученика, онъ смутился, видя необходимость сложиться вновь. Его поразило, что никто не можетъ произнести слова, не получивъ на то позволеніе мастера, и наблюдаемая обязанность безмолвно и внимательно слушать, что говоритъ одинъ изъ прочихъ. Всѣ движенія должны имѣть геометрическую правильность. Символъ ученика есть грубый булыжный камень, и упражненіе его должно состоять въ отверденіи, чтобы быть годнымъ въ зданіе храма, посвященнаго вѣчному,

---

[1]) Посланіе Невзорова къ Поздѣеву.

[2]) Тукалевскій, „Ж. М. Н. П." 1911 г., № 5, с. 44—45.

духовному Существу. Самое это понятіе должно быть пріобрѣтено вниманіемъ къ ходу работъ и не преподается извнѣ словами. Оно внѣдряется по временамъ легальными, испытующими краткими вопросами мастера и обрядами пріема, непрестанно напоминающими о важности и неизбѣжности смерти. Клятвы и присяги не дается, но напоминается, что должно быть твердо и неизмѣнно „честное слово“, хотя бы и жизни то стоило. Такъ ученикъ долженъ существенно упражняться, чтобы выработать въ себѣ дисциплинарный складъ и понимать рѣчь братьевъ. Онъ долженъ вступить совершеннолѣтнимъ. Для того это, чтобы человѣкъ занялся обработкой самого себя въ зрѣлости дарованій и силъ, и не стѣснялъ своего ума и воли, избѣгалъ направлять ихъ ко внѣшнему авторитету“.

„Вторую степень составляютъ „товарищи“; имъ данъ символомъ обтесанный кубическій камень. Ихъ упражненіе—провѣрка и критика, какъ пріобрѣтенныхъ въ мірѣ познаній, такъ и употребляемаго слова. Риторическія иносказанія и тропы, символическія выраженія и фразы должны быть еще разъ обмыслены и ясно поняты. Такъ, на вопросъ о цѣли масонства отвѣчаютъ, что слово цѣль переносно взято отъ стрѣльбы и не даетъ точнаго понятія, а по употребленію на игрищахъ не можетъ быть примѣнено къ работамъ ложъ. Улыбается масонъ, ежели спросить его: какую роль играетъ ихъ братство въ жизни человѣческой? Онъ скажетъ, что у нихъ нѣтъ ничего театральнаго. Очевидно, что такой пуризмъ мысли требуетъ чрезвычайнаго труда; но съ пріобрѣтеніемъ серіи ясныхъ понятій и убѣжденій нѣтъ и мысли о запрещеніи какихъ-либо книгъ, изслѣдованія ученій, и подлежатъ вниманію всѣ дѣйствія человѣческія.

„Къ Откровенію, слову пророковъ и Евангелію относятся съ благоговѣніемъ, не стѣсняя ума и относя законъ и догматы, какъ опеку, къ потребностямъ внѣшней дисциплины мысли, чуждаются споровъ и, не считая себя замкнутыми въ опредѣленный кругъ, не видятъ пользы въ фанатической пропагандѣ, не производящей внутренняго сосредоточенія и устоя“.

„Третью степень составляютъ „мастеры“; имъ присвоивается дѣйствіе волею на свой умъ, память и воображеніе“.

„Сообразно съ этимъ, символъ мастера есть числительная доска съ геометрическими фигурами и эстетическими контурами. Трехъ мастеровъ достаточно въ соединеніи, чтобы составить и открыть ложу. Они бесѣдуютъ между собою объ открытіяхъ и

зиждения въ тайникахъ души и передаютъ ея феномены. А какъ все это еще далеко отъ практическаго приложенія къ жизни, то замѣняется обыкновенно обязательнымъ благотвореніемъ. Столовыя ложи напоминаютъ англійскіе митинги; въ нихъ также нѣчто дѣльное, вопросы и рѣшенія, часто ипотетическіе.

„Мастеръ ложи или предсѣдательствующій въ ней инсталируется (постановляется) по выбору всѣхъ братьевъ, составляющихъ довольно крѣпкій и серьезный союзъ. Они въ жизни помогаютъ другъ другу, стараются о единомысліи и согласіи, и безъ ихъ общаго голоса не можетъ быть принятъ новый членъ, посвященіе котораго производится въ ложѣ, открытой дѣйствіемъ мастера.

„Онъ вооруженъ молотомъ, ударамъ котораго всѣ повинуются. Гдѣ, по обстоятельствамъ, масторъ не можетъ производить своихъ обрядовъ, тамъ и не должна открываться ложа, какъ совершенная и справедливая. Таково повиновеніе этого братства предержащей власти“ [1]).

При изложеніи здѣсь системы масонскихъ ученій, масонскихъ идеаловъ и организаціи масонскихъ ложъ и ихъ работы мы намѣренно оставляли пока въ сторонѣ особенности отдѣльныхъ системъ, какія развивались и въ нашемъ масонствѣ, и выбирали только общія основанія. На этихъ основаніяхъ сходились всѣ русскіе масоны, и петербургскіе и московскіе, только одни понимали эти основанія глубже, чѣмъ другіе, и, въ частности, московскіе масоны развили ихъ систематичнѣе и подробнѣе. Какъ видно, во второй половинѣ XVIII в. русское масонство, подобно западному, было уже насыщено мистическими чаяніями особаго внутренняго откровенія, которое должно дать разумѣніе сокровеннаго смысла Писанія и сокровеннаго смысла Натуры. При такихъ условіяхъ первоначальное англійское масонство не могло уже удержаться, его идея—путемъ нравственнаго совершенствованія отдѣльныхъ личностей реформировать и все общество—въ значительной степени уже заслонялась мистическими поисками неразгаданныхъ тайнъ. Среди русскихъ масоновъ Елагинъ считалъ себя представителемъ чистаго англійскаго масонства, съ презрѣніемъ отзывался о высшихъ степеняхъ другихъ

---

[1]) Пыпинъ, Матеріалы для исторіи масонскихъ ложъ. „В. Е“., 1872 г., № 7.

системъ и былъ твердо убѣжденъ, что настоящее масонство только англійское, но фактически Елагинъ не удержался на этой позиціи, поиски „тайнъ“ захватили и его и направили его вниманіе въ сторону все того же мистицизма. Какъ и другіе масоны, онъ съ увлеченіемъ зачитывался книгой Сенъ-Мартена и своимъ учителемъ въ „истинномъ“ масонствѣ выбралъ Станислава Ели, типичнаго розенкрейцера по своимъ убѣжденіямъ. Отсюда и въ его ложахъ первоначальная задача масонства заслонялась уже новыми задачами.

Въ „Обрядѣ принятія въ мастера свободные каменщики“, который употреблялся въ ложахъ Елагина, новичка спрашивали, почему онъ желаетъ вступить въ масоны? и далѣе указывали, что если онъ ищетъ здѣсь пріобрѣтенія добродѣтели, то это онъ можетъ найти „чрезъ вѣру и гражданскія узаконенія“; если же ищетъ премудрости, „то развѣ въ школахъ не можетъ сыскать ее?“ и въ заключеніе цѣль ордена указывалась такъ: „сохраненіе и преданіе потомству нѣкотораго важнаго таинства, отъ самыхъ древнѣйшихъ вѣковъ и даже отъ перваго человѣка до насъ дошедшаго, отъ котораго таинства, можетъ быть, судьба цѣлаго человѣческаго рода зависитъ, доколѣ Богъ благоволитъ ко благу человѣчества открыть оное всему міру“ [1]).

Такимъ образомъ, здѣсь „сохраненіе и преданіе потомству нѣкотораго важнаго таинства“ противополагается добродѣтели и знанію. Правда, и здѣсь указывается, что нравственное совершенствованіе необходимо для открытія таинства, но оно является уже средствомъ, а не цѣлью.

Такое пониманіе задачъ масонства роднило Елагинскую систему съ другими, и этимъ родствомъ объясняется, почему она соединилась съ Рейхелевской. Въ дальнѣйшемъ, какъ было указано выше, русское масонство въ поискахъ „тайны“ двигалось все дальше: отъ Рейхеля къ шведскому масонству, отъ шведскаго—къ нѣмецкой системѣ строгаго наблюденія и отъ нея, наконецъ, къ розенкрейцерству. Елагинъ съ частью своихъ ложъ какъ будто не участвовалъ въ этомъ движеніи: не принялъ соединенія со Швеціей, остался въ сторонѣ отъ связи московскихъ масоновъ съ нѣмецкими и рѣзко отрицательно отнесся къ новой,—какъ онъ называетъ,—„Карлсбадской“ системѣ, т.-е. къ розенкрейцерству.

---

[1]) Пекарскій, Дополн., с. 50.

Въ концѣ 80-хъ гг. Елагинъ началъ писать даже обличенія на эту систему. Прежде всего онъ обвинялъ ее въ обманѣ, въ обѣщаніи показать невѣдомое таинство. „Прелестники новою системою,—говорилъ онъ,—новымъ лжевымысломъ раздражили природное человѣкамъ любопытство ваше: а обѣтами пеказанныхъ таинствъ жаждущіе просвѣщеніемъ души вѣроятныхъ (легковѣрныхъ) братьевъ нашихъ уловили“ [1]).

Рядомъ съ этимъ Елагинъ обвинялъ розенкрейцерство въ стремленіи нажиться путемъ обмана, всю эту систему онъ прямо называлъ „системою на корысти сооруженною“. По его словамъ, „Шварцъ, собравъ великую сумму съ московскихъ братій, особливо Татищева и прочихъ богатыхъ, обманулъ; ѣздилъ отъ нихъ уполномоченный въ Карлсбадъ и привезъ оттуда премножество ничего не значущихъ грамотъ и актовъ, съ обѣщаніемъ впредь отъ неизвѣстныхъ начальниковъ неизвѣстныя получать таинства. А между тѣмъ умѣлъ и оныхъ неизвѣстныхъ чужестранцевъ и себя самого обогащать чужимъ стяжаніемъ [2])“.

Для лучшаго обмана эта система, по словамъ Елагина, ввела и подчиненіе неизвѣстнымъ начальникамъ, сдѣлала „покушеніе возродить изъ пепла іезуитскаго новаго, вреднѣйшаго еще феникса“ [3]).

Во всѣхъ этихъ обвиненіяхъ слышится какъ будто искреннее возмущеніе несбыточными „тайнами“, какими манило розенкрейцерство.

Елагинъ такъ заботливо отдѣляетъ свою систему отъ розенкрейцерской, на корысти основанной, что создается видимость глубокаго различія между ними. Однако, по существу этого различія не было: и розенкрейцерство и елагинство одинаково допускали, что совершенный человѣкъ можетъ обладать особой тайной, сокрытой въ писаніи и въ природѣ. Розенкрейцерство считало свою науку болѣе могущественной, чѣмъ обычная, и Елагинъ также выдѣлялъ масонскую мудрость отъ общечеловѣческой. Конечнымъ выводомъ розенкрейцерской науки должно было явиться умѣнье повелѣвать силами природы и, слѣдовательно, между прочимъ, дѣлать золото, и Елагинъ, этотъ охранитель „англійскаго“ масонства, необычайно увлекался такой

---

[1]) Пекарскій, Дополн., с. 102.
[2]) Пекарскій, Дополн., стр. 102.
[3]) „Русск. Арх.“, 1864 г. 2 изд., стр. 591.

перспективой: въ дневникѣ одного московскаго розенкрейцера изъ нѣмцевъ нѣсколько разъ упоминается о близости Елагина къ Каліостро, къ этому знаменитому шарлатану, который брался научить, какъ дѣлать золото, и морочилъ легковѣрную публику. Оказывается, и нашъ представитель англійскаго масонства жадно стремился постигнуть тайну Каліостро. „Елагинъ спитъ,—характеризуетъ его авторъ дневника,—ѣздитъ въ сенатъ, ѣстъ и спитъ. Онъ нелегко дѣлаетъ зло, такъ же какъ и добро; ищетъ какъ дѣлать золото“ [1]).

И среди его бумагъ, дѣйствительно, сохранились кабалистическія табели и изображенія, разные рецепты лѣкарствъ и какого-то вещества, очевидно, нужнаго для изготовленія философскаго камня или „яйца философскаго“.

Такимъ образомъ, несмотря на старательное подчеркиваніе разницы между англійской системой и розенкрейцерской, у насъ этой разницы на самомъ дѣлѣ не было. Точно такъ же не внесли ее и всѣ другія „системы“, которыя перебывали у насъ. Все различіе между ними заключалось, очевидно, во внѣшнихъ подробностяхъ: въ ритуалѣ, въ числѣ степеней, въ организаціи управленія.

Быть можетъ, эти различія были бы ощутительнѣе, если бы и наши масонскія организаціи, по примѣру западныхъ, увлеклись политическими цѣлями и втянулись бы въ политическую интригу, но такого увлеченія въ нашемъ масонствѣ рѣшительно не было, наоборотъ, самымъ старательнымъ образомъ наши масоны отстраняли все, что носило хотя бы тѣнь политики.

Но если и не было идейной разницы между нашими масонскими системами, то, быть можетъ, было различно самое направленіе ихъ „работы“? Основное положеніе во всѣхъ русскихъ системахъ допускало особое мистическое проникновеніе въ тайны писанія и въ тайны натуры; для этого нужна только извѣстная степень нравственнаго самоусовершенствованія, но вѣдь эта степень, по самой своей природѣ, въ значительной степени измѣряется субъективнымъ сознаніемъ, и вотъ въ извѣстный моментъ мистическаго экстаза у тѣхъ или другихъ „братьевъ“ могла явиться увѣренность, что они уже достаточно подготовлены для практическихъ работъ по раскрытію тайнъ. Такъ можно было необычайно легко подойти и къ алхиміи и къ

[1]) Пекарскій, Допол., стр. 78—79.

магіи, и вмѣсто работы надъ нравственнымъ самоусовершенствованіемъ, заняться добываніемъ философскаго камня, который бы всѣ металлы превращалъ въ золото, и вызываніемъ духовъ, которые бы открывали тайны и давали бы возможность повелѣвать надъ другими.

Съ этой стороны московскому масонству грозила необычайная опасность: направленіе масонскихъ „работъ“ въ томъ кружкѣ нѣмецкихъ розенкрейцеровъ, который группировался вокругъ берлинской ложи „Трехъ глобусовъ“, приняло именно указанное направленіе, въ сторону алхиміи и магіи, а съ этимъ кружкомъ какъ разъ и завязались у московскихъ масоновъ оживленныя сношенія.

Въ бумагахъ московскихъ розенкрейцеровъ сохранился особый сборникъ, въ которомъ имѣется „Комментарій о разныхъ орденскихъ истинахъ для употребленія достойныхъ братьевъ округа директоровъ офиронской оберъ-гауптъ-директоріи 1781 г.“ Офиропомъ назывался берлинскій розенкрейцеръ Вельнеръ, и въ „Комментаріи“ этомъ излагаются наставленія директорамъ его округа. Для московскихъ масоновъ этотъ „Комментарій“ былъ, очевидно, оффиціальнымъ изложеніемъ орденскихъ истинъ, принятыхъ въ берлинскомъ кружкѣ. Здѣсь вслѣдъ за наставленіемъ, что директоры должны были „при всегдашней молитвѣ и моленіи учинить свое сердце и свое поведеніе непорочнымъ“ и тѣмъ подавать примѣръ своимъ братьямъ, идетъ заявленіе, что орденъ, кромѣ такого блага, какъ аскетическое настроеніе духа, имѣетъ для достойныхъ своихъ членовъ „еще пріятности, которыя къ радости временной жизни принадлежатъ; которыхъ преиспытанный ордена братъ можетъ и по сю сторону гроба въ полной мѣрѣ пожинать и наслаждаться. Наши высочайшіе настоятели ордена, съ коими Богъ и его премудрость есть, имѣютъ въ своемъ стяжаніи и сохраненіи тайный ключъ къ великимъ сокровеннымъ сокровищамъ цѣлой натуры. Сію богатую запасную палату отверзаютъ они по своему изволенію и получаютъ оттуда все, что человѣку нужно къ прочному здравію, долгой жизни и беззаботному содержанію“. Показаніе необычайно характерное: молись и будь достойнымъ братомъ, а за это въ награду, кромѣ царства небеснаго, получишь еще и въ здѣшней жизни „пріятности“ и притомъ такія существенныя, какъ „прочное здоровье“, „долгая жизнь“ и „беззаботное содержаніе“. И всѣми этими благами хозяйничаютъ по своему

усмотрѣнію „высочайшіе настоятели ордена". Но и это еще не всѣ его преимущества; въ томъ же „Комментаріи" далѣе говорится: „Мы, исполнь благоговѣнія, умалчиваемъ о гораздо высшихъ тайнахъ ордена, которыя тому, кто ихъ въ стяжаніи имѣетъ, утверждаютъ неизглаголанное счастье, передъ которымъ все другое счастье, все высочество, весь блескъ міра не заслуживаетъ даже и тѣнью названы быть" [1]).

А вслѣдъ за этимъ обѣщаніемъ „неизглаголаннаго счастья" идетъ то сопоставленіе „орденскихъ мастеровъ" съ „профанскими физиками", которое мы выше привели и которое звучитъ такимъ самодовольствіемъ обскурантизма. Таковы идейныя основанія берлинскаго розенкрейцерства. Основное положеніе его общее всѣмъ мистическимъ теченіямъ: нравственно просвѣтленный человѣкъ черезъ особое откровеніе можетъ проникнуть въ божественныя тайны, но здѣсь это не только теоретическая возможность,—здѣсь торжество, что тайна уже отрыта и ей могутъ уже распоряжаться, даже для земныхъ цѣлей, „высочайшіе настоятели ордена". По всему тону заявленія чувствуется, что главный интересъ перемѣстился—отъ задачъ нравственнаго возрожденія къ практическому пользованію тѣми тайнами, которыя должны идти за нимъ. Если уже въ уставѣ для директоровъ ордена особенно подчеркиваются тѣ „пріятности", какія онъ имѣлъ, то понятно, что въ обычной „работѣ" на нихъ именно должны были обратить вниманіе рядовые члены ордена. Пекарскій приводитъ выдержки изъ дневника одного нѣмца — розенкрейцера, который довольно близко стоялъ къ московскимъ масонамъ [2]). Этотъ дневникъ даетъ драгоцѣнныя указанія, чѣмъ были наполнены помыслы человѣка, который цѣликомъ принялъ уставъ ордена. Притомъ это такія указанія, которыя характеризуютъ не одного автора дневника. По всему видно, что въ розенкрейцерскомъ кружкѣ онъ человѣкъ свой: онъ часто бываетъ у Вельнера и Тедена — двухъ заправилъ розенкрейцерства въ Берлинѣ, они ему довѣряютъ настолько, что Вельнеръ оставляетъ его одного въ своемъ кабинетѣ, гдѣ лежала его раскрытая орденская книга, гово-

---

[1]) Пекарскій, Дополненія, стр. 68.

[2]) Барсковъ, опубликовавшій въ своей книгѣ „Переписка московскихъ масоновъ" (Петроградъ, 1915 г.) подлинникъ этого дневника, доказалъ, что авторомъ его былъ баронъ Шредеръ, одинъ изъ видныхъ членовъ московскаго розенкрейцерства.

ритъ ему о своихъ планахъ, а Теденъ дѣлится съ нимъ новоизобрѣтенными рецептами для приготовленія золота, наконецъ, ему даютъ орденскія порученія въ Россію, онъ присутствуетъ при важныхъ „практическихъ“ работахъ орденскихъ знаменитостей. Въ дневникѣ имѣется и короткая автобіографія его автора, изъ которой мы узнаемъ, что „авторъ родился въ 1757 г., что въ дѣтствѣ былъ глупъ, всегда неспособенъ, необыкновенно застѣнчивъ и стыдливъ, также горделивъ, наклоненъ къ любострастію и прочее; что въ 1776 г. онъ былъ принятъ въ Ростокѣ въ ложу „Трехъ звѣздъ“, а 8 апрѣля 1778 г. получилъ патентъ на мастера“ [1]).

На протяженіи всего дневника, кромѣ отзывовъ о тѣхъ лицахъ, съ которыми сталкивался авторъ, проходятъ двѣ преобладающихъ темы: дѣланіе золота и вызываніе духовъ.

„10-е ноября, у Вельнера. Принесъ ему рецептъ золота Френкеля“.

„Теденъ далъ мнѣ пробу золота, которое начало разлагаться“.

„Во Франкфуртѣ къ книгопродавцу Бреннеру является незнакомецъ и говоритъ ему: „Вы мастеръ стула въ ложѣ, я имѣю вамъ показать нѣчто. Приходите сегодня ко мнѣ вечеромъ“. Незнакомецъ приходитъ и беретъ оконный свинецъ, растапливаетъ его, бросаетъ туда немного порошку, разливаетъ потомъ на землю и, отдавая потомъ это Бреннеру, проситъ велѣть вещество попробовать. Масса казалась черною и невзрачною. Бѣгутъ къ золотыхъ дѣлъ мастеру, который изумляется при видѣ такого чистаго золота. Тотчасъ принялись искать незнакомца, но онъ скрылся“.

Такія извѣстія у автора на каждомъ шагу, и тутъ же онъ сообщаетъ тѣ основанія, на которыхъ должна совершаться работа добыванія золота. Оказывается, „для познанія природы не употребляется печки съ проклятымъ стихійнымъ огнемъ. Безъ природы нельзя найти мудрости, но безъ химіи—да. Всѣ работы съ углями не сообразны съ природой“.

„Священный огонь“ становится извѣстенъ только на высшихъ степеняхъ: „Восьмая степень будетъ первой ступенью магіи,—сообщаетъ авторъ,—тамъ мы научимся познавать священный огонь и будемъ въ состояніи его осязать нашими руками“.

---

[1]) Пекарскій, Доподн., стр. 77.

Есть даже извѣстіе, что золото совсѣмъ добывается безъ огня и такимъ чудодѣйственнымъ способомъ: „Въ процессѣ (добыванія золота) клерикаловъ не употребляется огня. Вещество собирается передъ восходомъ солнца и должно быть крѣпко закупорено въ сосудѣ, прежде чѣмъ взойдетъ солнце; потомъ оставляется 40 дней и ночей во впадинѣ скалы; вынимается оттуда; свѣтло-голубая вода отдѣляется отъ земли и всегда наполняетъ ее. Такая работа повторяется до шести разъ, чтобы черезъ то произвести изобиліе золота".

Также много удѣляетъ авторъ вниманія духовидѣнію.

26 ноября онъ записываетъ въ своемъ дневникѣ:

„Вечеромъ въ домѣ ложи. Знаменательный вечеръ. Бишофсвердеръ (сотрудникъ Вельнера, послѣ министръ прусскаго короля) присутствовалъ, когда Шрепферъ [1]) былъ побѣжденъ однимъ злымъ духомъ и умерщвленъ. Онъ самъ, будучи сильнымъ какомагомъ, принялъ для того нѣкоего Франкенберга. Онъ описывалъ, что воздушные духи, которые ему спеціально извѣстны, имѣютъ человѣческое лицо, только гораздо яснѣе и свѣтлѣе".

„Однажды Фрелихъ, въ присутствіи Бишофсвердера, не могъ побѣдить духа: тогда явилось облако передъ зеркаломъ и потомъ двѣ черныя пирамиды, которыя такъ сжали его между столомъ, что онъ день спустя харкалъ кровью".

„Шрепферъ,—пишетъ авторъ въ другомъ мѣстѣ дневника,—призывалъ облака и заставлялъ молнію ударять въ дерево. Онъ доказалъ одному посредствомъ дьявола, что Іисусъ—сынъ Бога, котораго господство они ощущаютъ".

Такъ какъ Шрепферъ, по понятію автора, былъ „какомагомъ", т.-е. сила котораго шла не отъ Христа, какъ бы это должно быть у настоящаго мага, то въ дневникѣ встрѣчается попытка обличить Шрепфера. „Шрепферъ,—говорится здѣсь,—допускалъ не всѣхъ людей (на свои сеансы) и сперва угощалъ пуншемъ. Далѣе, духи носили новомодныя пряжки. Извѣстно, что послѣ его смерти оказалось на немъ долгу въ одной аптекѣ до 100 рейхсталеровъ за фосфоръ. Онъ постоянно носилъ съ собой пистолетъ въ карманѣ, чтобы застрѣлить того, кто его станетъ

---

[1]) Шрепферъ — знаменитый вызыватель духовъ. Онъ покончилъ жизнь самоубійствомъ, и, какъ видно, розенкрейцеры ставили это въ связь съ его вызываніемъ духовъ.

обличать. Но его зрители отъ веществъ, которыя онъ примѣшивалъ въ пуншъ, находились въ такомъ состояніи, что или не могли ничего различать, или чувствовали себя дурно, или же очень боялись".

Казалось бы, что авторъ самъ достаточно разъяснилъ „тайну" духовидѣнія, и что послѣ этого разъясненія самая вѣра въ духовидѣніе должна была значительно поколебаться, но нѣтъ, этого не случилось, какъ разъ наоборотъ, „исторія Шрепфера,— пишетъ авторъ дневника,—и множество любопытныхъ свѣдѣній отъ Вельнера и Гимена о многихъ конвентахъ и путешествіяхъ были причиною, что братья убѣдились, что въ свѣтѣ и въ масонствѣ есть еще высшія тайныя науки, въ существованіи которыхъ такъ много сомнѣваются". Самъ авторъ непоколебимо вѣритъ въ возможность духовидѣнія. „Вызывать живого опасно,—авторитетно заявляетъ онъ,—потому что является въ томъ видѣ, въ какомъ застаютъ его въ эту минуту, и падаетъ на мѣстѣ въ обморокъ".

Онъ допускаетъ возможность вызвать даже Христа: „Magus magorum (т.-е. высшій членъ розенкрейцерскаго ордена),—пишетъ онъ,—видитъ Христа, какъ я его". Увлеченный всѣми этими извѣстіями, онъ и самъ начинаетъ переживать чудесныя явленія:

„4 февраля 1787 г. ночью въ Москвѣ,—записывается въ дневникѣ,—послѣ испытаннаго передъ тѣмъ огорченія и двухъ выпитыхъ порцій кофе, поднялся передо мной въ трехъ шагахъ очень темный, краснокровавый квадратъ, величиною въ талеръ. Лучи отъ него были матовые и свѣтло-желтые. Онъ началъ подниматься и пропалъ"... Далѣе идти уже некуда: духовидѣнія начались. И не думайте, что одинъ только авторъ дневника такой легковѣрный — руководитель кружка розенкрейцеровъ, Вельнеръ, стоитъ рядомъ съ авторомъ: „Вельнеръ разсказывалъ мнѣ, что былъ пораженъ до такой степени, что не могъ сохранить присутствія духа, когда я ему передалъ предъ моимъ принятіемъ въ восьмую степень, что одинъ старикъ показалъ моему отцу цѣлую систему міра въ стаканѣ на тарелкѣ съ камнемъ".

Среди этого бреда въ дневникѣ только одинъ разъ встрѣчается настоящая масонская тема, да и то лишь въ день посвященія автора въ розенкрейцерство. Въ этотъ день онъ пишетъ: „Сегодня, наконецъ, посвященъ въ розенкрейцеры. Ахъ, милосердый Господь! Не допусти меня до паденія, Господь

Богъ Саваоѳъ! О, какъ бы спокойно могъ я ожидать конца. Какъ бы мнѣ хорошо было, когда бы я черезъ одну не былъ существомъ, привязаннымъ къ свѣту и земному. Между тѣмъ мнѣ уже легче: любовь между душами есть божественное чувство и не заслуживаетъ наказанія, пока слабый человѣкъ не старается дѣлать изъ своей любви предмета сладострастія. Притомъ же въ восьмой степени не запрещенъ бракъ, но лучше быть холостымъ. Теперь пусть располагаетъ мною Богъ. Послѣ принятія я отправился домой, молился, былъ углубленъ въ самого себя, чтобы размышлять о священномъ принятіи".

Отъ всего этого дневника вѣетъ какимъ-то бредомъ сумасшедшаго, но авторъ его жилъ не въ лѣчебницѣ, а среди общества людей, которые когда-то были охвачены порывомъ къ нравственно религіозному просвѣщенію. И случилось такъ, что эти ненормальные люди получили въ свои руки большую политическую силу и стали руководить направленіемъ государственнаго законодательства: въ 1786 г. умеръ прусскій король Фридрихъ Великій и на престолъ вступилъ Фридрихъ-Вильгельмъ II, при которомъ двое изъ главныхъ дѣятелей берлинскаго розенкрейцерства, Вельнеръ и Бишофсвердеръ, сдѣлались министрами. Шлоссеръ въ своей „Исторіи XVIII в." даетъ такую характеристику новаго правленія:

„Фридрихъ-Вильгельмъ II, по своей природѣ, вслѣдствіе соблазновъ и воспитанія, уже весьма рано упалъ также глубоко, какъ Людовикъ XV упалъ только въ зрѣлыхъ годахъ. Онъ, какъ Людовикъ XV и какъ многіе мужчины и женщины, преданные чувственной любви, былъ весьма приверженъ, какъ говорится, къ церкви. При этомъ онъ былъ во власти своихъ любовницъ и ихъ родственниковъ, и такіе люди, какъ Бишофсвердеръ и Вёльнеръ, фанатики, мистики и ханжи, мистифицировали его для своихъ цѣлей... Вёльнеръ, Бишофсвердеръ, Рицъ и сообщники ихъ никому, кромѣ своихъ креатуръ, не давали хода... Дочь валторниста Энке, которую король обвѣнчалъ съ своимъ камергеромъ Рицомъ, исполняла такія же дѣла, какъ Помпадуръ, обязанностью которой было, какъ извѣстно, заботиться о Людовикѣ XV, какъ только она одна то умѣла. Рицъ сдѣлалась главнымъ лицомъ въ государствѣ, и что тамъ творилось, какую роль играла она подъ именемъ графини Лихтенау—она разсказываетъ намъ устами своего защитника. Книга, ею продиктованная, низкая и безстыдная, наполненная отвра-

тительными и подлыми документами, издана въ настоящемъ (XIX) столѣтіи [1]).

„Въ это время (въ 90 годахъ) царствованіе Фридриха-Вильгельма походило на конецъ царствованія Людовика XV; прусскій король, такъ же какъ и Людовикъ, надѣялся примириться съ Богомъ, за прегрѣшенія плоти—слѣпою вѣрою и дикимъ мистицизмомъ.

„Вёльнеръ, который сначала хоть по наружности долженъ былъ сдерживаться, потому что король не хотѣлъ тотчасъ выказаться реакціонеромъ, окружилъ себя толпою слѣповѣрующихъ, издалъ, такъ называемый, религіозный эдиктъ и неистовствовалъ противъ раціонализма“ [2]).

Такъ проявило себя розенкрейцерство въ Германіи, какъ только получило въ свои руки вліяніе на дѣла государства.

Что же зачерпнули московскіе масоны изъ этого мутнаго источника? Въ томъ же самомъ дневникѣ, который рисуетъ такого типичнаго розенкрейцера, мы находимъ указаніе, какъ русскіе масоны относились къ „тайнамъ“ розенкрейцерства.

Авторъ дневника выполнялъ въ Россіи какія-то порученія по ордену изъ Берлина, онъ знаетъ многихъ русскихъ масоновъ, свободно обращается съ орденскими именами наиболѣе вліятельныхъ изъ нашихъ масоновъ, напр., Шварца, Трубецкого. Онъ подмѣтилъ, что русскіе масоны какъ-то необычайно ревностно относятся къ масонству, ему кажется, что это объясняется національными особенностями, тѣмъ, что: „русскій народъ склоненъ ко всякимъ крайностямъ“, но онъ раздѣляетъ вѣру, что въ Россіи должны быть „великіе“ братья, и высказываетъ убѣжденіе, что „несомнѣнно, Богъ предпринимаетъ что-нибудь великое съ Россіей“. Если бы московскіе масоны такъ же жадно искали средствъ дѣлать золото и вызывать духовъ, какъ самъ авторъ дневника, онъ не преминулъ бы это отмѣтить, но подобныя исканія онъ отмѣчаетъ только у Елагина, про остальныхъ, наоборотъ, онъ докладывалъ Вёльнеру, что они любятъ теософію и мистическія книги, но питаютъ отвращеніе къ химіи, и Вёльнеръ, очевидно, собирался разъяснить русскимъ братьямъ, что „химія лежитъ въ основаніи“ [3]).

[1]) Apologie der Gräfin Lichtenau. Leipz. 1808 г.
[2]) Цитир. Пыпинымъ, Рус. масонство, „В. Е.“ 1867 г., т. III, стр. 20—21.
[3]) Пекарскій, Дополн., стр. 86.

Теоретически московскіе масоны-розенкрейцеры допускали возможность высшаго знанія „тайнъ“ природы. Въ присягѣ, какую давали вступающіе въ „теоретическій градусъ“, который, какъ мы видѣли, долженъ былъ служить подготовительной школой для розенкрейцерства, это изслѣдованіе „тайнъ“ природы поставлено въ число самостоятельныхъ задачъ. Въ присягѣ говорилось:

„Я, N. N. обѣщаюсь свободно и по добромъ измышленіи:

1) во всю жизнь мою поклонятися Вѣчному, Всемогущему Еговѣ духомъ и истиною;

2) по возможности моей стараться всемогущество Его и премудрость черезъ натуру познавать;

3) отъ суетъ міра отрещися;

4) сколько въ моей возможности состоитъ, споспѣшествовать пользѣ моихъ братьевъ, любить ихъ совѣтомъ и дѣломъ во всѣхъ нуждахъ имъ вспомоществовать и, наконецъ,

5) непрерывное молчаніе соблюдать такъ истинно, какъ Богъ безсмертенъ есть“ [1]).

Но здѣсь изслѣдованіе божественной премудрости „черезъ натуру“ не выдѣляется на первое и исключительное мѣсто; точно такъ же нигдѣ нѣтъ указаній, чтобы московскіе масоны стремились къ тѣмъ „пріятностямъ“, какія орденъ обѣщалъ въ „Комментаріи“, наоборотъ, Лопухинъ, напр., усиленно подчеркиваетъ, что человѣкъ, даже достигшій знанія тайнъ природы черезъ свое очищеніе, отнюдь не долженъ пользоваться этимъ знаніемъ для своихъ выгодъ.

Въ своемъ сочиненіи „Краткое изображеніе качествъ и должностей истиннаго христіанина“ онъ ставитъ вопросъ: „Какихъ свойствъ должны быть тѣ, которые могутъ имѣть оныя дарованія?“, т.-е. высшія таинственныя знанія, и отвѣчаетъ такъ: „Они должны быть таковы, что хотя бы имѣли способъ излечать всѣ болѣзни тѣла и жить нѣсколько сотъ лѣтъ, по примѣру древнихъ праотцевъ, со всѣмъ тѣмъ могли бы терпѣливо сносить жесточайшую боль, и не помогая себѣ, и быть въ готовности на завтра умереть безъ роптанія; также, чтобъ были готовы сносить величайшую бѣдность, обладая способами производить богатства, превосходящія богатства всего міра; и имѣя средство бесѣдовать съ Ангелами, могли бы смиренно пребывать

[1]) Ешевскій, Соч. по русск. ист., стр. 239—40.

въ глубочайшемъ невѣжествѣ, когда-то угодно волѣ источника свѣта; и имѣя съ Іисусомъ Навиномъ силу остановить солнце и съ Ильею отверзать и затворять небо, считали бы себя менѣе всѣхъ и могли бы скитаться безъ роптанія по землѣ, не имѣя мѣста, гдѣ на оной преклонить главу свою; однимъ словомъ: ничѣмъ бы не желали наслаждаться, и на все бы рѣшились, если бы оное потребно было для исполненія воли небеснаго ихъ Владыки" [1]).

Познаніе природы признавалось полезнымъ въ московскомъ розенкрейцерствѣ совсѣмъ не для того, чтобы извлечь изъ него тѣ „пріятности", на какія указывалъ „Комментарій", нѣтъ, оно было только средствомъ къ лучшему познанію Божества.

Изучая природу, мистики подчеркивали въ ней удивительную цѣлесообразность, а отсюда приходили къ выводу, что такая цѣлесообразность необходимо предполагаетъ присутствіе въ мірѣ „великаго архитекта"—Бога. Это изученіе должно совершаться „естественными силами", т.-е. силами человѣческаго разума, и разумъ здѣсь долженъ остановиться только на томъ, что доступно его чувственному опыту. „Упражняющіеся въ ученіи семъ (т.-е. въ изученіи природы) да упражняются въ немъ, говоритъ Лопухинъ, яко въ средствѣ токмо къ пути въ царствіе Божіе, для любви царя въ царствѣ семъ царствующаго и для исполненія воли Его!"

„Да страшатся естественными силами далѣе предѣловъ ихъ проникать въ сіе тайное ученіе и обращать его на нечистые виды собственности. Да страшатся даже и для удовлетворенія только любопытству своему, или для забавы, упражняться въ таинственномъ семъ ученіи" [2]).

Всякія высшія сверхчувственныя познанія возможны лишь для человѣка, озареннаго свѣтомъ божественной благодати, а она дается только нравственно-совершенному человѣку. Если еще не совершилось это нравственное возрожденіе, а человѣческій разумъ, движимый любопытствомъ, дерзнулъ уже проникнуть въ сферу сверхчувственнаго, въ сферу высшихъ тайнъ природы, то его ждетъ величайшая опасность: дьяволъ овладѣваетъ такимъ умомъ, зараженнымъ „самостью", и вмѣсто приближенія ко Христу, человѣкъ такимъ путемъ приближается къ Анти-

---

[1]) Лопухинъ, О внутр. ц., стр. 65—66.
[2]) О внутрен. церкви, стр. 54.

христу. Въ царствѣ Антихриста на первомъ мѣстѣ какъ разъ стоятъ, по мнѣнію Лопухина, „духовные сластолюбцы, прилежащіе къ тайнымъ наукамъ не по любви къ истинѣ, но для удовлетворенія самолюбію своему: въ число которыхъ должно полагать любопытствомъ, корыстію и себялюбіемъ прилѣпленныхъ къ познаніямъ, къ златодѣланію и къ исканію средствъ искусствомъ продолжить грѣховную свою жизнь, къ упражненіямъ въ буквахъ Теософіи, Кабалы, Алхиміи, тайной медицины и въ магнетизмѣ оном, который можетъ учиниться наилучшимъ разсадникомъ и приготовленіемъ для дѣйствій темныхъ силъ“ [1]).

Все это раздѣленіе „тайныхъ“ наукъ на истинныя и ложныя Лопухинъ обосновываетъ ссылками на Св. Писаніе: съ одной стороны, онъ приводитъ въ примѣръ чудеса, творимыя святыми людьми, а съ другой—указаніе Св. Писанія, что передъ приходомъ Антихриста явятся многіе лжехристы и лжепророки, которые тоже будутъ творить чудеса.

Такое признаніе возможности „тайныхъ“ познаній сближало московскихъ масоновъ съ нѣмецкими розенкрейцерами, а увлеченье мистицизмомъ и недостатокъ образованія допускали ихъ вѣрить и въ алхимію и въ магію, хотя и съ поправкой „истинную“, и искать этихъ наукъ въ средневѣковыхъ источникахъ, воскрешенныхъ розенкрейцерствомъ.

На допросѣ Лопухинъ по поводу „тайныхъ“ наукъ показалъ необычайно характерно: „Дѣла сего я никогда не опровергалъ, но имѣя довольно разуму доказать себѣ невозможность онаго, но никогда не заботился стяжать оное... Ежели оно возможно, думалъ я, не отрицая сей возможности по мнѣнію о безднѣ и непоколебимости всѣхъ сокровищъ божественной премудрости твореній ея, то и сіе дѣло безполезно быть не можетъ“ [2]).

Признаніе возможности таинственныхъ силъ въ мірѣ не противорѣчило Св. Писанію, отъ того не отвергали и тайныхъ наукъ розенкрейцерства. Но московскіе розенкрейцеры, кромѣ Св. Писанія, признавали и самостоятельное значеніе „естественнаго разума“, и это спасало ихъ отъ нелѣпостей розенкрейцерства. Не все въ розенкрейцерскихъ уставахъ они признавали правильнымъ: „многаго въ тѣхъ уставахъ сердце и разумъ мой безусловно и неограниченно не признавали“, пока-

---

[1]) О внутр. ц., стр. 15—16.
[2]) Лонгиновъ, стр. 0130.

залъ Лопухинъ на слѣдствіи, и другіе его товарищи-розенкрейцеры тоже свидѣтельствовали, что изъ масонства они брали то, что, по ихъ мнѣнію, не противно христіанству. Безкорыстное стремленіе къ христіанскимъ добродѣтелямъ заставляло ихъ всегда ставить на первый планъ исканія не философскаго камня, а нравственнаго очищенія.

Съ этой точки зрѣнія русскіе масоны подходили къ каждой „системѣ“, выбирали изъ нихъ ту, гдѣ „все обращено на нравственность и самопознаніе“ и, не находя таковой, выработали себѣ широкій взглядъ, что за внѣшними формами „системъ“ должна сохраняться одна и та же основная идея нравственнаго самоусовершенствованія.

Ешевскій изъ рукописнаго сборника одного изъ послѣдователей Новикова приводитъ такое характерное разсужденіе о цѣляхъ ордена: „Мнѣнія разныхъ братій о высшей цѣли ордена столь разнообразны, что описать оныя во всѣхъ оттѣнкахъ ихъ такъ же трудно, какъ многоразличную зелень полей, луговъ и лѣсовъ, когда весенній вѣтеръ навѣваетъ на нихъ тѣни облаковъ, или какъ мнѣнія людей о высочайшемъ благѣ. Нѣкоторые думаютъ, что цѣль сія состоитъ въ томъ, чтобы дѣлать людей доброжелательнѣе, посредствомъ ожиданій, напрягающихъ и возвышающихъ душу, посредствомъ братской помощи и общественной радости, и мало-по-малу соединить добрыхъ людей болѣе и болѣе всеобщимъ союзомъ, который бы не только укрѣплялъ каждаго особенно, но служилъ бы и къ тому, чтобы соединенными силами, даже и тѣхъ, кои безъ энтузіастическихъ видовъ не взяли бы въ томъ участія, дѣлать въ мірѣ добра болѣе того, что бы они могли сдѣлать порознь.

„Другіе думаютъ, что сіе, конечно, составляетъ одну цѣль, и ту, при которой большая часть братій остается; да сія же внутренняя работа есть и необходимое средство къ полученію большаго; но сіе большее есть глубокое испытаніе натуры вещей и черезъ то пріобрѣтенная сила и власть къ исправленію людей, врачебная наука, обновленіе тѣла, превращеніе металловъ и правленіе невидимаго божественнаго царства.

„Нѣкоторые думаютъ, что сіе есть, конечно, то богатство, которое приходитъ къ намъ съ премудростію; но что цѣль есть собственно она сама, соединеніе съ божествомъ, которое само по себѣ есть вожделѣннѣйшее счастіе, и котораго слѣдствіемъ

будетъ познаніе и власть въ тѣлесной натурѣ, сообщеніе съ духами, всеобщій языкъ и внутренній міръ добродѣтели.

„Другіе, напротивъ того, сильнѣе стоятъ въ томъ, что какъ сообщеніе съ вышнею натурою открываетъ нижнюю, такъ и ученія нижнія есть часть средствъ, доводящихъ насъ до сего сообщенія съ вышнею.

„Иные почитаютъ всю высокую цѣль за мечту и невозможность и думаютъ, что распространеніе человѣколюбія, нравственности и общественности, радостное мудрое наслажденіе жизнью и спокойное ожиданіе смерти есть истинная удобная къ достиженію цѣль. Мораль и религія стараются произвесть сіе средствами важными, а орденъ надъ завѣсою удовольственныхъ занятій.

„Но вообще мнѣнія братій различаются въ томъ, что одни почитаютъ сію цѣль преданіемъ уже пріобрѣтенной мудрости, и сообщеніе съ сими высокими, истинными главами ордена даромъ Провидѣнія, для пріятія коего, конечно, надлежитъ имъ работать. Другіе же принимаютъ цѣль ордена за несовершившееся еще намѣреніе, но къ совершенію коего ведетъ работа по предписанію ордена, и которое, быть можетъ, весьма рѣдко здѣсь на землѣ и познается, но нѣкогда, когда настанетъ время зрѣлости, возсіяетъ во всемъ своемъ блестящемъ пространствѣ.

„Хотя бы и не могло быть во всемъ томъ ничего истиннаго, мы между тѣмъ отличаемъ степень, къ которой Провидѣніе опредѣлило здѣсь каждаго брата особенно, отъ той высшей степени, до которой можетъ достигнуть истинный каменщикъ, исполнившій образъ въ дѣлѣ и истинѣ. Отличаемъ отъ обѣихъ всеобщую цѣль ордена и отличаемъ цѣль ордена въ разсужденіи нынѣшняго времени отъ той цѣли, которую онъ имѣетъ, яко учрежденіе пребывающее. Отличаемъ, наконецъ, ограниченнѣйшую цѣль трехъ Іоанновскихъ степеней отъ цѣли цѣлаго ордена.

„Какая есть высочайшая цѣль, до которой человѣчество здѣсь достигнуть можетъ, сего, кажется, опредѣлить и нельзя и ненужно. Самое блистательнѣйшее не кажется невозможнымъ; но публично говорить о томъ не кстати. Кто не пойметъ меня, тому покажусь я смѣшнымъ.

„Довольно, что всѣ вообще признаютъ цѣлію приближеніе человѣка къ нѣкоторому образу совершенства, не говоря, есть

ли то состояніе первозданной славы и невинности, или преображеніе Христа, или тысячелѣтнее царство, или глубокая добросмысленная, радостная мудрость; въ семъ ли мірѣ то совершается, или уже по ту сторону гроба. Каждый стремись къ совершенству, какъ онъ только умѣетъ, ибо иначе быть сему невозможно, по любезнѣйшему образцу своего воображенія. Мудрѣйшій не смѣется ни надъ однимъ изъ нихъ, хотя иногда и всѣ заставляютъ его улыбаться; ибо въ мозгу человѣческомъ ко всякому нѣчто примѣшалось" [1]).

Вотъ это умѣнье русскаго масона подмѣтить въ разнообразныхъ теченіяхъ масонства единую основную мысль—„приближеніе человѣка къ нѣкоторому образу совершенства" и на ней исключительно сосредоточить свое вниманіе и свою практическую дѣятельность образовало изъ масонства серьезную общественную силу. Въ масонствѣ сходились для общей „работы" люди, обычно раздѣленные другъ отъ друга сословными и классовыми перегородками, религіозными и политическими убѣжденіями и привыкали къ сознанію своего общечеловѣческаго достоинства.

На этомъ сознаніи они возводили свои идеалы совершеннаго и справедливаго общественнаго строя и учились вдумчиво и съ уваженіемъ относиться къ свободнымъ проявленіямъ человѣческой личности. Отдѣльная человѣческая личность встрѣчалась здѣсь съ высокимъ идеаломъ нравственнаго возрожденія, получала импульсы къ его достиженію и практическіе навыки въ самодисциплинѣ духа.

Всѣ эти идеи—и общечеловѣческаго братства, и справедливаго общественнаго строя, и освобожденія человѣческаго духа, и нравственнаго усовершенствованія — начинала проводить въ XVIII в. и русская литература и журналистика, но только масонство поставило себѣ цѣлью систематически воспитать ихъ въ человѣкѣ. Наконецъ, въ условіяхъ русской дѣйствительности за масонствомъ была еще одна серьезная заслуга—его организаціи были первыми серьезными организаціями для нравственнаго воспитанія общества, возникшими не по приказу власти, а по самостоятельному общественному почину.

Даже тотъ мистицизмъ, который во вторую половину вѣка такъ густо окуталъ основную нравственную идею масонства, не

---

[1]) Ешевскій, Соч. по русск. ист., с. 178—180.

былъ безусловно опаснымъ: онъ не могъ сдѣлаться орудіемъ обскурантизма уже по одному тому, что шелъ рядомъ съ признаніемъ правъ человѣческаго разума, поскольку его выводы не противорѣчили Св. Писанію, и съ призывами къ просвѣщенію. Въ извѣстной мѣрѣ этотъ мистицизмъ явился даже переходнымъ мостомъ, по которому люди, оторвавшіеся отъ завѣтовъ старины и въ то же время напуганные радикализмомъ идей просвѣтительной философіи,—могли пробраться къ настоящему свѣту положительной науки.

XIII.

Новиковъ и масонство.

Въ масонствѣ Новиковъ нашелъ стройную систему такихъ основныхъ идей, которыя издавна были ему необычайно близкими.

Въ своей журнально-сатирической дѣятельности, обличая недостатки современнаго общества, онъ давно уже высказалъ свое основное убѣжденіе, что идея нравственной равноправности человѣческой личности должна лежать въ основѣ всѣхъ общественныхъ отношеній. Именно съ этой точки зрѣнія онъ обличалъ и крѣпостное право и сословное чванство. Останавливаясь на причинахъ, почему же именно въ современномъ ему обществѣ такъ мало цѣнится нравственная человѣческая личность, ея внутреннія достоинства, онъ пришелъ къ выводу, что причина эта заключается въ недостаткахъ воспитанія. Все воспитаніе, по его мнѣнію, должно быть построено на идеѣ христіанской морали, но этого какъ разъ и было: одна часть общества, зараженная модными идеями плохопонятой философіи, открыто отрицала необходимость религіознаго элемента въ жизни, другая, гдѣ какъ будто бы религіозныя начала и сохранились, усвоила изъ религіи лишь внѣшнюю обрядность и прошла мимо той морали, какая составляетъ главное существо христіанской религіи. Такимъ путемъ, съ одной стороны, вырабатывался свѣтскій щеголь „петиметръ“ и кокетка, съ другой—уѣздный дворянинъ, отецъ Ѳалалѣя, и его достойная супруга.

Обличая ихъ, Новиковъ не могъ не чувствовать безуспѣшности своей сатиры, она, очевидно, плохо проникала толщу нравственной заскорузлости общества. Попытался онъ было подѣйствовать на него живымъ изображеніемъ добродѣтелей нашихъ предковъ, увлечь идеей національнаго превосходства, но, загляпувъ въ старину, онъ умолкъ смущенно: и тамъ не

оказалось добродѣтелей. И вотъ мало-по-малу зрѣетъ у Новикова мысль подѣйствовать на общество не обличеніемъ, а воспитаніемъ: мало отвлеченно высказывать извѣстныя моральныя положенія, нужно ихъ внѣдрить въ общество путемъ систематическаго воспитанія его нравовъ, его вкусовъ, его умственныхъ запросовъ. Такую задачу могло бы взять на себя духовенство, но оно и само далеко отошло отъ идеи Христа: сохраняя видимость учительнаго сословія, оно меньше всего подавало примѣры къ нравственной жизни. Нужно эту задачу взять въ руки самому обществу: уже въ „Живописцѣ“ высказывается идея о необходимости создать общество, которое бы занялось распространеніемъ истиннаго просвѣщенія путемъ изданія полезныхъ книгъ и приближенія ихъ къ населенію. Но въ чемъ истинное просвѣщеніе? Новиковъ сталъ передъ вольтерьянствомъ и отвергъ его, отвергъ, во-первыхъ, потому, что не вѣрилъ во всемогущество человѣческаго разума: „О смертный! безплодно стараешься ты изыскивать тотъ способъ, коимъ Богъ управляетъ свѣтомъ. Вѣчно ты, коль бы много ни силился, не постигнешь своимъ разумомъ, имѣющимъ предѣлы, какъ премудрое божество устраиваетъ дѣла человѣковъ“, такъ говоритъ „Трутень“ съ ст. Судьба [1]).

А во-вторыхъ, новая философія, по мнѣнію Новикова, проповѣдывала безбожье и тѣмъ развращала правы. Истинное же просвѣщеніе должно быть основано на религіи, но не той оффиціальной, какая существуетъ въ современной церкви, а какая заключена въ словахъ Евангелія. И вотъ Новиковъ стоитъ на распутьи: съ одной стороны—вольтерьянство, съ другой—оффиціальная церковь, двѣ проторенныхъ дороги, но Новиковъ не пошелъ ни по одной изъ нихъ — онъ остановился на масонствѣ. Остановился не сразу, а послѣ долгихъ колебаній: то, что разсказывали въ обществѣ о масонствѣ, очевидно, пугало Новикова. Въ „Трутнѣ“ имѣется, единственное, правда, мѣсто, гдѣ слышится насмѣшка надъ масонствомъ: здѣсь судья продаетъ свою совѣсть и увѣряетъ, что она „весьма способна къ отыскиванію желаемого всѣми философическаго камня“ [2]).

Но потомъ Новиковъ столкнулся съ нѣкоторыми изъ масоновъ, и они предложили ему вступить въ ложу.

---

[1]) Листъ XXXIV, 205.
[2]) Л. XVI, с. 102.

„Находясь на распутьи между вольтерьянствомъ и религіей, я, — говоритъ Новиковъ, — не имѣлъ точки опоры или краеугольнаго камня, на которомъ могъ бы основать душевное спокойствіе, а потому неожиданно попалъ въ общество (масоновъ)“ [1]).

Попалъ онъ сюда съ особымъ условіемъ: „Въ масонство такъ называемое англинское вступилъ я не по собственному исканію или побужденію, но по приглашенію, сколько могу упомнить, въ 1775 г. и то на такихъ условілхъ, чтобы не дѣлать никакой присяги и обязательства, чтобы мнѣ открыть три первые градуса напередъ, и ежели я найду что противное совѣсти, то чтобы меня не щитать въ числѣ масоновъ, что мнѣ одинъ изъ масоновъ и сдѣлалъ“ [2]).

Это „англинское“ масонство, въ томъ видѣ, въ какомъ оно было въ ложахъ Елагина, мало удовлетворяло Новикова, потому что „въ собраніяхъ почти играли масонствомъ, какъ игрушкой, ужинали и веселились“, и „хотя и дѣлались изъясненія по градусамъ на нравственность и самопознаніе, но они были весьма недостаточны и натянуты“.

Однако онъ не порвалъ связей, „привязанность и любопытство къ ученію масонства“ остались. Подъ неудачной внѣшностью онъ все-таки чувствовалъ какое-то серьезное основаніе и рѣшился его искать. Въ этихъ поискахъ „истиннаго“ масонства Новиковъ и продѣлалъ всю ту эволюцію, какую пережили и другіе „ищущіе“. Встрѣчаясь съ разными системами, онъ съ необычайной брезгливостью отметалъ всѣ тѣ, гдѣ, по его мнѣнію, имѣлись „политическіе виды“; такъ онъ забраковалъ шведское масонство и нѣмецкую систему строгаго наблюденія, потому что нашелъ въ нихъ цѣли „пагубныя“ и Св. Писанію противныя. „Щедро и вездѣ разсѣиваемыя понятія о малыхъ капитулахъ, о великихъ капитулахъ, о просвѣщенныхъ капитулахъ, о иллюминованныхъ капитулахъ, о братьяхъ фіолетовой ленты, о магистрахъ храма, о клеркатѣ, о призываніи духовъ и проч. и проч., всѣ сіи великія познанія и высокія понятія большею частью только весьма забавны и подобны забавамъ дѣтей, пугающихъ Геркулесовымъ вооруженіемъ“, писалъ Новиковъ въ одномъ изъ писемъ къ петербургскому масону Ржевскому. Всѣ

---

[1]) Лонгиновъ, с. 99.

[2]) Лонгиновъ, с. 074.

пышныя церемоніи ордена, по его мнѣнію, „дерзали прикрывать пагубныя намѣренія“. [1]).

Болѣе другихъ удовлетворила его на время система Рейхеля, потому что, по показанію Новикова, „тутъ было все обращено на нравственность и самопознаніе“. „Подъ именемъ истиннаго масонства разумѣли мы то,—говоритъ онъ далѣе,—которое ведетъ посредствомъ самопознанія и просвѣщенія къ нравственному исправленію кратчайшимъ путемъ по стезямъ христіанскаго нравоученія“. Вотъ критерій истинности, который онъ прилагалъ къ разнымъ системамъ. И Рейхель и другія лица, съ которыми Новиковъ сталкивался, были убѣждены, что истинное масонство существуетъ, но что члены его весьма малочисленны и работаютъ очень скрытно, чтобы въ ихъ среду не вошелъ какой-либо недостойный братъ. Въ ряду другихъ встрѣчъ особенное впечатлѣніе произвела на Новикова встрѣча съ кн. П. И. Рѣпнинымъ: его Новиковъ необычайно уважалъ и его слова потому воспринималъ особенно чутко. Кн. Рѣпнинъ повѣдалъ, „что и онъ масонъ, что онъ, въ разныхъ государствахъ бывши, искалъ масонства и что, не жалѣя денегъ, старался онъ доставать всевозможные градусы, но всегда находилъ лживые. Но, наконецъ, познакомился съ однимъ человѣкомъ, который далъ ему понятіе такое, что истинное масонство скрывается у истинныхъ розенкрейцеровъ, что ихъ весьма трудно найти, а вступленіе въ ихъ общество еще труднѣе, что у нихъ скрывается великое таинство; что ихъ ученіе просто и клонится къ познанію Бога, натуры и себя“ [2]).

Шварцъ привезъ розенкрейцерство въ Москву и предложилъ его московскимъ масонамъ. Шварцъ успѣлъ зарекомендовать себя въ Москвѣ съ самой лучшей стороны, ему довѣряли, но характерно, что, когда онъ предложилъ Новикову подписаться подъ прошеніемъ въ Берлинъ, тотъ опять началъ колебаться и опять выспрашивать: „При семъ случаѣ спросилъ я его,—показывалъ Новиковъ,—чтобы онъ далъ мнѣ вѣрное понятіе объ орденѣ и какой его предметъ; на что онъ мнѣ отвѣчалъ: что предметъ его познаніе Бога, натуры и себя, кратчайшимъ и вѣрнѣйшимъ путемъ. Я спросилъ: нѣтъ ли чего въ орденѣ противнаго христіанскому ученію? Онъ отвѣчалъ: нѣтъ! орденъ въ

---

[1]) Ешевскій,—Соч. по русск. ист., с. 205.

[2]) Лонгиновъ, с. 077.

своемъ ученіи идетъ по стопамъ христіанскаго ученія и требуетъ отъ своихъ членовъ, чтобы они были лучшими христіанами, лучшими гражданами, отцами и проч., нежели какъ были они до вступленія въ орденъ. Я спросилъ: нѣтъ ли чего противъ государей? Онъ отвѣчалъ нѣтъ! и поклялся въ этомъ. Я написалъ прошеніе отъ себя и, взявъ отъ другихъ, отдалъ ему“ [1]).

Весь этотъ разговоръ необычайно характеренъ для Новикова: слышится въ немъ искреннее исканіе и какая-то безпомощность передъ возможнымъ заблужденіемъ, оттого и эта наивная довѣрчивость къ словамъ людей, которыхъ онъ уважаетъ, стремленіе опереться на ихъ авторитетъ и указаніе имъ, что отъ ихъ отвѣта слишкомъ многое зависитъ въ его жизни: „что ежели онъ мнѣ дастъ несправедливый (отвѣтъ), то онъ Богу отвѣтствовать будетъ“, какъ указалъ Новиковъ Рейхелю. И опять характерно: и въ теоретическую степень и въ первую степень розенкрейцерства Новиковъ былъ введенъ безъ всякихъ обрядовъ.

Вступивъ въ розенкрейцерство, Новиковъ, повидимому, удовлетворился его моральнымъ ученіемъ и отодвинулъ отъ себя внѣшнія церемоніи ордена и его „практическія“ работы. Хотя онъ по ходатайству Шварца и былъ назначенъ ему ближайшимъ помощникомъ и занялъ начальственное мѣсто въ орденѣ, но не видно его близкой работы по масонскимъ организаціямъ. Правда, онъ по своей должности ведетъ переписку съ петербургскими масонами, разъясняя имъ нелѣпости тампліерства и истинныя задачи настоящаго масонства, но въ то же время необычайно мало дѣлаетъ собраній ввѣренныхъ ему братій и за это слышитъ упреки со стороны своихъ товарищей. Прежде всего такіе упреки дѣлаетъ ему Шварцъ, который лучше другихъ понималъ, какая энергія можетъ быть развита Новиковымъ въ томъ дѣлѣ, за которое онъ возьмется. „За рыцарство между профессоромъ Шварцемъ и мною, — показывалъ Новиковъ, — частыя бывали неудовольствія, такъ что произошла между нами нѣкоторая холодность и недовѣрчивость, продолжившаяся до смерти его. Онъ меня подозрѣвалъ въ холодности къ масонству и ордену (т.-е. розенкрейцерству) потому, что я, бывъ совершенно занятъ типографскими дѣлами, упражнялся въ томъ

[1]) Лонгиновъ, с. 084.

урывками; а я, вѣдая пылкость его характера и скорость, удерживалъ его, опасаясь, чтобы въ чемъ не проступиться, и съ великою осторожностью смотрѣлъ на все, что онъ дѣлалъ, сколько мнѣ было возможно". Такая же холодность была со стороны московскихъ масоновъ къ самому Новикову, и это бросалось въ глаза даже слѣдователямъ и вызвало вопросъ о причинахъ ссоры Новикова съ Лопухинымъ. Новиковъ на этотъ вопросъ отвѣтилъ: „Съ Лопухинымъ ссоры у насъ не было; но вообще у всѣхъ, которые въ управленіи были, произошла нѣкоторая холодность ко мнѣ и къ Гамалѣю: всѣ подозрѣвали насъ въ холодности обоихъ, въ нехотѣніи упражняться въ упражненіяхъ ордена и тому подобное". Дѣло дошло до того, что въ 1786 г. бар. Шредеръ, управлявшій послѣ смерти Шварца московскимъ розенкрейцерствомъ, отобралъ изъ-подъ начальства Новикова всѣ его ложи. „Баронъ Шварцъ,—говорилъ Новиковъ,—былъ недоволенъ мною за то, что я по безпрестаннымъ почти болѣзненнымъ припадкамъ и типографскимъ дѣламъ и заботамъ давно уже не дѣлалъ собраній съ порученными моему начальству, и подозрѣвая меня въ холодности и нехотѣніи, взялъ изъ-подъ моего начальства (подъ тѣмъ видомъ, что онъ самъ будетъ съ ними упражняться) Тургенева, Кутузова, Гамалѣя; у меня же остались Багрянскій, находившійся въ Лейпцигѣ, и братъ мой".

Главными заправилами въ розенкрейцерствѣ выдвигаются, повидимому, Лопухинъ и кн. Никол. Трубецкой, при чемъ Лопухинъ, какъ кажется, больше интересовался мистической догматикой, а Трубецкой—практическими работами въ изученіи природы.

Такъ, по крайней мѣрѣ, представляется дѣло въ перепискѣ московскихъ масоновъ съ Кутузовымъ, посланнымъ, какъ уже указывалось, за границу для большаго изученія орденскихъ тайнъ [1]). Новиковъ, сколько можно думать по опубликованнымъ документамъ, почти не интересовался, какъ идутъ работы у Кутузова.

„Передъ отъѣздомъ же Кутузова изъ Москвы сказано было, что Кутузовъ въ Берлинѣ будетъ наученъ и наставленъ между прочимъ и въ практическихъ химическихъ работахъ; но испол-

[1]) Переписка опубликована въ „Русской Старинѣ" и Барсковымъ въ его книгѣ „Переписка московскихъ масоновъ".

пилось ли сіе обѣщаніе или нѣтъ, не знаю, а слышалъ я отъ кн. Трубецкого, что Кутузовъ писалъ къ нему, что онъ упражнялся въ практическихъ работахъ"—вотъ все, что зналъ Новиковъ [1]).

Дѣйствительно, переписку съ Кутузовымъ вели Трубецкой и Лопухинъ. Лопухинъ запрашивалъ его о разныхъ книгахъ, съ Трубецкимъ шла рѣчь о приготовленіи какого-то элемента ΘN и какой-то соли, создать которую можно только съ божественной помощью. Всѣ эти вопросы прошли мимо Новикова, и онъ тоже писалъ Кутузову, но мало и чисто дружескія письма, не касаясь въ нихъ орденскихъ дѣлъ.

Изъ писемъ Новикова къ его розенкрейцерскому начальнику (вѣроятно, бар. Шредеру), опубликованныхъ Пыпинымъ въ „В. Е." за 1872 г., № 1, видно, что въ своей дѣятельности онъ руководствовался попрежнему своими личными соображеніями, а не предписаніями своихъ начальниковъ, какъ бы должно правовѣрному розенкрейцеру.

Такъ, получивъ предписаніе составить опись всѣмъ книгамъ, какія онъ выпустилъ въ 80-хъ годахъ, Новиковъ возражаетъ, что это дѣло трудное и не является настоятельно необходимымъ, поэтому онъ его затягиваетъ; точно такъ же на предписаніе сдать завѣдываніе типографическими дѣлами Шварцу, онъ указываетъ, что для Шварца это дѣло слишкомъ хлопотливо и предлагаетъ своего кандидата. Здѣсь увлеченіе практическимъ дѣломъ и большее знакомство съ его обстоятельствами заставляетъ Новикова больше полагаться на свою „умственность", чѣмъ на указанія начальства. Но временами его охватываетъ раскаяніе, „умственность" кажется ему проявленіемъ самонадѣянности, гордыней ума, и ему хочется быть смиреннымъ и послушнымъ. „Медленность и долгое молчаніе на первый вашъ, высоко-достойный Начальникъ, отпускъ всенскренно признаю я и самъ,—пишетъ Новиковъ,—непзвинямыми по уясненіи сего обстоятельства. Подлинно, я долженъ былъ все оставить, хотя бы и всѣ дѣла отъ того разстроиться должны были, но исполнить какъ возможно скорѣе повелѣніе начальника". Въ такія минуты раскаянія ему начинаетъ казаться, что спастись собственными силами, безъ мудраго руководительства начальниковъ ордена, онъ уже не въ состояніи. Вполнѣ понятно, что такое настрое-

[1]) Лонгиновъ, стр. 0150.

ніе у него связывается съ болѣзнью. Онъ самъ пишетъ, что за время ея онъ переродился: „Съ извѣстной вамъ болѣзни моей я ощущаю въ себѣ, по милосердію Спасителя, великую перемѣну. Съ сего времени я почитаю новую эпоху въ жизни моей; въ сіе время и съ сего времени столь живо ощутилъ я милосердую десницу Спасителя, изторгшаго меня изъ челюстей ада и изъ когтей сатаны, такъ что, несмотря на то, что когда я разсматривалъ должности мои и каковымъ быть я долженъ, то гнушаюсь и мержу собой; но когда вгляну на то, чѣмъ я былъ прежде, то слезы раскаянія и благодарности проливаются. И теперь омываю уже донесеніе мое слезами. Буди вѣчно хваллмъ, прославляемъ и превозносимъ милосердый Спаситель грѣшниковъ, св. орденъ его и наши мудрые и милосердые отцы и высокославные начальники. Вѣрю я и увѣренъ, что ихъ чистыми и непорочными молитвами, въ которыхъ они истинно подражаютъ образу ихъ милосердаго Спасителя, и что они, по божественнымъ словамъ у св. Павла, яко крѣпкіе, носятъ немощи безсильныхъ, ощущаемъ толикія милосердія Божіи“.

Совершенно напрасно видѣть въ этихъ взрывахъ покаяннаго настроенія „нравственное паденіе высокой воли и помраченіе свѣтлаго и сильнаго ума“, какъ это дѣлаетъ проф. Незеленовъ [1]), здѣсь Новиковъ совсѣмъ не отказывается отъ проявленія своей воли и своего разумѣнія, онъ хочетъ лишь опредѣлить, изъ какого источника идутъ и эта воля и эта „умственность“. Въ этомъ же письмѣ онъ говоритъ, что часто поступки, какъ будто бы вытекающіе изъ сознанія своего христіанскаго долга, на самомъ дѣлѣ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказываются проявленіемъ своей „самости“, т.-е. не вызываются любовью къ Богу и ближнимъ, а однимъ лишь стремленіемъ такъ или иначе удовлетворить или свое честолюбіе или гордость и т. п. Ему же хотѣлось достигнуть такого состоянія, когда бы вся дѣятельность направлялась лишь любовью къ Богу и ближнимъ. Правда, въ этомъ письмѣ Новиковъ кается и еще въ одномъ проявленіи своей „умственности“. Онъ думалъ, что „человѣкъ самъ собою можетъ любить Бога и ближняго“, и этими словами какъ будто отрицаетъ необходимость личныхъ усилій для спасенія, но это совершенно не такъ: любовь къ Богу и ближнимъ является даромъ свыше лишь для тѣхъ, кто самъ сдѣлалъ

---

[1]) См. его сочиненіе—Н. И. Новиковъ, стр. 430.

надъ собой усиліе оторваться отъ своихъ грѣховныхъ помысловъ и поступковъ и тѣмъ подготовилъ возможность для проявленія въ себѣ божественной благодати. Въ своихъ письмахъ къ начальнику Новиковъ лишь выполняетъ свою масонскую обязанность: приноситъ покаяніе въ своихъ проступкахъ, но онъ совсѣмъ не обнаруживаетъ желанія стать безвольнымъ орудіемъ въ рукахъ „начальниковъ“, и самъ же Незеленовъ отмѣчаетъ, что Новиковъ, покаявшись въ своемъ непослушаніи, снова грѣшилъ тѣмъ же.

Безусловнаго повиновенія своимъ начальникамъ Новиковъ не обѣщалъ, но признавалъ за ними право извѣстнаго контроля за нравственно-христіанской жизнью подчиненныхъ. Указанныя письма Новикова къ начальнику подтверждаютъ показаніе Лопухина на слѣдствіи: „многаго въ тѣхъ уставахъ (розенкрейцерскихъ) сердце и разумъ мой безусловно и неограниченно не принимали“. Новиковъ, повидимому, больше другихъ проявилъ свое критическое отношеніе къ розенкрейцерскимъ уставамъ, и потому другіе укоряли его въ „холодности“ къ орденскимъ дѣламъ. И онъ считалъ розенкрейцерство „истиннымъ“ масонствомъ и до конца жизни сохранилъ убѣжденіе, что безъ свѣта ордена онъ былъ бы не въ состояніи подойти къ свѣту божественнаго писанія [1]), но въ розенкрейцерствѣ онъ цѣнилъ лишь идею необходимости моральнаго перерожденія для полученія истиннаго знанія, а не тѣ „пріятности“, какія розенкрейцерскіе начальники предлагали для посвященныхъ. Поэтому вступленіе Новикова въ розенкрейцерство не было отказомъ отъ какихъ-либо основныхъ убѣжденій его прежней дѣятельности. Попрежнему онъ ставилъ своей задачей быть полезнымъ для общества распространеніемъ „истиннаго“ просвѣщенія, и попрежнему это истинное просвѣщеніе должно было заключаться въ нравственно-религіозномъ развитіи человѣческой личности. Съ этой точки зрѣнія безусловно нельзя признать мнѣніе тѣхъ историковъ, которые видятъ въ розенкрейцерствѣ Новикова начало его паденія въ сторону обскурантизма. Выше было указано, что русское розенкрейцерство рѣзко отличается отъ того, какое процвѣтало въ кружкѣ Вёльнера-Тедена, и что въ немъ не было той дикой вражды къ просвѣщенію, какой зарекомендовали себя и въ теоріи и на практикѣ берлинскіе

[1]) См. его письма къ Трубецкому.

розенкрейцеры. То, что было указано вообще, особенно примѣнимо къ Новикову: вражды къ просвѣщенію въ немъ нигдѣ и никогда нельзя подмѣтить, наоборотъ, всей своей дѣятельностью онъ показалъ любовь къ просвѣщенію. Принимая во вниманіе его дѣятельность, нѣкоторые изслѣдователи поставили своей задачей доказать, что дѣятельность Новикова потому была прогрессивной, что онъ слабо подвергся масонскому вліянію. Такая, напр., задача выполняется въ книгѣ Незеленова: онъ доказываетъ, что до 1785—86 гг. (когда имъ были написаны упомянутыя письма къ начальнику) Новиковъ былъ въ сторонѣ отъ масонства и даже чуть ли не съ насмѣшкой относился къ его ученіямъ и обрядности. Но съ этого времени начинается, по мнѣнію Незеленова, безусловное паденіе въ развитіи Новикова: онъ отказывается отъ правъ человѣческаго разума, отъ своей личной воли и т. п. и цѣликомъ ввѣряетъ себя руководительству розенкрейцерскихъ начальниковъ. Незеленовъ высказываетъ даже совсѣмъ мистическое положеніе, что рука Промысла черезъ Екатерину сохранила для потомства дѣло Новикова и память объ его личности: его дѣятельность была остановлена правительствомъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда у Новикова обнаружилось „паденіе высокой воли и помраченіе свѣтлаго и сильнаго ума“. „Иначе,—говоритъ Незеленовъ,—болѣе чѣмъ вѣроятно, что онъ принялся бы теперь съ масонской точки зрѣнія, со всѣмъ жаромъ раскаявшагося грѣшника, разрушать свое прежнее дѣло; и не мало бы вреда, конечно, принесъ этимъ нашему просвѣщенію“ (стр. 431). Для доказательства такой возможности обыкновенно ссылаются на письма Новикова къ Карамзину, написанныя въ началѣ XIX в., гдѣ онъ толкуетъ о „настоящей“ философіи, и громитъ философію западно-европейскую, гдѣ онъ считаетъ непререкаемой истиной, что имѣются лишь 4 стихіи и 7 планетъ и еще приводятъ его разговоръ съ Иванчинымъ-Писаревымъ, когда Новиковъ отвергалъ новѣйшія открытія физики и химіи, особенно открытія Лавуазье. Изъ этихъ фактовъ хотятъ сдѣлать тотъ выводъ, что Новиковъ, по крайней мѣрѣ въ послѣдніе годы своей жизни, пришелъ къ полному отрицанію науки и вмѣсто ея свѣта поставилъ во главу угла свѣтъ мистическаго откровенія. Выше было указано, въ чемъ такія заключенія не точны: Новиковъ отрицалъ не всю науку, а только тѣ ея выводы, которые онъ не могъ примирить съ положеніями Св. Писанія. За послѣднее

время въ „Русскомъ Библіофилѣ“ за 1913 г., въ №№ 3 и 4, Модзалевскій опубликовалъ новыя письма Новикова къ Лабзину и четыре его разсужденія,—все написанное за послѣдніе годы жизни Новикова. Особенно характерны здѣсь разсужденія, написанныя на мистическія темы: они не имѣютъ въ себѣ ничего типичнаго для розенкрейцерскаго обскурантизма. Въ нихъ разбираются тѣ же нравственные вопросы, какими заполнена вообще масонская литература [1]).

[1]) О нихъ см. ниже въ гл. „Послѣдніе годы жизни Новикова“.

XIV.

Журналъ Новикова „Утренній Свѣтъ"

1777—1780 гг.

Выше было указано, какъ Новиковъ пришелъ къ мысли о недостаточности сатиры для воспитанія общества и призналъ необходимость въ систематическомъ распространеніи истиннаго просвѣщенія. Масонство дало Новикову пріемлемое для него и родственное съ его прежними убѣжденіями міросозерцаніе, сблизило его съ цѣлымъ рядомъ интеллигентныхъ силъ, изъ которыхъ можно было набрать себѣ сотрудниковъ, и ввело его въ опредѣленный кругъ нравственно-философскихъ сочиненій, изъ которыхъ можно было черпать въ готовомъ видѣ матеріалъ для распространенія истиннаго просвѣщенія и для воспитательнаго воздѣйствія на общество и по образцу которыхъ можно было самостоятельно разрабатывать нравственно-религіозныя темы.

Подъ вліяніемъ этихъ новыхъ теченій Новиковъ съ сентября 1777 г. сталъ издавать ежемѣсячный журналъ „Утренній Свѣтъ". Случайно или нѣтъ, но по своей программѣ онъ выполнялъ ту часть масонской работы, которая опредѣлялась задачей „познай самого себя". „Душа и духъ да будутъ единственными предметами нашими", говорятъ издатели въ „Предувѣдомленіи" къ журналу, и онъ дѣйствительно посвященъ выясненію вопроса о сущности человѣка и объ его мѣстѣ въ мірозданіи. „Утренній Свѣтъ" начинается разсужденіемъ о томъ, что человѣкъ—владыка всей природы, и потому долженъ быть предметомъ особаго вниманія: „человѣкъ есть нѣчто возвышенное и достойное". Журналъ не согласенъ съ тѣми „правоучителями", которые считаютъ природу человѣка аналогичной съ животными, нѣтъ „въ природѣ человѣческой находится много такого, что внушаетъ въ насъ истинное къ нему почитаніе и

искреннюю любовь“ [1]). Это—его разумъ, острая память, таланты. Даже ангелы небесные удивляются такимъ божественнымъ свойствамъ въ человѣкѣ. Но человѣкъ не пользуется ими такъ, какъ бы слѣдовало. Всѣ дары своего духа онъ направилъ на служеніе временнымъ и случайнымъ прихотямъ своей плоти. Счастье своей жизни онъ видитъ въ богатствѣ, въ роскошной жизни, въ почестяхъ, въ славѣ, и на достиженіе этихъ благъ направляетъ всѣ свои силы.

Достигая здѣсь извѣстной ступени, онъ терзается завистью, что есть люди, которые живутъ еще лучше его, и страхомъ, что кто-нибудь другой, болѣе сильный, столкнетъ его съ занятаго мѣста. Лишь на короткія мгновенія онъ способенъ чувствовать удовлетвореніе отъ достигнутыхъ успѣховъ, переживать моменты счастья, а всю остальную жизнь долженъ колебаться между завистью и страхомъ.

Случайное затемнило человѣческую душу и закрыло отъ него вѣчное, нетлѣнное и непреходящее; міръ внѣшній поработилъ міръ внутренній. Оттого и несчастливъ человѣкъ на землѣ, что онъ ищетъ счастье не внутри, а внѣ себя. Счастье человѣческое заключается въ самомъ сердцѣ человѣка:

„Счастье! мы тебя имѣемъ
Завсегда передъ собой:
Но владѣти не умѣемъ
Сообщаяся съ тобой.
Не въ могуществѣ и власти,
Не въ высокой самой части,
Не въ богатствѣ, не въ чинахъ
Не на знатности дорогахъ,
И не въ царскихъ ты чертогахъ:
Но живешь у насъ въ сердцахъ“ [2]).

Это внутреннее счастье человѣка заключается въ совершенствованіи его духа, въ освобожденіи его отъ всего временнаго и случайнаго. „Вышнее благо состоитъ въ душѣ, презирающей благодѣянія нечаянности и почитающей единую добродѣтель“ [3]). Духъ человѣческій способенъ до безконечности развивать въ себѣ добродѣтель. На этомъ пути не можетъ быть столкновеній съ другими, не можетъ быть зависти или страха, а можно каждый

---

[1]) „У. С.“, ч. I, стр. 272.
[2]) „У. С.“, ч. I, 252—253.
[3]) „У. С.“, ч. II, с. 237.

моментъ испытывать глубокое удовлетвореніе отъ сознанія пройденнаго, отъ сознанія приближенія къ цѣли. Развивая въ себѣ внутреннее благо, человѣкъ освобождается отъ рабства внѣшнимъ удобствамъ жизни, онъ дѣлается свободнымъ въ самомъ высокомъ смыслѣ слова—свободнымъ по духу, и этой свободы не въ силахъ отнять никакія тяжелыя обстоятельства жизни, „ибо добродѣтельный и искусный въ разныхъ знаніяхъ человѣкъ не можетъ быть несчастливъ, хотя бы достоинства его и пребыли сокрыты, хотя бы заключенъ въ оковы“ [1]).

Для воспитанія въ себѣ такой добродѣтели совсѣмъ не нужно бѣжать отъ „свѣта“, отъ радостей жизни. Здѣсь „Утренній Свѣтъ“ не освѣщаетъ обычную дорогу аскетизма; по остроумному его замѣчанію „многіе оставляютъ свѣтъ, но по большей части такъ, какъ Ева оставила Адама, чтобы съ дьяволомъ поговорить наединѣ“ [2]).

Есть другой путь; этотъ путь — подражаніе Христу въ его дѣятельной любви къ людямъ. Не нужно забывать, что человѣкъ не только самъ въ себѣ цѣль—онъ является еще и средствомъ, черезъ которое должна осуществиться божественная премудрость. „Если мы разсмотримъ,—говорится въ журналѣ,— въ какомъ отношеніи состоятъ человѣки по своему естеству къ прочимъ тварямъ и къ остатку всего міра, то предположимъ, что всѣ вещества въ мірѣ такимъ образомъ другъ съ другомъ соединены, какъ рѣки съ океаномъ, которыя поперемѣнно свои воды другъ другу сообщаютъ. Всякая вещь въ мірѣ есть цѣль всѣхъ другихъ и средство ко всѣмъ другимъ“ [3]).

Слѣдовательно, человѣкъ не долженъ въ своей дѣятельности забывать интересы другихъ, не долженъ замыкаться въ горделивомъ созерцаніи своихъ собственныхъ талантовъ и добродѣтелей — онъ долженъ воспитать въ себѣ любовь къ ближнимъ и жить по заповѣдямъ Христа. А для этого совсѣмъ не требуется искорененія въ себѣ всѣхъ человѣческихъ стремленій къ радостямъ жизни и счастью. Человѣкъ двигается въ своей жизни страстями, и истреблять ихъ — это значитъ ломать въ себѣ двигатель. „Страсти суть вѣтры, помощью коихъ плаваетъ корабль нашъ, который своимъ кормчимъ имѣетъ разсудокъ,

---

[1]) „У. С.“, ч. II, с. 9.
[2]) „У. С.“ ч. IV, с. 187.
[3]) „У. С.“, ч. I, с. 279.

правящій разумомъ. Когда же нѣтъ вѣтру, то корабль плыть не можетъ, а когда кормчій не искусенъ, то корабль погибаетъ" [1]).

„Радость,—говорится въ другомъ мѣстѣ,—есть конечное желаніе всѣхъ чувствительныхъ сердецъ", но это радости не удовлетворенія грубыхъ потребностей животнаго организма въ человѣкѣ—человѣкъ долженъ стремиться къ другимъ высшимъ радостямъ. Передъ нимъ открыты широкіе источники чистыхъ радостей науки, искусства, добродѣтельной жизни. Въ „Правоучительскихъ стихахъ" такъ говорится объ этомъ:

„Не думай, человѣкъ, что вѣкъ твой въ мірѣ скученъ:
Тебѣ къ веселостямъ лежитъ свободный путь;
Коль хочешь на землѣ ты быть благополученъ,
Будь честенъ, справедливъ, покоренъ Богу будь,
И помни, что его священные законы
Полезнѣе для насъ богатства и короны.
Коль счастливъ хочешь быть, ты Богу подражай;
Будь кротокъ, милосердъ, являйся терпѣливымъ;
Несчастнымъ другомъ будь, но другомъ справедливымъ;
Художества люби, науки почитай,
Ко всѣмъ будь милостивъ и бѣднаго питай" [2]).

Такимъ же неизсякаемымъ источникомъ высшихъ радостей является для человѣка природа. Созданная Богомъ и живущая по его мудрымъ законамъ, она своей величавой красотой должна питать человѣческое чувство высокаго и прекраснаго.

„Вселенная во всей своей красотѣ и въ порядкѣ, единожды установленномъ, всегда существующая—есть чудо зримое нами безпрестанно". [3]) „Утренній Свѣтъ" скорбитъ, что люди зачастую утратили способность чувствовать красоты природы, они ушли въ города и тамъ окружили себя мишурной красотой, сусальнымъ золотомъ. Оттого они потеряли понятіе о настоящей красотѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ удалились и отъ Бога и отъ его законовъ, которые чувствуются въ природѣ.

„Вся тварь желаетъ жить и все ликуетъ въ полѣ,
Единый человѣкъ во градъ бѣжитъ оттолѣ,
Пристрастія сего причиной быть должна
Безпечность, суета и пышность лишь одна
Давно уже, давно природой веселились;
Мы въ наши дни отъ ней безъ мѣры удалились".

[1]) „У. С.", IV, с. 184.
[2]) „У. С.", ч. I, с. 200—201.
[3]) „У. С.", ч. VII, с. 62.

„Утренній Свѣтъ“ зоветъ своихъ читателей возвратиться къ природѣ, слить свою жизнь съ ея трудовой жизнью, оздоровляющей тѣло и воспитывающей душу. „Истинная мудрость,— говорится здѣсь,—состоитъ въ томъ, чтобы отъ нея (природы) никогда не удаляться, но во всемъ слѣдовать законамъ и примѣру ея. Итакъ, чтобы быть счастливу, надлежитъ согласоваться со своей природой“ [1]).

Изъ нея нужно почерпать познаніе о Богѣ, ибо природа своей удивительной цѣлесообразностью постоянно свидѣтельствуетъ о немъ: „Если мы станемъ внимательно разсматривать все представляющееся нашему взору, то найдемъ повсюду присутствующа Бога“ [2]). Изъ нея же мы должны черпать понятіе о красотѣ и вносить эту красоту въ свою жизнь: „Пріобучайте очи ваши ко всякой красотѣ природы... Старайтесь впечатлѣть знаменіе природы на всѣхъ дѣлахъ и произведеніяхъ рукъ и разума вашего“ [3]).

Человѣческое искусство должно отражать ту красоту, которая заключена въ природѣ. Тогда оно не будетъ служить мимолетнымъ прихотямъ человѣческаго тѣла, а будетъ воспитывать духъ. Такимъ образомъ, не должно быть противорѣчія между служеніемъ Богу и служеніемъ истинѣ и красотѣ. Добродѣтельная жизнь, основанная на любви къ Богу и людямъ, красота и истина, какъ источники высшихъ человѣческихъ радостей,— вотъ единый путь, ведущій человѣка къ истинному и, слѣдовательно, вѣчному благу. На этомъ пути нѣтъ противорѣчія между полезнымъ и пріятнымъ. „Уничтожаю я обманчивое оное различіе между полезнымъ и пріятнымъ“, говорится въ одной статьѣ „Утренняго Свѣта“. Чтобы направить человѣка на этотъ истинный путь, нужно научить его, и для этого должна быть создана особая наука нравоученія. „Утренній Свѣтъ“ держится сократовскаго принципа, что добродѣтель есть знаніе, и указываетъ на глубокое заблужденіе современности въ томъ, что современная наука разрабатываетъ множество разныхъ вопросовъ, но мало касается „нравоученія“; всѣ науки человѣка связаны съ его временной земной жизнью, а „нравоученіе есть наука настоящаго и будущаго блаженства, для временной и вѣчной

---

[1]) „У. С.“, ч. II, с. 235.
[2]) „У. С.“, VII, с. 64.
[3]) „У. С.“, ч. IV, с. 368.

жизни“ [1]); всѣ науки имѣютъ извѣстныя границы, между тѣмъ сердце человѣческое есть бездна, которую трудно и совсѣмъ почти испытать невозможно“ [2]).

Задачи этой науки въ журналѣ опредѣляются слѣдующимъ образомъ:

„Правоученіе есть наука, которая наставляетъ насъ, управляетъ дѣйствія наши къ нашему благополучію и совершенству, которая внушаетъ намъ истинныя правила великихъ должностей нашихъ ко Творцу, величайшему нашему благодѣтелю, къ ближнимъ и себѣ самимъ, которая предписываетъ сіи должности и показываетъ средства исполненія оныхъ“ [3]).

Правоученіе есть наука, и „Утренній Свѣтъ“ категорическимъ образомъ указываетъ, что нѣтъ противорѣчія между вѣрой и разумомъ: разумъ является основаніемъ вѣры, ибо онъ свидѣтельствуетъ человѣку о Богѣ, онъ постигаетъ его законы, и онъ учится направлять волю по нимъ.

Высказывая свое сожалѣніе, что „художества и нѣкоторыя механическія науки поздно пришли въ Россію“, журналъ такъ опредѣляетъ причину этого опозданія: „Этому препятствовали не неспособности наши, а нѣкоторый родъ предубѣдительнаго суевѣрія, будто свѣтскія науки христіанскому благочестію несвойственны или повреждению нравовъ причиною быть могутъ“. Только суевѣріе заставляетъ думать такъ, но теперь этому суевѣрію не должно быть мѣста: „Существо сего дѣла само собой доказывается въ настоящее время; прямой свѣтъ ученія людямъ никогда вреденъ не бываетъ“ [4]).

Подъ „прямымъ свѣтомъ ученія“ „Утренній Свѣтъ“ разумѣетъ свѣтъ такой науки, которая согласна съ основами Св. Писанія. Поэтому журналъ отрицательно относится къ „просвѣтительной“ философіи XVIII в. и одной изъ своихъ задачъ ставитъ борьбу съ вольтерьянствомъ. По мнѣнію журнала, оно проповѣдывало невѣріе, отрицало безсмертіе души и тѣмъ самымъ толкало человѣка на исканіе лишь временныхъ наслажденій. „Распутная жизнь и невѣрствіе,—говорится въ журналѣ,— путешествуютъ всегда вкупѣ: „се суть два порока, купно возрастающіе и купно

[1]) Ч. IX, с. 212.
[2]) „У. С“., ч. VI, с. 92.
[3]) „У. С.“, ч. IX, с. 208.
[4]) Ч. IX, с. 206.

исчезающіе". Источникъ модныхъ ученій современныхъ философовъ „Утренній Свѣтъ" видѣлъ въ ихъ нехристіанской жизни, въ потворствованіи своимъ порочнымъ стремленіямъ: у нихъ не разумъ управляетъ страстями, а страсти — разумомъ: „разсудокъ есть основаніе вѣры,—говорится въ письмахъ Юнга „О невѣріи",—разсудокъ теряетъ свою силу, поелику владычество чувствъ распространяется, и слѣдственно склонность къ чувственнымъ забавамъ естественнымъ наклоненіемъ ведетъ насъ къ невѣрію. Съ другой стороны, человѣкъ, переставшій вѣрить будущей жизни, долженъ къ настоящей жизни чувствовать пристрастіе, и всѣ забавы, предлагаемыя оною, съ жадностью глотать, и слѣдственно невѣріе всякое обузданіе распутствія уничтожаетъ и предаетъ его своевольствію" [1]).

Такимъ образомъ, вся модная философія построена лишь для того, чтобы оправдать разнузданность своихъ страстей. Къ писателямъ этой категоріи „Утренній Свѣтъ" относитъ Свифта, Ларошфуко, Руссо, Вольтера, Беля, Ламетри, Гельвеція и имъ противопоставляетъ нравоучителей древняго и новаго времени: Сократа, Платона, Епикура, Зенона, Бэкона, Гроція, Вольфа, Николая и особенно Паскаля. Изъ этихъ писателей журналъ и черпаетъ большую часть своихъ философскихъ и нравоучительныхъ статей, у нихъ заимствуетъ аргументы, которыми хочетъ опровергнуть развращающія ученія философовъ-вольтерьянцевъ.

Главное вниманіе въ возраженіяхъ вольтерьянцамъ журналъ обращаетъ на то, чтобы доказать безсмертіе души. Душа не можетъ умереть, потому что по самой своей природѣ она является не матеріальной, умираетъ лишь тѣло, а духъ остается. Но самое главное—безъ признанія безсмертія души немыслима вся духовная и нравственная жизнь человѣка: въ насъ заложено стремленіе къ безконечному усовершенствованію, и въ земной жизни оно не можетъ закончиться; въ насъ есть голосъ совѣсти и, слѣдуя ему, мы стремимся къ добродѣтели, пренебрегая случайными радостями міра, такъ поступаемъ мы лишь потому, что надѣемся на будущую жизнь; въ мірѣ ничего не исчезаетъ безслѣдно, существуетъ законъ сохраненія энергіи—также не можетъ исчезнуть и все то развитіе души, котораго мы достигаемъ на землѣ; наконецъ, безсмертіе души, должно

[1]) „У. С.", ч. VII, с. 94.

существовать потому, что въ нашемъ существѣ имѣется „ненасытимая жадность“ безсмертія. Также немыслимо допустить, что нѣтъ Бога, и журналъ не можетъ повѣрить, что есть искренніе атеисты. Въ послѣдней, IX, ч. журнала имѣется возраженіе и противъ теоріи естественнаго права, такой всеобщей въ XVIII в.: у первобытнаго человѣка, указывается здѣсь, не было сознанія естественнаго закона, онъ руководствовался только своимъ личнымъ самолюбіемъ и своей силой, и потому первыя начала власти были организованы не путемъ договора, а путемъ силы. Цивилизація привила человѣку привычку сдерживать себя, сообразовать свои интересы съ интересами другихъ, и если отказаться отъ власти общества и государства, то люди не обратятся въ блаженствующихъ дѣтей природы, а сдѣлаются „тупыми и негодными“ людьми.

Такимъ образомъ, основной смыслъ главныхъ возраженій противъ просвѣтительной философіи былъ тотъ, что она разрушаетъ авторитетъ сдерживающихъ началъ, которыя необходимы, по мнѣнію „Утр. Свѣта“, для человѣческой культуры: она отрицаетъ необходимость божества, она отрицаетъ безсмертіе души, она отрицаетъ принудительную силу государственной власти, и путемъ этихъ отрицаній заставляетъ человѣка перенести свое вниманіе съ вѣчнаго на временное, искать высшаго счастья не на небѣ, а на землѣ.

Во всемъ остальномъ „Утренній Свѣтъ“ и самъ усвоилъ многое изъ идей новой философской мысли: такъ онъ развиваетъ идею зависимости человѣческой культуры отъ физическихъ силъ природы, отъ климата страны, такъ въ „перемѣнѣ человѣческихъ дѣлъ“, въ смѣнѣ историческихъ событій онъ видитъ не результатъ случайнаго вліянія отдѣльныхъ личностей, а извѣстный закономѣрный процессъ, такъ въ общемъ представленіи о мірозданіи проводится идея непрерывности всего существующаго: „мы всегда нашимъ понятіямъ налагаемъ границы,—говорится здѣсь,—которыхъ не бываетъ въ природѣ, все различаемъ и отдѣляемъ, гдѣ въ самомъ дѣйствіи все мѣшается, все соединяется“.

Наконецъ, несмотря на рѣзкую противоположность отправныхъ точекъ зрѣнія, „Утренній Свѣтъ“ изъ религіозно-нравственныхъ основаній выводитъ требованіе свободы человѣческой личности, свободы совѣсти, необходимость нравственнаго равноправія всѣхъ людей, идею общечеловѣческаго братства всѣхъ

національностей, т.-е. приходитъ къ тому же, къ чему пришла просвѣтительная философія на основаніи ученія объ естественномъ правѣ.

Такъ стронлась цѣлая система „истиннаго“ просвѣщенія, къ которому давно стремился Новиковъ. Вопреки общепринятому взгляду, что „Утренній Свѣтъ“ является періодомъ искапія и потому періодомъ противорѣчій въ развитіи міросозерцанія Новикова, намъ кажется, что здѣсь дано уже цѣльное міросозерцаніе, въ которомъ нашли примиреніе вѣра и разумъ, добродѣтельная жизнь въ духѣ слѣдованія Христу и разумное пользованіе радостями міра. Изслѣдователи обычно указываютъ, что „Утренній Свѣтъ“ то „обожествляетъ“ разумъ, то, отрицая его, выше его ставитъ вѣру; то проповѣдуетъ стремленіе къ счастью и наслажденію, то зоветъ къ аскетизму. Въ изложеніи содержанія журнала мы старались указать, что на самомъ дѣлѣ этихъ противорѣчій не было: „Утренній Свѣтъ“ рѣшительно указываетъ, что вѣра необходимо связана съ разумомъ и, наоборотъ, безвѣріе—съ ослабленіемъ его дѣятельности; „Утренній Свѣтъ“ отрицаетъ аскетизмъ, но зоветъ къ добродѣтели путемъ подражанія дѣятельной любви Христа; онъ не отрицаетъ пользованія земными радостями, но считаетъ необходимымъ облагородить ихъ.

Здѣсь заложенъ основной фундаментъ, на которомъ и въ будущемъ будетъ покоиться міросозерцаніе Новикова. Дальнѣйшее развитіе будетъ состоять въ усиленіи мистицизма, и „Утренній Свѣтъ“ уже намѣчаетъ этотъ путь развитія: въ двухъ послѣднихъ частяхъ этого журнала, восьмой и девятой, попадаются уже отдѣльныя статьи мистическаго характера. Необычайно характерно, что сдвигъ къ мистицизму совершается едва замѣтнымъ образомъ.

Указывая все время на необходимость и важность науки нравоученія, „Утренній Свѣтъ“ признавалъ здѣсь большія заслуги за древними „нравоучителями“: изъ всѣхъ человѣческихъ наукъ самой важной они считали науку о самопознаніи и о путяхъ жизни, но въ то же время журналъ подмѣтилъ, что нравоученія древнихъ часто облекались въ какіе-нибудь символы, басни и миѳы. „Многія древнихъ стихотворцевъ басни съ самаго начала таинство и иносказаніе въ себѣ заключали“, говорится въ статьѣ „О мудрости древнихъ“.

Поэтому журналъ сдѣлалъ попытку раскрыть нѣсколько та-

кихъ иносказаній древнихъ, а въ дальнѣйшемъ высказалъ уже общее положеніе, что наука правоученія скрывается иногда подъ таинственными знаками.

Съ другой стороны, обращаясь къ наукѣ (тогдашней), пытливый умъ часто не находилъ отвѣта на многіе захватившіе его вопросы. Такъ, въ письмѣ къ издателямъ „Утр. Св." нѣкто, скрывшійся подъ псевдонимомъ „иностранецъ", указываетъ, что наша наука исторію человѣческой культуры ведетъ отъ египтянъ и не указываетъ, а что же было до расцвѣта египетской цивилизаціи; точно такъ же ничего она не знаетъ о перемѣнахъ въ жизни земного шара, объ изобрѣтеніи огня, который, несомнѣнно, былъ такимъ могучимъ двигателемъ человѣческой культуры, и о многихъ другихъ подобныхъ вопросахъ. Отсюда авторъ письма дѣлаетъ пожеланіе поискать отвѣтовъ на эти вопросы въ „таинствахъ древнихъ".

„Сіи-то (знанія),—говорится въ письмѣ,—особенно въ таинствахъ только древнихъ, какъ многія примѣчанія показываютъ, открывались. О сколь было бы желательно, если бъ подобныя имъ таинства еще понынѣ находились; хотя я и самъ сомнѣваюсь, находятся ли они, но не во вредъ служили бы просвѣщеннымъ временамъ" [1]).

Не нужно забывать, что въ XVIII в. въ виду неразработанности науки, особенно геологіи, представленіе времени о началѣ жизни на землѣ было сильно преуменьшеннымъ; въ опредѣленіи этого времени руководствовались соображеніемъ, что по библейскому счету рожденіе Христа было на 5509 году отъ сотворенія міра. И разъ за много тысячъ лѣтъ уже была египетская культура и отъ нея сохранились опредѣленные слѣды, то естественно было сдѣлать предположеніе, что древность сохранила свѣдѣнія о томъ, что происходило на ея глазахъ съ начала міра. Такимъ образомъ, порождалось стремленіе разыскать забытую тайну и въ ней найти познанія, какихъ не давала современная наука.

Ставши на этотъ путь, „Утренній Свѣтъ", естественно, попытался поискать свѣдѣній въ старинныхъ легендахъ. Авторъ указаннаго письма въ концѣ его обѣщаетъ сообщить публикѣ, что ему удастся найти въ таинствахъ древнихъ.

Дѣйствительно, въ слѣдующихъ книжкахъ журналъ помѣщаетъ „Повѣсть о Терапевтахъ и Ессеанахъ". Это были два обще-

---

[1]) „У. С." ч. VIII с. 181—182.

ства христіанъ-праведниковъ, которыя жили вмѣстѣ, жизнью на подобіе скитской, и занимались „умозрительной“ философіей съ цѣлью постояннаго нравственнаго усовершенствованія. Какъ указывалось выше, масонство видѣло въ этихъ обществахъ своихъ предшественниковъ и хранителей „тайны“. Такимъ путемъ „Утренній Свѣтъ“ въ послѣднихъ своихъ частяхъ все болѣе и болѣе подходилъ къ признанію необходимости мистическаго проникновенія въ тайны древнихъ, а слѣдовательно, и въ тайны Св. Писанія, особенно Ветхаго завѣта. Основное положеніе мистицизма, что наука не достаточна для откровенія тайнъ, уже сдѣлано, и въ послѣдующихъ изданіяхъ оно будетъ разработано уже вполнѣ.

Весь указанный идейный матеріалъ представленъ въ журналѣ въ различныхъ формахъ: на ряду съ философскими разсужденіями, идутъ притчи, поучительные разсказы, біографіи выдающихся подвижниковъ духа, стихотворенія, письма, обличенія инакомыслящихъ, но любопытно: почти нѣтъ сатиры. Весь тонъ журнала опредѣленно дидактическій. Всѣ его статьи въ цѣломъ, несомнѣнно, давали богатый матеріалъ любителямъ серьезнаго чтенія, и успѣхъ журнала по тѣмъ временамъ былъ выдающійся: въ концѣ III части приведенъ списокъ подписчиковъ—ихъ исчислено 789 человѣкъ. Среди нихъ, кромѣ людей изъ высшаго класса общества и изъ представителей интеллигенціи, мы встрѣчаемъ много купцовъ, приказчиковъ, мѣщанъ, духовенства. Какъ видно изъ отчетовъ, журналъ пользовался сильной поддержкой архіереевъ (въ первый годъ ихъ подписалось 18 человѣкъ), которые рекомендовали его, въ качествѣ поучительнаго чтенія, своимъ подчиненнымъ и благочестиво настроеннымъ прихожанамъ.

Кромѣ числа подписчиковъ, объ успѣхѣ журнала свидѣтельствуютъ и прямые отзывы его читателей; нѣкоторые изъ представителей духовенства изъ журнала брали свои проповѣди, и такія проповѣди принимались прихожанами „съ превеликой похвалой“. Черезъ своихъ читателей журналъ завязалъ обширныя связи съ провинціей, отъ Архангельска до Полтавы и отъ Петербурга до Оренбурга, и всѣхъ ихъ Новиковъ сумѣлъ втянуть въ общее просвѣтительное предпріятіе: на доходъ съ журнала были организованы въ Петербургѣ два начальныхъ училища для мальчиковъ и дѣвочекъ (Екатерининское и Александровское). Время отъ времени въ журналѣ давались отчеты о

числѣ воспитанниковъ, платныхъ и безплатныхъ, объ ихъ занятіяхъ и успѣхахъ, о тѣхъ доходахъ и расходахъ, какіе были связаны съ содержаніемъ училищъ. Журналъ приглашалъ всякаго желающаго лично посѣтить училища и посмотрѣть, какъ идутъ занятія. Необычайно характерно, что въ этихъ училищахъ дѣтей не только учили, но и воспитывали: внушали имъ правила поведенія, пріучали ихъ сознательно участвовать въ общей работѣ, наставляли ихъ на дѣла благотворительности, напр., сообщается извѣстіе, что дѣти по собственному желанію отказались отъ одного изъ блюдъ своего обѣда, чтобы съэкономить извѣстную сумму на помощь бѣднымъ. Постоянными отчетами о дѣятельности училищъ всѣ заинтересованныя лица объединялись въ какое-то особое благотворительное общество. Въ провинціи находились уже добровольные сотрудники, которые принимали на себя собирать подписчиковъ для журнала; въ объявленіяхъ желающіе поддержать общее дѣло прямо направлялись къ этимъ лицамъ.

Это было, несомнѣнно, первое общественное предпріятіе Новикова для распространенія просвѣщенія и общественной благотворительности. И было необычайно знаменательно, что императрица Екатерина, до сихъ поръ непремѣнно подписывавшаяся на ученыя изданія Новикова и даже поддерживавшая ихъ своими субсидіями, теперь не подписалась на журналъ и ничего не вложила на содержаніе училищъ.

XV.

Журналъ Новикова „Московское Изданіе".

1781 г.

„Утренній Свѣтъ" закончился въ августѣ 1780 г., закончился по какимъ-то внутреннимъ причинамъ, такъ какъ читатели его поддерживали, а правительство не имѣло поводовъ его преслѣдовать.

Въ послѣдней части его помѣщено объявленіе о подпискѣ на новый ежемѣсячный журналъ „Московское Изданіе", которое, какъ сказано въ объявленіи, будетъ продолженіемъ „Утренняго Свѣта", но съ добавленіемъ статей по политикѣ, исторіи и географіи. Новый журналъ сталъ выходить въ Москвѣ съ января 1781 г. Въ предисловіи къ нему указывается, что задачи журнала остаются тѣ же, что и въ „Утреннемъ Свѣтѣ", но подчеркивается, что съ распространеніемъ модной философіи журналъ будетъ особенно бороться, издатели его „сострадаютъ", когда слышатъ, что „люди, отъ природы великими способностями одаренные, въ воспитаніи ученостью украшенные и между людьми почтенные, говорятъ и хулятъ съ надменнымъ и увѣрительнымъ видомъ и остроуміемъ законъ, ко спасенію рода человѣческаго первыми людьми свыше полученный и намъ преданіемъ доставленный".

Кромѣ того, журналъ рѣшилъ приспособить свой матеріалъ къ болѣе широкой публикѣ, привлечь къ себѣ и тѣхъ, кто тяготился слишкомъ отвлеченнымъ нравоученіемъ „Утренняго Свѣта". Цѣль изданія, говорится въ предисловіи, „удовлетворить какъ тѣхъ, которые скучали высокими, слѣдовательно, не забавными и непріятными для нихъ матеріями, также и не лишить удовольствія тѣхъ, которые ощущаютъ сладость и совершенную пользу въ нравоученіи и высокомысліи".

Съ этой цѣлью журналъ свои основныя положенія объясняетъ и иллюстрируетъ конкретными примѣрами изъ окружающей дѣйствительности. Такъ, напр., чтобы показать, какъ мало люди цѣнятъ въ себѣ человѣческое достоинство и увлекаются случайными благами жизни, журналъ рисуетъ такую картину: „Честолюбіе есть коршунъ, приставленный у людей къ сердцу, которое онъ безпрестанно терзаетъ. Государи завидуютъ состоянію своихъ сосѣдей, министры—государямъ; придворные сѣтуютъ о томъ почтеніи, которое отдавать должны министрамъ; простые дворяне умираютъ съ отчаянія, что не могутъ поступить въ придворные и въ первые чины въ государствѣ; купцы и мѣщане трудятся только для того, чтобы сдѣлаться дворянами; земледѣлецъ въ упражненіяхъ своихъ завидуетъ мѣщанину, котораго почитаетъ онъ человѣкомъ почтеннымъ. Итакъ, жизнь человѣческая протекаетъ въ безпрестанныхъ безпокойствахъ, и когда придетъ смерть, то вмѣсто, чтобы сказать, что жили, должны признаться, что всю жизнь свою ненасытныя только имѣли желанія".

На основаніи такихъ конкретныхъ наблюденій журналъ приводитъ своихъ читателей къ опредѣленному выводу, къ общему положенію. Съ другой стороны, обнаруживается опредѣленное стремленіе общее положеніе примѣнить къ жизни, показать, насколько эта жизнь согласуется съ нимъ, анализировать причины, отчего же нѣтъ соотвѣтствія между жизнью и принципомъ. Такъ, напр., высказавъ общее положеніе, что люди должны оцѣниваться по ихъ человѣческому достоинству, а не по сословіямъ и чинамъ, „Московское Изданіе" сейчасъ же ставитъ вопросъ, что же препятствуетъ проведенію этого принципа въ жизнь. „У людей есть степень,—говорится здѣсь,—которая устраняетъ и уничтожаетъ честолюбіе: знатный господинъ низокъ и подлъ передъ Самодержцемъ; простой дворянинъ дѣлается невольникомъ придворнаго; мѣщанинъ терпѣливо сноситъ высокомѣріе дворянина, а крестьянинъ опредѣленъ быть рабомъ всѣхъ прочихъ состояній. Итакъ, люди противъ природы отдались одинъ другому въ неволю, происхожденія которой одна ихъ слабость причиною; малѣйшій разборъ ума, сложенія и силы знатныхъ уничтожаетъ всѣ высокія мнѣнія, которыя простой дворянинъ объ оныхъ имѣетъ". [1]).

---

[1]) „Моск. Изд.", ч. II, стр. 242—243.

Такъ, въ нравоучительныхъ статьяхъ никогда не теряется изъ виду живая дѣйствительность, и читатели постоянно приглашаются отнестись къ ней критически, разумомъ своимъ рѣшить, какова она должна быть и какова она на самомъ дѣлѣ. Оттого въ „Московскомъ Изданіи“ помѣщено много и сатирическихъ произведеній, которыхъ почти не было въ „Утр. Свѣтѣ“. Въ нихъ журналъ нападаетъ на тѣ же пороки, на какіе возставалъ раньше „Трутень“ и „Живописецъ“, только крестьянскій вопросъ не рѣшался затрогивать такъ же открыто, какъ раньше. „Уязвить порочнаго до внутренности сердца“ онъ считаетъ „должностью человѣколюбія“, законнымъ мщеніемъ поруганной добродѣтели.

Основной причиной всѣхъ пороковъ „Московское Изданіе“ считаетъ невѣжество: „причина всѣхъ заблужденій человѣческихъ есть невѣжество, а совершенства—знаніе“. Такъ же, какъ въ „Утр. Свѣтѣ“, знаніе считается здѣсь основой добродѣтели. „Московское Изданіе“ только опредѣленнѣе формулировало эту мысль и опредѣленнѣе указало, какова должна быть настоящая наука. „Всѣхъ познаній и наукъ,—говорится здѣсь,—предметъ есть троякій: мы сами, природа или натура и Творецъ всяческихъ. Если ученый не соединитъ оныхъ трехъ предметовъ воедино, и всѣ свои познанія не устремитъ къ совершенному разрѣшенію оной загадки: на какой конецъ человѣкъ родится, живетъ и умираетъ, и ежели онъ при учености своей злое имѣетъ сердце, то достоинъ сожалѣнія, и со всѣмъ своимъ знаніемъ есть сущій невѣжда, вредный самому себѣ, ближнему и цѣлому обществу“ [1]). Слѣдовательно, истинная наука только та, въ основѣ которой лежитъ исканіе путей добродѣтельной жизни, и она, по самому своему существу, обязательно должна быть въ полномъ соотвѣтствіи съ истинами Св. Писанія. Какой бы отраслью науки ученый не занимался, онъ не долженъ забывать основной цѣли всякой науки: во всѣхъ областяхъ искать премудрость Божію, указывать ее тѣмъ, кто лишенъ возможности самъ заниматься наукой, и такимъ путемъ содѣйствовать возвышенію человѣческаго духа. Цѣль науки, говорится въ „Московскомъ Изданіи“, „совершенство духа, состоящее въ познаніи безсмертныхъ истинъ, которыми (человѣкъ) восхищается и возносится до вышняго царства духовнаго или разумнаго“ [2]).

[1]) Предисловіе, стр. XI.
[2]) Ib., стр. XII.

Только чистые сердцемъ способны открывать такія истины, но онѣ не доступны тѣмъ, кто приступаетъ къ наукѣ изъ гордости и тщеславія.

Ученый, который еще не покорилъ своему разуму своихъ страстей, не способенъ создавать истинныхъ цѣнностей, все его ученіе будетъ направлено лишь къ тому, чтобы оправдать господство въ немъ чувственныхъ побужденій. Таковы ученые вольтерьянскаго типа, они „прославляютъ систему, состоящую въ послѣдованіи склонностямъ своимъ, каковы бы онѣ ни были и куда бы ни стремились, говоря, что природа, естество или натура къ тому насъ побуждаетъ, и что безумно налагать оковы на природу, виновницу толикихъ удовольствій и сладости“ [1]).

„Московское Изданіе“, какъ и „Утр. Свѣтъ“, не отрицаетъ, что человѣкъ долженъ слѣдовать своимъ природнымъ склонностямъ, но его разумъ долженъ различать тѣ изъ нихъ, которыя равняютъ его съ животными, и тѣ, которыя дѣлаютъ его человѣкомъ. Нужно слѣдовать природнымъ склонностямъ, но такъ, чтобы все больше возвышать въ себѣ духъ, свое человѣческое достоинство. Истинный философъ такъ и поступаетъ: онъ „ищетъ истины, чтобы быть въ состояніи узнать свое предопредѣленіе, и, оное познавши, показать прочимъ... Онъ хочетъ все знать, потому что хочетъ быть въ состояніи оцѣнить всякое благо, чтобы не выбрать худого, и знать всѣ отношенія существъ, чтобы, лучшее отобравши, по оному учредить свои поступки“.

Поэтому не можетъ быть никакого противорѣчія между истинной наукой и вѣрой. Вѣра и разумъ не могутъ обходиться другъ безъ друга: разумъ безъ вѣры не можетъ постичь таинственное, что есть въ мірѣ, вѣра безъ разума обращается въ суевѣріе, а „гдѣ царствуетъ сусвѣріе и пристрастіе, тутъ царствуютъ страсти и своенравіе“ [2]). „Вѣра имѣетъ двѣ окружающія ее пропасти: суевѣріе и безвѣріе“ [3]). Разумъ доказываетъ человѣку, что Богъ существуетъ: онъ открываетъ гармонію существующаго, скрытое стремленіе къ добру, указываетъ необходимость конечной причины. „Противоборства“ между вѣрой и разумомъ, между богословіемъ и наукой не должно быть, но, къ сожалѣнію, оно продолжается и теперь.

[1]) Предисловіе, стр. XV.
[2]) Ч. I, стр. 236—7.
[3]) Ч. II, стр. 256.

Причину этого противоборствованія „Московское Изданіе“ видитъ въ фанатизмѣ духовенства. Именно въ эпоху средневѣковья, когда духовенство по своему невѣжеству далеко отклонилось отъ завѣтовъ Св. Писанія и когда явились попытки обличить его,—тогда началась вражда духовенства противъ разума. Разумъ преслѣдовали, звали его блудницей дьявола и все для того, чтобы сохранить за собой господствующее положеніе. Въ результатѣ этой вражды пострадали обѣ стороны: церковь впала въ суевѣріе, а философія въ невѣріе. Примиреніе должно заключаться въ томъ, чтобы соединить вѣру и разумъ, тогда очистится церковь и наука станетъ на истинный путь.

Указывая на громадное значеніе науки во всѣхъ областяхъ человѣческой жизни, „Московское Изданіе“ разбираетъ и тѣ реальныя условія, которыя необходимы для ея процвѣтанія. Въ статьѣ „О главныхъ, причинахъ относящихся къ приращенію художествъ и наукъ“, указывается, что науки появляются только тогда, когда организованное человѣческое общество даетъ необходимую безопасность для спокойной вдумчивой работы мысли. Для развитія наукъ необходима свобода мысли, „вольностью онѣ процвѣтаютъ“.

„Въ благополучномъ вѣкѣ Рима, приводится здѣсь примѣръ, вольность была душой краснорѣчія, и заставила Спилловъ (Сулла) и Помпеевъ дрожать передъ народнымъ трибуномъ. Но когда послѣ благородной гордости сихъ республиканцевъ послѣдовало подлое рабство во времена императоровъ, то сей благороднѣйшій жаръ вдругъ погасъ, и разумъ римлянъ вмѣстѣ съ ихъ вольностью погребенъ былъ на поляхъ Фарсальскихъ“. Въ наше время „англичане оказали великіе успѣхи въ философіи; причина тому гордая вольность ихъ мыслей и сочиненій, которыя могутъ быть примѣромъ цѣлому свѣту“. „Московское Изданіе“ совсѣмъ не цѣнитъ той науки, какая часто создается при дворахъ государей и по ихъ инищіативѣ: такая наука является лишь однимъ изъ украшеній придворной жизни, она похожа на оранжерейное растеніе, которое гибнетъ, когда владѣлецъ оранжереи перестаетъ ее поддерживать. Настоящая наука должна органически вырастать изъ свободной общественной самодѣятельности, и тогда она явится могучимъ двигателемъ народной жизни: „народъ—первый собиратель плодовъ науки“. Тамъ, гдѣ государство не даетъ простору пытливой мысли, наука никогда

не можетъ пустить прочныхъ корней: „нигдѣ, гдѣ только рабство, хотя бы оно было и законно, связываетъ душу, какъ бы оковами, не должно ожидать, чтобы оно могло произвесть что-нибудь великое“ [1]).

Въ другой статьѣ „Письмо о государяхъ“ „Московское Изданіе“ снова возвращается къ выясненію политическихъ условій, необходимыхъ для нормальной жизни подданныхъ. Тутъ указывается, что подданные должны имѣть доступъ къ государю, чтобы ему было извѣстно дѣйствительное положеніе дѣлъ въ государствѣ. На вопросъ, что нужно ему, чтобы быть великимъ, дается отвѣтъ, что „одна премудрость и правосудіе могутъ учинить государя великимъ“. Тамъ, гдѣ этого нѣтъ, государство не можетъ быть прочнымъ: „утверждающій власть свою на неправосудіи, скрываетъ пропасть, которою онъ или его преемники поглощены будутъ. Самыя великія и ожесточенныя возмущенія не отъ чего иного произошли, какъ отъ своенравія и жестокости государей“. Особенно долженъ государь остерегаться давать волю своимъ личнымъ страстямъ: „всякое государство лучше управляемо быть можетъ праздными государемъ, нежели страстнымъ. Ежели первый имѣть будетъ искуснаго министра, тогда праздность его обратиться можетъ въ пользу народа; страстный же самъ управлять не силенъ, и будучи невольникомъ, повинуется волѣ любовницы, и самъ приказать не въ состояніи. Какъ скоро государь отдается любви, то весь его дворъ почитаетъ за долгъ чувствовать ту же страсть. Временщики, министры, придворные, однимъ словомъ всѣ показываютъ нѣжное сердце. Что жъ будетъ изъ сей прилипчивой любви? Любовницы государя, министровъ и временщиковъ, сдѣлавъ союзъ, станутъ раздавать чины и всѣ дѣла расположатъ по своимъ прихотямъ“.

„Такое правленіе,—добавляетъ статья—бывало при государяхъ, которые великую надежду подавали въ началѣ своего владѣнія“.

Если эта статья для многихъ осталась отвлеченной, такъ какъ многимъ не были извѣстны обстоятельства нашей придворной жизни при Екатеринѣ, то все-таки она пріучала къ извѣстному критическому отношенію къ власти. Власти указывалась опредѣленная обязанность—править для блага народа, подавать примѣръ достойной жизни. Сильнѣе обязанности государя подчеркивались въ статьяхъ о войнахъ: къ нимъ отношеніе

[1]) Ч. I, стр. 286.

журнала отрицательное, онъ признаетъ лишь оборонительныя войны, такъ какъ иначе война есть „простое кровопролитіе и достойна ужаса“; осуждая ихъ, журналъ прямо указываетъ, что не честолюбіе и любовь къ славѣ должны побуждать къ войнѣ, а любовь къ отечеству и благу общественному; безсмертіе государь можетъ заслужить скорѣе правосудіемъ и справедливостью, нежели „завоеваніемъ многихъ государствъ, разореніемъ ста городовъ и истребленіемъ ста тысячъ человѣкъ“. Въ вѣкъ Екатерины, когда, дѣйствительно, внѣшняя политика во многомъ направлялась честолюбіемъ, такія статьи были особенно умѣстны.

Подобнымъ же образомъ всѣми своими статьями въ совокупности „Московское Изданіе“ показывало, какъ можно критически отнестись къ окружающей дѣйствительности. Въ этой критикѣ практически примѣнялись тѣ моральныя положенія, которыя въ отвлеченной формѣ памѣтилъ „Утренній Свѣтъ“, и какія новый журналъ подчеркнулъ еще разъ. Такой путь распространенія основныхъ началъ науки „нравоученія“ облегчалъ читателю процессъ ихъ усвоенія, пріучалъ его не отдѣлять принциповъ отъ жизни и осуществлять ихъ въ своей дѣятельности.

Чтобы пріохотить къ такому серьезному чтенію и тѣхъ читателей, которые, какъ указано въ предисловіи, обязательно хотѣли „занимательнаго“, „Московское изданіе“ между серьезными статьями помѣщало и просто „занимательныя“ или вводило элементъ занимательности въ самыя нравоучительныя статьи. Для примѣра укажемъ повѣсть „Геро и Леандръ“ во II части журнала, гдѣ описывается тайная любовь жрицы Венеры—Геро. Леандръ каждую ночь переплывалъ вплавь морской проливъ къ своей возлюбленной и оставался тамъ до зари. Зимняя буря погубила его въ волнахъ, и только его трупъ бездыханный море принесло къ подножію богини Венеры, гдѣ обитала жрица. Съ отчаянья Геро тоже бросилась въ море и погибла. Въ повѣсти нѣтъ никакого элемента морали, но она производитъ впечатлѣніе красивой легенды.

А вотъ примѣръ нравоучительной и сатирической статьи, гдѣ элементъ занимательности введенъ въ среду серьезныхъ разсужденій: нѣкій духъ ходитъ во время службы по церкви и читаетъ тайныя думы всѣхъ молящихся; онѣ, оказывается, ничего общаго не имѣютъ съ молитвой, особенно у женщинъ; истинное благочестіе

духъ нашелъ лишь у одного простолюдина. Среди обличеній и наставленій здѣсь очень подробно описывается, какъ одна изъ молящихся женщинъ принимала у себя любовника-офицера. На нашъ теперешній взглядъ во всѣхъ такихъ „занимательныхъ“ статьяхъ кажется страннымъ большое количество нескромностей въ подробностяхъ описаній, но среди тогдашняго моднаго чтенія, гдѣ необычайно усиленно подчеркивался эротическій элементъ, занимательныя статьи „Московскаго Изданія“ должны были казаться очень скромными. По формѣ онѣ все-таки плохо спаяны съ основнымъ содержаніемъ, и видно, что ихъ употребляли лишь какъ средство не отпугнуть отъ серьезныхъ статей любителей занимательнаго чтенія. Гораздо болѣе выгодное впечатлѣніе производятъ „занимательные“ разсказы, взятые изъ исторіи: здѣсь мораль какъ-то болѣе связала съ основнымъ содержаніемъ разсказа. Напр., въ статьѣ „Печальныя слѣдствія непостоянства“ разсказывается исторія брака Генриха VIII съ Анной Болейнъ, и въ концѣ дается такое заключеніе: „Генрихъ VIII служитъ доказательствомъ, сколь ненавистнымъ долженъ быть тотъ человѣкъ, который не имѣетъ никакого другого путеводителя, кромѣ страстей своихъ“.

Сильнѣе сказывается въ „Московскомъ Изданіи“, чѣмъ въ „Утреннемъ Свѣтѣ“, вліяніе мистическихъ теченій. Уже въ предисловіи говорится о важности изученія древнихъ писателей.

„Нынѣ вообще о глубокой древности думаютъ такъ, какъ о грубомъ невѣжествѣ и суевѣріи“, говорится въ предисловіи. Но „мы не только ихъ (древнихъ) не превосходимъ, но едва ли и сравниться можемъ; ибо мы по сіе время не только въ наукахъ ничего новаго не изобрѣли и не прибавили, но едва ли и разумѣемъ все, что отъ нихъ получили. Ибо извѣстно намъ, что мудрецы греческіе... заимствовали всю свою мудрость въ Египтѣ, въ которомъ и по-нынѣ остались монументы и черты высокаго знанія и мудрости“ [1]).

Люди тѣмъ больше знали, чѣмъ ближе жили къ первымъ людямъ, а первые люди сохраняли еще свѣтъ того знанія, какое они имѣли до грѣхопаденія. Первый человѣкъ,—говорится далѣе—былъ столь совершенъ, что, имѣя чистый разумъ, могъ проницать въ природу вещей, чувствовать согласіе оныхъ,—словомъ, читать цѣлую природу и удивляться премудрости Со-

[1]) Предисл., с. XIX.

здавшаго. Когда же люди начали лишаться даровъ оныхъ, то принуждены были понятія свои о природѣ и самомъ Богѣ сообщать потомкамъ начертаніями или іероглифами, образующими свойства вещей, существующихъ въ мірѣ, устроенномъ по совершенному равновѣсію и согласію. И сей способъ сообщать понятія сообщается первымъ. Когда же со временами люди начали болѣе удаляться отъ истины и оныя начертанія становились невразумительными, то рождались науки для объясненія оныхъ и для показанія ослабѣвшему уму человѣческому стройности и красоты вселенныя, дабы убѣдить оный и принудить восчувствовать развратность его дѣйствій и превосходство истины". При такомъ взглядѣ на современную науку, что она лишь чуть-чуть приближалась къ мудрости древнихъ, было вполнѣ понятно указаніе „Москов. Изданія" на важность изученія іероглифовъ.

„Изъ всего сказаннаго можно легко заключить, — пишутъ издатели въ предисловіи,—сколь языкъ іероглифическій для насъ нуженъ: ибо помощью его только можемъ мы достигнуть яснаго и совершеннаго свѣдѣнія какъ о древности, такъ купно и о настоящемъ положеніи человѣческаго рода. Не имѣя же свѣдѣнія о цѣломъ человѣчествѣ, можемъ ли мы частно знать о себѣ и обо всемъ окружающемъ насъ? Можемъ ли мы знать, въ чемъ состоитъ прямое счастье наше и общій нашъ жребій? Можемъ ли быть полезными другъ другу и цѣлому обществу?"

Такимъ образомъ, объявлялось, что современная наука не можетъ дать полныхъ знаній — ихъ надо искать въ прошломъ, въ іероглифахъ. Египетскіе іероглифы, извѣстные и тогда, манили своей таинственностью, въ нихъ грезилась настоящая наука, сохранявшаяся по преданіямъ отъ первыхъ людей. Нужно замѣтить, что въ XVIII в. египетскія письмена еще не были прочитаны учеными, и потому заблужденіе относительно ихъ содержанія было естественнымъ. Въ дальнѣйшемъ содержаніи журнала мы встрѣчаемъ еще двѣ подобныхъ же статьи: „Праздная времени упражненіе" (ч. I) и „Состояніе человѣка передъ грѣхопаденіемъ" (ч. II). Во второй изъ нихъ повторяется то же о совершенствѣ познаній Адама, что сказано и въ предисловіи, а въ первой указывается на возможность приготовленія уни-

[1]) Ib., c. XXV.

версальнаго лѣкарства, которое способно излѣчивать всѣ болѣзни и рецептъ котораго былъ извѣстенъ первымъ людямъ и потомъ передавался въ потомствѣ среди избранныхъ. „Есть на землѣ,—говорится здѣсь,—нѣкоторые, Богомъ избранные алхимистскіе адепты, могущіе внутренніе наши болѣзни и пороки поправить универсальнымъ или всеобщимъ лѣкарствомъ. Но то несчастіе наше, что таковыхъ праведныхъ весьма мало находится“ [1]).

Кромѣ предисловія да этихъ двухъ статей, во всемъ журналѣ ни разу больше не встрѣчается собственно масонскихъ темъ, но и онѣ характерны: весь журналъ проникнутъ глубокимъ уваженіемъ къ наукѣ, къ человѣческому разуму, ихъ свѣтъ онъ старается внести во всѣ закоулки жизни, увѣренно берется за разные вопросы и ясно освѣщаетъ ихъ со своей основной точки зрѣнія, и бодрая нотка слышится на всемъ протяженіи журнала, а тутъ вдругъ, да еще въ предисловіи, заявляется, что все равно современная наука никогда не можетъ уйти дальше того, что зналъ „древній“ человѣкъ, что разумъ современнаго человѣка помраченъ и неспособенъ постигать чистую истину, что нужно стремиться изучать іероглифы и въ нихъ поучаться высшимъ знаніямъ. Какъ же возможно примирить такое безвыходное, повидимому, противорѣчіе, когда предисловіе отрицаетъ все то, что такъ горячо проповѣдуетъ журналъ?

Противорѣчіе это на самомъ дѣлѣ только кажущееся: журналъ считалъ современную науку, поскольку она не противорѣчила духу Св. Писанія, необходимымъ основаніемъ всякаго „высшаго“ знанія. Высшія тайны могъ постигнуть только тотъ, кто уже достаточно просвѣтилъ свой разумъ научнымъ мышленіемъ. Современная наука не полна, но она первая ступень, безъ которой нельзя шагнуть выше. Указавши въ предисловіи, что древнимъ людямъ были извѣстны высшія познанія, издатели пишутъ: „Что же касается до прямого намѣренія журналовъ нашихъ, то оно состоитъ въ томъ, чтобы, по примѣру нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ народовъ, распространять знаніе, на которомъ основаніе свое имѣетъ мудрость, яко предметъ и доля человѣческого рода“ [2]).

---

[1]) С. 136, ч. I.
[2]) С. XXVI.

Пусть заблужденіе, что высшая мудрость извѣстна была древнимъ, но все равно современная наука признается необходимымъ основаніемъ и разумъ человѣческій—необходимымъ орудіемъ для отысканія высшей мудрости. При такихъ основныхъ положеніяхъ заблужденіе, въ какое впали наши масоны относительно древней мудрости, было не страшнымъ. Рано или поздно, познакомившись съ тайной іероглифовъ, такъ увлекшихъ ихъ, они естественнымъ путемъ вышли бы къ истинѣ. Положеніе „Моск. Изданія“ о необходимости современной науки и разума даетъ лишній штрихъ для характеристики идейныхъ основаній нашего масонства, о которыхъ была рѣчь выше.

XVI.

Журналъ Новикова „Вечерняя Заря“.

1782—1783 гг.

Вслѣдъ за „Московскимъ Изданіемъ“ въ теченіе 1782 и 1783 гг. Новиковъ издавалъ ежемѣсячный журналъ „Вечерняя Заря“. Въ объявленіи о немъ было сказано, что онъ будетъ служить продолженіемъ „Утренняго Свѣта“, но по своему типу онъ рѣзко отличался и отъ „Утренняго Свѣта“ и отъ „Московскаго Изданія“. Богословско-мистическій элементъ проникаетъ всѣ его книги. Строеніе каждой изъ нихъ выдержано по одному плану: сначала идутъ обстоятельныя философско-психологическія статьи, потомъ какое-нибудь стихотворное переложеніе псалма, за нимъ нравоучительная повѣсть, потомъ стансы, мадригалы, эпиграммы, загадки и т. п. стихотворныя мелочи и, наконецъ, въ каждой книжкѣ идетъ масонская статья. Нравоучительныя статьи отличаются отъ такихъ же въ „Московскомъ Изданіи“: оттѣнка пикантности въ нихъ уже не содержится, и мораль не прицѣплена лишь внѣшнимъ образомъ. Особенно же выдаются философско-психологическія статьи: каждая изъ нихъ проникнута опредѣленнымъ философскимъ настроеніемъ, строго выдержана, и одна является непосредственнымъ продолженіемъ другой, такъ что, напр., въ первыхъ восьми книжкахъ эти статьи, несмотря на ихъ разные заголовки, составляютъ одинъ цѣльный философскій трактатъ. Такая перемѣна объясняется, несомнѣнно, тѣмъ, что въ журналѣ большую руководящую роль занялъ Шварцъ и изъ своихъ слушателей и воспитанниковъ основанной имъ „Педагогической семинаріи“ подобралъ цѣлый кружокъ идейныхъ сотрудниковъ. Весь этотъ кружокъ подъ вліяніемъ Шварца былъ увлеченъ идеями знаменитаго мистика Іакова Бёма. Его главное сочиненіе „Misterium magnum или изъясненіе

на первую книгу Моисееву объ откровеніи Божественнаго слова черезъ три начала Божественнаго существа и о происхожденіи міра и творенія" въ переводѣ на русскій языкъ появилось еще въ началѣ XVIII в., но настоящій интересъ къ нему появился только подъ вліяніемъ книги Сенъ-Мартена—„О заблужденіяхъ и истинѣ", вышедшей въ 1775 г. и въ рукописяхъ получившей большое распространеніе среди русскихъ масоновъ. Стоитъ привести полное заглавіе этой книги, чтобы видѣть, какъ разнообразно было ея содержаніе и какъ оно было заманчиво для ищущихъ высшей тайны. Въ русскомъ переводѣ, изданномъ въ 1785 г. въ вольной типографіи Лопухина, оно такое: „О заблужденіяхъ и истинѣ, или возваніе человѣческаго рода ко всеобщему началу знанія. Сочиненіе, въ которомъ открывается примѣчателямъ сомнительность изысканій ихъ и непрестанныя ихъ погрѣшности, и вмѣстѣ указывается путь, по которому должно бы имъ шествовать къ пріобрѣтенію физической очевидности о происхожденіи добра и зла, о человѣкѣ, о натурѣ вещественной, о натурѣ невещественной и о натурѣ священной, объ основаніи политическихъ правленій, о власти государей, о правосудіи гражданскомъ и уголовномъ, о наукахъ, языкахъ и художествахъ". Въ этой книгѣ Сенъ-Мартенъ развивалъ особую теорію устройства міра: міръ есть истеченіе (эманація) божественнаго духа, и потому въ каждомъ существѣ и предметѣ есть нѣкоторая часть его, облеченная болѣе или менѣе грубой матеріей; человѣкъ занимаетъ промежуточное мѣсто между міромъ животнымъ и міромъ чистыхъ духовъ; только этимъ послѣднимъ извѣстна высшая истина, человѣкъ же своимъ омраченнымъ разумомъ ловитъ лишь отдаленные отблески ея, но онъ можетъ оторваться отъ своей грубой тѣлесной оболочки, достичь такого совершенства, что его духъ войдетъ въ непосредственную связь съ міромъ чистыхъ духовъ и озарится свѣтомъ высшей премудрости. Слѣдовательно, мало одного разума человѣческаго для постиженія этой высшей мудрости, она доступна лишь избраннымъ, которымъ дается откровеніе божественной благодати. Сенъ-Мартенъ во многомъ пользовался идеями Бёма, и самъ считалъ его „духоносцемъ", у котораго онъ былъ бы недостоинъ завязать сапогъ его. Для русскихъ масоновъ Сенъ-Мартенъ былъ предтечей Бёма, предтечей не грядущаго, а уже пришедшаго.

Шварцъ особенно увлекся идеями Бёма и, какъ видно изъ

его конспектовъ лекцій, проводилъ ихъ въ среду своихъ слушателей, но мистическія идеи Бёма онъ сумѣлъ необычайно стройно связать съ идеями нѣмецкой философіи Вольфа и съ моральными ученіями англійской школы натуралистовъ. Въ результатѣ получалась необычайно удобная позиція: съ помощью англійскихъ философовъ и Вольфа приводились въ стройную систему всѣ вопросы, связанные съ природой человѣческаго разума и чувства, поскольку въ нихъ дѣйствовалъ чувственный опытъ, съ помощью Бёма освѣщалась связь чувственнаго опыта съ сверхчувственнымъ.

Предисловіе къ „Вечерней Зарѣ“ и тѣ философско-психологическія статьи, которыя идутъ въ началѣ первыхъ книжекъ, и отразили въ себѣ философскую систему Шварца и не только отразили, но, весьма вѣроятно, имъ же самимъ были и написаны, такъ, по крайней мѣрѣ, представляется дѣло, если ихъ сравнивать съ краткими конспектами лекцій Шварца.

Въ предисловіи къ „Вечерней Зарѣ“ подчеркивается, что названіе журнала не случайно, оно соотвѣтствуетъ силѣ свѣта нашего разума: „Сравнивая теперешнее наше состояніе съ тѣмъ, въ которомъ нашъ праотецъ блисталъ полдневнымъ свѣтомъ мудрости, находимъ, что свѣтъ нашего разума едва можно уподобить и вечернему свѣту“. Грѣхопаденіе Адама омрачило первоначальный свѣтъ человѣческаго разума, но „сего свѣта и мы не лишены, онъ есть въ насъ, однако закрытъ и, такъ сказать, задавленъ нашими дурными дѣлами“. Поэтому для человѣка выдвигаются три цѣли, если онъ хочетъ достичь высшаго свѣта: 1) познаніе себя, т.-е. познать и исправить свои нравственныя дѣйствія; 2) познаніе природы, въ которой открывается величіе ея Строителя; 3) познаніе Священнаго Писанія, въ которомъ скрыты тайны божества. Всѣмъ этимъ тремъ цѣлямъ и долженъ служить журналъ.

Согласно съ такими задачами журналъ и принимается прежде всего за опредѣленіе природы человѣческой.

Въ основѣ воззрѣній автора философско-психологическихъ статей лежитъ положеніе, что человѣкъ состоитъ изъ трехъ частей: тѣла, души, духа. Троичность человѣческаго существа доказывается тѣмъ, что онъ сотворенъ по образу Божію, а Богъ—троиченъ въ лицахъ; кромѣ того, приводятся ссылки на Св. Писаніе, гдѣ два понятія—душа и духъ различаются. Но самое главное доказательство—это разсмотрѣніе по аналогіи

трехъ царствъ природы—минераловъ, растеній и животныхъ. Между ними есть нѣчто общее по устройству, но въ то же время есть и большая разница.

Минералы состоятъ изъ земли и влажности.

Растенія—изъ земли и влажности + имѣютъ въ себѣ движеніе соковъ и возможность производить себѣ подобныхъ.

Животныя—изъ земли, влажности, движенія соковъ + души.

Среди животнаго царства имѣются безконечныя ступени совершенства въ ихъ организаціи вплоть до человѣка.

„Человѣкъ собственно къ царству животныхъ не принадлежитъ, но отъ онаго переходитъ въ новое царство. Онъ долженъ имѣть новую существенную часть, нѣчто такое, чего ни въ какомъ животномъ не находится, хотя и имѣетъ тѣло, составленное изъ земли, сохраняющее въ себѣ весьма искусно устроенные сосуды съ наилучшимъ въ нихъ круготеченіемъ чистѣйшихъ и нѣжнѣйшихъ соковъ и сопряженное съ совершеннѣйшею душею животныхъ. Однако онъ сверхъ того имѣетъ нѣчто такое, чего во всѣхъ другихъ животныхъ не находится, т.-е. онъ имѣетъ духъ разумный и безсмертный.

„Итакъ человѣкъ принадлежитъ къ царству духовъ, однако онъ, такъ сказать, есть полипъ онаго царства: ибо какъ въ царствѣ животныхъ полипъ соединяетъ между собой царство животныхъ и растеній, такъ и человѣкъ равнымъ образомъ соединяетъ между собою царства животныхъ и духовъ. Въ царствѣ животныхъ находятся гораздо совершеннѣйшія животныя, нежели полипы, а въ царствѣ духовъ гораздо совершеннѣйшіе духи, нежели человѣкъ“ [1]).

Далѣе авторъ дѣлаетъ допущеніе, что, быть можетъ, ангелы имѣютъ только душу и духъ, т. е. стоятъ выше человѣка, а „Богъ, яко самое чистѣйшее существо, есть только одинъ Духъ“. При такомъ раздѣленіи души отъ духа падаетъ спорный вопросъ о вещественности или невещественности души.

„Душа по нашему положенію,—говоритъ статья,—хотя есть существо самое простѣйшее и совершеннѣйшее, однако принадлежитъ къ царству животныхъ, которое неоспоримо относится къ тѣлесному міру. Духъ, напротивъ того, совершенно безтѣлесенъ, невещественъ, духовенъ. Такимъ образомъ, уни-

[1]) Ч. I, с. 278—79.

чтожается споръ о смертности и безсмертіи души. Духъ есть безсмертенъ и не подлежитъ разрушенію“ [1]).

При соединеніи въ человѣкѣ духа и тѣла, эти составныя части не исчезаютъ, а, сливаясь вмѣстѣ, даютъ новое цѣлое— натуральную жизнь души. Душа отличается по своимъ свойствамъ и отъ тѣла и отъ духа, какъ „сѣра и ртуть, будучи смѣшаны, производятъ нѣчто третье, а именно киноварь, имѣющую такія свойства, которыя не принадлежатъ ни къ одной киновари, ни къ одной ртути“. И такъ, какъ киноварь разлагается на свои составныя части, такъ „человѣкъ по смерти теряетъ только силу, происходящую отъ соединенія съ тѣломъ, и тѣ свойства, которыя онъ заимствовалъ отъ матеріальной части; равномѣрно и тѣло лишается онаго, что получило отъ соединенія съ душой, ибо когда уничтожается сей ихъ союзъ, то душа преобращается опять въ чистый духъ, а тѣло въ матерію, какъ то сіе ясно доказываетъ послѣдующее за смертью тлѣніе его“ [2]).

Такимъ образомъ, душа соединяетъ въ себѣ міръ духовный и міръ тѣлесный, она является „средствомъ и орудіемъ“ этого соединенія: „духъ, посредствомъ оной, можетъ дѣйствовать на тѣло, и тѣло посредствомъ души—дѣйствовать на духъ“ [3]).

Такое соединеніе является необходимымъ для всѣхъ трехъ элементовъ: тѣло не можетъ жить и расти безъ души, душа не можетъ проявить своихъ качествъ безъ тѣла: „она безъ онаго въ семъ свѣтѣ почти мертва, и всѣ ея силы и свойства до тѣхъ поръ не окажутся, пока не будетъ соединена съ тѣломъ“ [4]); въ свою очередь духъ можетъ проявить себя только въ душѣ.

Это соединеніе не полно: душа не можетъ подчинить себѣ тѣло цѣликомъ, напр., „если и захотѣть, чтобы кровь двигалась поскорѣе, то сего не бываетъ“. Точно такъ же и духъ не всецѣло управляетъ душою, напр., если бы даже мы хотѣли остановить потокъ нашихъ представленій, мы этого не можемъ сдѣлать. Слѣдовательно, всѣ три элемента дѣйствуютъ въ человѣкѣ и различнымъ своимъ сочетаніемъ опредѣляютъ цѣнность его личности.

[1]) Ч. I, с. 282—3.
[2]) Ч. I, с. 175.
[3]) Ч. I, с. 283.
[4]) Ч. I, с. 169—170.

Съ момента грѣхопаденія перваго человѣка идеальное сочетаніе этихъ элементовъ было утрачено, согласіе между тѣломъ и душой потерялось, душа получила наклонность къ грѣху: 1) она не всегда правильно дѣйствовать умѣетъ; 2) она не всегда правильно дѣйствовать хочетъ; 3) она не всегда правильно дѣйствовать можетъ. Первый недостатокъ происходитъ отъ потемнѣнія ея разума, отъ неумѣнья познать нужное и полезное; второй—отъ того, что душа пристращается къ худымъ и вреднымъ дѣламъ и не хочетъ отъ нихъ отстать, хотя и сознаетъ ихъ вредъ; третій—отъ того, что при паденіи душа потеряла силы бороться съ бунтующими страстями.

Но такой порядокъ отнюдь не является неизмѣннымъ. Прежде всего всѣ одушевленныя твари „стремятся къ нѣкоторому добру и блаженному для себя состоянію“. Это природное стремленіе дѣйствуетъ и въ человѣкѣ, и онъ выгодно отличается отъ остальныхъ тварей тѣмъ, что имѣетъ свободную волю. Въ то время, какъ животныя въ своихъ стремленіяхъ подчинены „извѣстнымъ и непремѣннымъ законамъ“ и успокаиваются, какъ только удовлетворяютъ своимъ естественнымъ побужденіямъ,—„человѣкъ никогда не успокаивается, онъ своимъ разумомъ обтекаетъ небо и землю, а желаніе его еще далѣе простирается. Сверхъ того онъ, имѣя совершенную свободу, дѣлаетъ себѣ самъ чертежъ теченія и слѣдуетъ туда, куда ему угодно“ [1]).

Въ этомъ неустанномъ стремленіи человѣка все впередъ и впередъ заключается могучее средство для развитія.

Далѣе, согласно ученію Локка, у насъ совсѣмъ нѣтъ врожденныхъ понятій, душа, правда, передается родителями при рожденіи дѣтей съ наклонностью къ порокамъ и съ извѣстными талантами, но она „tabula rasa“, она—чистая доска, на которую жизнь впишетъ свои понятія. Слѣдовательно, всѣ наши понятія пріобрѣтаются опытнымъ путемъ, а такъ какъ воля человѣка свободна, то онъ самъ можетъ въ значительной степени руководить своимъ опытомъ, стремиться къ однимъ понятіямъ и избѣгать другихъ.

И здѣсь передъ человѣкомъ двѣ дороги: онъ можетъ стремиться или къ удовлетворенію своихъ страстей или къ усовершенствованію своего духа. Удовлетворяя свои страсти, онъ имъ подчиняетъ цѣликомъ свою волю, свою совѣсть и свой

---

[1]) Ч. I, с. 185—186.

разсудокъ, и духъ въ немъ никогда не можетъ проявить себя. Такой человѣкъ не можетъ быть счастливъ, ибо страсти его все разгораются и все труднѣе будетъ удовлетворять ихъ, не можетъ онъ быть и свободенъ. Истинное благо человѣка не въ этомъ слѣдованіи своимъ страстямъ—оно „въ совершенствѣ нашего духа“.

„Человѣкъ чѣмъ совершеннѣе дѣлаетъ свой разумъ и волю, тѣмъ ближе подходитъ къ своему подлиннику; чѣмъ просвѣщеннѣе и добродѣтельнѣе бываетъ, тѣмъ больше подобится своему Творцу. Вотъ истинное преимущество, которое человѣкъ можетъ имѣть передъ скотами. Вотъ истинное человѣческое благо, изъ котораго долженъ проистекать въ душѣ нашей источникъ истинной радости и свободы. Ибо кто въ иномъ чемъ свое благо полагаетъ, тотъ всегда находится въ рабствѣ или у счастья или у своихъ страстей. Кто же оное поставляетъ въ добродѣтели и просвѣщеніи, тотъ есть истинно и совершенно свободенъ, потому что добродѣтели и просвѣщенія никто ему не можетъ ни дать ни отнять, кромѣ самого его“ [1]).

Добродѣтель и просвѣщеніе связываются естественнымъ образомъ. Только просвѣщенный человѣкъ можетъ разбираться въ томъ, что удовлетворяетъ его временныя страсти и что даетъ удовлетвореніе вѣчному духу, въ немъ обитающему. Отсюда самое важное знаніе для человѣка—это познаніе самого себя, т.-е. знаніе началъ, какія обитаютъ въ человѣкѣ, знаніе его отношеній къ Богу и къ ближнимъ.

Если человѣкъ будетъ имѣть здѣсь правильныя понятія, онъ будетъ знать, къ чему стремиться и какъ управлять собой. Познаніе самого себя и воспитаніе самого себя должны итти рука объ руку и для воспитанія себя самого особенно необходимо „просвѣтить“ (т.-е. воспитать) свою волю и свою совѣсть, тогда воля будетъ направлять поступки человѣка къ добру, а совѣсть будетъ правильно судить о нихъ. Тогда въ своей дѣятельности человѣкъ не будетъ нарушать законовъ вселенной, установленныхъ Богомъ, и тогда возможно для него „блаженство“ даже на землѣ. Зло существуетъ въ мірѣ именно потому, что человѣкъ нарушаетъ законы вселенной, если же этого нарушенія не будетъ, если человѣкъ будетъ устранять отъ себя причины неудовольствія, т.-е. все болѣе слѣдовать

[1]) Ч. I, с. 192.

этимъ законамъ, тогда возможно, что „всякое существо, одаренное чувствованіемъ и разумомъ, будетъ наслаждаться совершеннымъ блаженствомъ, и тогда-то въ мірѣ будутъ вездѣ порядокъ, согласіе и красота“ [1]).

„Порядокъ, согласіе и красота“ будутъ тогда въ самомъ сочетаніи элементовъ человѣческой природы: тѣло все больше будетъ подчиняться душѣ, оно можетъ даже сдѣлаться нетлѣннымъ, а душа познаетъ истинный духъ.

„Тѣло черезъ соединеніе съ душой получаетъ такъ великое достоинство и превосходство, что бываетъ не только орудіемъ и домомъ толь благороднаго духа, каковъ его оживляетъ, но и храмомъ Божіимъ, въ которомъ онъ по особливому своему изволенію обитаетъ“ [2]). Съ помощью только такого божественнаго озаренія человѣкъ можетъ постигать высшія истины. Обычнымъ путемъ, путемъ, какъ мы говоримъ, „разума“ человѣкъ не можетъ ихъ достигнуть. „Вечерняя Заря“ различаетъ разумъ и разсудокъ: разумъ есть существенная сила духа, разудокъ же является въ результатѣ соединенія духа съ тѣломъ, онъ—свойство души. По смерти человѣка разсудокъ исчезаетъ; разумъ же остается. Разсудокъ и есть то, что мы обычно называемъ разумомъ. „Разсудокъ весьма ограничивается и не можетъ далѣе проникнуть, какъ только куда ведутъ чувства тѣлесныя“, чувства же тѣлесныя непостоянны, отсюда и истина очень трудно отыскивается съ помощью разсудка: онъ не можетъ проникнуть въ существо вещей, онъ схватываетъ лишь ихъ видимость, а если онъ захочетъ проникнуть въ сферу сверхчувственнаго опыта, то „заходитъ въ опасный лабиринтъ, гдѣ, не имѣя ничего, что бы могло его остановить, ниспадаетъ въ пропасть, изъ которой выйти и попасть на истинный путь уже не можетъ, если не просвѣтится и не исправится чрезъестественнымъ свѣтомъ духа премудрости и откровенія“. Оттого „большая часть полезнѣйшихъ истинъ не столько дѣйствіемъ разсудка, сколько непостижимымъ промысломъ и путеводительствомъ Божіимъ на свѣтъ происходитъ, напр., до Ньютона тысячи людей видѣли падающія съ яблони яблоки, и только онъ одинъ уразумѣлъ отсюда законъ всемірнаго тяготѣнія“. Изъ того положенія, что высшія познанія

[1]) Ч. II, с. 21, 29.
[2]) I, с. 184.

недоступны намъ безъ откровенія свыше, дѣлался выводъ о необходимости вѣры. Вѣра какъ разъ и приходитъ намъ на помощь тамъ, гдѣ нашъ разсудокъ не можетъ дѣйствовать.

Такъ мы должны вѣрить въ существованіе Бога: разсудокъ свидѣтельствуетъ намъ, что Богъ долженъ быть, но о его существѣ не можетъ намъ дать познаній. Такъ мы должны вѣрить въ безсмертіе души.

И опять, какъ прежніе журналы, „Вечерняя Заря“ доказываетъ, что вѣра и „разумъ“ не противорѣчатъ другъ другу, но другъ друга пополняютъ. Безъ разума, напр., мы не могли бы понимать Св. Писанія, гдѣ людямъ дается богооткровенный законъ, и „Вечерняя Заря“ даетъ великолѣпный образчикъ, какъ мы должны понимать букву Писанія: Моисей говоритъ про Бога, что онъ „обитаетъ превыше облаковъ на небесѣхъ, взираетъ оттуда на происходящее на землѣ, вопль, возносящій жалобы свои на злыя дѣла людей, до него восходитъ; онъ нисходитъ, яко судія, на мѣсто преступленія для осужденія на казнь грѣшниковъ, дѣлаетъ свои опредѣленія, соображаясь съ каждымъ дѣяніемъ человѣковъ, возбуждается ихъ грѣхами къ гнѣву и мщенію, умилостивляется паки ихъ обращеніемъ, а особливо пылаетъ ревностью, когда богопочитаніе, которое ему, яко единому Господу Богу, приличествуетъ, приписывается богамъ ложнымъ“. Такъ говорилъ Моисей про Бога потому, указывается въ журналѣ, что „сообразовался съ простымъ, на чувствахъ основаннымъ, народнымъ языкомъ, какъ тогдашній дѣтскій разумъ могъ о нихъ (о свойствахъ Божіихъ) размышлять и представлять себѣ“. „Все сіе изображено человѣческимъ языкомъ; слабый разумъ не могъ еще болѣе возвыситься“ [1]).

Слѣдовательно, Св. Писанія мы не должны вездѣ придерживаться буквально, а должны понимать его, сообразуясь съ основными понятіями о Богѣ и о вѣрѣ, а это можно сдѣлать только путемъ размышленія.

Такимъ образомъ, въ „Вечерней Зарѣ“ давалось цѣльное и стройное философское міросозерцаніе, въ которомъ нашли себѣ примиреніе: вѣра и разумъ, Св. Писаніе и наука, существованіе міра видимаго и міра невидимаго, чувственное и сверхчувственное, временное и вѣчное.

---

[1]) Ч. III, с. 88—89.

Съ высоты его можно было подойти ко всѣмъ вопросамъ человѣческой жизни и дать на нихъ послѣдовательный отвѣтъ, имъ указывалась сознательная цѣль и для личной жизни человѣка и для его общественной дѣятельности. Всѣмъ своимъ смысломъ эта философія звала человѣка къ развитію его духа, указывала великое значеніе его человѣческаго достоинства. Можно соглашаться или не соглашаться съ основными положеніями этой философіи, но слѣдуетъ признать, что рѣдко когда въ нашемъ обществѣ звучала проповѣдь человѣческаго достоинства такъ, какъ она звучала въ „Вечерней Зарѣ“. Человѣческая личность становилась центромъ всего существующаго.

„Безъ насъ вся природа мертва, весь порядокъ ничто другое какъ хаосъ. Виноградная лоза не услаждаетъ самой себя, цвѣты не чувствуютъ своей собственныя красоты, нити шелковичнаго червя ничто иное для него, какъ его же гробъ, безъ насъ алмазъ лежитъ сокрытымъ въ кремнѣ безъ всякой цѣны. Въ насъ все соединяется, нами открывается во всемъ премудрость, стройность и первая точная красота. Безъ насъ природа убогая, мы всякое мгновеніе даемъ ей новые виды, мы проникаемъ во внутренность оныя, мы открываемъ ея сокрытые законы, мы измѣряемъ небо, мы вѣсимъ планеты, мы исчисляемъ ихъ бѣгъ; мы представляемъ себѣ передъ глазами прошедшее и будущее; наши предметы, наши способности, наши побужденія не ограничены; все въ насъ вѣчно; но что больше—источникъ нашего удовольствія и неудовольствія мы имѣемъ внутри насъ самихъ; мы сами для себя законодатели и сами судьи; мы сами себя оправдываемъ и осуждаемъ, и наше одобреніе гораздо важнѣе, нежели похвалы тысячи льстецовъ“ [1]).

Съ точки зрѣнія своей философіи „Вечерняя Заря“ подходитъ ко многимъ и разнообразнымъ вопросамъ и освѣщаетъ ихъ. Темы берутся въ общемъ тѣ же, что и въ „Московскомъ Изданіи“, и чего-нибудь новаго тутъ „Вечерняя Заря“ не вноситъ. Точно такъ же собственно масонскія статьи, какія помѣщались въ концѣ каждой книжки журнала, разрабатываютъ все то же основное содержаніе, какое заключается въ философско-психологическихъ руководящихъ статьяхъ. Онѣ всѣ имѣютъ въ заголовкѣ ссылку, что здѣсь излагается „египетское ученіе“, но эта ссылка—обычная въ масонствѣ, которое хотѣло свое ученіе

---

[1]) Ч. III, с. 9.

вывести изъ глубокой древности. Основная тема этихъ статей все та же: въ человѣкѣ живутъ два міра—міръ чувственный и міръ духовный, отсюда и два рода познанія — чувственное и сверхчувственное. Наши чувства познаютъ матерію, нашъ духъ— двигающую силу матеріи—духъ. „Какъ внѣшній человѣкъ нашъ видитъ тѣла или домы, такъ внутренній видитъ и знаетъ строителей и жителей ихъ, т.-е. духовъ. Первый изъ нихъ видитъ вездѣ только наружность, корку и матерію, а послѣдній — внутренность и сущность духа. Посему всѣ познанія получаемы бываютъ или внѣшнимъ человѣкомъ, т.-е. внѣшними чувствами и опытами, и суть наружныя, матеріальныя и по большей части обманчивыя, а слѣдовательно и основанныя на нихъ системы и отвлеченія таковы же; или внутреннимъ человѣкомъ, т.-е. внутренними чувствами, опытами и откровеніемъ, и суть внутреннія, духовныя, высокія и достовѣрныя. Посему должно распознавать истинное и Божеское ученіе и мудрость отъ ложнаго мірского ученія, и истиннаго ученаго отъ мірского мудреца“ [1]).

Истинное познаніе возможно только путемъ озаренія человѣческой души свыше, нужно „призывать Бога, чтобы онъ снизошелъ въ внутренность ихъ души и излилъ на волю ихъ благо любви, яко источникъ добрыхъ дѣлъ, и на разумъ благо премудрости къ познанію истины и просвѣщенія, отчего открывается имъ духовный смыслъ, сокрытый въ смыслѣ природы и Писанія, и они (избранные люди) не имѣютъ уже больше нужды разбирать корки“ [2]).

Здѣсь сильнѣе подчеркнуто значеніе внутренняго откровенія для познанія истины, но существо дѣла остается то же: къ этому откровенію человѣкъ долженъ подготовиться путемъ воспитанія своихъ чувствъ, путемъ очищенія себя отъ порочныхъ влеченій и путемъ просвѣщенія своей души, почему въ этой же статьѣ категорически заявляется: „Возрожденіе и спасеніе зависитъ больше отъ человѣка, чѣмъ отъ Бога“ [3]).

Указываются здѣсь и практическіе способы для достиженія такого возрожденія: необходимо чаще сосредоточиваться на себѣ, чтобы уловить въ душѣ ту гармонію, которую обыкно-

---

[1]) Ч. II, с. 162.
[2]) Ч. II, с. 319.
[3]) Іь.

венно суета міра заглушаетъ, необходима борьба со своими страстями, воздержаніе, постъ и молитва.

Изъ масонскихъ символовъ въ послѣдней книжкѣ разобрано символическое значеніе треугольника. Онъ знаменуетъ собой Бога. Богъ есть „совершеннѣйшій прямоугольный треугольникъ. Линія при прямомъ углѣ, утверждающаяся на другой, знаменуетъ мужскую силу или начало; основаніе или катетъ— женскую силу или забрало, а гипотенуза—порожденіе ихъ да означитъ". „Оныя свои три высокія свойства изобразилъ онъ во всей твари, а наипаче такъ названной разумной, даровавъ ей свободную волю, разумъ и совѣсть" [1]).

Такимъ образомъ, мужское начало въ человѣческой душѣ— воля, женское — разумъ, и совѣсть — ихъ порожденіе. Воля, направленная къ добродѣтели, заставляетъ разсудокъ разбираться въ томъ, что полезно и что вредно для усовершенствованія человѣческаго духа, а просвѣщенная совѣсть судитъ о поступкахъ человѣка. Слѣдовательно, было стремленіе даже въ масонскіе символы внести всю ту же философскую мысль, какой проникнутъ весь журналъ.

[1]) Ч. III, с. 335, 36.

XVII.

Журналъ Новикова „Прибавленія къ Московскимъ Вѣдомостямъ“ 1783—1784 гг.

Въ „Вечерней Зарѣ“ почти нѣтъ статей научнаго характера и въ этомъ отношеніи къ ней естественнымъ дополненіемъ являются „Прибавленія къ Московскимъ Вѣдомостямъ“, издававшіяся Новиковымъ въ теченіе 1783 и 1784 гг. По формѣ это были дѣйствительно „прибавленія“, гдѣ помѣщались болѣе или менѣе спеціальныя научныя статьи по самымъ разнообразнымъ вопросамъ, но онѣ выходили отдѣльными книжками съ общей для всѣхъ нумераціей статей и составляли какъ бы самостоятельный научный журналъ.

Въ его 94 номерахъ за 1783 и 92 №№ за 1784 г. дается обширный рядъ статей по педагогикѣ, по торговлѣ и промышленности, по географіи и этнографіи, по естествознанію, по исторіи, по иностранной политикѣ съ біографіей ея дѣятелей и, несмотря на кажущуюся пестроту и случайность статей, здѣсь проводятся вполнѣ опредѣленные взгляды, послѣдовательно вытекающіе изъ того міросозерцанія, на которомъ стоятъ Новиковскіе журналы въ 80-хъ гг. Здѣсь совершается та же работа, какую выполняло „Московское Изданіе“, прилагая общія положенія къ конкретнымъ случаямъ, но только надъ болѣе обширнымъ матеріаломъ.

Въ результатѣ, кромѣ интереснаго чтенія по самымъ разнообразнымъ научнымъ вопросамъ, „Прибавленія“ давали еще читателямъ возможность составить себѣ вновь опредѣленное міросозерцаніе или провѣрить уже пріобрѣтенное критической оцѣнкой разныхъ явленій окружающей жизни.

„Всѣмъ симъ надѣемся мы сдѣлать отмѣнную угодность читателямъ нашимъ, — писалъ Новиковъ въ объявленіи о „Прибавленіяхъ“, — ибо посредствомъ одного чтенія нашихъ Вѣдомостей, не только юношество, но и всѣ тѣ, кои не имѣли случая учиться или по крайней мѣрѣ читать подобныя книги, могутъ получить достаточное, подробное чтеніе почти о всемъ земномъ шарѣ и, такъ сказать, не учась научиться географіи, исторіи и этнографіи. Купечество россійское отмѣнную отъ сихъ Прибавленій получить можетъ пользу: ибо оно отъ сего чтенія пріобрѣтетъ достаточное свѣдѣніе о всѣхъ продуктахъ и товарахъ, въ какихъ мѣстахъ можно получить ихъ въ большемъ количествѣ и съ большими выгодами передъ другими городами. Польза, проистекающая отъ показанія основательнаго воспитанія и точнаго знанія лучшихъ книгъ во всякомъ родѣ учености, (такъ же) довольно ощутительна“ [1]).

Соотвѣтственно съ тѣмъ возвеличеніемъ роли человѣка въ мірѣ, какое замѣчалось въ „Вечерней Зарѣ“, и здѣсь въ „Прибавленіяхъ“ центральное мѣсто удѣлено вопросамъ воспитанія: 23 №№ за 1783 г. заняты обширной статьей „О воспитаніи и наставленіи дѣтей для распространенія общеполезныхъ знаній и всеобщаго благополучія“, а кромѣ нея, въ цѣломъ рядѣ №№ за оба года изданія „Прибавленій“ помѣщено не мало болѣе мелкихъ статей по отдѣльнымъ вопросамъ теоріи и методики воспитанія. Въ этихъ статьяхъ „Прибавленія“ упоминаютъ цѣлый рядъ авторитетныхъ именъ въ области педагогики: тутъ и Аристотель, Плутархъ и Квинтиліанъ, Оригенъ и Августинъ, Роллень, Фенелонъ, Локкъ и Руссо, Цукертъ, Винсловъ, Фордиче, Базедовъ, Миллеръ, Федеръ, Браунъ, Фельбигеръ, Роховъ—отъ древности до современности собраны эти авторитеты и указано, что изъ всего, что писалось разными людьми о воспитаніи, слѣдуетъ сдѣлать извлеченіе всего цѣннаго, провѣривъ его на опытѣ. Такъ въ сущности и поступаетъ авторъ большой статьи „О воспитаніи и наставленіи дѣтей“. Въ XVIII в. были двѣ главныхъ руководящихъ системы въ педагогикѣ: съ одной стороны, система Руссо, гдѣ воспитаніе разсматривается какъ естественный процессъ роста ребенка, въ который не долженъ активно вмѣшиваться педагогъ, а долженъ лишь подкладывать

---

[1]) Роспись россійскимъ книгамъ, которыя продаются въ универс. книжной лавкѣ. М. 1783 г.

нужный матеріалъ для воспитанія, когда самъ воспитанникъ обнаружитъ извѣстные запросы; цѣль этого воспитанія—„естественный“ человѣкъ съ его цѣльнымъ чувствомъ; съ другой стороны, система Локка—гдѣ все воспитаніе цѣнилось съ его формальной дисциплинирующей стороны: нужно закалить тѣло, дисциплинировать умъ и нравственное чувство; здѣсь воспитанникъ долженъ цѣликомъ подчиняться авторитету воспитателя, безпрекословно выполнять всѣ его задачи и приказанія; цѣль этого воспитанія создать „джентльмэна“. Авторъ статьи „О воспитаніи“ въ „Прибавленіяхъ“ пошелъ среднимъ путемъ: основываясь на природныхъ склонностяхъ ребенка, нужно развить изъ нихъ тѣ, которыя цѣнны для его человѣческаго достоинства, нужно привить ему умѣнье самостоятельно разбираться въ томъ, что полезно и что вредно для возвышенія его человѣческаго духа, нужно пріучить его свои поступки согласовать съ своими нравственными убѣжденіями. Цѣль этого воспитанія—просвѣщенный и добродѣтельный человѣкъ, который тѣмъ самымъ становится и хорошимъ гражданиномъ. Роль воспитателя здѣсь не въ томъ, чтобы только подкладывать матеріалъ и только приказывать — онъ долженъ быть старшимъ и просвѣщеннымъ сотоварищемъ и сотрудникомъ воспитанника.

Статья раздѣляетъ весь процессъ воспитанія на три части: 1) воспитаніе физическое, 2) нравственное, 3) разумное.

Въ главѣ „О тѣлесномъ или физическомъ воспитаніи“ указывается задача этого воспитанія: дать нормальное развитіе человѣческому тѣлу, сдѣлать его устойчивымъ въ перенесеніи жизненныхъ невзгодъ, пріучить его къ умѣренному удовлетворенію своихъ потребностей. Здѣсь дается большой запасъ гигіеническихъ и медицинскихъ свѣдѣній.

Цѣль нравственнаго воспитанія „состоитъ наипаче въ томъ, чтобы стараться образовать разумъ и сердце дитяти, и черезъ то самолучшимъ образомъ приводить его къ добродѣтели, религіи и христіанству“. Для развитія разума рекомендуется удовлетворять и развивать природное любопытство дѣтей, „упражнять ихъ въ употребленіи чувствъ“, въ разговорѣ съ ними давать имъ точныя и опредѣленныя понятія объ окружающемъ; выбирая матеріалъ, доступный для ихъ пониманія, пріучать дѣтей самостоятельно наблюдать окружающее и оцѣнивать его, а для этого не забивать ихъ готовыми формулами и принципами. Воспитаніе разума само по себѣ подготовляетъ уже воспитаніе

сердца: „Въ натурѣ нашей основано, чтобы воля наша въ большей части случаевъ слѣдовала познаніямъ и предписаніямъ разума. Мы желаемъ того только, что представляемъ себѣ добромъ; если жъ иногда къ добру мы безпристрастны, или ненавидимъ его, а зла желаемъ и ищемъ, то почитаемъ мы тогда добро зломъ, а зло — добромъ. Итакъ, чѣмъ справедливѣе мыслимъ мы и разсуждаемъ, и чѣмъ удобнѣе и натуральнѣе сдѣлался для насъ сей образъ мыслить и разсуждать, тѣмъ справедливѣе будутъ опредѣленія нашей воли и происходящія отъ того желанія и отвращенія Слѣдовательно, чѣмъ рачительнѣе обрабатывается и образуется разумъ дитяти или юноши, тѣмъ большаго можно надѣяться успѣха въ разсужденіи образованія его сердца“ [1]).

Здѣсь повторяется та же мысль, какая все время проводилась въ „Вечерней Зарѣ“ и въ предыдущихъ журналахъ, что добродѣтель есть наука, что нравственность зависитъ отъ просвѣщенія разума, и главное правило въ воспитаніи сердца поэтому— это воспитаніе сознательнаго отношенія къ своимъ поступкамъ. Нужно пріучить дѣтей наблюдать за собой, свое поведеніе сообразовать съ интересами другихъ и находить удовольствіе въ исполненіи своихъ обязанностей: „Пріучите дѣтей дѣйствовать по усмотрѣніямъ и причинамъ, а не по слѣпымъ побужденіямъ или по одному своемыслію. Дѣлайте имъ понятнымъ, что сіе есть великое преимущество, какое имѣетъ человѣкъ предъ неразумнымъ скотомъ“. Поэтому, отдавая дѣтямъ приказаніе, нужно и самимъ мотивировать его причины, но все это приказаніями нельзя воспитать: нужно, съ одной стороны, предоставить здѣсь дѣтямъ возможность самодѣятельности, съ другой — создавать соотвѣтствующую обстановку даже въ мелочахъ жизни такъ, чтобы использовать и вліяніе безсознательныхъ навыковъ.

Самое главное въ воспитаніи сердца—воспитаніе дѣятельной любви „ко всѣмъ человѣкамъ, безъ различія состоянія, религіи, народа или внѣшняго счастья“.

Въ этомъ направленіи должно итти и все религіозное воспитаніе. Авторъ статьи „О воспитаніи“ возмущается обычнымъ способомъ обучать дѣтей религіи: имъ все время внушаютъ мысль о грозномъ карающемъ Богѣ, заставляютъ зубрить трудныя, непонятныя молитвы, оттого у насъ и нѣтъ истинно-религіоз-

[1]) 1783 г., № 84.

ныхъ людей, а воспитываются или суевѣры, или ханжи, или совсѣмъ невѣрующіе люди. Настоящее религіозное воспитаніе должно строиться на принципѣ сознательности, дѣти „сами должны изслѣдовать религію и христіанство и доводами утвердиться въ вѣрѣ своей, когда достигнутъ до совершеннаго употребленія своего разума“. Съ дѣтьми поэтому нужно начинать не съ затверживанія молитвъ и толкованія догматовъ, а съ указанія на нравственный міропорядокъ, на мудрость въ его устройствѣ, на заботы о мірѣ любящаго Бога и на примѣры жизни Христа. Тутъ же нужно доводить дѣтей до сознанія своей зависимости отъ цѣлаго, до сознанія красоты въ устройствѣ природы, ея цѣлесообразности, до необходимости общественной жизни. Въ особой статьѣ „Объ эстетическомъ воспитаніи“ „Прибавленія“ указываютъ на необходимость воспитывать вкусъ къ изящному, для чего совѣтуется толковое чтеніе лучшихъ образцовъ литературы.

Что касается методовъ воспитанія, то и тутъ „Прибавленія“ указываютъ на необходимость комбинировать все цѣнное, что когда-либо было создано человѣческой мыслью. По самой природѣ воспитанія нельзя задаваться цѣлью создать какой-либо универсальный способъ и „вѣроятно,—указывается здѣсь,—мы и никогда не будемъ имѣть всеобщей методики, ибо всякій при воспитаніи и наставленіи идетъ своимъ путемъ“.

Необходимо прежде всего изслѣдовать природу ребенка, его наклонности, и тогда, слѣдуя имъ, мы получимъ могучій рычагъ для возбужденія его интереса къ ученію: „У всякаго, имѣющаго здравое расположеніе духа, бываетъ одна сторона, которую только тронуть надлежитъ для возбужденія склонности къ пріобрѣтенію знаній“. И если бы можно было все воспитаніе построить на природныхъ наклонностяхъ ребенка, вопросъ разрѣшился бы необычайно просто. „Если бы всегда возможно было такое направленіе дѣтскихъ склонностей на согласные съ ними предметы, то всякой въ гражданскомъ обществѣ занималъ бы надлежащее свое мѣсто и могъ бы опредѣляемъ быть къ посильнымъ ему дѣламъ“ [1]).

Но въ жизни, къ сожалѣнію, рѣдко можно избрать свое дѣло исключительно по влеченію, поэтому нужно возбудить охоту къ такимъ занятіямъ, къ которымъ нѣтъ природнаго влеченія.

---

[1]) 1784 г., с. 406.

Здѣсь можно выбирать или очевидно полезное для ребенка, или пріятное. Если воспитатель „обратится къ чувствамъ, будетъ ихъ ласкать, забавлять“, то будетъ „черезъ нихъ находить входъ въ разумъ и сердце“. Поэтому матеріалъ для обученія долженъ быть всегда интересенъ и доступенъ для ребенка, напр., слѣдуетъ брать предметы или картинки изъ естественной исторіи, такъ же пользоваться исторіями, сказками, баснями. Вмѣстѣ съ тѣмъ не слѣдуетъ забывать и еще одно стремленіе дѣтской души — стремленіе къ „дѣйственности“. Дѣти „раздавливаютъ и раздираютъ все попадающееся имъ въ руки“ не потому, что они любятъ зло и вредъ, а лишь по стремленію дѣйствовать. Развивая его и направляя, можно сообщить дѣтямъ не мало познаній: „надлежитъ воспитателямъ ихъ якобы вмѣстѣ съ ними работать при дѣланіи такихъ вещей, разсказывать имъ о дѣйствительной пользѣ и подлинномъ употребленіи оныхъ и учить ихъ разбирать особенныя ихъ части и знать имена“ [1]).

„Прибавленія“ очень рѣшительно высказываются противъ тѣлесныхъ наказаній въ воспитаніи и вообще противъ всякаго насилія: ребенокъ „имѣетъ такія же права, какъ и мы, съ тѣмъ только различіемъ, что ему болѣе, нежели намъ, нужна чужая помощь. Мы знаемъ изъ естественнаго закона, что никакой человѣкъ не имѣетъ права принуждать безъ нужды другого человѣка, что бы онъ исполнялъ его волю противъ своей собственной“ [2]).

Дѣйствуя по природнымъ склонностямъ ребенка, давая ему интересный и свѣжій матеріалъ и развивая его стремленіе къ „дѣйственности“, педагогъ долженъ поступать съ воспитанникомъ, какъ Сократъ съ своими учениками: „онъ сколько возможно отрицался отъ воспринятія на себя учительскаго вида и тона и принималъ видъ сооучастника или по крайней мѣрѣ такого человѣка, который самъ еще ищетъ истину и хочетъ изслѣдовать ее съ учениками своими“. Сократовскій методъ вообще „Прибавленія“ считаетъ однимъ изъ самыхъ цѣнныхъ, и потому статья „О сократическомъ способѣ ученія“ подробно описываетъ его. Для такого воспитанія, конечно, прежде всего должны быть подходящіе педагоги. „Прибавленія“ очень рѣзко высказываются противъ дворянскаго обычая брать въ „гофмей-

[1]) С. 411, „Приб.“, 1784 г.
[2]) № 91—1784 г., с. 700.

стеры" всякаго проходимца изъ иностранцевъ и держать его у себя дома въ числѣ прислуги; воспитатель долженъ быть человѣкъ съ высшимъ образованіемъ и въ домѣ находиться на положеніи самаго цѣннаго друга родителей. Необходимо стремиться и къ тому, чтобы такіе воспитатели приготовлялись изъ русскихъ людей. „Прибавленія" высказываются за большую пользу „публичнаго", т.-е. школьнаго воспитанія передъ „приватнымъ", т.-е. домашнимъ. Товарищество въ школѣ, примѣры сверстниковъ, отвѣтственность за свои поступки, необходимость разбираться въ нихъ — лучше воспитываютъ, чѣмъ одинокое семейное воспитаніе. „Дѣти, дома воспитываемыя, могутъ быть незлобивы и не лукавы, какъ голуби, но быть мудрыми, какъ змѣи, научаетъ ихъ обхожденіе съ сверстниками своими", однако, не слѣдуетъ лишать дѣтей и семьи: семейное вліяніе должно итти рядомъ со школьнымъ" [1]).

Поэтому для хорошаго воспитанія родителямъ мало нанять „гофмейстеровъ", мало выбрать какой-нибудь даже первоклассный пансіонъ—нужно воспитаніе дѣтей поставить задачей своей жизни, а для этого необходимо измѣнить и самый бытъ семьи и ея нравы. Какъ порочныя наклонности передаются по наслѣдству, такъ воспитаніемъ передаются и всѣ пороки семьи. Семья должна показывать примѣръ честной, трудовой и добродѣтельной жизни. Здѣсь приходится считаться со всякой мелочью въ своемъ поведеніи, ибо всякая мелочь въ связи съ другими способна отклонить всю работу воспитанія въ ложное русло. Воспитаніе—дѣло необычайно серьезное, это, какъ говорятъ „Прибавленія", „тонкая наука", къ нему нужно тщательно подготовиться и родителямъ и воспитателямъ. „Прибавленія" сильно возмущаются характернымъ для XVIII в. представленіемъ о необычайной легкости воспитанія и образованія: „Поистинѣ они (т.-е. такіе воспитатели) должны знать таинство прививать науки, какъ оспу".

Въ вѣкъ Екатерины, когда свыше раздалось самонадѣянное приказаніе „образовать новую породу людей", Новиковскій журналъ писалъ: „Довольно извѣстно, сколь мало счастія имѣло Руссово предложеніе. Институты, на ономъ основанные, были подобны тѣмъ рѣдкимъ и далеко сіяющимъ метеорамъ, которые приводятъ свѣтъ на нѣсколько минутъ въ удивленіе, но вдругъ

[1]) С. 430—440, № 51, за 1784 г.

исчезаютъ, когда еще всѣ глаза устремлены на разсматриваніе ихъ“ [1]).

Воспитаніе и образованіе должны начинаться съ начальнаго возраста и продолжаться всю жизнь человѣка, тогда только оно будетъ серьезной силой и дастъ серьезные результаты.

Въ вѣкъ „просвѣщенный“ Екатерины, когда власть мечтала о созданіи новой породы людей, а въ жизни дѣйствовали воспитатели, зарисованные въ комедіяхъ Фонвизина, необычайно характерна эта стройная и продуманная система воспитанія, созданная самостоятельной общественной мыслью, чутко уловившей все жизненное, что было въ западно-европейскихъ педагогическихъ сочиненіяхъ.

За педагогикой „Прибавленія“ больше всего удѣляютъ мѣста торговлѣ. Ей посвященъ особый трактатъ „О торговлѣ вообще“, занявшій 38 №№ въ 1783 г. и цѣлый рядъ отдѣльныхъ статей. Здѣсь выясняются экономическія основы торговли, зависимость ея отъ политической жизни страны и зависимость политики страны отъ торговли, а потомъ для всѣхъ странъ Западной Европы выясняется, чѣмъ каждая страна богата, въ какомъ направленіи идетъ ея торговля и промышленность, описываются различныя интересныя производства, колоніальная торговля европейцевъ въ Америкѣ, Азіи и Африкѣ. Всѣми этими статьями въ „Прибавленіяхъ“ создавалась своего рода энциклопедія по торговой дѣятельности. И вездѣ, въ каждой статьѣ проводятся вполнѣ опредѣленные взгляды, намѣчаются идеалы въ тѣхъ попутныхъ замѣчаніяхъ, какія дѣлаются авторами этихъ статей. Въ нашей русской дѣйствительности, гдѣ торгово-промышленный классъ долженъ былъ ступевываться передъ барствомъ, было необычайно цѣнно указать на громадное значеніе для экономической жизни страны этого класса, внушить ему должное уваженіе къ своей дѣятельности, чтобы не было той тяги къ дворянскимъ привилегіямъ, какая упорно проявлялась среди купечества, иной разъ даже разорявшагося, чтобы исхлопотать себѣ какой-нибудь чинъ и титулъ. И „Прибавленія“ это дѣлаютъ. Кромѣ того, въ статьяхъ по торговлѣ необычайно цѣнны политическія мнѣнія, которыя иначе и нельзя было высказать въ русскихъ журналахъ. Здѣсь настойчиво указывается, что торговля можетъ процвѣтать только въ свободныхъ государ-

[1]) № 54 за 1784 г., с. 431.

ствахъ, гдѣ закономъ ограждены права гражданъ, гдѣ существуетъ свобода совѣсти и гдѣ государство и правительственная администрація этой торговлѣ покровительствуютъ. Наоборотъ, „въ деспотическихъ государствахъ торговля слаба“, производительныя силы страны не развиваются.

Разсказывая, напр., о причинахъ упадка земледѣлія въ Тосканѣ, „Прибавленія“ въ числѣ ихъ указываютъ: большія подати на содержаніе пышнаго двора, грабежи чиновниковъ, неправосудіе судей, бѣгство населенія въ монахи, регламентація земледѣлія, содержаніе многочисленнаго войска [1]). Точно такъ же въ статьѣ о Турціи говорится о причинахъ ея упадка и бѣдности: „Народъ, безпрестанно притѣсняемый государемъ, пашами и ихъ подчиненными, оставляетъ въ запустѣніи прекрасную землю и не хочетъ пріобрѣтать себѣ собственности, которая не осталась бы у него, но наконецъ перешла бы въ руки деспотическихъ его владѣльцевъ. Нація, знающая свое невольничество, становится лѣнива и ослабѣваетъ. При томъ же турки лѣнивы и бездѣйственны по правиламъ своей религіи, ибо они принимаютъ неограниченный рокъ или fatum въ самомъ грубѣйшемъ смыслѣ, а гордость дѣлаетъ ихъ праздными“ [2]).

Когда народъ освобождается отъ такого ига, начинается расцвѣтъ торговли и промышленности, такъ, напр., голландцы, несмотря на предпріимчивый духъ націи, долго не могли достигнуть своего теперешняго расцвѣта, пока не освободились отъ подчиненія испанской монархіи Филиппа II. Больше всего процвѣтаютъ торговля и промышленность въ Англіи, и причину этого „Прибавленія“ видятъ въ политическихъ формахъ ея правленія.

Форму конституціонной монархіи, какая была въ Англіи, „Прибавленія“ вообще считаютъ наиболѣе удачной: разсуждая о вновь образовавшейся въ 70-хъ годахъ республикѣ Соедин. Штатовъ въ Америкѣ, „Прибавленія“ разсуждаютъ о формахъ правленія вообще и высказываются за монархію. Аристократическое правленіе здѣсь считается самымъ худшимъ, а монархія предпочитается демократіи за ея большую устойчивость: „Власть давать самимъ себѣ законы, налагать подати и брать участіе во всѣхъ совѣтахъ объ общемъ благѣ суть преимущества, которыми наслаждаются граждане демократическихъ областей. Но

[1]) № 4 за 1784 г.
[2]) № 37 и 38 за 1784 г.

скорость въ совѣтахъ и твердость въ вознамѣреніяхъ отдаютъ преимущество монархіи, по причинѣ пользы, какую имѣютъ онѣ при всѣхъ учрежденіяхъ, касающихся до безопасности и благосостоянія земли“ [1]).

Тѣмъ не менѣе „Прибавленія“ сочувственно отнеслись къ новой республикѣ и высказали пророчество, что „она, вѣроятно, будетъ прибѣжищемъ свободы, изгнанной изъ Европы роскошью и развратомъ“.

Такимъ же образомъ разрабатывались въ журналѣ темы географическія. Сдѣлавъ подробное, а иногда и художественное, описаніе какой-нибудь страны, населенія ея, его нравовъ и обычаевъ, статья отмѣчаетъ положительное во всемъ этомъ и указываетъ отрицательныя стороны.

Напр., въ статьѣ „О характерѣ испанцевъ“ отмѣчается, какъ главный недостатокъ, ихъ религіозный фанатизмъ и ханжество: „Испанцы думаютъ,—говорится въ статьѣ,—что изъ всѣхъ націй они только одни суть добрые христіане и католики, однако ни одинъ разумный человѣкъ, имѣющій нѣкоторыя понятія о религіи, съ ними въ томъ не соглашается. Ихъ религія состоитъ только въ наблюденіи наружныхъ обрядовъ и примѣняется къ одной поверхности. Малости для нихъ гораздо важнѣе, нежели исправленіе сердца—цѣль религіи. Когда ужаснѣйшія преступленія возбуждаютъ ихъ совѣсть, то они платятъ деньги за два молебна и, не исправясь нимало, думаютъ, что исполнили уже все должное“ [2]).

Въ этомъ обличеніи фанатизма чувствуется что-то свое, наболѣвшее. Особенно сильны выпады „Прибавленій“ противъ проповѣдниковъ этого фанатизма, противъ духовенства и монашества. Про духовныхъ лицъ Испаніи въ той же статьѣ говорится: „Сіи люди, не работая, съѣдаютъ самолучшіе плоды человѣческихъ трудовъ и въ поносньйшей праздности утучняются мозгомъ государства. Они строятъ алтари суевѣрію, и называютъ то религіею, чтобы споспѣшествовать невѣжеству своихъ сочеловѣковъ и отнимать у здраваго разсудка изряднѣйшія его свойства“ [3]). Свое наболѣвшее часто заставляетъ авторовъ статей дѣлать большія отступленія въ сторону. Такъ, разсказывая о турнирахъ, занесенныхъ въ Германію изъ Франціи,

---

[1]) № 39 за 1784 г., с. 310—311.
[2]) № 36 за 1784 г.
[3]) Ibid.

авторъ статьи вдругъ переходитъ въ обличеніе французскихъ модъ: „Полезное почитается только немногими благоразумными людьми; прочихъ человѣковъ гораздо сильнѣе трогаетъ блистательное, а искусствомъ придавать малостоющему важный видъ, пустое ничто превращать въ пріятное нѣчто, счастливымъ даромъ украшать пріобрѣли себѣ французы надъ воображеніемъ многихъ народовъ такую власть, какой подобнаго примѣра не представляетъ исторія. Вавилонъ прежде древняго Рима обладалъ великимъ государствомъ посредствомъ оружія, а Багдадъ прежде новаго Рима—посредствомъ суевѣрія; но единая монархія моды, которой Парижъ есть столица, не имѣла никогда себѣ подобной“ [1]).

Касаясь причинъ подобныхъ явленій, „Прибавленія“ всегда высказываютъ одну, самую главную,—недостатокъ образованія, а съ нимъ отсутствіе серьезной критики. Отъ недостатка образованія происходитъ и фанатизмъ, и пустота жизни, и несовершенства общественнаго строя, и даже самая бѣдность народа, напр., указывается, что цыгане бѣдны потому, что у нихъ совсѣмъ нѣтъ просвѣщенія. Наоборотъ, просвѣщеніе ведетъ къ богатству страны, къ лучшимъ формамъ ея управленія, къ свободѣ гражданъ и т. п.

Во всѣхъ своихъ статьяхъ, и географическихъ и историческихъ, „Прибавленія“ выдвигаютъ идеалы страны просвѣщенной, свободной, богатой трудолюбіемъ и предпріимчивостью гражданъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ проводится въ нихъ вполнѣ опредѣленная идея, что, несмотря на всѣ различія между народами, въ нихъ остается нѣчто общее и родственное—это ихъ общечеловѣческое достоинство. Его „Прибавленія“ находятъ даже у американскихъ дикарей, и отмѣчаютъ хорошее въ ихъ нравахъ: „Женщины у нихъ не подвержены такому игу, подъ которымъ находится сей полъ въ тѣхъ земляхъ, въ которыхъ онъ, повидимому, болѣе почитаемъ. Вся народная честь зависитъ отъ женщинъ. Онѣ имѣютъ даже свои собранія и участвуютъ во всѣхъ совѣтахъ, касающихся до народнаго правленія; и способности ихъ сему соразмѣрны“ [2]).

Съ этой точки зрѣнія „Прибавл.“ осуждаютъ и то рабство, въ которомъ бѣлые стремятся держать народы цвѣтныхъ расъ. Въ 72 № за 1784 г. напечатана переводная статья „Понятіе о

---

[1]) „Прибавленіе“ за 1784 г., с. 168.
[2]) № 68 за 1784 г., с. 501.

торгѣ невольниками", въ которой авторъ защищаетъ этотъ институтъ, такъ какъ, по его мнѣнію, въ невольниковъ обращаютъ лишь преступниковъ, и ихъ невольничій трудъ, такимъ образомъ, приноситъ пользу всему обществу. Къ этой статьѣ издатель „Прибавленій" сдѣлалъ такое примѣчаніе: „Хотя и не выпустили мы предварительнаго защищенія торга невольниками, однако не соглашаемся на оное. Здѣсь не мѣсто изслѣдовать, не выкрадываютъ ли многихъ невольниковъ изъ ихъ земли, всѣ ли сіи невольники бываютъ преступники, въ лучшее ли приходятъ они состояніе, могутъ ли они когда-либо быть счастливы въ невольничествѣ у европейцевъ, или обыкновенно поступаютъ съ ними ужаснѣйшимъ образомъ. Извиненія, что мы въ Европѣ дѣлаемъ подобныя несправедливости, что посредствомъ торга невольниками производится много добра, которое безъ онаго должно бы оставлено быть—всѣ сіи извиненія не уважаются передъ судилищемъ разсудка и человѣчества и не доказываютъ еще справедливости права, присвояемаго бѣлыми человѣками надъ черными ихъ собратьями" [1]).

Менѣе цѣнны въ „Прибавленіяхъ" статьи по естествознанію, потому, несомнѣнно, что въ XVIII в. наука эта была еще мало разработана. Статей этихъ очень немного: здѣсь есть описаніе одного африканскаго насѣкомаго, разсказъ о дружбѣ кошки съ крысой, разсказъ про черепахъ, о томъ, какъ піявку можно употреблять вмѣсто барометра, о пониженіи почвы.

Типично только разсужденіе, помѣщенное въ концѣ разсказа о черепахахъ: „Я весьма радовался,—говоритъ очевидецъ-авторъ,—видя, какъ Богъ великимъ размноженіемъ единаго сего животнаго доставляетъ пропитаніе и удовольствіе толь многимъ человѣкамъ, которые почти симъ только и живутъ. Но купно примѣтилъ я въ томъ и особливый слѣдъ Его премудрости, что индѣйцы съѣдаютъ толь многіе милліоны черепахъ, ибо въ противномъ случаѣ по причинѣ множества ихъ не могли бы жить въ р. Ориноко никакія рыбы, не могъ бы проходить по ней никакой корабль, да и сами онѣ не могли бы долго удержаться" [2]). Въ этомъ разсужденіи весьма наивно сдѣлана попытка показать божественную премудрость въ природѣ, о чемъ теоретически такъ много говорилось въ Новиковскихъ журналахъ 80-хъ гг.

---

[1]) № 72 за 1784 г., с. 545.
[2]) № 47 за 1784 г., с. 375—76.

Почти всѣ статьи въ „Прибавленіяхъ“ переводныя и характерно: въ нихъ нѣтъ статей, посвященныхъ Россіи, потому, конечно, что касаться ея надлежащимъ образомъ было невозможно. Но благодаря всѣмъ замѣчаніямъ, разсужденіямъ и отступленіямъ издателя, какія такъ обильны въ статьяхъ, наконецъ, благодаря общему освѣщенію всѣхъ вопросовъ, въ „Прибавленіяхъ“ сказалось не мало родной современности, не мало критики существующаго и идеаловъ, желательныхъ для будущаго. Поэтому и отношеніе власти къ „Прибавленіямъ“ было совсѣмъ иное, чѣмъ къ предыдущимъ журналамъ 80-хъ гг.: нашлись двѣ „крамольныхъ“ статьи, которыя вызвали недовольство Екатерины.

Одна изъ этихъ статей—„Исторія ордена іезуитовъ“. Въ ней издатель отрицательно отозвался о фанатизмѣ ордена, объ его мірскихъ цѣляхъ господства, объ его дѣятельности, далекой отъ христіанства, которая внесла не мало зла въ человѣчество. Екатерина покровительствовала „плутамъ“, какъ она сама называла, отцамъ іезуитамъ за то, что они вездѣ поддерживали авторитетъ самодержавной власти, и потому, вѣроятно, статья противъ нихъ была сочтена неудобной: особымъ указомъ Екатерина запретила эту „ругательную“ исторію, хотя ругательнаго въ ней ничего не было: была лишь объективная оцѣнка ихъ дѣятельности.

Другая статья „О вліяніи успѣха наукъ въ человѣческіе нравы и образъ мыслей“ была остановлена на первой же главѣ. Она началась печатаніемъ въ № 61 за 1784 г., но №№ 62, 63 и 64 совсѣмъ не вышло, хотя нумерація страницъ въ № 65 идетъ послѣдовательно съ № 61. Незеленовъ въ Имп. Публичн. Библ. видѣлъ № 61 съ такой помѣткой, сдѣланной рукой читателя: „номеры 62, 63, 64 не присыланы, и извиненіе писано въ вѣдомостяхъ“. Такъ какъ счетъ страницъ отъ этого все-таки прерванъ не былъ, то Незеленовъ заключилъ: „Значитъ, продолженіе сочиненія „О вліяніи успѣха наукъ“ было задержано прежде выхода его въ свѣтъ“ [1]).

Чѣмъ эта статья вызвала неодобреніе власти, сказать невозможно: въ томъ, что изъ нея напечатано, разсказано лишь о паденіи классической образованности, о варварствѣ, которое было въ З. Европѣ до XII вѣка и о возрожденіи образованности съ XII в.

---

[1]) Незеленовъ—Новиковъ, с. 361.

XVIII.

Журналъ Новикова „Покоящійся Трудолюбецъ“.

1784—1785 гг.

Во всѣхъ Новиковскихъ журналахъ съ „Утренняго Свѣта“ до „Прибавленія къ Московскимъ Вѣдомостямъ“ подчеркивалась необходимость соединенія вѣры и разума и обнаруживались стремленія создать „науку нравоученія“. Параллельно съ этимъ шла борьба съ вольтерьянствомъ. Новиковскіе журналы рѣзко разошлись съ нимъ въ отправныхъ точкахъ зрѣнія, но необычайно близко подошли другъ къ другу въ своихъ идеалахъ: и тамъ и здѣсь человѣческая личность ставилась въ центрѣ міросданія, и тамъ и здѣсь высказывались за ея свободу и для этого хотѣли создать нормальныя политическія и соціальныя условія. Враги у обоихъ направленій оказались тоже общими: невѣжество и связанные съ нимъ предразсудки и суевѣрія, фанатическое духовенство и монашество, деспотизмъ государственной власти и церкви, феодальныя привилегіи дворянства и зараза, внесенная ими въ другія сословія. Оказалось много общаго и въ орудіяхъ борьбы съ врагами: въ обоихъ лагеряхъ считались необходимыми просвѣщеніе, воспитаніе, развитіе общественной самодѣятельности. Съ различныхъ высотъ начались два могучихъ потока, и конечная цѣль ихъ была одна и та же, и вмѣстѣ столкнулись они на равнинѣ, но не слили своихъ водъ, стремились оттолкнуться враждебно. Вольтерьянство подозрительно относилось ко всякому мистицизму, считая его обскурантизмомъ, масонство чуждалось вольтерьянства, обвиняя его въ развращеніи нравовъ.

Сначала и Новиковскіе журналы хотѣли рѣзко отдѣлить себя отъ всего вольтерьянскаго. Въ „Утреннемъ Свѣтѣ“ Вольтеръ, Руссо, Гельвецій, Ламетри, Бель, Ларошфуко въ одной статьѣ

прямо названы „подлыми“. Ихъ системы были объяснены, какъ оправданіе пороковъ ихъ авторовъ, категорически было заявлено, что невѣріе и развращенность идутъ рука объ руку. Но въ дальнѣйшемъ развитіи намѣтилось много точекъ соприкосновенія, и вражда къ вольтерьянству пошла на убыль. „Московское Изданіе“ уже цитируетъ того самаго Ларошфуко, котораго такъ рѣзко заклеймилъ „Утренній Свѣтъ“: на стр. 244 есть особая статья „Разсужденіе и мысли господина де ла Рошіефоко“, въ которой „Московское Изданіе“ сочувственно отмѣчаетъ мысли Ларошфуко о громадномъ значеніи чувства въ нашей жизни. Въ этомъ же журналѣ нарушается принципъ оцѣнки мыслителя по его нравственности, оказывается уже, что цѣнныя мысли могутъ встрѣчаться и у людей „развращенныхъ“, по понятію журнала. Въ статьѣ „Жизнь Эдуарда Вортлея“ „Московское Изданіе“ ставитъ ему въ заслугу, что онъ хорошо изъяснялъ надписи при подошвѣ горы Сіонской, доказывающія преимущества христіанскаго закона, считаетъ вообще его научные таланты необычайно полезными, хотя тутъ же указываетъ, что этотъ ученый былъ дурной по своему нравственному образу жизни. „Вечерняя Заря“ тоже ведетъ борьбу съ вольтерьянствомъ, но въ своихъ философскихъ статьяхъ усиленно пользуется Локкомъ—этимъ духовнымъ отцомъ вольтерьянства. Самое пониманіе Бога въ Новиковскихъ журналахъ, какъ „художника“, „архитекта“ и причины причинъ, роднило ихъ съ деизмомъ. Къ Св. Писанію эти журналы начинаютъ уже примѣнять раціоналистическую критику, не берутъ его положеній буквально, объясняютъ, напр., почему Моисей изобразилъ Бога такъ чувственно, что приписалъ ему цѣлый рядъ чисто человѣческихъ качествъ. „Прибавленія къ Московскимъ Вѣдомостямъ“ во всю развиваютъ раціоналистическую критику и необычайно сближаются съ Вольтеромъ въ своей борьбѣ съ фанатизмомъ и фанатическимъ духовенствомъ. Въ высшей степени любопытно, что въ годы изданія своихъ послѣднихъ журналовъ Новиковъ издалъ нѣсколько сочиненій Вольтера, направленныхъ противъ поповъ и монаховъ: въ 1781 г. вышла „Рѣчь, которую говорилъ оклеветанный Велизарій, въ 1782 г.—„Человѣкъ съ латынью“, въ 1784 году—„Сатирическія и философскія сочиненія Вольтера“.

Отсюда можно, кажется, сдѣлать выводъ, что въ 80-е годы шло усиленное ознакомленіе Новиковскаго кружка съ философ-

скими сочиненіями вольтерьянскаго направленія. При этомъ обнаруживалось, что зачастую люди двухъ противоположныхъ лагерей стояли необычайно близко другъ къ другу въ ихъ культурно-просвѣтительной дѣятельности. Но вѣдь въ тѣ же 80-е гг. шло усиленное сближеніе московскихъ масоновъ и съ розенкрейцерствомъ, и Новиковскій кружокъ, какъ указывалось, находилъ въ немъ удовлетвореніе. Въ тѣ же 80-е гг. усиленно зачитывались у насъ сочиненіями Сенъ-Мартена, Бёма, Арндта, Масона. Какъ же помирить раціонализмъ съ мистицизмомъ, вольтерьянство съ розенкрейцерствомъ? Выше было указано, что у насъ дѣйствительно происходило здѣсь примиреніе.

Въ философскихъ статьяхъ „Вечерней Зари“ раціонализмъ Локка мирно уживался съ мистицизмомъ Бёма, и это оттого, что раціонализмъ и мистицизмъ относились къ двумъ совершенно различнымъ мірамъ: раціонализмъ къ міру чувственному, мистицизмъ—къ сверхчувственному. Вольтерьянство цѣликомъ отрицало этотъ сверхчувственный міръ потому, что его нельзя было доказать логическимъ путемъ, его нельзя было изслѣдовать опытомъ. Мы его не знаемъ, говорило это направленіе—и съ этимъ соглашались всѣ, но когда отсюда былъ сдѣланъ выводъ, что его нѣтъ, противъ этого протестовали многіе, и въ ихъ числѣ Новиковскіе журналы. Вольтерьянству былъ предъявленъ запросъ,—доказать, что міра сверхчувственнаго не существуетъ, и такъ какъ доказать это логическимъ разсужденіемъ и опытнымъ изслѣдованіемъ было нельзя, то оба направленія по-своему вполнѣ послѣдовательно стали *вѣрить*—одно, что міръ сверхчувственный существуетъ, другое—что его не существуетъ.

Символъ вѣры вселенскихъ соборовъ и символъ вѣры философовъ-вольтерьянцевъ оказались равноправными.

Вотъ это заявленіе о равноправности ихъ *вѣръ* и сдѣлалъ послѣдній Новиковскій журналъ 80-хъ годовъ „Покоящійся Трудолюбецъ“ (1784—1785 гг.). Попрежнему признавая и защищая права разума въ области міра чувственнаго, онъ оправдывалъ и вѣру въ сверхчувственное. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ послѣдній журналъ Новикова обнаружилъ рѣшительное желаніе отмежеваться отъ того направленія въ мистицизмѣ, которое отрицало права разума въ области міра чувственнаго и разуму здѣсь хотѣло противопоставить откровеніе. Въ этомъ и заключается значеніе новаго журнала. Остальными своими статьями онъ

примыкалъ къ предыдущимъ журналамъ, разрабатывалъ тѣ же темы, что и раньше. Расширилась въ немъ сатира, язвительнѣе стали замѣтки о праздной жизни монашества—все прочее осталось неизмѣннымъ. По типу своему онъ больше всего напоминаетъ „Московское Изданіе“: въ немъ нѣтъ цѣльныхъ философскихъ трактатовъ, замѣтно стремленіе дать читателямъ занимательное чтеніе. Потому мы разсмотримъ здѣсь только то новое, что внесъ собой „Покоящійся Трудолюбецъ“.

Основное положеніе философскихъ статей этого журнала то, что у человѣка есть два рода понятій—чувственныя и умственныя. Первыя цѣликомъ связаны съ чувственнымъ опытомъ человѣка, вторыя создаются нашимъ умомъ, имъ нѣтъ реальнаго соотвѣтствія въ мірѣ. Но тѣ и другія понятія создаются лишь при встрѣчѣ съ внѣшними вещами. Мы изслѣдуемъ эти вещи своими чувствами, мы ихъ называемъ, анализируемъ ихъ качества и въ то же время подчиняемъ ихъ извѣстнымъ законамъ, вносимъ въ нихъ гармонію, указываемъ ихъ причину и т. п.

Понятіе о законѣ, гармоніи и причинѣ — это наши умственныя понятія, но они образуются лишь тогда, когда чувственный опытъ встрѣчается съ внѣшнимъ міромъ.

Всѣ наши познанія о внѣшнемъ мірѣ слагаются такимъ путемъ изъ нашихъ чувственныхъ понятій и изъ тѣхъ умственныхъ, какія образуются на ихъ основѣ. Это, какъ видно, основныя положенія системы Локка, но ими „Покоящійся Трудолюбецъ“ не могъ удовлетвориться: въ ст. „Человѣкъ наединѣ разсуждающій“ указывается, что мы ничего не знаемъ о *сущности* вещей и не умѣемъ ее постичь.

Несомнѣнно, что міръ существуетъ, но все, что мы о немъ знаемъ—это лишь наши понятія, мы не знаемъ міра внѣ ихъ и не знаемъ, насколько наши понятія о вещахъ соотвѣтствуютъ сущности вещей. А затѣмъ, погружаясь въ самонаблюденіе, мы видимъ и еще цѣлую кучу неразрѣшимыхъ вопросовъ: что было первымъ началомъ творенія, что такое наша душа, можно ли разумомъ доказать, что существуютъ духи, изъ чего состоитъ естество планетъ, какъ рождается душа въ человѣкѣ и какъ она соединяется съ тѣломъ, почему душа дѣйствуетъ на тѣло, разъ она безтѣлесна, и какъ происходитъ это дѣйствіе, насколько свободна человѣческая воля („я свободенъ, говорится въ статьѣ,—но для чего мои глаза повинуются моей волѣ, а кровь не повинуется“), какъ происходитъ познаніе внѣшняго

міра человѣкомъ, какъ, напр., дѣйствуетъ солнечный свѣтъ на ретину глаза, гдѣ жилище души и какую будущность она имѣетъ, какое отношеніе между міромъ и душой [1]). Вставали все такіе вопросы, на которые наука не могла дать удовлетворяющаго отвѣта. „Я стараюсь, говорится въ статьѣ,—найти аксіомы, но вмѣсто ихъ попадаются мнѣ одни сомнѣнія; я желаю шествовать по ровному пути, но мнѣ встрѣчаются пропасти, отъ измѣренія глубины которыхъ содрогаются всѣ мои чувства. Сіи задачи... для меня совершенно нерѣшимы, и я часто сердечно признаюсь въ невѣдѣніи моемъ“ [2]).

Въ мірѣ, такимъ образомъ, всегда остается много непостижимаго для человѣческаго разума: „Умъ человѣческій, сколько бы проницателенъ не былъ, не можетъ открыть причинъ всего происходящаго въ небесахъ и на землѣ: мы не знаемъ даже собственнаго своего тѣла и ни малѣйшей части изъ тѣхъ частей, которыя въ немъ находятся“ [3]).

„Душа наша не достигла той зрѣлости, чтобы всю природу разсматривать ясно въ каждой ея части порознь“ [4]), а потому всѣ попытки философской мысли проникнуть разумомъ въ сверхчувственное навсегда останутся безплодными. Но человѣческое сознаніе не можетъ удовлетвориться только однимъ признаніемъ, что разуму недоступенъ міръ сверхчувственнаго, ему нужно и здѣсь имѣть хоть какія-нибудь основанія, хоть что-нибудь положительное.

Перечисливъ всѣ неразрѣшенные вопросы, какіе указаны выше, ст. „Человѣкъ наединѣ разсуждающій“ приходитъ къ выводу: „Въ изслѣдованіи сихъ задачъ можетъ развѣ восторжествовать богословіе и религія, а не древняя и новѣйшая философія“ [5]). Здѣсь характернымъ образомъ подчеркнуто, что не только современная философія, но и древняя, которой хотѣли въ мистицизмѣ приписывать большія познанія, безсильна въ разрѣшеніи указанныхъ задачъ. Итакъ, нужна вѣра въ богооткровенное, и только она одна можетъ дать человѣку понятіе о томъ, о чемъ не можетъ дать разумъ. Сказать, что я не могу постигнуть разумомъ сверхчувственнаго, это не зна-

---

1) Ч. II, 65 etc.
2) Ibid.
3) Ч. II, с. 240.
4) Ч. I, с. 39.
5) Ч. II, с. 75.

чтъ успокоить себя, и вотъ здѣсь успокоеніе и увѣренность дается вѣрой. Вѣра даетъ намъ понятіе о Богѣ, о безсмертіи души, о томъ, какъ произошелъ міръ и какая цѣль указана въ его существованіи. Характерно, что въ доказательствахъ о необходимости вѣры, Новиковскіе журналы пользуются доводами отъ разума.

Такъ еще „Вечерняя Заря“, доказывая безсмертіе души, въ числѣ другихъ доводовъ за него, указала на *выгоду* вѣрить въ это: если даже допустить, говорилось тамъ, что наша вѣра въ безсмертіе ложна, то вѣдь нельзя доказать и обратнаго, т.-е., что душа человѣка смертна; если же намъ не извѣстно ни то ни другое, то все-таки выгоднѣе поступать такъ, какъ если бы наша душа была безсмертна и ее ждалъ бы страшный судъ въ будущемъ мірѣ: въ этомъ случаѣ мы ничѣмъ не рискуемъ, а въ противномъ всѣмъ. Точно такъ же въ „Словѣ о вольнодумцахъ“ „Вечерняя Заря“ указывала на полезность признанія будущаго міра; безвѣріе здѣсь разрушаетъ основы общества—безъ вѣры въ загробное возмездіе каждый сталъ бы дѣлать, что ему угодно. Такимъ образомъ, возражая вольтерьянцамъ, Новиковскіе журналы въ сущности пользовались аргументами самого Вольтера, который вѣдь тоже призналъ, что „если бы Бога не было, его надо было бы выдумать“, такъ какъ эта выдумка полезна для общества. „Покоящійся Трудолюбецъ“, повторяя все тѣ же доводы, что вѣра необходима, ибо даетъ человѣку успокоеніе въ его неразрѣшенныхъ вопросахъ о сверхчувственномъ, прибавилъ еще необычайно мѣткое указаніе, что атеизмъ вѣдь тоже основывается на вѣрѣ. „Пріемля всѣ главнѣйшія положенія атеизма, какъ-то: случайное и вѣчное міробытіе, мысленность вещества, смертность души, случайный составъ тѣла, движимость матеріи и тому подобное, и составивъ изъ нихъ особливый символъ вѣры славнѣйшихъ атеистовъ, я охотно бы спросилъ ихъ,—говорится въ статьѣ,—гдѣ больше требуется вѣры: въ принятіи ихъ ли символа или символа вѣры? Ихъ ли положенія вразумительнѣе и вѣроятнѣе, или каждый догматъ и каждое слово религіи?“ [1]).

Вѣра въ богооткровенное основывалась на Св. Писаніи, въ тѣ времена еще никто не доказалъ его ложность, за эту вѣру былъ авторитетъ того, что всѣми признавалось въ теченіе вѣ-

[1]) Ч. II, с. 54.

ковъ, и потому было вполнѣ естественно, что символъ вѣры вселенскихъ соборовъ Новиковскій журналъ предпочелъ символу вѣры атеизма. Вѣра сообщала ему надежду, что „возсіяетъ надъ нами свѣтъ полуденный, когда мы узнаемъ то, что теперь еще отъ насъ закрыто—дѣйствующаго въ насъ духа и того, кто его сотворилъ“ [1]).

Такимъ образомъ, вѣра и откровеніе даютъ намъ представленія о сверхчувственномъ, разумъ и наука—о мірѣ чувственномъ.

Разумъ и откровеніе должны вмѣстѣ вести къ познанію истины. Въ ст. „Объ энтузіазмѣ“ журналъ доказываетъ, что одного „энтузіазма“ для познанія истины недостаточно, и возмущается тѣми, кто откровеніемъ хочетъ замѣнить разумъ, кто говоритъ, что „откровеніе есть кратчайшій путь къ подтвержденію мнѣній, нежели трудъ, который должно употребить для снисканія правильныхъ доказательствъ“. Такіе люди „доказываютъ, что незнаніе ихъ потому истинно, что истинно, и что они совершенно увѣрены въ истинѣ онаго“ [2]).

Разумъ и откровеніе идутъ изъ одного источника, и не случайно Богъ ихъ вмѣстѣ даровалъ человѣку, почему и нужно ихъ всегда сочетать въ познаніи истины: „Разумъ есть природное откровеніе, посредствомъ котораго вѣчное существо, источникъ всего свѣта и премудрости, сообщаетъ человѣческому роду нѣкоторую часть истины, соразмѣрную понятіямъ ума нашего. Откровеніе, напротивъ того, есть природный разумъ, обогащенный новыми нѣкоторыми открытіями, непосредственно дарованными отъ Бога, объ истинѣ которыхъ увѣряетъ нашъ разумъ черезъ свидѣтельства и доводы. *Почему, кто старается уменьшить силу разума съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы возвысить откровеніе, тотъ уменьшаетъ свѣтъ обоихъ и какъ бы лишаетъ человѣка очей, для того, чтобы удобнѣе посредствомъ телескопа примѣтить вдаль простирающіеся лучи невидимой планеты*“ [3]).

Въ этихъ прекрасныхъ словахъ и въ этомъ мѣткомъ сравненіи сильнѣе всего проявилось отношеніе Новиковскаго журнала къ разуму и откровенію.

Онъ допускаетъ, что благочестивые люди способны воспринимать непосредственное откровеніе истины, но и они должны

---

[1]) Ч. I, с. 42.
[2]) Ч. III, с. 68, etc.
[3]) Ч. IV, с. 70—71. Курсивъ нашъ (В. Б.).

испытывать свое откровеніе разумомъ:' „Благочестивые люди также подвержены заблужденіямъ, но нерѣдко съ величайшей упорностью принимаютъ оныя за истины, открытыя Богомъ, изливающія чистѣйшій свѣтъ въ ихъ разумъ“ [1]).

Поэтому, „кто не хочетъ подпасть заблужденію и нелѣпымъ мнѣніямъ, тотъ долженъ при всѣхъ своихъ дѣяніяхъ рачительно изслѣдовать внутренній оный свѣтъ по законамъ разума“ [2]).

Фанатиками и пустосвятами журналъ называетъ тѣхъ, которые, отвергая мышленіе, ссылаются на откровеніе. Онъ негодуетъ, что такіе люди осмѣливаются нападать на философію и науку, осмѣливаются говорить, что „нынѣ всѣ, будучи напоены Вольтеровымъ духомъ, никакихъ мыслей не имѣютъ о набожности“. Отъ такихъ пустосвятовъ, которые не признаютъ разума, журналъ беретъ подъ свою защиту и философію и Вольтера. „Они,—говоритъ онъ,—разсѣивая въ народѣ худыя мнѣнія о мужахъ, которымъ просвѣщенные вѣки одолжены вѣчною благодарностью, хотятъ, чтобы всѣ люди были подобными имъ пустосвятами. Кто бы ни былъ Вольтеръ, хотя впрочемъ и онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ неизвинителенъ, при всемъ томъ онъ одинъ гораздо былъ полезнѣе для общества, нежели все полчище пустосвятовъ“ [3]).

Съ такимъ же негодованіемъ журналъ отвергаетъ и разныя „ложныя науки“: астрологію, алхимію, магію, всякое гаданіе, вызываніе духовъ, дѣланіе золота и поиски универсальнаго лекарства. Всѣ эти науки были изобрѣтены, по мнѣнію журнала, халдейскими жрецами, для которыхъ „вѣра въ дьяволовъ была, такъ сказать, превеликій кладъ и громада, служившая подпорой знатной ихъ власти и скораго возвышенія. Безъ злыхъ духовъ лишились бы они всѣхъ своихъ доходовъ“ [4]).

Съ тѣхъ поръ эти выгодныя суевѣрія держатся и до нашего времени, хотя „свѣтъ Евангелія большею частію разогналъ сію темноту“ и „хотя, къ похваламъ осьмогонадесять вѣка, признаться должно, что только очищенная христіанская богословія и философія, которыя со дня на день распространяются болѣе, равнымъ образомъ много вспомоществовали къ искоре-

---

[1]) Ч. III, с. 79.
[2]) Ч. III, с. 80.
[3]) Ч. IV, с. 67—69.
[4]) Ч. II, с. 77.

нешію сего вздора, и онъ нынѣ такъ не въ употребленіи, что уже и единое упоминаніе мнимыхъ такихъ наукъ и знаній производитъ смѣхъ въ разумныхъ людяхъ“ [1]).

Такимъ образомъ, послѣдній журналъ Новикова ясно и точно опредѣлилъ свое отношеніе къ разуму и къ откровенію, къ вѣрѣ и къ наукѣ и рѣзко отмежевался отъ „пустосвятовъ“ и отъ послѣдователей „ложныхъ наукъ“. Онъ расходится съ вольтерьянцами въ признаніи необходимости вѣры, но въ то же время онъ умѣетъ и уважать ихъ за борьбу съ суевѣріемъ и фанатизмомъ, и потому беретъ ихъ подъ свою защиту отъ пустосвятовъ. Вольтерьянцы для него братья, которые тоже ищутъ истину, хотя во многомъ и заблуждаются, пустосваты и послѣдователи ложныхъ наукъ—враги, ибо имъ дорога не истина, а власть надъ людьми для извлеченія себѣ корыстныхъ выгодъ.

Въ своихъ исканіяхъ истины философы могутъ и заблуждаться, такъ какъ разумъ человѣческій очень несовершененъ, но „погрѣшности человѣка размышляющаго и умствующаго подобны кремнямъ, отъ удара которыхъ происходитъ огонь“ [2]).

Въ статьѣ „О мірѣ, началѣ его и древности“, дѣлая обзоръ всѣхъ древнихъ ученій объ устройствѣ міра, „Покоящійся Трудолюбецъ“ приходитъ къ выводу, что, несмотря на всѣ заблужденія, съ каждымъ слѣдующимъ поколѣніемъ человѣкъ все болѣе приближается къ точному знанію: „Философическій умъ, если не всегда приводитъ насъ къ истинѣ, то по крайней мѣрѣ выводитъ насъ изъ древнихъ заблужденій“ [3]).

Въ этомъ отношеніи журналъ особенно цѣнитъ свой XVIII в. и въ честь его слагаетъ такой гимнъ: „О, вѣкъ просвѣщеннѣйшій, въ которомъ удалена вся сила мнимыя набожности! Всѣ страны свѣта, всѣ народы одолжены тебѣ всѣмъ, что не имѣютъ они священнѣйшаго. Твоимъ неусыпнымъ бдѣніемъ всѣмъ возвращена свобода, похищенная пустою набожностью человѣческаго рода“; благодаря тебѣ явилось человѣколюбіе ко всѣмъ „даже и къ иновѣрнымъ, токмо бы они были честные граждане“; твой плодъ есть нынѣшнее распространеніе наукъ, которымъ величайшею препоною было пустосвятство“ [4]).

---

[1]) Ч. II, с. 79.
[2]) Ч. II, с. 134.
[3]) Ч. II, с. 251.
[4]) Цит. Незеленовъ, с. 374—375.

Этимъ гимномъ Новиковскій журналъ подвелъ итогъ своимъ отношеніямъ къ просвѣтительной философіи XVIII в. Итогъ необычайно важный, потому что онъ свидѣтельствуетъ о настроеніяхъ цѣлаго круга русской интеллигенціи, къ которому обыкновенно относятся съ сожалѣніемъ за его увлеченіе мистицизмомъ вообще и розенкрейцерствомъ въ особенности. Знакомясь съ розенкрейцерской литературой, какая въ переводахъ обращалась среди московскихъ масоновъ, и встрѣчая въ ней цѣлый рядъ нелѣпостей и отрицаніе науки во имя откровенія, изслѣдователи обыкновенно принимаютъ, что московскіе масоны благоговѣйно воспринимали эту орденскую мудрость и клали ее въ основу своего міросозерцанія. Отсюда рождалось сожалѣніе къ ихъ увлеченію, которое якобы скрыло отъ нихъ настоящій свѣтъ западной науки. Новиковскіе журналы показываютъ нѣчто другое: въ кружкѣ, мнѣнія котораго они выражали, постоянно происходила напряженная внутренняя работа въ поискахъ цѣльнаго міросозерцанія. Къ его построенію привлечены были и Св. Писаніе, и масонскія ученія, и, наконецъ, философскія системы Западной Европы. Несомнѣнно, что къ просвѣтительной философіи среди этого круга сначала было недоброжелательное и опасливое отношеніе: ее обвиняли въ порчѣ нравовъ, но постепенно, при болѣе тщательномъ съ ней ознакомленіи, все болѣе и болѣе укрѣплялось убѣжденіе, что и въ этой философіи есть много цѣннаго, и это-то цѣнное московскій кружокъ постарался извлечь.

Такъ происходило усвоеніе основъ англійской философіи съ Локкомъ во главѣ, такъ усваивались педагогическіе взгляды Руссо, такъ изъ Вольтера заимствовались его выпады противъ фанатиковъ и пустосвятовъ. Наконецъ, самое главное, былъ усвоенъ методъ раціоналистической критики во всемъ, что касалось міра чувственнаго. Разграничивъ области чувственнаго и сверхчувственнаго, Новиковскіе журналы сумѣли примирить вѣру и разумъ, богословіе и науку, мистицизмъ и раціонализмъ. Наконецъ, послѣдній журналъ — „Покоящійся Трудолюбецъ“, опредѣленно призналъ равноправность своихъ исканій истины съ тѣми исканіями, какія замѣчались даже среди крайнихъ теченій просвѣтительной философіи, проповѣдывавшихъ атеизмъ и матеріализмъ. Несмотря на всю противоположность съ своимъ міросозерцаніемъ выводовъ матеріализма, „Покоящійся Трудолюбецъ“ сумѣлъ отграничить философовъ этого направ-

ленія отъ своихъ враговъ—фанатиковъ и пустосвятовъ. Точно также „Покоящійся Трудолюбецъ“ опредѣлилъ отношеніе кружка къ „высшимъ тайнамъ“ розенкрейцерства, забраковавъ алхимію и магію, какъ ложныя науки. „Покоящійся Трудолюбецъ“ свидѣтельствуетъ, что работа внутренняго самоопредѣленія въ кружкѣ закончилась, сложилась та философская основа, которая оправдывала вѣру, и если раньше эта вѣра была дѣятельной, звала на служеніе ближнимъ, то теперь философское міросозерцаніе давало въ руки сильное оружіе, чтобы доказывать необходимость живой вѣры другимъ и распространять науку „нравоученія“.

Нельзя сказать, однако, что тонъ философскихъ статей „Покоящагося Трудолюбца“ былъ бодрымъ: назрѣвала въ нихъ другая сложная задача—выяснить природу человѣческаго познанія, выяснить связь души съ тѣломъ, но эту задачу рѣшали уже слѣдующія за Новиковымъ поколѣнія.

XIX.

Просвѣтительная и благотворительная дѣятельность Новиковскаго кружка въ Москвѣ.

Идеи той практической дѣятельности, которую Новиковъ развилъ въ 80-хъ гг. въ Москвѣ, созрѣли въ немъ давно. Уже въ 1773 г. въ „Живописцѣ“ онъ указывалъ, что книгопечатаніе „соблюдаетъ наилучшимъ образомъ всѣ истины, доставляетъ наибольшему количеству народа объ оныхъ свѣдѣніе, чрезъ то очищаетъ общество отъ заблужденій и предразсудковъ всегда вредныхъ“.

Тогда же онъ указалъ и на другую очередную задачу: „не довольно сего, чтобы только печатать книги... а надобно имѣть попеченіе о продажѣ напечатанныхъ книгъ“ и въ особенности нужно распространять книгу въ провинціи.

„Петербургъ и Москва,—писалъ Новиковъ,—имѣютъ способы покупать книги, заводить книгохранительницы и употреблять ихъ въ свою пользу, лишь только бы была у покупающихъ охота. По петербургскіе и московскіе жители много имѣютъ увеселеній. Есть у нихъ различныя зрѣлища, забавы и собранія; слѣдовательно весьма не у великаго числа людей остается время для чтенія книгъ. А сверхъ того и просвѣщеніе наше, или, такъ сказать, слѣпое пристрастіе къ французскимъ книгамъ, не позволяетъ покупать россійскихъ. Въ россійской типографіи напечатанное молодыми нашими господчиками пріемлется за посредственное, а за хорошее почти никогда. Напротивъ того, живущіе въ отдаленныхъ провинціяхъ дворяне и купцы лишены способовъ покупать книги и употреблять ихъ въ свою пользу. Напечатанная въ Петербургѣ книга черезъ трое или четверо рукъ дойдетъ, напр., въ Малую Россію; всякой накладываетъ неумѣренный барышъ, для того, что произ-

водитъ сію торговлю весьма малымъ числомъ денегъ; и такъ книга, продающаяся въ Петербургѣ по рублю, приходитъ туда почти всегда въ три рубля, а иногда и больше. Чрезъ сіе охотники покупать книги уменьшаются, книгъ расходится меньше, а печатающіе оныя, вмѣсто награжденія за свои труды, часто терпятъ убытокъ". Итакъ, нужно печатать книги и широко распространять ихъ по провинціи. Первая часть этой задачи при Екатеринѣ начала осуществляться, императрица образовала „Общество, старающееся о напечатаніи книгъ"; Новиковъ сочувственно отнесся къ этому начинанію, но считалъ его недостаточнымъ: общество само должно было взяться за это дѣло. „Науки любятъ свободу и тамъ болѣе распространяются, гдѣ свободнѣе мыслятъ", уже тогда заявлялъ Новиковъ, и потому указывалъ на необходимость проявить въ этомъ дѣлѣ общественную инициативу: „О распространеніи сей торговли (книгами) не Государю, но частнымъ людямъ помышлять должно".

Въ Новиковскихъ журналахъ и изданіяхъ всегда наблюдается стремленіе заинтересовать читателей дѣломъ изданія, втянуть ихъ въ непосредственную работу. „Мы просимъ и приглашаемъ всѣхъ ученыхъ мужей и любителей россійскихъ письменъ, быть нашими сотрудниками", писалъ, напр., издатель въ „С-Петербургскихъ Ученыхъ Вѣдомостяхъ", и, повидимому, уже въ началѣ 70-хъ гг. Новикову удалось сгруппировать вокругъ себя „общество". По крайней мѣрѣ, въ 1773 г. въ письмѣ къ секретарю императрицы, Козицкому, Новиковъ просилъ „подать Ея Величеству посланную при семъ книгу „Золотыхъ часовъ" I-ю часть отъ имени нашего общества" [1]).

Въ 1777 г. вокругъ изданія „Утренняго Свѣта" Новиковъ сумѣлъ уже создать замѣтную общественную организацію. Какъ указывалось выше, доходъ съ этого журнала шелъ на содержаніе двухъ училищъ въ Петербургѣ. Новиковъ печаталъ въ журналѣ отчеты по училищу, приглашалъ лично осматривать работу въ нихъ и, какъ было видно, вызвалъ въ обществѣ немалый интересъ къ своему предпріятію. Тогда же Новиковъ завязалъ и непосредственныя связи съ провинціей, создалъ въ ней добровольныхъ агентовъ для распространенія идей своего дѣла. Вслѣдъ за „Утреннимъ Свѣтомъ" на содержаніе училищъ были созданы журналы „Московское Изданіе" и „Вечерняя Заря".

---

[1]) Лѣтописи русск. литерат. и древн., т. IV, с. 43.

Масонство доставило Новикову новыя связи, дало ему въ руки готовое общество, которое можно было направить на путь общественнаго просвѣщенія и благотворительности. Правда, и безъ Новикова въ масонскихъ ложахъ благотворительность была принята, но то было дѣло небольшихъ кружковъ, гдѣ члены ихъ для личнаго воспитанія въ дѣлахъ любви жертвовали небольшія крохи въ пользу бѣдныхъ, и только Новикову удалось создать изъ этого матеріала широкое общественное дѣло. Его организаторскій талантъ бросался въ глаза, масоны постарались привлечь Новикова въ свои ложи и потомъ устроили ему возможность взять въ аренду типографію Московскаго университета [1]).

Типографское дѣло въ Москвѣ въ моментъ переѣзда туда Новикова было плохо развито. Во всемъ городѣ было только двѣ свѣтскихъ типографіи: университетская и сенатская, и все-таки, несмотря на отсутствіе конкуренціи, типографія приносила у-ту едва двѣ тысячи рублей доходу. Шрифтовъ было мало, они были однообразны, составъ рабочихъ былъ очень невысокій. Книжная лавка при типографіи также была поставлена плохо, а газета „Московскія Вѣдомости“ имѣла не болѣе 600 подписчиковъ. Новиковъ взялъ университетскую типографію въ аренду на 10 лѣтъ, съ 1 мая 1779 г. по 1 мая 1789 г., съ платой ежегодно 4.500 р. и съ обязательствомъ содержать на свой счетъ всѣхъ типографскихъ служащихъ. Вмѣстѣ съ типографіей къ нему переходила университетская книжная лавка и газета „Московскія Вѣдомости“. Весь ближайшій годъ московской жизни Новикова сплошь ушелъ на организацію типографіи, на выписываніе изъ-за границы недостающихъ частей, на приведеніе въ порядокъ книжной лавки. Чтобы развить въ ней торговлю, Новиковъ завязалъ правильныя сношенія съ комиссіонерами въ Полтавѣ, Тамбовѣ, въ Псковѣ, въ Вологдѣ, въ Смоленскѣ, Глуховѣ и съ петербургскими книгопродавцами. Онъ отдавалъ имъ свои изданія со скидкой и съ разсрочкой платежа. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Новиковскихъ изданіяхъ не разъ появлялись объявленія: „Если кому угодно будетъ продажу сихъ книгъ учредить и въ другихъ городахъ Россійской Имперіи, таковые могутъ адресоваться письменно или самолично въ книжную лавку, гдѣ всевозможное къ тому вспомоществованіе оказано будетъ, ибо въ оной принято намѣреніе доставить по-

[1]) Черезъ М. М. Хераскова, куратора университета.

чтеннымъ любителямъ Россійской Литературы всевозможную способность въ сообщеніи и всевозможныя выгоды въ цѣнахъ книгъ".

Въ организацію этого дѣла Новиковъ вложилъ около 20.000 р. (тогдашнихъ), вырученныхъ имъ черезъ продажу наслѣдственнаго отцовскаго имѣнія въ Мещовскомъ уѣздѣ (250 душъ). Это было громаднымъ рискомъ съ его стороны, такъ какъ предпріятіе было по тѣмъ временамъ почти безнадежнымъ. Новиковъ, по словамъ Шварца, расточалъ свой достатокъ ради предпріятія, гдѣ было 100 противъ 1, которое могло ввергнуть его въ крайнюю бѣдность, и при всемъ томъ онъ подвергался самымъ чернымъ нареканіямъ, потому что многихъ воронъ лишилъ пропитанія. Энергія, съ какой Новиковъ бросился въ это безнадежное съ матеріальной стороны, но важное въ идейномъ отношеніи предпріятіе, обращала на себя вниманіе, вызывала сочувствіе къ его дѣлу. Особенно важную поддержку оказалъ ему своей дѣятельностью вновь назначенный проф. Шварцъ, только что, одновременно съ Новиковымъ, попавшій въ Москву. Онъ еще за границей слышалъ объ изданіи Новиковымъ „Древней россійской вивліоѳики" и, по его словамъ, пламенно желалъ познакомиться съ издателемъ—теперь въ Москвѣ онъ скоро дружески сошелся съ Новиковымъ. Въ первый же годъ Шварцъ при поддержкѣ Новикова, Хераскова, Трубецкого и Черкасскаго образовалъ при университетѣ „Учительскую или Педагогическую семинарію", воспитанники которой могли составить для новиковскаго предпріятія кружокъ переводчиковъ.

Такъ, въ концѣ 1779 г. было положено начало „Дружескому ученому обществу", которое скоро развилось въ громадное общественное предпріятіе. Шварцъ, какъ уже упоминалось выше, тогда же началъ пропагандировать среди московскаго дворянства идею такого общества, но пока „планы его хвалили, но относили къ идеальному царству Платона". Въ ожиданіи, когда оно осуществится, иниціаторы „Дружескаго Общества" вошли въ сношеніе съ провинціальными архіереями о присылкѣ семинаристовъ, которые могли теперь на средства кружка поступить студентами въ Московскій университетъ и вмѣстѣ въ „Учительскую семинарію". Первымъ такимъ студентомъ въ 1779 г. былъ принятъ Максимъ Ив. Невзоровъ, воспитанникъ рязанской семинаріи. Въ 1780 г. число студентовъ значительно увеличилось, а въ 1781 г. „идеальное царство Платона" получило

возможность практическаго воплощенія: московскій богачъ Петръ Алексѣевичъ Татищевъ, давно уже скучавшій отъ безділья, разочаровавшійся въ людяхъ, которые его до сихъ поръ окружали, и въ масонствѣ, идейнаго значенія котораго онъ не понялъ, заразился энтузіазмомъ Шварца, сблизился съ нимъ, поручилъ ему воспитаніе своего сына и теперь рѣшился дать средства для осуществленія плановъ „Дружескаго Общества“.

Вслѣдъ за Татищевымъ на организацію общества пожертвовали значительныя суммы князья Трубецкіе (Ю. П. и П. П.), кн. Черкасскій, В. Чулковъ, П. П. Тургеневъ и другіе.

Такимъ образомъ, въ началѣ 1781 г. „Дружеское Общество“ стало на прочныя основанія и получило возможность развернуть свою дѣятельность.

„Колумбъ, впервые увидавши землю, не могъ радоваться болѣе меня,—говорилъ Шварцъ,—когда въ рукахъ моихъ оказался значительный капиталъ для осуществленія моей Платоновой идеи. Теперь мнѣ не доставало только опытныхъ и ученыхъ сотрудниковъ и литературныхъ связей. Чтобы достигнуть этихъ средствъ, я предложилъ Татищеву совершить съ сыномъ его путешествіе по Германіи, по окончаніи котораго думали мы приступить къ окончательному исполненію нашего плана“. Какъ уже указывалось, лѣтомъ 1781 г. Шварцъ выѣхалъ за границу. Кромѣ порученій по масонству, онъ долженъ былъ выполнить еще цѣлый рядъ другихъ, связанныхъ съ дѣятельностью „Дружескаго Общества“: установить литературныя связи съ писателями, ознакомиться съ постановкой учебнаго дѣла въ Германіи, закупить книги. Отъ Новикова было особое порученіе: завязать прямыя сношенія съ заграничными книжными фирмами и изучить постановку у нихъ книжнаго дѣла. Шварцъ выполнилъ эти порученія, и главныя связи по книжной торговлѣ были завязаны съ Лейпцигомъ.

Съ возвращеніемъ Шварца въ Москву работы „Дружескаго Общества“ пошли особенно интенсивно, печатаніе книгъ усилилось, и надобность въ образованныхъ переводчикахъ тоже возросла. Поэтому въ 1782 г. при университетѣ, сверхъ „Педагогической семинаріи“, была образована еще „Переводческая семинарія“. Содержаніе шестерыхъ студентовъ въ ней взялъ на себя Татищевъ, а остальные члены приняли на свой счетъ десятерыхъ. Такъ какъ въ то же время число студентовъ „Педагогической семинаріи“ возросло до тридцати, то „Друже-

скимъ Обществомъ" былъ купленъ на имя Шварца особый домъ для размѣщенія этихъ студентовъ. Въ томъ же 1782 г. „Дружеское Общество" постаралось добиться оффиціальнаго разрѣшенія на свое существованіе, для чего обратилось къ московскому главнокомандующему гр. Чернышеву и къ московскому архіепископу Платону.

Въ октябрѣ нужное разрѣшеніе было получено, и 6 ноября 1782 г. состоялось торжественное открытіе „Общества" въ присутствіи главнокомандующаго.

Въ объявленіи объ этомъ открытіи цѣль „Общества" опредѣлялась такъ: „Особливое же вниманіе „Др. Учен. О-ва" обращено будетъ къ тому, чтобы тѣ части учености, въ которыхъ, сравнивая ихъ съ прочими, не столько упражняются, какъ, напримѣръ: греческой и латинской языки, знаніе древностей, знаніе качествъ и свойствъ вещей въ природѣ, употребленіе химіи и другія познанія, процвѣли вящше и могли приносить свои плоды. Въ такомъ намѣреніи сіе „Общество" стараться будетъ также присоединить къ себѣ славнѣйшихъ чужестранныхъ ученыхъ мужей, а съ нѣкоторыми изъ нихъ вступить въ ученую переписку.

„Но дабы польза отъ всего вышесказаннаго не заключена была и ограничена въ тѣсныхъ предѣлахъ сего общества: то оно стараться будетъ, какъ то уже сіе прежде чинено было, о печатаніи своимъ иждивеніемъ различнаго рода книгъ, особливо же учебныхъ и о доставленіи ихъ въ училища. Такъ какъ оныхъ и подарено уже разнымъ семинаріямъ и другимъ училищамъ почти на 3000 р.; да и впредь, уповательно, въ состояніи будетъ „Общество" чинить подобную помощь духовнымъ училищамъ.

„Сверхъ сего учреждена „Филологическая семинарія" для содержанія въ ней на первый случай и обученія 35 питомцевъ, въ число которыхъ и приняты уже 21 студентъ изъ разныхъ духовныхъ академій и семинарій, порученные „Дружескому Уч. О-бу", для обученія ихъ предписаннымъ имъ наукамъ; для 14-жъ впредь опредѣляемыхъ остались порожнія мѣста. Сіи семинаристы три года наставляемы будутъ въ предписанныхъ имъ наукахъ со всякимъ раченіемъ, дабы по прошествіи того времени, возвратясь къ своимъ мѣстамъ, могли они сами вступить въ учительское званіе" [1]).

---

[1]) Лонгиновъ, с. 67.

15 января 1783 г. появился знаменитый указъ „о вольныхъ типографіяхъ“, по которому каждому было позволено заводить типографію безъ разрѣшенія, явочнымъ порядкомъ, лишь извѣстивъ объ этомъ Управу благочинія. „Дружеское Общество“ на основаніи этого указа первоначально завело двѣ типографіи, одну на имя Новикова, другую—Лопухина, и кромѣ нихъ, розенкрейцерскій кружокъ устроилъ еще третью „тайную“ типографію, спеціально для печатанія розенкрейцерскихъ сочиненій, которыя не поступали въ общую продажу, а предназначались лишь для своихъ собратій-масоновъ.

Затѣмъ, когда издательская дѣятельность разрослась еще болѣе, члены „Общества“ въ 1784 г. образовали особую „Типографическую компанію“. Она устроилась по формѣ товарищества на паяхъ. Капиталъ составился изъ вносовъ: 20.000 р. отъ бр. Лопухиныхъ, 10.000 р. отъ князей Трубецкихъ, 6.000 р. отъ кн. Черкасскаго, отъ Тургенева, Чулкова и Ладыженскаго по 5.000 р., отъ бар. Шредера—3.500 р., Кутузова—30.000 р.—всего 57.500 р. Новиковъ съ братомъ вмѣсто капитала вложили книгъ на 80.000 р. по оцѣнкѣ 25 к. за рубль съ продажной цѣны. Гамалѣя и князь Энгалычевъ были приняты въ „компанію“ безъ денежныхъ взносовъ. Въ эту же „компанію“ отдѣльными ея членами потомъ передавалось разное имущество, „компанія“ пріобрѣла для своихъ нуждъ нѣсколько домовъ, организовала свою аптеку на Никольской ул., также устроила обширную типографію на 20 печатныхъ станковъ. Въ началѣ 1786 г. съ этой типографіей слились и обѣ „вольныя“, заведенныя въ 1783 г. на имя Новикова и Лопухина. Въ 1792 г. все имущество компаніи оцѣнивалось, по показанію ея членовъ, въ 180.000 р.

Такимъ образомъ, „безнадежное предпріятіе“, какимъ въ 1779 г. считали издательскую дѣятельность Новикова въ Москвѣ, всего черезъ пять лѣтъ выросло въ грандіозное товарищество съ капиталами, превышавшими сотню тысячъ рублей и съ годовыми доходами свыше 40.000 (по показанію Новикова), и все это предпріятіе было организовано не для извлеченія коммерческихъ выгодъ, а исключительно для планомѣрной просвѣтительной работы. Она двигалась большими шагами. Когда Новиковъ переѣзжалъ въ Москву, книжная торговля тамъ была совсѣмъ неналаженной. Единственная книжная лавка при университетѣ имѣла всего 168 названій книгъ (1768 г.), и, оче-

видно, не пользовалась среди общества вниманіемъ. Кромѣ нея, торговля книгами велась только случайно, тамъ, гдѣ продавался разный хламъ. „Если книгами и перебивались нѣкоторые частные люди,—показываетъ современникъ,—то безъ всякой коммерческой дальновидности; и гдѣ же?—Стыдно сказать, въ Толкучемъ, вмѣстѣ съ желѣзными обломками, на ряду съ подовыми, на рогожкахъ или на тѣхъ самыхъ ларяхъ, въ кои на день цѣпныхъ собакъ запирали, такъ что и подойти бывало страшно“ [1]).

Въ 1785 г., когда правительство обратило вниманіе на издательскую дѣятельность Новикова и предписало составить реестръ его книгамъ, въ реестрѣ значилось: книгъ, отпечатанныхъ въ университетской типографіи и поступившихъ въ продажу 362 №№, книгъ, которыя еще не поступили въ продажу, 58 №№, книгъ, напечатанныхъ въ типографіи Лопухина и въ типографіи компаніи—29 №№. Эти 400 съ лишнимъ №№ были новыя книги, изданныя Новиковымъ и его товарищами. Кромѣ университетской книжной лавки появились и еще другія: нѣсколько лавокъ было у Новикова, а по его примѣру на Никольской образовались лавки Кольчугина, Полежаева, Тараканова, Матушкина, Сверчкова, Романчикова, Телепнева, Акохова и Козырева. Въ провинціи также была организована по иниціативѣ Новикова продажа книгъ: въ Коломнѣ, Тамбовѣ, Полтавѣ, Псковѣ, въ Глуховѣ, Черниг. г., въ Кіевѣ, въ Казани, въ Смоленскѣ, въ Вологдѣ, въ Богородицкѣ Тульск. г., Тулѣ, Твери, Ярославлѣ, Рязани, въ Симбирскѣ, въ Архангельскѣ, Ригѣ. Въ Петербургѣ Новиковскія изданія имѣлись у Миллера и Артамонова. По словамъ Карамзина, Новиковъ торговалъ книгами, какъ богатый „голландскій или англійскій купецъ торгуетъ произведеніями всѣхъ земель, т.-е. съ умомъ, съ догадкою, съ дальновиднымъ соображеніемъ“ [2]).

Соотвѣтственно главной задачѣ Новиковскихъ изданій—распространять истинное просвѣщеніе, т.-е. согласное съ основами христіанской морали, большинство книгъ заключаютъ въ себѣ христіанскія нравоученія, либо выдающихся отцовъ церкви (Іоанна Златоуста, Василія Великаго, Августина и т. п.), либо

---

[1]) Тихонравовъ, соч., т. III, ч. I, с. 147.

[2]) Цит. Тихонравова, соч., т. III, ч. I, с. 147.

См. также брошюру, составл. П. К. Симони.—Матеріалы къ исторіи русской книжной торговли въ XVIII—XIX ст. СПБ. 1907 г.

современныхъ авторовъ. Сюда же нужно отнести разныя сокращенія изъ Священнаго Писанія и св. исторіи.

За этимъ главнымъ отдѣломъ идетъ большое количество книгъ учебнаго характера: азбуки, грамматики, правописанія, словари, учебники математики, исторіи и географіи, естествовѣдѣнія и т. п. Къ этимъ учебникамъ примыкаютъ болѣе обширныя сочиненія по тѣмъ же областямъ, напр., историческіе обзоры, описанія разныхъ странъ и народовъ и т. п. Изъ философовъ XVIII в. встрѣчается Вольтеръ (его сатиры и повѣсти противъ фанатизма), Монтескье, (разсужденіе на его сочиненія), Руссо (Эмиль и Софья, О блаженствѣ — выдержки изъ разныхъ соч. Руссо).

Много книгъ отведено различнымъ отдѣламъ сельскаго хозяйства, медицинѣ, гигіенѣ, домашнему хозяйству. Встрѣчаются книги по педагогикѣ, книги для дѣтскаго чтенія (напр., сказки, Робинзонъ). Замѣтно опредѣленное желаніе создать универсальную домашнюю библіотеку для читателей, напр., за десятокъ томовъ перевалила „Городская и деревенская библіотека“.

Такъ какъ однѣми такими книгами издательство не могло просуществовать, то выпускалось много книгъ по беллетристикѣ, русскихъ и иностранныхъ (въ переводѣ) авторовъ, но и въ беллетристикѣ замѣтно опредѣленное желаніе дать въ руки читателю вполнѣ здоровую художественную пищу. Совершенно не встрѣтишь, конечно, въ Новиковскомъ изданіи книгъ, которыя бы принадлежали къ модному „чувственно-чувствительному“ чтенію, среди котораго встрѣчались, напр., такіе перлы: „Гермель, или можетъ ли добродѣтельная жена совершенно положиться на постоянство своего мужа“, пер. съ фр. СПБ. 1783 г., „Дѣвушкины прогулки и молодкины увертки или лабиринтъ женскихъ коварствъ“, СПБ., 1794 г., „Кошкѣ игрушки, а мышкѣ слезки или смѣшныя проказы трехъ красавицъ, чинимыя надъ простосердечными ихъ супругами, нравственное и счастливое твореніе“, СПБ., 1794 г., „Нѣжныя объятія въ бракѣ и потѣхи съ любовницами продажными изображены и сравнены Правдолюбомъ“, СПБ., 1799 г. [1]).

Чтобы облегчить возможность читать книги тѣмъ, кто ихъ не въ состояніи покупать, Новиковъ при своемъ книжномъ магазинѣ образовалъ библіотеку для чтенія — первую публичную

---

[1]) Добролюбовъ, I, 93.

въ Москвѣ. Но мало было напечатать хорошую книгу и сдѣлать ее доступной населенію—приходилось развивать интересъ къ такому серьезному и толковому чтенію, и вотъ журналы Новикова усиленно его проповѣдовали и постепенно пріучали къ нему читателя, серьезное чередуя съ просто занимательнымъ. Изъ года въ годъ, книжка за книжкой шли эти журналы: „Утренній Свѣтъ", „Московское Изданіе", „Вечерняя Заря", „Покоящійся Трудолюбецъ". Такъ какъ все-таки журналы по своей серьезности были доступны лишь избраннымъ, то Новиковъ особенное вниманіе обратилъ на газету „Московскія Вѣдомости". Въ короткое время онъ сдѣлалъ ее такой занимательной, что число подписчиковъ съ 600, какіе были до него, возросло до 4000. А вмѣстѣ съ „Московскими Вѣдомостями" шли разныя многочисленныя къ нимъ прибавленія, одно изъ которыхъ „Прибавленія къ Московскимъ Вѣдомостямъ", какъ научный журналъ, былъ разсмотрѣнъ выше.

Кромѣ него, въ видѣ прибавленія къ „Моск. Вѣдомостямъ" съ 1780 г. Новиковъ издавалъ „Экономическій Магазинъ"—сборникъ статей по вопросамъ сельскаго хозяйства; этотъ „Магазинъ" Новиковъ поручилъ редактировать извѣстному въ XVIII в. агроному Болотову, автору извѣстныхъ „Записокъ". Съ 1785 г. по 1789 г. при „Вѣдомостяхъ", опять въ видѣ прибавленія, издавалось „Дѣтское чтенье для сердца и разума"—интересный дѣтскій журналъ, который доставилъ полезное чтеніе не одному поколѣнію русскихъ дѣтей, такъ какъ и послѣ прекращенія изданія его №№ продавались на книжномъ рынкѣ. Это то самое „Дѣтское Чтеніе", о которомъ съ такой любовью отзывается въ разсказахъ о своемъ дѣтствѣ С. Т. Аксаковъ. Матеріалъ для этого журнала бралъ изъ лучшихъ заграничныхъ журналовъ для дѣтей, и надъ переводомъ статей изъ нихъ не мало потрудился Карамзинъ, одинъ изъ питомцевъ Дружескаго О-ва.

Съ 1782 г. по 1786 г. выходила при „Вѣдомостяхъ" „Городская и деревенская библіотека или забавы и удовольствіе для разума и сердца"—сборникъ переводовъ съ нѣмецкаго и французскаго, гдѣ чтеніе полезное опять-таки мѣшалось съ занимательнымъ. Наконецъ, въ послѣдній годъ изданія „Вѣдомостей" (1788 — 89), подъ ред. бывш. воспитанника Друж. О-ва Прокоповича-Антоновскаго, выходилъ „Магазинъ натуральной исторіи, химіи и физики", составлявшійся изъ переводныхъ съ французскаго статей.

Всѣми этими прибавленіями Новиковъ хотѣлъ дать возможность, „не учась научиться“, по его выраженію, цѣлому ряду полезныхъ свѣдѣній, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, натолкнуть и на болѣе требовательные запросы. Чтобы организовать „Прибавленія“ и пріохотить къ нимъ читателя, выписывались лучшія заграничныя изданія подобнаго рода и изъ нихъ переводилось все цѣнное. Въ одномъ изъ объявленій о „Прибавленіяхъ“ издатель писалъ: „Ничего упущено не будетъ къ приведенію въ совершенство сихъ листовъ, такъ, чтобы они не только сравнялись по содержанію своему съ лучшими иностранными публичными листами сего рода, но и превзошли и замѣнили бы совершенно недостатокъ оныхъ для тѣхъ, кои не имѣютъ ни способности, ни случая читать первыхъ“ [1]).

Кромѣ такого способа пріучать публику къ серьезному чтенію черезъ журналы и газеты, для этой же цѣли Новиковъ разсылалъ свои изданія безплатно въ семинаріи, въ академіи и даже раздавалъ отдѣльнымъ лицамъ. Такъ, напр., извѣстный мистикъ александровской эпохи и издатель „Сіонскаго Вѣстника“, Лабзинъ, разсказываетъ, какъ однажды при немъ какой-то любитель чтенія спрашивалъ въ книжной лавкѣ Новикова романовъ „Маркизъ Глаголь“, „Клевеландъ“, „Желѣзная маска“ и, не найдя ихъ, обидѣлся. Тогда Новиковъ съ извиненіями, что нѣтъ такихъ книгъ, связалъ пачку своихъ духовно-нравственныхъ изданій и подарилъ ее разсерженному любителю чтенія. „Итакъ, — говоритъ Лабзинъ, — кромѣ издержекъ на плату переводчикамъ и на напечатаніе книгъ, надлежало еще дарить книгами и богатыхъ людей, чтобы пріучить ихъ къ чтенію оныхъ“ [2]).

Книгопродавческая и книгоиздательская дѣятельность Новикова была тѣсно связана съ тѣми воспитательно-просвѣтительными учрежденіями, какія по мысли Шварца были заведены при университетѣ: Педагогической семинаріей, Собраніемъ университетскихъ питомцевъ и Переводческой или Филологической семинаріей. Эти учрежденія поставляли для издательской и журнальной дѣятельности Новикова просвѣщенныхъ сотрудниковъ, они принимали ближайшее участіе въ „Утреннемъ Свѣтѣ“, „Московскомъ Изданіи“, „Вечерней Зарѣ“ и „Покоящемся

---

[1]) Роспись россійскимъ книгамъ, которыя продаются въ университетской книжной лавкѣ. М. 1783 г.

[2]) Цит. Тихонравова, Соч., т. III, ч. I, с. 148.

Трудолюбцѣ", на нхъ плечахъ лежало составленіе статей для многочисленныхъ прибавленій къ „Московскимъ Вѣдомостямъ". Два ряда учрежденій питали другъ друга: типографія и книжная лавка доставляли средства для содержанія питомцевъ „Дружескаго Общества", питомцы переводили и составляли книги, собирали матеріалы для журналовъ. Число такихъ питомцевъ въ лучшіе годы дѣятельности Общества достигало до 50. Ближайшее руководство ихъ научной и литературной работой лежало на Шварцѣ. Шварцъ встрѣчался съ ними въ университетѣ и внѣ его, такъ какъ питомцы жили вмѣстѣ съ нимъ, дѣйствовалъ на нихъ и своими лекціями и своимъ личнымъ вліяніемъ. Въ годъ наибольшаго расцвѣта своей дѣятельности, въ 1782 г., Шварцъ велъ три курса: въ университетѣ для студентовъ и семинаристовъ онъ читалъ курсъ эстетической критики, у себя на дому для питомцевъ — „о трехъ познаніяхъ" и еще третій курсъ—„философской исторіи".

Въ курсѣ эстетической критики Шварцъ знакомилъ слушателей съ теоріей эстетики, излагалъ имъ теоріи Аристотеля, Цицерона, Квинтиліана, Горація, Батте, Ромлера, Гома, Буало, Баумгартена, Гейнаца и училъ практически прилагать ихъ въ разборѣ классическихъ произведеній древнихъ и новыхъ авторовъ разныхъ странъ. Такимъ образомъ, курсъ представлялъ изъ себя какъ бы введеніе въ эстетику, соединенную съ краткою исторіей всеобщей литературы. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этихъ лекціяхъ Шварцъ проводилъ и свои философскіе взгляды: произведенія литературы онъ сравнивалъ съ произведеніями живописи, скульптуры и архитектуры, указывалъ на связь этихъ искусствъ и отсюда переходилъ къ общей характеристикѣ дѣятельности человѣческаго ума, развивалъ свою теорію познанія міра чувственнаго и сверхчувственнаго, очевидно такъ, какъ это было сведено въ философскихъ трактатахъ „Вечерней Зари".

Одинъ изъ учениковъ Шварца такъ отзывался объ этомъ курсѣ: „Сей возвышенный и рѣдкій чувствъ и онымъ надлежащаго испытатель, ощутительнѣйшимъ образомъ примѣтивъ, что люди, проснувшись въ позднія уже времена отъ своего ничтожества, и едва только еще разодравъ завѣсу, покрывающую ихъ зрѣніе, узрѣли сіе существами населяемое огромнѣйшее и прекраснѣйшее зданіе,—не скрылъ отъ насъ того рѣдкаго своего дарованія, которымъ цѣлая природа ему жертвовала, чтобы не показать намъ, хотя бы было то съ урономъ своего здравія,

величество, стройность, порядокъ и совершенство цѣлой природы. Не скрылъ, говорю, подъ спудомъ того своего неоцѣненнаго таланта, когда единственно на сей конецъ имѣлъ онъ при университетѣ торжественную эстетико-критическую лекцію, лекцію, возвышающую наши необдѣланныя и грубыя чувства къ тонкости живописи, къ стройности скульптуры, къ совершенству архитектуры, къ несомнительнѣйшимъ, доказательнѣйшимъ доказательствамъ геометріи, къ пріятности стихотворства, къ безпредѣльному порядку астрономіи, къ неудобопонятности анатоміи и физіологіи, къ справедливости физіогноміи и хиромантіи, къ чудесному открытію магіи и каббалы, къ превращенію естественнаго въ сверхъестественное химіи и другихъ премногихъ наукъ, руководствующихъ насъ къ познанію безпредѣльныя гармоніи, сокрытыя въ нѣдрахъ таинственныя природы. Показалъ намъ отношеніе чудесъ одной науки къ другой; вперилъ въ насъ, то подъ іероглифами, то на яснѣйшихъ своихъ опытахъ, сколь удивительна связь матеріи и духовности, какой нерѣшимый узелъ между Богомъ и человѣкомъ, и какія мы и вся природа имѣемъ предѣлы и ограниченія“ [1]).

Курсъ о трехъ познаніяхъ, отрывокъ изъ котораго приведенъ выше при разсмотрѣніи вопроса объ отношеніяхъ нашего масонства къ наукѣ, имѣлъ цѣлью доказать слушателямъ, что самое цѣнное для человѣка познаніе — это познаніе его отношеній къ Богу и обязанностей, отсюда вытекающихъ. Здѣсь Шварцъ указывалъ на цѣнность для христіанина Библіи, по которой онъ долженъ былъ учиться, какъ жить въ здѣшней жизни, чтобы подготовить себя къ жизни вѣчной. „Человѣкъ,— говорилъ Шварцъ,—во временной своей жизни долженъ устраивать для себя къ будущей жизни на твердомъ и незыблемомъ основаніи домъ или вѣчную обитель; но какъ мы будущаго не знаемъ и не можемъ начертать порядочнаго плана для вѣчнаго жилища, то Богъ по милосердію своему показываетъ человѣку въ Библіи самое покойное и вѣрное расположеніе вѣчнаго дома: въ ней начертанъ весь планъ къ устроенію будущей жизни. Читая ее, получаемъ вкусъ и неизрѣченную чувствуемъ сладость, которая обратится послѣ въ нашу пользу и вѣчную пищу. Не камни тлѣнные потребны человѣку для вѣчнаго жи-

[1]) Рѣчи и стихотворенія на смерть Шварца, цит. Тихоправова. Соч., т. III, ч. I, с. 77.

лища, но вѣра и любовь къ Богу, любовь къ ближнему и умерщвленіе плоти“ [1]).

Не отвергая научнаго мышленія, указывая человѣку на необходимость развивать свой умъ такимъ мышленіемъ, Шварцъ больше всего цѣнилъ „живыя“ познанія. Эти „живыя познанія— говорилъ онъ,—находимъ мы и ощущаемъ въ сердцѣ. Они ничѣмъ и никогда не истребляются, никогда забвенны быть не могутъ и заключаются съ нами въ вѣчность. Черезъ нихъ получаемъ мы откровенія или познаемъ все то, что касается до Бога, однимъ словомъ: живое познаніе научастъ человѣка разбирать самого себя и подавать средства къ возвышенію себя, къ умноженію бытія своего и къ стремленію къ тому источнику, отъ коего онъ имѣетъ свое начало. Живыя познанія суть дары, дарованные въ свое время роду человѣческому, или какъ въ Св. Писаніи сказано: таланты, данные господиномъ рабамъ своимъ. Отъ употребленія человѣковъ зависитъ съ лихвой умножить полученный талантъ или зарыть его въ землю, т.-е. погрузить себя и его во мракъ и нерадивостью своею затмить въ себѣ сіяніе свѣта и заглушить гласъ, непрестанно ихъ наставляющій“ [2]).

Этотъ курсъ Шварца о „трехъ познаніяхъ“ прекрасно дополнялся его „философской исторіей“, т.-е. исторіей философіи. Здѣсь онъ съ своей точки зрѣнія разбиралъ разныя философскія системы и развивалъ передъ слушателями собственную систему, составленную на основаніи ученій нѣмецкой и англійской философіи и мистическаго ученія Бёма. Лабзинъ, слушавшій этотъ курсъ, послѣ въ своемъ журналѣ вспоминалъ: „Въ самое то время, когда модные писатели поглощались съ жадностью незрѣлыми умами, Шварцъ принялъ на себя благородный трудъ разсѣять сіи возрастающіе мраки, и безъ всякаго иного призыва, по сему единственно побужденію, въ партикулярномъ домѣ, открылъ лекціи новаго рода для всѣхъ желающихъ. Съ ними разбиралъ онъ Гельвеція, Руссо, Спинозу, Ламетри и проч., сличалъ ихъ съ противными имъ философами и, показывая разность между ними, училъ находить достоинство каждаго. Какъ будто новый свѣтъ просіялъ тогда слушателямъ! Какое направленіе умамъ и сердцамъ далъ сей благодѣтельный мужъ! Главное, и для тогдашняго времени поразп-

---

[1]) Цит. Тихонравовъ, Соч. т. III, ч. I, с. 79.
[2]) Ib., с. 81.

тельное, явленіе было то, съ какою силою простое слово его исторгло изъ рукъ многихъ соблазнительныя и безбожныя книги, въ которыхъ, казалось, тогда весь умъ заключался, и помѣстило на мѣсто ихъ святую библію“ [1]).

Очень скоро вліяніе лекцій Шварца захватило болѣе широкій кругъ, чѣмъ студентовъ и питомцевъ Дружескаго Общества. Какъ-то разъ друзья Шварца застали его на дому за чтеніемъ лекціи, и она такъ ихъ захватила, что они просили разрѣшенія слушать и дальнѣйшія лекціи. Такимъ образомъ, черезъ друзей на лекціяхъ Шварца стала появляться многочисленная публика.

Но Шварцъ не только училъ, онъ воспитывалъ въ своихъ слушателяхъ ту дѣятельную любовь къ людямъ, къ какой онъ призывалъ въ своихъ лекціяхъ-проповѣдяхъ, и его воспитательное вліяніе особенно чувствовали питомцы „Дружескаго Общества“.

Въ основанномъ Шварцомъ „Собраніи университетскихъ питомцевъ“ студенты собирались для чтенія своихъ докладовъ на нравственно-религіозныя темы, взаимнымъ вліяніемъ поощряли въ себѣ стремленіе къ нравственному усовершенствованію, выбирали лучшіе образцы изъ различныхъ писателей для перевода и переводами составляли матеріалъ для журналовъ, которые, какъ было указано, всѣ издавались съ благотворительной цѣлью.

И долго еще послѣ смерти Шварца его слушатели и ученики съ благодарностью вспоминали его благотворное вліяніе.

На одномъ изъ собраній, посвященныхъ его памяти, одинъ изъ членовъ „Собранія“ такими словами опредѣлялъ значеніе учителя: „Шварцъ вперилъ все свое вниманіе на доставленіе въ университетѣ обучающемуся юношеству такихъ средствъ, по которымъ бы оно не только могло успѣвать въ наукахъ, но и жить по правиламъ благонравія. Почему, привязавъ къ себѣ оное своею любовію и безпримѣрнымъ снисхожденіемъ, завелъ и сіе нынѣ цвѣтущее и никогда неувядаемое общество, предписавъ ему два главнѣйшіе закона и двѣ спасительнѣйшія цѣли: первую, до просвѣщенія разума относящуюся, чтобы упражняться въ сочиненіяхъ разнаго рода и переводахъ наилучшихъ мѣстъ изъ древнихъ и новѣйшихъ писателей, и издавать въ свѣтъ годичный журналъ въ пользу бѣдныхъ; а вторую, непосредственно исправляющую наши испорченныя

[1]) Тихонравовъ, III, ч. I, с. 75.

склонности, чтобы при начатіи каждаго собранія поочереди говорить членамъ о какой-либо нравственности рѣчь; и тѣмъ бы самымъ, соединяяся между собой тѣснѣйшимъ узломъ любви и желанія къ достиженію столь величественной для юношества цѣли, могли мы сдѣлаться со временемъ, какъ для себя самихъ, такъ и для цѣлаго нашего любезнѣйшаго отечества полезными“ [1]).

Такія же воспоминанія о Шварцѣ сохранили и другіе его слушатели, память учителя среди нихъ всегда благоговѣйно чтилась; и, характерно, въ комнатѣ, гдѣ занимались питомцы „Дружескаго Общества“, по смерти Шварца былъ поставленъ его бюстъ, рядомъ съ изображеніемъ распятаго Христа.

Несомнѣнно, вліяніе Шварца на его слушателей и учениковъ было громадно, но это вліяніе не шло далѣе ихъ тѣснаго круга. Черезъ Шварца здѣсь знакомились съ философской и мистической литературой, черезъ него приходили розенкрейцерскія вѣянія, онъ давалъ примѣръ цѣльнаго міросозерцанія, гдѣ примирялись мистицизмъ и раціонализмъ, въ образованныхъ имъ учрежденіяхъ онъ воспитывалъ учениковъ въ духѣ христіанской добродѣтели. Вліяніе Шварца—это вліяніе талантливаго педагога, который не создалъ какой-либо особой школы философской или мистической, но помогъ сформироваться самостоятельнымъ убѣжденіямъ учениковъ. Организовать этихъ учениковъ въ идейное предпріятіе съ широкимъ общественнымъ значеніемъ — это было дѣло Новикова. Своей издательской и книгопродавческой дѣятельностью онъ придавалъ идейнымъ упражненіямъ питомцевъ „Дружескаго О-ва“ характеръ общественной работы.

По свидѣтельству всѣхъ сотоварищей, Новиковъ одинъ заправлялъ типографскими дѣлами, но не печаталъ только то, что считали важнымъ и необходимымъ питомцы О-ва, направляемые Шварцемъ. Выборъ переводовъ, заказываніе оригинальныхъ работъ въ большинствѣ случаевъ также лежали на Новиковѣ. Чтобы поощрять переводчиковъ, онъ покупалъ иной разъ два или три перевода одного и того же произведенія и лучшій печаталъ. Для этой же цѣли плата переводчикамъ и авторамъ по тѣмъ временамъ у Новикова была необычайно высокой. Въ выборѣ матеріала для печатанія несомнѣнно сказыва-

---

[1]) Пензд. рѣчи и стихи на смерть Шварца, цит. Тихонравова. Сочин., т. III, ч. 1, с. 72.

лась личная инициатива Новикова. При всемъ вліяніи на него Шварца здѣсь онъ сохранилъ много самостоятельности.

Шварцъ часто бывалъ недоволенъ своимъ другомъ, упрекая его въ холодности къ ордену, и эти упреки продолжались до самой смерти Шварца. Трудно сказать съ точностью, что было причиной размолвки друзей, въ чемъ Шварцъ видѣлъ „холодность“ Новикова, но, просматривая списки книгъ, изданныхъ Новиковымъ, поражаешься, какъ сравнительно немного въ ихъ числѣ книгъ мистическихъ и собственно масонскихъ, и, быть можетъ, Шварцъ былъ недоволенъ больше всего этимъ обстоятельствомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, изъ 420 книгъ, изданныхъ у Новикова до конца 1785 г., только три являются такими, за которыя правительство преслѣдовало Новикова: „Карманная книжка для вольныхъ каменщиковъ“, „Новая Киропедія“ и Іоанна Масона „О познаніи самого себя“, и то послѣдняя книга не можетъ считаться собственно масонской, хотя и пользовалась большимъ уваженіемъ въ ихъ средѣ.

Большинство масонскихъ книгъ печатались либо въ типографіи Лопухина, либо въ „тайной“ и, какъ показывалъ на слѣдствіи Новиковъ, „сіи книги печатаны были съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы ихъ употреблять только между собою, а въ продажу не употреблять“. Новиковъ указывалъ, что этихъ книгъ печатали по небольшому количеству экземпляровъ, и что даже наборщики, ихъ набиравшіе, были отдѣлены отъ остальныхъ [1]).

Можно дѣйствительно повѣрить этому показанію, такъ какъ въ спискѣ книгъ Новиковской лавки, составленномъ въ 1785 г. по приказанію Екатерины, совсѣмъ не встрѣчаются важныя изъ масонскихъ книгъ [2]).

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что въ цѣломъ книгоиздательствѣ Новикова масонскія книги были очень немногочисленными, и онѣ не могутъ дать право опредѣлить это книгоиздательство, какъ масонское. Вѣрно замѣчаніе Екатерины, что Новиковъ пользовался масонскими связями для распространенія книгъ въ провинціи, вѣрно и то, что его книги встрѣчались „отъ Риги до донскихъ станицъ“, но совсѣмъ невѣрно, что онъ распространялъ „сокровенныя книги“.

---

[1]) Лонгиновъ, с. 093.

[2]) См. Лонгиновъ, с. 252.

Какъ много людей воспользовались книгами Новикова, видно изъ того, что годовой доходъ книгоиздательства былъ свыше 40.000 р., а въ нѣкоторые годы и вдвое больше. Кромѣ того, видно, что нѣкоторыя книги, особенно учебныя, требовали повторенія изданія. На допросѣ Новиковъ свидѣтельствовалъ: „Мы ходячихъ и надежныхъ книгъ печатали по многу и по нѣскольку разъ; для примѣра донесу объ одной: юридическій словарь печатали, если не ошибусь, три или четыре раза, и помнится тысячи по три экземпляровъ“ [1]).

На ряду съ просвѣтительной работой въ московскомъ кружкѣ шла благотворительная. Прежде всего, она, конечно, была направлена на устройство въ Москвѣ студентовъ-питомцевъ „Дружескаго Общества“. Они получали содержаніе на счетъ Общества, нѣкоторые изъ нихъ были посланы учиться за границу. Таковы, напр., студенты Багрянскій, Колокольниковъ и Невзоровъ, которые за границей учились медицинѣ, таковъ молодой ученый Петръ Ивановичъ Страховъ, занявшій вскорѣ по возвращеніи профессорскую каѳедру въ Московскомъ у-тѣ.

Но и кромѣ студентовъ, бѣдные и больные изъ московскихъ жителей пользовались поддержкой изъ средствъ Общества. Помимо прямыхъ ассигновокъ на это дѣло, сюда же шли тѣ пожертвованія, какія получались на засѣданіяхъ масонскихъ ложъ. Мы мало знаемъ, насколько велика была эта сторона благотворительной дѣятельности Общества, но можно думать, что и здѣсь была планомѣрная организація.

Въ „Прибавленіяхъ къ Московск. Вѣдом.“ за 1784 г. есть особая статья о благотворительности, въ которой указывается, что мало здѣсь правительственныхъ организацій, общество должно завести свои и поставить дѣятельность этихъ учрежденій для помощи бѣднымъ на правильныя основанія, чтобы можно было помогать не случайно и подлинно нуждающимся. Вѣроятно, такая организація и была создана при Обществѣ, по крайней мѣрѣ, изъ біографіи отдѣльныхъ членовъ, напр., Лопухина, видно, что онъ усиленно былъ занятъ собираніемъ средствъ для помощи бѣднымъ и справками о нихъ. И Новиковъ на слѣдствіи показалъ, „что во всякомъ собраніи ложи собиралось на бѣдныхъ въ кружку, кто что хочетъ дать, и таковыя деньги, сколько ихъ собиралось, оставались въ этой ложѣ въ распо-

---

[1]) Лонгиновъ, с. 069.

ряженіи мастера ложи и членовъ, и что въ теченіе года собиралось, то и раздаваемо было не нищимъ, которые ходятъ по улицамъ, но освѣдомлялись о бѣдныхъ и больныхъ“ [1]).

На средства общества была создана и особая аптека, изъ которой бѣднымъ безплатно доставлялись лекарства. Для завѣдыванія ею изъ-за границы былъ выписанъ извѣстный фармацевтъ Френкель и пять провизоровъ, которые были подъ начальствомъ Френкеля. Они впослѣдствіи завели свои собственныя аптеки въ Москвѣ. Опять-таки и при организаціи аптеки были использованы масонскія связи съ заграницей для выписки лекарствъ. Благодаря такимъ непосредственнымъ сношеніямъ съ иностраннымъ рынкомъ, аптека Общества была въ Москвѣ образцовой. Лонгиновъ указываетъ, что изъ этой аптеки выходили и лекарственныя новости, и среди нихъ надолго знаменитыя Гофманскія капли.

Въ 1785 г. для помѣщенія аптеки и типографіи Общество пріобрѣло громадный Гендриковскій домъ на Садовой (теперь Спасскія казармы). Домъ этотъ вмѣстѣ съ аптекой и типографіей Общество оцѣнивало въ 150.000 рублей (на наши деньги свыше 500.000). Кромѣ аптеки и типографіи, въ немъ помѣстились вдова Шварца съ семьей, типографскіе рабочіе и служащіе, здѣсь же было помѣщеніе для розенкрейцерскихъ засѣданій.

Высшимъ проявленіемъ благотворительной дѣятельности московскаго кружка была помощь голодающимъ, организованная имъ въ 1787 г. Въ тотъ годъ четверть ржи стоила въ Москвѣ, по свидѣтельству кн. Щербатова, 7 руб., населеніе не только не могло обсѣменить своихъ полей, но ему даже нечѣмъ было прокормиться до будущаго года, и вотъ московскій кружокъ въ обширныхъ размѣрахъ началъ производить раздачу хлѣба нуждающемуся населенію. Главнымъ организаторомъ и иниціаторомъ въ этомъ дѣлѣ былъ Новиковъ. Вотъ его собственный разсказъ объ устройствѣ помощи голодающимъ.

„Распространившіеся общіе о семъ (голодѣ) слухи и ежедневно возраставшія и до непомѣрной дороговизны возвысившіяся въ Москвѣ на хлѣбъ цѣны, также и полученное мною изъ деревни нашей увѣдомленіе, что всѣ крестьяне претерпѣваютъ великій недостатокъ въ хлѣбѣ, заставили меня въ началѣ зимы поѣхать въ деревню, чтобы успѣть какое-нибудь сдѣлать

[1]) Лонгиновъ, с. 099.

распоряженіе заблаговременно. Дорогою до деревни вездѣ видѣлъ я тѣмъ слухамъ подтвержденіе. Въ деревнѣ у себя нашелъ я, что у крестьянъ не было уже ни хлѣба для пропитанія, ни корму для скота. Я роздалъ весь свой хлѣбъ, сколько его было, своимъ крестьянамъ, удѣля изъ онаго часть сосѣдскимъ крестьянамъ же, пришедшимъ по знакомству просить; но какъ сего очень было мало, то и употребилъ я бывшія тогда у меня занятыя съ братомъ на наши нужды деньги, всего помнится до 3.000 р., съ тѣмъ, чтобы куплено было на половину ярового хлѣба для сѣмянъ на слѣдующую весну, а на половину ржи для прокормленія; по удовольствованіи же своихъ крестьянъ, оставшійся хлѣбъ велѣлъ по малому числу раздавать приходящимъ бѣднымъ просителямъ. Сдѣлавъ такое распоряженіе, возвратился я въ Москву. Бывъ въ первый разъ еще въ жизни моей пораженъ ужасною картиною голода, былъ я чрезвычайно сильно этимъ тронутъ; натурально, что и разсказывалъ я случившимся у меня пріятелямъ, въ числѣ коихъ былъ и г. Походяшинъ (извѣстный богачъ-заводчикъ), о моей поѣздкѣ въ живыхъ выраженіяхъ.

„Нѣсколько спустя дней, пріѣхалъ ко мнѣ г. Походяшинъ и сказалъ, что онъ хочетъ поговорить со мной наединѣ. Чтобы сократить это, то онъ предложилъ мнѣ, чтобы я взялъ отъ него 10.000 р. на покупку хлѣба по тому точно расположенію, какое я сдѣлалъ; и что ежели сихъ денегъ будетъ мало, то онъ сколько сможетъ будетъ мнѣ давать и просилъ при томъ, чтобъ я это производилъ своимъ именемъ и далъ бы ему честное слово, никому объ немъ не сказывать. Я поѣхалъ уже въ деревню самъ и жилъ тамъ всю зиму и слѣдующую весну. Г. Походяшинъ передавалъ всего 50.000 руб., на которыя я закупилъ хлѣба и роздалъ просившимъ взаймы до слѣдовавшей осени, съ тѣмъ, чтобы деньгами или хлѣбомъ заплатили. Хлѣбъ раздаваемъ былъ съ свидѣтельствами и росписками. Всѣхъ казенныхъ и дворянскихъ селеній, изъ коихъ брали хлѣбъ, кажется не ошибусь, ежели скажу, было около ста. Посредствомъ сего хлѣба вся та окольность въ тотъ несчастный годъ прокормилась и весною всѣ поля обсѣяны были яровымъ хлѣбомъ“ [1]).

Новиковъ настолько увлекъ богатаго заводчика идеей помощи ближнимъ, что осенью онъ отказался взять обратно часть де-

[1]) Пекарскій, Дополненія, с. 144—145.

негъ, собранныхъ съ крестьянъ за взятый хлѣбъ, и рѣшилъ эти деньги обратить на постоянную помощь крестьянамъ. Новиковъ весь ушелъ въ организацію этого дѣла.

Возвращаемый крестьянами хлѣбъ и деньги были употреблены на образованіе особаго хлѣбнаго магазина для помощи въ случаѣ неурожая. Въ магазинѣ всегда имѣлось хлѣба на сумму до 10.000 р. Изъ него раздавался хлѣбъ нуждающимся, вплоть до 1792 г., и въ этомъ году за крестьянами въ долгахъ было хлѣба на 20.000 р.

Тѣхъ, кто не могъ уплатить долгъ хлѣбомъ или деньгами, Новиковъ привлекалъ на своего рода общественныя работы: сообща крестьяне дѣлали кирпичъ и изъ него начали строить каменное зданіе для хлѣбныхъ запасовъ, другіе обрабатывали особыя запашки, подъ которыя Новиковъ отвелъ землю въ своемъ имѣніи, и хлѣбъ, снятый съ нихъ, ссыпался въ общій магазинъ. Въ результатѣ образовалось необычайно солидное предпріятіе, въ которое были втянуты крестьяне сотни окрестныхъ селеній. „Посредствомъ обработанія полей,—свидѣтельствуетъ Новиковъ,—и расчистки побросанныхъ мѣстъ и посѣвъ хлѣба у меня въ деревнѣ увеличивался повсегодно, и увеличился почти до невѣроятнаго числа“ [1]). Взятую у Походяшина сумму въ 50.000 р. на организацію этого дѣла Новиковъ продолжалъ считать своимъ личнымъ долгомъ и надѣялся со временемъ выплатить ее. Но это предпріятіе Новикова показалось многимъ опаснымъ. Одни говорили, что такимъ путемъ онъ хочетъ привлечь къ себѣ для какихъ-то тайныхъ цѣлей простой народъ, другіе, качая головой въ изумленіи, рѣшали, что такая широкая помощь населенію возможна только для тѣхъ, кто дѣлаетъ фальшивыя ассигнаціи, и обвиняли въ этомъ Новикова и его сотоварищей-масоновъ.

Подъ вліяніемъ организаторскаго таланта Новикова ихъ дѣятельность далеко выходила за предѣлы тѣсной кружковой работы въ цѣляхъ личнаго усовершенствованія. Обширное издательное книгоиздательство и книготорговля, широкая просвѣтительная дѣятельность и благотворительность, и, наконецъ, послѣдняя организація общественной взаимопомощи на случай голода—были все яркими примѣрами, какіе результаты можетъ дать во всѣхъ областяхъ жизни свободное проявленіе просвѣщенной общественной инициативы.

---

[1]) Пекарскій, Дополненія, с. 146.

Власть уже давно опасливо поглядывала на московскихъ масоновъ, ихъ общественная дѣятельность, шедшая мимо предначертаній свыше, раздражала своими результатами, и этой общественной самодѣятельности былъ положенъ конецъ.

„Масонство было терпимо, пока высокопоставленныя лица занимались имъ для собственнаго развлеченія и забавлялись имъ, какъ игрушкой. На масонство не обращали особеннаго вниманія и тогда, когда оно обратилось къ работѣ внутренняго самоусовершенствованія и къ таинственнымъ алхимическимъ занятіямъ. Но масонство, какъ частное общество съ задачами общественнаго характера, какъ организованная общественная сила, располагавшая крупными денежными средствами, распространявшая черезъ своихъ членовъ „сокровенныя книги отъ Риги до донскихъ станицъ“, сильная своимъ вліяніемъ на общество и крѣпкая внутренними убѣжденіями,—это масонство было явленіемъ неслыханнымъ въ русской жизни. Оно занимало слишкомъ видную позицію, чтобы можно было дольше его игнорировать“ [1]).

[1]) Милюковъ, Очерки, ч. III, с. 367.

XX.

Отношеніе Екатерины къ масонству и вольтерьянству съ 70-хъ гг. XVIII в.

Уже въ первые годы царствованія Екатерины, когда она еще только мечтала создать блаженство всѣхъ и каждаго, чувствовалось разнорѣчіе между властью и обществомъ: власть не допускала никакихъ иныхъ принциповъ дѣятельности, кромѣ своихъ,—общество наполняло отвлеченныя формулы этихъ принциповъ своимъ содержаніемъ и стремилось къ самодѣятельности. Съ годами пропасть между властью и обществомъ становилась все шире и глубже. Общество, по примѣру власти, начало съ критики существующаго, но въ то время, какъ эта критика все глубже проникала въ толщу дѣйствительности, подходила къ самымъ основамъ ея, власть все болѣе успокаивалась и склонялась къ выводу, что все обстоитъ благополучно. И въ то время, какъ въ обществѣ происходила напряженная работа по выработкѣ новаго міросозерцанія, новыхъ идеаловъ, власть все болѣе суживала содержаніе своихъ принциповъ, провозглашенныхъ въ Наказѣ, все болѣе приспособляла ихъ къ существующему.

Къ половинѣ 70-хъ гг. власть вполнѣ опредѣлила свое положеніе. Къ этому времени Екатерина пережила уже Пугачевщину и изъ нея увидѣла только одно: необходимость создать сильную дворянскую власть на мѣстахъ. „Сломавъ рога сему звѣрю, мысли множествомъ вдругъ приходятъ“, писала она тотчасъ послѣ усмиренія бунта, и это множество мыслей вылилось въ „Учрежденіи о губерніяхъ“ 1775 г. Въ немъ ярко обнаружилась линія дворянско-бюрократическаго законодательства, которую Екатерина проводила въ свое царствованіе. Какъ будто бы это рѣшительно противорѣчило блаженству всѣхъ и

каждаго, о которомъ провозглашалось въ Наказѣ, но съ точки зрѣнія Екатерины тутъ противорѣчія не было: она искренно считала „Учрежденіе о губерніяхъ“ естественнымъ продолженіемъ идей Наказа и даже упомянула объ этомъ въ предисловіи къ новому „Учрежденію“. Съ тѣхъ поръ Екатерина необычайно энергично работала въ области переустройства внутренней жизни и все болѣе проникалась сознаніемъ непогрѣшимости своего здраваго смысла. Законодательная работа давала ей громадное самоудовлетвореніе. Въ 1779 г. она писала о себѣ Гримму: „Императрица чрезвычайно уединяется съ нѣкоторыхъ поръ. Она не имѣетъ минуты свободной. Она суетится, не двигаясь съ мѣста; 24 часа для нея слишкомъ коротки. Она много пишетъ, читаетъ, никуда не поспѣваетъ, работаетъ безъ-устали, однако менѣе, чѣмъ желала бы“ [1]).

Оглядываясь на прошлое, она умиляется теперь отъ созерцанія своихъ дѣлъ, считаетъ, что благо страны растетъ не по днямъ, а по часамъ. Въ 1781 г. гр. Безбородко составилъ для императрицы перечень дѣлъ ея царствованія за 19 лѣтъ. Вотъ этотъ безподобный бухгалтерскій отчетъ о трудахъ на благо народа:

Губерній устроено по новому образцу	29
Городовъ построено	144
Конвенцій и трактатовъ заключено	30
Побѣдъ одержано	78
Замѣчательныхъ указовъ, законодательныхъ и учредительныхъ издано	88
Указовъ для облегченія народа	123
Итого	492

Сообщивъ этотъ итогъ своему корреспонденту, Екатерина пишетъ: „Все это дѣла государственныя, никакое частное дѣло не попало въ этотъ списокъ, какъ вы видите. Ну, милостивый г., какъ-то вы довольны нами? Были ли мы лѣнивы?“ [2]).

Для своихъ законодательныхъ работъ Екатерина не выписываетъ теперь страницу за страницей изъ философовъ, какъ это она дѣлала, когда составляла Наказъ; общія философскія статьи теперь замѣняются болѣе опредѣленнымъ матеріаломъ: или это какой-нибудь наказъ или докладъ, представленный когда-то въ Комиссію, или это положительный законъ, который уже раньше

[1]) Сб. И. О., XXIII, 166.
[2]) Сб. И. О., XXIII, 216.

гдѣ-нибудь дѣйствовалъ, или спеціальный докладъ кого-нибудь изъ придворныхъ, кого Екатерина считала болѣе свѣдущимъ въ данномъ вопросѣ. Если ей и понадобится какая-нибудь руководящая нить, то она ищетъ ее не въ блестящихъ философскихъ трактатахъ, а въ какомъ-нибудь спеціальномъ трудѣ комментатора-юриста. Такъ, напр., при созданіи своего „Учрежденія о губерніяхъ“ она пользовалась дѣйствующими остзейскими законами, „Комментаріями на англійскіе законы“ Блекстона, дворянскими наказами и работами комиссіи „О правахъ благородныхъ“. И хотя въ ея законодательныхъ актахъ попрежнему не мало общихъ положеній, но на ряду съ ними много совершенно конкретныхъ опредѣленій. Отъ возможныхъ упрековъ, что текущее законодательство Екатерины слишкомъ противорѣчитъ ея прежнимъ философскимъ мечтаніямъ, она теперь забронирована соображеніемъ о непрактичности философовъ. Къ нимъ она теперь относится чуть ли не съ сожалѣніемъ, къ слову философъ обязательно прибавляетъ эпитетъ „бѣдный“.

Въ 1787 г., бесѣдуя съ Сегюромъ, императрица высказала ему: „Гораздо больше узнаешь, бесѣдуя съ простыми людьми о дѣлахъ ихъ, чѣмъ разсуждая съ учеными, которые заражены теоріями и изъ ложнаго стыда, съ забавной увѣренностью судятъ о тѣхъ вещахъ, о которыхъ не имѣютъ положительныхъ свѣдѣній. Жалки мнѣ эти бѣдные ученые!“

Особенно пренебрежительно относилась Екатерина къ представителямъ передовой и болѣе радикальной философской мысли. „Я разумѣю только старинный французскій языкъ, — говорила она, — а новаго не понимаю. Я хотѣла поучиться отъ вашихъ умныхъ господъ и испытала это; нѣкоторыхъ сюда къ себѣ пригласила, а иногда и къ нимъ писала. Они навели на меня скуку и не поняли меня, кромѣ одного только добраго моего покровителя Вольтера“ [1]).

Нѣсколько позже, въ 1790 г., Екатерина разъяснила, почему она такъ цѣнила Вольтера: онъ приверженецъ королевской власти и проповѣдуетъ порядокъ и спокойствіе. Поэтому Вольтера она долго еще называла своимъ учителемъ, противопоставляла его „новымъ“ философамъ, но и эти ссылки на авторитетъ Вольтера теперь дѣлались лишь по привычкѣ: въ Вольтера императрица теперь тоже не заглядывала.

---

[1]) Рус. Арх., 1899 г., I, 27.

Въ 1778 г., въ отвѣтъ на извѣстіе о смерти Вольтера, Екатерина писала Гримму: „Дайте мнѣ сто полныхъ экземпляровъ произведеній моего учителя, чтобы я могла размѣстить ихъ повсюду. Хочу, чтобы они служили образцомъ, хочу, чтобы ихъ изучали, чтобы ихъ выучивали наизусть, чтобы души питались ими; это образуетъ гражданъ, геніевъ, героевъ и авторовъ; это разовьетъ сто тысячъ талантовъ, которые безъ того потеряются во мракѣ невѣжества". Но это даже не порывъ горячаго чувства, это просто ловкая фраза привычнаго пера, потому что тутъ же рядомъ, за этими словами идетъ вопросъ: „Какова тирада?" Императрица просто любуется собой. Черезъ нѣсколько времени, когда было объявлено объ изданіи полнаго собранія сочиненій Вольтера, Екатерина тому же корреспонденту высказала свое смущеніе по поводу обширныхъ трудовъ „учителя": „Но послушайте, кто же въ силахъ прочесть 52 тома соч. Вольтера?" Поэтому она потребовала отмѣтить, что нужно прочесть, но на этомъ дѣло и окончилось: получивъ размѣченный экземпляръ соч. Вольтера, Екатерина даже не раскрыла его" [1]).

Эта эмансипація отъ теоретическихъ положеній философской мысли давала Екатеринѣ возможность считать непогрѣшимой свою законодательную практику. Все, что сдѣлано ею, безусловно хорошо. Она смѣло и категорически разбираетъ порядки другихъ странъ, свысока оцѣниваетъ ихъ, всюду подчеркиваетъ превосходство своихъ учрежденій.

Въ 1780 г. Екатерина была занята вопросами народнаго образованія. Ей указали на примѣръ Англіи, гдѣ было больше всего народныхъ училищъ. Примѣръ для нея показался совсѣмъ неубѣдительнымъ: дѣло не въ количествѣ школъ въ государствѣ, а въ ихъ качествѣ. „Четыре тысячи даровыхъ школъ еще не сдѣлаютъ людей умнѣе", категорически заявляетъ Екатерина. Въ 1782 г. въ Россіи началась дѣятельность „Комиссіи народныхъ училищъ", а черезъ два года еще Екатерина уже хвалилась: „Знаете ли вы, или не знаете, что мы имѣемъ здѣсь въ Петербургѣ десять нормальныхъ школъ въ одинъ годъ и въ этихъ десяти школахъ болѣе 1.000 учениковъ" [2]).

Десять нормальныхъ школъ лучше 4.000 англійскихъ потому,

---

[1]) Сб., II. О. XXIII, с. 278 и 334.
[2]) Сб., II. О. XXIII, 301.

что заведены самой императрицей. Тотъ же эпитетъ—„бѣдный“, какой Екатерина прилагала теперь къ слову философъ, она прилагаетъ и къ правительству другихъ странъ. Въ 1787 г. она пишетъ, напр., о Франціи: „Бѣдные люди! Они хотятъ быть моими друзьями. Мнѣ право очень, очень жаль, что они внутренно и наружно такъ больны сердцемъ и слабы“ [1]).

Когда во Франціи собирается совѣтъ нотаблей, Екатерина сейчасъ же проводитъ параллель съ своей комиссіей и находитъ, что послѣдняя была неизмѣримо выше: „Мысль о депутатахъ была превосходна; мое собраніе депутатовъ вышло удачнымъ, оттого что я сказала имъ: „Знайте, вотъ каковы мои начала“ [2]).

И такъ она говоритъ по поводу каждаго случая, и вездѣ ея рѣчь звучитъ непобѣдимымъ сознаніемъ превосходства своей политики. Съ половины 80-хъ гг. въ Западной Европѣ уже чувствовалось предреволюціонное настроеніе, уже прорывалась временами тревога за прочность существующаго порядка — въ это время Екатерина подчеркивала, что ея государство стоитъ незыблемо, именно потому, что политика императрицы направлена къ его укрѣпленію: „Россійское государство не можетъ пасть, потому что мы добиваемся порядка, находимъ и утверждаемъ его, и надо сознаться, что это государство стоитъ твердо“, писала Екатерина въ 1785 г. [3]).

Отсюда у Екатерины рождались грандіозные планы во внѣшней политикѣ. Какъ извѣстно, во вторую половину своего царствованія она носилась съ греческимъ проектомъ, но ея замыслы шли еще дальше: „Я не умру безъ того, пока не выгоню турокъ изъ Европы, не усмирю гордость Китая и съ Индіей не осную торговлю“, говорила Екатерина.

А Державинъ въ своихъ запискахъ указываетъ и еще большее, что будто бы Екатерина говорила: „Если бы я прожила 200 лѣтъ, то бы, конечно, вся Европа подвержена была россійскому скипетру [4]).

Вполнѣ понятно поэтому, что власть нетерпимо относилась къ тѣмъ начинаніямъ общества, которыя шли помимо ея пред-

---

[1]) Сб., II. О. XXIII, 413.
[2]) Сб., II. О. XXIII, 403.
[3]) Сб., II. О. XXIII, 336.
[4]) Соч., изд. Грота, VI, с. 632.

начертаній. Даже въ томъ случаѣ, если общество только опережало починъ власти въ томъ или другомъ дѣлѣ, но всецѣло хотѣло дѣйствовать по ея указаніямъ, власть рѣзко обрывала такія проявленія общественной самодѣятельности.

Какъ извѣстно, въ „Учрежденіи о губерніяхъ“ былъ созданъ особый органъ для завѣдыванія дѣлами просвѣщенія—Приказъ общественнаго призрѣнія. И вотъ, когда дворянскія собранія Тверской и Калужской губерній, идя навстрѣчу власти, провели постановленія объ открытіи школъ, Екатерина выразила губернаторамъ этихъ губерній свое недовольство за „преждевременное“ усердіе дворянъ.

Въ 1777 г., какъ уже было указано, Новиковъ положилъ въ Петербургѣ начало учебнымъ заведеніямъ. Имъ были созданы двѣ школы, Екатерининская и Александровская, и духовенство поддержало его починъ. Въ это время власть демонстративно уклонилась отъ всякаго участія въ Новиковскихъ школахъ. Какъ бы оправдываясь въ такомъ отрицательномъ отношеніи къ школьному дѣлу, починъ въ которомъ принадлежалъ не самой власти, Екатерина въ 1780 г. писала Гримму: „Никогда не принудятъ меня бояться образованнаго народа, но когда-то еще онъ сдѣлается такимъ, и когда между образованными людьми переведутся негодяи, съ ложнымъ направленіемъ и кривыми взглядами, люди, способные скорѣе все испортить, чѣмъ хорошо дѣйствовать?“ [1]).

Съ этой точки зрѣнія власти заранѣе уже были осуждены всѣ, кто не дожидался указанія свыше, что ему дѣлать, и пытался самостоятельно выполнить свой общественный долгъ.

Къ числу людей съ „кривыми взглядами“ Екатерина отнесла и масоновъ. Она не могла не обратить на масоновъ вниманія уже потому, что среди ея придворныхъ и секретарей былъ цѣлый рядъ масоновъ: таковы Елагинъ, Храповицкій, Мелиссино, графы Чернышовы, гр. Брюсъ, кн. Рѣпнинъ, Воронцовъ, Строгановъ и др. Въ иностранныхъ источникахъ разсказывается даже, что часто на вопросъ Екатерины, гдѣ тотъ или другой изъ ея придворныхъ, отвѣчали, что онъ засѣдаетъ въ ложѣ. При раціоналистическомъ складѣ мышленія Екатерины, когда ни въ письмахъ ея, ни въ ея литературныхъ произведеніяхъ не встрѣчается ни одного образа, ни одной метафоры, ей совершенно

[1]) Сб. И. О., XXIII, 193.

было чуждо все мистическое и символическое. Не понимая его, она уже заранѣе предубѣжденно подходила къ масонству, заранѣе ничего не видѣла въ немъ, кромѣ „нелѣпости“. И это предубѣжденіе въ ней окончательно укрѣпилось, когда она заглянула въ масонскую литературу. Знакомиться съ ней она стала еще тогда, когда въ русскомъ масонствѣ преимущественно обращали вниманіе на обрядность. То масонство, съ которымъ она впервые столкнулась, было масонствомъ придворнаго круга, еще чуждаго тѣмъ возвышеннымъ стремленіямъ, какія развились въ немъ впослѣдствіи. Екатерина сама не разъ разсказывала, что она вынесла изъ масонской литературы. Вотъ одинъ изъ такихъ разсказовъ.

„Для удовлетворенія любопытства больного (И. И. Шувалова), я принялась читать всѣ глупости и нелѣпости масонскія, и такъ какъ это доставляло мнѣ множество матеріала, чтобы подшучивать, по крайней мѣрѣ, надъ сотней лицъ въ день, господа члены братства поспѣшили просвѣтить меня поболѣе, полагая такимъ образомъ привлечь меня на свою сторону. Всѣ стряпуны прислали мнѣ самую свѣжую горчицу всѣхъ странъ и сектъ и, между прочимъ, новыя ребячества отъ васъ.

„Форма этого притворства, увеличивая конечный результатъ случаевъ лицемѣрія въ этомъ мірѣ, совокупляетъ религіозныя обряды съ дѣтской игрой; она носитъ на себѣ неопровержимую санкцію той страны, гдѣ зародилась, т.-е. страны, кишащей монастырями, конгрегаціями, регулярными и иррегулярными, канониками, аббатствами и проч. Всѣ лица, къ нимъ принадлежащія, даютъ тамъ самые превосходные обѣты. Польза для человѣчества отъ этихъ учрежденій была, однако, такъ убѣдительно доказана въ странахъ самыхъ просвѣщенныхъ, что послѣдовательными усиліями старались уменьшить ихъ число; *кто дѣлаетъ добро для добра, тому зачѣмъ обѣты, притворство съ переодѣваніемъ, столько же суетнымъ, какъ и смѣшнымъ?*“ [1]).

Здѣсь уже высказано главное обвиненіе масонству, которое предъявлялось къ нему со всѣхъ сторонъ. Дальнѣйшее знакомство императрицы съ масонствомъ только усилило въ ней первоначальное неблагопріятное впечатлѣніе. До нея доходили разсказы о чудесахъ Сведенборга, одного изъ темныхъ героевъ

---

[1]) Сб. И. О., XXIII, 168—69. Цит. Гротъ, II, 58—59.

масонства, она замѣчала среди окружающихъ, какъ они сами жадно искали таинственнаго, и наконецъ, она имѣла случай наблюдать фокусы Каліостро, который въ концѣ 1779 г. и въ началѣ 1780 г. былъ въ Петербургѣ.

Этого Каліостро Екатерина сейчасъ же тѣсно связала со всѣми русскими масонами. Въ 1781 г. въ письмѣ къ Гримму по этому поводу она писала: „Каліостро пріѣхалъ въ весьма благопріятную для него минуту, въ минуту, когда нѣсколько масонскихъ ложъ, напитанныхъ ученіемъ Сведенборга, непремѣнно желали видѣть духовъ; итакъ, они бросились къ Каліостро“ [1]).

Петербургскихъ масоновъ Каліостро дѣйствительно увлекъ своими ловкими алхимическими фокусами, вызываніемъ духовъ и тѣней умершихъ, многихъ заразилъ надеждой на быстрое обогащеніе, обѣщая научить дѣлать золото, и въ ихъ числѣ самого великаго мастера Елагина, секретаря Екатерины, и гр. Строганова. Тогда же обнаружились многія изъ его продѣлокъ, чтобы обмануть легковѣрныхъ и попользоваться ихъ средствами, начались скандалы, испанскій посолъ публично заявилъ, что на службѣ его государя нѣтъ полковника Каліостро, какъ себя называлъ этотъ проходимецъ, вмѣшались власти, и въ 1780 г. Каліостро былъ высланъ изъ Петербурга. Выше уже указывалось, что чудеса Каліостро не заразили серьезныхъ изъ масоновъ, въ частности московское масонство отнеслось къ нимъ отрицательно, но Екатерина не разбиралась въ этихъ различіяхъ между петербургскими и московскими братьями. Впечатлѣнія отъ дѣятельности Каліостро тѣсно ассоціировались у императрицы съ тѣми, какія она извлекла изъ знакомства съ масонской литературой, и, конечно, были распространены на всѣхъ масоновъ вообще. Теперь, несомнѣнно, ея понятія о масонствѣ пополнились яркимъ матеріаломъ: раньше она видѣла въ масонствѣ только нелѣпую игру, теперь она рѣшила, что въ эту игру заманиваютъ легковѣрныхъ особые мошенники, чтобы обобрать ихъ. Такъ въ ея представленіи явилось раздѣленіе на обманщиковъ и обманутыхъ въ масонствѣ. А такъ какъ Екатерина считала своей спеціальностью разсѣивать обманъ, то въ 1780 г. появилась ея брошюра „Тайна противонелѣпаго общества, открытая непричастнымъ оному“. Здѣсь представлена пародія на

[1]) Сб. И. О., XXIII, 212.

масонскіе обряды въ трехъ частяхъ: 1) Извѣстіе о началѣ Противонелѣпаго Общества, 2) Обрядъ принятія и 3) Катехизисъ. Въ Извѣстіи о началѣ общества сказано, что „общество сіе начало свое воспріяло въ то самое время, въ которое общій разсудокъ (т.-е. здравый смыслъ) въ свѣтъ вышелъ". Здравый смыслъ здѣсь вездѣ противополагается масонскимъ символамъ и обрядамъ.

Вотъ, напр., какъ описывается „ложа принятія": „Ложа принятія должна быть комната, которая отнюдь бы не походила на корчму (намекъ на столовыя ложи), а тѣмъ менѣе на лавку площадныхъ врачей (намекъ на черепъ и инструменты, какіе бывали въ ложѣ). Мушьи ножки, начерченыя мѣломъ, и прочія дѣтскія игрушки или шалости навсегда изъ оной изгнаны (намекъ на масонскій чертежъ)".

„Принимаемый входитъ со своимъ вводителемъ, не имѣя глазъ завязаныхъ и во всей одеждѣ, для того, что почитается неучтиво и неблагопристойно въ частной бесѣдѣ быть обнаженнымъ"—здѣсь насмѣшка надъ масонскимъ обрядомъ вводить посвящаемаго съ закрытыми глазами, съ обнаженной грудью и колѣномъ.

Затѣмъ посвящаемаго въ Противонелѣпое Общество подводятъ къ корзинѣ, наполненной разными тетрадями. Посвящаемый одну за другой достаетъ ихъ, читаетъ ихъ заглавія и отвѣчаетъ, что все это скучно, глупо, нелѣпо.

Въ заглавіяхъ тетрадей осмѣивается туманное содержаніе масонскихъ сочиненій, напр., „сказка о кикиморахъ, о бабѣ Ягѣ, въ которой нѣтъ ни капли общаго разсудка и коими надъ людьми издѣваются",—здѣсь насмѣшка надъ исторіями о происхожденіи масонства.

Въ такомъ же духѣ составленъ и Катехизисъ „Противонелѣпаго Общества". Цѣль этого общества начальникъ объясняетъ такъ: „Государь мой! наше общество не посылаетъ своихъ денегъ къ чужестранцамъ;—мы дружелюбно и весело вмѣстѣ ужинаемъ; теперь отъ васъ зависитъ число наше умножить; другой разъ вы заплатите вашъ рубль. Если у насъ остаются деньги, мы помогаемъ ими бѣднымъ людямъ, которые съ нами въ одной землѣ живутъ. Не забывайте никогда, что человѣческій здравый разсудокъ препятствуетъ видѣть мечтанія, а разумъ вдаваться въ небылицы". Въ этомъ указаніи на задачи Противонелѣпаго Общества сведены всѣ главныя обвиненія, какія Екатерина

предъявляла масонству: 1) нелѣпая обрядность, 2) посылка денегъ за границу, 3) ненужность тайны для добрыхъ дѣлъ, и въ общемъ всѣмъ рекомендуется больше полагаться на здравый смыслъ, чѣмъ на какія-то фантастическія откровенія тайны. Изъ содержанія этой брошюры очевидно, что императрица была знакома лишь съ внѣшностью масонства и въ ней именно видѣла весь его смыслъ. Можно думать, что это произведеніе было написано еще раньше 1780 г., до знакомства Екатерины съ Каліостро, потому что здѣсь масонству не предъявлено еще обвиненія въ корыстномъ шарлатанствѣ. Около этого же времени, въ 1784 г., въ Петербургѣ, вѣроятно при содѣйствіи власти, появились еще двѣ книжки противъ масоновъ: „Мопсъ безъ ошейника и безъ цѣпи, или свободное открытіе таинствъ общества, именующагося Мопсами“ и „Масонъ безъ маски“. Обѣ книжки переводныя; въ первой, какъ и у Екатерины, дана пародія на масонскіе обряды, съ той только разницей, что здѣсь въ вину масонамъ поставлена еще нравственная распущенность; вторая книжка даетъ очень вѣрное описаніе дѣйствительныхъ масонскихъ обрядовъ, но авторъ вездѣ ихъ высмѣиваетъ и подчеркиваетъ, что, кромѣ этихъ обрядовъ, никакихъ тайнъ въ масонствѣ нѣтъ. Такимъ образомъ, на первыхъ порахъ всѣ обвиненія, предъявленныя масонству, касались лишь его обрядовъ и внѣшней формы его ученій; во всемъ этомъ обвинители видѣли нелѣпость, противную здравому смыслу, но пока не находили въ масонствѣ ничего злостнаго и только смѣялись надъ нимъ.

Толки о чудесахъ Каліостро, просвѣтительныя предпріятія московскихъ масоновъ и придворные слухи объ ихъ дѣятельности дали Екатеринѣ новый матеріалъ и зародили въ ней первыя подозрѣнія. Въ 1785 г. она была лично въ Москвѣ, главнокомандующимъ въ это время былъ гр. Брюсъ, очень враждебно относившійся къ московскимъ масонамъ, и онъ, безъ сомнѣнія, указывалъ Екатеринѣ на „вредную“ дѣятельность Новиковскаго кружка. Новыя свѣдѣнія и новое настроеніе императрицы по отношенію къ масонамъ и проявились въ ея новыхъ литературныхъ произведеніяхъ. Въ 1785 г. она написала двѣ комедіи „Обманщикъ“ и „Обольщенный“, а въ серединѣ слѣдующаго года и еще одну—„Шаманъ Сибирскій“.

Въ первой комедіи центральнымъ лицомъ является Калифалкжерстонъ, который, какъ указывала сама императрица въ перепискѣ, „весьма живо представляетъ Каліостро“.

Это заѣзжій шарлатанъ, который морочитъ русскую легковѣрную публику: говоритъ всегда наборомъ безсмысленныхъ словъ и тѣмъ вызываетъ у слушателей особое почтеніе къ своему уму, вызываетъ духовъ и въ присутствіи другихъ бесѣдуетъ съ ними на томъ же языкѣ и, главное, варитъ золото, для чего выманиваетъ у простаковъ настоящее золото. Въ обрисовкѣ этого заѣзжаго мага и алхимика, надо отдать справедливость, императрица мѣтко воспользовалась языкомъ масонскихъ сочиненій и ихъ страстью къ символамъ и аллегоріямъ. Калифалкжерстонъ, какъ и подлинный Каліостро, ссылается на свое древнее рожденіе, еще во времена Александра Македонскаго, говоритъ о своемъ могуществѣ. При каждой его рѣчи все срываются у него какъ разъ тѣ слова, которыя были особенно ходовыми въ мистическихъ рукописяхъ. Говоря, напр., о свойствахъ человѣка, онъ указываетъ: „Тутъ находятся лучи, пламень, бытіе, количество, свойство съ сопротивностями, коп воображенію и смыслу открываютъ обширныя поля“. Простодушная публика, стыдясь признаться, что она ничего не понимаетъ, благоговѣйно внимаетъ этому безсмысленному набору словъ. Точно такъ же, занимаясь варкой золота, онъ, какъ въ цитированномъ выше изъ дневника розенкрейцера рецептѣ приготовленія золота, говоритъ: „Три мѣсяца, какъ уже котелъ съ чистымъ золотомъ на огнѣ и день и ночь кипитъ; дней черезъ семнадцать, т.-е. при рожденіи новаго мѣсяца, я его сниму съ очага при свидѣтеляхъ, и тогда окажется неисчерпаемое богатство, въ немъ теперь зрѣющее“. Какъ въ масонскихъ книгахъ, Калифалкжерстонъ все время связываетъ міръ людей съ міромъ духовъ, говоритъ о тайнѣ вселенной, о возможности прочитать судьбу людей тѣмъ, кто эту тайну постигъ, указываетъ на таинственный смыслъ словъ, на священное значеніе чиселъ и т. п. Но во всемъ остальномъ своемъ содержаніи комедія грубо пересаливаетъ: всѣ масоны представляются безтолковыми людьми, которыхъ морочитъ ловкій обманщикъ, всѣмъ имъ приписывается стремленіе дѣлать золото, гадать по звѣздамъ, узнавать тайны отъ духовъ. И заключительныя слова комедіи прямо объявляютъ все масонство однимъ изъ тѣхъ обмановъ, какіе издавна практиковались шарлатанами: „Обманъ сей въ свѣтѣ, чаю, не есть новый... но едва не беретъ ли онъ по временамъ на себя виды только разные... Разуменъ тотъ изъ насъ, кто не всегда по модѣ слѣдуетъ предубѣжденію“.

Серьезнѣе взглянула Екатерина на масонство во второй комедіи „Обольщенный“. Общая конструкція ея та же, что и въ первой: русскій дворянинъ, путешествуя по чужимъ краямъ, встрѣтился съ обманщикомъ, и тотъ увлекъ его въ свое общество. Здѣсь даже не одинъ обманщикъ дѣйствуетъ, а цѣлая группа; занимаются они тѣмъ же, что и Калифалкжерстонъ, но главное вниманіе въ комедіи сосредоточено не на нихъ, а на обольщенномъ. Въ его лицѣ показаны тѣ пагубныя вліянія, какія производитъ на людей масонство.

Обольщенный Радотовъ былъ когда-то хорошимъ семьяниномъ, веселымъ членомъ общества, полезнымъ гражданиномъ, но съ тѣхъ поръ, какъ въ дорогѣ онъ столкнулся съ масономъ и вступилъ въ его общество, онъ перемѣнился до неузнаваемости: онъ потерялъ вкусъ къ жизни, радуется своимъ болѣзнямъ и увѣряетъ, что „болѣзнь есть благое самое состояніе“, онъ всѣхъ дичится, „онъ уклоняется отъ того, что намъ кажется хорошо, весело, пріятно: равномѣрно отъ людей и дѣлъ“. „На прошедшей недѣли пропали у насъ часы со стола,—разсказываетъ жена обольщеннаго,—у меня табакерка; пришли ему про то сказать; онъ съ улыбкой молвилъ только: хорошо, кому ни есть годятся“. Эти слова—вполнѣ опредѣленный личный намекъ на Гамалѣю, одного изъ друзей Новикова и ревностнаго масона. Онъ въ своей частной жизни дѣйствительно осуществлялъ идею воздержанія отъ мірскихъ благъ и непротивленія злу. Когда ему по службѣ пожаловали 300 душъ крестьянъ, онъ отказался, заявивъ, что и съ одной своей душой справиться не умѣетъ. Слуга укралъ у него деньги, а когда вора поймали и привели къ нему, онъ отпустилъ его на волю, подаривъ ему украденныя деньги со словами: „Видно не суждено мнѣ владѣть крѣпостными“.

Когда однажды ночью на улицѣ воры отняли у него кошелекъ и деньги, онъ пришелъ домой спокойно и молился, чтобы воры не во зло употребили украденное. Стало быть, въ свою комедію Екатерина прямо включила реальный фактъ, извѣстный тогдашнему обществу. Уйдя отъ міра, Радотовъ или сидитъ одиноко, погруженный въ созерцаніе своихъ переживаній, или вмѣстѣ съ новыми друзьями варитъ золото, пытается вызвать духовъ, старается проникнуть въ таинства каббалы.

Жена говоритъ про него: „Углубясь въ мысли, сидитъ на стулѣ; передъ нимъ на столѣ лежитъ раскрытая книга. Читаетъ ли онъ или нѣтъ, того не знаю, но когда я вхожу, онъ меня

не слышитъ и не видитъ, и нахожу его обыкновенно глаза утупя на одномъ мѣстѣ, недвижимъ, точно аки написанъ на картинѣ".

Резонеръ комедіи отзывается о немъ такъ: „Я его почитаю обманутымъ... Онъ доискивается вещей такихъ, кои давно въ свѣтѣ извѣстны, что найти нѣтъ возможности, и точно всего того, что изстари замыкалось подъ разумнымъ словомъ сусмудрія... Онъ варитъ золото, алмазы, составляетъ изъ росы металлы, изъ травъ нивѣсть что: домогается притомъ имѣть свиданіе съ какими-то невидимками, посредствомъ разныхъ шалостей и сущихъ ребячествъ, коимъ разумный свѣтъ прежнихъ вѣковъ и нынѣшняго смѣется... Голову свернули ему кабалическія старыя бредни; для разобранія какихъ-то цифровъ досталъ онъ еврейскаго учителя, котораго онъ почитаетъ за весьма великаго знатока", а на самомъ дѣлѣ „сей бѣдный жидъ потаенно здѣсь торгуетъ въ Лоскутномъ ряду".

Зараза черезъ Радотова идетъ и на окружающихъ: его дочь убѣжденно говоритъ, что во всемъ и вездѣ обитаютъ незримые духи, потому она говоритъ съ цвѣтами, цѣлуетъ ихъ лепестки, спрашиваетъ совѣта у луны и звѣздъ, все надѣется „слышать гласа живущихъ во стихіи". И все оттого, что „вдалась она нынѣ въ чтеніе тѣхъ книгъ, кои покупаютъ многіе по одной модѣ, въ коихъ поистинѣ я не нахожу ни смысла точнаго, ни разсудка здраваго".

И въ то время, какъ хозяинъ съ дочерью занимаются масонскими бреднями, его новые друзья, масоны, не дурно живутъ на его счетъ, обираютъ его при каждомъ удобномъ случаѣ и, наконецъ, взломавъ ларецъ съ деньгами и бумагами, похищаютъ ихъ и скрываются съ похищеннымъ.

Такова фабула комедіи. По отдѣльнымъ описаніямъ дѣйствующихъ лицъ, по разсказамъ объ ихъ дѣйствіяхъ виденъ весь процессъ творчества Екатерины.

Раньше она читала описанія масонскихъ обрядовъ, заглядывала для потѣхи въ ихъ мистическія книги, потомъ знакомилась съ фактами, касающимися масоновъ, знакомилась, какъ видно, изъ вторыхъ рукъ, больше по наслышкѣ; изъ этихъ фактовъ, съ одной стороны, она восприняла всѣ разсказы о чудесахъ Каліостро, съ другой—о просвѣтительной и благотворительной дѣятельности Новиковскаго кружка и, смѣшавъ теперь все это воедино, представила въ лицахъ.

Въ результатѣ картина масонства въ представленіи Екатерины получилась такая: въ основѣ его одинъ обманъ, конечная цѣль котораго дать возможность ловкимъ шарлатанамъ обобрать довѣрчивыхъ богачей. Они ничего другого не хотятъ, какъ взломать денежный ларецъ и украсть его содержимое. Но чтобы вкрасться въ довѣріе богатой публики, они затуманиваютъ ея голову мистической литературой, манятъ обѣщаніемъ научить, какъ дѣлать золото, а кромѣ того, они заводятъ благотворительныя разныя заведенія. Такъ Екатерина объяснила всю общественную дѣятельность московскихъ масоновъ. Она не склонна считать ихъ самихъ обманщиками: настоящіе обманщики въ комедіи—люди заѣзжіе изъ чужихъ краевъ, но она считаетъ ихъ всѣхъ одураченными. Чтобы вернуть имъ природный здравый смыслъ, она и писала свою комедію. Кромѣ высмѣиванія нелѣпостей масонскихъ обрядовъ, она сдѣлала здѣсь и серьезныя возраженія противъ масонства. Прежде всего противъ нравственнаго ученія масонства императрица возразила, что оно вредно вліяетъ на общественную природу человѣка: отвлекаетъ его отъ семьи, отъ друзей, отъ общества и дѣлаетъ его эгоистомъ. Въ комедіи Радотовъ говоритъ о тѣхъ радостяхъ, какія ему даетъ уединеніе: „Я въ счастливомъ самомъ состояніи, я въ бесѣдахъ самыхъ лучшихъ... Для меня теперь хотя... жена, дѣти, родня, друзья умри, все сіе меня не тронетъ болѣе“. На это резонеръ разражается такимъ обвиненіемъ: „Это называется предпочитать своевольное хотѣніе инымъ уваженіямъ и, отвратя глаза отъ всего свѣта, обратить взоръ на одного только себя. Всѣ твои домашніе справедливо отревожены твоимъ состояніемъ; ты отъ нихъ вовсе, какъ внутренно, такъ и снаружи отдѣляешься. Позволь сказать, что съ ужасомъ я смотрю на твой новый образъ мысли: онъ истребляетъ въ тебѣ равномѣрно естественныя связи и рожденныя съ человѣкомъ чувства“.

Другое серьезное обвиненіе—это „*тайная*“ благотворительность. Когда въ комедіи разсказывается, что масоны „въ намѣреніи имѣютъ потаенно заводить благотворительныя разныя заведенія, какъ-то: школы, больницы и тому подобное, и для того стараются привлекать къ себѣ богатыхъ людей“, резонеръ отвѣчаетъ: „Дѣла такого рода на что производить сокровенно? когда благимъ узаконеніемъ открыты всевозможныя у насъ къ такимъ установленіямъ удобства“.

Первое обвиненіе, что масонство „истребляетъ равномѣрно

естественныя связи и рожденныя съ человѣкомъ чувства", было бы весьма существенно, если бы вѣрно было представленіе Екатерины объ аскетическомъ и индивидуалистическомъ направленіи масонской морали, но, какъ было указано выше, масонство какъ разъ протестовало противъ аскетизма и требовало дѣятельной любви къ людямъ.

Второе обвиненіе формулировано очень неточно: масонство нельзя было обвинить, что оно „потаенно" заводитъ школы и больницы, потому что всѣ эти учрежденія существовали въ Москвѣ оффиціально, и о нихъ печатались для всеобщаго свѣдѣнія отчеты, но ясно, что хотѣла сказать имъ Екатерина: она негодовала на то, что московскій кружокъ въ своей дѣятельности шелъ не въ рамкахъ правительственныхъ предначертаній. Это и высказано въ заключительныхъ словахъ обвинительной реплики комедіи: „Колико отдаляется въ жизни кто отъ принятыхъ уже повсюду правилъ, толико приближается онъ къ колобродному воображенію". Въ этомъ, очевидно, и заключался центръ тяжести правительственныхъ негодованій на московское масонство: всякій, кто ходитъ не по указкѣ власти, только колобродитъ, и это положеніе вполнѣ послѣдовательно вытекаетъ изъ всей сущности абсолютной власти. Абсолютная власть и общественная инициатива вездѣ и во всѣ времена были несоединимыми понятіями. Было очевидно, что раздраженіе власти противъ новиковскаго предпріятія все накоплялось. Обѣ комедіи уже не удержались на позиціи литературной борьбы: въ концѣ той и другой вмѣшивается въ дѣло полиція, и герои комедіи, которые обманывали публику, предаются уголовному суду, а, по вѣрному замѣчанію Пыпина, „съ уголовнымъ судомъ комизмъ прекращается".

Повторилась та же исторія, которая была указана для литературной полемики екатерининскаго журнала „Всякой Всячины" съ сатирическимъ журналомъ новиковскаго типа: грозный окрикъ власти уже слышенъ въ литературныхъ возраженіяхъ противнику.

Но тамъ, во „Всякой Всячинѣ", этотъ грозный окрикъ вышелъ совсѣмъ неудачнымъ, въ немъ самомъ было что-то комическое, потому что его нельзя было ничѣмъ оправдать въ той атмосферѣ чисто литературной борьбы. Теперь Екатерина нашла ему оправданіе, и не простое, а философское и, какъ это ни странно, императрица почерпнула его въ Энциклопедіи,

той самой Энциклопедіи, которая вся насквозь проникнута протестомъ противъ всякаго гнета, откуда бы онъ ни шелъ, со стороны ли государства или со стороны церкви. Именно въ статьѣ Théosophes Екатерина прочла: „Теософамъ удалось бы потушить духъ изслѣдованія и открытій и снова погрузить насъ въ варварство, если бы правительство ихъ поддерживало, какъ они того желаютъ".

На этой статьѣ Екатерина, какъ она сама указывала, построила свою третью комедію „Шаманъ Сибирскій". Изъ трехъ она едва ли не самая слабая и новаго, сравнительно съ первыми, она по существу ничего не вносила. Такъ же, какъ и въ первыхъ двухъ, изъ Сибири пріѣхалъ шаманъ, такъ же обманываетъ легковѣрную публику и все тѣми же способами и такъ же потомъ попадаетъ въ руки полиціи. Но тонъ раздраженія, уже замѣтный сквозь смѣхъ и въ первыхъ комедіяхъ, здѣсь явно заглушаетъ смѣхъ. Шаманъ заводитъ особую школу: „въ задней горницѣ, по стѣнкѣ, посадилъ на лавкахъ множество молодцовъ, передъ ними нагромоздилъ досокъ наподобіе налоя, и они дѣлаютъ нивѣсть выписи, или что-то списываютъ; и пока пишутъ, онъ двери запираетъ ключомъ". И этого шамана полиція беретъ уже не только за обманы и шарлатанства, а именно за то, что онъ „завелъ шаманскую школу".

И резонеръ комедіи, вмѣсто доводовъ отъ здраваго смысла, больше приводитъ все доводы отъ власти и силы: „Какъ свѣдаютъ доподлинно,—говоритъ онъ,—колико его ученіе не сходствуетъ съ общимъ установленіемъ, то достанется и тому, кто привезъ лжеучителя", и даетъ тутъ же совѣтъ своему пріятелю: „Какъ бы то ни было, совѣтую тебѣ дружески: поѣзжай, братъ, ко мнѣ въ деревню, хотя на время". Въ этихъ словахъ содержалась уже несомнѣнная угроза московскому масонству, и она, очевидно, уже бросалась въ глаза. Заграничный корреспондентъ Екатерины, нѣмецкій философъ Циммерманъ, въ письмѣ къ императрицѣ въ 1786 г. уже указывалъ ей осторожно, что „государи должны исправлять эти нелѣпости комедіями, а не эдиктами", и выражалъ увѣренность, что императрица вмѣсто всякаго запрещенія масонства просто выставитъ противъ него хорошую труппу актеровъ. Увы! эти осторожные совѣты и указанія, что изъ статьи Энциклопедіи совсѣмъ нельзя сдѣлать вывода о необходимости преслѣдованія теософовъ, уже плохо достигали цѣли. Екатерина, правда, не рѣшилась пока

оффиціально разгромить просвѣтительныя предпріятія Новиковскаго кружка, но въ томъ же 1786 г. по ея тайному приказу масонскія ложи были „разорены“ и перестали собираться, и Новикову съ товарищами пришлось буквально послѣдовать совѣту резонера въ „Шаманѣ Сибирскомъ“: поѣхать въ деревню...

Поведеніе московскаго общества въ періодъ этой литературной борьбы власти съ масонствомъ было необычайно характернымъ и рѣзко отдѣлялось отъ петербургскаго. Въ Петербургѣ комедіи державнаго автора были поставлены на сценѣ, публика прекрасно поняла, что отъ нея требуется, и устроила имъ небывало сочувственный пріемъ. Петербургскіе журналы въ теченіе долгаго времени осмѣивали, кто какъ умѣлъ, масоновъ и рядомъ съ сатирой на нихъ помѣщали восторженные панегирики литературному таланту Екатерины. Подъ вліяніемъ всего этого въ Петербургѣ въ три дня раскупили всѣ бывшіе въ продажѣ экземпляры „Шамана Сибирскаго“.

Въ Москвѣ пьесы не были играны, московское общество не ликовало по поводу литературныхъ успѣховъ Екатерины, и московская печать „угрюмо отмалчивалась“, по выраженію Милюкова. И эта молчаливая оппозиція Москвы лишній разъ подчеркивала разногласіе съ властью и была, конечно, темнымъ пятномъ на фонѣ оффиціальныхъ торжествъ. Сама Екатерина была въ восторгѣ отъ своихъ комедій, какъ въ годы былые Наказа она разсылала ихъ своимъ корреспондентамъ въ Западную Европу.

„Наша публика весьма полюбила сіи двѣ пьесы, которыя и въ самомъ дѣлѣ очень забавны“, писала Екатерина Циммерману по поводу двухъ первыхъ пьесъ и радовалась, что тотъ съ похвалой отозвался о третьей: „Я и сама очень люблю сію пьесу“, признавалась она. И тутъ же гордо указывала, что она борется съ масонствомъ не силой, а литературнымъ вліяніемъ: „Я для того къ вамъ сіе пишу,—говорила Екатерина Циммерману,—чтобы вы знали, какъ здѣсь обходятся съ иллюминатами. Говорятъ, что Германія ими наполнена, и это, я думаю, по модѣ, потому что французы восхищаются такими бреднями“. Даже въ 1788 г. Екатерина еще храбро отзывалась о масонахъ: „Думаю, что ученики Каліостровы столь же безопасны, какъ и Магометовы... это—секта слабыхъ умовъ и фанатиковъ“.

Высказывая съ чувствомъ самоудовлетворенія, что она не боится масоновъ и не борется съ ними силой, Екатерина скромно

забывала только одно: свои тайныя распоряженія „разорить“ масонскія ложи.

Ходъ дальнѣйшихъ отношеній Екатерины къ масонству былъ предуказанъ тѣмъ, что она русскихъ масоновъ въ письмѣ къ Циммерману называла иллюминатами. Выше было сказано, что орденъ иллюминатовъ былъ образованъ со спеціальной цѣлью борьбы противъ мистицизма. Хотя онъ заимствовалъ у масонства его формы, но всѣ его идейныя основанія не имѣли ничего общаго съ масонствомъ: масонскому мистицизму онъ противопоставлялъ крайній раціонализмъ, проповѣдывалъ безусловную свободу мысли, отрицалъ міръ сверхчувственный и все, что связано съ нимъ, въ своихъ философскихъ воззрѣніяхъ проводилъ наиболѣе радикальныя идеи французской просвѣтительной философіи. Слово „иллюминатъ“ въ употребленіи этого кружка означало именно такого просвѣщеннаго радикальной философіей человѣка. Но этимъ же словомъ въ XVIII в. пользовались еще для обозначенія тѣхъ людей, которые доказывали, что высшія знанія даются человѣку путемъ чудеснаго озаренія свыше, поэтому этимъ словомъ во Франціи называли крайнихъ мистиковъ и даже такихъ шарлатановъ, какъ Каліостро. Въ результатѣ получалась, конечно, путаница, такая, что однимъ и тѣмъ же словомъ можно было окрестить, съ одной стороны, такихъ лицъ, какъ Гёте, Гердеръ, Песталоцци, съ другой—такихъ, какъ Каліостро, Сенъ-Мартенъ и т. п.

О задачахъ дѣятельности настоящаго ордена иллюминатовъ въ обществѣ были освѣдомлены плохо, а путанность термина и совсѣмъ сбивала съ толку. Для Екатерины, которая московскихъ масоновъ поставила на одну доску съ шарлатаномъ Каліостро и съ разными шаманами, было вполнѣ естественно прикрыть ихъ терминомъ иллюминаты, и этотъ терминъ въ дальнѣйшемъ еще болѣе увеличилъ сбивчивость познаній Екатерины о русскомъ масонствѣ.

Въ 80-е годы, когда Екатерина писала свои произведенія противъ масоновъ, въ Западной Европѣ, въ Германіи, шла ожесточенная борьба двухъ лагерей: нѣмецкіе философы боролись съ мистицизмомъ. Мистицизмъ въ это время пустилъ въ Германіи прочные корни: это было время процвѣтанія нѣмецкаго розенкрейцерства съ его враждой противъ положительной науки, съ его алхиміей и магіей, это было время, когда мистически настроенные круги общества особенно увлекались всякими шар-

латанскими фокусами Каліостро, Шрепфера, Гаспера, Сведенборга. Такое настроеніе умовъ весьма ловко поддерживалось и развивалось іезуитами, орденъ которыхъ хотя и былъ въ это время упраздненъ, но тайное вліяніе ихъ продолжалось. Для іезуитовъ мистицизмъ являлся весьма удобной средой для пропаганды католичества, и они подъ разными видами старались получить вліяніе въ нѣмецкомъ обществѣ. Особенно много развелось тайныхъ іезуитовъ среди профессоровъ нѣмецкихъ университетовъ. Съ восшествіемъ на престолъ новаго короля въ Пруссіи, Фридриха-Вильгельма II, мистики, какъ указывалось выше, получили возможность вліять на политику государства черезъ розенкрейцерскихъ министровъ Вёльнера и Бишофсвердера, и, такимъ образомъ, нѣмецкому просвѣщенію грозила серьезнѣйшая опасность. На борьбу съ мистицизмомъ и вытекавшимъ изъ него обскурантизмомъ и выступили нѣмецкіе философы, а параллельно съ ними дѣйствовалъ въ томъ же направленіи и орденъ иллюминатовъ.

„Философы“ усиленнымъ образомъ старались разоблачить дѣятельность мистическихъ кружковъ и отдѣльныхъ представителей скрытаго католицизма. Такъ, напр., дѣйствовалъ издатель „Всеобщей нѣмецкой библіотеки“ Николаи, издатели „Берлинскаго еженедѣльнаго журнала“ Гедике и Бистеръ. Николаи, между прочимъ, немало содѣйствовалъ разоблаченію дѣятельности Каліостро и розенкрейцеровъ.

По своему философскому настроенію императрица близко стояла къ нѣмецкимъ философамъ, и ей была симпатична борьба ихъ съ мистицизмомъ и обскурантизмомъ.

Она оживленно переписывалась съ однимъ изъ нѣмецкихъ философовъ—Циммерманомъ, слѣдила за изданіями Николаи, между прочимъ, приказала перевести на русскій языкъ одну изъ книжекъ, изданныхъ имъ (соч. г-жи фонъ-деръ Реке „Описаніе пребыванія въ Митавѣ извѣстнаго Каліостра за 1779 г. и произведенныхъ имъ тамъ магическихъ дѣйствій“), переписывалась съ авторомъ этой книги, издала у Николаи въ переводѣ на нѣмецкій языкъ свои комедіи противъ масонства и даже, какъ указываетъ одинъ иностранный источникъ, сама написала обличительную брошюру противъ Штарка, протестантскаго проповѣдника и профессора теологіи въ Кенигсбергѣ, который пропагандировалъ одну изъ высшихъ ступеней тампліерства и былъ, какъ думаютъ, близокъ къ іезуитскимъ кругамъ.

Близкое участіе Екатерины въ борьбѣ нѣмецкихъ просвѣтителей противъ мистицизма и обскурантизма имѣло, несомнѣнно, громадное вліяніе на представленія императрицы о нашемъ русскомъ масонствѣ: она постепенно и незамѣтно усваивала точку зрѣнія нѣмецкихъ своихъ друзей и привыкла отожествлять съ нѣмецкимъ масонствомъ наше русское.

Но скоро среди нѣмецкихъ просвѣтителей произошелъ расколъ по поводу ихъ отношеній къ иллюминатамъ. Иллюминатство, настоящее, конечно, было особенно ненавистно нѣмецкимъ мистикамъ и тайнымъ іезуитамъ: иллюминаты старались проникать подъ разными видами въ ихъ организаціи, развѣдывали ихъ тайны и распространяли среди ихъ членовъ идеи французской философіи. Враги иллюминатства усиленнымъ образомъ старались скомпрометировать его въ правительственныхъ и общественныхъ кругахъ. На иллюминатовъ шли доносы, ихъ обвиняли во всевозможныхъ преступленіяхъ. Самая организація ордена заключала въ себѣ не мало темныхъ сторонъ, которыми можно было искусно воспользоваться.

Основатель этого ордена, Адамъ Вейсгауптъ, профессоръ въ Ингольштадскомъ у-тѣ въ Баваріи, самъ былъ когда-то въ іезуитской школѣ и въ организаціи своего ордена считалъ полезнымъ воспользоваться нѣкоторыми тактическими пріемами іезуитской политики: онъ усвоилъ ихъ положеніе, что цѣль оправдываетъ средства, усвоилъ ихъ принципъ неограниченнаго повиновенія начальству, по образцу іезуитовъ онъ заповѣдывалъ своимъ послѣдователямъ стремленіе подъ разными видами проникать въ среду вліятельныхъ людей, использовать для своихъ цѣлей ихъ личныя слабости.

Баварскимъ іезуитамъ удалось захватить бумаги ордена иллюминатовъ, и тогда всѣ слабыя стороны его раскрылись. Раздувая ихъ до невѣроятныхъ предѣловъ, сдабривая ихъ всевозможными инсинуаціями, враги иллюминатства сумѣли напугать и правительство и общество. Иллюминатовъ обвиняли въ стремленіи свергнуть правительство, уничтожить церковь, обвиняли въ чудовищномъ развратѣ, въ убійствахъ и отравленіяхъ своихъ противниковъ и т. п. Такъ какъ не было произведено гласнаго слѣдствія, а все дѣло объ иллюминатахъ разсматривалось въ особой придворной комиссіи, состоявшей изъ враговъ ордена, то иллюминаты не могли оправдаться, и всѣ ложные доносы на нихъ получали характеръ истины.

Рядомъ эдиктовъ отъ 1784 и 1785 гг. баварское правительство запретило орденъ иллюминатовъ и всѣ масонскія ложи, а свѣдѣнія о дѣятельности ордена въ редакціи слѣдственной комиссіи были разосланы по европейскимъ дворамъ.

Нѣмецкіе просвѣтители по разному отнеслись къ этой травлѣ иллюминатовъ: для нѣкоторыхъ изъ нихъ было совершенно ясно, что въ дѣятельности иллюминатовъ, несмотря на ихъ темныя стороны, было не мало положительнаго, что ихъ борьба противъ мистицизма заслуживаетъ уваженія, что ихъ школы для братьевъ низшихъ ступеней, т. н. „минерваловъ“ (отъ слова Минерва), распространяли настоящее просвѣщеніе; такіе изъ просвѣтителей, какъ Николаи, даже печатно указывали, что травля иллюминатовъ вдохновлялась іезуитами, но голосъ этихъ благоразумныхъ людей заглушался тѣми, кто на слово вѣрилъ оффиціальнымъ сообщеніямъ о дѣятельности иллюминатовъ. Мало того, мистики и реакціонеры сумѣли набросить тѣнь даже на просвѣтителей: Николаи изъ нихъ самъ былъ когда-то членомъ иллюминатскаго ордена. И вотъ теперь это припомнили, и доносы на иллюминатовъ распространили также и на философовъ.

Къ сожалѣнію, близкій корреспондентъ императрицы Екатерины изъ числа нѣмецкихъ просвѣтителей, Циммерманъ, былъ среди тѣхъ, кто повѣрилъ всѣмъ обвиненіямъ противъ иллюминатовъ и даже обвиненіямъ противъ Николаи и его товарищей. Циммерманъ не удержался и началъ самъ писать обвиненіе противъ своихъ недавнихъ единомышленниковъ и сообщать свои воззрѣнія Екатеринѣ. Она не могла и не хотѣла разбираться, гдѣ была истина: иллюминатами она съ самаго начала окрестила такихъ шарлатановъ, какъ Каліостро, къ нимъ же причислила московскихъ масоновъ, а теперь распространила на нихъ и всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя оффиціально сообщались слѣдственной комиссіей о нѣмецкихъ иллюминатахъ, теперь же къ иллюминатамъ она была склонна причислять и нѣкоторыхъ нѣмецкихъ просвѣтителей, въ родѣ Николаи, съ которымъ она еще такъ недавно дѣйствовала сообща. Такимъ образомъ, съ разныхъ сторонъ усвоивала она различныя мнѣнія о масонствѣ, связывала ихъ въ одно цѣлое, и все это цѣликомъ относила на счетъ московскаго кружка.

Французская революція окончательно перепутала у большинства всякія различія между философами и масонами. Весь грандіозный размахъ революціонныхъ событій, ихъ быстрая смѣна

сбили съ толку оффиціальные круги европейскаго общества, объяснить революцію надлежащимъ образомъ не умѣли, но явленіе было слишкомъ выдающимся, чтобы оставить его безъ объясненія, и вотъ причину его нашли въ широкомъ всеевропейскомъ заговорѣ злоумышленниковъ, а этими злоумышленниками признали всѣхъ философовъ, масоновъ и иллюминатовъ, и Парижъ объявили центромъ ихъ преступной дѣятельности. Сначала такія объясненія ходили, главнымъ образомъ, среди французскихъ эмигрантовъ и ихъ единомышленниковъ въ другихъ странахъ устно, но въ скоромъ времени они были формулированы и „доказаны“ въ литературѣ.

Въ 1797 г. появилось многотомное сочиненіе „Мемуары для исторіи якобинства“ аббата Баррюэля, гдѣ онъ, смѣшавъ воедино якобинцевъ и масоновъ, доказывалъ существованіе всеобщаго заговора философовъ и масоновъ.

Около этого же времени подобную книгу выпустилъ англійскій проф. Робинсонъ „Доказательство существованія заговора противъ всѣхъ религій и правительствъ“. Эти книги не могли быть извѣстны императрицѣ, такъ какъ появились послѣ ея смерти, но тѣ же обвиненія, какія содержатся въ нихъ, были еще раньше, хотя и не такъ обстоятельно, развиты въ двухъ современныхъ императрицѣ трудахъ: въ 1790 г. корреспондентъ Екатерины, Циммерманъ, въ своихъ „Отрывкахъ о Фридрихѣ Великомъ“ доказывалъ существованіе тайнаго общества изъ масоновъ и философовъ для ниспроверженія государственнаго порядка, а въ 1791 г. австрійскій эксъ-іезуитъ Штаттлеръ объявилъ, что главныя положенія французской революціонной конституціи были построены на идеяхъ „Всеобщей Нѣмецкой Библіотеки“, которую издавалъ Николаи. Если не объ книги, то первая навѣрное была извѣстна императрицѣ и производила на нее свое вліяніе. Сама Екатерина не предчувствовала революціи и даже не соглашалась съ тѣми, кто такія предчувствія высказывалъ. Еще въ апрѣлѣ 1788 г. она писала Гримму: „Я не придерживаюсь мнѣнія тѣхъ, которые полагаютъ, что мы находимся наканунѣ великой революціи“. Во внутреннемъ положеніи Франціи она видѣла только два недостатка: плохіе финансы страны вслѣдствіе расточительности двора, и нетвердую политику короля, который слишкомъ слабъ, чтобы разумно выбирать себѣ совѣтниковъ. Она надѣялась, что оба недостатка поправимы, и потому довольно спокойно слѣ-

дила за французскими событіями, не опуская случая посмѣяться надъ „бѣднымъ“ правительствомъ и подчеркнуть превосходство своей политики. Когда Неккеръ энергично принялся за устройство финансовъ и опубликовалъ государственную роспись доходовъ и расходовъ, Екатерина необычайно сочувственно отнеслась къ его дѣятельности и высказала увѣренность, что его трудами банкротство страны будетъ предотвращено, но она не особенно негодовала, когда Неккеръ получилъ отставку: она только пожалѣла, что „король Франціи прикоснулся ногою къ великой славѣ“, т.-е. не воспользовался случаемъ прославить себя. Екатерина ставила себя на мѣсто Людовика XVI и была убѣждена, что своей мудрой политикой она бы достигла процвѣтанія Франціи: она совсѣмъ не понимала, что Франція была уже въ такомъ положеніи, когда абсолютная власть ничего не могла уже поправить. Она не видѣла опасности даже отъ собранія генеральныхъ штатовъ, и когда правительство оттягивало ихъ созывъ, Екатерина была недовольна этой политикой. „Признаюсь,—писала она въ январѣ 1788 г.,—я не очень одобряю отсрочку собранія государственныхъ чиновъ. Что же изъ всего этого выйдетъ? Хозяйство становится день ото дня плачевнѣе“. По ея мнѣнію, для поправленія этого хозяйства необходимо собрать штаты, а когда ей указывали, что это очень опасное предпріятіе при неспокойномъ настроеніи общества во Франціи, она подавала такой совѣтъ:

„Если въ нотабляхъ или государственныхъ штатахъ проявится излишній пылъ, то я посовѣтовала бы попотчевать ихъ политическимъ толчкомъ противъ партіи штатгальтера въ Голландіи. Тогда всѣ горячія головы туда устремятся, а хладнокровныя станутъ выплачивать долги и устанавливать налоги. Такимъ образомъ, всѣ будутъ довольны и, можетъ-быть, это единственное средство успокоить волненіе, охватившее у васъ умы“.

Эту мысль о предохранительномъ значеніи войны при внутреннихъ затрудненіяхъ Екатерина и послѣ нѣсколько разъ повторяетъ.

Но вотъ генеральные штаты превращаются въ національное собраніе, идетъ борьба за конституцію, день ото дня положеніе во Франціи становится тревожнѣе—и тутъ опять пока Екатерина не чувствуетъ грозы.

14 іюля 1789 г., взятіе Бастиліи, страшно поразило Екатерину своей неожиданностью, тонъ ея замѣчаній о дѣлахъ Франціи

дѣлается рѣзкимъ и нервнымъ, но опять-таки не потому, чтобы она увидала въ этомъ событіи что-либо грозное, а просто ее возмутило „нахальство“ депутатовъ.

Какъ Людовикъ XVI, когда ему донесли о взятіи Бастиліи, увидалъ въ этомъ только бунтъ, такъ и Екатерина ничего иного, кромѣ бунта, здѣсь не чувствовала. Ея монархическую натуру оскорбляло, что противъ этого бунта правительство не принимаетъ рѣшительныхъ мѣръ. Даже въ августѣ 1791 г. императрица рѣшительно высказывалась за скорѣйшее подавленіе движенія: „Я отъ природы питаю большое презрѣніе ко всѣмъ народнымъ движеніямъ,—писала она Гримму,—и бьюсь объ закладъ, такъ же вѣрно, какъ дважды два четыре, что стоитъ только открытою силою разнести двѣ лачужки, чтобы всѣхъ барановъ заставить скакать въ какую хотите сторону черезъ палку, которую вы имъ подставите; самые безумные, самые бѣшеные изъ нихъ первые покорятся и будутъ съ жаромъ опровергать то, что прежде защищали“ [1]).

Поэтому императрица негодовала на медлительность короля, удивлялась ей, удивлялась его уступчивости національному собранію. Когда въ октябрѣ 1789 г. король былъ вынужденъ переѣхать изъ Версаля въ Парижъ, она предсказывала ему что „его ожидаетъ участь Карла I“, но въ это предсказаніе она въ сущности сама не вѣрила, оно было пока лишь логическимъ выводомъ изъ обстоятельствъ, но не жизненнымъ убѣжденіемъ: въ Парижѣ она считала возможнымъ энергично дѣйствовать противъ депутатовъ.

„Зло кроется въ Тюльери и нигдѣ болѣе,—говорила она.—Что значитъ этотъ образъ дѣйствій двойственный, тройственный, четверной, эти письма, то угрожающія, то отрицающія? Чего хотятъ, чего не хотятъ, не узнаешь, и никто, точно такъ же, какъ и я сама, ничего тутъ понять не можетъ. Мужъ говоритъ одно, жена другое; то онъ соглашается со своей сожительницей, то грубо ей противорѣчитъ“ [2]).

Вмѣсто „энергичныхъ“ дѣйствій противъ собранія, въ сентябрѣ 1791 г. король подписалъ конституцію и этимъ окончательно возмутилъ императрицу.

„Ну, вотъ-таки сэръ Людовикъ XVI,—писала она въ него-

---

[1]) Сб. И. О., XXIII, 550.
[2]) Сб. И. О., XXIII, 565.

дованіи,—влѣпилъ свою подпись надъ этой сумасбродной конституціей и спѣшитъ произнести присягу, которой, конечно, не сдержитъ и которой вдобавокъ никто отъ него не требуетъ. Но кто же эти люди, безъ всякаго разумѣнія заставляющіе его дѣлать всѣ эти глупости? Вѣдь это въ самомъ дѣлѣ недостойныя низости: подумаешь, что у нихъ нѣтъ ни совѣсти, ни чести. Я ужасно сержусь: я топнула ногой, читая всѣ эти... эти... мерзости. Тьфу, какіе негодники!"

Екатерина совершенно не допускала, что могутъ быть какіе-то условія между королемъ и народомъ, и всякую конституцію считала лишь слабовольной уступкой власти въ пользу кучки негодяевъ. Она вообще не скупилась на прозвища депутатамъ: негодяи, злодѣи, разбойники, крючкотворцы и сапожники,—такъ и сыпались эти слова по ихъ адресу. Законодательное собраніе Екатерина называла не иначе, какъ „гидрой о 1200 головахъ", а депутатовъ сравнивала съ Пугачевымъ. „Эта сволочь похожа на маркиза Пугачева", говорила она.

И конституцію она разсматривала только какъ уступку этой „сволочи". „Лучшая конституція,—отзывалась она,—не стоитъ дьявола, потому что она дѣлаетъ гораздо болѣе несчастныхъ, чѣмъ счастливыхъ, что прямые и честные люди отъ нея страдаютъ, и только для злодѣевъ она выгодна, такъ какъ имъ наполняетъ карманы и никто ихъ не наказываетъ".

На короля теперь Екатерина совсѣмъ перестала надѣяться, а всѣ надежды перенесла на эмигрантовъ и на братьевъ короля, которые стояли во главѣ ихъ. Къ нимъ, въ Кобленцъ, а не въ Парижъ, посылаетъ она своего уполномоченнаго, ихъ считаетъ какъ бы настоящимъ правительствомъ Франціи. Но характерно: и теперь Екатерина не давала еще себѣ полнаго отчета въ происходящемъ, революцію она считала попрежнему бунтомъ и ждала, что не сегодня-завтра съ этимъ бунтомъ справятся, и все останется по-старому. Правда, она весьма энергично приглашаетъ государей помочь королю Франціи, сама собирается дѣйствовать въ томъ же направленіи, но все это на словахъ, а на дѣлѣ она просто хотѣла воспользоваться случайнымъ затрудненіемъ во Франціи, чтобы закончить безъ помѣхи свою политику на Востокѣ.

Оффиціально, для Западной Европы, она писала трогательныя и прочувствованныя приглашенія помочь королю освободиться отъ власти негодяевъ.

„Мы не должны предать добродѣтельнаго короля въ жертву варваровъ. Ослабленіе монархической власти во Франціи подвергаетъ опасности всѣ другія монархіи...

„Безначаліе есть злѣйшій бичъ, особливо когда дѣйствуетъ подъ личиною свободы, сего обманчиваго призрака народовъ. Европа вскорѣ погрузится въ варварство, если не поспѣшатъ ее отъ онаго предохранить. Съ моей стороны я готова воспротивиться сему всѣми моими силами; пора дѣйствовать и приняться за оружіе для ускромненія сихъ бѣснующихся. Благочестіе къ сему возбуждаетъ, религія повелѣваетъ, человѣчество призываетъ, а съ нимъ драгоцѣнныя и священныя права Европы сего требуютъ“ [1]).

Но для своихъ она приводила другія соображенія: „Я хочу,— говорила она своему секретарю Храповицкому,—вовлечь ихъ (государей Зап. Европы) въ дѣло, чтобы у меня были руки развязаны. У меня много предпріятій неоконченныхъ, и надобно, чтобы они были заняты и мнѣ не мѣшали“.

Поэтому послѣдующія событія во Франціи опять были для Екатерины непонятной неожиданностью.

Во Франціи начался судъ надъ королемъ, большинство признало, что „Людовикъ Капетъ“ былъ повиненъ противъ свободы и безопасности націи, и потому онъ былъ приговоренъ къ смерти.

21 января 1793 г. приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе.

На Екатерину извѣстіе объ этомъ произвело прямо ошеломляющее впечатлѣніе, она даже заболѣла отъ него.

Казалось, это событіе должно было бы заставить поглубже взглянуть на причины революціи, на ея сущность, но императрица опять увидѣла въ немъ только лишнее подтвержденіе своему выводу, что всѣ революціонныя событія—дѣло рукъ злонамѣренной кучки людей.

Мѣсяца черезъ два съ половиной послѣ казни короля, императрица, оцѣнивая событія, снова писала тѣ же разсужденія о захватѣ власти кучкой разбойниковъ: „До сихъ поръ были примѣры, что государства переходили въ женскія руки, но никогда еще, сколько я знаю, не было примѣра, чтобы они попали въ руки разбойниковъ. Это прекрасное зрѣлище досталось

[1]) Сл. Екатерины Де-Линю. Грибовскій, Записки, „Русск. Арх.“, 1889 г., I, 29.

на долю XVIII в., который нѣкогда хвалился тѣмъ, что онъ самый мягкій, самый просвѣщенный между всѣми вѣками, и этотъ-то вѣкъ породилъ звѣрскія души, да еще среди самаго прославленнаго изъ всѣхъ извѣстныхъ городовъ! Фуй, что за изверги!“ [1]).

Такъ до конца своей жизни Екатерина и не поняла настоящей причины революціи, до конца осталась при убѣжденіи, что все это было дѣломъ злонамѣренныхъ депутатовъ, народная же масса, по ея мнѣнію, всегда была вѣрной монархіи. И еще въ 1794 г., когда уже во Франціи два года дѣйствовала республика, императрица все еще думала, что стоитъ только хорошенько прикрикнуть на депутатовъ, и снова все придетъ въ порядокъ, т.-е. снова будетъ возстановлена монархія.

„Котъ изъ дому, мыши расплясались по столамъ и стульямъ; котъ домой, и мыши попрятались въ норы. Часто надо только ногой топнуть, и все придетъ въ порядокъ“ [2]).

Какъ видно, въ своихъ взглядахъ на французскую революцію Екатерина не пошла дальше обычныхъ, какія сложились въ оффиціальныхъ кругахъ общества, и эти взгляды ей были усвоены сразу, въ нихъ не видно ни сомнѣній, ни колебаній. Отсюда было необычайно легко усвоить и общераспространенное въ этихъ кругахъ отношеніе къ философамъ XVIII в. До самой революціи знать щеголяла философскими идеями, вольнодумство было великосвѣтской модой, и правительство, не отставая отъ вѣка, приближало къ себѣ философовъ, какъ любопытныхъ и оригинальныхъ людей, съ которыми можно было остроумно поболтать. Съ революціей отношеніе къ философскимъ идеямъ и философамъ круто измѣнилось, все настойчивѣе становился испуганный крикъ, что именно эти идеи и эти философы подготовили всю революцію. Екатерина больше другихъ отдала дань модному теченію, включала философскія идеи даже въ свои законодательные акты и до самыхъ 90-хъ годовъ XVIII в. искренне считала себя настоящей вольтерьянкой.

Правда, уже съ 70-хъ годовъ императрица старательно начала отгораживать своего учителя Вольтера отъ „новыхъ“ философовъ, къ которымъ она не чувствовала симпатіи за ихъ радикализмъ, но „старые“ философы по прежнему почитались ей,

---

[1]) Сб. И. О., XXIII, 581.
[2]) Ib., c. 596.

и до 90-хъ годовъ бюстъ Вольтера украшалъ ея эрмитажное собраніе. Поэтому, когда съ началомъ революціи все настойчивѣе стали обвинять философовъ въ подготовкѣ ея, Екатерина долго не могла приспособиться къ этимъ обвиненіямъ: она сама усвоила философскія идеи такъ отвлеченно, что никакъ не могла сразу представить себѣ, чтобы изъ этихъ идей можно было сдѣлать практическіе выводы, особенно такіе, какіе раздались въ рѣчахъ „гидры о 1200 головахъ“. Смущенная общимъ мнѣніемъ о философахъ, она еще въ 1789 г. считала необходимымъ оправдаться въ своей прежней перепискѣ съ Вольтеромъ: она доказывала, что вела ее единственно для славы Россіи, но потомъ она взяла философовъ подъ свою защиту, оправдывала ихъ.

По ея мнѣнію, ничего не было общаго между идеями философовъ и идеями, какія проводились въ наказахъ депутатовъ національнаго собранія, и въ ихъ рѣчахъ и постановленіяхъ, наоборотъ, философы обличаютъ преступную дѣятельность депутатовъ. „Что сдѣлаютъ французы со своими лучшими писателями, которые почти всѣ жили въ царствованіе Людовика XIV?— спрашивала Екатерина въ 1790 г. — Всѣ они и даже Вольтеръ—приверженцы королевской власти и проповѣдуютъ порядокъ и спокойствіе, а это прямо противоположно системѣ гидры о 1200 головахъ“ [1]).

Для депутатовъ, думала императрица, былъ только одинъ выходъ изъ противорѣчія между ихъ дѣятельностью и идеями философовъ, которыми они прикрывались: „Надо будетъ національному собранію распорядиться, чтобы бросили въ огонь всѣхъ лучшихъ французскихъ писателей, распространившихъ языкъ ихъ по цѣлой Европѣ. Иначе они будутъ свидѣтельствовать противъ отвратительнаго разрушенія, ими произведеннаго“ [2]).

Екатерина до сихъ поръ встрѣчалась съ идеями философовъ только въ употребленіи оффиціальнаго круга, въ какомъ она вращалась; а здѣсь и сама она и ея придворные не привыкли задумываться о практическомъ значеніи этихъ идей, о тѣхъ выводахъ, къ какимъ онѣ приводятъ въ жизни, наоборотъ, здѣсь какъ-то само собой устанавливалось пониманіе, что идеи—одно, а жизнь—другое: просвѣщенныя идеи доступны лишь просвѣ-

---

[1]) Сб. И. О., XXIII, 492.
[2]) Сб. И. О., XXIII, 488.

щеннымъ людямъ, а когда-то еще они сдѣлаются просвѣщенными, какъ говорила сама императрица. Поэтому то употребленіе, какое сдѣлали изъ философскихъ идей депутаты національнаго собранія, было для нея слишкомъ неожиданнымъ, чтобы его сразу можно было связать со знакомыми идеями. Многіе изъ этого круга знати такъ до конца жизни и остались въ недоумѣніи, что общаго между революціоннымъ законодательствомъ и идеями Вольтера, Монтескье и энциклопедистовъ.

Такова, напр., современница Екатерины, кн. Дашкова. Повторяя за другими, что французская революція была создана иллюминатами и философами, она всегда при этомъ представляла, что это были какіе-то особые философы, „мнимые“, какъ она называла ихъ, а совсѣмъ не тѣ, которыми она съ дѣтства зачитывалась и которыхъ любила до конца жизни. Этотъ выходъ изъ противорѣчія былъ уже слишкомъ наивенъ, чтобы и Екатерина пошла бы по нему. Она прекрасно понимала, что въ революціи обвиняютъ не „мнимыхъ“ философовъ, а какъ разъ тѣхъ, кого она считала „настоящими“. Поэтому для нея было удобнѣе признать, что французскіе депутаты не поняли философовъ или, лучше сказать, поняли ихъ криво: всѣ философы, по ея мнѣнію, проповѣдовали порядокъ, т.-е. монархическій порядокъ, а дерзкіе депутаты его разрушаютъ. Такое объясненіе она сохранила даже послѣ казни короля.

„Французскіе философы, — писала Екатерина 5 декабря 1793 г.,—о которыхъ думаютъ, что они приготовили французскую революцію, быть можетъ, ошиблись только въ одной вещи, а именно они думали, что проповѣдуютъ людямъ, у которыхъ они предполагали доброе сердце и добрую волю, а вмѣсто того прокуроры, адвокаты и всѣ злодѣи прикрылись ихъ принципами, чтобы подъ этимъ покрываломъ, которое они скоро сбросили, сдѣлать все то, что совершало самаго страшнаго самое ужасное злодѣйство“.

Въ этомъ оправданіи философовъ характерна одна подробность: императрица попрежнему считаетъ ихъ идеи несовмѣстимыми съ дѣятельностью революціоннаго собранія, но и философы не безъ вины въ разразившейся революціи: они виноваты тѣмъ, что неосмотрительно развивали свои идеи передъ людьми, не подготовленными къ правильному ихъ воспріятію.

Какъ извѣстно, сама императрица не ошиблась: увидавъ, что ея подданные не способны понять великія идеи ея наказа такъ,

какъ бы она хотѣла, она сейчасъ же запретила его. Философы, къ сожалѣнію, не оказались такими предусмотрительными, какъ императрица, они „ошиблись“ здѣсь. Признаніе этой ошибки со стороны философовъ было уже уступкой, какую Екатерина дѣлала общему убѣжденію, что философы подготовили революцію. Не даромъ ея заграничные корреспонденты въ оживленной перепискѣ доказывали эту виновность философовъ: ихъ вліяніе теперь несомнѣнно сказывалось. Сказывалось вліяніе и литературной обработки вины философовъ.

Шагъ за шагомъ общее мнѣніе оффиціальной Европы все больше проникаетъ въ сознаніе Екатерины, уже давно давъ толчокъ ассоціаціямъ въ этомъ направленіи, и ихъ неутомимый потокъ будетъ теперь старательно нанизывать на общую мысль фактъ за фактомъ, звено за звеномъ, и впечатлѣнія настоящаго и воспоминанія прошлаго станутъ укладываться въ прочное убѣжденіе.

Уже въ 1794 г. въ письмахъ Екатерины слышится какъ бы полусогласіе съ общимъ мнѣніемъ. Въ этомъ году она, напр., пишетъ Гримму: „Я вчера вспомнила, что вы мнѣ говорили не разъ: этотъ вѣкъ есть вѣкъ приготовленій. А я прибавлю, что приготовленія эти состояли въ томъ, чтобы приготовить грязь и грязныхъ людей разнаго рода, которые производятъ, производили и будутъ производить безконечныя несчастья и безчисленное множество несчастныхъ“.

Въ слѣдующемъ году она уже категорически заявляетъ, что Энциклопедія имѣла только двѣ цѣли: одну—уничтожить христіанскую религію, другую—королевскую власть.

Не ищите у Екатерины доказательствъ этого положенія,—ихъ нѣтъ, она не производила тщательнаго сличенія идей Энциклопедіи съ революціоннымъ законодательствомъ, она просто припомнила, что кто-то когда-то заявилъ это, а она теперь согласилась. Въ этомъ письмѣ она говоритъ: „Я безтрепетно буду ждать благопріятной минуты, когда вамъ будетъ угодно оправдать въ моемъ мнѣніи философовъ и ихъ прислужниковъ въ томъ, что они участвовали въ революціи, особливо же въ Энциклопедіи, ибо Гельвецій и д'Аламберъ оба сознались покойному прусскому королю, что эта книга имѣла только двѣ цѣли: первую—уничтожить христіанскую религію, вторую—уничтожить королевскую власть! Объ этомъ говорили уже въ 1777 г.“. Восемнадцать лѣтъ тому назадъ уже говорили объ этомъ, и то-

перь императрица въ этомъ не сомнѣвается и мало того—она произвольно мѣняется ролями съ своимъ корреспондентомъ: раньше онъ ей доказывалъ вину философовъ, а она ихъ защищала, а теперь она сама предлагаетъ ему оправдывать философовъ, а на себя беретъ роль обвинительницы.

Такимъ образомъ, теперь окончательно философы были причислены къ тому лагерю людей „криво думающихъ“, къ какимъ раньше уже были отнесены масоны и иллюминаты. Представленія императрицы о дѣятельности тайныхъ обществъ теперь расширились: они уловляютъ не только школами и больницами, не только печатаніемъ мистическихъ книгъ, но отъ нихъ же исходятъ и тѣ философскія произведенія, которыя раньше императрица противопоставляла мистическимъ книгамъ новиковскаго изданія.

Оффиціально Екатерина и теперь, какъ въ 80-е гг., продолжала указывать, что Россіи нечего бояться „французской заразы“, потому что Россія далеко, и власть въ ней твердая, но на самомъ дѣлѣ ея напуганному воображенію представлялось, что и у насъ втихомолку мистики и философы, якобинцы, масоны и иллюминаты свили уже прочное гнѣздо. Подъ этимъ новымъ угломъ зрѣнія были истолкованы многіе факты русской дѣйствительности, которые въ другое время не вызвали бы особо нервнаго настроенія власти.

Прежде всего должно было броситься въ глаза напряженное вниманіе средняго дворянскаго и городского класса къ событіямъ во Франціи. Этотъ кругъ людей, какъ свидѣтельствовали новиковскіе журналы, больше всѣхъ былъ склоненъ къ серьезному чтенію, и этотъ же кругъ людей, по свидѣтельству записокъ современниковъ, отличался наиболѣе либеральнымъ настроеніемъ. Для него французская революція была борьбой за свободу, и этой борьбѣ, конечно, сочувствовали. А къ этому кругу примыкали и оппозиціонные элементы знати. Поэтому, когда въ Петербургѣ получилось извѣстіе о взятіи Бастиліи, которая представлялась оплотомъ деспотизма,—это извѣстіе вызвало необычайный подъемъ общественнаго настроенія. „Новость быстро распространилась,—разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ Сегюръ,—и была принята различно, смотря по положенію и настроенію каждаго. При дворѣ она вызвала сильное волненіе и общее неудовольствіе. Въ городѣ впечатлѣніе было совершенно обратное, и хотя Бастилія не грозила никому изъ жителей Петер-

бурга, я не могу передать энтузіазма, вызваннаго среди негоціантовъ, купцовъ, мѣщанъ и нѣсколькихъ молодыхъ людей изъ болѣе высокаго класса, паденіемъ этой государственной тюрьмы, этимъ первымъ тріумфомъ бурной свободы. Французы, русскіе, датчане, нѣмцы, англичане, голландцы, всѣ посреди улицы поздравляли другъ друга, обнимались, точно ихъ избавили отъ тяжелой цѣпи, сковывавшей ихъ самихъ".

Года два тому назадъ такое проявленіе общественнаго настроенія не вызвало бы особой тревоги у власти; тогда и сама Екатерина считала возможнымъ радоваться удачной борьбѣ американскихъ колоній за независимость и даже приглашать героя ея, маркиза Лафайета, къ себѣ въ Петербургъ, но теперь такое поведеніе общества казалось подозрительнымъ. Тотъ же Сегюръ свидѣтельствуетъ, что „это увлеченіе продолжалось очень недолго. Страхъ скоро погасилъ первую вспышку. Петербургъ не былъ ареной, на которой можно было безопасно обнаруживать подобныя чувства". Въ то же время въ Петербургѣ запретили играть трагедію Княжнина „Вадимъ Новгородскій", хотя раньше были разрѣшены ея репетиціи. Какъ извѣстно, весь „крамольный" элементъ этой трагедіи усмотрѣли въ томъ, что герой ея ведетъ борьбу противъ варяжскихъ князей во имя славянскаго вѣча. Въ слѣдующемъ году появилась злополучная книга Радищева. Какъ указывалось выше, весь страстный протестъ противъ безправія русской жизни, какимъ проникнута эта книга, Радищевъ именно хотѣлъ довести до слуха императрицы. Онъ думалъ, что такимъ путемъ онъ будетъ „соучастникъ" общему благу, такъ какъ ему казалось, что все зло у насъ въ Россіи идетъ благодаря невѣдѣнію высшей власти о дѣйствительномъ положеніи народа.

На Екатерину книга Радищева дѣйствительно произвела необычайно сильное впечатлѣніе, рѣдко бывало, когда она съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ вчитывалась въ каждую строчку, испещряя поля своими замѣтками. Но книга произвела на Екатерину впечатлѣніе совсѣмъ не тѣми картинами народной тяготы, какія бросаются въ глаза въ ней прежде всего. Въ своихъ замѣткахъ императрица даже конкретизировала общія картины Радищева; такъ, напр., въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ книгѣ съ негодованіемъ разсказывается о злоупотребленіяхъ одного помѣщика своей властью надъ крестьянами, такъ что крестьяне, наконецъ, не выдержали его издѣвательствъ и расправились съ

своимъ барином—Екатерина дѣлаетъ замѣтку: „Едва ли это не гисторія Александра Васильевича Салтыкова“.

Очевидно, и сама Екатерина была знакома съ фактами помѣщичьяго произвола, но изъ всѣхъ описаній его, какія встрѣчаются въ книгѣ на каждомъ шагу, она вывела только одно заключеніе, что авторъ „любитъ распространять гипохондрическія и унылыя мысли“. Не этими фактами безправія русской жизни была тронута императрица въ книгѣ Радищева. „Сочинитель наполненъ,—пишетъ она,—и зараженъ французскимъ заблужденіемъ, ищетъ всячески и защищаетъ всевозможное, къ умаленію почтенія къ власти и властямъ, къ приведенію народа въ негодованіе противъ начальниковъ и начальства“.

„Разсѣяніе заразы французской“—вотъ первое, что взволновало Екатерину въ книгѣ Радищева. Съ этой точки зрѣнія она оцѣниваетъ каждую фразу и вездѣ находитъ полное сходство теорій автора съ тѣми, „отъ которыхъ, по ея выраженію, Франція вверхъ дномъ поставлена“. И сейчасъ же возбужденному воображенію императрицы представляется, что книга является проповѣдью „бунта“, что авторъ призываетъ къ нему не только отъ своего имени, а отъ имени цѣлаго общества.

„Сочинитель себя опредѣлилъ начальникомъ, книгою ли, или инако, исторгнуть Скипетры изъ рукъ царей; но какъ сіе исполнить одинъ не могъ, и оказываются уже слѣды, что нѣсколько сообщниковъ имѣлъ, то надлежитъ его допросить“—вотъ ея общій выводъ о книгѣ.

Напрасно на допросѣ Радищевъ доказывалъ, что книга была написана имъ до начала революціи, что ей онъ хотѣлъ только обратить вниманіе властей на тяжелое положеніе народа, подѣйствовать на чувствительность самихъ помѣщиковъ, чтобы они сами остановили злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ, напрасно Радищевъ ссылался, что нашъ простой народъ книгъ не читаетъ, и потому и его книга никоимъ образомъ не могла быть призывомъ къ бунту—на страхъ врагамъ его рѣшили покарать примѣрно: судъ приговорилъ Радищева къ смертной казни на плахѣ, и только по особой милости императрицы онъ былъ отправленъ въ Сибирь на десять лѣтъ.

Эта крутая расправа съ авторомъ книги, которую почти всю успѣли конфисковать, произвела гнетущее впечатлѣніе даже среди знати, и особенно, конечно, подавленно должны были себя чувствовать московскіе масоны; среди нихъ у Радищева были

дружескія связи (съ Кутузовымъ), а кромѣ того, императрица опредѣлила Радищева „мартинистомъ“—такъ звали московскихъ масоновъ, какъ послѣдователей Сенъ-Мартена.

Это опредѣленіе необычайно характерно для той путаницы, какая была въ представленіяхъ императрицы о масонахъ и философахъ: ей вездѣ теперь мерещатся заговорщики, якобинцы и мартинисты.

Между прочимъ, въ число якобинцевъ чуть было не попалъ теперь старикъ Державинъ, въ то время тайный совѣтникъ и сенаторъ. Онъ поднесъ императрицѣ тетрадь своихъ сочиненій, гдѣ находилось переложеніе 81 псалма, ранѣе безпрепятственно напечатанное въ одномъ журналѣ.

Возсталъ Всевышній Богъ, да судитъ
Земныхъ боговъ во сонмѣ ихъ.
„Доколѣ, рекъ, доколь вамъ будетъ
Щадить неправедныхъ и злыхъ?
Вашъ долгъ есть охранять законы,
На лица сильныхъ не взирать,
Безъ помощи и безъ обороны
Сиротъ и вдовъ не оставлять.
Вашъ долгъ—спасать отъ бѣдъ невинныхъ,
Несчастливымъ подать покровъ,
Отъ сильныхъ защищать безсильныхъ,
Исторгнуть бѣдныхъ изъ оковъ“.
Не внемлютъ, видятъ и не знаютъ!
Покрыты мглою очеса:
Злодѣйства землю потрясаютъ,
Неправда взблетъ небеса.
Цари! Я мнилъ, вы боги властны,
Никто надъ вами не судья;
Но вы, какъ я подобно, страстны
И такъ же смертны, какъ и я.
И вы подобно намъ падете,
Какъ съ древъ увядшій листъ падетъ;
И вы подобно намъ умрете,
Какъ вашъ послѣдній рабъ умретъ!
Воскресни, Боже, Боже правыхъ,
И ихъ моленію внемли:
Приди, суди, карай лукавыхъ
И будь одинъ царемъ земли.

Въ этихъ стихахъ теперь увидѣли „якобинскіе“ стихи, и авторъ долженъ былъ на допросѣ грозному тогда слѣдователю Шешковскому отвѣтить „для чего онъ и съ какимъ намѣреніемъ пишетъ такіе стихи“.

Только благодаря заступничеству фаворита Зубова, Державину удалось оправдать себя.

Якобинцами же были сочтены, какъ будетъ указано ниже, московскіе масоны: Лопухинъ, Колокольниковъ и Невзоровъ.

Въ концѣ 1791 г. изъ Франціи пришло извѣстіе, что король подписалъ конституцію, а въ мартѣ 92 г.—изъ Швеціи сообщеніе о покушеніи на короля Густава III, а затѣмъ и въ Петербургѣ начинаютъ распространяться слухи, что якобинцы готовятъ покушеніе на жизнь Екатерины. Принимаются соотвѣтствующія мѣры для надзора за пріѣзжими иностранцами, въ апрѣлѣ, напр., ищутъ въ Петербургѣ француза Басевича, о которомъ сообщали изъ Берлина, что онъ намѣренъ посягнуть на жизнь государыни, но въ этотъ моментъ слухи принимаютъ новую окраску: не пріѣзжіе устроятъ покушеніе, а московскіе мартинисты затѣваютъ его, и даже, говорятъ, уже бросили между собой жребій, кому участвовать въ преступномъ дѣлѣ.

Екатерина не выдержала, и въ апрѣлѣ 1792 г. былъ посланъ указъ объ арестѣ Новикова. Послѣ казни короля принимаются новыя мѣры охраны отъ „французской заразы“: запрещаются всякія сношенія, даже торговыя, съ Франціей, запрещаются поѣздки туда, запрещаются французскіе журналы, моды, съ французовъ въ Россіи берется особая антиреволюціонная присяга, а непринявшіе ея выселяются.

XXI.

Гоненія на московскихъ масоновъ.

Итакъ, къ 80-мъ гг., когда московское масонство изъ тѣсныхъ рамокъ кружковой работы надъ личнымъ усовершенствованіемъ вышло на путь широкой общественно-просвѣтительной и благотворительной дѣятельности, между властью и обществомъ не было уже общихъ точекъ соприкосновенія. Власть съ увлеченіемъ проводила сословное законодательство и тѣмъ доканчивала отдѣлку дворянско-бюрократическаго строя государства и общества; власть считала, что все нужное для благоденствія подданныхъ ей уже предпринято, и подданнымъ оставалось только итти по пути правительственныхъ предначертаній. Самостоятельное мнѣніе общества при такихъ условіяхъ признавалось вообще излишнимъ, а если оно было соединено съ практической дѣятельностью—безусловно вреднымъ. „Колико отдаляется въ жизни кто отъ принятыхъ уже повсюду правилъ, толико приближается онъ къ колобродному воображенію". Власть и начала уже бороться съ этимъ „колобродствомъ", сначала путемъ обличенія въ комедіяхъ, а вслѣдъ за тѣмъ и путемъ запрещенія.

Знакомство съ дѣятельностью западныхъ масоновъ и иллюминатовъ, несомнѣнно, увеличивало раздраженіе власти противъ дѣятельности московскихъ „мартинистовъ", однако до начала 90-хъ гг. власть старалась еще изыскивать законные предлоги для запрещеній. Какъ разъ въ это время московскій генералъ-губернаторъ, кн. Прозоровскій, предлагалъ Екатеринѣ издать указъ объ арестѣ Новикова, но она нашла еще силы воздержаться отъ такого заманчиваго предложенія использовать свою силу и возразила: „Нѣтъ, надобно найти причину" [1]).

---

[1]) Записки Лопухина.

Событія французской революціи, поставленныя въ связь съ дѣятельностью западныхъ масоновъ, окончательно уже выбили власть изъ законныхъ предѣловъ, и она дала волю своему личному раздраженію.

Первыя „причины“ для преслѣдованія стали находиться еще въ 1784 г. Незадолго передъ тѣмъ Новиковъ, по предложенію московскаго главнокомандующаго гр. Чернышева, перепечаталъ два изданія Комиссіи народныхъ училищъ: 1) „Сокращенный Катехизисъ“ и 2) Руководство къ чистописанію. Графъ заботился здѣсь о томъ, чтобы сдѣлать эти изданія доступнѣе и дешевле для учащихся. И вотъ теперь комиссія народныхъ училищъ обвиняла Новикова, что своей перепечаткой онъ нарушилъ ея права, переданныя на 6 лѣтъ типографіи Брейткопфа. Новиковъ доказалъ, что перепечатка была сдѣлана имъ по приказу главнокомандующаго: объ этомъ свидѣтельствовалъ бывшій секретарь его канцеляріи, Гамалѣя, и его адъютанты Тургеневъ и Ртищевъ.

Но тѣмъ не менѣе у Новикова отобрали нераспроданные экземпляры указанныхъ изданій, а за распроданныя онъ обязанъ былъ возвратить ихъ стоимость. Все дѣло было представлено, какъ борьба Комиссіи во имя общей пользы съ корыстью частнаго лица.

Въ этомъ же году, мѣсяцъ спустя, была найдена и еще „причина“ для преслѣдованія Новиковскаго кружка: въ „Прибавленіяхъ къ Московскимъ Вѣдомостямъ“ Новиковъ началъ печатать „Исторію Ордена Іезуитовъ“, и на нее власть наложила запрещеніе.

Отношеніе Екатерины къ духовенству вообще и въ частности къ іезуитамъ было необычайно характернымъ: на немъ лишній разъ сказывалось, какъ мѣнялись ея политическіе взгляды. Сама она была равнодушна ко всякой религіи и одинаково подсмѣивалась надъ каждой изъ нихъ. Какъ и подобало настоящей вольтерьянкѣ, въ каждой религіи она находила одно суевѣріе и когда-то, въ началѣ своего царствованія, серьезно замышляла „очистить“ нашу религію отъ „суевѣрія“, „притворныхъ чудесъ“, отъ „продолжительныхъ церковныхъ обрядовъ“ и т. п. По крайней мѣрѣ въ 1767 г. въ такомъ духѣ, по желанію императрицы, оберъ-прокуроръ Св. Синода представилъ Синоду докладъ, который долженъ былъ служить руководящей нитью при составленіи отъ Синода наказа въ комиссію. Епископы, засѣдавшіе въ Синодѣ, были необычайно смущены по-

желаніями императрицы и постарались ихъ замолчать. Но съ теченіемъ времени императрица и сама оцѣнила государственную пользу всѣхъ „суевѣрій“. Въ 70-хъ гг. Дидро въ своихъ запискахъ такъ характеризуетъ отношеніе Екатерины къ религіи: „Она полагаетъ, что страхъ загробныхъ наказаній имѣетъ большое вліяніе на дѣйствіе людей, и что злодѣяніе, не останавливаемое висѣлицей, можетъ быть остановлено страхомъ наказанія въ будущей жизни“.

Цѣня пользу религіи для государства, Екатерина, по словамъ Дидро, мирилась съ „неудобствами системы, отдающей довѣрчивый народъ въ руки поповъ“ и высчитывала, что „сумма ежедневныхъ благъ, доставляемыхъ религіей всѣмъ слоямъ общества, превышаетъ сумму зла, производимаго между гражданами религіозными сектами“ [1]).

Въ это время Екатерина уже доказывала необходимость религіи для прочности общества и государства, и изъ вѣроисповѣданій особенно цѣнила наше православное. Лютеранка по воспитанію, она указывала, что протестантство слишкомъ близко граничитъ съ безвѣріемъ „безнравственнымъ, анархическимъ, злодѣйскимъ и дьявольскимъ, враждебнымъ Богу и престоламъ“. Съ этой точки зрѣнія полезности престолу Екатерина цѣнила и іезуитовъ. Подсмѣиваясь надъ ними, называя ихъ „плутами“, она покровительствовала имъ и дала имъ въ Россіи прибѣжище даже тогда, когда во всей З. Европѣ іезуиты были выгнаны. „Вы знаете, какую привязанность я питаю къ этому драгоцѣнному сѣмени,—писала Екатерина объ іезуитахъ,—которое я соблюдаю, какъ самыхъ кроткихъ и разумныхъ гражданъ Бѣлоруссіи. Въ самомъ дѣлѣ, эти плуты—лучшіе люди въ мірѣ, и нигдѣ еще не могли замѣнить ихъ школъ, хотя разграбили для этого ихъ имущества“ [2]).

И въ 1790 г., въ разгаръ французской революціи, Екатерина опять указывала, что одна изъ причинъ революціи—уничтоженіе ордена іезуитовъ. „Что тамъ ни говори,—писала она,—а эти плуты бдительно смотрѣли за нравами и наклонностями своихъ воспитанниковъ, и все, что во Франціи было лучшаго, вышло изъ ихъ школъ“ [3]).

---

[1]) Бильбасовъ, Дидро въ СПБ., с. 128—129.
[2]) Сб. И. О., XXIII, 22.
[3]) Ib., с. 500.

Чувствуя надъ собой покровительство государыни, іезуиты постепенно начали развивать свою дѣятельность и въ Россіи. Въ Бѣлорусскомъ краѣ они успѣшно поддерживали католичество противъ православнаго вліянія среди низшихъ классовъ населенія, а въ Петербургѣ и Москвѣ пользовались сочувствіемъ среди знати. Вотъ противъ ихъ дѣятельности и выступила статья въ Новиковскомъ журналѣ. Здѣсь тоже были указаны положительныя стороны іезуитовъ въ ихъ школьной дѣятельности, но на ряду съ этимъ отмѣчался и фанатизмъ, который воспитывался въ іезуитскихъ школахъ, отмѣчалась условная мораль ордена, легко приспособляемая къ потребностямъ окружающей среды, и тѣ мірскія цѣли, которыя, подъ видомъ святости, достигались іезуитами. Въ общемъ статья была вполнѣ объективной и должна была совпадать съ настроеніемъ власти, которая вѣдь тоже считала необходимымъ бороться противъ фанатизма и противъ достиженія мірскихъ выгодъ подъ видомъ благочестія, однако она вызвала противъ себя негодованіе императрицы, была названа ей „ругательной исторіей“. По смыслу указа по этому поводу можно даже думать, что императрица не ознакомилась сама съ сущностью статьи и запретила ее просто по доносу іезуитовъ, который весьма удачно совпалъ съ раздраженіемъ власти противъ московскихъ масоновъ. Въ указѣ говорится: „Увѣдомившись, что будто бы въ Москвѣ печатаютъ ругательную исторію ордена іезуитскаго, повелѣваемъ запретить таковое напечатаніе; а ежели бы она издана была, то экземпляры отобрать; ибо, давъ покровительство наше сему ордену, не можемъ дозволить, чтобы отъ кого-либо малѣйшее предосужденіе оному учинено было“. Характерна въ этомъ указѣ и его мотивировка: нельзя указывать слабыя стороны въ какомъ-либо дѣлѣ, разъ сама власть беретъ его подъ свое покровительство.

Съ этой стороны было совсѣмъ не случайно, въ какихъ областяхъ были найдены властью первые поводы для преслѣдованія новиковской дѣятельности: школьные учебники и направленіе дѣятельности духовенства власть въ особенности считала своей монополіей, и въ слѣдующемъ 1785 г. потому былъ предпринятъ цѣлый рядъ мѣръ, чтобы точнѣе и тѣснѣе ограничить дѣятельность частныхъ лицъ въ этихъ областяхъ.

На московскихъ мартинистовъ былъ начатъ систематическій походъ. Прежде всего было обращено вниманіе на выборъ мо-

сковскаго главнокомандующаго. Раньше на эту должность обыкновенно сажали представителей крупной знати, людей съ самостоятельными взглядами, которые во многомъ дѣйствовали совершенно независимо. Таковъ былъ кн. В. М. Долгорукій-Крымскій, (до 1782 г.), таковъ былъ гр. З. Г. Чернышевъ (до 1784 г.). Послѣдній главнокомандующій самъ былъ особенно расположенъ къ масонству и покровительствовалъ ему. Теперь на эту должность былъ выбранъ гр. Я. А. Брюсъ, суровый и надменный службистъ, вѣрный проводникъ оффиціальныхъ взглядовъ. Онъ началъ съ рѣзкой критики управленія своего предшественника и прежде всего обратилъ вниманіе на тѣхъ масоновъ, которые занимали государственныя должности въ Москвѣ. Положеніе ихъ стало такимъ, что они предпочли выйти въ отставку. Таковы были Гамалѣя, правитель канцеляріи главнокомандующаго, Тургеневъ, адъютантъ при гр. Чернышевѣ, Лопухинъ, предсѣдатель уголовной палаты. Черезъ новаго главнокомандующаго Екатерина и стала проводить свои мѣропріятія противъ дѣятельности московскихъ масоновъ.

Указомъ 7 октября 1785 г. предписывалось образовать особую комиссію изъ двухъ духовныхъ лицъ, по назначенію архіепископа, и изъ двухъ профессоровъ университета и съ помощью этой комиссіи обревизовать дѣятельность всѣхъ московскихъ школъ и пансіоновъ, содержимыхъ частными лицами. Главное вниманіе ревизіи должно было быть направлено на преподаваніе въ учебныхъ заведеніяхъ З. Божія, „чтобы тутъ всякое суевѣріе, развращеніе и соблазнъ терпимы не были“, и на учебники, употребляемые въ школахъ: они должны быть такіе же, какіе приняты въ казенныхъ школахъ. На будущее время всѣ школы, кромѣ тѣхъ, какія имѣли спеціальныя привилегіи отъ правительства, должны быть подъ надзоромъ приказа общественнаго призрѣнія. Въ одновременномъ указѣ архіепископу Платону это послѣднее требованіе мотивировалось желаніемъ власти, „чтобы всѣ училища народныя основаны были на правилахъ истиннаго благочестія, добронравія и исполненія гражданскихъ обязательствъ, и чтобъ они служили къ искорененію суевѣрія, развращенія и соблазна“. Въ тѣхъ же указахъ предписывалось провѣрить, имѣютъ ли учителя частныхъ школъ соотвѣтствующія права на преподаваніе.

Такой походъ на частныя школы совершался въ то время, когда сама власть еще ничего не сдѣлала для народнаго обра-

зованія въ Москвѣ: только въ 1786 г. тамъ было открыто главное народное училище, и только въ 1787 г. появились въ Москвѣ три малыхъ народныхъ училища. Этими указами, очевидно, хотѣли изловить московскихъ масоновъ въ неправославномъ преподаваніи З. Божія, но ревизія не оправдала надеждъ: З. Божій, какъ оказалось, или совсѣмъ не преподавался въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ или преподавался между прочимъ и очень небрежно.

Походъ на школы сопровождался походомъ на типографское предпріятіе Новикова. 23 декабря того же 1785 г. указами гр. Брюсу и архіепископу Платону Екатерина предписывала составить роспись всѣхъ книгъ, изданныхъ Новиковымъ, т. к. изъ его типографіи, по мнѣнію указа, „выходятъ многія странныя книги“; самого Новикова архіепископъ долженъ былъ „испытать въ законѣ нашемъ“ и разсмотрѣть всѣ его книги: „не скрывается ли въ нихъ умствованій, не сходныхъ съ простыми и чистыми правилами вѣры нашей православной и гражданской должности“. На будущее время предписывалось всѣ изданія вольныхъ типографій, какія „простираются до закона и дѣлъ духовныхъ“, цензуровать, кромѣ свѣтской, еще духовной цензурой, чтобъ въ нихъ не могли вкрасться „расколы, колобродства и всякія нелѣпыя толкованія“.

На основаніи этихъ указовъ губернскій прокуроръ составилъ опись 461 книги, находившихся въ книжной лавкѣ Новикова. Въ эту опись попали, кромѣ книгъ новиковской университетской типографіи, книги изъ типографіи Лопухина, типографической компаніи и 12 книгъ петербургскихъ типографій.

По экземпляру этихъ книгъ было доставлено архіепископу Платону, а прочіе экземпляры до разбора ихъ были опечатаны и временно запрещены для продажи.

Въ январѣ 1786 г. Платонъ вызвалъ къ себѣ Новикова для испытанія въ З. Божіемъ и предложилъ ему письменно отвѣтить на слѣдующіе 12 вопросовъ: 1) признаетъ ли онъ бытіе Божіе, 2) безсмертіе души, 3) таинство Св. Троицы, 4) божественность Христа, 5) таинства церковныя, 6) Символъ вѣры, 7) истинность православной церкви, 8) боговдохновенность Св. Писанія, 9) постановленія вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, 10) почитаніе иконъ, мощей, молитвъ и обрядовъ, 11) ежегодно ли бываетъ у исповѣди и причастія, 12) принадлежитъ ли къ обществу масоновъ.

На всѣ предложенные вопросы, конечно, Новиковъ отвѣтилъ утвердительно, а относительно масонства прибавилъ, что онъ вступилъ въ него потому, что въ немъ нѣтъ ничего противнаго вѣрѣ, законамъ и совѣсти, но обѣщалъ, если это нужно, впредь не посѣщать собранія ложъ. Объ этихъ вопросахъ и объ отвѣтахъ Новикова на нихъ Платонъ сообщилъ Екатеринѣ 15 января, а нѣсколько позже сдѣлалъ и свое заключеніе о религіозныхъ убѣжденіяхъ Новикова: „Какъ передъ престоломъ Божіимъ, такъ и передъ престоломъ твоимъ, всемилостивѣйшая государыня и императрица,—писалъ Платонъ,—я одолжаюсь по совѣсти и сану моему донести тебѣ, что молю всещедраго Бога, чтобы не только въ словесной паствѣ, Богомъ и тобою, всемилостивѣйшая государыня, мнѣ ввѣренной, но и во всемъ мірѣ были христіане таковые, какъ Новиковъ“. Что касается книгъ, изданныхъ Новиковымъ, то въ январѣ ихъ разсмотрѣніе еще не было закончено: 11 февраля въ приказѣ московскому губернатору Лопухину объ этомъ свидѣтельствуетъ сама императрица [1]), и только 26 февраля архіепископъ Платонъ представилъ вѣдомости о новиковскихъ книгахъ. Стало быть, въ январѣ слѣдствіе о книгоиздательствѣ Новикова еще не было закончено, но о немъ самомъ Екатерина имѣла отзывъ авторитетнаго главы церкви, и отзывъ такой, что въ немъ Новиковъ ставился образцовымъ христіаниномъ. Казалось бы, послѣ такого отзыва должны были разсѣяться всѣ придворныя подозрѣнія относительно личности издателя, и можно бы спокойно дождаться отзыва авторитетной власти о книгахъ его.

Но 23 января московскому главнокомандующему, гр. Брюсу, были посланы два новыхъ указа: 1) вновь осмотрѣть школы и больницы, заведенныя „скопищемъ людей новаго раскола“ и 2) „изъяснить содержателю типографіи Новикову, что типографіи учреждены для заведенія книгъ, обществу полезныхъ и нужныхъ, а отнюдь не для того, дабы способствовать изданію сочиненій, наполненныхъ новымъ расколомъ для обмана и уловленія невѣждъ“.

Такимъ образомъ, вопреки отзыву Платона, указы причисляютъ Новикова „къ скопищу людей новаго раскола“ и заранѣе, до окончанія слѣдствія, его книги признаются вредными, наполненными „расколомъ“, и издатель къ тому же обвиняется въ

---

[1]) Пекарскій, Дополн., с. 199.

„обманѣ и уловленіи невѣждъ“. По этимъ указамъ Новиковъ, какъ настоящій преступникъ, былъ „черезъ управу благочинія *сысканъ* и представленъ въ губернское правленіе“, какъ доносилъ губернаторъ.

Въ губернскомъ правленіи его допрашивали по всей формѣ слѣдственнаго дѣла. Слѣдствіе опять выяснило, что съ легальной стороны обвинять въ чемъ-либо Новикова основаній не имѣется. Относительно книгъ онъ показалъ, что всѣ онѣ печатаны съ разрѣшенія правительственныхъ цензоровъ, и потому издатель не считалъ ихъ вредными, а относительно школы и больницъ выяснилось, что ихъ совсѣмъ не было: полицмейстеръ въ домѣ Дружескаго О-ва нашелъ всего 15 воспитанниковъ, но учились они въ университетѣ и въ академіи (духовной) и отъ общества получали лишь содержаніе, слухи же о больницахъ мартинистовъ родились изъ того, что когда-то рабочіе Новиковской типографіи пользовались за счетъ хозяина медицинской помощью въ его домѣ, но постороннихъ лицъ здѣсь никогда не принимали. Поэтому московскій губернаторъ доносилъ императрицѣ, что „въ Москвѣ теперь ни заведенныхъ школъ, кромѣ предустановленнымъ порядкомъ, ни больницъ, кромѣ казенныхъ, ниже какихъ не позволенныхъ закономъ собраній не состоитъ“.

Черезъ мѣсяцъ послѣ этого слѣдствія свѣтской власти закончилось и слѣдствіе духовныхъ лицъ. Первоначально, въ январѣ 1786 г., архіепископъ Платонъ въ своемъ донесеніи императрицѣ раздѣлилъ новиковскія книги на три отдѣла:

„Въ первомъ находятся книги, собственно литературныя, и какъ литература наша доселѣ крайне еще скудна въ произведеніяхъ, то весьма желательно, чтобы книги, въ этомъ родѣ, были болѣе и болѣе распространены и содѣйствовали бы къ образованію.

„Во второмъ я полагаю книги мистическія, которыхъ не понимаю, а потому не могу судить оныхъ.

„Наконецъ, въ третьемъ разрядѣ суть книги самыя зловредныя, развращающія добрые нравы и ухищряющія подкапывать твердыни святой нашей вѣры. Сіи-то гнусныя и юродивыя порожденія такъ называемыхъ энциклопедистовъ слѣдуетъ исторгать, какъ пагубныя плевела, возрастающія между добрыми сѣменами“.

Такимъ образомъ, при предварительномъ знакомствѣ съ книгами новиковскаго изданія, архіепископъ призналъ вредными

не книги мистическія, а какъ разъ тѣ, которымъ въ то время покровительствовала еще Екатерина: переводы сочин. французскихъ философовъ.

По такъ какъ въ четырехъ съ половиной сотняхъ новиковскихъ изданій ихъ наберется всего лишь около десятка, то, очевидно, въ цѣломъ книгоиздательство Новикова по своему духу было гораздо ближе православному архіепископу, чѣмъ вся та модная литература, которая находила покровительство знати и двора. Это сочувствіе вполнѣ совпадало съ тѣмъ фактомъ, что архіереи являлись наиболѣе усердными подписчиками новиковскихъ журналовъ типа „Утренняго Свѣта“. Дальнѣйшее знакомство съ новиковской литературой позволило духовной комиссіи подъ предсѣдательствомъ архіепископа отобрать и среди мистическихъ книгъ нѣсколько такихъ, которыя показались несогласными съ обычнымъ толкованіемъ Св. Писанія.

Всѣхъ книгъ, признанныхъ Платоновской комиссіей „сумнительными и могущими служить къ разнымъ вольнымъ мудрованіямъ, а потому къ заблужденіямъ и разгоряченію умовъ“, набралось 22.

Шесть изъ этихъ книгъ принадлежали къ числу масонскихъ: 1) О заблужденіяхъ и истинѣ (Сенъ-Мартена), 2) Апологія Вольныхъ Каменщиковъ, 3) Братскія увѣщанія къ нѣкоторымъ братьямъ свободн. каменщикамъ, 4) Хризомандеръ, 5) Карманная книжка для вольныхъ каменщиковъ и 6) Химическая псалтырь соч. Парацельса. Всѣ эти книги переводныя, и всѣ, кромѣ первой, изданы въ типографіи Лопухина для собственнаго употребленія масоновъ. Изъ 16 остальныхъ двѣ, очевидно, были приняты за „порожденіе энциклопедистовъ“: Вольтера—Человѣкъ въ 40 талеровъ и Битобе—поэма Іосифъ. Относительно этихъ 8 книгъ вполнѣ понятно, почему духовная комиссія признала ихъ „сумнительными“.

Изъ 14 остальныхъ 8 принадлежатъ къ обычному типу нравоучительныхъ сочиненій (Новая Киропедія, Похвала Сократу, Драгоцѣнная меду капля, О познаніи самого себя (І. Масона), Избранная библіотека, Наставленіе отъ отца къ дочерямъ, Божественныя наставленія, Аристидъ) и 6—даютъ легкое занимательное чтеніе, безъ какихъ-либо масонскихъ тенденцій и, конечно, безъ всякаго уклоненія въ сторону пикантности (Русскія сказки, Сказки духовъ, Библіотека нѣмецкихъ романовъ, Собраніе Россійскихъ пѣсенъ, Десертные билеты, русскіе и фран-

цузскіе, Исторія древняя и новая Милотта). Почему эти книги признаны были „сумнительными“—неизвѣстно, но по одному примѣру видно, что комиссія необычайно строго разбирала книги и очень догматически опредѣляла, соотвѣтствуютъ ли онѣ православному ученію. Именно, къ числу 22 сумнительныхъ книгъ Платонъ послѣ просилъ присоединить еще одну „О древнихъ мистеріяхъ и таинствахъ, бывшихъ у всѣхъ народовъ“ и указывалъ, почему она не годится для чтенія: „Ибо выхваляетъ языческія тайны, кои столько церковью найдены порочными, да еще притомъ утверждаетъ, что якобы христіанство не только свои обряды, но и таинства отсюда заимствовало“.

Если и всѣ книги оцѣнивались такъ же строго, то характерно, что изъ 461 сочиненія найдено было только 23 „сумнительныхъ“. Въ мартѣ отзывы слѣдственной духовной комиссіи Екатерина имѣла уже на рукахъ, и 27 марта гр. Брюсу былъ посланъ указъ съ рѣшеніемъ императрицы по поводу новиковскихъ книгъ. Шесть указанныхъ масонскихъ книгъ были признаны безусловно запретными. Ихъ опечатали и передали въ Управу благочинія, а послѣ ихъ сожгли. Остальныя 16, какъ видно изъ документовъ, хотя и были запрещены для продажи, но оставлены были запечатанными у Новикова: очевидно, предполагалось ихъ еще разъ разсмотрѣть. На будущее время Новикову и всѣмъ вообще содержателямъ вольныхъ типографій въ Москвѣ было предписано „строжайше подтвердить, чтобы они остерегались издавать книги, исполненныя подобными странными мудрованіями или, лучше сказать, сущими заблужденіями“. Въ этомъ же году, въ связи съ гоненіемъ на новиковское книгоиздательство, было запрещено въ Москвѣ устраивать собранія ложъ, почему губернаторъ, какъ было указано выше, и доносилъ, что теперь „непозволенныхъ законами собраній не состоитъ“. Закрытіе масонскихъ ложъ было негласнымъ, указовъ объ этомъ нѣтъ, но въ 1790 г. новый главнокомандующій, кн. Прозоровскій, въ перепискѣ съ Екатериной прямо указывалъ, что это было при гр. Брюсѣ, когда оберъ-полицмейстеру Толю было приказано „разорить ихъ ложи“ [1]).

На этомъ и кончился въ 1786 г. походъ на мартинистовъ.

Разсматривая его въ цѣломъ, прежде всего приходится замѣтить, что власть подходила къ дѣлу съ заранѣе опредѣлен-

---

[1]) Пекарскій, Дополненіе, с. 129.

ной оцѣнкой его. Колобродство и непозволенный расколъ—вотъ обвиненіе, которое всюду повторяется. Но его нужно было доказать такъ, чтобы для всѣхъ яснымъ стала необходимость энергичныхъ мѣръ противъ „раскола“.

Доказать это, однако, по существу было весьма затруднительно: ничего противозаконнаго въ дѣятельности Новиковскаго кружка не было, и даже его масонство было у всѣхъ на виду. И вотъ создается одна слѣдственная комиссія за другой, власть свѣтская и власть духовная съ разныхъ сторонъ подходятъ къ дѣлу, энергично разслѣдуютъ, но результатовъ, необходимыхъ для принятія рѣшительныхъ мѣръ, разслѣдованія не даютъ, наоборотъ, иной разъ они косвенно свидѣтельствуютъ противъ самой власти, какъ это случилось, напр., съ комиссіей Платона, которая признала вредными произведенія „энциклопедистовъ“, покровительствуемыя свыше. Во всякомъ случаѣ попытка опредѣлить сущность „колобродства“ и „раскола“ съ отрицательной стороны, доказать, что дѣятельность Новиковскаго кружка противна православію и неблагонадежна—эта попытка не удалась, а положительныхъ опредѣленій „раскола“ власть не давала: во всѣхъ обвиненіяхъ указанія на „странныя мудрованія“, на „заблужденія“ никакими доказательствами не сопровождаются.

Собственно было возможно только одно опредѣленіе „колобродства“ и „раскола“—это все, что идетъ не по почину и по указкѣ власти, и такое опредѣленіе сдѣлано въ пьесахъ императрицы противъ масонства. Въ обстановкѣ комедій, гдѣ всѣ масоны раздѣляются только на мошенниковъ и на обманутыхъ, такое опредѣленіе звучало убѣдительно, но въ обстановкѣ дѣйствительной жизни, гдѣ авторитетъ православнаго іерарха свидѣтельствовалъ, что „зачинщикъ“ раскола примѣрный христіанинъ, а гражданская власть удостовѣряла, что ничего неблагонадежнаго въ его дѣятельности не обнаружено, въ этой обстановкѣ заявить властно и рѣшительно все то же опредѣленіе „раскола“ не представлялось возможнымъ: это бы слишкомъ противорѣчило оффиціальному положенію, что императрица „знать и мыслить позволяетъ“.

Неудачная попытка оффиціально доказать и обличить „расколъ“, однако, нисколько не убѣждала Екатерину, что его не было и что она ошиблась въ своихъ сужденіяхъ о Новиковскомъ кружкѣ—для этого она слишкомъ привыкла чувствовать себя непогрѣшимой—изъ слѣдствія она вынесла только одно заключе-

ніе: „преступникъ“ необычайно хитеръ и ловко умѣетъ провести кого нужно; въ 1792 г. она такъ и заявила объ этомъ въ своемъ указѣ московскому главнокомандующему: „Новиковъ человѣкъ коварный и хитро старается скрыть свои порочныя дѣянія, а симъ самымъ наводитъ вамъ затрудненія“ [1]).

А пока эти „коварства“ не раскрылись окончательно, власть наложила свою тяжелую руку на общественно-просвѣтительную дѣятельность московскихъ масоновъ: по указамъ 1784—86 гг. школы и всякія благотворительныя заведенія, заводимыя частными лицами, были подчинены контролю администраціи и впредь могли открываться лишь съ разрѣшенія власти, содержаніе школьныхъ учебниковъ и ихъ изданіе были объявлены правительственной монополіей. Отъ послѣдняго запрещенія, несомнѣнно, типографское предпріятіе Новикова потерпѣло большой ущербъ, но для него все-таки въ 1786 г. оставалась еще большая возможность: изданіе всѣхъ остальныхъ книгъ не было еще запрещено. Правда, заключительный указъ этого года, указъ 27 марта, грозилъ конфискаціей и полнымъ лишеніемъ права содержать типографію, если будутъ издаваться „книги, исполненныя подобными странными мудрованіями“, но смыслъ этого понятія „странныя мудрованія“ былъ такой неопредѣленный, что подъ него можно было подвести любую книжку, не угодную власти.

Поэтому Новиковская университетская типографія и типографія Компаніи попрежнему продолжали печатать тѣ нравственно-религіозныя изданія, въ распространеніи которыхъ Новиковскій кружокъ видѣлъ весь смыслъ своей дѣятельности.

Кружокъ сталъ осторожнѣе въ изданіи собственно масонскихъ сочиненій, но общее направленіе его изданій осталось прежнее, и найти въ нихъ „колобродство“ и „расколъ“ для власти становилось труднѣе, потому что теперь нравственно-религіозныя книги шли не только черезъ свѣтскую, но и черезъ духовную цензуру, и слѣдовательно, въ случаѣ привлеченія издателей къ отвѣту, пришлось бы столкнуться съ мнѣніемъ духовенства. Къ тому же духовной цензурѣ Екатерина склонна была не очень довѣрять: она всегда думала, что духовенство, не сдерживаемое свѣтской властью, способно было уклониться въ „суевѣріе“, а потомъ духовныхъ лицъ она могла считать не доста-

---

[1]) Лонгиновъ, с. 072.

точно проницательными, чтобы открыть „коварство“ въ новиковскихъ книгахъ. Единственный выходъ, который намѣчался отсюда для власти—запретить частнымъ лицамъ изданіе религіозно-нравственныхъ книгъ, сдѣлать и ихъ правительственной монополіей, какъ сдѣлали школьные учебники. Екатерина такъ и поступила: 25 іюля 1787 г. она приказала своему секретарю Храповицкому „написать въ Москву, чтобы запретить продажу всѣхъ книгъ, до святости касающихся, кои не въ синодальной типографіи напечатаны“. 27 іюля это приказаніе императрицы было облечено въ форму указа, въ которомъ сумѣли подыскать соотвѣтствующій мотивъ, чтобы запрещеніе не относилось лично къ Новикову, и сумѣли это запрещеніе примирить съ указомъ о вольныхъ типографіяхъ.

„По установленіямъ предковъ нашихъ,—гласилъ указъ,—печатаніе книгъ церковныхъ и до закона нашего православнаго вообще относящихся присвоено единственно типографіямъ духовнымъ. Свобода, отъ насъ дарованная печатанію книгъ въ свѣтскихъ публичныхъ и частными людьми заводимыхъ типографіяхъ, ни мало не противорѣчитъ сему узаконенію, ибо оная простирается на книги свѣтскія и пользѣ общественной служащія, и для того симъ повелѣваемъ вамъ (москов. главнокоманд.): подтвердить, чтобы ни въ одной свѣтской типографіи или свѣтской книжной лавкѣ въ Москвѣ не были продаваемы молитвенники, не отъ Синода изданные; такожъ книги церковныя или къ священному писанію, вѣрѣ, либо къ толкованію закона и святости относящіяся, кромѣ тѣхъ, кои напечатаны въ синодской или иныхъ духовныхъ типографіяхъ, подъ вѣдомствомъ синода нашего состоящихъ, или же отъ комиссіи народныхъ училищъ съ дозволенія нашего и впредь издаваемы будутъ. Въ слѣдствіе чего во всѣхъ книжныхъ лавкахъ, гдѣ найдутся въ продажѣ книги подобныя, не въ помянутыхъ духовныхъ типографіяхъ напечатанныя, или же не отъ Комиссіи народныхъ училищъ изданныя, оныя, тотчасъ запечатавъ, отдать подъ сохраненіе синодальной конторѣ до будущаго нашего предписанія“ [1]).

Хотя этому указу постарались придать общее значеніе, разослали его по всѣмъ губерніямъ и вездѣ приказали отбирать книги частныхъ изданій, къ „святости относящіяся“, но онъ, главнымъ образомъ, билъ предпріятіе Новикова.

---

[1]) Лонгиновъ, с. 037.

Изъ 313 книгъ, которыя на основаніи указа были отобраны во всѣхъ московскихъ книжныхъ лавкахъ, болѣе половины (166 книгъ) были изданы Новиковымъ въ его типографіи и въ типографіи Компаніи. Книги эти были наиболѣе ходовыя, напечатано ихъ было немало, и отъ конфискаціи, произведенной вопреки общему и элементарному принципу, что законъ не имѣетъ обратной силы, предпріятіе типографической компаніи, а слѣдовательно, и самъ Новиковъ, вложившій въ него все, терпѣло такой ущербъ, отъ котораго было не въ состояніи оправиться. Вслѣдъ за этимъ ударомъ Новиковъ лично получилъ и еще другой: 17 октября 1788 г. Екатерина распорядилась, чтобъ „Университетская типографія, по истеченіи срока (1 мая 1789 г.), на содержаніе поручику Новикову не была отдана".

Такимъ образомъ, для Новикова пропадали всѣ тѣ средства, какія онъ вложилъ на усовершенствованіе типографіи, и на будущее время онъ на свой счетъ получалъ въ новомъ содержателѣ сильнаго конкурента, такъ какъ за время новиковскаго управленія типографіей большинство правительственныхъ учрежденій и много частныхъ привыкли обращаться съ заказами въ эту типографію.

Послѣ запрещенія печатать книги религіозно-нравственныя, онъ пытался усиленно издавать историческія. Въ 1787 г. онъ издалъ „Исторію Скиѳскую" Лызлова, первую часть перевода „Исторіи Россійской" Левека, „Родословную книгу князей и дворянъ россійскихъ и выѣзжихъ"; въ 1788 г. началъ печатать второе, исправленное и дополненное, изданіе „Вивліоѳики", также обширный трудъ Голикова „Дѣянія Петра В.", въ то же время были напечатаны „Новый полный географическій словарь Россійскаго государства" Льва Максимовича и второе изданіе „Лѣтописи о многихъ мятежахъ и раззореніи Москвы отъ внутреннихъ и внѣшнихъ непріятелей".

Но историческія изданія не могли разсчитывать на такой широкій кругъ читателей, какъ религіозно-нравственныя, расходились медленнѣе и потому поправить пошатнувшіяся дѣла Компаніи не могли. Уже въ 1785 г. въ связи съ покупкой Гендриковскаго дома Компанія вынуждена была войти въ долги: подъ закладъ этого дома было взято больше 100.000 р. Съ тѣхъ поръ долги Компаніи все увеличивались, а въ 1787 г. пришлось вновь занять въ Опекунскомъ Совѣтѣ 80.000 р. Въ 1791 году всѣхъ долговъ на Компаніи было 300.000, въ нихъ она совершенно запуталась; тогда было рѣшено членами ликвиди-

ровать все предпріятіе и всѣ усилія въ дальнѣйшемъ направить лишь на уплату долговъ. Въ 1791 г. былъ составленъ формальный актъ объ уничтоженіи Компаніи; по этому акту все имущество Компаніи было переведено на Новикова и на него же были переведены всѣ обязательства. Всѣ члены вмѣсто своихъ взносовъ получили отъ Новикова векселя и обязались не предъявлять больше никакихъ претензій. Новиковъ думалъ постепенно распродать всѣ предпріятія Компаніи и тѣмъ удовлетворить кредиторовъ. По его соображеніямъ, имущество Компаніи: дома, аптека, типографія, книги и матеріалы превышали долги, но чтобы выгодно распродать это имущество, нужно было время. Поэтому для уплаты неотложныхъ долговъ Новиковъ долженъ былъ прибѣгнуть къ помощи заводчика Походяшина. Тотъ въ это время распродавалъ свои заводы, и самъ предложилъ поддержать Новиковское предпріятіе ссудой денегъ. Такъ, въ 1791 г., послѣ двѣнадцатилѣтняго существованія, должно было прекратиться большое и хорошо налаженное дѣло общественно-просвѣтительной и благотворительной дѣятельности.

Общественная помощь голодающему населенію деревень въ 1787 г. была послѣднимъ яркимъ дѣломъ, которымъ Новиковскій кружокъ блеснулъ передъ своимъ концомъ. Въ это дѣло, какъ указывалось выше, Новиковъ вложилъ всю свою неугомонную энергію. Но это же дѣло какъ разъ возбудило и наибольшія опасенія власти: оно было истолковано ей, какъ желаніе привлечь на свою сторону народъ для какихъ-то тайныхъ цѣлей. Къ тому же помощь голодающему населенію совпала съ знаменитымъ путешествіемъ императрицы въ Крымъ. Извѣстно, что все это путешествіе было обставлено такъ, чтобы наиболѣе разительно показать Екатеринѣ благополучіе страны подъ ея управленіемъ—и не только Екатеринѣ, но и всей Европѣ. Если и раньше власть любила твердить о благоденствіи подданныхъ, то послѣ этого путешествія тонъ оффиціальныхъ восхваленій долженъ былъ, несомнѣнно, еще болѣе подняться. Подъ конецъ царствованія Екатерина такъ выразила свое представленіе о положеніи Россіи: „У насъ умираютъ отъ объяденія, а никогда отъ голода. У насъ вовсе не видно людей худыхъ и ни одного въ лохмотьяхъ, а если есть нищіе, то по большей части это лѣнивцы: это говорятъ сами крестьяне“ [1]).

---

[1]) Сб. И. О., XXIII. 676.

И вотъ на фонѣ этого оффиціальнаго благополучія вдругъ подъ самой столицей „злонамѣренные“ люди находятъ голодающихъ... Несомнѣнно, что толки о желаніи мартинистовъ привлечь на свою сторону народъ для какихъ-то особыхъ цѣлей въ представленіи власти все болѣе и болѣе начинаютъ связываться со всѣми тѣми свѣдѣніями о германскихъ иллюминатахъ, какія шли и со стороны правительствъ и со стороны услужливыхъ „философовъ“, въ родѣ Циммермана. Въ просвѣтительной и благотворительной дѣятельности Новиковскаго кружка все настойчивѣе начинаетъ представляться для власти элементъ политическаго, какой-то заговоръ. Для Екатерины представленія о возможномъ политическомъ заговорѣ, можно сказать, были постоянными: въ этихъ заговорахъ подозрѣвалась и дворянская знать и резиденты иностранныхъ правительствъ, и всегда слухи о заговорахъ, естественнымъ образомъ, связывались съ именемъ наслѣдника Павла, который болѣе имѣлъ правъ на престолъ, чѣмъ его мать. Нельзя сказать, чтобы такія подозрѣнія были совершенно неосновательны: всякій разъ, какъ среди знати являлось недовольство властью, взоры оппозиціи обращались къ Павлу. Достаточно вспомнить настроеніе дворянства по отношенію къ Павлу хотя бы во время пугачевщины. И теперь, когда въ дѣятельности Новиковскаго кружка явилась, по понятію власти, оппозиція ей, привычной ассоціаціей она связывалась все съ тѣмъ же наслѣдникомъ престола Павломъ. И опять-таки для этого имѣлись извѣстныя основанія.

Въ противоположность „вольтерьянкѣ“ матери, Павелъ былъ очень склоненъ къ мистицизму, объ этой склонности знали въ обществѣ, и масоны давно уже начали разсчитывать на покровительство великаго князя. Уже въ семидесятыхъ годахъ, во время соединенія петербургскаго масонства съ шведскимъ, упорно говорили, что шведскій король Густавъ III, посѣтившій тогда Петербургъ, посвятилъ Павла въ масонство. Такіе же слухи, но еще упорнѣе, связывались съ заграничнымъ путешествіемъ Павла въ 1781 г. въ Германію.

Въ его свитѣ тогда были кн. Куракинъ и Плещеевъ, извѣстные масоны, и преданіе указываетъ, что подъ ихъ вліяніемъ великій князь, по примѣру большинства германскихъ принцевъ, вступилъ тогда въ масонство. Когда въ 1782 г., послѣ Вильгельмсбадскаго масонскаго конвента, Россія была признана самостоятельной масонской провинціей и въ Москвѣ организовалось

провинціальное управленіе, опять-таки, въ надеждѣ на великаго князя, было оставлено вакантнымъ мѣсто провинціальнаго великаго мастера. Русскіе масоны здѣсь подражали только заграничнымъ братьямъ, во главѣ которыхъ стояли вліятельныя особы, какъ, напр., въ Пруссіи, въ Швеціи. Среди московскихъ масоновъ мысль о возможности поставить Павла во главѣ русскихъ братьевъ, повидимому, была общепринятой. Объ этой возможности въ 1784 г. говорили даже печатно, именно въ масонскомъ журналѣ „Магазинъ свободно-каменщическій". „Если бы когда-либо возможно было ввести во внутренность ордена Государей,—говорится здѣсь въ предувѣдомленіи,—смотрящихъ еще и понынѣ на него съ опасной стороны, и предложить имъ въ величайшей ясности всѣ благодѣтельные, великодушные, благородные и человѣкодружественные планы и начертанія для блага рода человѣческаго, то, безъ сомнѣнія, содѣлались бы они толико же ревностными покровителями оныхъ, какъ и толь многіе другіе великіе и просвѣщенные европейскіе государи, которые, знакомы будучи со внутренностью ордена, становятся нашими предводителями, и самодѣйственнѣйшимъ образомъ споспѣшествуютъ всѣмъ полезнымъ для человѣчества начертаніямъ".

„Быть можетъ, близка уже сія благополучная эпоха: наступитъ она безъ сомнѣнія; ибо невѣроятно, чтобъ вѣчно пребыло сокрыто во мракѣ учрежденіе, управляемое здравымъ разсудкомъ, дѣлающее человѣковъ добродѣтельными и купно счастливыми" [1]).

Однако „благополучная эпоха" такъ и не наступила: со времени вступленія въ розенкрейцерство наиболѣе серьезные масоны все болѣе удалялись отъ той системы „строгаго наблюденія", въ которой были и рыцарскіе титулы и разработанная система провинціальнаго управленія, а безъ нихъ остальные, если бы и хотѣли, не могли бы организовать изъ Павла великаго провинціальнаго мастера.

Но самъ Павелъ, кажется, съ интересомъ слѣдилъ за развертывающимся предпріятіемъ Новикова, и на этой почвѣ въ 1787 г. у него завязались сношенія съ московскими масонами. Посредникомъ явился близкій къ обоимъ архитекторъ Бажановъ. Какъ-то разъ, собираясь въ Петербургъ, онъ предложилъ Но-

[1]) Т. I, ч. I, стр. 26—27.

викову послать книгъ для Павла, указывая на то, что послѣдній весьма къ нему расположенъ. По совѣту съ товарищами, Новиковъ отправилъ въ подарокъ великому князю книгу Арндта „Объ истинномъ христіанствѣ“ и „Избранную библіотеку для христіанскаго чтенія“. Подарокъ былъ принятъ благосклонно, Павелъ бесѣдовалъ съ Бажановымъ о московскомъ масонствѣ, его дѣятельности, высказывалъ ей одобреніе и, повидимому, рядомъ съ этимъ высказалъ осужденіе умственному направленію двора своей матери. Посылка книгъ повторилась и еще послѣ, но на этотъ разъ Павелъ, быть можетъ, въ связи съ извѣстіями о дѣятельности иллюминатства, высказалъ Бажанову свои сомнѣнія, нѣтъ ли у московскихъ мартинистовъ какого-либо преступнаго умысла. Бажановъ клятвенно убѣждалъ, что подозрѣнія совсѣмъ не основательны и, кажется, успѣлъ въ томъ. Но въ третій визитъ Бажанова Павелъ гнѣвно отозвался о московскихъ масонахъ, запретилъ упоминать о нихъ и заявилъ своему собесѣднику, что онъ принимаетъ его, какъ художника, а не какъ мартиниста. Можно думать, что и Павелъ все болѣе проникался общими опасеніями двора относительно масоновъ. На посылкѣ книгъ кончились всѣ сношенія Новикова съ Павломъ, по пылкой фантазіи Бажанова представлялись какія-то особенныя перспективы въ связи съ сочувствіемъ Павла дѣятельности Новикова: онъ писалъ московскимъ друзьямъ какія-то горячія письма, такъ что они, читая ихъ, качали головами и рѣшили осторожнѣе относиться къ посредничеству архитектора. Изъ тѣхъ показаній, какія были сдѣланы на слѣдствіи Новиковымъ и его товарищами по этому поводу, ясно, что никакихъ политическихъ цѣлей кружокъ здѣсь не преслѣдовалъ, просто радовались, что направленіе ихъ дѣятельности находитъ такое высокое одобреніе, но истинное положеніе дѣла Екатеринѣ не было извѣстно. Существовали лишь подозрѣнія, извѣстія о сношеніяхъ Павла съ масонами доходили неопредѣленныя, и потому напуганному воображенію представлялось совсѣмъ не то, что было въ дѣйствительности: очевидно, предполагалась тѣсная связь между оппозиціей гатчинской и московской. Въ благотворительной дѣятельности Новиковскаго кружка чудилась подготовка почвы для успѣшной дѣятельности Павла противъ существующаго правительства.

Одновременно съ этими опасеніями внутренней неурядицы возникли затрудненія во внѣшней политикѣ: съ объявленіемъ въ 1787 г. второй турецкой войны обнаружилось враждебное отно-

шеніе Пруссіи и Швеціи къ Россіи. А такъ какъ въ обоихъ государствахъ правительство усиленно покровительствовало масонамъ, то внѣшнее затрудненіе сейчасъ же было связано съ опасеніемъ внутренняго. Въ XVIII в., въ вѣкѣ дворцовыхъ переворотовъ, въ Россіи слишкомъ часто приходилось встрѣчаться съ иностранной интригой внутри государства. Екатерина и сама во внѣшней политикѣ пользовалась иногда этимъ методомъ, и потому естественно, что она въ московскомъ масонствѣ заподозрила одно изъ проявленій иноземной интриги, тѣмъ болѣе, что ей были извѣстны сношенія нашихъ масоновъ и съ прусскими и съ шведскими.

Такимъ образомъ, по выраженію Милюкова, „обстоятельства складывались такъ, что все, что было враждебнаго Екатеринѣ въ Россіи и за границей,—все это принимало печать масонства".

Услужливые царедворцы, которые на страхахъ власти строили свою карьеру, еще больше раздували ихъ.

„Коварство и алчность къ наградамъ за выслуги, на клеветѣ и вредѣ ближнему основанныя, старались представлять насъ,—говоритъ Лопухинъ,—подозрительными и для спокойства общества не безопасными. Такимъ образомъ дѣйствующихъ во мракѣ навѣтничества было не мало. Но одинъ хитрѣйшій на то время вельможа и царедворецъ (Потемкинъ), въ часы колебанія своего могущества, которое и въ немъ не могло быть безпрестанно неподвижнымъ, хотя при разныхъ переворотахъ и жизнь его скончалась среди блеску онаго, для поддержанія себя выдумалъ навлечь подозрѣніе на существовавшую будто бы связь съ обществомъ нашимъ у ближайшей къ престолу особы (у Павла).

„Искусно внуша такое подозрѣніе, искусно же не допускалъ онъ и до розыска, вѣроятно, для того, что, не имѣвъ сердца жестокаго, при всей своей политической нещадности, не хотѣлъ онъ жертвовать людьми, никакого зла ему не причинившими, каковыя жертвы подобные ему характеры приносятъ себѣ только тогда, когда сіе необходимо требуется ихъ интересами, для которыхъ они, кромѣ себя, всѣмъ жертвуютъ.

„Сіе вѣроятно; а извѣстно то, что розыскъ бы обличилъ его выдумку, которая тогда обратилась бы во вредъ ему самому. Итакъ, онъ старался только питать вселенное имъ подозрѣніе, выставляя себя за знающаго все, что въ государствѣ происходитъ, съ тѣмъ, что когда онъ хранитель особы государыниной, то ей нечего опасаться".

Подозрѣнія, какія внушались власти вельможнымъ кругомъ, подкрѣплялись всякими толками и слухами, какіе обращались среди общества. „Одни представляли насъ совершенными святошами,—говоритъ Лопухинъ,—другіе увѣряли, что у насъ въ системѣ заводить вольность; а это дѣлалось около времени французской революціи. Третьи, что мы привлекаемъ къ себѣ народъ и въ такомъ намѣреніи щедро раздаемъ милостыню. Иные разсказывали, что мы бесѣдуемъ съ духами, не вѣря притомъ существованію духовъ, и разныя разглашали нелѣпости, которымъ столько же неблагоразумно вѣрить, сколько непохвально распускать ихъ. Однако всѣ сіи слухи имѣли свое дѣйствіе, сколь ни были они ложны и одинъ другому противны; ибо и святые, и бунтовщики, и проказники, и суевѣры, и замысловатые обманщики: всего этого, разсудя, нельзя связать хорошенько".

„У страха глаза велики. Вотъ отчего прямо родились и возросли негодованія оныя и подозрѣнія".

„Все сіе усилилось,—пишетъ далѣе Лопухинъ,—началомъ революціи въ Парижѣ въ 1789 г., которой произведеніе тогда приписывали тайнымъ обществамъ и системѣ философовъ; только ошибка въ этомъ заключеніи была та, что и общества оныя и система были совсѣмъ не похожи на наши. Нашего общества предметъ былъ добродѣтель и стараніе, исправляя себя, достигать ея совершенства, при сердечномъ убѣжденіи о совершенномъ ея въ насъ недостаткѣ, а система наша, что Христосъ—начало и конецъ всякаго блаженства и добра въ здѣшней жизни и въ будущей. Той же философіи система—отвергать Христа, сомнѣваться въ безсмертіи души, едва вѣрить, что есть Богъ, и надуваться гордостью самолюбія. А общества оныхъ предметъ былъ: заговоръ буйства, побуждаемаго глупымъ стремленіемъ къ необузданности и неестественному равенству".

Какъ видно, самъ Лопухинъ повторялъ ходячіе взгляды на сущность французской просвѣтительной философіи и вмѣстѣ съ другими вѣрилъ, что былъ какой-то особый заговоръ тайнаго общества, пропитаннаго философскими идеями, результатомъ котораго какъ будто бы и была революція. Здѣсь, очевидно, Лопухинъ вполнѣ воспринялъ все, что ходило въ обществѣ объ иллюминатахъ. Но повторяя это ходячее мнѣніе, онъ самъ же даетъ мѣткое возраженіе противъ него и подходитъ къ болѣе серьезному объясненію французской революціи. „Впрочемъ,—

говоритъ онъ,—главною причиною революціи ставитъ самую оную философію и общества похоже, мнѣ кажется, на то, какъ иногда больные, изнуривъ себя и всѣ свои соки испортивъ невоздержанностью и неосторожностью, не желая признаваться въ прямыхъ причинахъ своихъ болѣзней, стараются ихъ приписывать какимъ-нибудь неважнымъ постороннимъ случаямъ, въ коихъ они невинны и которые бы для нихъ совсѣмъ нечувствительны были, если бы разслабленное тѣло ихъ не было уже готово разрушиться. Злоупотребленіе власти, ненасытность страстей въ управляющихъ, презрѣніе къ человѣчеству, угнетеніе народа, безвѣріе и развратность нравовъ: вотъ прямые и одни источники революціи".

Такое вѣрное пониманіе событій революціи и вмѣстѣ признаніе обычнаго взгляда, что революція была совершена тайнымъ обществомъ иллюминатовъ, было необычайно характернымъ: оно свидѣтельствуетъ, что даже люди съ критическимъ отношеніемъ къ дѣйствительности способны были поддерживать общія заблужденія. Что же можно было спрашивать съ тѣхъ, кто всегда жилъ чужимъ мнѣніемъ, и съ тѣхъ, кто къ объясненію дѣйствительности всегда прилагалъ заранѣе вырѣзанные шаблоны? Такъ „философъ на тронѣ" — Екатерина—и сѣрая масса окружающаго общества вставали на одну и ту же плоскость въ объясненіи того, что ихъ напугало.

Надзоръ за „подозрительными" людьми съ конца 80-хъ гг. былъ усиленъ. Въ Москвѣ въ этомъ направленіи особенно старался кн. Прозоровскій, въ февралѣ 1790 г. назначенный главнокомандующимъ. „Это былъ старый фронтовый генералъ,—характеризуетъ его Лонгиновъ,—который полагалъ, что все на свѣтѣ можетъ и должно подчиняться военной дисциплинѣ, и что администрація состоитъ въ одномъ наблюденіи за сохраненіемъ порядка, понимаемаго въ самомъ узкомъ значеніи этого слова. Надменный по характеру, довольно ограниченный умомъ, плохо образованный, онъ не уважалъ просвѣщенія и цѣнилъ одну исполнительность по службѣ".

Насколько этотъ человѣкъ былъ вполнѣ опредѣленъ въ своей исполнительности, показываетъ отзывъ о немъ Потемкина въ письмѣ къ императрицѣ по поводу его назначенія главнокомандующимъ: „Ваше величество выдвинули изъ вашего арсенала самую старую пушку, которая будетъ непремѣнно стрѣлять въ вашу цѣль, потому что своей собственной не имѣетъ. Только

берегитесь, чтобы она не запятнала кровью въ потомствѣ имя вашего величества".

Черезъ полмѣсяца послѣ своего назначенія кн. Прозоровскій получилъ собственноручно-написанную императрицей инструкцію, въ которой былъ такой совѣтъ о масонахъ: „Касательно извѣстной шайки полезно будетъ безъ огласки узнать число людей, оной держащихся: пристаютъ ли вновь или убываютъ ли изъ оной" [1]).

Прозоровскаго собственно и не нужно было поощрять въ дѣлѣ надзора за мартинистами: негласное наблюденіе, сыскъ были излюбленными методами его административной дѣятельности. Онъ сейчасъ же по назначеніи окружилъ подозрительныхъ лицъ шпіонами, а на почтѣ организовалъ тщательную перлюстрацію нужныхъ писемъ, въ которой особенно постарался московскій почтмейстеръ Ив. Пестель, тотъ самый, отъ котораго считалъ необходимымъ отречься впослѣдствіи извѣстный декабристъ Пав. Ив. Пестель.

Выдѣлить „подозрительныхъ" лицъ совсѣмъ не представляло труда, потому что до самаго закрытія ложъ въ 1786 г. ихъ собранія происходили безъ всякой скрытности, полиція не только была освѣдомлена о засѣданіяхъ, но „въ праздничныя собранія и команду давала для порядка въ разъѣздѣ", по свидѣтельству Лопухина. Прозоровскій и сталъ слѣдить за вполнѣ опредѣленными лицами, къ которымъ въ чиновномъ обществѣ давно уже приложили кличку „мартинисты". Все, что зналъ Прозоровскій объ ихъ дѣятельности, показалось ему необычайно подозрительнымъ; даже въ томъ, что нѣкоторые изъ масоновъ любили подавать милостыню, онъ видѣлъ что-то неестественное и объяснялъ щедрость такихъ лицъ тѣмъ, что они дѣлаютъ фальшивыя деньги. Вмѣстѣ съ тѣмъ Прозоровскій въ совершенствѣ усвоилъ оффиціальную точку зрѣнія на масоновъ. Еще не имѣя въ своихъ рукахъ никакихъ фактическихъ данныхъ, на основаніи только бесѣдъ въ гостинной своего тестя, Прозоровскій черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего назначенія уже докладывалъ Екатеринѣ, въ чемъ заключается московскій мартинизмъ. Прежде всего, конечно, онъ подчеркиваетъ, что корысть—главное основаніе всей дѣятельности Новиковскаго кружка: „Новикова мартинизма состоитъ въ интересѣ", говоритъ онъ

---

[1]) Пекарскій, Дополн., с. 126.

и тутъ же называетъ его и его товарищей иллюминатами. По его мнѣнію, эти иллюминаты руководятъ дѣятельностью масоновъ низшихъ ступеней, и тѣ являются только послушнымъ орудіемъ въ ихъ рукахъ. Чтобы способнѣе было осуществлять свои тайныя и преступныя намѣренія, эти иллюминаты, по словамъ Прозоровскаго, постарались захватить въ свои руки университетскую типографію и добились разрѣшенія на устройство Дружескаго общества. „Тутъ они, — говоритъ онъ,—въ видѣ ученаго собранія начали смѣло производить дѣйства, какъ печатаніемъ непозволенныхъ книгъ, глупцовъ обирать и заводить великія строенія, въ которыхъ помѣстили больницу, богадѣльню и аптеку; тутъ же была типографія, и набирать изъ разныхъ семинарій учениковъ на ихъ учить коштъ". Своихъ учениковъ-семинаристовъ они старались проводить на вліятельныя мѣста священниковъ, чтобы легче распространять соблазнъ въ народѣ, а при начальникахъ вездѣ постарались завести своихъ ставленниковъ и шпіоновъ. Словомъ, по мнѣнію князя, „Новикова шайка держится іезуитскаго правила". Зараза мартинистская, по его мнѣнію, въ Москвѣ пустила уже прочные корни: и въ университетѣ, и въ церкви, и въ ученыхъ собраніяхъ, и въ купеческомъ обществѣ—вездѣ уже имѣются у нихъ сторонники. Правда, правительство уже приняло мѣры: приказало „разорить" ложи, и Прозоровскій эту мѣру одобряетъ, но считаетъ ее недостаточной, потому что и послѣ запрещенія „партія Новикова собирается приватно, чего и запретить невозможно, въ видѣ пріятельскаго посѣщенія въ теперешнее время внѣ Москвы, у кн. Н. Н. Трубецкого въ деревнѣ, называемой Очакова". Такимъ образомъ, еще въ 1790 г., до начала фактическаго знакомства съ дѣломъ мартинистовъ, Прозоровскій высказываетъ уже вполнѣ сложившееся мнѣніе о немъ. И то обстоятельство, что это мнѣніе вполнѣ совпадало со взглядами императрицы, еще болѣе усиливало ея рѣшимость „покончить" съ новиковскимъ кружкомъ. Сейчасъ же за докладомъ Прозоровскаго она набрасываетъ въ собственноручной запискѣ проекты необходимыхъ мѣръ: „Послать подъ какимъ ни есть видомъ ково осмотрѣть, какія строенія заводитъ у себя въ деревнѣ Новиковъ". „Имена семинаристовъ нужно знать, паче же тѣхъ, кои постриглись, дабы не попались въ кандидаты епархіальные для епископства".

„Уничтожить это почтенное общество, изъ котораго, окромѣ

книгъ несходныхъ съ православіемъ не выходило". Въ 1790 г., когда намѣтились эти мѣры, однако, не представлялось достаточно сильнаго повода, чтобы немедленно же привести ихъ въ исполненіе.

Но въ этомъ году вышла книга Радищева, и подозрѣнія и раздраженія власти, какъ указывалось выше, проявились въ жестокомъ наказаніи ея автору. Судьба Радищева поразила московскихъ масоновъ. При всемъ несогласіи съ его основными философскими взглядами, они отнюдь не могли считать его преступникомъ, достойнымъ такой тяжелой кары; наоборотъ, они видѣли въ немъ хотя и разномыслящаго, но честнаго человѣка и горячаго патріота. Кара Радищеву была карой свободной русской общественной мысли, и эта кара заставляла думать, что не сегодня-завтра то же самое обрушится и на нихъ, масоновъ. Къ тому же одинъ изъ членовъ московскаго кружка, А. М. Кутузовъ, былъ близкимъ пріятелемъ Радищева. Если они и не знали, что сама Екатерина причислила Радищева къ „мартинистамъ", то во всякомъ случаѣ догадывались, что близость Кутузова къ Радищеву вызоветъ у власти еще большія подозрѣнія противъ масоновъ.

Съ 1784 г. на нихъ уже сыпался ударъ за ударомъ, и въ концѣ 80-хъ гг. положеніе ихъ было такое, что съ ними обращались какъ съ людьми, лишенными правъ, хотя оффиціально ихъ вина и не была еще доказана. Въ объясненіяхъ гоненіямъ власти на масонство они стояли на той же точкѣ зрѣнія, что и Радищевъ: не Екатерина виновата въ тѣхъ несправедливостяхъ, какихъ такъ много скопилось въ окружающей жизни, а ея уполномоченные, которые во зло употребляютъ ея довѣренность.

„Ежели бы наша монархиня могла видѣть все то, что опредѣленные ею дѣлаютъ, вострепетало бы ея нѣжное человѣколюбивое сердце,—писалъ въ октябрѣ 1790 г. Кутузовъ изъ Берлина,— гнѣвъ ея, справедливый гнѣвъ, постигъ бы сихъ нечеловѣковъ, злоупотребляющихъ ея довѣренность; я всегда скажу, безъ всякаго лицемѣрія, не монархиня причиною нашего притѣсненія, но одовѣренные частицею ея власти" [1]).

И такъ же, какъ Радищевъ, московскіе масоны считали необходимымъ раскрыть Екатеринѣ глаза на злоупотребленіе вла-

---

[1]) „Русск. Стар." 1874 г., № 2, с. 265.

стей, которыя, по ихъ мнѣнію, отъ нея скрывались. Разсказавъ о притѣсненіяхъ, Кутузовъ прямо говорилъ: „Скажу и то, что частію сами мы причиною сего. Дитя не плачетъ, мать не разумѣетъ; для чего не прибѣгаемъ къ самой ней и не стараемся пробиться сквозь лицемѣріе, ласкательство и ложь, окружающія ея престолъ. Она человѣколюбива, она правосудна, безъ сомнѣнія, подала бы намъ руку помощи; собственная ея польза требуетъ сего, ея благоденствіе находится въ благоденствіи ея подданныхъ". „Ежели бы знали истинныя наши расположенія, перестали бы насъ гнать и нашли бы насъ послушнѣйшими и вѣрнѣйшими гражданами, нежели тѣ, которые противу насъ наушаютъ" [1]).

Московскіе масоны и предприняли нѣкоторые шаги, чтобы освѣдомить Екатерину объ истинной сущности ихъ масонства: въ 1791 г. Тургеневъ напечаталъ въ переводѣ на французскій языкъ свое сочиненіе: „Кто можетъ быть добрымъ гражданиномъ и подданнымъ вѣрнымъ", въ то же время Лопухинъ издалъ „Нравоучительный катехизисъ истинныхъ франкъ-масоновъ". Но еще прежде, въ 1790 г., Лопухинъ и Кутузовъ попытались для тѣхъ же цѣлей освѣдомленія использовать свою переписку. Они знали, что ихъ письма распечатываются и копируются на почтѣ, и вотъ и съ той и другой стороны пересылаются обширныя разъясненія истинной сущности масонскаго ученія и не менѣе обширныя обличенія злоупотребленій власти. Но увы! если эти обращенія къ престолу черезъ черный кабинетъ и достигали какой-либо цѣли, то совсѣмъ не той, какая была желательна авторамъ переписки: какъ и въ книгѣ Радищева, власть могла сколько угодно найти здѣсь доказательствъ „французской заразы". Въ одномъ изъ своихъ писемъ Лопухину Кутузовъ, напр., писалъ: „Извѣстно мнѣ, что, окрестивъ насъ многихъ именемъ мартинистовъ, самымъ тѣмъ думаютъ имѣть право поступать съ нами, какъ угодно, и считаютъ за позволенное отнимать у насъ подпору законовъ. Но, сердечный мой другъ, приличны ли таковые поступки въ благоучрежденномъ государствѣ? Согласуются ли оные съ начертаніями нашей монархини? Все сіе заставляетъ меня воззывать: горе землѣ, въ которой подчиненные, начальники и судьи, а не законы управляютъ гражданами и дѣлами! Всякій изъ нихъ почитаетъ

[1]) Ibid.

себя мудрецомъ высшей степени... всякій приноситъ свое умствованіе, и отъ сего происходитъ исполненіе россійской старинной пословицы: у семи нянекъ дитя безъ глазу. Коль скоро позволяется человѣку судить о намѣреніяхъ человѣка и догадки свои равнять дѣйствительному дѣянію, толь скоро исчезаетъ личная безопасность, ослабѣваетъ довѣренность законовъ, да и сами законы теряютъ свою силу. Граждане содѣлываются нерѣшительными, твердость и мужество уступаютъ мѣсто робости и ползающему духу; правда и великодушіе отступаютъ отъ сердецъ нашихъ; коварство, хитрость, лукавство воздымаютъ смѣло главу свою, попирая все своими мерзкими ногами, истребляя всѣ добродѣтели, все похвальное и великое, которое человѣка дѣлаетъ человѣкомъ; отечество наше становится намъ чуждо, ибо содѣлывается жилищемъ нашего душевнаго мученія".

Все содержаніе этого отрывка, весь его тонъ и даже языкъ такъ близко напоминаютъ вдохновенныя страницы книги Радищева, и врядъ ли Кутузовъ могъ думать, что онъ, при всемъ различіи съ Радищевымъ въ основахъ міросозерцанія, такъ близко подойдетъ къ нему въ оцѣнкѣ современной дѣйствительности, а при такихъ условіяхъ всякая попытка оправдаться приводила лишь къ сугубымъ подозрѣніямъ.

Въ связи съ книгой Радищева, признаннаго властью „мартинистомъ", Екатерина собралась окончательно ликвидировать Новиковскій кружокъ: весной 1791 г. она подписала уже, по свидѣтельству Лопухина, указъ о производствѣ слѣдствія надъ мартинистами, но указъ этотъ она не прямо вручила Прозоровскому, а передала его гр. Безбородко: тотъ долженъ былъ отправиться въ Москву и тамъ, въ зависимости отъ положенія дѣла, или пустить указъ въ ходъ или задержать его. Гр. Безбородко и тогда и позднѣе, уже послѣ слѣдствія надъ Новиковымъ, высказывался противъ крутыхъ мѣръ въ преслѣдованіи масоновъ, считалъ ихъ „несоотвѣтствующими славѣ Екатерины", и потому теперь, не найдя опять важнаго повода для производства слѣдствія, не далъ хода указу. Такимъ образомъ, уже второй разъ Екатерина рѣшала принять окончательныя мѣры противъ мартинистовъ и искала лишь уважительнаго повода для этого.

Въ 1792 г., какъ указывалось выше, нервное настроеніе власти достигло наивысшаго предѣла: въ Петербургѣ ходили слухи, что мартинисты рѣшили устроить покушеніе на жизнь государыни, а тутъ какъ разъ на глаза власти попалась книга,

„церковными литерами напечатанная, содержащая разныя собранныя статьи изъ повѣствованій раскольничьихъ“—то была „Исторія о отцахъ и страдальцахъ Соловецкихъ“—книга, изданная еще въ 1788 г. неизвѣстно въ какой типографіи. Эта книга и послужила достаточнымъ поводомъ для ареста Новикова. 13 апрѣля 1792 г. объ этомъ былъ подписанъ указъ Прозоровскому.

Въ указѣ предписывалось произвести внезапный обыскъ у Новикова въ Москвѣ и въ деревнѣ одновременно—„не найдется ли у него таковая книга, либо другія ей подобныя, или же, по крайней мѣрѣ, литеры церковныя“.

Въ случаѣ, если все это будетъ найдено, указъ предписывалъ арестовать Новикова и допросить, какъ онъ смѣлъ издавать запрещенныя книги и кстати, какимъ путемъ онъ успѣлъ разбогатѣть. Получивъ этотъ указъ, кн. Прозоровскій постарался расширить его такъ, чтобы по возможности вмѣстѣ съ Новиковымъ привлечь къ отвѣту и всѣхъ лицъ, связанныхъ съ нимъ. Прежде ареста онъ поручилъ довѣренному лицу частнымъ образомъ достать въ какомъ-либо книжномъ магазинѣ инкриминируемую книгу, и хотя этой книги въ магазинахъ не нашлось, но зато удалось добыть „Новую киропедію“, изъятую въ 1786 г. изъ продажи.

Отсюда Прозоровскій рѣшилъ сдѣлать обыски не только у Новикова, но и у всѣхъ остальныхъ книжныхъ торговцевъ.

22 апрѣля, одновременно съ обыскомъ въ имѣньи Новикова—Авдотьино, подверглись обыску въ Москвѣ: книжная лавка Новикова, магазинъ типографіи, Гендриковскій домъ и всѣ остальныя книжныя лавки. Ни у Новикова, ни у другихъ книготорговцевъ упомянутой въ указѣ книги не было найдено, точно такъ же у Новикова не оказалось и церковнаго шрифта, но зато книгъ, „подобныхъ“ инкриминируемой, было найдено не мало. Въ Москвѣ было найдено въ продажѣ 20 книгъ, запрещенныхъ въ 1786—87 гг. и 48 книгъ, напечатанныхъ безъ цензуры; кромѣ того, въ имѣньи Новикова были конфискованы масонскія книги, напечатанныя исключительно для братіи ордена и не поступавшія въ продажу. Дѣло въ томъ, что въ 1785 г., когда въ книжной лавкѣ Новикова были переписаны всѣ книги его изданія и взяты для просмотра, обыскъ не коснулся его книжнаго склада и другихъ книжныхъ лавокъ, и потомъ, когда книги, признанныя „сумнительными“, были конфискованы и опечатаны, Новиковъ не заявилъ, что такія же книги имѣются на складѣ у

него и у другихъ. Такимъ образомъ, и у Новикова и другихъ торговцевъ много запрещенныхъ книгъ избѣжало конфискаціи. Очень вѣроятно, что вслѣдъ за запрещеніемъ нѣкоторыхъ книгъ, на нихъ почувствовался большой спросъ, и торговцы пустили въ продажу оставшіеся у нихъ экземпляры, а вслѣдъ за торговцами и Новиковъ разрѣшилъ своему приказчику Кольчугину продавать запрещенныя книги.

Точно такъ же въ роспись 1785 г. не попали книги, вышедшія изъ „тайной“ типографіи масоновъ, и также поэтому уцѣлѣли отъ конфискаціи. Въ 1786 г. московскіе масоны рѣшили ихъ припрятать, чтобы не попасть къ отвѣту; книги эти сначала были вывезены въ деревню кн. Черкасскаго, а потомъ уже перевезены въ имѣнье Новикова.

Теперь всѣ онѣ были обнаружены, и такъ какъ конфискованные экземпляры ихъ лежали нетронутыми, возникало подозрѣніе, что послѣ запрещенія Новиковъ снова печатаетъ тѣ же книги.

Поэтому, князь Прозоровскій, не дожидаясь новаго указа отъ императрицы, самостоятельно принялъ рѣшительныя мѣры для полнаго обнаруженія крамолы. Московскіе книгопродавцы, у которыхъ были найдены запрещенныя книги, а такихъ нашлось 15 человѣкъ, были взяты подъ стражу, и лавки ихъ были запечатаны. Самъ Новиковъ послѣ обыска 22 апрѣля въ его имѣньи не былъ доставленъ въ Москву: онъ былъ сильно нездоровъ, а обыскъ такъ его напугалъ, что съ нимъ начались частые обмороки. Совѣтникъ Алсуфьевъ, производившій по приказу Прозоровскаго обыскъ, не рѣшился везти больного въ Москву и оставилъ его подъ домашнимъ арестомъ подъ надзоромъ уѣзднаго городничаго съ командой.

Прозоровскій, не полагаясь на бдительность уѣздной полиціи, 23 апрѣля отправилъ изъ Москвы гусарскаго майора кн. Жевахова съ командой изъ 12 гусаръ съ оберъ и унтеръ-офицеромъ и капраломъ. Кн. Жевахову поручено было немедленно доставить Новикова въ Москву, и онъ, несмотря на болѣзненные припадки арестованнаго, выполнилъ это порученіе. Въ Москвѣ Новиковъ подъ строгимъ надзоромъ былъ помѣщенъ въ своемъ домѣ на Никольской, а въ его имѣньи былъ оставленъ одинъ изъ гусарскихъ офицеровъ съ частью команды—слѣдить, чтобы что-нибудь не было вывезено оттуда. 25 апрѣля въ Москвѣ началось слѣдствіе,

XXII.

Слѣдствіе и приговоръ по дѣлу Новикова и его товарищей.

Князь Прозоровскій началъ слѣдствіе, твердо убѣжденный въ виновности Новикова. Мало того, онъ подходилъ къ дѣлу съ тѣмъ заранѣе сложившимся представленіемъ о немъ, какое мы видѣли въ донесеніяхъ Прозоровскаго императрицѣ еще въ 1790 г. Прозоровскому хотѣлось во что бы то ни стало разоблачить страшный заговоръ „иллюминатовъ“ въ Россіи, а Новикова онъ считалъ главнымъ руководителемъ заговора или „шайки“, какъ выражался Прозоровскій. Ему представлялось, конечно, что дѣло будетъ не легкое и даже опасное: Новиковъ и его товарищи постараются по возможности запутать слѣдователей, скрыть всѣ слѣды преступленій.

„Дѣло „нѣжное“,—писалъ Прозоровскій,—а „экова плута тонкаго (Новикова) мало я видалъ“. Или вотъ другой образчикъ его донесеній императрицѣ: „Такого коварнаго и лукаваго человѣка я, Всемилостивѣйшая Государыня, мало видалъ; а къ тому жъ человѣкъ натуры острой, догадливой и характеръ смѣлой и дерзкой: хотя видно, что онъ робѣетъ, но не замѣшивается; весь его предметъ только въ томъ, чтобы закрыть его преступленіе“ [1]).

Съ этой точки зрѣнія и въ болѣзни Новикова Прозоровскій не видѣлъ ничего другого, кромѣ притворства. Во время долгихъ и утомительныхъ допросовъ, когда больной Новиковъ приходилъ въ полное изнеможеніе, Прозоровскій рѣзко окрикивалъ его и однажды пригрозилъ даже отправить его въ Тайную Экспедицію и не давать ему ѣсть. Искусственно создавалась та-

---

[1]) Дѣт. р. л. и др., с. 17.

кая обстановка слѣдствія, что одинъ изъ привлеченныхъ къ нему, наборщикъ Новиковской типографіи Степанъ Ильинскій, послѣ окриковъ князя пытался покончить съ собой самоубійствомъ и перерѣзалъ себѣ горло перочиннымъ ножомъ. Это обстоятельство отнюдь не смутило Прозоровскаго, наоборотъ, онъ увидѣлъ въ немъ лишнее доказательство фанатизма Новиковскаго кружка: донося объ этомъ происшествіи, онъ такъ и писалъ императрицѣ: „Въ какое зло, Всемилостивѣйшая Государыня, сей Новиковъ завелъ сихъ людей и наполнилъ ихъ вреднымъ фанатизмомъ“ [1]). Строгостью и угрозами Прозоровскій хотѣлъ заставить говорить „правду“, но правду непремѣнно такую, какую онъ предполагалъ въ масонствѣ. Князь нервничалъ и сердился, когда на его вопросы ему отвѣчали не то, что ему хотѣлось слышать.

Такъ, любопытную картинку слѣдствія рисуетъ въ своихъ запискахъ Лопухинъ. Прозоровскій хотѣлъ у него получить сознаніе, что масоны были въ сношеніи съ якобинцами, и предложилъ ему вопросъ, не было ли переписки съ французами. Когда Лопухинъ отвѣтилъ утвердительно, Прозоровскій торжествовалъ и хвалилъ Лопухина за откровенность. Однако изъ дальнѣйшаго выяснилось, что эти французы, съ которыми Лопухинъ переписывался, были лавочниками, черезъ которыхъ получались заграничныя сукна, табакъ, вино, конфекты и т. п. Князь разсердился, принялъ это за шутку и упорно твердилъ, что переписка была съ якобинцами, а не съ французскими коммерсантами.

Такія несовпаденія между ожиданіями слѣдователя и показаніями обвиняемыхъ встрѣчались на каждомъ шагу, а это еще болѣе заставляло князя Прозоровскаго убѣждаться въ „коварствѣ“ допрашиваемыхъ.

Точно такъ же и тотъ матеріалъ, который былъ захваченъ для слѣдствія при обыскѣ, не удовлетворялъ слѣдователей. Въ ихъ рукахъ была обширная масонская переписка, рядъ рукописей и масонскихъ печатныхъ произведеній, но сложная исторія, какую прошли въ своихъ исканіяхъ русскіе масоны, конечно, сильно отразилась на всемъ этомъ матеріалѣ. Его нельзя было использовать безъ того, чтобы не распредѣлить его систематически и хронологически, а между тѣмъ слѣдователи менѣе всего

---

[1]) Лѣт., с. 28.

были подготовлены къ такой работѣ и совсѣмъ не были въ ней заинтересованы. Они брали этотъ матеріалъ цѣликомъ, такъ сказать съ налета, выхватывали изъ него отдѣльные заинтересовавшіе ихъ документы и на этихъ разрозненныхъ остаткахъ хотѣли обосновать свои заранѣе сложившіяся представленія о сути русскаго масонства. Но документы не давали готоваго отвѣта, что былъ заговоръ россійскихъ иллюминатовъ противъ правительства и общества, отсюда хитроумные слѣдователи пытались найти въ документахъ косвенныя подтвержденія ихъ предположеній, пытались даже въ обычныхъ словахъ найти сокровенный преступный смыслъ. Насколько далеко шелъ въ такихъ поискахъ князь Прозоровскій, показываетъ одно современное преданіе: будто Прозоровскій при допросѣ Новикова взялъ какую-то изъ изданныхъ имъ книгъ, испещренную въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ ссылками на главы и стихи Священнаго Писанія, и заявилъ тономъ знающаго секретъ: „Вотъ тутъ, подъ этими условными знаками, скрываются ваши зловредные замыслы и преступныя ученія; но все это теперь откроется“. Если это даже анекдотъ, то во всякомъ случаѣ очень характерный именно для князя Прозоровскаго. Конечно, кромѣ этихъ пріемовъ, широкимъ образомъ былъ использованъ и обычный пріемъ завѣрить допрашиваемаго, что его товарищи уже разсказали всю „правду“, и ему теперь лишь только вредно замалчивать ее.

Оффиціально въ допросъ Новикову Прозоровскій включилъ только тѣ пункты, какіе были въ указѣ Екатерины отъ 13 апрѣля 1792 г. и даже въ той же формулировкѣ, въ какой они стояли въ указѣ. Новикову предложено было объяснить: 1) какимъ путемъ онъ, человѣкъ безъ замѣтнаго достатка, пріобрѣлъ себѣ большое состояніе въ видѣ домовъ, типографіи и другихъ подобныхъ заведеній; 2) какъ онъ осмѣлился продавать запрещенныя книги, и 3) почему онъ печаталъ книги, „толкующія Священное Писаніе“, тогда какъ такія книги имѣлъ право издавать лишь Синодъ.

Отвѣты Новикова и отвѣты одновременно съ нимъ допрашиваемыхъ приказчика его книжной лавки, Кольчугина, и наборщика типографіи Компаніи, Ильинскаго, безъ утайки и обстоятельно выяснили слѣдователю всѣ, уже извѣстныя изъ предыдущаго разсказа, обстоятельства о томъ, какъ возникла и развилась Компанія, организованная Новиковымъ, какъ постепенно

росли ея обороты, средства, а въ послѣднее время—и долги, какъ послѣ слѣдствія въ 1786 г. на рукахъ Новикова и другихъ книготорговцевъ остались „запрещенныя“ книги, и какъ онѣ послѣ были пущены въ продажу. Новиковъ объяснилъ, что до 1786 г. не было запрещено частнымъ типографіямъ печатать „духовныя“ книги, и онъ, примѣтя, что духовныхъ книгъ болѣе спрашиваютъ, сталъ ихъ и печатать больше. Печатались эти книги всѣ подъ цензурой, сначала духовенства, а потомъ полиціи и университета. Послѣ 1786 г., по показанію Новикова, религіозно-нравственныхъ книгъ въ его типографіи не печаталось ни одной, но слѣдствіе въ этомъ году велось такъ, что многія книги, признанныя „запрещенными“, остались въ лавкахъ и были потомъ пущены въ продажу. Въ этомъ обстоятельствѣ Новиковъ признавалъ себя виновнымъ и просилъ милосердія.

Что же касается тѣхъ книгъ, забранныхъ при обыскѣ, на которыхъ не было помѣтокъ о цензурѣ и которыя заставляли подозрѣвать, что и послѣ 1786 г. печатаніе запретныхъ книгъ продолжалось, то Новиковъ объяснилъ, что эти книги тоже были всѣ напечатаны до 1786 г., но онѣ предназначались для употребленія только масоновъ, въ продажу онѣ не поступали и потому въ 1786 г. прошли и мимо слѣдствія и мимо конфискаціи. Далѣе Новиковъ чистосердечно разсказалъ, какъ онъ съ товарищами припрятали эти книги въ деревню, чтобы онѣ не попались на глаза власти. Существованіе какихъ-либо дурныхъ намѣреній при печатаніи этихъ книгъ Новиковъ рѣшительно отрицалъ. „При намѣреніи печатать сіи книги не было у насъ никакого злого намѣренія, даже ни малѣйше худого; но единственно почитая ихъ полезными для собственнаго нравственнаго противъ вольнодумства исправленія и употребленія тѣхъ масоновъ, которые иностранныхъ языковъ не знаютъ“ [1]).

Кромѣ этихъ показаній на оффиціально предложенные вопросы, Прозоровскій, какъ онъ самъ свидѣтельствуетъ, спрашивалъ Новикова и „по масонству“, по поводу тѣхъ бумагъ, какія были взяты при обыскѣ, но отвѣты Новикова не удовлетворили слѣдователя, онъ даже не запротоколировалъ ихъ. „Новиковъ все отвѣчалъ такъ, что недостойно и писать, то-есть въ генеральномъ словѣ: все хочетъ закрыть“, какъ писалъ князь въ донесеніи императрицѣ.

---

[1]) Лѣт., V, с. 25.

Поэтому онъ отправилъ въ Петербургъ только отвѣты Новикова на первые вопросы, а самъ принялся разбирать взятыя у Новикова бумаги и искать въ нихъ доказательствъ той вины, какую заранѣе предполагалъ.

Бумаги Новикова дали возможность князю болѣе подробно развить ту схему его обвиненій, какую онъ на основаніи однихъ только слуховъ набросалъ въ своемъ донесеніи о масонствѣ еще въ 1790 г. Конечно, и теперь, какъ и тогда, всѣ его донесенія о масонствѣ были исполнены „догадками и неосновательными сужденіями“, какъ говоритъ Лонгиновъ, но тѣмъ не менѣе въ ходѣ дѣла Новикова эти донесенія сыграли большую роль, и потому нельзя обойти ихъ въ изложеніи, какъ это дѣлаетъ Лонгиновъ.

Въ масонскихъ бумагахъ больше всего бросилось въ глаза князю Прозоровскому то обстоятельство, что всѣ масоны „разумѣютъ Христа своимъ начальникомъ и въ повелѣніяхъ, которыя идутъ отъ перваго начальника къ провинціалу и отъ онаго, именемъ всегда главнаго начальника приказываютъ, то-есть именемъ Христа или Бога, заключая такъ: что приказываетъ начальникъ, исполнять должно, какъ бы самъ Богъ приказывалъ: ибо безъ власти его ничто дѣлаться не можетъ“ [1]).

Указывая на это обстоятельство, Прозоровскій писалъ далѣе: „Сей пунктъ, по мнѣнію моему, наиважнѣйшій: гдѣ Христосъ управляетъ или они его вдохновеніемъ, то тутъ другого правительства какъ гражданскаго, такъ и духовнаго быть не можетъ“ [2]). Такимъ образомъ, основное положеніе Прозоровскаго то, что масоны отрицаютъ существующую организацію государства и церкви. Правда, въ бумагахъ Прозоровскій нашелъ и то указаніе, что всякій масонъ обязанъ повиноваться Богу и государю, но, по его мнѣнію, все это было прежде, до учрежденія „ордена розоваго и золотого креста“, а въ этомъ послѣднемъ „и въ присягу вмѣщено, что повиноваться они безмолвно должны главному начальнику, но кто онъ таковъ, объ немъ не спрашивать“. Подчиняясь такому начальнику и дѣйствуя по секретной отъ него инструкціи (здѣсь съ сожалѣніемъ князь отмѣчалъ, что таковая, по всему видно, должна быть, но въ бумагахъ ее нѣтъ), розенкрейцеры хотятъ создать особую

---

[1]) Лѣт., V, с. 33.
[2]) Ib., с. 34.

космополитическую организацію. „О государствѣ и отечествѣ нигдѣ въ розовыхъ кавалерахъ (т.-е. у розенкрейцеровъ) не видно; да, кажется, отечества быть у нихъ и не можетъ, какъ они братья со всѣми въ свѣтѣ масонами“ [1]).

Точно такъ же, по мнѣнію Прозоровскаго, масоны стремятся создать и универсальную космополитическую религію и церковь, „ввести, какъ онъ пишетъ, единозаконіе въ свѣтѣ“.

„Отступаютъ они (масоны) совершенно отъ исповѣданія нашей церкви; одна Библія—ихъ законъ... а церковь за ничто почитаютъ, а ложу свою почитаютъ храмомъ“ [2]).

У себя въ ложахъ масоны кощунственно употребляютъ обряды и термины христіанской церкви: у нихъ есть Святая Святыхъ, алтарь, передъ которымъ при вступленіи приносится присяга, у нихъ совершается обрядъ причащенія хлѣбомъ и виномъ, имѣются свои духовныя лица, духовная одежда и т. п. Однихъ себя масоны признаютъ „законниками“, а „прочихъ же всѣхъ людей почитаютъ они развратниками, погибшими для будущаго переселенія“ [3]).

Внутри масонской организаціи всѣ должны быть равны во всѣхъ отношеніяхъ. Правда, опять и здѣсь Прозоровскій не нашелъ въ бумагахъ опредѣленнаго указанія, что масоны стремились ко всеобщему равенству, даже, наоборотъ, въ масонскомъ катехизисѣ Прозоровскій разглядѣлъ, что „равенство предписывается только въ ложахъ“, но тѣмъ не менѣе онъ не отказался отъ своего обвиненія.

Итакъ, вотъ въ чемъ заключается, по мнѣнію Прозоровскаго, „ученіе“ масоновъ: они проповѣдуютъ всеобщее братство, единую вѣру, всеобщее равенство. Но, отмѣчая эти пункты въ масонскомъ ученіи, Прозоровскій никакъ не могъ повѣрить, чтобы въ масонствѣ возможны были какія-то идеальныя стремленія. Пѣтъ, проповѣдуя всѣ эти ученія въ своихъ собраніяхъ и еще больше въ книгахъ, которыя масоны стремились всюду распространить, они старались только привлечь къ себѣ легковѣрныхъ людей, „ибо таковые люди,—писалъ князь,—почтя ихъ законниками, къ нимъ пристанутъ, а они считали тѣмъ способомъ нечувствительно дойтить всѣмъ управлять“ [4]).

---

[1]) Лѣт., V, с. 34.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid.
[4]) Ibid.

доносилъ князь,—дать Новикову по закону бблшую свободу, чѣмъ онъ пользуется теперь, а самое главное—въ судъ нельзя передать допросовъ Новикова, такъ какъ тамъ идетъ рѣчь о масонствѣ, и судъ будетъ обязанъ спросить, что такое масоны. Такимъ образомъ, при передачѣ дѣла въ судъ, у Новикова „всѣ способы будутъ замѣшать оное дѣло". Поэтому князь настаивалъ, что для слѣдствія удобнѣе образовать особую комиссію изъ лицъ „умныхъ и проворныхъ и дѣло знающихъ".

Когда въ Петербургъ пришло это представленіе, императрицѣ было уже извѣстно изложенное выше донесеніе князя о дѣятельности масоновъ по документамъ, которое было отправлено 5 мая, и, очевидно, оно произвело здѣсь большое впечатлѣніе. Екатерина отказалась отъ намѣренія разбирать дѣло Новикова въ судѣ. Указомъ отъ 10 мая она хвалила предусмотрительное распоряженіе Прозоровскаго и повелѣвала отослать Новикова въ Шлиссельбургскую крѣпость, при чемъ самая высылка арестованнаго должна была быть обставлена удивительной строгостью, предусмотрительностью и таинственностью: предписывалось скрыть эту пересылку отъ товарищей Новикова, везти его нужно было не прямой дорогой по петербургскому шоссе, а на Владиміръ—Ярославль—Тихвинъ—Шлиссельбургъ и везти его такъ, „чтобы его никто видѣть не могъ, и остерегаться, чтобы онъ себя не повредилъ". Даже въ приказѣ коменданту крѣпости принять арестованнаго было скрыто имя Новикова: отнынѣ онъ долженъ былъ числиться лишь за №.

Къ этимъ предосторожностямъ князь Прозоровскій прибавилъ и съ своей стороны кое-что. Конвоировать Новикова была назначена цѣлая команда въ 12 человѣкъ подъ начальствомъ извѣстнаго уже кн. Жевахова; въ эту команду вошло шесть гусаръ, „которые бы всѣ были вооружены для всякаго случая", три унтеръ-офицера, ротмистръ и прапорщикъ. Впереди въ отдѣльной кибиткѣ ѣхалъ унтеръ-офицеръ, чтобы заблаговременно заготовлять лошадей на станціяхъ. Въ четырехмѣстной колясклѣ везли полуживого Новикова съ его докторомъ изъ воспитанниковъ Дружескаго общества—Багрянскимъ; здѣсь помѣщался майоръ Жеваховъ съ офицеромъ и „надобное число гусаръ". За коляской ѣхало еще 2 экипажа: въ одномъ везли слугу Новикова, въ другомъ—ѣхала остальная команда.

Кн. Жевахову было указано на всю важность и отвѣтственность даннаго ему порученія и внушено, чтобы онъ на пути

остерегался масоновъ, особенно въ Ярославлѣ, гдѣ, слышалъ Прозоровскій, была масонская ложа. Подорожная была написана не сразу на все разстояніе Москва—Шлиссельбургъ, а отъ одного города въ маршрутѣ до другого, чтобы „тѣмъ лучше скрыть вашу дорогу и настоящее мѣсто, куда вы ѣдете". Въ концѣ мая 1792 г. Новиковъ былъ привезенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость и былъ посаженъ въ камеру, въ которой когда-то помѣщался императоръ Иванъ Антоновичъ.

Такъ уже по внѣшней обстановкѣ Новиковъ превращался въ особо важнаго государственнаго преступника, и это еще тогда, когда на рукахъ Екатерины не было самыхъ важныхъ документовъ,—документовъ, изобличающихъ сношеніе масоновъ съ наслѣдникомъ Павломъ Петровичемъ, которые послужили для самаго существеннаго обвиненія.

Съ привозомъ Новикова въ Шлиссельбургъ, въ непосредственную близость къ столицѣ, направленіе дѣла Новикова сосредоточилось въ рукахъ самой императрицы. Она поручила его опытному и знаменитому при ней сыщику Ст. Ив. Шешковскому, который незадолго передъ этимъ велъ дѣло Радищева. Но Шешковскій и на этотъ разъ былъ гибкимъ и послушнымъ орудіемъ въ рукахъ самой Екатерины. Она лично прочитывала наиболѣе важныя бумаги, дѣлала на нихъ замѣтки и поручала по поводу ихъ спрашивать, она собственноручно составила бо́льшую и существенную часть тѣхъ „пунктовъ", на которые Новиковъ долженъ былъ дать отвѣтъ передъ Шешковскимъ. Она, несомнѣнно, совѣтовалась по поводу отдѣльныхъ сторонъ дѣла съ своими приближенными, такъ, напр., записки Храповицкаго, въ то время секретаря императрицы, отмѣчаютъ, что нѣкоторыя бумаги Екатериной показывались гр. Платону Зубову, тогдашнему фавориту. Словомъ, если Прозоровскаго современники считали невѣжественнымъ человѣкомъ, не способнымъ самостоятельно разбираться въ болѣе или менѣе сложномъ дѣлѣ, то теперь слагалась болѣе „просвѣщенная" обстановка для слѣдствія.

Однако слѣдствіе и теперь велось такъ, что при изученіи его невольно поражаешься грубостью и несообразностью его пріемовъ.

И здѣсь, какъ и въ Москвѣ, изъ бумагъ безъ всякой системы брались лишь отдѣльные документы, на нихъ ссылались для

обвиненія въ томъ или другомъ преступленіи и по поводу ихъ требовались объясненія съ Новикова, но самыхъ бумагъ ему зачастую не предъявляли. Отсюда получалось, что иногда обвиняемый не могъ понять о чемъ его спрашиваютъ, удивлялся, какъ могли быть у него такія бумаги, и ничего не могъ сказать о нихъ, а это слѣдователемъ оцѣнивалось, какъ желаніе избѣжать сознанія въ преступленіи, какъ лишнее проявленіе „коварства“. Напримѣръ, въ 37 пунктѣ допроса съ Новикова требовали объясненія, почему онъ писалъ, чтобы не обличали иллюминатовъ, которые находились въ ихъ ложахъ, и требовали указать, кто они, долго ли они были въ организаціи. Изъ сказаннаго выше видно было, съ какимъ страхомъ московскіе масоны относились къ иллюминатамъ, и явно, что вопросъ слѣдователя основывался на какомъ-то извращеніи смысла найденной бумаги, но этой бумаги Новикову не показали, и онъ могъ только отвѣтить: „Сколько не ломалъ я голову вспоминая, но не только что вспомнить, ниже въ понятіе мое могу сіе вмѣстить, какъ это могло случиться“.

Далѣе, все время въ вопросахъ бросается обвиненіе, что Новиковъ печаталъ и распространялъ „развратныя“ книги, но изъ примѣчаній на отвѣты Новикова, сдѣланныя слѣдователемъ, видно, что ни одна изъ этихъ книгъ имъ не читалась, ибо самъ слѣдователь выражается такъ: „Сіи книги, надобно думать, таковы, какія терпимы быть не могутъ, то и нужно свѣдать объ оныхъ отъ его товарищей“ [1]). Самъ слѣдователь признаетъ, что надо „свѣдать“ о книгахъ, но это такъ и не было сдѣлано: не спрашивали о нихъ ни у товарищей Новикова, ни у какихъ-либо свѣдущихъ лицъ, какихъ власть могла пригласить для экспертизы.

Точно такъ же неоднократно требовали съ Новикова объяснить, какъ ему удалось „пронырствомъ“ своимъ „завлечь“ въ общество богатыхъ людей и обобрать ихъ, но ни одного изъ этихъ, якобы пострадавшихъ, людей не вызывали для свидѣтельскихъ показаній. Все слѣдственное дѣло и въ этой Шлиссельбургской его стадіи производитъ такое же впечатлѣніе, что у слѣдователей имѣлось законченное представленіе о сущности всей дѣятельности Новикова и его товарищей, имѣлось опредѣленное убѣжденіе въ виновности ихъ, и слѣдователи хотѣли только во что бы то ни стало получить признаніе отъ самого

[1]) Сб. И. О., II, с. 128.

обвиняемаго во всѣхъ тѣхъ преступленіяхъ, какія ему заранѣе приписывались.

Въ чемъ именно обвиняли—это вполнѣ ясно изъ вопросныхъ пунктовъ, предложенныхъ Новикову въ Шлиссельбургѣ 3 іюня 1792 г. [1]). Всѣхъ пунктовъ предложено было 57, но мы опустимъ тѣ изъ нихъ, которые касаются отдѣльныхъ фактическихъ подробностей масонской организаціи и дѣятельности Новиковскаго кружка, а изъ остальныхъ сгруппируемъ основныя обвиненія, предъявленныя Новикову.

Первое изъ нихъ—„заведеніе новой секты", организація тайнаго общества со своими начальниками изъ иностранцевъ, которымъ члены „секты" подъ присягой обѣщали неограниченное повиновеніе, которымъ сообщали о всѣхъ важныхъ дѣлахъ и передавали денежныя суммы, а чтобы скрыть эти сношенія, употребляли „цифирную азбуку и гіероглифы", т.-е. особый шифръ.

Въ болѣе обработанномъ видѣ это обвиненіе было формулировано въ вопросныхъ пунктахъ товарищамъ Новикова—Трубецкому, Лопухину и Тургеневу—въ августѣ 1792 г., потому для характеристики правительственной постановки его мы и возьмемъ оттуда цитату.

„Въ сборищахъ вашихъ,—говорится тамъ,—дѣлали вы присягу передъ Евангеліемъ и крестомъ, и оные цѣловали, дѣлая притомъ ужасныя клятвы въ томъ, что о тайнѣ ордена, не свѣдомаго правительству Розоваго Креста, будебъ правительство стало требовать, то терпѣть пытки и розыски, даже и самую смерть, и о той тайнѣ не сказывать. Въ уставахъ о вашихъ сборищахъ сказано, чтобы великому мастеру во всемъ повиноваться и обо всемъ ему открывать; а какъ вы великимъ мастеромъ почитаете герцога брауншвейгскаго, слѣдовательно, всѣ тѣ клятвы и присяги дѣлали оному герцогу, вы жъ обязаны должны быть своему самодержцу и государству, то какъ вы осмѣлились присягать, да еще отрицая повиновеніе правительству" [2]).

„Подчинили вы себя не только въ зависимость, но и въ неограниченное повиновеніе и послушаніе герцогу брауншвейгскому и объ ономъ посылали свои прошенія къ нему" [3]).

---

[1]) Они были опубликованы А. П. Поповымъ во 2-мъ томѣ Сборника Русскаго Историческаго Общества въ 1868 г., на другой годъ послѣ выхода въ свѣтъ капитальной книги Лонгинова „Новиковъ и московскіе мартинисты".

[2]) Лѣтописи русск. литературы и древностей, V, стр. 50.

[3]) Ib., стр. 48.

„Имѣли вы непозволенную переписку съ герцогомъ брауншвейгскимъ, съ прусскимъ министромъ Вельперомъ и съ принцемъ гессенкассельскимъ, да еще и въ такое время, когда между Россіей и Пруссіей происходили холодности, и именно до начатія и продолженія шведской войны“ [1]).

Здѣсь очень характерно, какъ различныя и разновременныя масонскія связи съ заграницей были перемѣшаны въ одно цѣлое, масонская клятва, принятая въ первоначальныхъ организаціяхъ и отброшенная потомъ московскими масонами, понята была, какъ обѣщаніе безграничнаго повиновенія иностраннымъ владѣтельнымъ особамъ и министрамъ, самая связь съ ними разсматривалась, какъ политическая, и вообще всей масонской организаціи былъ приданъ отпечатокъ политическаго заговора, руководимаго иностранцами.

Отвергнуть разомъ все это обвиненіе, какъ вздорное, было невозможно, такъ какъ отдѣльныя нити, изъ которыхъ оно было соткано, тянулись отъ извѣстныхъ документовъ, и Новикову въ отвѣтъ на этотъ пунктъ обвиненія пришлось разсказать длинную и сложную исторію развитія московскаго масонства, чтобы прежде всего поставить документы, изъ которыхъ власть строила обвиненія, въ должную историческую перспективу. Выясненіемъ ея и занята большая и существенная часть отвѣтовъ Новикова, и эта часть его отвѣтовъ была уже использована выше при изложеніи исторіи масонства въ Россіи. Здѣсь поэтому мы ограничимся только тѣмъ, какъ Новиковъ защищался отъ тѣхъ чудовищныхъ обвиненій, какія ему предъявлялись.

Ссылаясь на свою долголѣтнюю дѣятельность, проходившую у всѣхъ на глазахъ, на свои знакомства и на личныя отношенія къ Екатеринѣ, Новиковъ указывалъ, что его меньше всего можно обвинить въ какихъ-либо преступныхъ намѣреніяхъ противъ государыни и государства, что, наоборотъ, въ своихъ поискахъ „истиннаго“ масонства онъ болѣе всего боялся именно „политическихъ видовъ“, какіе, по слухамъ, московскіе масоны подозрѣвали въ разныхъ иностранныхъ системахъ масонства.

Вступилъ онъ въ масонство исключительно для того, чтобы путемъ дружной совмѣстной работы съ товарищами вести себя „посредствомъ самопознанія и просвѣщенія къ нравственному исправленію“. Въ то время, когда онъ вступилъ въ масонство,

---

[1]) Ib., стр. 46.

оно не было запрещено правительствомъ, и цѣлый рядъ вліятельныхъ при дворѣ лицъ открыто устраивали, даже у себя, засѣданія ложъ.

Что была связь съ иностранными масонскими организаціями и были съ ними сношенія, Новиковъ, конечно, не отрицалъ, но онъ рѣшительно отвергалъ, будто иностраннымъ начальникамъ русскіе масоны обѣщали безграничное повиновеніе. Этого никогда не было.

Новиковъ разъяснилъ, что связи съ герцогомъ Брауншвейгскимъ были очень давно, но никакой верховной власти герцога надъ русскими масонами не было, зависимость отъ него была „весьма ограниченная“ и состояла только въ томъ, чтобы „быть въ сношеніи братскомъ съ нѣмецкимъ масонствомъ“.

За предѣлы масонскихъ дѣлъ сношенія съ иностранными братьями никогда не выходили какъ прежде, когда еще признавали герцога великимъ мастеромъ, такъ и послѣ, когда русское масонство стало независимымъ и по розенкрейцерству вошло въ связи съ Вельнеромъ.

Какихъ-либо клятвенныхъ обѣщаній на вѣрность начальникамъ, да еще безграничную, въ масонствѣ не дѣлали. Раньше въ ложахъ дѣйствительно употреблялась присяга, но вся она состояла только въ томъ, чтобы не разглашать видѣнное въ ложахъ, а за послѣднее время присяга замѣнилась простымъ обѣщаніемъ соблюдать масонскую „тайну“.

Новиковъ указывалъ, что собственно и масонскія сношенія съ иностранцами были весьма малочисленны, выражались лишь въ единичныхъ письмахъ. Если въ нихъ и употреблялся шифръ, то лишь потому, что такова была общепринятая форма масонскихъ сношеній.

Словомъ, Новиковъ рѣшительно отрицалъ, чтобы у масонской организаціи московскихъ братьевъ былъ хоть какой-нибудь оттѣнокъ политическихъ интересовъ.

Характерно, что даже кн. Прозоровскій, склонный приписать масонамъ самыя ужасныя цѣли, долженъ былъ въ своихъ донесеніяхъ отмѣтить, что ничего „о государствѣ“ онъ въ новиковскихъ бумагахъ не нашелъ, что въ теченіе двухъ лѣтъ, когда на почтѣ досматривались письма русскихъ масоновъ, „не открыли переписки ихъ съ главнымъ пріоратомъ“. Онъ только думалъ, что масоны утаили все, что обличало бы ихъ заговорщицкія противъ государства стремленія. „Чтобы они противъ

не были правительства, то это онъ (Новиковъ) утаилъ", писалъ князь.

И теперь слѣдователь, болѣе надежный и тонкій, чѣмъ Прозоровскій, тоже долженъ былъ ограничиться только „думами", что Новиковъ не сказалъ правды. До насъ дошли „Возраженія на отвѣты Новикова", сохранившіяся въ бумагахъ Шешковскаго вмѣстѣ съ вопросами [1]). Здѣсь слѣдователь по пунктамъ возражаетъ на показанія Новикова, стараясь доказать ихъ лживость. Чѣмъ же онъ опровергаетъ правильность отвѣтовъ Новикова?

„Говоритъ онъ,—пишетъ слѣдователь,—что де я никакъ не думалъ, чтобъ масонство было противно правительству. Сіе самое доказываетъ, что онъ не мыслилъ о повиновеніи, а меньше о исполненіи положительныхъ государственныхъ законовъ, коими точно всякія тайныя сборища запрещены".

„А чтобы они публично собирались,—возражаетъ слѣдователь далѣе,—то обличается сія неправда тѣмъ, что въ писанныхъ рукою его объ ихъ сборищахъ актахъ, называетъ тѣ сборища тайными".

Кромѣ этихъ чисто формальныхъ соображеній, очевидно, слѣдователю нечѣмъ было опровергнуть Новикова.

Еще оригинальнѣе онъ опровергаетъ его показанія о присягѣ: разъ онъ говоритъ, что сію присягу масоны вмѣняли ни во что, а между тѣмъ раньше все-таки присягали, то какъ же можно думать, что онъ сохранилъ присягу на вѣрность государству, и какъ можно вѣрить его теперешнему показанію?

Поэтому слѣдователь не хочетъ вѣрить, что масонская присяга имѣла ограниченный смыслъ. „Теперь,—пишетъ онъ,—къ закрытію своего преступленія другого говорить нечего, какъ дать свои толкованія, т.-е. различать ограниченный и неограниченный смыслы, но въ самомъ дѣлѣ должно принять дѣланную ими присягу въ томъ смыслѣ, какъ сказано въ вопросномъ пунктѣ, ибо въ Россіи никакая присяга безъ власти правительства употребляема быть не можетъ".

А чтобы доказать неправильность показаній Новикова относительно ихъ зависимости отъ герцога Брауншвейгскаго, слѣдователь строитъ такой силлогизмъ: въ масонской системѣ сказано, что мастеромъ каменщиковъ называется Богъ; изъ бумагъ видно, да и теперь Новиковъ говоритъ, что герцогъ былъ у нихъ ве-

---

[1]) Сб. И. О., т. II.

ликимъ мастеромъ, слѣдовательно, масоны и повиновались ему, какъ Богу, т.-е. безгранично.

Итакъ, ни въ одномъ пунктѣ слѣдователь ничѣмъ, кромѣ подобныхъ соображеній, не могъ опровергнуть правильность новиковскихъ показаній.

Перейдемъ теперь ко второму существенному обвиненію.

Оно заключалось въ томъ, что у себя въ ложахъ масоны святотатственно пользовались церковными обрядами и обстановкой, совершали пародію христіанскихъ таинствъ.

„Изъ бумагъ вашихъ видно,—говорится въ соотвѣтствующихъ пунктахъ допроса,—что въ братствѣ, какъ вы называете, есть архіепископы и епархіи, то объяснить вамъ, сколько у васъ архіепископовъ, кто они таковы, кто ихъ посвящалъ, также сколько епархій и кто ихъ установилъ?“

„Изъ бумагъ вашихъ видно, что собираетесь въ освященные храмы, а какъ по положенію святыхъ отцевъ и святѣйшаго синода, никакой храмъ, гдѣ приносится жертва Богу и совершаются тайны Христовы, не можетъ инако посвященъ быть, какъ по изволенію синода и епархіальнаго епископа, то и объяснить вамъ, кто ваши храмы посвящалъ и когда?“

„По всему видно, что вы читали священныя книги, то и могли видѣть установленные обряды нашей святой церкви, по которымъ святые мужи поступали святостью и чудесами, вы все то знали; какъ же рѣшились сдѣлать свои храмы, алтари и жертвенники, священнослужительскія употребляли должности, говоря и дѣлая святая святыхъ, такъ, какъ и миропомазаніе?“

Послѣ отзыва архіепископа Платона въ 1786 г., въ которомъ онъ призналъ Новикова примѣрнымъ христіаниномъ, со стороны власти трудно было ожидать подобныхъ обвиненій; во всякомъ случаѣ для разбора, не заводилъ ли Новиковъ какой-либо церковной ереси и не кощунствовалъ ли онъ, не мѣшало бы образовать комиссію изъ духовныхъ лицъ и имъ поручить изслѣдовать этотъ вопросъ.

Самъ Новиковъ смѣло сослался въ этомъ вопросѣ на духовенство: „О почтеніи и преданности нашей къ таинствамъ, обрядамъ и священнослуженію, нашею святою православною церковью установленнымъ и отправляемымъ, могутъ свидѣтельствовать,—говорилъ онъ,—отцы наши духовные и другіе изъ духовныхъ, которые кого знаютъ“. Названіе ложи храмомъ въ ихъ глазахъ было условностью и аллегоріей, точно такъ же употре-

бленіе нѣкоторыхъ обрядовъ, сходныхъ съ христіанскими, было чисто аллегорическимъ; никто не допускалъ, что масонскіе термины и обряды можно приравнять къ христіанскому пониманію подобныхъ вещей.

Но опять-таки и здѣсь ни указанія Новикова, ни ссылка его на свидѣтельство духовенства не помогли. Слѣдователь не сталъ выяснять, правильно или неправильно Новиковъ говоритъ, а разрубилъ вопросъ въ примѣчаніяхъ на отвѣты такимъ соображеніемъ: „Хотя онъ и говоритъ, что епископовъ, ни епархій, ни священныхъ храмовъ въ самой вещи не было, а только де въ ложахъ были о семъ одни изрѣченія, изъ сего судить можно двояко: если подлинно были, то сіе противно законамъ церкви и правительству; буде же не было, то они не сущіе ль обманщики своихъ товарищей и отвратители отъ пути истинны?“

Были ли, не были ли въ масонствѣ церковные обряды и таинства, съ точки зрѣнія слѣдователя все равно Новиковъ виноватъ; не было сдѣлано даже попытки задуматься, одинакова ли будетъ его вина въ обоихъ случаяхъ.

Третье обвиненіе—печатаніе и распространеніе такихъ книгъ, „которыя отвращаютъ людей отъ церкви и отъ христіанскія вѣры, такъ, какъ и отъ повиновенія власти“; это печатаніе продолжалось, гласитъ обвиненіе, и послѣ Высочайшаго запрещенія, когда съ Новикова взята была соотвѣтствующая подписка.

Здѣсь безъ всякихъ доказательствъ, безъ предварительнаго разсмотрѣнія изданныхъ Новиковымъ книгъ въ какой-либо компетентной комиссіи, онѣ опредѣлялись, какъ „отвращающія“ отъ вѣры, церкви и правительственной власти.

Такъ какъ въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь не о какихъ-либо новыхъ книгахъ, а о тѣхъ, которыя уже въ 1786 г. разсматривались въ духовной комиссіи подъ руководствомъ архіепископа Платона, то не лишнее напомнить, что отзывъ этой комиссіи совсѣмъ не давалъ права сдѣлать книгамъ ту характеристику, какая приведена здѣсь въ вопросѣ слѣдователя.

Напомнимъ также сказанное выше, что самъ онъ, по его же признанію, этихъ книгъ не читалъ.

По поводу изданія этихъ книгъ Новикову, съ одной стороны, предлагали выяснить, зачѣмъ онъ издавалъ подобныя книги: „Долженъ ты открыть самую истину, изъ какого подвига ты сіе дѣлалъ и кто тебѣ въ ономъ помогалъ и чему изъ такого вреднаго разсѣянія быть надѣялся“.

Съ другой стороны,—обвиненіе прямо уже приписывало Новикову стремленіе съ помощью изданныхъ имъ книгъ развратить людей „закружить головы изъ корысти".

Въ частности Новикова обвиняли въ изданіи книги Сенъ-Мартена „О заблужденіи и истинѣ" и въ намѣреніи издать книги, которыя должны были познакомить читателей съ религіозными системами разныхъ другихъ народовъ.

О Сенъ-Мартенѣ въ бумагахъ Новикова нашли его замѣтку, гдѣ онъ дѣлалъ о книгѣ неодобрительный отзывъ, отсюда слѣдователь заключилъ, что Новиковъ сознательно издавалъ эту книгу для развращенія читателей. „Изъ сего судить можно,—говорится въ допросѣ,—что ты такою ложною нелѣпостью старался людей развратить, закружить головы изъ корысти, какъ судить можно, а послѣ сего какъ можешь ты говорить, что печаталъ нравственныя книги?"

Подобнымъ же образомъ слѣдователь объяснилъ и изданіе книгъ по исторіи религій; о нихъ Новикова спрашивали: „Предлагалъ ты сборищу, чтобы составить Комитетъ для переводу системъ древнихъ народовъ и для богослуженія; а какъ въ Россіи богослуженіе и обряды уже установлены, то за симъ никакое богослуженіе и обряды, а паче египетскіе и жидовскіе, кои не основаны на Евангеліи, терпимы быть не могутъ, то и сказать вамъ, на какой конецъ вы такія системы, кои развращаютъ ученіе россійской церкви, заводить заботились?"

Поставлено было въ виду Новикову и существованіе тайной типографіи и печатаніе въ ней книгъ для употребленія масоновъ. Самый фактъ заведенія тайной типографіи, по мнѣнію слѣдователя, показываетъ уже, что Новиковъ признавалъ вредное направленіе издаваемыхъ имъ книгъ и стремился поэтому держать втайнѣ ихъ изданіе. „Буде бы были онѣ (книги) нравственныя, то правительство тебѣ печатать оныя не запретило, да буде бы и самъ ты ихъ таковыми считалъ, то не было бы нужды отдавать ихъ только однимъ масонамъ".

Въ своихъ отвѣтахъ на эту третью группу обвиненій Новиковъ сослался, что онъ уже давалъ показанія по большинству предложенныхъ здѣсь вопросовъ въ Москвѣ, на допросѣ у кн. Прозоровскаго, и потому онъ не особенно распространялся. Прежде всего онъ не спорилъ съ оцѣнкой, сдѣланной слѣдователемъ его книгамъ. Онъ просто указалъ, что всѣ или почти всѣ изданныя имъ книги были предварительно представлены въ

соотвѣтствующую цензуру, цензуровались даже книги, выходившія изъ такъ наз. „тайной типографіи“.

Всѣ инкриминируемыя ему книги печатались до 1786 г., до оффиціальнаго запрещенія, и въ этомъ Новиковъ не нарушалъ высочайшихъ указовъ и данной имъ подписки. Но онъ вторично, какъ въ Москвѣ, признавалъ себя виновнымъ въ томъ, что, во-первыхъ, въ 1786 г. во время слѣдствія не указалъ слѣдователямъ, что аналогичныя отобраннымъ книги имѣются въ другихъ помѣщеніяхъ, кромѣ университетской книжной лавки, гдѣ разбирались его книги; во-вторыхъ, Новиковъ винился, что онъ послѣ позволилъ своему приказчику продавать запрещенныя книги. И опять здѣсь Новиковъ просилъ высочайшаго милосердія къ нему.

Относительно мотивовъ, которыми онъ руководился при изданіи книгъ, Новиковъ также отвѣчалъ кратко: хотѣлъ имѣть прибыль. Онъ какъ-то совсѣмъ не указывалъ своихъ идейныхъ побужденій, руководившихъ имъ въ издательской дѣятельности. Только косвенно, при отвѣтахъ иной разъ на другіе вопросы, эти мотивы проглядываютъ. Такъ, напр., при вопросѣ, для чего онъ взялъ университетскую типографію въ аренду, Новиковъ указалъ, что имъ руководили въ данномъ случаѣ два соображенія: любовь къ литературѣ и желаніе себя „выказать“ устройствомъ запущенной прежде типографіи. Въ другой разъ онъ указывалъ, что издавалъ книги, чтобы познакомить русскихъ читателей, не знающихъ иностранныхъ языковъ, съ такими новостями заграничной литературы, о которыхъ вездѣ шла рѣчь, или такія, которыя могли бы удовлетворить потребность въ знаніи того, какъ живутъ другіе народы.

На подозрѣніе слѣдователя, будто съ помощью изданныхъ книгъ Новиковъ хотѣлъ „развращать“ общество, онъ кратко, но категорически заявилъ, что „злого намѣренія въ разсужденіи сихъ книгъ не имѣлъ никакого“.

Объ изданіи книги Сенъ-Мартена въ частности и книгъ о религіозныхъ системахъ другихъ народовъ Новиковъ указалъ, что Сенъ-Мартена онъ издавалъ тогда, когда еще эта книга у всѣхъ была въ большомъ уваженіи и всѣ ее спрашивали, при намѣреніи же издать книгу съ описаніемъ религій другихъ народовъ онъ, указалъ Новиковъ, могъ руководствоваться только историческимъ интересомъ.

Точно такъ же при устройствѣ „тайной“ типографіи никакихъ

преступныхъ намѣреній не было. Типографія эта помѣщалась въ томъ же домѣ бывш. Гендрикова, гдѣ находилась типографія Компаніи, но она должна была обслуживать только масонскія ложи, и расходы по ней не смѣшивались съ остальными. Книги, печатанныя въ этой типографіи, не шли въ продажу, но что ихъ нельзя было назвать „тайными“ въ настоящемъ смыслѣ слова, показываетъ замѣчаніе Новикова, что и эти книги цензуровались въ управѣ благочинія.

Такимъ образомъ, по изданію книгъ Новиковъ призналъ себя виновнымъ только въ утайкѣ части запрещенныхъ книгъ и въ продажѣ ихъ послѣ запретительнаго о томъ указа. Всѣ остальныя обвиненія по издательству онъ отвергалъ, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ приводилъ, казалось, достаточное доказательство: книги предварительно просматривались цензурой. Самъ слѣдователь послѣ такихъ указаній Новикова въ возраженіяхъ на его отвѣты отмѣтилъ: „Была ль цензура книгамъ, надлежитъ выправиться въ управѣ благочинія; удивительно, что университетскіе начальники, видя тѣ книги, позволили не только печатать, но и продавать“. Какъ будто и слѣдователь чувствовалъ необходимость въ болѣе тщательномъ слѣдствіи по поводу книгъ. Подобныя замѣчанія, что нужны здѣсь дополнительныя справки, нѣсколько разъ встрѣчаются въ его возраженіяхъ, но, на ряду съ этимъ, въ возраженіяхъ попрежнему идутъ категорическія обвиненія въ развращеніи общества путемъ печати, и, какъ видно изъ дальнѣйшаго, эти привычныя сужденія пересилили смутную потребность въ дополнительныхъ данныхъ для обвиненія: никакого разбора книгъ и никакихъ справокъ о нихъ сдѣлано не было.

Четвертое обвиненіе—„уловленіе“ въ общество масоновъ богатыхъ и вліятельныхъ людей. Первыхъ тамъ „обирали“, вторыми пользовались, чтобы вліять на правительство и черезъ нихъ узнавать о важныхъ дѣлахъ.

Въ частности Новикова обвиняли въ уловленіи богатаго заводчика Походяшина и секретаря московской тайной экспедиціи надв. совѣтн. Кочубѣева.

Новиковъ отрицалъ, что когда-нибудь онъ „обольщалъ“ людей или чтобы онъ „обиралъ“ ихъ.

Указаніе слѣдователя, что въ ложахъ были поборы, Новиковъ разъяснилъ, что никакихъ „поборовъ“, т.-е. принудительнаго требованія денежныхъ средствъ, не было; въ ложахъ дѣй-

ствительно по масонскому обычаю собирали милостыню на помощь бѣднымъ, но эта милостыня была добровольной; точно такъ же впослѣдствіи жертвовали нѣкоторые, кто сколько хотѣлъ, на содержаніе студентовъ-питомцевъ Дружескаго общества.

Съ Походяшинымъ, показалъ Новиковъ, его сблизило „сходство нравовъ, взаимная услужливость и откровенность". 50.000 рублей, которые Походяшинъ далъ Новикову, были получены имъ въ 1787 году „по особенному случаю", т.-е. когда былъ голодъ.

Что касается секретаря тайной экспедиціи Кочубѣева, то его приняли въ масонство по его желанію и думали, что онъ сдѣлалъ это по приказанію главнокомандующаго г. Москвы, „дабы вѣдать, что въ нашихъ ложахъ происходило".

Такимъ образомъ, въ послѣднемъ случаѣ, если и было „уловленіе", то не масонами, а масоновъ полиціей.

Казалось бы, своими показаніями Новиковъ долженъ былъ хоть отчасти поколебать страшныя подозрѣнія слѣдователя, во всякомъ случаѣ, разъ онъ такъ категорически отрицалъ за собою какую-либо вину по „уловленію" и „обиранію", слѣдователь долженъ былъ озаботиться представленіемъ болѣе существенныхъ доказательствъ для обличенія Новикова.

Что у него такихъ не было, слѣдователь и самъ сознавалъ. Въ возраженіяхъ на отвѣты Новикова онъ пишетъ: „Что касается до поборовъ... кажется безъ сихъ... поборовъ обойтится нельзя; но какъ изъ бумагъ его къ обличенію его въ семъ не видно, просителей же нѣтъ, то можно сіе и оставить".

Однако онъ не „оставилъ" своихъ обвиненій по поводу „уловленія" Походяшина и Кочубѣева.

„Довольно видно,—писалъ слѣдователь,—что Походяшинъ имъ (Новиковымъ) коварно обольщенъ и обманутъ; ибо 50.000 р. такому, каковъ есть Новиковъ, повѣрить, да еще и безъ всякаго обязательства, никакъ, кажется, невозможно".

Точно такъ же къ показанію Новикова относительно Кочубѣева слѣдователь замѣтилъ: „Сіе показаніе никакъ справедливымъ почесть невозможно".

Слѣдовательно, всѣ четыре основныхъ обвиненія—заведеніе противоправительственнаго тайнаго общества, святотатственное употребленіе въ ложахъ церковной обстановки и обрядовъ, печатаніе и распространеніе развращающихъ книгъ и уловленіе въ общество разныхъ лицъ съ корыстными цѣлями—остались для слѣдователя непоколебленными показаніями Новикова.

Несмотря на участіе въ слѣдствіи болѣе „просвѣщенныхъ“ слѣдователей, чѣмъ князь Прозоровскій, въ томъ числѣ и самой Екатерины, характерно, что всѣ указанныя обвиненія построены все по той же схемѣ, какая имѣется въ донесеніяхъ Прозоровскаго и какая раньше встрѣчалась въ комедіяхъ императрицы противъ масонства.

Можно сказать, что испуганный крикъ державнаго автора комедій, отраженный и усиленный услужливымъ эхомъ чиновниковъ, у которыхъ, по выраженію Потемкина, не было своихъ цѣлей, претворился теперь въ этотъ допросъ Новикову въ Шлиссельбургѣ.

Но сравнительно съ прежними обвиненіями явилась теперь и новая подробность, которая въ глазахъ Екатерины заслонила все остальное: 26 мая, записываетъ въ своемъ дневникѣ Храповицкій, Екатерина получила отъ кн. Прозоровскаго секретный пакетъ съ масонскими бумагами, гдѣ было упоминаніе о великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ. Какъ видно изъ допросныхъ пунктовъ, была найдена записка о Павлѣ, составленная архитекторомъ Бажановымъ. Въ ней Бажановъ разсказалъ о своихъ разговорахъ съ наслѣдникомъ о масонствѣ, когда подносилъ книги, посланныя Новиковымъ въ подарокъ.

Изъ записокъ Храповицкаго видно, что въ это же время императрица ознакомилась съ той частью прошлой масонской переписки, гдѣ шла рѣчь о желательности выбрать наслѣдника провинціальнымъ великимъ мастеромъ; отсюда же Екатеринѣ стало извѣстно, что кн. А. Б. Куракинъ, близкій Павлу, предназначался посредникомъ по принятію великаго князя въ масонство.

Выше было выяснено, почему для Екатерины были особенно страшны всякія неизвѣстныя ей сношенія съ ея наслѣдникомъ, и было разсказано объ отношеніяхъ русскихъ масоновъ къ Павлу.

Поэтому мы не будемъ касаться еще разъ этого вопроса, а только дополнимъ сказанное выше тѣмъ, что прямо относится къ слѣдствію надъ Новиковымъ. Именно, императрицѣ стало извѣстно, что русскіе масоны о сочувствіяхъ великаго князя къ ихъ направленію вели переписку съ заграничными братьями: еще во время организаціи въ Россіи самостоятельной масонской провинціи Шварцъ писалъ герцогу Гессенкасельскому о желаніи русскихъ масоновъ поставить великаго князя Павла во главѣ русскаго масонства, и послѣ, когда уже перешли къ розенкрей-

церству, баронъ Шредеръ извѣщалъ въ Берлинъ о милостивыхъ разговорахъ Павла о масонствѣ съ Бажановымъ. Теперь, во время слѣдствія, императрица поставила эту переписку въ связь съ тѣмъ фактомъ, что русскіе масоны подчинялись иностраннымъ начальникамъ, а такъ какъ это подчиненіе власть истолковала, какъ безусловное, то выходило, что къ заговору противъ правительства Екатерины, руководимому иностранцами, масоны хотѣли привлечь и великаго князя.

Самъ великій князь очень быстро успѣлъ выгородить себя изъ этого дѣла: когда Екатерина показала ему записку Бажанова, Павелъ рѣзко отказался, что онъ когда-либо велъ подобные разговоры о масонствѣ, и, кажется, достаточно успѣлъ убѣдить мать, что все, изложенное въ запискѣ, выдумка масоновъ. По крайней мѣрѣ, до насъ дошла собственноручная записка императрицы такого содержанія: „Приложенный пасквиль, у Новикова найденный, показанъ мною великому князю, и онъ, оной прочтя, ко мнѣ возвратилъ съ приложенной цѣдулой, изъ которой оказывается, что на него все вышеписанный пасквиль всклѣпалъ и солгалъ, чему охотно вѣрю и нахожу вяще виннымъ сочинителя онаго".

Но какъ видно изъ послѣднихъ словъ этой записки, Екатерина очень строго отнеслась къ видамъ русскихъ масоновъ на покровительство Павла. Новикову и его товарищамъ было приписано стремленіе „уловить" Павла въ масонскія сѣти, чтобы воспользовать его высокое положеніе. Въ допросныхъ пунктахъ Новикову это обвиненіе формулировано неотчетливо: его спрашивали только, кто писалъ бумагу о разговорахъ съ Павломъ, и зачѣмъ она сохранялась, но позднѣе, въ допросѣ товарищамъ Новикова, оно было выражено вполнѣ опредѣленно.

„Какимъ образомъ вы и товарищи сборища вашего, — спрашивается тамъ,—заботились въ сѣти сборища вашего уловить извѣстную особу, о коей имѣли вы съ принцемъ Гессенкассельскимъ и переписку? То открыть вамъ, для чего вы такія вредныя предпріятія имѣли, и чему изъ того быть надѣялись, гдѣ объяснить о всѣхъ товарищахъ, въ семъ дѣлѣ съ вами соучаствующихъ и помогающихъ?"

Но и безъ этой формулировки Новиковъ сразу понялъ, какой характеръ придали его сношеніямъ съ Павломъ черезъ Бажанова: онъ самъ былъ потрясенъ сознаніемъ, что изъ найденной у него бумаги было возможно сдѣлать такой выводъ, будто онъ

разсчитывалъ на покровительство Павла и добивался его для какихъ-то особыхъ цѣлей. Отвѣтъ свой на соотвѣтствующій вопросъ онъ и началъ покаяніемъ и послѣ нѣсколько разъ прерывалъ его тѣмъ же.

„Здѣсь, не говоря еще ничего,—писалъ Новиковъ въ началѣ своего отвѣта на 21 вопросный пунктъ,—яко совершенный преступникъ въ истинномъ и сердечномъ моемъ раскаяніи и сокрушеніи, повергаю себя къ стопамъ Ея Имп. Величества, яко недостойный никакого милосердія и помилованія, но повинный всякому наказанію, которое воля Е. И. В. мнѣ опредѣлитъ". „Да будетъ Ея воля со мной, но дерзаю отъ милосердія ея, проливая слезы раскаянія и горести, дерзаю единой капли милосердія Ея испрашивать для троихъ бѣдныхъ младенцевъ, дѣтей моихъ, и для брата, который по любви ко мнѣ вступилъ и въ масонство, и въ члены типографической комиссіи и въ дѣлахъ не имѣлъ никакого участія".

Прерывая свой отвѣтъ такими обращеніями къ милосердію государыни, Новиковъ разсказалъ изложенное выше о подаркахъ книгами, какія онъ посылалъ Павлу, объ его милостивыхъ отзывахъ о масонахъ Бажанову и клятвенно утверждалъ, что никакихъ преступныхъ намѣреній по отношенію къ Павлу не имѣлъ. Услышавъ отъ Бажанова „о милостивыхъ отзывахъ и милостивомъ принятіи книгъ поданныхъ, радовался и надѣялся милостиваго покровительства и заступленія; другого же никакого подвига при семъ, истинно, какъ передъ Богомъ говорю, не было", указывалъ Новиковъ.

Что касается переписки Шварца съ герцогомъ Гессенкассельскимъ о томъ, чтобы сдѣлать Павла великимъ провинціальнымъ мастеромъ русскаго масонства, то это было, показалъ Новиковъ, еще давно, и онъ лично никогда не вѣрилъ возможности достичь этого, считалъ за „фантазію, никогда сбыться не могущую". Во всякомъ случаѣ, указывалъ Новиковъ, переписка о Павлѣ съ герцогомъ Гессенкассельскимъ не имѣетъ никакой внутренней связи съ его позднѣйшимъ поднесеніемъ великому князю книгъ.

Но разъ, такимъ образомъ, со стороны Новикова не оказывалось другой вины, кромѣ желанія „милостиваго покровительства" со стороны наслѣдника, то спрашивается, почему же онъ такъ усиленно винился передъ императрицей? Въ его показаніи встрѣчается только одинъ разъ опредѣленное указаніе своей

вины: „Прочитавши оную (бумагу Бажанова съ изложеніемъ его разговоровъ съ Павломъ), долженъ былъ о томъ донести, но я не исполнилъ сего, въ чемъ я, преступникъ, повергаю себя къ стопамъ Е. И. В.“

Очевидно, при тогдашнихъ отношеніяхъ между Екатериной и Павломъ, даже невинное выраженіе сочувствія въ Гатчинѣ тому направленію, которое не одобрялось въ Петербургѣ, разсматривалось уже, какъ что-то угрожающее, о чемъ нужно было обязательно донести. Только одинъ изъ товарищей Новикова, Лопухинъ, на вопросъ, почему онъ не сообщилъ правительству о бумагѣ Бажанова, осмѣлился отвѣтить, что онъ ничего не нашелъ въ ней „предосудительнаго“.

Насколько же убѣдительными оказались для власти изложенные здѣсь отвѣты Новикова на обвиненіе въ „уловленіи“ Павла для какихъ-то преступныхъ цѣлей? Изъ нихъ Екатерина могла увѣриться въ томъ, что Павелъ не былъ „уловленъ“ въ масонство. Показанія Новикова въ этомъ вполнѣ согласовались съ какимъ-то найденнымъ у него документомъ, содержаніе котораго вкратцѣ передаетъ въ своихъ запискахъ Храповицкій: съ княземъ Куракинымъ велись переговоры о возможности поставить наслѣдника во главѣ русскаго масонства, но они окончились ничѣмъ, и Павелъ такъ и не былъ принятъ въ братство. Потому, вѣроятно, Екатерина такъ довѣрчиво отнеслась и къ заявленію самого великаго князя, что онъ не велъ никакихъ сношеній съ масонами.

Но общее настроеніе въ Петербургѣ на фонѣ революціоннаго зарева изъ З. Европы было слишкомъ тревожнымъ, чтобы власть способна была отказаться отъ всякихъ подозрѣній къ замысламъ русскихъ масоновъ. Эти подозрѣнія точно отражалъ все тотъ же князь Прозоровскій, когда по поводу бумаги Бажанова писалъ свои заключенія: „Если бы успѣли они (масоны) персону (Павла) провести, какъ и старались... то бъ хуже сдѣлали французскаго краля“ [1]).

Изъ возраженій на показанія Новикова, найденныхъ въ дѣлѣ, дѣйствительно видно, что такія подозрѣнія остались. „Въ объясненіи Новикова по запискѣ Бажанова,—говорится здѣсь,—есть нѣчто, сокрытымъ быть желающее... Ежели бы въ семъ не было какого вида, то для чего бы Новикову, который по словамъ

[1]) Сб. И. О., II, с. 108.

же его всегда былъ занятъ, взяться оную переписывать, переводить и приводить въ порядокъ".

Къ началу іюля слѣдствіе надъ Новиковымъ въ Шлиссельбургѣ было закончено и къ половинѣ іюля былъ уже заготовленъ, какъ сообщаетъ Храповицкій, приговоръ по дѣлу, но до 1 августа императрица все не подписывала его. Несомнѣнно, то, что открылось во время слѣдствія, не давало возможности дѣйствовать болѣе рѣшительно: доказать предполагаемый заговоръ иллюминатовъ въ Россіи совсѣмъ не удалось, и многія другія страшныя обвиненія остались тоже безъ почвы, даже основныя подозрѣнія власти могли удержаться лишь съ помощью той хитроумной казуистики, какую мы встрѣчали въ возраженіяхъ на отвѣты Новикова.

Хотя онъ самъ винился, что утаилъ и позволилъ продавать запрещенныя въ 1786 г. книги и не донесъ о бумагѣ Бажанова, но, сравнительно съ тѣми экстренными мѣрами, какія были приняты при арестѣ Новикова, и вообще суровой обстановкой слѣдствія, производимаго къ тому же помимо обычныхъ судебныхъ учрежденій, добытые слѣдствіемъ результаты были до комичнаго ничтожны. Такъ какъ въ бумагѣ Бажанова не было даже ничего преступнаго, то приходилось обвинять Новикова лишь въ одномъ: въ нарушеніи Высочайшихъ указовъ не торговать запрещенными книгами. Правда, по тѣмъ временамъ и это влекло за собой суровую кару: какъ соображалъ князь Прозоровскій по поводу московскихъ книгопродавцевъ, „должно ихъ, яко неисполнителей именныхъ указовъ, бить кнутомъ и сослать въ каторжную работу", но было бы слишкомъ неудобно теперь, изъявши Новикова отъ законной подсудности, превращать его въ обычнаго уголовнаго преступника. Къ тому же, если бы передать его обычному суду даже по этому обвиненію въ нарушеніи указовъ, пришлось бы вновь создавать особую комиссію для разбора Новиковскихъ изданій, и кто еще знаетъ, не дала ли бы эта комиссія такого же отзыва о книгахъ, какой въ 1786 г. далъ архіепископъ Платонъ.

Итакъ, оставались лишь одни подозрѣнія, да, быть можетъ, раздраженное чувство неограниченнаго властелина, который не находилъ въ обстоятельствахъ дѣла очевидныхъ всѣмъ данныхъ для суровыхъ мѣръ противъ организатора нетерпимой общественной иниціативы. То, что императрица колебалась двѣ недѣли подписывать заготовленный указъ, который сразу осво-

собственно имъ признанныя преступленія", хотя онъ „и не открылъ еще сокровенныхъ своихъ замысловъ".

При разборѣ Новиковскихъ бумагъ кн. Прозоровскій еще въ маѣ отмѣтилъ въ своихъ донесеніяхъ „злыхъ" товарищей Новикова. Онъ указывалъ сначала 11 лицъ, участіе которыхъ въ масонствѣ ему особенно бросилось въ глаза: Ивана и Петра Лопухиныхъ, Ив. Тургенева, Мих. Хераскова, Кутузова, живш. въ Берлинѣ, князей Николая и Юрія Трубецкихъ, проф. Чеботарева, брата Новикова—Алексѣя, Поздѣева и Татищева. Среди этихъ онъ отмѣчалъ кн. Николая Трубецкого: „Этотъ между ими,—писалъ онъ,—великъ, но сей испугался и плачетъ". Позднѣе кн. Прозоровскій выдѣлялъ и еще „учредныхъ" лицъ „шайки": Гамалѣю, Чулкова, кн. Енгалычева и Ключарева. Постепенно, по мѣрѣ того, какъ онъ вчитывался въ документы, Прозоровскій все больше останавливалъ свое вниманіе на Ив. Лопухинѣ, Николаѣ Трубецкомъ и Ив. Тургеневѣ. Эти трое заслоняли въ его глазахъ остальныхъ. А когда князь пришелъ къ выводу, что „по коварному расположенію Новикова нельзя дойтить до откровенности", онъ посылалъ въ Петербургъ настойчивыя представленія, что отъ этихъ лицъ только и можно вывѣдать полную правду. Онъ совѣтовалъ императрицѣ вызвать кн. Н. Трубецкого и Ив. Тургенева къ себѣ, арестовать ихъ при въѣздѣ въ столицу и, напугавъ этимъ арестомъ, сразу приступить къ допросу. „Такъ какъ,—писалъ онъ,—кн. Н. Трубецкой человѣкъ немудрый и со времени аресту Новикова въ робости, то изъ него можно всю свѣдать истинну, а Тургеневъ хоть и лукавѣе Трубецкого и напоенъ совершенно роду мыслей Новикова, но сей не такъ будетъ твердъ, какъ Новиковъ, а онъ всѣ обстоятельства дѣлъ ихъ точно знаетъ". Это представленіе было сдѣлано Прозоровскимъ еще 7 іюня, но до августа онъ не получалъ никакого распоряженія Екатерины, какъ быть съ ними, и князь недоумѣвалъ: „Я не понимаю конца сего дѣла,—писалъ онъ Шешковскому въ концѣ іюня,—какъ ближайшіе его (Новикова) сообщники: если онъ преступникъ, то и тѣ преступники"!

Только указомъ 1 августа 1792 г., осудившимъ Новикова, императрица распорядилась и относительно ближайшихъ товарищей его: Ив. Вл. Лопухина, кн. Никол. Трубецкаго и Ив. Тургенева. Про нихъ въ указѣ было сказано, что „не только признанія Новикова, но и многія, писанныя руками ихъ зара-

зительныя бумаги обличаютъ (ихъ) въ соучастваніи ему (Новикову) во всѣхъ законопротивныхъ его дѣяніяхъ".

Поэтому князю Прозоровскому было поручено допросить ихъ и отобрать тѣ бумаги по масонству, какія, по указанію Новикова, должны у нихъ остаться.

Къ указу были приложены особые вопросные пункты, по которымъ должны были держать отвѣтъ „соучастники" Новикова. Но необычайно характерно, что указъ, не дожидаясь результатовъ допроса, заранѣе приговорилъ всѣхъ троихъ къ ссылкѣ въ ихъ собственныя деревни. Это значитъ, что сама императрица не придавала существеннаго значенія показанію „соучастниковъ". Дѣло для нея, очевидно, было уже выяснено допросомъ Новикову, и эти трое его товарищей, хотя и признаются сообщниками, не подвергаются серьезному наказанію. При такихъ условіяхъ допросъ превращался въ формальность, необходимую для окончанія дѣла, но князь Прозоровскій еще разъ постарался „изловить" преступниковъ, какъ-нибудь получить отъ нихъ сознаніе, что подлинно былъ политическій заговоръ.

По всему видно, что онъ опять создавалъ ту же преувеличенно-строгую обстановку слѣдствія, какой окружилъ раньше Новикова. Допросные пункты онъ давалъ для отвѣтовъ написанными на отдѣльныхъ листахъ, такъ что допрашиваемый не зналъ, о чемъ его будутъ спрашивать далѣе, допросы все время прерывались увѣщаніями князя не скрывать „истину", покаяться, временами князь устраивалъ очную ставку двумъ допрашиваемымъ и пытался смутить ихъ заявленіемъ, что они противорѣчатъ другъ другу, стращалъ ихъ очной ставкой съ Новиковымъ, который, по словамъ князя, во всемъ признался и т. п.

Не довольствуясь присланными отъ императрицы вопросами, князь задавалъ свои, излюбленные, и по направленію ихъ видно, что онъ еще разъ пытался изобличить заговоръ „иллюминатовъ" въ масонствѣ. Повидимому, князь даже надѣялся на это: во время допроса Лопухину онъ держалъ у себя оберъ-полицмейстера въ сосѣдней комнатѣ, очевидно, на случай, если придется арестовать допрашиваемаго.

И тѣмъ болѣе важно отмѣтить, что, несмотря на всѣ эти ухищренія, показанія всѣхъ троихъ соучастниковъ оказались во всемъ согласными и между собою и съ показаніями Новикова. Разница лишь въ тонѣ: Лопухинъ отвѣчалъ смѣлѣе и рѣшительно отказывался признать себя въ чемъ-либо виновнымъ,

а Трубецкой и Тургеневъ, отрицая также свою вину, просили у императрицы прощенія, что невольно навлекли на себя ея подозрѣнія, вступивъ „по неосторожности“ въ масонство. Заканчивая свои показанія, каждый изъ нихъ обѣщалъ на будущее время разорвать свои связи по масонству, но, характерно, не потому, что они убѣдились въ его ложности, а лишь потому, что оно неугодно власти.

„Я рожденъ,—писалъ Трубецкой,—съ пытливымъ духомъ, искалъ вездѣ и во всѣхъ книгахъ просвѣщенія, иногда побуждаемъ былъ къ тому любопытствомъ, а иногда истиннымъ усердіемъ, и сіе есть побудительная причина самаго вступленія моего въ масонство... Се суть принципы истинныя въ сихъ моихъ дѣйствіяхъ, и я николи никакихъ чуждыхъ сему намѣреній въ исканіи моемъ не имѣлъ; и николи не ожидалъ содѣлаться въ очахъ всемилостивѣйшей моей государыни подозрительнымъ. Но теперь, видя оное, прошу помилованія и удостовѣряю, что я съ сего часа, подавляя въ себѣ только вредный для меня духъ пытливости, отрекаюсь отъ всѣхъ связей, неугодныхъ моей монархинѣ“. И развѣ не были такія заявленія, гдѣ подданный долженъ былъ отрекаться отъ „духа пытливости“, чтобы не быть въ подозрѣніи, невольными осужденіями нетерпимости екатерининскаго царствованія?

По окончаніи допросовъ князь Прозоровскій объявилъ каждому волю государыни—жить въ деревнѣ. Въ отношеніи Трубецкого и Тургенева эта воля такъ и осталась неизмѣнной, а Лопухину было разрѣшено остаться въ Москвѣ: онъ просилъ не отрывать его отъ престарѣлаго отца, привыкшаго къ заботамъ сына, не губить старика ссылкой сына и закончилъ свои показанія такимъ трогательнымъ обращеніемъ къ императрицѣ, что она и секретарь ея плакали при чтеніи [1]).

---

[1]) „Государыня!—писалъ Лопухинъ,—я не злодѣй, и не только когда-либо обращалось во мнѣ хоть единое помышленіе, противное счастливому подданству Тебѣ, благоутробнѣйшая Монархиня, но никогда не упражнялся я въ томъ, гдѣ бы находилъ или даже подозрѣвалъ хотя тѣнь криминальнаго. Свидѣтель сего, дерзну сказать, Господь Спаситель и Богъ мой Іисусъ Христосъ, и печатлѣю сіе чистосердечнѣйшее признаніе мое слезами, не ропота и страха... не таковыми слезами, Государыня, но слезами чувствительнаго сердца, не ощущающаго въ себѣ умышленныхъ преступленій противъ Тебя, Великая Государыня, сердца, всегда исполненнаго вѣрнѣйшимъ подданствомъ къ Тебѣ и любящаго, смѣю сказать, добродѣтель“.

Трубецкой и Тургеневъ уѣхали на жительство въ свои родовыя имѣнія: первый въ Воронежское, второй въ Симбирское намѣстничества. Оба имѣли право пріѣзжать изъ деревни въ городъ, и было запрещено покидать лишь предѣлы намѣстничества. Оба, а также и Лопухинъ, были отданы подъ надзоръ мѣстной администраціи.

Кромѣ этихъ троихъ, изъ другихъ масоновъ, допросу были подвергнуты трое докторовъ, бывшихъ питомцевъ Дружескаго общества, учившихся потомъ за границей: Багрянскій, вѣрный спутникъ Новикова, Колокольниковъ и Невзоровъ. Багрянскій пріѣхалъ изъ-за границы въ 1790 г. и въ слѣдующемъ году русской государственной медицинской коллегіей былъ утвержденъ врачомъ. Онъ жилъ въ домѣ Новикова, и потому, конечно, отъ него надѣялись получить многое по дѣлу его патрона. Какъ видно изъ его показанія, отъ него хотѣли узнать, что дѣлалось въ масонскихъ собраніяхъ и какія связи у него были за границей, но не видно, чтобы къ нему предъявляли какое-либо обвиненіе. Багрянскій добровольно просилъ остаться съ Новиковымъ и добровольно раздѣлилъ съ нимъ заключеніе въ крѣпости. Въ худшее положеніе попали двое другихъ. Въ февралѣ 1792 г. они какъ разъ возвращались въ Россію черезъ Ригу, а въ Россіи имъ уже предшествовала злая молва. „Мы съ покойнымъ товарищемъ своимъ В. Я. Колокольниковымъ, живя еще въ голландскомъ Лейденѣ,—вспоминалъ впослѣдствіи Невзоровъ,—получили отъ благодѣтеля своего И. В. Лопухина письмо, въ которомъ онъ насъ увѣдомлялъ, что въ Россіи нѣкоторые злоязычники разславляютъ, что будто бы мы въ Парижѣ (въ которомъ мы не только тогда, но и никогда не были) были изъ русскихъ въ числѣ депутатовъ во французское національное собраніе съ поздравленіемъ французовъ съ революціонными ихъ предпріятіями. И въ 1792 г. въ мартѣ мѣсяцѣ привезли насъ въ Петербургъ и въ Невскій монастырь подъ именемъ якобинцевъ, какъ я послѣ узналъ... Смѣшнѣе же всего и грѣшнѣе то, что покойный Ст. Ив. Шешковскій въ Алексѣевскомъ равелинѣ при петербургской крѣпости допрашивалъ насъ и, конечно, по повелѣнію, отъ чего произошла французская революція, сіе чудовищное произведеніе кровопійственной философской просвѣщенной политики, противъ чего всего именно благодѣтельные наши учители и наставники, истинные свободные каменщики, и ученіемъ, и примѣрами, и сочиненіями, и всѣми завс-

деніями именно шли, въ чемъ я ручался тогда письменно своей головою".

Какъ видно изъ записокъ Лопухина и изъ доклада императрицѣ о Невзоровѣ, онъ отказался отвѣчать Шешковскому на вопросы и требовалъ, чтобы его, какъ питомца университета, допрашивали при депутатѣ отъ этого учебнаго заведенія. Въ концѣ-концовъ его требованію уступили, хотя Шешковскій и грозилъ, что будетъ сѣчь ослушника, и Невзорова допрашивали уже въ присутствіи перваго куратора университета, П. И. Шувалова. Вопросы, предложенные ему, такъ же, какъ и Колокольникову, имѣли задачей разузнать, на какихъ условіяхъ новиковская компанія принимала къ себѣ студентовъ, чего отъ нихъ требовали, зачѣмъ они ѣздили за границу и что тамъ дѣлали и къ чему ихъ хотѣли употребить въ Россіи послѣ окончанія образованія. Отвѣты обоихъ не выяснили чего-нибудь новаго, что не встрѣчалось бы въ показаніяхъ Новикова и его товарищей. Оба рѣшительно отвергали, что въ новиковской компаніи ихъ завлекали въ масонство или требовали бы отъ нихъ какихъ-либо особыхъ обѣщаній.

Какъ и Багрянскому, ни Колокольникову, ни Невзорову не было предъявлено какихъ-либо обвиненій, и изъ дѣла не видно, чтобы ихъ собирались подвергнуть какому-либо взысканію, но судьба ихъ была тяжелая. Оба, повидимому, вернулись въ Россію съ надломленнымъ здоровьемъ, а тревоги, пережитыя во время слѣдствія, конечно, еще болѣе его расшатали. Колокольниковъ серьезно заболѣлъ и умеръ въ больницѣ, а у Невзорова возобновились приступы душевной болѣзни, бывшей у него и за границей, какъ о томъ свидѣтельствуетъ его покойный товарищъ въ своей „Исторіи жизни и дѣлъ", написанной во время слѣдствія. Въ результатѣ Невзоровъ былъ помѣщенъ въ лѣчебницу для умалишенныхъ.

Лонгиновъ указываетъ въ своей книги, будто Невзорову предложили сначала ссылку въ Сибирь врачомъ, а когда онъ отказался, эту ссылку замѣнили помѣщеніемъ въ больницѣ.

Изъ документовъ, напечатанныхъ во II т. Сб. Ист. О-ва послѣ выхода книги Лонгинова, видно, что припадки умоизступленія дѣйствительно у Невзорова были. Во время слѣдствія онъ твердилъ Шувалову, что его монахи и сыщики мучатъ „магнизаціей", „горючими матеріями", кормятъ ядомъ въ супахъ, даже въ домѣ Шувалова онъ вдругъ началъ подозрѣвать существованіе го-

рючихъ матерій и множества мертвыхъ. Словомъ, заключеніе его въ домъ умалишенныхъ совсѣмъ не было наказаніемъ.

Изъ остальныхъ масоновъ не тронули никого. Не видно даже, что ихъ привлекали къ допросамъ на мѣстахъ, только къ Гамалѣѣ приходилъ полицейскій чиновникъ и что-то спрашивалъ по дѣлу Новикова. Въ концѣ августа князь Прозоровскій въ письмѣ Шешковскому „приватно“ пытался напомнить, не забыли ли ихъ, но не получилъ никакого отвѣта. Даже тѣ изъ розенкрейцеровъ, которые занимали видное служебное положеніе, не потеряли его: такъ, Херасковъ остался попрежнему куратором Московскаго университета, такъ, проф. Чеботаревъ сохранилъ за собой каѳедру. Нѣсколько позже Херасковъ просилъ императрицу о повышеніи по службѣ, а Чеботаревъ получилъ денежную награду за свои труды.

Дольше всѣхъ затянулось дѣло московскихъ книготорговцевъ, виновныхъ въ продажѣ запрещенныхъ книгъ. Какъ указывалось выше, послѣ обыска книжныхъ лавокъ 22 апрѣля 1792 г., всѣ онѣ были запечатаны, а владѣльцы ихъ, въ числѣ 15 человѣкъ, арестованы. Прозоровскій тогда же приступилъ къ допросу ихъ и выяснилъ, какъ и откуда они получали запрещенныя книги. Особенно цѣнныя показанія далъ приказчикъ книжной лавки Новикова—Кольчугинъ, чистосердечно признавшійся, что онъ продавалъ и другимъ давалъ продавать указанныя книги, и что эти книги въ большомъ числѣ хранились въ особомъ складѣ за Москвой рѣкой. Донося объ этомъ 24 апрѣля Екатеринѣ, Прозоровскій просилъ, въ виду ясности ихъ дѣла, не предавать торговцевъ суду, такъ какъ тогда имъ пришлось бы подвергнуться жестокому наказанію и ссылкѣ, а „положить изъ милосердія какой-либо на нихъ штрафъ“. Тогда же Прозоровскій освободилъ всѣхъ торговцевъ, кромѣ Кольчугина и другихъ приказчиковъ Новикова, отъ ареста. Подъ арестомъ остались лишь книги, къ разбору которыхъ и было приступлено. Когда всѣ запрещенныя книги были у нихъ выбраны, книгопродавцы 17 мая подали прошеніе, чтобы имъ разрѣшили распечатать лавки и продолжать торговлю. Прозоровскій представилъ это прошеніе въ Петербургъ и самъ присоединился къ нему, но дѣло не двигалось до августа 92 г. Только 18 августа, уже послѣ рѣшенія дѣла Новикова, Екатерина подписала указъ Прозоровскому по поводу книготорговцевъ; въ немъ предписывалось „учинить немедленно рѣшеніе съ законами согласное и

намъ о томъ донести". Этимъ распоряженіемъ—передать дѣло въ судъ, Прозоровскій былъ поставленъ въ затруднительное положеніе: въ XVIII вѣкѣ еще не было спеціальныхъ законовъ о печати и книжной торговлѣ, поэтому преступленіе торговцевъ можно было подвести только подъ указъ 1720 г., который имѣлъ болѣе широкій смыслъ—каралъ ослушниковъ именныхъ указовъ правительства. Если бы дѣйствовать по этому закону, то торговцевъ слѣдовало бы бить кнутомъ и сослать въ каторжную работу, между тѣмъ, указывалъ Прозоровскій, все ихъ преступленіе только въ томъ, что они хотѣли имѣть барышъ и воспользовались для этого предложеніями книгъ отъ Новикова. Особымъ письмомъ 24 августа Шешковскому Прозоровскій указалъ на эти неудобства законнаго суда въ данномъ случаѣ и опять представлялъ, что дѣло торговцевъ лучше кончить тѣмъ, что оштрафовать ихъ.

На этотъ разъ, однако, Екатерина не отмѣнила своего рѣшенія и новымъ указомъ 31 августа вторично приказала передать суду дѣло книготорговцевъ. Дѣло шло черезъ московскій городовой магистратъ, уѣздный и нижній надворный судъ, черезъ уголовную палату, въ качествѣ высшей инстанціи, и закончилось только въ іюлѣ 1793 г., и тогда же Прозоровскій рѣшеніе суда отправилъ Екатеринѣ.

Изъ 15 обвиняемыхъ судъ призналъ виновными 10 человѣкъ, а 5 рѣшилъ не подвергать наказанію, такъ какъ было установлено, что эти не знали о запрещеніи книгъ, и у нихъ найдены были только случайные экземпляры ихъ.

Десять человѣкъ, признанныхъ виновными, приговорены были къ внушительнымъ наказаніямъ: отъ наказанія кнутомъ, съ вырѣзаніемъ ноздрей и постановленіемъ знаковъ и ссылки затѣмъ въ каторжную работу, до простого наказанія кнутомъ съ отдачей на разные сроки въ рабочій домъ.

Отъ Екатерины теперь зависѣло, оставить ли въ силѣ приговоръ суда или замѣнить предложенныя имъ наказанія другими. Она рѣшила это дѣло только черезъ 3 года; указомъ 2 іюля 1796 г. новому московскому главнокомандующему М. М. Измайлову было предписано: „Призвавъ сихъ осужденныхъ въ московскую уголовную палату и прочтя имъ тамъ сдѣланные объ нихъ приговоры, объявить потомъ, что мы, для рожденія любезнаго внука нашего, великаго князя Николая Павловича, ихъ прощаемъ".

По поводу этой „милости“ купцы, какъ водится, просили представить о своихъ чувствахъ благодарности и просили разрѣшить имъ отслужить молебенъ о здравіи государыни и новорожденнаго великаго князя, что и было позволено.

Остается еще познакомиться съ мѣрами, какія были приняты для ликвидаціи имущества Новикова.

Какъ указывалось выше, при уничтоженіи въ 1791 г. Типографической компаніи все ея имущество и всѣ ея долги были переведены на Новикова, причемъ предполагалось, что онъ съ помощью Походяшина займется постепенной распродажей имущества и изъ вырученныхъ денегъ расплатится со всѣми кредиторами и съ бывшими пайщиками Компаніи. По подсчету Новикова, всѣ долги Компаніи опредѣлялись суммой 300.000 р., а имущество ея стоило, по крайней мѣрѣ, вдвое. Слѣдовательно, была полная возможность безубыточно для всѣхъ закончить ликвидацію обширныхъ дѣлъ Компаніи. Но арестъ и заключеніе Новикова въ крѣпость неожиданно разрушили этотъ планъ и остановили все дѣло по издательству и книжной торговлѣ. „Въ такомъ запутанномъ состояніи остались компанейскія дѣла, долги и расчеты; отъ прежняго своего теченія и порядка отведены, а къ другому еще не приведены, и я не знаю,—показывалъ Новиковъ,—что послѣ меня они (товарищи) сдѣлали или могли сдѣлать“.

12 мая 1792 г. товарищи, бывшіе пайщики Компаніи, составили особый актъ, что они передали всѣ дѣла, оставшіяся послѣ Новикова, Походяшину, и братъ Новикова просилъ утвердить Походяшина въ управленіи имуществомъ бывшей Компаніи. Но администрація рѣшительно отказала въ этомъ: по ея мнѣнію все имущество Новикова, за исключеніемъ его родовой собственности, т.-е. деревни Авдотьино въ 135 душъ, „по закону, яко неправильнымъ образомъ пріобрѣтенное, слѣдуетъ быть у него отобрано и обращено въ приказъ общественнаго призрѣнія“, такъ какъ Новиковъ былъ найденъ „государственнымъ преступникомъ“.

По распоряженію Екатерины въ декабрѣ 1793 г. была образована особая комиссія изъ трехъ сенаторовъ подъ предсѣдательствомъ генералъ-прокурора, которой и было поручено разобрать имущественныя дѣла Новикова.

По требованію этой комиссіи кн. Прозоровскій представилъ особыя вѣдомости объ имуществѣ и долгахъ Новикова и со-

общилъ свои заключенія, какіе изъ нихъ нужно уплатить, какіе нѣтъ.

По вѣдомости Прозоровскаго имущество, за исключеніемъ родового, было оцѣнено въ 947.662 р. 35 к.: домъ бывшій Гендрикова на Садовой—88.000 р., типографія съ словолитней—30.216 р., бѣлая бумага для печатанія—10.678 р. 50 к., аптека—30.000 р., домъ на Никольской—24.000 р., вексель граф. Чернышевой—12.000 р. и книгъ на 752.758 р. 85 к.; въ этотъ подсчетъ не вошла еще стоимость благопріобрѣтеннаго имѣнія Новикова въ Орловскомъ намѣстничествѣ въ 109 душъ, а за него послѣ на аукціонѣ давали 16.225 р., всего, слѣдовательно, имущество стоило 963.887 р. 35 к., долги же Новикова Прозоровскій опредѣлилъ въ 240.118 р. 54 к., изъ нихъ больше половины приходилось Московскому Опекунскому Совѣту, гдѣ былъ заложенъ домъ на Садовой, именно 122.218 р., остальные—по векселямъ, но изъ этихъ векселей Прозоровскій выдѣлялъ тѣ, которые были написаны на имя бывшихъ членовъ Компаніи. По нимъ, полагалъ Прозоровскій, платить не слѣдуетъ, такъ какъ эти деньги давались на „заведеніе неблагонамѣренности“.

Указомъ 25 апрѣля 1795 г. на имя генералъ-прокурора графа А. Н. Самойлова Екатерина приказала продать пріобрѣтенное Новиковымъ имущество съ публичнаго торга и изъ вырученныхъ суммъ удовлетворить сначала Опекунскій совѣтъ, а потомъ частныхъ лицъ, которыхъ Прозоровскій считалъ подлежащими удовлетворенію. Къ нимъ сама императрица прибавила лишь двоихъ: кн. Н. Трубецкого, за котораго ходатайствовалъ Прозоровскій въ виду его бѣдности, и малолѣтнихъ дѣтей Шварца, которыя получили 28.000 р. въ подарокъ отъ Татищева и деньги которыхъ вложилъ въ Компанію ихъ отецъ.

Родовое имѣніе Новикова осталось его наслѣдникамъ, т.-е. его брату и дѣтямъ, надъ имуществомъ которыхъ была учреждена опека.

Такимъ образомъ, вмѣсто постепенной ликвидаціи сложнаго дѣла бывшей Компаніи, какая предполагалась ея членами, вмѣсто передачи имущества въ хозяйственное распоряженіе Походяшина, который послѣ заключенія Новикова брался выполнить его планы, Екатерина распорядилась однимъ ударомъ покончить всѣ расчеты.

Этимъ распоряженіемъ она окончательно разорила и Нови-

кова и его товарищей: несмотря на неоднократное назначеніе аукціоновъ имуществу, покупщиковъ не находилось, оно лежало безъ дохода и, наконецъ, было отдано въ хозяйственное распоряженіе Приказа общественнаго призрѣнія, но Приказъ не сумѣлъ наладить машину, остановившуюся съ арестомъ Новикова. Имущество гибло. По донесенію новаго московскаго главнокомандующаго, Измайлова, „многія есть въ книжномъ магазинѣ книги, которыя правительствомъ позволено печатать бывшей типографской компаніи, но не напечатаны за разрушеніемъ оной. Великая также часть книгъ напечатанныхъ отъ долговременнаго лежанія въ сырости погнили, а паче какъ домъ, въ коемъ книжный магазинъ, бывъ подъ деревянной кровлей и нѣсколько лѣтъ неисправляемъ, имѣлъ течь, причинившую вредъ книгамъ, то и должно для продажи нѣкоторыя части въ книгахъ переплетать... Кромѣ поврежденія книгъ, и самые домы приходятъ въ ветхость, а на исправленіе оныхъ суммы нѣтъ; долги же отъ времени процентами умножаются“ [1]).

Часть имущества Новикова была уничтожена по приказу самой Екатерины. Сюда вошли тѣ книги, которыя были запрещены въ 1786 г. и тѣ, которыя вновь были признаны вредными во время слѣдствія въ 1792 г. Такихъ книгъ было отложено 18.656 экземпляровъ. Относительно ихъ Прозоровскій ходатайствовалъ не сдавать ихъ въ архивъ, потому что тогда не усмотрѣть, „кто оттуду по нѣсколько экземпляровъ вынетъ“; лучше, по его мнѣнію, ихъ сжечь, но князь предлагалъ переслать по экземпляру этихъ книгъ самой Екатеринѣ. Указомъ 11 февраля 1793 г. императрица распорядилась „предать огню всѣ безъ изъятія, не взнося и къ намъ экземпляровъ“. Такъ навсегда погибли, даже для потомства, книги, признанныя въ XVIII в. вредными.

Въ число сожженныхъ попали книги и изъ личной библіотеки Новикова и его товарищей, помѣщавшейся въ домѣ на Садовой, а годныя изъ нея были переданы: 1.964 экземпляра въ Заіконоспасскую академію и 5.194—въ университетъ. Послѣ этого „генеральнаго“ уничтоженія книгъ въ домѣ компаніи вновь была найдена цѣлая комната съ книгами, и вновь два раза было совершено сжиганіе, но сколько сожгли въ этотъ разъ, неизвѣстно.

---

[1]) Пекарскій, Дополн., с. 159.

Чтобы впредь не появлялись „вредныя“ книги, еще въ 1792 г. были приняты строгія цензурныя мѣры, а указомъ 16 сентября 1796 г. были запрещены всѣ вольныя типографіи, открытыя по указу 1783 г.

Этотъ же указъ удовлетворилъ ходатайство кн. Прозоровскаго еще объ одной мѣрѣ. 20 мая 1792 г. онъ представлялъ Екатеринѣ: „Осмѣливаюсь всеподданѣйше просить Вашего Величества, чтобы повелѣть изволили положить границы книгопродавцамъ книгъ иностранныхъ и отнять способы еще на границахъ и при портахъ подобныя сему (т.-е. такія, какія были найдены у Новикова) книги вывозить, а паче изъ разстроенной нынѣ Франціи, служащія только къ заблужденію и развращенію людей, не основанныхъ въ правилахъ честности. Я хотя всѣ мѣры къ этому взялъ, но довольно способовъ не достаетъ совершенно сіе удержать безъ генеральнаго учрежденія потому, что они (книгопродавцы) таковыя книги продаютъ скрытно, а тѣмъ вводятъ многихъ болѣе въ любопытство ихъ покупать и платить гораздо дороже, какъ за публично продаваемыя книги; и безъ ошибки сказать можно, что всѣ, какія только во Франціи печатаются книги, здѣсь скрытно купить можно“ [1]).

Теперь „генеральное учрежденіе“ для цензуры, о которомъ просилъ князь, было введено. По нему въ 5 городахъ—Петербургѣ, Москва, Рига, Одесса, Радзивилловѣ—были устроены цензурные комитеты изъ 2 свѣтскихъ и 1 духовнаго лица, которые должны были давать удостовѣреніе, что въ „таковыхъ сочиненіяхъ или переводахъ ничего З. Божію, правиламъ государственнымъ и благонравію противнаго не находится“.

Имъ же поручалось смотрѣть за привозными книгами: „никакая книга не можетъ быть вывезена безъ подобнаго осмотра, подвергая сожженію тѣ изъ нихъ, кои найдутся противными З. Божію, верховной власти или же развращающія нравы“ [2]).

Указъ 16 сентября 1796 г. былъ послѣднимъ предсмертнымъ распоряженіемъ Екатерины (въ ноябрѣ она умерла), направленнымъ къ искорененію независимой общественной мысли. Онъ такъ послѣдовательно завершалъ послѣдній періодъ ея царствованія и въ частности всѣ мѣры, принятыя противъ Новикова.

Въ оцѣнкѣ этихъ послѣднихъ уже современники видѣли не-

---

[1]) Лѣт., с. 41.

[2]) В. Сиповскій.—Изъ прошлаго русской цензуры. Русск. Стар. 1899 г., т. 98.

справедливое дѣло Екатерины, и въ этомъ сходились между собой и люди изъ правящаго круга, и люди изъ общества. Такъ, съ одной стороны, канцлеръ кн. Безбородко считалъ всѣ мѣры императрицы противъ масоновъ „несоотвѣтствующими ея славѣ“, такъ, кн. Потемкинъ предостерегалъ ее отъ услужливой ретивости Прозоровскаго.

Съ другой стороны, Карамзинъ, хорошо знакомый съ дѣятельностью Новикова, такъ какъ самъ былъ одно время на попеченіи его общества, но разошедшійся съ нимъ въ своемъ міросозерцаніи, въ запискѣ императору Александру прямо говорилъ: „Новиковъ, какъ гражданинъ, полезной своей дѣятельностью заслужилъ общую признательность; Новиковъ, какъ теософическій мечтатель, по крайней мѣрѣ, не заслуживалъ темницы: онъ былъ жертвой подозрѣнія извинительнаго, но несправедливаго“.

Еще рѣзче отозвался объ указѣ 1 августа, осудившемъ Новикова, Лопухинъ. „Весь указъ,—писалъ онъ,—составленъ былъ только изъ словъ, подобранныхъ для распещренія покрова обвиненія невинности“.

Для современниковъ гоненіе на Новикова представлялось, главнымъ образомъ, гоненіемъ противъ масонства, а такъ какъ въ немъ они не видѣли ничего опаснаго для государства, то всѣ строгія мѣры правительства разсматривались ими, какъ „несправедливое“ и несоотвѣтствующее достоинству власти проявленіе личнаго нерасположенія государыни-вольтерьянки къ масонскому мистицизму. И такъ какъ по существу обвиненія Новикова во „вредныхъ замыслахъ“ противъ правительства они не признавали, то они старались выяснить себѣ тѣ „подозрѣнія“, какими руководствовалась власть, принимая экстренныя мѣры противъ Новикова.

Разсказавъ объ успѣхахъ дѣятельности Новиковскаго общества, Карамзинъ въ упомянутой запискѣ пишетъ: „Императрица, опасаясь вредныхъ тайныхъ замысловъ сего общества, видѣла его успѣхи съ неудовольствіемъ: сперва только шутила надъ заблужденіемъ умовъ и писала комедіи, чтобы осмѣивать оное; послѣ запретила ложи; но зная, что масоны не перестаютъ работать, тайно собираются въ домахъ, проповѣдуютъ, обращаютъ, внутренно досадовала и велѣла московскому градоначальнику наблюдать за ними. Три обстоятельства умножили ея подозрѣнія: 1) Одинъ изъ мартинистовъ или теософическихъ масоновъ, слав-

ный архитекторъ Баженовъ, писалъ изъ С.-Петербурга къ своимъ московскимъ друзьямъ, что онъ, говоря о масонахъ съ тогдашнимъ в. кн. Павломъ Петровичемъ, удостовѣрился объ его добромъ о нихъ мнѣніи. Государынѣ вручили это письмо. Она могла думать, что масоны или мартинисты желаютъ преклонить къ себѣ в. кн. 2) Новиковъ во время неурожая роздалъ много хлѣба бѣднымъ земледѣльцамъ. Удивлялись богатству, не зная, что деньги на покупку хлѣба давалъ Новикову Г. Походяшинъ, масонъ, который имѣлъ тысячъ шестьдесятъ дохода и по любви къ благодѣяніямъ въ сей годъ разорился. 3) Новиковъ велъ переписку съ прусскими теософами, хотя и не политическую, въ то время, когда нашъ дворъ былъ въ явной непріязни съ берлинскимъ.

„Сіи случаи, французская революція и излишнія опасенія московскаго градоначальника рѣшили судьбу Новикова: его взяли въ тайную канцелярію, допрашивали и заключили въ Шлиссельбургской крѣпости, не уличеннаго дѣйствительно ни въ какомъ государственномъ преступленіи, но сильно подозрѣваемаго въ намѣреніяхъ, вредныхъ для благоустройства гражданскихъ обществъ“.

Болѣе подробно тѣ же соображенія приводитъ въ своихъ запискахъ и Лопухинъ, но онъ „главный предметъ подозрѣнія“ видитъ въ сношеніяхъ масоновъ съ Павломъ.

Всѣ эти „подозрѣнія“ современники считали вздорными и доказывали это ссылкой на всю дѣятельность Новикова, „какъ гражданина“. Сопоставляя просвѣтительную и благотворительную работу его съ обвиненіями въ противогосударственныхъ замыслахъ, современники приходили къ выводу, что Новиковъ „палъ жертвой подозрѣнія извинительнаго, но несправедливаго“.

И „Записка“ Карамзина и „Записки“ Лопухина были написаны уже въ Александровское царствованіе, когда, послѣ Екатерининской грозы на „мартинистовъ“ и „спиноватаго рева“ Павла, снова явилась возможность для русскихъ интеллигентовъ собраться съ мыслями. Тогда впервые Лопухинъ могъ познакомиться съ содержаніемъ указа 1 августа 1792 г., осудившаго Новикова и его товарищей, тогда же, повидимому, оно стало извѣстно и Карамзину. Остальные документы по дѣлу Новикова имъ не были извѣстны.

За сто лѣтъ, которыя прошли съ тѣхъ поръ, появились наиболѣе существенные матеріалы по этому дѣлу: вопросы и от-

вѣты Новикова, замѣтки слѣдователя, доносенія и переписка Прозоровскаго. Изъ этихъ документовъ съ несомнѣнностью видно, что указанныя Карамзинымъ и Лопухинымъ „подозрѣнія“ противъ Новикова у правительства точно существовали, они легли въ основу процесса.

Мало того, въ рукахъ императрицы были данныя, которыя оправдывали эти подозрѣнія: она, несомнѣнно, была освѣдомлена о роли розенкрейцеровъ, съ Вельнеромъ во главѣ, при дворѣ прусскаго короля, а при враждебныхъ отношеніяхъ съ Пруссіей такъ естественно было допустить, что въ Берлинѣ затѣялась политическая интрига противъ нея, орудіемъ которой хотѣли сдѣлать московскихъ масоновъ; наконецъ, въ ея рукахъ были документы, касающіеся дѣятельности въ Россіи барона Шредера; его, повидимому, Екатерина считала главнымъ проводникомъ прусской интриги: 18 октября 1792 г. Храповицкій записалъ въ своемъ дневникѣ: „Сказывать мнѣ изволили, что всѣхъ мартинистовъ обманывалъ бывшій въ нашей службѣ поручикъ Шредеръ“. Словомъ, Екатерина могла знать больше о видахъ на Россію берлинскихъ розенкрейцеровъ, чѣмъ зналъ самъ Новиковъ, и потому подозрѣнія, какія она имѣла на него, можно вполнѣ оправдать. Но тѣ же документы, несомнѣнно, свидѣтельствуютъ, что слѣдствіе не подтвердило подозрѣній власти противъ Новикова. Не удалось изобличить, что онъ организовалъ тайное общество съ политическими задачами, съ подчиненіемъ иностраннымъ „тайнымъ начальникамъ“, не удалось доказать, что былъ заговоръ противъ православной вѣры, что въ общество завлекали съ корыстными цѣлями богатыхъ и вліятельныхъ людей, что пытались завлечь въ политическую интригу наслѣдника, Павла. Въ результатѣ слѣдствія, повидимому, нервное настроеніе власти значительно разрѣдилось, императрица должна была почувствовать, что ея страхи передъ „мартинистами“—напрасные страхи, что во всякомъ случаѣ русскихъ масоновъ нельзя никоимъ образомъ приравнять къ заговорщикамъ-иллюминатамъ, какъ она ихъ себѣ представляла, когда думала, что ими была организована французская революція. Перемѣна въ настроеніяхъ Екатерины замѣтно проявляется въ ходѣ слѣдствія.

Въ первой половинѣ 1792 г. она чутко прислушивается къ донесеніямъ Прозоровскаго, одобряетъ его суровыя распоряженія относительно Новикова, отказывается отъ своего намѣренія

разбирать его дѣло въ обычномъ судѣ, сама замѣтно проникается преувеличенной подозрительностью Прозоровскаго; въ іюнѣ наступаетъ уже переломъ: Екатерина подолгу не отвѣчаетъ на запросы князя, его дальнѣйшія услужливыя разысканія въ масонскихъ бумагахъ какъ-то проходятъ безслѣдно, императрица долго колеблется съ подписаніемъ приговора Новикову, въ этомъ приговорѣ заранѣе, до допроса, рѣшаетъ участь трехъ самыхъ важныхъ „сообщниковъ“ Новикова—Лопухина, Трубецкого и Тургенева и вообще всѣми своими дальнѣйшими распоряженіями вызываетъ „недоумѣніе“ у кн. Прозоровскаго, а когда тотъ въ началѣ 1793 г. вдругъ безъ вызова и безъ нужды пріѣхалъ въ Петербургъ и представился ей, Екатерина встрѣтила его уже съ ироніей. 26 января Храповицкій записываетъ у себя: „Кн. Прозоровскій, пріѣхавшій изъ Москвы, помѣшалъ читать газеты (императрицѣ). Спросили у меня: Знаетъ ли онъ самъ зачѣмъ пріѣхалъ?.. Онъ пріѣхалъ, сирѣчь, къ наградѣ за истребленіе мартинистовъ“. Этой награды Прозоровскій такъ и не получилъ ни въ этомъ, ни въ слѣдующемъ году. Повидимому, императрицѣ казались уже немного забавными ея преувеличенно тревожныя подозрѣнія относительно русскихъ мартинистовъ, ихъ непогрѣшимая преданность власти обезоруживала и даже, какъ въ дѣлѣ Лопухина, вызывала слезы умиленія. Только такой перемѣной въ настроеніяхъ власти и можно объяснить, что она оставила безъ наказанія трехъ важныхъ „сообщниковъ“ Новикова, не тронула остальныхъ масоновъ и совсѣмъ простила виновныхъ книгопродавцевъ. За все свое царствованіе Екатерина вообще не грѣшила безкорыстнымъ великодушіемъ, и теперь оно всего менѣе было бы умѣстно, разъ власть была бы твердо убѣждена въ существованіи въ Россіи заговора мартинистовъ.

Но тогда тѣмъ суровѣе кажется кара, постигшая Новикова. Почему именно его такъ строго выдѣлили изъ среды его товарищей и почему на его плечи возложили отвѣтственность за дѣла всего общества?

Въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ намѣтились три основныхъ группы мнѣній среди изслѣдователей. Выразителемъ одной изъ нихъ слѣдуетъ считать Лонгинова, чья работа о Новиковѣ дала обильный матеріалъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій. Разбирая всю издательскую и филантропическую дѣятельность Новикова, Лонгиновъ доказываетъ, что у власти не было основаній обви-

нить его въ противогосударственномъ преступленіи. Лонгиновъ сочувственно цитируетъ приведенный выше отзывъ Карамзина и заканчиваетъ въ своей книгѣ главу о слѣдствіи надъ Новиковымъ такими словами: „Таковъ приговоръ безпристрастнаго современника (Карамзина). Таковъ и судъ неподкупнаго потомства!“

Но Лонгиновъ, на ряду съ этимъ, допускалъ возможность и еще двухъ толкованій:

1) „Мы не знаемъ,—писалъ онъ,—содержанія бумагъ, забранныхъ во время арестованія Новикова. Можетъ быть, онъ забылъ въ нихъ кое-что и отрицалъ иногда то, что легко было доказать взятыми у него документами, а какъ бы ни ничтоженъ былъ предметъ такого противорѣчія, но его уже было достаточно, чтобы, при существовавшемъ противъ Новикова предубѣжденіи, заключить, что и всѣ прочія его показанія ложны“.

2) „Новиковъ является въ этомъ дѣлѣ очистительною жертвой. Ясно, что хотѣли погубить преимущественно его, какъ главу общества и энергическаго, предпріимчиваго человѣка“.

Рецензентъ на книгу Лонгинова, академикъ Пыпинъ, въ своихъ статьяхъ въ „Вѣстникѣ Европы“ разработалъ послѣдній изъ намѣченныхъ Лонгиновымъ взглядовъ и подчеркнулъ, что приговоръ Екатерины надъ Новиковымъ является приговоромъ надъ попыткой независимаго общественнаго самоопредѣленія, по существу нетерпимаго для абсолютной власти. Этотъ взглядъ, можно сказать, получилъ преимущественное право гражданства въ работахъ остальныхъ историковъ.

Третье предположеніе Лонгинова рѣзче всего проводится Барсковымъ въ предисловіи къ его недавно вышедшей „Переписки московскихъ масоновъ XVIII в.) [1]. Авторъ пытается, выражаясь его словами, „разсѣять мистическій туманъ, которымъ окутана вся дѣятельность Новиковскаго кружка“ [2].

Это „разсѣяніе“ совершается у него довольно своеобразно. Указывая на то, что у насъ до сихъ поръ нѣтъ документовъ, забранныхъ Прозоровскимъ при обыскѣ у Новикова, авторъ молчаливо признаетъ непогрѣшимыми всѣ обвиненія Прозоровскаго: и то, что общество Новикова имѣло іезуитскій характеръ, и то, что въ немъ затѣвалась политическая интрига противъ Екатерины, противъ православной вѣры и противъ всего суще-

---

[1]) Мартъ 1915 г., Петроградъ, Изд. Академіи Наукъ.
[2]) LV с.

ствующаго соціальнаго строя; авторъ настойчиво поддерживаетъ даже ту мысль Прозоровскаго, что одной изъ главныхъ цѣлей Новиковскаго общества было обирать богатыхъ людей.

Цѣли наживы на счетъ богатыхъ людей соединялись въ Новиковскомъ обществѣ съ политической оппозиціей Екатеринѣ, въ общество вошло московское барство, недовольное „большимъ дворомъ“.

При такихъ условіяхъ, по мнѣнію Барскова, было вполнѣ справедливымъ недовѣрчивое отношеніе власти къ кружку московскихъ мартинистовъ. „Въ концѣ 70-хъ гг.,—говоритъ авторъ,—послѣ Пугачевскаго бунта, въ Москвѣ пошли толки о тайныхъ масонскихъ собраніяхъ съ участіемъ знатныхъ вельможъ, недовольныхъ правленіемъ императрицы и близкихъ къ меньшому двору (Павла). Въ слѣдующемъ десятилѣтіи масоны выступили публично съ явнымъ стремленіемъ все захватить въ свои руки—управленіе, судъ, школу, печать, благотворительность. Правительство и общество насторожилось“ [1]).

„Въ эту,—говоритъ дальше Барсковъ,—толпу русскихъ баръ, политиковъ, мечтателей, мистиковъ, филантроповъ, педагоговъ и книголюбцевъ проникли нѣмецкіе „братья“ разныхъ „системъ“ съ ихъ политическими и корыстными цѣлями“ [2]).

Обирая московскихъ баръ, эти „братья“ въ то же время предприняли попытку завлечь въ свои сѣти и наслѣдника престола, Павла. Барсковъ подробно останавливается на дневникѣ бар. Шредера и считаетъ несомнѣннымъ, что берлинскіе розенкрейцеры черезъ него дѣйствительно вели политическую интригу въ Россіи. Такимъ образомъ, московскіе мартинисты „стали жертвами политической интриги, которую затѣяли нѣмецкіе обскуранты, переодѣвшись по тогдашней модѣ въ масонскій нарядъ“ [3]).

Не ясно изъ словъ Барскова, былъ ли Новиковъ только „жертвой интриги“ или самъ былъ интриганомъ. Съ одной стороны, онъ какъ будто хочетъ выдѣлить Новикова изъ среды остальныхъ „братій“, какъ искренняго искателя истины, и ставитъ ему въ вину только легковѣріе, такъ какъ онъ, „любя книгу и человѣка, плохо зналъ людей“, но, съ другой стороны, Барсковъ не довѣряетъ его показаніямъ на слѣдствіи и скло-

---

[1]) С. LII.
[2]) С. LVI.
[3]) С. L.

ненъ больше раздѣлять мнѣніе о немъ Прозоровскаго и другихъ слѣдователей.

Такъ, напр., говоря объ отвѣтахъ Новикова по поводу его отношеній къ Павлу, Барсковъ пишетъ: „Когда Новикову напомнили и документально доказали, что онъ не просто дарилъ великому князю назидательныя книги, а предлагалъ наслѣднику престола подчиниться министрамъ явно враждебной къ намъ державы, онъ пришелъ въ такой ужасъ, что запутался въ показаніяхъ и уповалъ только на милосердіе государыни".

Изъ того матеріала, который теперь напечатанъ, рѣшительно нельзя сдѣлать вывода, будто Новиковъ „предлагалъ наслѣднику престола подчиниться министрамъ явно враждебной къ намъ державы", и еще менѣе можно согласиться, что это намѣреніе Новикова „документально доказали на слѣдствіи". Почему авторъ безусловно вѣритъ мнѣніямъ оффиціальныхъ слѣдователей и безусловно не вѣритъ Новикову—онъ не доказываетъ, но какъ бы то ни было, онъ вполнѣ оправдываетъ поведеніе власти по отношенію къ Новикову и экстренныя мѣры, принятыя противъ него.

Мы охотно соглашаемся съ г. Барсковымъ, что со стороны берлинскихъ розенкрейцеровъ могла быть „политическая интрига" (хотя документально это еще не установлено), вмѣстѣ съ нимъ мы также думаемъ, что бар. Шредеръ былъ не малымъ интриганомъ, но вѣдь ни берлинскимъ розенкрейцерамъ, ни, въ особенности, Шредеру московскіе масоны, и прежде всѣхъ Новиковъ, не довѣрялись вполнѣ. Они искали въ Берлинѣ „истиннаго масонства", но много разъ и настойчиво предостерегали другъ друга отъ возможныхъ „политическихъ видовъ". Даже Шварцу не было съ этой стороны полнаго довѣрія. Была возможна интрига со стороны берлинскихъ розенкрейцеровъ, но мы рѣшительно не допускаемъ, чтобы Новиковъ и его товарищи въ этой интригѣ принимали участіе. Правда, у насъ не имѣется того матеріала, какой имѣли въ своемъ распоряженіи слѣдователи по Новиковскому дѣлу, но и тотъ матеріалъ, который уже напечатанъ, вполнѣ доказываетъ, что „обличить" Новикова и его товарищей въ преступныхъ замыслахъ противъ государства окончательно не удалось, несмотря на всѣ строгія мѣры, организованныя властью. И не только не удалось доказать политическую интригу, но даже простого обвиненія въ корыстномъ „уловленіи" богатыхъ людей не пришлось подтвер-

дить, и лучшимъ свидѣтельствомъ этому являются напечатанныя „Возраженія“ слѣдователя на отвѣты Новикова.

Не удалось, несомнѣнно, и Новикову совсѣмъ разсѣять подозрѣнія власти, подозрѣнія такъ и остались. Но если заподозрѣна искренность новиковскихъ отвѣтовъ, то вѣдь остаются его „дѣла“, а „по дѣламъ ихъ узнаете ихъ“, и дѣла эти таковы, что даже кн. Прозоровскій указывалъ, что масоны хотѣли быть законниками и праведниками. Отъ Новикова остается его просвѣтительная и благотворительная дѣятельность, о которой современники отзывались, что ей онъ „заслужилъ общую признательность“. Можно, конечно, заподозрить и эту дѣятельность, какъ это сдѣлала Екатерина въ своихъ комедіяхъ и какъ, вслѣдъ за ней, повторилъ кн. Прозоровскій въ донесеніяхъ, и думать вмѣстѣ съ ними, что добрыя дѣла творились исключительно для лучшаго „уловленія“ въ общество богатыхъ и вліятельныхъ людей, но это была бы слишкомъ близорукая точка зрѣнія. Въ просвѣтительной и благотворительной дѣятельности Новикова мы, вмѣстѣ съ другими, думаемъ искать основныхъ причинъ той тяжелой кары, какая обрушилась на него.

Съ тѣхъ поръ, какъ Екатерина рѣшила „просвѣтить“ русское общество и тѣмъ подготовить его къ принятію своихъ высокихъ истинъ въ законодательствѣ, дѣятельность Новикова постоянно стояла ей „поперекъ дороги“. Онъ встрѣтился ей, когда она сатирой хотѣла исправлять нравы, и имѣлъ дерзость не согласиться, что сатиру нужно писать въ „улыбательномъ“ духѣ; когда Екатерина отъ сомнительнаго настоящаго перешла къ доблестямъ предковъ русскаго народа и звала Новикова восхвалять ихъ, онъ усомнился въ этихъ доблестяхъ; Новиковъ предвосхитилъ заботы императрицы о развитіи народнаго образованія и первый началъ заводить школы; въ то время, какъ „философъ на тронѣ“ покровительствовалъ распространенію излюбленныхъ произведеній французской философіи, Новиковъ началъ походъ на развращающее вліяніе этой философіи и въ громадномъ количествѣ сталъ издавать религіозно-нравственныя книги; въ годы, когда власть умилялась отъ сознанія благополучія, распространяющагося отъ ея заботъ о народномъ благѣ, Новиковъ разыскалъ голодающихъ и организовалъ широкую благотворительную помощь бѣдному люду. Вся эта кипучая и широкая дѣятельность шла не по дорогѣ, указанной властью, вся она была пропитана духомъ независимой общественной ини-

ціативы и далеко выходила изъ тѣхъ рамокъ, въ какихъ абсолютная власть хотѣла допускать самодѣятельность общества. И еще эта дѣятельность Новикова имѣла то непріятное для власти свойство, что разгоралась все ярче, когда сама власть все больше успокаивалась въ горделивомъ созерцаніи достигнутаго благополучія.

Екатерина не сразу оборвала ее, но стѣсняла постепенно и ограничивала до начала 90-хъ гг. Событія французской революціи и порожденные ею страхи привели къ окончательному разгрому дѣятельности Новиковскаго кружка, а слѣдствіе убѣдило Екатерину, что организаторомъ и иниціаторомъ цѣлаго ряда общественныхъ предпріятій былъ безпокойный „армейскій поручикъ“ Новиковъ. Такое впечатлѣніе объ его роли получилось не безъ того, что его товарищи сами во многомъ подчеркивали организаторскій талантъ Новикова. „Новиковъ умный, но опасный человѣкъ“, „Новиковъ фанатикъ“—вотъ характеристики, какія часто срывались у императрицы. И такъ какъ этого „фанатика“ императрица не могла угомонить даже примѣрнымъ наказаніемъ Радищеву, то противъ него были приняты героическія мѣры.

XXIII.

Послѣдніе годы жизни Новикова.

На одномъ изъ послѣднихъ допросовъ, когда уже шло дѣло о ликвидаціи имущества Новикова, онъ обратился къ императрицѣ съ такимъ слезнымъ моленіемъ: „Дерзаю повергнуть себя въ совершенномъ раскаяніи во всѣхъ моихъ поступкахъ; повергая съ собой и тропхъ бѣдныхъ невинныхъ младенцевъ, дѣтей моихъ, къ высокомонаршимъ стопамъ Ея Импер. Велич. и вопію: О, великая Императрица! пощади и прости! О, премудрая Монархиня! помилуй! О, милосердая матерь отечества! дозволь несчастному и полумертвому преступнику, прогнѣвавшему Тебя неумышленно, дозволь, когда угодно Господу прекратить дни мои, послѣдній вздохъ испустить въ объятіяхъ дѣтей моихъ! Услыши, Милосердая Матерь Отечества, младенцевъ, вопіющихъ Тебѣ: помилуй! Мы лишились матери! Ежели Ты не помилуешь насъ, то лишаемся и отца! Услыши, о Великая и Милосердая Монархиня и Матерь! мы всѣ четверо вопіемъ къ Тебѣ: помилуй!“ [1]).

Императрица, проливавшая слезы надъ обращеніемъ къ ней Лопухина, не тронулась этими мольбами. Въ такомъ душевномъ настроеніи Новиковъ остался въ крѣпости, и въ русскомъ обществѣ, подавленномъ не менѣе Новикова его тяжелой участью, шли толки, что онъ умеръ въ крѣпости, а другіе говорили, что онъ сошелъ тамъ съ ума.

Но Новикову не суждено было томиться въ заключеніи всѣ 15 лѣтъ, на которыя онъ былъ приговоренъ Екатериной: 6 ноября 1769 г. она умерла, и на престолъ вступилъ Павелъ, немедленно освободившій Новикова. На масоновъ отъ новаго го-

---

[1]) Пекарскій.—Дополненія, с. 150.

сударя посыпались на первыхъ порахъ милости: ко двору государя были приближены С. И. Плещеевъ, кн. Куракинъ, кн. Н. В. Рѣпнинъ; ближайшіе товарищи Новикова получили высокія назначенія: Лопухинъ и Трубецкой были назначены сенаторами, Тургеневъ — директоромъ Московскаго университета; цѣлый рядъ другихъ лицъ, близкихъ масонамъ, получили милости отъ государя.

Одно время казалось, что и дѣла Новикова получатъ благопріятный оборотъ.

11 ноября 1796 г. состоялся указъ о возвращеніи Новикову всего имѣнья „сколько его состоитъ въ казенномъ вѣдомствѣ“, 5 декабря, по требованію самого государя, Новиковъ представлялся ему и послѣ часовой аудіенціи при прощаніи получилъ отъ Павла увѣренія, что правительство сдѣлаетъ все, чтобы устроить дѣла Новикова. „Я даю тебѣ мою руку и слово, что и копѣйка твоя не пропадетъ; дай только мнѣ время и вѣрь моему слову“, сказалъ государь на прощанье. Послѣ этого разговора съ Павломъ пошли даже слухи, что Новиковъ будетъ назначенъ директоромъ университета.

Самъ Новиковъ, пользуясь теперь благосклоннымъ къ нему отношеніемъ государя, хотѣлъ и просилъ только одного: посодѣйствовать ему въ постепенной распродажѣ имущества для удовлетворенія всѣхъ кредиторовъ.

По его просьбѣ, 10 апрѣля 1797 г. московскому главнокомандующему Измайлову было предписано освободить отъ отвѣтственности всѣхъ поручителей за Новикова, а его имѣнье употребить на уплату долговъ, при чемъ въ число кредиторовъ приказано было включить и тѣхъ лицъ, которыя при Екатеринѣ были устранены, какъ сообщники Новикова.

Въ дальнѣйшемъ, однако, дѣла пошли совсѣмъ не такъ, какъ это было желательно Новикову. Его имущество, бывшее, какъ указывалось выше, вполнѣ достаточнымъ для удовлетворенія всѣхъ кредиторовъ въ 1792 г., отъ безхозяйственнаго распоряженія имъ значительно пострадало, а %% на долги увеличили ихъ еще болѣе, и вскорѣ выяснилось, что имущества Новикова не хватитъ даже на покрытіе долга одному Опекунскому Совѣту. Поэтому только что состоявшійся указъ Измайлову былъ отмѣненъ 9 іюля 1797 г., и снова было приказано привлечь къ отвѣтственности за правильную уплату долга Опекунскому Совѣту всѣхъ поручителей, которые были записаны, когда за-

кладывался домъ на Садовой. Теперь эти поручители должны были потерять свои залоги, обращенные на уплату долга. Изъ нихъ больше всего пострадали Ладыженскій и Походяшинъ.

Въ дальнѣйшемъ началась распродажа новиковскаго имущества: было продано орловское имѣнье, типографскіе станки, бумага, аптека и домъ на Садовой (его купило московское дворянство для устройства въ немъ казармъ—теперь Спасскихъ). Всего изъ долга Опекунскому Совѣту (147.962 р. 50 к.) путемъ этихъ продажъ удалось заплатить свыше 130.000 руб. На уплату остальной части долга Совѣту и прочимъ кредиторамъ оставались теперь только книги и другое движимое имущество Новикова. Вся распродажа совершалась мѣрами администраціи и, какъ обычно, дала очень незначительные результаты, а императоръ ничѣмъ не облегчилъ условій ликвидаціи имущества. Въ его отношеніяхъ къ масонамъ, недавно обласканнымъ, быстро наступила перемѣна: повидимому, въ его политикѣ укрѣпленія самовластія независимыя мнѣнія масоновъ только мѣшали.

Великій мастеръ дворцовыхъ интригъ, графъ Ростопчинъ, въ 1811 г. такъ объяснялъ эту перемѣну: „Неудивительно, что въ его мнѣніяхъ произошла такая скорая перемѣна: существуетъ классъ людей и родъ услугъ, которые нравятся наслѣдникамъ престола до ихъ воцаренія, но отъ которыхъ они отворачиваются послѣ, даже наказывая тѣхъ, кто казался необходимымъ, а потомъ въ награду получаетъ одно только презрѣніе“ [1]).

Послѣ продажи части имущества и уплаты по большей части претензій Опекунскаго Совѣта, остальное было передано въ распоряженіе камеральнаго департамента Московскаго ратгауза, а департаментъ снова завелъ объ имуществѣ переписку, снова изъ вѣдомства въ вѣдомство писались бумаги, и такъ до мая 1801 г. Къ этому времени долги успѣли еще болѣе возрасти и достигли колоссальной суммы—въ 753.537 р. 43 $^1/_4$ к., а между тѣмъ наиболѣе цѣнная часть имущества — недвижимое имущество—была уже продана. Тогда кредиторы снова рѣшили просить передать оставшуюся часть имущества въ хозяйственное распоряженіе Походяшина и удовольствоваться тѣмъ, что каждому удастся получить. Неизвѣстно, какъ они разсчитались, наконецъ, но послѣдній отголосокъ дѣла о долгахъ долетѣлъ до 1803 г.: 5 марта этого года Походяшину было дано

---

[1]) „Русск. Арх.“, 1875 г., III.

разрѣшеніе устроить лотерею на оставшіяся книги новиковскаго изданія.

Самому Новикову осталось его родовое имѣнье Тихвинское-Авдотьино „въ нынѣшнемъ Бронницкомъ уѣздѣ, на самой границѣ его съ Коломенскимъ, на р. Сѣверкѣ, въ 20 верстахъ отъ г. Бронницъ“ [1]).

Въ 1799 г. умеръ совладѣлецъ этого имѣнья, братъ Новикова, и, т. о., Новиковъ сдѣлался единственнымъ его хозяиномъ.

Здѣсь, въ этомъ имѣньи, онъ прожилъ почти безвыѣздно 20 съ лишнимъ лѣтъ послѣ своего освобожденія изъ крѣпости, и ко всему этому житію такъ хорошо подходятъ слова Новикова изъ одного его письма: „Крестъ тяжелъ, нести его горько, но да будетъ воля Господня“.

Прежде всего, было совершенно разстроено состояніе Новикова. Родовое село давало очень небольшой доходъ, такъ какъ единственной доходной статьей его была продажа хлѣба, а урожаи, вообще невысокіе въ подмосковной мѣстности, случались не всегда, и каждый неурожайный годъ заставлялъ все больше и больше залѣзать въ долги. Тотчасъ по выходѣ изъ крѣпости Новиковъ долженъ былъ заложить свое имѣнье за 10.000 руб. На эти деньги онъ надѣялся поправить хозяйство запущеннаго безъ него имѣнья, но какъ разъ годъ былъ неурожайный, и всѣ деньги ушли на покупку хлѣба для прокормленія себя и крестьянъ. За долгъ нужно было вносить %%, и долги не сокращались, а росли. Въ 1818 г. онъ былъ уже долженъ Опекунскому Совѣту до 100.000 р. Между тѣмъ на рукахъ Новикова очутилась большая семья безпомощныхъ людей. У него было трое дѣтей, сынъ Иванъ и дочери Варвара и Вѣра. Первые двое отъ испуга, пережитаго въ 1792 г., во время нашествія власти въ Авдотьино съ обыскомъ, заболѣли нервнымъ потрясеніемъ и получили эпилептическіе припадки, настолько сильные, что ихъ не сажали за общій столъ. Третья дочь, Вѣра, была вообще слабаго здоровья и часто прихварывала. Такимъ образомъ, дѣти, кромѣ Вѣры, не могли ни въ чемъ помочь отцу. Кромѣ дѣтей, на счетъ Новикова жили: его другъ Гамалѣя, жена покойнаго Шварца, докторъ Багрянскій и жена покойнаго брата Новикова. Самъ Новиковъ вышелъ изъ крѣпости „дряхлъ, старъ, согбенъ“, съ окончательно надломленнымъ здоровьемъ.

---

[1]) Лонгиновъ, с. 378.

Приходилось все время внимательно слѣдить за своимъ организмомъ, чтобы поддержать въ немъ дѣятельность. Въ одномъ письмѣ Новиковъ пишетъ пріятелю, какихъ мѣръ ему это стоитъ: „Успѣлъ два раза пущать кровь, принимать нѣсколько чистительныхъ, а всякій день промывательныхъ“.

Всякая перемѣна погоды, заминка въ дѣлахъ, пережитая непріятность—на нѣсколько дней выбивали его совсѣмъ изъ колеи, заставляли отлеживаться. Съ теченіемъ времени усилились геморроидные припадки, ослабѣло зрѣніе. Въ 1814 г. Новиковъ такъ уже характеризовалъ свое здоровье: „Вы бы меня теперь не узнали, ежели бы увидѣли: такъ я въ нынѣшней болѣзни исхудалъ, одряхлѣлъ и ослабѣлъ, кожа да кости остались; зрѣніе также крайне ослабѣло; главнѣйшая же причина сего есть лишеніе аппетита, по недѣлѣ и по двѣ ничего не ѣмъ“ [1]).

При такомъ здоровьѣ, несомнѣнно, хозяйство Новикова не могло итти блестяще, хотя онъ попрежнему неугомонно хватался за разныя предпріятія, теперь съ единственной цѣлью „помочь своимъ нуждамъ и недостаткамъ“.

Такъ, онъ усиленно занялся садоводствомъ и огородничествомъ, выписывалъ черезъ друзей сѣмена, черенки, саженцы, носился съ мыслью развести у себя доходныя цѣнныя породы фруктовыхъ деревьевъ и ягодныхъ кустовъ, овощей, но изъ этихъ затѣй выходило развѣ лишь то, что иногда, какъ видно по письмамъ, Новиковъ посылалъ друзьямъ десятокъ-другой раннихъ огурцовъ или нѣсколько штукъ померанцевъ.

Кромѣ садоводства, Новиковъ „завелъ у себя суконную фабриченку“, на которой выдѣлывались дешевыя сукна и байки. Черезъ своего ученика, Лабзина, тогда секретаря при конференціи Академіи Наукъ, онъ пытался даже взять подрядъ на поставку сукна для служителей академіи и воспитанниковъ Морского корпуса, но не видно, чтобы и это предпріятіе пошло.

Въ 1805 г. Новиковъ выступилъ на торгахъ университета по сдачѣ въ аренду типографіи, но почему-то эта аренда не устроилась. Послѣ этого, все изъ-за той же нужды, Новиковъ хотѣлъ было приняться даже за винокуреніе, дѣлалъ опыты съ перегонкой спирта изъ свекловицы, хвалилъ вкусъ своей водки и мечталъ осуществить опыты въ болѣе широкомъ размѣрѣ, но, можетъ быть, къ счастью, опытный типографщикъ и издатель

---

[1]) Письмо къ Руничу, „Русск. Арх.“, 1871 г., с. 1070.

такъ и не смогъ сдѣлаться винокуреннымъ заводчикомъ. Какъ видно изъ этихъ попытокъ, иниціативы у Новикова обнаруживалось не мало и теперь, но годы были не тѣ, и толку изъ новыхъ предпріятій не выходило никакого, и по-старому изъ его Авдотьина для уплаты %% по долгамъ продавались лишь рожь да овесъ, какъ о томъ сообщается въ письмахъ. А такъ какъ по письмамъ видно, что неурожаи бывали нерѣдко, а иногда нѣсколько лѣтъ подрядъ, какъ въ 1799—1802 гг., то понятно, что очень часто приходилось совсѣмъ туго.

Неоднократно у Новикова срываются жалобы въ родѣ слѣдующей: „Я въ крайнихъ теперь обстоятельствахъ и недостаткахъ: по 1 число генваря купленный хлѣбъ весь розданъ, а съ 1 генваря ничего нѣтъ, да и купить по сіе время не на что. По пословицѣ, бьюсь, какъ рыба объ ледъ въ изворотках“ [1]).

Друзья совѣтовали Новикову обратиться за помощью къ государю, но онъ отказывался. „Совѣтъ, чтобы писать прошеніе, я не рѣшился исполнить,—писалъ однажды Новиковъ,—основываясь на томъ, что лучше предать себя въ волю Божію, нежели въ человѣческую. Тотъ, Который началъ со мной дѣло, Онъ и совершитъ; надобно только съ терпѣніемъ ожидать; а притомъ сказано же: не надѣйся на князи, на сыны человѣческіе, слѣдовательно надѣяться должно на Господа Бога“ [2]).

Насколько велика была нужда, видно изъ того, что иной разъ Новиковъ просилъ одолжить ему на время мелкія суммы въ нѣсколько десятковъ рублей или въ сотню. Въ крайнихъ обстоятельствахъ онъ нерѣдко обращался къ друзьямъ за помощью, и друзья, по крайней мѣрѣ нѣкоторые, не отказывали въ этой помощи, но Новиковъ часто жалуется, что друзей осталось мало, „люди насъ оставили“, говоритъ онъ, и тѣ друзья, которые сохранились вѣрными, были не настолько состоятельными, чтобы всегда выручать Новикова. Съ трогательной заботливостью о больномъ товарищѣ они могли посылать ему въ подарокъ восковыя свѣчи для занятій, нюхательный табакъ, черносливъ, который Новиковъ употреблялъ, какъ лекарство, писчую бумагу, лекарства и сѣмена, иногда могли ссудить небольшую сумму денегъ, походатайствовать по его дѣламъ въ присутственныхъ мѣстахъ, но и только; поправить же пошат-

---

[1]) Письмо Лабзину п/XII 1802 г. „Русск. Библіофилъ“, 1913 г., III, с. 29.
[2]) Ib., отъ 10/XI 1797 г.

пувшееся съ арестомъ благосостояніе Новикова они рѣшительно были не въ состояніи.

Было не мало у Новикова своихъ должниковъ, и иной разъ крупныхъ, какъ, напр., семейство покойнаго архитектора Бажанова, которое должно было Новикову свыше 4.000 р., но собрать долги онъ и не надѣялся, хотя въ иныя трудныя минуты и просилъ усиленно объ уплатѣ ему долга.

Всѣ свои тревоги и несчастья—свои болѣзни и болѣзни близкихъ, нужду, оскудѣніе числа друзей, неурожай и т. п.,—Новиковъ старался переносить бодро, иной разъ съ шуткой. „Друзьями крайне обѣдняли, такъ, какъ и хозяйственными вещьми, но должно за все благодарить Господа,—пишетъ Новиковъ;—все дѣлается къ нашей пользѣ. Обѣднѣли друзьями, зато узнали истинныхъ и мнимыхъ; обѣднѣли хозяйственными вещьми, зато желудокъ чище и голова свѣтлѣе". И часто своимъ пріятелямъ онъ предлагалъ въ шутку рецептъ „элексира универсалиссиме" отъ разныхъ горестей, въ родѣ слѣдующаго: „На всѣ происшествія съ вами, любезный другъ, внутри и снаружи рецептъ одинъ: терпѣніе, покорность, преломленіе собственной воли и проч. и проч.; все смѣшавъ, употреблять поутру и вечеру по столовой ложкѣ".

Глубоко религіозный, Новиковъ въ терпѣливомъ перенесеніи несчастій видѣлъ прямую обязанность христіанина, тотъ крестъ, который каждый долженъ нести черезъ всю свою жизнь, подражая Христу. Въ Свящ. Писаніи, въ его примѣрахъ и притчахъ Новиковъ видѣлъ особую „науку", необходимую всякому. „Сію великую науку,—писалъ онъ въ 1797 г. Лабзину,—чтобы бѣдныхъ грѣшниковъ вести по сему царскому пути, предоставилъ себѣ истинный и единственный величайшій мастеръ, Спаситель и Господь нашъ І. Христосъ. Сей есть узкій путь, по которому онъ самъ вошелъ и оставилъ образъ для послѣдованія". И сравнивая свою судьбу съ судьбой Іова, Новиковъ указывалъ, что „расположеніе крестовъ бываетъ такъ, что сначала даются легкіе, а что далѣе, то тяжелѣе".

Насколько тяжелъ былъ крестъ, который достался Новикову подъ старость, видно изъ слѣдующихъ его словъ, писанныхъ другу Лабзину: „Ахъ, мой сердечный другъ! Крестная школа весьма огненна и жарка, такъ что она достигаетъ даже сквозь кости, до мозговъ! и весьма хорошо научаетъ кротости, смиренію и терпѣнію. Милосердый Господь удостоилъ и удостаиваетъ

меня, бѣднаго, итти по сему Царскому пути. Да будетъ ему благодареніе за вся въ вѣчности вѣчностей. Аминь!“

Подъ тяжестью своего креста Новиковъ иногда падалъ, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, находился по нѣскольку дней почти въ обморочномъ состояніи.

Въ обычное время онъ велъ чрезвычайно регулярный образъ жизни. „Онъ вставалъ въ четвертомъ часу утра, выпивалъ чашку чая, садился къ письменному столу, на которомъ зажигались четыре восковыя свѣчи, и принимался за письмо или чтеніе, что и продолжалось до осьми часовъ. За обѣдъ садились въ первомъ часу. Новиковъ былъ очень умѣренъ въ пищѣ; за обѣдомъ онъ любилъ говорить о томъ, что читалъ утромъ. Послѣ обѣда Новиковъ отдыхалъ часа полтора или два, что дѣлалъ и во время рѣдкихъ выѣздовъ своихъ въ гости къ друзьямъ. Въ седьмомъ часу пили чай въ особой комнатѣ, подъ кабинетомъ Новикова. Въ промежуткахъ этого времени Новиковъ гулялъ ежедневно въ саду, занимавшемъ до двѣнадцати десятинъ. Часто ходилъ онъ по деревнѣ, или на гумно, или на суконную фабрику, существовавшую одно время въ Авдотьинѣ. За нимъ ходилъ обыкновенно мальчикъ, носившій запасъ мелкихъ пряпиковъ, которые онъ раздавалъ дѣтямъ, бѣгавшимъ къ нему навстрѣчу съ веселымъ крикомъ: „баринъ идетъ“ [1]).

Когда позволяло здоровье, Новиковъ любилъ работать въ саду и находилъ, что эти работы очень укрѣпляютъ его; любилъ лечить своихъ крестьянъ тогдашними универсальными лекарствами, много заботился объ украшеніи церкви въ своемъ селѣ и очень много читалъ и писалъ, иногда самъ, иногда диктовалъ дочери Вѣрѣ.

Переписка съ друзьями была теперь для Новикова однимъ изъ главныхъ утѣшеній жизни; нужно читать его теплыя строки къ друзьямъ, чтобы почувствовать, какъ много въ немъ было горячей привязанности къ людямъ, какъ онъ умѣлъ понимать и цѣнить ее, и въ письмахъ его постоянно звучитъ искренняя благодарность Богу за то счастье дружбы, которое еще у него осталось. „Станемъ же усерднѣе и прилежнѣе просить Господа, чтобы онъ сохранилъ въ насъ на всю жизнь сію любовь и дружество,—пишетъ онъ.—Подлинно можетъ тотъ себя назвать не

---

[1]) Лонгиновъ, с. 380.

только что счастливымъ, но и блаженнымъ, кто чувствуетъ себя, что не есть крестъ брату и ближнему своему".

А тѣ дни, когда къ цему пріѣзжалъ кто-нибудь изъ друзей, Новиковъ считалъ настоящимъ праздникомъ своей жизни, къ которому онъ заранѣе трогательно готовился. Черезъ этихъ друзей Новиковъ поддерживалъ живую связь съ явленіями литературнаго міра. Въ его письмахъ часто идетъ рѣчь о газетахъ, журналахъ, книгахъ, видно, что онъ самъ выписывалъ нѣкоторые изъ нихъ, а когда не хватало на это денегъ, просилъ друзей пересылать къ нему уже прочитанныя книги и газеты. Въ немъ попрежнему билась жилка страстнаго библіофила: то и дѣло онъ обращается къ друзьямъ съ просьбой достать ту или иную рѣдкую книгу или заказываетъ съ нихъ копіи, при чемъ онъ даетъ всегда точныя указанія, гдѣ достать каждую данную книгу. Чуть не до самой смерти онъ заботился о пополненіи своей библіотеки, выписывалъ недостающіе томы большихъ изданій, вмѣстѣ со своимъ другомъ Гамалѣей, переписывалъ для библіотеки книги, которыя онъ не имѣлъ возможности пріобрѣсти въ собственность. Больше всего, конечно, у него сохранился интересъ къ мистическимъ произведеніямъ, ихъ онъ заботливо собиралъ и теперь, такъ вмѣстѣ съ Гамалѣей они сидѣли надъ обширнымъ трудомъ „Библіотека, содержащая въ себѣ нѣкоторыя герметическія, каббалистическія, магическія и иныя книги; также писаніе Брр. З. Р. К. истинныхъ свбдн. кмнцкв. древнія системы. На россійск. яз. составл. и собран. изъ раз. переводовъ для пользы тѣхъ, кои пожелаютъ упражняться въ познаніи Бога, натуры и себя, и для показанія имъ, между многими ложными, одного истиннаго къ тому пути".

Для этой „Библіотеки", столь же большой по числу томовъ, сколь велико ея заглавіе, выбирались изъ разныхъ книгъ наиболѣе цѣнные отрывки, зачастую переводились съ иностранныхъ языковъ и, за отсутствіемъ типографіи, старательно переписывались и украшались рисунками [1]).

Больше всего такія книги получались Новиковымъ черезъ его ученика и друга Лабзина, издателя знаменитаго въ александровское время мистическаго журнала „Сіонскій Вѣстникъ". Лабзинъ и самъ много переводилъ и дарилъ свои переводы Новикову. Въ это время въ мистикѣ вліяніе средневѣковыхъ

[1]) Тихонравовъ, Соч., III, ч. I, с. 161.

авторитетовъ, въ родѣ Арндта, Масона и т. п., смѣнилось новымъ вліяніемъ тогдашнихъ протестантскихъ богослововъ-мистиковъ—Эккарстгаузена и Юнга Штиллинга. Сравнительно съ прежними мистиками, они рѣзко отличались своимъ отношеніемъ къ вопросу о свободѣ человѣческой воли. Въ то время какъ средневѣковые мистики подчеркивали, что внутреннее озареніе человѣка божественнымъ духомъ возможно только при усиленномъ напряженіи его свободной воли въ борьбѣ съ своимъ плотскимъ началомъ, новые мистики больше полагались на независимый ростъ въ человѣкѣ божественной благодати, даръ которой, они считали, сообщается человѣку свыше, даже независимо отъ человѣческой воли. Отсюда они дѣлали допущеніе, что въ конечномъ процессѣ развитія человѣческаго рода эта благодать обязательно восторжествуетъ надъ темнымъ дьявольскимъ началомъ, а вслѣдъ за людьми тотъ же процессъ роста благодати пойдетъ и въ душахъ демоновъ, и весь міръ такимъ образомъ очистится отъ зла и превратится въ царство единственнаго божественнаго добра. Слабымъ, колеблющимся и падающимъ душамъ такое ученіе приходилось необычайно по сердцу, и новыми мистиками зачитывались обширные круги общества.

Новиковъ ознакомился съ этими новыми теченіями, прочитывалъ книги, которыя ему присылалъ Лабзинъ, но онѣ ему были не по душѣ, его симпатіи попрежнему болѣе лежали къ средневѣковымъ мистикамъ, которые болѣе удовлетворяли его дѣятельную душу. „Я не вѣрю,—писалъ онъ Тургеневу,—нынѣшнему модному мнѣнію о всеобщемъ спасеніи даже и падшихъ ангеловъ и почитаю оное заблудительнымъ и ложнымъ, ибо цѣлое Св. Писаніе сему противурѣчитъ“.

„Нынѣ въ превеликой модѣ стали и христіанскія книги, или такъ называемыя христіанскими книгами, но, однакожъ, не Арндтовы и подобныхъ ему писанія, но тѣхъ, которые услаждаютъ нашъ слухъ; нынѣ въ превеликой модѣ Штиллингъ и вскружилъ многимъ головы, даже дамамъ.“ Нѣсколько благопріятнѣе Новиковъ относился къ Эккарстгаузену, но находилъ, что и у него нѣтъ того цѣннаго, что онъ находилъ въ Арндтѣ, напр., когда Лабзинъ переслалъ своему другу свой переводъ новой книги Эккарстгаузена „Облако надъ святилищемъ, или нѣчто такое, о чемъ гордая философія и грезить не смѣетъ“[1]), Нови-

[1]) 1804 г.

ковъ такъ отозвался объ авторѣ этой книги: „Я не противъ него, но и не за него; въ сей книгѣ много есть страннаго и противурѣчущаго; да и обѣщаетъ онъ только то, что давно уже намъ извѣстно. Я въ его сочиненіяхъ не нахожу ни той силы, ни убѣдительности, ни глубокости познанія натуры, коими столь преизобильно исполнены книги другой школы, даже безъ сравненія".

Къ этой „другой школѣ", къ авторитетамъ розенкрейцерства и первоначальнаго масонства, онъ тяготѣлъ и теперь. „Для чего,— спрашивалъ онъ Лабзина,—оставлять извѣстно вѣрное для можетъ быть вѣрнаго? На что оставлять родникъ, изъ котораго мы столь долго пили, для того, что, можетъ быть, найдемъ другой, хорошій?" И всякій разъ, какъ представлялся случай, Новиковъ звалъ своихъ друзей, уцѣлѣвшихъ изъ прошлаго, хранить въ себѣ незыблемо то, что они когда-то узнали, чему такъ непреложно вѣрили раньше.

„Станемъ, почтенный другъ,—писалъ Новиковъ Тургеневу,— общими силами стараться изслѣдовать, не раздѣлились ли мы въ томъ духѣ, въ которомъ обѣщались жить и умереть: сей ли духъ и нынѣ насъ одушевляетъ?"

Оглядываясь на тѣ пути, по которымъ онъ искалъ спасенія въ прошломъ, Новиковъ и теперь считалъ ихъ единственно правильными и вѣрилъ, что создастся царство Божіе внутри людей. „Можетъ быть,—писалъ онъ въ 1816 г.,—мы не созрѣли еще къ тому, чтобы царство Божіе открылось въ насъ, и мы бы ясно разумѣли слово Божіе и покорились вѣдѣнію Духа Божія; но по неизглаголанному милосердію Господню къ намъ, мы приведены были уже къ духу, который соразмѣрнѣе съ духомъ нашимъ, т.-е. къ духу О.(рдена) и къ ученію онаго, безъ коего, или не слѣдуя оному, трудно увидѣть свѣтъ, величайшій изъ всѣхъ свѣтовъ".

И такъ какъ во время разгрома „мартинистовъ", въ 1792 г., связи съ центромъ розенкрейцерства были оборваны, то Новиковъ и теперь совѣтовалъ друзьямъ искать такихъ лицъ, черезъ которыхъ можно бы было снова быть близкими къ кругу Вельнера. Послѣдній для Новикова и теперь еще былъ хранителемъ истинной мудрости, его гнусная роль высокопоставленнаго обскуранта при дворѣ прусскаго короля до сихъ поръ еще была неизвѣстна Новикову.

Изъ писемъ Новикова видно, что и теперь, какъ въ 80-хъ

годахъ, русскимъ масонамъ не были извѣстны „высокія“ ступени розенкрейцерства, къ какимъ ихъ манили, попрежнему самые посвященные изъ нихъ находились въ „теоретическомъ градусѣ“, который, какъ указывалось выше, разсматривался въ розенкрейцерствѣ, какъ подготовительная стадія къ высшимъ ступенямъ. Видно, что и теперь Новиковъ и друзья его иной разъ вводили новичковъ въ эту степень. Такъ, въ одномъ письмѣ къ Лабзину, говоря о какомъ-то другѣ Г., Новиковъ пишетъ: „Прошу, ежели найдете за полезное, сообщить и теоретическій градусъ: пусть онъ будетъ имѣть все, что теперь имѣть можно. Я ему отъ искренняго сердца желаю симъ воспользоваться“.

Извѣстно, что императоръ Александръ I большую часть своего царствованія необычайно терпимо относился къ масонамъ, смотрѣлъ „сквозь пальцы“ на ихъ дѣятельность, и Новиковъ находилъ теперь политическія условія очень благопріятными для масонскихъ работъ, и онъ дѣйствительно „работалъ“. Правда, трудно судить, какъ шла эта работа: по письмамъ видно, что Новиковъ старался быть осторожнымъ, пересылалъ письма, касающіяся масонскихъ дѣлъ, съ „оказіей“ и жегъ тѣ, что получалъ, и друзей просилъ дѣлать то же. „Я сему въ хорошей школѣ учился“, прибавлялъ въ такихъ случаяхъ Новиковъ, намекая на пережитое имъ слѣдствіе 1792 г. Но видно, что въ братство принимались новыя лица, что у Новикова происходили дѣловыя собранія братій, къ нему пріѣзжали отдѣльныя лица для пріема въ „теоретическій градусъ“.

Однако самъ Новиковъ не былъ теперь доволенъ своими масонскими работами: съ одной стороны, „ищущихъ“ встрѣчалось мало, „бывшая горячность крайне простываетъ,—жаловался Новиковъ,—кажется, какъ будто всякой своего ищетъ“; съ другой—самъ онъ сталъ теперь очень недовѣрчивъ къ тѣмъ, кто и казался „ищущимъ“: „Я нынѣ сталъ слишкомъ, можетъ быть, недовѣрчивъ къ тѣмъ, коихъ не имѣлъ еще времени испытать“, писалъ онъ Лабзину.

Въ результатѣ, сравнительно съ прошлымъ въ особенности, то, что дѣлалось теперь по масонству, совсѣмъ не удовлетворяло Новикова.

„Было время,—вспоминаетъ онъ въ письмахъ къ Тургеневу,—когда были у насъ сотни учениковъ, искренно желавшихъ учиться, но мы не умѣли учить и не знали, какъ и чему учить; говорили все безъ разбору, что приходило въ мысль или что

начитали въ книгахъ, не вѣдая прямо и того, добрыя сіи книги были или худыя, правильныя или неправильныя, коротко сказать: что приходило въ нашу память, то все стекало съ языка. Нынѣ же, когда милосердый Господинъ нашъ, насыщающій пребогатою трапезою вѣрныхъ своихъ учениковъ и послѣдователей, благоволилъ и намъ, яко псамъ, бросить крошку отъ пребогатыя сея трапезы, отъ которой умъ и сердце наше освѣтились, и мы восчувствовали правильнѣйшія понятія о высокомъ ученіи святыхъ учениковъ его и сдѣлались въ нѣкоторой мѣрѣ какъ бы способными и сильными учить и вести другихъ къ ученію—но ахъ! къ сожалѣнію нѣтъ охотниковъ слушать".

Въ качествѣ подробности любопытно отмѣтить, что одно время Новиковъ большія надежды въ дѣлѣ возрожденія стараго масонства возлагалъ на... гр. Ростопчина.

Ростопчинъ просилъ Лабзина познакомить его съ Новиковымъ, и эта просьба была передана Новикову, но сначала онъ наотрѣзъ отказался отъ этого, мотивируя свой отказъ соображеніями, что не умѣетъ обращаться съ большими барами, и тѣмъ, что именно этотъ „бояринъ" кажется ему весьма подозрительнымъ, „не философъ ли онъ? т.-е. не вольнодумецъ ли (это нынѣ синонимъ) и не считаетъ ли онъ наше *любимое* или глупостью и скудоуміемъ или обманомъ только для глупыхъ?" Лабзинъ разувѣрялъ Новикова и симпатичными чертами обрисовалъ Ростопчина, но знакомство состоялось все таки только черезъ четыре года послѣ первоначальной попытки къ тому, да и то не личное, а лишь черезъ письма. Въ 1804 г. Ростопчинъ организовалъ курсы земледѣлія по англійской системѣ, и Новиковъ рѣшилъ отправить на нихъ ученика изъ своихъ крестьянъ. По этому поводу Новиковъ и обратился къ графу съ письмомъ, а Лабзинъ предварительно подготовилъ почву для лучшаго пріема письма.

На него Ростопчинъ отвѣтилъ горячими словами, что считаетъ для себя за „честь" познакомиться съ Новиковымъ.

„Весьма съ давняго времени,—писалъ онъ Новикову,—почитаніе мое къ особѣ вашей твердо основано было на извѣстныхъ мнѣ правилахъ вашихъ и ревніи образовать столь нужное просвѣщеніе и нравственность въ отечествѣ нашемъ. Вы претерпѣли обыкновенныя гоненія, коимъ превосходные умы и души подвержены бываютъ, и лучшія намѣренія ваши обращены были ядомъ зависти въ дурныя, но Провидѣніе, оставя злымъ ра-

скаяніе и стыдъ, наградило васъ спокойствіемъ души и памятью жизни добродѣтельной".

Этимъ письмомъ, а также пріемомъ, который графъ оказалъ посланному къ нему, Новиковъ былъ очень растроганъ и писалъ объ этомъ своему другу Лабзину и здѣсь высказалъ, что „можетъ быть, Милосердому Господу угодно будетъ учинить его (Ростопчина) истиннымъ и великимъ орудіемъ милосердія его ко истинному благу отечества нашего".

Въ этомъ „орудіи милосердія", какъ извѣстно, масонамъ скоро пришлось жестоко разочароваться: Ростопчинъ прославилъ себя клеветническими навѣтами на нихъ въ 1812 г., когда онъ обвинялъ ихъ въ заговорѣ съ Наполеономъ.

Новиковъ больно почувствовалъ этотъ ударъ, но все таки онъ такъ до конца своей жизни сохранилъ вѣру, что впереди возможно торжество его „любимаго" ученія.

Казалось ему, что люди поймутъ, наконецъ, что современные „модные" учителя и „философы" ведутъ ихъ ненадежнымъ путемъ, и тогда обратятся на правильный путь. Года за два до своей смерти Новиковъ все еще выражалъ такую надежду: „Я вѣрую—писалъ онъ Тургеневу въ 1816 г.,—отъ всего сердца моего, что молитва наша вѣрно будетъ услышана, и скоро, скоро и весьма скоро воспослѣдуетъ помилованіе".

Послѣдніе годы жизни Новикова по выходѣ его изъ крѣпости въ нашей литературѣ принято какъ-то отсѣкать отъ всей предыдущей его жизни. Принято изображать ихъ, какъ тупикъ, въ который зашелъ Новиковъ по дорогѣ мистицизма и въ которомъ очутился въ полномъ противорѣчіи со смысломъ всей своей прошлой жизни. Пыпинъ, напр., прямо считаетъ эти послѣдніе годы, какъ крайній пунктъ „обскурантизма", дальше котораго итти было некуда, а Незеленовъ въ суровой карѣ, которой Екатерина поразила Новикова, склоненъ даже видѣть какой-то перстъ Божій, который не допустилъ Новикова разрушить созданное имъ дѣло его же руками. Новиковъ, стойкій борецъ за просвѣщеніе, противополагается Новикову-обскуранту послѣднихъ лѣтъ его жизни. Въ доказательство приводятся отзывы Новикова о новой „философіи". Вспоминаютъ, какъ онъ въ 1816 г. въ присутствіи Н. Д. Иванчина-Писарева съ жаромъ опровергалъ ученіе Лавуазье, какъ противорѣчащее Св. Писанію; приводятъ и знаменитое письмо Новикова къ Карамзину о философіи, въ которомъ онъ писалъ: „Философія холодная мнѣ

не нравится. Истинная философія, кажется мнѣ, должна быть огненна, ибо она небеснаго происхожденія... У меня есть свой Филалетъ, англичанинъ, философъ среднихъ вѣковъ, но не школьный. Въ одномъ изъ своихъ писаній говоритъ онъ, между прочимъ: „Покажите мнѣ науку, которая была бы совершеннымъ, а не поддѣльнымъ отпечаткомъ творенія! которая могла бы вести меня прямымъ путемъ къ познанію истиннаго Бога! черезъ которую могъ бы я изслѣдовать всеобщія и невидимыя сущности, ему подвластныя!—науку, черезъ которую могу я вѣрно притти къ познанію всѣхъ тайнъ, въ натурѣ сокрытыхъ!—такова есть та наука, въ которой физика Адама и всѣхъ патріарховъ состояла, и которая ему была открыта“. Ежели кто захочетъ согласиться умомъ и сердцемъ со мнѣніемъ моего Филалета, что, кажется, и должно сдѣлать, ибо онъ это не выдумалъ, но только переговорилъ слова другихъ,—такъ философія вашего Филалета должна призадуматься. Я такъ думаю, что пока двое бесѣдующихъ не будутъ согласны въ началахъ и основаніи, то всѣ разговоры ихъ будутъ безполезны.

„Какія же начала? а вотъ какія: что есть Богъ?—что есть Богъ въ единицѣ?—что есть Богъ въ троицѣ?—что есть натура? одна ли есть натура или болѣе?—таковымъ ли видимый или чувственный міръ вышелъ изъ рукъ Божіихъ, какимъ мы его видимъ, или былъ инаковъ?—что есть небо и одно ли оно или болѣе? впечатлѣна ли троичность Божія во всей его твари или нѣтъ, и какъ мы сіе разумѣть должны?—какъ сотворенъ человѣкъ, изъ чего, изъ какихъ частей, и почему сказано о немъ, что онъ сотворенъ по образу Божію и по подобію? Казалось бы и одного выраженія довольно было, но положено два. Также, почему Моисей сказалъ, что Богъ сотворилъ Адама въ мужа и жену, а извѣстно по его же словамъ, что Адамъ уже существовалъ, когда Евы еще не было, и что Ева уже сотворена была изъ ребра Адамова, тогда, когда Адаму нужно было спать? о какихъ верхнихъ водахъ и нижнихъ сказываетъ Моисей, что Богъ отдѣлилъ верхнія воды отъ нижнихъ? Какъ мы это должны разумѣть?.. Одинъ ли существуетъ видимый или чувственный міръ, или есть другіе міры? солнце и всѣ планеты и звѣзды принадлежатъ къ видимому міру; гдѣ же обитаютъ ангелы? гдѣ Божественный престолъ? Съ позволенія нашихъ почтенныхъ астрономовъ, они изволятъ бредить, находя болѣе семи планетъ, находя и видя неподвижныя звѣзды и жалуя

ихъ въ солнца. Ни больше, ни меньше семи планетъ быть не можетъ, понеже Богъ ихъ сотворилъ только семь и наполнилъ ихъ силами, каждой приличными. Неподвижныхъ звѣздъ быть не можетъ, ибо неоспоримая истина: что не имѣетъ движенія, то мертво, понеже жизнь есть движеніе. Они пожаловали и самое солнце въ наилѣнивѣйшую планету бездѣйственную, ибо что не имѣетъ движенія, то не имѣетъ и дѣйствія. Какъ же мы должны разумѣть слова Давидовы, который говоритъ, что Богъ въ солнцѣ положилъ селеніе свое; и далѣе, что солнце, яко женихъ, выходитъ изъ чертога своего, и яко исполинъ, предпріемлетъ путь отъ края небесе до края небесе, и нѣтъ мѣста, которое бы укрылось отъ теплоты его и проч. Что есть философія и откуда она? Изобрѣтена ли человѣкомъ или дана отъ Бога человѣку? Ежели она изобрѣтеніе человѣческое, то она человѣческа, а мнѣнія человѣческія суть весьма перемѣнчивы. На моемъ вѣку во всѣхъ наукахъ нѣсколько системъ перемѣнилось; да я увѣренъ, что и нынѣ существующія системы не долго устоятъ и перемѣнятся въ другія новыя; намъ любезнѣе все новое, новое и новое. Нынѣшніе физики, не довольствуясь четырьмя стихіями, которыя Богъ сотворилъ четыре только, а не болѣе, совсѣмъ ихъ разжаловали изъ стихій; за то только, что, по ихъ высокой наукѣ, что можетъ дѣлиться, то не есть стихія. Какая слѣпота и какое нищенское понятіе о стихіяхъ. Однако они наградили насъ почти сотнею стихій. Химики все прежнее отбросили и надѣлили насъ какими-то газами, т.-е. пустыми словами, не имѣющими ни значенія, ни силы. И кто можетъ всѣ ихъ бредни исчислить? не письмами, но фоліантами развѣ можно описать оныя. Любезные древніе философы и патріархи не такъ разумѣли философію“ [1]).

Безспорно, что приведенныя въ этомъ отрывкѣ разсужденія Новикова о сущности вещей, о стихіяхъ міра и о планетахъ совсѣмъ ненаучны, отзываютъ средневѣковой схоластикой, но нельзя согласиться, что они подтверждаютъ „обскурантизмъ“ Новикова. Прежде всего, нельзя брать для какихъ бы то ни было выводовъ этотъ отрывокъ изолированнымъ отъ другихъ, современныхъ ему разсужденій, и нельзя объяснять его безъ связи съ предыдущимъ. Затѣмъ, по существу не каждое нена-

---

[1]) Письма И. Г. (амалѣи), ч. II с. 254—261. Цит. у Пыпина. „В. Е.“, 1867 г., т. III.

учное положеніе можно окрестить „обскурантизмомъ“. Намъ кажется, что въ понятіе „обскурантизмъ“ должны обязательно входить два главныхъ момента: 1) отказъ отъ правъ разума въ анализѣ міра чувственнаго и 2) борьба съ просвѣщеніемъ разума, какъ проявленіе этого отказа.

Въ приведенномъ письмѣ Карамзину, Новиковъ отказывается признавать новыя ученія въ физикѣ и астрономіи, потому что они противорѣчатъ Св. Писанію. Новиковъ еще не умѣетъ отдѣлять метафизику Писанія отъ его нравственнаго ученія и требуетъ, чтобы всѣ научныя положенія объ устройствѣ міра согласовались съ разсказомъ объ этомъ въ Библіи. Онъ твердо вѣрилъ въ боговдохновенность Св. Писанія и потому хотѣлъ найти въ немъ непреложныя истины, на которыхъ можно бы было обосноваться среди мѣняющихся положеній человѣческой науки. Въ ней, какъ онъ говоритъ, даже на его глазахъ смѣнилось нѣсколько системъ, а Св. Писаніе даетъ одну вѣчную систему. Но это не значитъ, что онъ застывшую букву Писанія хотѣлъ противопоставить пытливымъ попыткамъ разума постигнуть истину. Нѣтъ, ссылаясь въ письмѣ къ Тургеневу на слова ап. Павла: „Духъ испытуетъ все, даже глубины Божія“, Новиковъ настаиваетъ: „Слѣдовательно, ежели только мы рождены отъ духа, то не запрещается намъ испытывать тайны божественныя. Да, кажется мнѣ, что и ученіе истинное ведетъ къ сему испытанію и познаванію“ [1]). Какъ и раньше, слѣдовательно, Новиковъ отстаиваетъ права разума искать „тайны божественныя“. И пока научныя положенія не противорѣчатъ Писанію, Новиковъ признавалъ ихъ полезность для дисциплины ищущаго разума, только ихъ онъ считалъ недостаточными для полнаго познанія. Наука изощряетъ человѣческій умъ, наука знакомитъ человѣка съ законами природы, но наука не можетъ дать отвѣтовъ на всѣ вопросы пытливаго разума, и тамъ, гдѣ разумъ говоритъ „не знаю“, тамъ вѣра приходитъ ему на помощь и даетъ удовлетвореніе. Здѣсь, какъ во всѣхъ мистическихъ журналахъ Новикова, то же стремленіе примирить вѣру и разумъ, размежевать сферу ихъ дѣйствія и разграничить методы ихъ работы. Разумъ въ наукѣ имѣетъ дѣло съ міромъ чувственнымъ и пользуется методомъ опыта, вѣра касается міра сверхчувственнаго и ищетъ внутренняго озаренія, откровенія. Но это

---

[1]) „Р. Ст.“, 1890 г., т. 67, с. 466.

откровеніе снисходитъ на человѣка лишь тогда, когда онъ всѣ усилія своей свободной воли употребитъ на оживленіе въ себѣ „духа Христова“, скованнаго духомъ стихійнымъ, дѣйствующимъ въ плоти человѣка.

Такой смыслъ имѣютъ напечатанныя Модзалевскимъ въ „Русскомъ Библіофилѣ“ четыре разсужденія Новикова, написанныя имъ въ послѣдніе годы своей жизни.

Признавая необходимость внутренняго откровенія, кромѣ научнаго опыта, Новиковъ не отрицалъ науки вообще, но онъ настаивалъ, что одной ея недостаточно для полнаго познанія истины, и что наука должна согласоваться съ Писаніемъ. „Помните,—говорилъ Новиковъ,—слова, хоть и глупаго, но старика: всѣ науки сходятся въ религіи, лишь въ ней разрѣшаются ихъ важнѣйшія проблемы; безъ нея никогда не доучитесь, а притомъ и не будете спокойны“ [1]).

Современная Новикову наука обнаруживала большое стремленіе отрицать необходимость религіознаго опыта, она во многомъ грѣшила матеріализмомъ и, въ увлеченіи вѣрой въ силу человѣческаго разума, пыталась дать окончательные отвѣты даже на тѣ вопросы, которые не могли разрѣшаться опытомъ, короче, наука совсѣмъ отрицала вѣру. Вотъ съ этимъ-то и не могъ никакъ примириться Новиковъ. Въ „Размышленіи о правленіи міра и человѣковъ“ онъ говоритъ: „Особливо должны мы памятовать, что Богъ управляетъ міръ не только по законамъ механической натуры, но и по мыслямъ сердца Іисусова“... Человѣкъ долженъ всегда прислушиваться къ тому, что говоритъ ему внутреннее божественное откровеніе, долженъ пріучаться его слушать.

„Сія истина,—кончаетъ Новиковъ свое „Размышленіе“,—о помышленіяхъ сердца Іисусова весьма нужна для сего времени. Философія вводитъ въ большую часть учителей совсѣмъ иное представленіе, т.-е. какъ все идетъ по законамъ натуры, а сіе ученіе даетъ намъ совсѣмъ иное зрѣніе“. Мистицизмъ и раціонализмъ, по мнѣнію Новикова, не противорѣчатъ другъ другу, а должны другъ друга дополнять. Такимъ образомъ, въ послѣдніе годы своей жизни Новиковъ разрабатывалъ все тѣ же вопросы, какіе разрѣшались въ его мистическихъ журналахъ, начиная съ „Утренняго Свѣта“ и кончая „Покоющимся Тру-

[1]) Лонгиновъ, с. 384.

долюбцемъ", и, какъ видно, разрѣшались они теперь все въ томъ же основномъ направленіи, что и раньше. Въ этихъ попыткахъ сочетать вѣру и разумъ, мистицизмъ и раціонализмъ мы поэтому и теперь не находимъ „обскурантизма": нѣтъ безусловнаго отрицанія разума, нѣтъ стремленія угасить его. Другой вопросъ, насколько совершеннымъ вышло это сочетаніе вѣры и разума у Новикова. Вѣдь онъ не хотѣлъ брать только буквальный смыслъ Писанія, онъ его хотѣлъ толковать и дѣйствительно толковалъ, а отсюда получалось, что его толкованія могли не совпасть съ другими. Слѣдовательно, и здѣсь была возможна такая же „перемѣнчивость" человѣческихъ мнѣній, въ какой Новиковъ упрекаетъ область научнаго мышленія, и самъ онъ встрѣтился съ этими примѣрами „перемѣнчивости" у Штиллинга и Эккарстгаузена. Вполнѣ естественно, что тотъ путь примиренія между вѣрой и разумомъ, какой нашелъ Новиковъ въ современномъ ему масонствѣ, казался ему болѣе „истиннымъ", чѣмъ другіе, онъ самъ называетъ его „любимымъ", ему не хватало только болѣе широкаго историческаго взгляда, что каждое поколѣніе по-своему разрѣшаетъ вопросъ объ отношеніяхъ чувственнаго къ сверхчувственному, и въ этой области всегда будетъ имѣть свое „любимое".

1812 годъ заставилъ многое пережить Новикова. Его Авдотьино было недалеко отъ Москвы, отряды фуражировъ Наполеоновской арміи не разъ появлялись въ окрестностяхъ, и всѣ сосѣдніе помѣщики разбѣжались. Новиковъ остался у себя, во всемъ положившись на волю Божію. Отряды враговъ не тронули его имѣнья, и Новиковъ смогъ даже оказать помощь больнымъ и раненымъ французамъ, когда началось отступленіе Великой арміи: онъ платилъ своимъ крестьянамъ, ловившимъ отсталыхъ французовъ, по рублю за каждаго доставленнаго плѣнника, кормилъ и лѣчилъ ихъ, а потомъ представилъ ихъ мѣстной администраціи, когда она начала возвращаться на свои посты. Эта помощь врагамъ вызвала подозрительное отношеніе властей къ Новикову: опять были не прочь заподозрить здѣсь какой-то политическій умыселъ. Одно время было даже слѣдствіе по этому поводу, но оно кончилось ничѣмъ. По письмамъ Новикова видно, что онъ живо отзывался на современныя событія: скорбѣлъ, когда враги взяли Москву, и радовался потомъ побѣдѣ русской арміи. Подозрѣніе властей и подозрительное отношеніе къ Новикову нѣкоторыхъ изъ его бывшихъ друзей,

бередили незажившую съ 1792 г. рану, увеличивали „тяжесть креста", который онъ несъ, а силы его все болѣе и болѣе слабѣли. Къ тому же тяжелый годъ войны совсѣмъ разстроилъ неустойчивое хозяйство Новикова, и нужда росла все грознѣе. За 12-мъ годомъ пошли неурожаи, особенно сильные въ 1815 и 16 гг. Все вмѣстѣ страшно придавило Новикова, онъ не вставалъ подолгу и ждалъ, что не сегодня-завтра опишутъ и продадутъ съ аукціона за долги его имѣнье.

Въ 1813 г. онъ писалъ Руничу: „Вы, можетъ быть, не повѣрите, что я въ 1792 г., когда меня взяли въ постели и повезли, былъ гораздо спокойнѣе, нежели нынѣ. Тогда была надежда и увѣренія, что я одинъ страдать буду; а нынѣ нѣтъ надежды, и я видѣлъ передъ собой пропасть, въ кою повергнуться должны не одинъ я, но все семейство и живущіе со мною друзья, что раздирало сердце мое". Эта пропасть, о которой говорилъ Новиковъ, грозила ему потому, что къ началу 1814 г. слѣдовало внести %% по заложенному имѣнью, а денегъ рѣшительно не было, и Новиковъ буквально умолялъ своихъ друзей помочь ему, спасти его. „Послѣ милосердаго Господа Бога,—писалъ онъ,—изъ человѣковъ вы четверо только мнѣ остались, отъ коихъ могу ожидать помощи: вы (Руничъ) съ Лукьяномъ Яковлевичемъ (Яковлевъ) и Хар. Андреевичъ (Чеботаревъ) съ Матв. Яковлевичемъ (Мудровъ)... Я умоляю васъ въ пресвятѣйшее имя вашего и моего и общаго всѣхъ насъ Спасителя и милосердаго Господа Іис. Христа не оставьте меня въ сей горькой крестной часъ со всѣмъ семействомъ моимъ; войдите не разумомъ, но сердцемъ въ горестное мое состояніе: оное иное скажетъ, нежели разумъ. Можетъ быть, въ немъ отзовутся слова: въ какую мѣру мѣряете другимъ, въ ту и вамъ отмѣрено будетъ; и вѣрно оно пожелаетъ услышать слова божественнаго милосердія: пріидите ко мнѣ благословенные Отца моего и проч. Можетъ быть, поставлены всѣ мы на опытъ и испытуемся; и такъ часъ дорогъ".

Неизвѣстно, помогли ли на этотъ разъ Новикову друзья, которыхъ онъ такъ умолялъ, даже съ ссылками на евангельскія слова, но ему удалось теперь выпутаться: онъ продалъ нѣсколько лишнихъ зачетныхъ рекрутскихъ квитанцій, полученныхъ имъ за ополченцевъ, представленныхъ въ 1812—13 гг. Изъ писемъ видно, что въ послѣдніе годы своей жизни Новиковъ обращался за помощью даже ко двору государыни Маріи

Ѳедоровны, чего раньше не хотѣлъ дѣлать, и, какъ видно, по приказу государыни Опекунскій Совѣтъ въ 1817 г. еще разъ сдѣлалъ Новикову отсрочку по взносу %%.

Но грозный призракъ разоренія, отъ котораго такъ или иначе удавалось зачураться на отдѣльный моментъ, снова и снова вставалъ передъ Новиковымъ. Въ 1817 г. онъ писалъ: „Здоровье мое совершенно разстроено, такъ что едва-едва смогу бродить. Тяжелѣе этого года во всѣхъ отношеніяхъ я, кажется, еще въ жизни моей не имѣлъ". И такъ, вѣроятно, каждый слѣдующій годъ казался бы Новикову все тяжелѣе и тяжелѣе предыдущаго, но смерть сняла съ него тяжелый крестъ.

„3 іюля 1818 г. съ нимъ сдѣлался ударъ, а черезъ три дня Новиковъ потерялъ память. Но онъ прожилъ еще болѣе трехъ недѣль въ совершенно безнадежномъ и безсознательномъ положеніи. Въ такомъ состояніи скончался онъ въ 4 часу пополуночи 31 іюля 1818 г. Ему было отъ роду 74 года, 3 мѣсяца и 4 дня".

„2 августа тѣло Новикова было похоронено въ церкви села Тихвинскаго-Авдотьина, имъ сооруженной. Могила его находится налѣво отъ алтаря, близъ клироса, противъ мѣстной иконы Спасителя. На мѣдной доскѣ, вдѣланной въ стѣнѣ близъ могилы, изображена въ 1857 г., по распоряженію С. Д. Нечаева, простая надпись: „Здѣсь покоится тѣло раба Божія Николая Ивановича Новикова. Родился 27 апрѣля 1744 г., скончался 31 іюля 1818 г., 74 лѣтъ отъ рожденія" [1]).

По смерти отца Вѣра Николаевна Новикова принялась хлопотать, чтобы какъ-нибудь выплатить долги своего отца. „Всѣ долги,—писала она,—оставшіеся послѣ батюшки, тяготятъ мое сердце, и, съ помощью благодѣтельныхъ друзей его, съ благословеніемъ Божіимъ, я надѣюсь понемногу избавиться отъ оныхъ". Въ декабрѣ 1818 г. Карамзинъ представилъ Александру свою записку о Новиковѣ, которую заключилъ такими словами: „Бѣдность и несчастіе его дѣтей подаютъ случай государю милосердому вознаградить въ нихъ усопшаго страдальца, который уже не можетъ принести ему благодарность въ здѣшнемъ свѣтѣ, но можетъ принести ее Всевышнему". Но ни „милосердый" государь, ни „благодѣтельные" друзья не спасли дѣтей Новикова отъ разоренія.

---

[1]) Лонгиновъ, с. 384.

„Авдотьино за долги было продано съ публичнаго торга и куплено генералъ-майоромъ Петромъ Андреяновичемъ Лопухинымъ, который оставилъ на жительствѣ въ домѣ всѣхъ его прежнихъ обитателей. Сынъ и дочери Новикова, г-жа Шварцъ и Гамалѣя остались въ немъ до самой смерти. До этого времени прошло 11 лѣтъ со смерти Новикова“ [1]).

[1]) Лонгиновъ, с. 378—9, примѣч.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. **Общественное настроеніе при вступленіи Екатерины II на престолъ** 3

Патріотическое и національное возбужденіе въ обществѣ.—Критика управленія Петра III въ манифестахъ Екатерины.—Проповѣдь въ нихъ законом'ѣрнаго государства.—Первые шаги власти въ реформѣ управленія.—Отношеніе общества къ Екатеринѣ.

II. **Просвѣтительная философія XVIII в. и императрица Екатерина II.** 8

Понятіе „естественнаго“ въ основѣ философіи XVIII в.—Постепенное развитіе въ ней радикализма.—Идеалы эпохи и отношеніе къ нимъ современниковъ.—Личныя отношенія Екатерины къ философамъ.—Отраженіе философскихъ настроеній въ Наказѣ Екатерины.—Идеалы Наказа и русская дѣйствительность. Характеръ увлеченія Екатерины философіей.

III. **Развитіе и распространеніе западныхъ идей въ русскомъ обществѣ до половины XVIII в.** 24

Идея „регулярнаго“ государства при Петрѣ В.—Конституціонное настроеніе дворянства въ XVIII в.—„Людскость“ въ дворянскомъ обществѣ.—Перестройка профессіональной школы въ общеобразовательную.—Увлеченіе занимательной книгой. Проникновеніе въ русское общество идей французской философіи.—Философскія идеи и русская дѣйствительность.—Общественное настроеніе депутатовъ Комиссіи 1767 г.

IV. **Оффиціальная сатира и сатира Новиковскаго журнала „Трутень“.** 36

Общественное настроеніе у Новикова.—Сатира журнала Екатерины „Всякая Всячина“.—Сатира „Трутня“.—Полемика между этими журналами по вопросу о задачахъ сатиры.—Оцѣнка русской дѣйствительности въ журналѣ Новикова и въ журналѣ Екатерины.—Отношеніе читателей къ „Трутню“.—Конецъ его.

Стр.

V. „Живописецъ“ Новикова 62

Точки соприкосновенія сатиры Новикова и сатиры комедій Екатерины.—Темы „Живописца“.—Отношеніе къ нему крѣпостническаго общества.—Причины прекращенія „Живописца“.

VI. „Кошелекъ“ Новикова 74

Отношеніе Новикова къ древне-русскимъ добродѣтелямъ. Отрицательная оцѣнка французскаго вліянія.—Поиски древнихъ добродѣтелей при изученіи старины.—Разочарованіе въ старинѣ.

VII. Историческое значеніе Новиковской сатиры 83

Серьезное отношеніе къ задачамъ журналистики.—Идеалы Новиковскихъ журналовъ.—Національныя настроенія въ нихъ.—Національизмъ у Фонвизина и Екатерины.—Національизмъ оффиціальный и національизмъ Новикова.—Призывъ къ общественной иниціативѣ въ журналахъ Новикова.—Отношеніе къ журналамъ читателей.—Столкновеніе общества съ властью.—Причины этого столкновенія.—Оцѣнка значенія Новиковской сатиры.—Вопросъ объ авторствѣ въ Новиковскихъ журналахъ.

VIII. Научно-издательская дѣятельность Новикова 125

„Опытъ Историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ“.—„Санктъ-Петербургскія Ученыя Вѣдомости“.—„Древняя Россійская Вивліоѳика“.—„Древняя Россійская Исторафія“.—Идейное содержаніе этихъ изданій.

IX. Масонство на Западѣ 139

Сходство и различіе въ идейныхъ основаніяхъ вольтерьянства и масонства.—Масонство, какъ реакція раціонализму. Возникновеніе масонскихъ ложъ въ Англіи въ 20-хъ г.г. XVIII в.—Идейное содержаніе англійскаго масонства.—Перенесеніе его на континентъ и осложненія въ немъ.—Системы „строгаго“ и „слабаго“ наблюденія.—Магія и алхимія въ масонствѣ.—Розенкрейцерство.—Шарлатанство на почвѣ масонства.

X. Вольтерьянство въ русскомъ обществѣ 154

Распространеніе въ Россіи идей Вольтера.—Міросозерцаніе кн. Щербатова.—Міросозерцаніе Радищева.—Русскіе вольтерьянцы и русская дѣйствительность.

XI. Внѣшняя исторія русскаго масонства 178

Масонство въ придворномъ кругу Анны и Елизаветы.—Елагинъ о работахъ этого масонства.—Англійское масонство, системы „строгаго“ и „слабаго“ наблюденія на русской почвѣ.—Поиски „истиннаго“ масонства.—Союзъ русскаго масонства со

Стр.

шведскимъ.—Масонство въ Москвѣ.—Новиковъ и Шварцъ.—Сношенія московскихъ масоновъ съ нѣмецкими.—Организація VIII масонской провинціи въ Россіи.—Недовольство системой „строгаго" наблюденія въ Москвѣ и союзъ съ розенкрейцерствомъ.

XII. **Идейное содержаніе русскаго масонства** 206

Искаженіе человѣческаго разума грѣхопаденіемъ.—Необходимость душевнаго просвѣтленія.—Сокровенный смыслъ писанія и природы.—Недостатки положительной науки.—Необходимость сочетанія вѣры и разума.—Пути къ духовному просвѣтленію.—Моральныя задачи масонства.—Политическія и соціальныя идеи въ масонствѣ.—Теорія и практика самопознанія.—Масонская обрядность и символика.—Ученіе о происхожденіи масонства.—Отношеніе русскихъ масоновъ къ обрядамъ масонства.—Вліяніе на московскихъ масоновъ розенкрейцерства.—Розенкрейцерскія тайны и отношеніе къ нимъ русскихъ масоновъ.—Значеніе масонства въ идейномъ развитіи русской интеллигенціи.

XIII. **Новиковъ и масонство** 256

Идеи моральнаго перерожденія личности въ журналахъ Новикова и масонство.—Отношеніе Новикова къ вольтерьянству. Новиковъ и англійское масонство.—Вліяніе на Новикова Рейхеля. Отношенія Новикова къ Шварцу.—Новиковъ и розенкрейцерство.—Отношенія Новикова къ его масонскимъ начальникамъ.—Что дало масонство Новикову.

XIV. **Журналъ Новикова „Утренній Свѣтъ" (1777—1780 гг.).** 267

Оцѣнка въ журналѣ человѣческой личности.—Счастье человѣка въ добродѣтели.—Пути для ея воспитанія.—Наука нравоученія.—Отношеніе этой науки къ вольтерьянству.—Необходимость сочетанія вѣры и разума.—Отношеніе журнала къ мудрости древнихъ.—Подписчики журнала.—Его благотворительныя задачи.

XV. **Журналъ Новикова „Московское изданіе" (1781 г.).** . 279

„Московское изданіе", какъ продолженіе „Утренняго Свѣта". Задачи науки нравоученія.—Необходимость параллельнаго развитія вѣры и разума. Важность изученія древнихъ писателей. Наука нравоученія и современная наука.

XVI. **Журналъ Новикова „Вечерняя Заря" (1782—1783 гг.).** 290

Отличіе строенія журнала отъ предыдущихъ.—Идеи Вольфа и Бёма въ основѣ философіи журнала.—Тѣло, душа и духъ въ природѣ человѣка.—Мѣсто человѣка во вселенной.—Развитіе духа, какъ основная задача человѣка.—Разумъ и разсудокъ.—Необходимость вѣры для полнаго познанія міра.—Масонскія статьи журнала.

Стр.

XVII. **Журналъ Новикова „Прибавленія къ Московскимъ Вѣдомостямъ“ (1783—1784 гг.)** 302

Основное содержаніе журнала научныя статьи.—Статьи о воспитаніи.—Статьи о торговлѣ.—Статьи по географіи.—Статьи по естествознанію.—Отношеніе власти къ журналу.

XVIII. **Журналъ Новикова „Покоящійся Трудолюбецъ“ (1784—1785 гг.)** 315

Борьба Новиковскихъ журналовъ съ вольтерьянствомъ.—Постепенное усвоеніе въ нихъ метода раціоналистической критики.—Примиреніе въ нихъ раціонализма и мистицизма.—Оправданіе вѣры въ сверхчувственное.—Борьба журнала съ фанатиками и пустосвятами.—Защита отъ нихъ вольтерьянства.

XIX. **Просвѣтительная и благотворительная дѣятельность Новиковскаго кружка въ Москвѣ** 326

Идея общественной организаціи въ дѣятельности Новикова.—Масонство, какъ организующая сила.—Организація Новиковымъ типографскаго дѣла въ Москвѣ.—Дружеское Ученое О-во и его просвѣтительныя учрежденія.—Типографическая Компанія.—Книгоиздательская дѣятельность Компаніи.—Заботы о распространеніи книги въ обществѣ.—Связь дѣятельности Новикова съ дѣятельностью Шварца.—Благотворительная дѣятельность Новиковскаго кружка.—Отношеніе къ ней власти.

XX. **Отношеніе Екатерины къ масонству и вольтерьянству съ 70-хъ гг. XVIII в.** 348

Увлеченіе Екатерины своей законодательной дѣятельностью.—Отношеніе ея къ философамъ съ 70-хъ гг.—Убѣжденіе Екатерины въ благополучіи Россіи.—Нетерпимость власти къ общественной иниціативѣ.—Развитіе взглядовъ Екатерины на масонство.—Сатирическія произведенія Екатерины противъ масонства.—Главныя обвиненія противъ масоновъ.—Знакомство Екатерины съ дѣятельностью иллюминатовъ. Путаница во взглядахъ власти на масоновъ и иллюминатовъ.—Отношеніе Екатерины къ французской революціи.—Боязнь заговора со стороны философовъ и иллюминатовъ. Реакціонное настроеніе Екатерины въ 90-хъ гг. — Радищевъ и Новиковъ, какъ жертвы реакціи.

XXI. **Гоненія на московскихъ масоновъ** 383

Первые поводы для гоненія на Новикова.—Походъ власти на частныя школы.—Слѣдственная комиссія изъ духовенства по дѣламъ Новиковскаго книгоиздательства. Запрещеніе частнымъ лицамъ открывать школы и печатать учебники.—Запрещеніе частнымъ лицамъ печатать религіозно-нравственныя книги.—Упадокъ дѣлъ Типографской Компаніи и ея ликвида-

Стр.

ція.—Отношенія Новикова къ вел. кн. Павлу.—Вліяніе французской революціи на усиленіе репрессій противъ масоновъ.—Негласное слѣдствіе надъ ними.—Попытки масоновъ оправдаться передъ властью.—Указъ 1792 г. объ арестѣ Новикова.

XXII. **Слѣдствіе и приговоръ по дѣлу Новикова и его товарищей** 411

Слѣдствіе надъ масонами въ Москвѣ.—Основныя обвиненія масоновъ со стороны московск. главнокоманд. кн. Прозоровскаго.—Вліяніе его донесеній на ходъ дѣла Новикова.—Пересылка Новикова въ Шлиссельбургъ.—Характеръ слѣдствія въ Шлиссельбургѣ.—Основныя обвиненія слѣдствія.—Отношенія Новикова къ Павлу передъ лицомъ слѣдствія.—Указъ 1 августа 1792 г. съ приговоромъ Новикову.—Слѣдствіе по дѣлу товарищей Новикова и ихъ наказаніе.—Слѣдствіе надъ московскими книготорговцами.—Ликвидація имущества Новиковскаго кружка.—Оцѣнка современниками гоненія власти на Новикова.—Дѣло Новикова въ свѣтѣ современныхъ данныхъ.—Причины тяжелой кары Новикову.

XXIII. **Послѣдніе годы жизни Новикова** 459

Освобожденіе Новикова изъ крѣпости при Павлѣ.—Имущественное положеніе Новикова по выходѣ изъ крѣпости.—Нужда и болѣзни.—Жизнь Новикова въ деревнѣ.—Литературныя интересы Новикова въ послѣдніе годы.—Отношеніе его къ новымъ мистическимъ направленіямъ.—Масонскія работы Новикова въ послѣдніе годы.—Міросозерцаніе Новикова въ послѣдніе годы его жизни.—Идейная связь этого міросозерцанія съ прежнимъ.—1812-й годъ въ жизни Новикова.—Смерть Новикова.

Изданія М. и С. Сабашниковыхъ.

Москва, Тверской бульваръ, 6. Телеф. 12—62.

Беловъ, Г. Городской строй и городская жизнь средневѣковой Германіи. Пер. съ нѣм. Е. Петрушевской подъ ред., съ пред. и вступительной статьей проф. Д. Петрушевскаго. 1 р. 25 к.

Среди спеціальныхъ трудовъ, посвященныхъ исторіи средневѣковаго города, изслѣдованія Белова занимаютъ одно изъ первыхъ, если не первое мѣсто. Какъ въ вопросѣ о происхожденіи городского строя, такъ и въ вопросахъ хозяйственной исторіи города Беловъ—одинъ изъ крупнѣйшихъ современныхъ авторитетовъ. Работа Белова, переведенная подъ редакціей Д. М. Петрушевскаго, представляетъ собою общій очеркъ строя и жизни нѣмецкаго города Среднихъ вѣковъ,—очеркъ, написанный для популярной серіи „Monographien zur Weltgeschichte“ и вполнѣ доступный среднему читателю, интересующемуся историческими вопросами. Въ видѣ приложенія къ этой работѣ въ книгѣ помѣщены три спеціальныхъ статьи того же автора: „О теоріяхъ хозяйственнаго развитія народовъ вообще и о городскомъ хозяйствѣ нѣмецкаго средневѣковья въ особенности“, „Критика вотчинной теоріи“ и „Историческое мѣсто работы на заказъ“.

Если основная работа Белова можетъ быть прочтена съ интересомъ и пользой широкими слоями ищущихъ самообразованія, то приложенія и вступительная статья дѣлаютъ книгу совершенно незамѣнимымъ пособіемъ для учащихся высшихъ учебныхъ заведеній. За точность перевода ручается имя редактора.

В—инъ. *„Русскія Вѣдомости“.*

Богучарскій, В. Активное народничество семидесятыхъ годовъ. 2 руб.

Плоха та книга, по поводу которой не о чемъ спорить. Съ этой точки зрѣнія новой книгѣ В. Я. Богучарскаго смѣло можно предсказать полный успѣхъ. Споровъ о ней будетъ не мало. И какъ бы ни были вѣски тѣ возраженія, которыя могутъ быть при этомъ сдѣланы автору, за нимъ во всякомъ случаѣ будетъ признана заслуга серьезной постановки ряда чрезвычайно важныхъ вопросовъ по исторіи русскаго освободительнаго движенія 70-хъ годовъ минувшаго столѣтія.

Въ послѣднее время накопилось очень большое количество матеріаловъ, освѣщающихъ различные эпизоды этого движенія, и нельзя не признать, что уже пришла пора свести эти эпизоды въ цѣльную историческую картину, попытаться установить между ними послѣдовательную связь и дать объективно-научное, чуждое партійныхъ предубѣжденій и пристрастій объясненіе ихъ общеисторическаго значенія. Книга В. Я. Богучарскаго и представляетъ собою попытку выполненія этой задачи.

А. Кизеветтеръ. *„Русскія Вѣдомости“.*

Изданія М. и С. Сабашниковыхъ.

Брэстедъ Д. Г. Исторія Египта съ древнѣйшихъ временъ до персидскаго завоеванія. Авторизованный переводъ съ англійскаго В. Викентьева. Два тома 7 руб.

Во всѣхъ отношеніяхъ мастерски и экономно написанная книга Брэстеда читается съ неослабѣвающимъ ни на одной страницѣ вниманіемъ. Авторъ выявляетъ религіозныя и философскія идеи Египта, въ числѣ которыхъ мы находимъ и начатки концепціи единобожія, такъ геніально разработанной еврействомъ, и зерно ученія о Логосѣ, пышно расцвѣтшаго въ Александрійскую эпоху и вошедшаго въ комплексъ христіанства, и высокую мысль объ отвѣтственности человѣка передъ божествомъ, рисуетъ соціальныя движенія, знакомитъ съ памятниками искусства, литературы и быта, съ государственными формами и учрежденіями. Нѣтъ такой сферы жизни, въ которой этотъ великій народъ не проявилъ себя чѣмъ-нибудь важнымъ и поучительнымъ, и талантливый историкъ каждый разъ умѣетъ это показать. Особенно цѣнна у Брэстеда характеристика соціально-экономической жизни Египта, та сторона египетской исторіи, которая прежде обыкновенно оставалась въ тѣни и въ которой особенно слѣдуетъ ожидать интересныхъ идейныхъ открытій. Недаромъ еще четыре съ половиною тысячи лѣтъ назадъ Египетъ явилъ чудеса общественной организаціи, искусства и техники, остатки которыхъ поражаютъ человѣчество. Подобное цвѣтеніе цивилизаціи заставляетъ безошибочно предполагать тонко дифференцированную сложность жизни, высокое соціальное сознаніе, дѣятельную любовь къ правдѣ, добру и красотѣ. Неопалимая купина Египта не погасла подъ песками и обломками, и дыханіе науки раздуваетъ все ярче священный пламень. Отъ египетскаго костра американскій ученый зажегъ свой свѣточъ и передалъ его намъ, и мы въ нашемъ культурномъ холодѣ и неуютѣ рады этому заемному огоньку, отъ котораго, быть можетъ, затеплятся нѣсколько русскихъ свѣчекъ.

Н. Лернеръ.

Гершензонъ, М. Декабристъ Кривцовъ и его братья. 2 руб.

М. О. Гершензонъ достигъ высокаго совершенства въ особомъ родѣ произведеній, которыя стоятъ, можно сказать, на рубежѣ научнаго изслѣдованія и художественнаго изображенія общественныхъ типовъ минувшихъ временъ. Таковы его труды о Печеринѣ, о Чаадаевѣ, о Грибоѣдовской Москвѣ. Къ этой же серіи вполнѣ примыкаетъ и книга о братьяхъ Кривцовыхъ. На первый взглядъ можетъ показаться, что авторъ просто пересказываетъ документы семейной хроники, при чемъ, благодаря выдающемуся литературному таланту его, этотъ пересказъ возвышается до цѣльной художественной картины и читается съ живымъ интересомъ, какъ мастерски написанный романъ. Но помѣрѣ чтенія нельзя не замѣтить, что въ форму яркаго разсказа о жизни той или иной семьи былой эпохи авторъ въ высшей степени искусно вкладываетъ психологическій и историко-бытовой анализъ общественныхъ типовъ соотвѣтствующаго времени, оттѣняя этимъ господствовавшія черты культурнаго развитія общества. Такъ бокъ-о-бокъ съ художественнымъ изображеніемъ идетъ научное изслѣдованіе, въ основу котораго полагается пристальный микроскопическій анализъ старинной частной переписки, мемуаровъ, дневниковъ и тому подобныхъ матеріаловъ.

Чтеніе книги М. О. Гершензона даетъ читателю въ одинаковой мѣрѣ и умственное и эстетическое наслажденіе.

А. Кизеветтеръ. *„Русскія Вѣдомости“.*

Изданія М. и С. Сабашниковыхъ.

Гершензонъ, М. Грибоѣдовская Москва 2-е изд. 1 р. 25 к.

Читая книгу М. Гершензона, прежде всего изумляешься его искусному перевоплощенію въ художника-хроникера, а потомъ ужъ соглашаешься, что его очеркъ—превосходный опытъ исторической иллюстраціи къ „Горе отъ ума". Неизданныя письма Римскихъ-Корсаковыхъ дали возможность автору нарисовать такіе чудесные портреты, начиная съ Маріи Ивановны, поразительно выпуклой фигуры московской барыни до- и послѣ-пожарной Москвы, и кончая горничной Дуняшей, по-французски характеризующей гостей,—что испытываешь временами то же эстетическое волненіе, какое доставляетъ романъ большой художественной цѣнности.

„Русскія Вѣдомости".

Ешевскій, С. Собраніе сочиненій по русской исторіи. Съ портретомъ автора и приложеніемъ мемуаровъ его и біографіи, составленной **К. Бестужевымъ-Рюминымъ.** 2 руб.

Имя С. В. Ешевскаго вспоминается тотчасъ же, какъ только на память приходятъ дорогія имена Т. Н. Грановскаго и П. Н. Кудрявцева. Ихъ даровитый ученикъ и достойный преемникъ по каѳедрѣ, талантливый профессоръ Ешевскій, занимаетъ вполнѣ опредѣленное, давно установившееся и очень почетное положеніе какъ въ русской исторической наукѣ, такъ и въ традиціяхъ Московскаго Университета... Изданію предпослана извѣстная статья К. Н. Бестужева-Рюмина о С. В. Ешевскомъ и отрывокъ изъ записокъ послѣдняго: „Московскій Университетъ въ 1861 году". Перепечатка этихъ въ высшей степени любопытныхъ записокъ представляется какъ нельзя болѣе умѣстною въ настоящемъ сборникѣ.

„Русскія Вѣдомости".

Корниловъ, А. Курсъ исторіи Россіи XIX в. Ч. I.—1 р. 25 к.; ч. II.—1 р. 25 к.; ч. III.—1 р. 50 к.

Авторъ курса давно уже извѣстенъ своими солидными работами по новѣйшей исторіи Россіи. И новый его трудъ въ этой области вполнѣ соотвѣтствуетъ установившейся за нимъ по заслугамъ репутаціи писателя-историка, хорошо знающаго свой предметъ, точно и отчетливо излагающаго историческіе вопросы и всегда держащагося въ своемъ изложеніи на высотѣ научнаго безпристрастія. Курсъ А. А. Корнилова составитъ очень полезное пособіе для приступающихъ къ ознакомленію съ исторіей Россіи въ XIX столѣтіи. Они найдутъ въ этой книгѣ не малое количество фактовъ, отчетливо изложенныхъ и систематизированныхъ. Усвоеніе этого курса въ значительной мѣрѣ облегчитъ для начинающихъ послѣдующее изученіе спеціальныхъ монографій по отдѣльнымъ вопросамъ.

А. Кизеветтеръ. *„Русскія Вѣдомости"*.

Изданія М. и С. Сабашниковыхъ.

Корниловъ, А. Молодые годы Михаила Бакунина. Изъ исторіи русскаго романтизма. 4 р. 50 к.

Эта книга А. А. Корнилова, извѣстнаго своими трудами по исторіи Россіи XIX вѣка, составляетъ первую часть большого изслѣдованія „Семейство Бакунинныхъ", которое должно, по замыслу автора, дать картину жизни всего достопримѣчательнаго семейства Бакунинныхъ въ живомъ взаимодѣйствіи членовъ этого семейства съ окружавшимъ ихъ обществомъ. Первоисточникомъ, на которомъ главнымъ и почти единственнымъ образомъ базируется настоящая работа, является богатый семейный архивъ Бакунинныхъ, гдѣ сохранилось огромное количество писемъ Михаила Бакунина, всѣхъ другихъ членовъ семьи и многихъ ея друзей, иногда носящихъ такія имена, какъ Бѣлинскій и Станкевичъ. Систематическое изученіе цѣлаго ряда дружескихъ и семейныхъ переписокъ, огромное количество приведенныхъ цѣликомъ и въ отрывкахъ писемъ вводятъ читателя въ кругъ интимной жизни тридцатыхъ годовъ. Далеко не одинъ М. Бакунинъ интересуетъ автора. Каждая личность, и среди нихъ большинство примѣчательныя, оставившія глубокій слѣдъ въ исторіи, въ этой хроникѣ обрисованы съ огромной полнотой; каждая встаетъ передъ нами, какъ неизбѣжный продуктъ и живой агентъ своей эпохи. Анализъ семейной и кружковой жизни превращается въ исторію общества, при чемъ затронутыя лица, среда и время способны возбудить интересъ не только спеціалистовъ, но и широкой публики.

„Утро Россіи".

А. А. Корниловымъ собранъ и обработанъ богатѣйшій матеріалъ. Другіе изслѣдователи могутъ разойтись съ нимъ въ выводахъ, найдутъ, быть можетъ, въ его оцѣнкахъ иныхъ дѣйствующихъ лицъ чрезмѣрную идеализацію,—но развѣ безъ горячей любви къ главнымъ героямъ можно было написать такую хронику?

Къ книгѣ А. А. Корнилова приложены прекрасный снимокъ съ очень интереснаго портрета молодого Михаила Бакунина въ 1838 году и нѣсколько иллюстрацій, снимковъ съ фотографій членовъ семьи Бакунинныхъ, Станкевича и видовъ премухинскаго „дворянскаго гнѣзда" и пр. Люди, понимающіе великую роль въ русской общественной жизни „идеалистовъ" 40-хъ годовъ, оцѣнятъ и огромное значеніе прекрасно выполненной А. А. Корниловымъ работы.

„Рѣчь".

Лависсъ, Э. и Рамбо, А. Эпоха крестовыхъ походовъ. Перев. М. Гершензона, съ предисловіемъ проф. А. Н. Савина, въ 2-хъ томахъ. 4 р.

Книга эта, какъ и все изданіе „Всеобщей исторіи" Лависса и Рамбо, является коллективнымъ трудомъ, въ которомъ каждый отдѣлъ написанъ спеціалистомъ-историкомъ, среди которыхъ имена первоклассныхъ ученыхъ—Сеньобосъ (переводчикъ даетъ французскую транскрипцію—Сеньобо), Люшеръ, Ревиль, Ланглуа и, наконецъ, редакторы Лависсъ и Рамбо. Одно изъ главныхъ достоинствъ этого труда—научность и въ то же время популярность изложе-

вія. Поэтому „Эпоха крестовыхъ походовъ“ одинакова полезна какъ для тѣхъ, кто посвящаетъ себя серьезному историческому образованію, такъ и для чтенія въ цѣляхъ общаго самообразованія.

„Рѣчь“.

Ланглуа, Ш.-В. Инквизиція по новѣйшимъ изслѣдованіямъ. Перев. подъ ред. Н. Сперанскаго. 45 коп.

Лишь въ самое послѣднее время появились работы, въ которыхъ съ полнымъ безпристрастіемъ собраны и сопоставлены факты, относящіеся къ исторіи инквизиціи. На эти работы и опирается небольшая книжка извѣстнаго французскаго историка Ланглуа. Въ виду бѣдности русской литературы книжка Ланглуа окажется очень нелишней, тѣмъ болѣе, что она написана живо и переведена хорошо.

„Русскія Вѣдомости“.

Петрушевскій, Д. Возстаніе Уота Тайлера. 2 р. 75 к.

Трудъ профессора Петрушевскаго по содержанію своему гораздо шире своего заглавія и представляетъ собой научное изслѣдованіе процесса разложенія феодальнаго строя въ Англіи. Особенно ярко выразился этотъ процессъ въ возстаніи 1381 года, когда крестьянская масса почти единодушно поднялась на защиту своихъ правъ. Однимъ изъ вождей возстанія былъ Уотъ Тайлеръ, на долю котораго выпала честь дать свое имя всему движенію. Возстаніе, вскорѣ подавленное, представляетъ историческій интересъ не какъ отдѣльный эпизодъ, но какъ показатель того экономическаго положенія, въ которомъ находилась Англія до конца XIV вѣка. Именно съ этой точки зрѣнія и разсматриваетъ это возстаніе проф. Петрушевскій и, анализируя требованія, выдвинутыя мятежниками, находитъ здѣсь полное и яркое выраженіе тѣхъ экономическихъ нуждъ, разрѣшеніе которыхъ было насущной задачей того времени. Книга проф. Петрушевскаго представляетъ собой болѣе чѣмъ интересную работу, при чемъ автору удалось соединить легкость изложенія съ глубоко-научнымъ содержаніемъ и тщательной разработкой матеріала.

Книга снабжена географической картой и весьма цѣнными библіографическими указаніями.

„Утро“, Харьковъ.

Владиміръ Розенбергъ. Лѣтопись русской печати (1907—1914). 70 к.

Въ заглавіи этой книжки скромно поставлено слово „лѣтопись“. Съ полнымъ основаніемъ оно могло бы быть замѣнено болѣе выразительнымъ—„мартирологъ“. Правда, авторъ изображаетъ судьбы русской печати въ пору ея „свободы“, послѣ той грани, которую торжественно проводили слова Высочайшаго указа о „незыблемыхъ основахъ гражданской свободы, однимъ изъ условій коей является свобода слова“, и объ устраненіи „примѣненія въ обла-

сти періодической печати административнаго воздѣйствія". Но какъ разъ за этою гранью стала развертываться, что ни годъ, то шире, во всей печальной грандіозности, та картина, которую г. Розенбергъ вѣрно опредѣляетъ, какъ „цензурную реакцію, окутанную легкой дымкой красивыхъ фразъ о свободномъ словѣ". Съ каждымъ шагомъ впередъ отъ грани дымка становилась все тоньше, все выразительнѣе и рѣзче проступали черезъ нее черты реакціи, пока, наконецъ, и послѣдній флеръ былъ прорванъ, и министерскій законопроектъ оголилъ правду. Этапы этого попятнаго движенія въ темныя дебри цензуры и всяческой легальной и сверхъ-легальной борьбы съ „излишествами печати" хорошо прослѣжены, по годамъ, въ этюдѣ г. Розенберга, особенно— начиная съ іюня 1907 г., когда распустилась такимъ пышнымъ цвѣтомъ штрафная система.

„Рѣчь", Петроградъ.

Сакулинъ, П. Изъ исторіи русскаго идеализма. Князь В. Ѳ. Одоевскій. Мыслитель-Писатель. 5 р. 50 к.

Среди изслѣдованій, посвященныхъ реставраціи забытыхъ цѣнностей нашей литературы XIX вѣка, недавно вышедшій трудъ П. Н. Сакулина, — „Изъ исторіи русскаго идеализма. Князь В. Ѳ. Одоевскій. Мыслитель-писатель", — занимаетъ исключительное мѣсто: такой фактической напряженности, богатства и свѣжести матеріала, такого обилія разнородныхъ возбужденій мы давно не встрѣчали. Привлекшій вниманіе немногихъ спеціалистовъ и почти неизвѣстный огромному большинству занимающихся литературой, кн. В. Ѳ. Одоевскій выступаетъ теперь передъ нами въ такомъ всестороннемъ освѣщеніи, обрисованъ съ такой изумительной полнотой, что смѣло можно сказать объ его подлинномъ воскрешеніи изъ мертвыхъ... Каждое положеніе изслѣдованія П. Н. Сакулина внушительно подкрѣплено цитатами изъ неизвѣстныхъ или забытыхъ сочиненій Одоевскаго, рукописныхъ замѣтокъ, статей, ссылками на самые разнообразные источники, нерѣдко свидѣтельствующіе о такой эрудиціи изслѣдователя, что приходится изумляться...

Н. Бродскій. *„Русскія Вѣдомости".*

Ферреро, Г. Величіе и паденіе Рима. Томъ I. Созданіе Имперіи. Переводъ А. Захарова. 1 р. 75 к.

Въ богатой литературѣ по исторіи древняго Рима, на ряду съ трудами англичанина Гиббона, нѣмцевъ Момзена, Герцберга и др., наиболѣе современный намъ трудъ итальянца Г. Ферреро едва ли не самый интересный. Своеобразіе работы Ферреро заключается въ томъ, что онъ модернизуетъ, одухотворяетъ элементомъ современности ставшія для насъ какъ бы каноническими формы античнаго міра. Путемъ историческихъ аналогій и чисто-житейскихъ сближеній авторъ предъявляетъ намъ исторію образованія, развитія и паденія Римской имперіи въ совершенно новомъ освѣщеніи, истолковывая ее, какъ вѣрно отмѣчаетъ русскій переводчикъ, „дѣйствіемъ тѣхъ же экономическихъ и соціальныхъ силъ, борьбу которыхъ мы наблюдаемъ въ нашей современности".

Изданія М. и С. Сабашниковыхъ.

Языкъ перевода безупреченъ. Среди приложеній къ первому тому выдѣляется небольшая монографія автора о хлѣбной торговлѣ въ древнемъ мірѣ. Книга эта должна быть прочитана не одними историками, будущими и настоящими. Въ нашъ вѣкъ развитія національной и индустріальной демократіи трудъ Ферреро долженъ стать достояніемъ широкихъ читающихъ массъ.

Н. Оскольскій. „*Утро Россіи*“.

Яркость красокъ, напоенная конкретность, благодаря привлеченію необыкновенно богатаго матеріала, живость изложенія, въ которой чувствуется крупный художникъ, остроумная находчивость опытнаго соціолога—вотъ тѣ цѣнныя особенности сочиненія, которыя выдвинули его въ качествѣ вліятельной научной работы, быстро переведенной чуть не на всѣ европейскіе языки. Онѣ же дѣлаютъ „Величіе и паденіе Рима“ книгой, доступной и для болѣе широкаго круга читателей, которые въ ней найдутъ давно желанное освобожденіе отъ ига „моммсеніанства“.

Прив.-доц. К. Успенскій. „*Голосъ Москвы*“.

Авторъ не только выдающійся эрудитъ и сильный мыслитель,—онъ, прежде всего, проникновенный художникъ. Онъ античный Римъ не только м ы с л и т ъ, но и ч у в с т в у е т ъ, живетъ въ немъ воображеніемъ, перенесясь въ далекое прошлое со всѣмъ своимъ духовнымъ содержаніемъ европейца XX вѣка. И, непроизвольно, античный міръ онъ подчинилъ законамъ современнаго общества и привычкамъ современности.

„*День*“.

Первый томъ труда Ферреро читается съ неослабѣваемымъ интересомъ. Книга можетъ быть горячо рекомендована въ частности и для учащихся старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Переведена она и издана прекрасно.

„*Педагогическій листокъ*“.

Ферреро, Г. Величіе и паденіе Рима. Томъ II. Юлій Цезарь. Пер. А. Захарова. 1 р. 75 к.

Книга о Юліи Цезарѣ давно нужна русскому читающему обществу, привыкшему еще отъ времени гимназическихъ учебниковъ думать о немъ „по Моммсену“, связывать съ именемъ завоевателя Галліи демократическія представленія о „монархіи милостью народа“. Ферреро разрушаетъ этотъ образъ человѣка, носившаго и лишь случайно неисполнившаго великія творческія задачи. Его Цезарь—„великій разрушитель“, одинъ изъ самыхъ гибельныхъ для Рима людей и одинъ изъ самыхъ „роковыхъ“ людей въ исторіи — изъ тѣхъ, которые не знаютъ, что творятъ, и куда ведутъ массы населенія.

Обиліемъ матеріала, художественностью изложенія и новымъ освѣщеніемъ фактовъ книга Ферреро заслуживаетъ вниманія самыхъ широкихъ слоевъ читающей публики. Въ частности, въ средней школѣ она могла бы служить прекраснымъ пособіемъ къ чтенію Цезаря и Цицерона; на фонѣ просто и ярко описанныхъ въ книгѣ событій творенія великихъ создателей латинской прозы получаютъ живой интересъ, облекаются въ плоть и кровь, особенно „Записки о галльской войнѣ“, исторію созданія которыхъ разсказываетъ авторъ.

Можно пожелать книгѣ Ферреро самаго широкаго распространенія въ школѣ и въ обществѣ.

И. Мосоловъ.

6 НОЯ 1946

СТРАНЫ, ВѢКА И НАРОДЫ.

КНИГИ ПО ГЕОГРАФІИ, ИСТОРІИ, КУЛЬТУРѢ, ИСКУССТВУ.

ВЫШЛИ:

Аллешъ, Г. Ренессансъ въ Италіи. Пер. Е. Григоровичъ. 2 р. 50 к.

Бёмеръ, Г. Іезуиты. Пер. Н. Попова. 1 р. 25 к.

Буассье, Г. Археологическія прогулки по Риму. Пер. П. Безобразова. 1 р. 25 к.

Вернонъ Ли. Италія. В. I. Genius loci. Пер. Е. Уреніусъ, подъ ред. и съ пред. П. Муратова. 1 р. 25 к.

Вернонъ Ли. Италія. В. II. Театръ и музыка. Пер. Е. Уреніусъ, под. ред. и съ пред. П. Муратова. 1 р. 25 к.

Диль, Ш. По Греціи. Пер. М. Безобразовой. 1 р. 25 к.

Диль, Ш. Византійскіе портреты. В. I. Пер. М. Безобразовой. 1 р. 25 к.

Диль, Ш. Византійскіе портреты. В. II. Пер. М. Безобразовой. 1 р. 25 к.

Диль, Ш. По берегамъ Средиземнаго моря. Пер. О. Анненковой. 1 р. 25 к.

Корниль, К. Пророки. Пер. подъ ред. Н. Никольскаго. 75 к.

Лависсъ, Э. Очерки по исторіи Пруссіи. Пер. А. Тимоѳеевой. 1 р. 25 к.

Лихтенбержэ, А. Современная Германія. Пер. Н. Попова. 1 р. 40 к.

Масперо, Г. Во времена Рамзеса и Ассурбанипала. В. I. Египетъ. Пер. Е. Григоровичъ. 1 р. 25 к.

Масперо, Г. Во времена Рамзеса и Ассурбанипала. В. II. Ассирія. Пер. Е. Григоровичъ. 1 р. 25 к.

Морэ, А. Во времена фараоновъ. Пер. Е. Григоровичъ. 1 р. 25 к.

Морэ, А. Цари и боги Египта. Пер. Е. Григоровичъ. 1 р. 25 к.

П. де Сенъ-Викторъ. Боги и люди. Пер. М. Волошина. 1 р. 25 к.

Флайшгансъ, В. Янъ Гусъ. Пер. Е. Петровской, подъ ред. Н. Петровскаго. 2 р. 75 к.

ГОТОВЯТСЯ:

Очерки городовъ, замѣчательныхъ въ художественномъ отношеніи: **Аѳины, Ассизы, Константинополь, Лондонъ, Парижъ, Равенна, Римъ и др.**

3 р. 50 к.

Складъ у издателей: Москва, Тверской бульваръ, 6.

Тип. И. И. КУШНЕРЕВЪ и К° Москва.
1916.

Изданія М. и С. САБАШНИКОВЫХЪ.

Москва, Тверской бульваръ, 6.

Аристотель. Политика. 3 р.

Бальмонтъ, К. Край Озириса. 2 р.

Беджготъ, В. Государственный строй Англіи. 1 р. 60 к.

Беловъ, Г. Городской строй и гор. жизнь средневѣк. Германіи. 1 р. 25 к.

Богучарскій, В. Активное народничество семидесятыхъ годовъ. 2 р.

Боржо, Ш. Учрежденіе и пересмотръ конституцій. 1 р.

Брэстедъ, Д. Исторія Египта, въ 2-хъ томахъ. 7 р.

Бѣлинскій, В. Г. Семь статей. Юбилейное изданіе. 1 р.

Вундтъ, В. О наивномъ и критическомъ реализмѣ. 2 р.

Гершензонъ, М. Грибоѣдовская Москва. 1 р. 25 к.

Гершензонъ, М. Декабристъ Кривцовъ и его братья. 2 р.

Гершензонъ, М. Русскіе Пропилеи. Матеріалы по исторіи русской мысли и литературы. Т. I. 3 р. 50 к. Т. III. 3 р. 50 к.

Гроссе, Э. Происхожденіе искусства. Пер. А. Грузинскаго. 1 р. 50 к.

Дживелеговъ, А. Александръ I и Наполеонъ. 1 р. 75 к.

Еллинекъ, Г. Права меньшинства. 20 к.

Ешевскій, С. Собраніе сочиненій по русской исторіи. 2 р.

Зиммель, Г. Соціальная дифференціація. 1 р.

Зиммель, Г. Религія. 40 к.

Кальдеронъ Въ перев. К. Бальмонта. Т. I. 90 к. Т. II. 2 р. 75 к. Т. III. 1 р.

Кокошкинъ, Ѳ. Тексты конституцій. 40 к.

Корниловъ, А. Курсъ исторіи Россіи XIX в. Ч. I. 1 р. 25 к. Ч. II. 1 р. 25 к. Ч. III. 1 р. 50 к.

Корниловъ, А. Молодые годы Михаила Бакунина. 4 р. 50 к.

Лависсъ, Э., и Рамбо, А. Эпоха крестовыхъ походовъ, въ 2-хъ т. 4 р.

Ланглуа, Ш. Инквизиція. 45 к.

Лоуэлль. Государственный строй Англіи. 3 р.

Огаревъ, Н. П. Стихотворенія, въ 2-хъ т. 3 р. 50 к.

Огарева-Тучкова, Н. А. Воспоминанія 1848—1870 гг. 1 р. 50 к.

Петрушевскій, Д. Великая Хартія Вольностей. 85 к.

Петрушевскій, Д. Возстаніе Уота Тайлера. 2 р. 75 к.

Розенбергъ, В. Лѣтопись русской печати. 70 к.

Розенбергъ, В., и Якушкинъ, В. Русская печать и цензура. 1 р.

Сакулинъ, П. Изъ исторіи русск. идеализма. В. Ѳ. Одоевскій. 5 р. 50 к.

Словацкій, Ю. Три драмы. Пер. К. Бальмонта. 1 р. 60 к.

Ферреро, Г. Величіе и паденіе Рима. Т. I. Созданіе имперіи. 1 р. 75 к. Т. II. Юлій Цезарь. 1 р. 75 к.

Шелли. Ченчи. Трагедія. Пер. К. Бальмонта. 75 к.

Якушкинъ, В. О Пушкинѣ. 1 р.

2007041907